Думскій сборникъ

I.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ПЕРВАГО СОЗЫВА (27 АПРѢЛЯ—8 ІЮЛЯ 1906 Г.).

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
къ газетѣ
„Товарищъ“.

Введение.

После освобождения крестьян мысль о допущении общества к участию в законодательной деятельности путём введения в бюрократический государственный механизм представительного законосовещательного учреждения получила впервые оформленное выражение в эпоху реформ Александра II. В записке, представленной 13 апреля 1863 г., тогдашний министр внутренних дел П. А. Валуев проектировал для «увенчания здания земских учреждений» создать при Государственном совете представительство от земств и значительных городов для рассмотрения вопросов государственного хозяйства и законодательства. Дальнейшее развитие своего предположения П. А. Валуев дал в «Проекте нового учреждения Государственного совета», представленном 18 ноября 1863 года. Согласно этому проекту, предполагалось дать земским представителям наименование «государственных гласных» и сформировать из них особый съезд в составе около 150–170 членов, из которых некоторая часть — в общем не более 1/5 — назначалась бы Верховной властью. Постановления съезда должны были иметь лишь предварительный характер, окончательно же законодательные мероприятия должны были рассматриваться в общем собрании Государственного совета, в которое съезд посылал бы двух вице-президентов и 14 каждый раз особо избираемых членов.

Проекту Валуева не было, однако, суждено получить осуществление. Надвинувшаяся реакция оттеснила на целые десятилетия всякие попытки реформировать государственный строй России.

Лишь в 1880 г. проект Валуева был снова выдвинут великим князем Константином Николаевичем, и то в сильно урезанном виде. Съезд земских представителей превратился тут в «совещательное собрание экспертов», избираемых земствами и думами наиболее значительных городов и созываемых по мере надобности.

Годом позже попытался дать валуевскому проекту приемлемую для правительства форму гр. Лорис-Меликов. Он предполагал ввести между собранием земских представителей и Государственным советом средостение в виде составленных из чиновников и экспертов по назначению подготовительных комиссий, которые подготовляли бы обсуждение вопросов. Члены этих подготовительных комиссий должны были заседать вместе с выборными земскими представителями и в «общей комиссии», как окрестил Лорис-Меликов проектировавшееся им представительное учреждение.

Ни предложения великого князя Константина Николаевича, ни проект гр. Лорис-Меликова не могли преодолеть противодействия бюрократии, и в течение последующего двадцатипятилетия правящие сферы не возвращались к нему.

Но о валуевском проекте вспомнили, когда под напором нараставшего освободительного движения, вспыхнувшего после поражений, нанесённых нашим войскам японцами, явилась потребность пойти навстречу обществу. Гофмейстер Булыгин, на долю которого выпала неожиданная задача придать проектируемому представительному учреждению определённую форму, положил проект Валуева в основу своей работы, но на этот раз пришлось подвинуться уже не вправо, а влево от него.

Подобно Валуеву, Булыгин имел в виду учредить законосовещательное представительство при Государственном совете. Но представители от земств заменены в булыгинском проекте

представителями от населения, избираемыми, правда, путём многостепенных выборов, на основе имущественного ценза, для лиц некрестьянского сословия очень высокого. Соответственно этому и прежние, ничего не говорящие выражения «съезд» и «комиссия» оставлены, и принято название «Государственная дума», заимствованное из проекта государственного преобразования, составленного в 1809 г. М. М. Сперанским.

Но, несмотря на эту решимость пойти дальше валуевских предположений, проект Булыгина — особенно в своём первоначальном виде — на каждом шагу свидетельствовал о горячем желании составителей сохранить в полной неприкосновенности прерогативы бюрократии. Председатель Государственной думы и секретари её должны были не избираться, а назначаться Верховной властью. Государственную думу предполагалось разделить для подготовительных работ на определённое число отделов, председатели которых опять-таки назначались бы Верховной властью.

Далее предполагалось лишить новое учреждение — по крайней мере на первые годы — права видоизменять его организацию. В большом затруднении были составители относительно того, какое значение следует придать постановлениям большинства. Существовало предположение докладывать Верховной власти как мнение большинства, так и мнение меньшинства, наподобие того, как это делалось с постановлениями Государственного совета. Но в конце концов, под давлением нараставшего общественного движения и той критики, которую встретил проект в независимой печати, было признано необходимым расширить полномочия народного представительства. Избрание президента и секретарей было предоставлено самой думе, составление наказа — тоже. Всего труднее составителям было, по-видимому, признать значение постановлений большинства: после долгих колебаний они согласились лишь допустить, чтобы вносимые министрами предположения возвращались им назад при несогласии 2/3 голосов в Государственном совете и Государственной думе. Если же оппозиционное большинство не достигало бы 2/3, или если между думой и Государственным советом возникло бы разногласие, решение вопроса предоставлялось Верховной власти. Лишь в одном пункте окончательная редакция учреждения Государственной думы пошла, по сравнению с первоначальным проектом, не вперёд, а назад: так называемые основные законы были поставлены под особую защиту от вторжения думы.

Избирательное право при обсуждении булыгинского проекта в Совете министров тоже было расширено: в состав избирателей были включены плательщики высших разрядов квартирного налога и евреи. Вместе с тем в положение о выборах, по настоянию Союза русских людей, были введены изменения, которые имели назначением усилить консервативный элемент в думе, но в действительности, как оказалось, имели противоположное значение. А именно: во-первых, было установлено, что на каждую губернию должен избираться в депутаты, по меньшей мере, один крестьянин, и, во-вторых, из опасения, что проектировавшиеся первоначально уездные избирательные собрания устранят крестьянский элемент из губернских собраний, эти уездные собрания были устранены, и выборщики всех трёх избирательных коллегий приняли участие непосредственно в губернских собраниях. Вследствие этого из трёхстепенных и (для крестьян) четырёхстепенных выборы превратились в двух- и трёхстепенные.

Несмотря на все произведённые при рассмотрении булыгинского проекта изменения, уже при самом появлении закона 6 августа 1905 г. было ясно, что ему не хватает ещё очень многого, чтобы

стать действительно осуществимым. Так, было очевидно, что раз государственная дума приурочена к Государственному совету, этот последний нуждается в полной реорганизации, ибо в своём прежнем виде он, в качестве спутника народного представительства, хотя бы даже только с совещательными полномочиями, совершенно не годился. Затем, очевидно, нельзя было обойтись без замены разрозненных и враждующих между собою министерств объединённым кабинетом, представляющим единую правительственную власть. Сверх того, чисто совещательный характер, приданный думе и подходивший к «комиссиям» и «съездам» гр. Валуева, вел. кн. Константина Николаевича и гр. Лорис-Меликова, лишал её значения действительного народного представительства. Столь же мало соответствовало назначению Государственной думы её подчинение Государственному совету. И, наконец, при отсутствии неприкосновенности личности и гражданских свобод, самая возможность функционирования Государственной думы представлялась сомнительной.

В манифесте 6 августа созыв думы был предположен на середину января следующего года. Но прежде чем истёк этот срок, события совершенно опрокинули все прежние предположения.

Под влиянием чрезвычайно приподнятого настроения рабочих масс и общества, проявившегося во всеобщей политической забастовке, 17 октября 1905 г. был обнародован манифест, которым Верховная власть возлагала на обязанность правительства: 1) даровать населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»; 2) «не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в думе, по мере возможности, те классы населения, которые совсем лишены избирательных прав» и 3) «установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы» и «обеспечить выборным от народа возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей».

19 октября был преобразован Совет министров. На него возложена задача направлять и объединять действия правительства.

11 декабря, в исполнение предначертаний манифеста 17 октября, избирательные права были распространены на всех лиц, владевших в течение года недвижимой собственностью или торгово-промышленным предприятием, плативших квартирный налог или занимавших отдельную квартиру, и на всех проживающих в течение года в пределах города и получающих содержание или пенсию по службе государственной, земской, городской или железнодорожной. Фабричные рабочие, совершенно лишённые избирательных прав по булыгинскому проекту, были включены указом 11 декабря в особую избирательную коллегию с правом избирать по одному уполномоченному на каждое предприятие, занимающее более 50 рабочих, и на каждую тысячу рабочих в предприятиях, занимающих более этого числа.

Наконец, 20 февраля 1906 г. было подписано новое «Учреждение Государственной думы», превратившее её из законосовещательного в законодательное учреждение, права которого, однако, существенно урезываются перенятым из закона 6 августа ограничением, что законодательная инициатива его не распространяется на основные законы. Здесь впервые была признана неприкосновенность депутатов во время заседаний Думы. *)

*) «Учреждение Государственной думы» будет дано в приложении к настоящему «Сборнику», вследствие чего устройство думы здесь не излагается.

Тем же днём помечен указ о реформе Государственного совета применительно к его новой задаче верхней палаты. Государственный совет образуется из членов по выборам и членов по Высочайшему назначению. Из числа последних призывается Верховною властью к присутствованию в совете столько членов, сколько имеется выборных членов. Члены по выборам избираются на 9 лет: 1) от православного духовенства (Святейший синод избирает шесть членов — трёх от монашествующего и трёх от белого духовенства), 2) от каждого губернского земства — по одному члену, 3) от дворянских обществ — 18 членов путём двухстепенных выборов, 4) от Академии наук и университетов — 6 членов путём двухстепенных выборов и 5) от Совета торговли и мануфактур, от комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ — 12 членов путём двухстепенных выборов. Каждые три года одна треть каждого разряда выборных членов выбывает в очередном порядке и производятся новые выборы. Членам Государственного совета по выборам, в течение его сессии, производится суточное от казны довольствие в размере 25 руб. в день каждому, а также возмещаются путевые издержки. Председатель и вице-председатель Государственного совета назначаются ежегодно Высочайшею властью из числа членов совета по назначению.

Подобно думе, Государственный совет ежегодно созывается и распускается Высочайшим указом. От верхних палат Западной Европы Государственный совет отличается прежде всего своим составом. В верхних палатах многих государств имеются члены по назначению, но назначаются они всегда и везде пожизненно, что обеспечивает им известную независимость; у нас член по назначению во всякое время может быть устранён от присутствия в совете и заменён другим лицом. Далее Государственный совет во всех отношениях уравнен в правах с Государственной думой. В Западной Европе хотя в принципе и признаётся равенство обеих палат, но в большинстве государств бюджет вносится непременно в палату депутатов, а верхняя палата имеет право либо принять его, либо отвергнуть целиком, но не имеет права вносить какие-либо изменения в бюджет, принятый нижнею палатою. Со времени созыва первой Государственной думы (27 апреля 1906 г.) ни один закон не может восприять силы без одобрения совета и думы и без утверждения его Монархом. Законопроекты, одобренные как Государственной думой, так и Государственным советом, представляются на Высочайшее утверждение председателем Государственного совета. В тех случаях, когда Государственный совет, не отклоняя одобренного думою законопроекта, признаёт необходимым внести в него изменения, дело для нового его рассмотрения может быть, по постановлению совета, либо возвращено в думу, либо передано в особую комиссию из равного числа членов, выбранных думою и советом из своей среды; из комиссии дело, с её заключением, вновь вносится в думу.

Одновременно с учреждениями Государственного совета и Государственной думы 20 февраля обнародован был манифест, который, подтверждая, что «никакой закон не может восприять силы без одобрения совета и думы», присовокупил:

«Но во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может,

однако, вносить изменений ни в основные государственные законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в совет или думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью не будет внесён в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет».

25-го апреля, перед самым созывом Государственной думы, были опубликованы «основные законы», поставленные под особую защиту учреждением Государственной думы. Они являются связующим звеном между старым и новым режимом.

Но в них есть две статьи, имеющие существенное значение и в новом здании: одна из них (ст. 11) постановляет, что Высочайшие указы, издаваемые для устройства и приведения в действие различных частей управления, а равно Высочайшие повеления, необходимые для исполнения законов, должны быть в соответствии с законами, а другая (ст. 26) требует категорически, чтобы указы и повеления Верховной власти скреплялись председателем Совета министров или подлежащим министром или же, наконец, главноуправляющим отдельной частью и обнародовались Правительствующим сенатом. По статье же 50-й «законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям основных законов».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Избирательная кампания и её результаты

Указ 11-го декабря о расширении избирательного права не дал обществу ни удовлетворения, ни успокоения. Большинство сознательных рабочих осталось при своём прежнем решении бойкотировать выборы. Да и умеренные либеральные партии не возлагали на них больших надежд.

Правительство рассчитывало, что серое крестьянство, тёмное и — как представлялось ему — всё ещё преисполненное слепой верой в высшее правительство, подавит своей грузной массой либеральную и радикальную оппозицию, и думало, что достаточно оградить крестьянство от влияния отдельных революционных агитаторов и оказать надлежащее отеческое давление, чтобы выборы прошли в правительственном духе.

Красноречивым свидетельством этому является циркуляр, разосланный в январе 1900 г. земским начальникам министерством внутренних дел.

Вот что в нём предписывалось:

1. Удерживаясь от явного активного вмешательства в предстоящие выборы в Государственную думу, земские начальники тем не менее обязаны наблюдать за тем, чтобы во время выборов не имели места насилия со стороны различных противоправительственных партий, как-то: социал-демократов, социалистов-революционеров, конституционалистов-демократов и им подобных;

2. земским начальникам вменяется в обязанность вести с крестьянами частные собеседования, разъясняя им, что участие в выборах не есть какое-нибудь право или

вольность, а обязанность верноподданного. При сем, выясняя населению программы различных партий, земские начальники обязаны выяснить крестьянам всю неосновательность программ, клонящихся к изменению основного государственного строя;

3. во время же производства самих выборов земские начальники через доверенных лиц обязаны следить за теми из ораторов, которые, ставя себе целью проникновение в Государственную думу, обольщали бы крестьян несбыточными надеждами на даровое наделение частновладельческими земельными участками. Таковых ораторов, если бы они проникли в выборные собрания, необходимо для правильного течения выборов удалять, как беспокойный элемент. Само же удаление таковых лиц из помещения выборщиков должно производиться отнюдь не официальными представителями власти, а через доверенных людей;

4. удалению из помещения выборщиков подлежат как лица в нетрезвом состоянии, так и крикуны;

5. о недопущении в помещение для выборщиков лиц, зарекомендовавших себя со стороны неблагонадёжности, земские начальники обязаны озаботиться накануне выборов;

6. в помещениях для выборщиков надлежит вывесить имена лиц, кои по неблагонадёжности своей кандидатами быть не могут, и если бы сами выборщики таковых избрать пожелали, то предварять, что таковые выборы, как неправильно протекавшие, действительными быть не могут и подлежат опротестованию;

7. в случае, если бы агитаторы высказали намерение обратить выборные собрания в крестьянские комитеты для раздела частновладельческих земель, земские начальники, объявив таковые собрания незаконными, имеют немедленно обратиться к содействию военной силы для ареста лиц, принявших участие в таковых комитетах;

8. всё сие подлежит строгому выполнению, не вызывая нарекания со стороны населения.

Циркуляр этот даёт такую яркую характеристику избирательной тактики правительства в деревне, что прибавлять к нему что-либо излишне. В городах подобные приёмы были, конечно, в широких размерах неприменимы, но основная тенденция была та же самая. Широкое применение получила тактика запрещения и закрытия предвыборных собраний, устраиваемых людьми оппозиционного направления. Практиковалось и застращивание избирателей, местами даже выборщиков. Довольно обычным стратегическим приёмом было привлечение нежелательного кандидата к судебной ответственности по статье, влекущей за собой утрату избирательных прав. Вообще неправильностей и правонарушений со стороны администрации было множество. Один из докладчиков по проверке выборов заявил впоследствии в Государственной думе, что если бы всякое правонарушение признавалось поводом, достаточным для отмены выборов, то пришлось бы кассировать их чуть ли не повсеместно.

Избирательная борьба шла главным образом между конституционно-демократической партией — с одной и охранительными партиями — с другой стороны. Последние, чувствуя себя недостаточно сильными в отдельности, образовали блок*).

*) Блок, т. е. временное соединение разномыслящих партий для достижения определённой общей цели.

Картина выборов обрисовалась не сразу. Сведения получались далеко не отовсюду, а те, которые приходили, были недостаточно определённы… Только губернские выборы обнаружили, что страна, не исключая и крестьянства, охвачена ярко оппозиционными настроениями. Но подводить итоги по ним было ещё невозможно, так как о значительной части народных избранников не имелось никаких сведений. Особенно трудно было установить что-либо определённое относительно крестьянских депутатов: они распределялись между партиями и группами, да и то не сразу — лишь по приезде в Петербург.

Ясно было только одно — блестящая победа кандидатов, значившихся в кадетских списках. В Москве и в Петербурге, где им приходилось бороться с «Союзом 17 октября», все 160 выборщиков были избраны из их среды.

Бойкот выборов поддерживался только фабричными рабочими. Полнее всего он был проведён в Царстве Польском, весьма дружно — в Петербурге, слабее — в Москве. В Варшавской губернии, равно как и в городах Згерже и Ченстохове, в выборах не участвовала ни одна фабрика. В Варшаве выборы состоялись лишь на четырёх из 114 фабрик, в Лодзи — на пяти из 143. Поэтому те немногие выборщики, которые, несмотря на бойкот, всё-таки были избраны, оказались, как правило, людьми случайными.

Совсем иначе отнеслись к выборам в своём большинстве крестьяне. Во многих местностях они не только прилагали все усилия к тому, чтобы провести вопреки репрессиям и препятствиям своего кандидата, но и снабжали своих избранников особыми наказами с подробным перечислением всех тех нововведений и реформ, которых следует добиваться в Думе. Эти наказы представляют собой характерное проявление крестьянских чаяний и настроений и являются ценным материалом для будущего историка.

В целом выборы дали результаты, никем не предвиденные заранее. В Думе оказалась, кроме кадетов, ещё и могущественная «Трудовая группа», стоявшая значительно левее их. Через некоторое время из состава Трудовой группы, в свою очередь, выделилась — правда, немногочисленная — социал-демократическая партия (при своём выделении она насчитывала 17 человек). Правые оказались в Думе настолько малочисленными и изолированными, что вообще не решались выступать активно; их представители обыкновенно предпочитали называть себя беспартийными, смешивая себя таким образом с беспартийными левых оттенков. Поэтому установить их точную численность не представляется возможным.

О составе Думы наиболее точное представление дают цифры, которые мы находим в составленной на основании опроса депутатов книге бывшего члена Думы Н. А. Бородина «Государственная дума в цифрах». По его данным, из 448 депутатов, прибывших в Думу до 15 мая, было:

- кадетов — 153 (34,1 %);
- Трудовой группы — 107 (23,8 %);

- автономистов — 63 (14 %);
- «Союза 17 октября» — 13 (2,9 %);
- умеренно-прогрессивной группы — 2 (0,4 %);
- торгово-промышленной группы — 1 (0,2 %);
- партии демократических реформ — 4 (0,9 %);
- беспартийных — 105 (23,4 %).

Но эта группировка не была ни точной, ни прочной. Под конец существования Думы, по сведениям председателей и секретарей думских фракций, численность их выражалась уже в следующих цифрах:

Общая численность депутатов — 499 человек. Распределение по фракциям:

- социал-демократы — 17;
- трудовая группа — 97;
- кадеты (конституционные демократы) — 161;
- партия демократических реформ — 14;
- союз автономистов — 70;
- партия мирного обновления — 25;
- прогрессисты — 12;
- организованные беспартийные — 61;
- остальные беспартийные — 42.

Поскольку трудовая группа, беспартийные и автономисты объединяли людей разных взглядов, полезно разобрать их состав подробнее.

Состав трудовой группы (97 человек):

- эсеры (социалисты-революционеры) — 2;
- члены Крестьянского союза — 9;
- социалисты вне партий — 7;
- радикалы — 1;
- свободомыслящие — 2;
- «левее кадетов» — 18;
- автономисты — 8;
- беспартийные — 21;

- без определённых указаний — 27.

О симпатиях беспартийных. Беспартийные в известной степени тяготели к тем или иным фракциям. Ближе всего к кадетам были:

- 25 беспартийных — к самой трудовой группе;
- 9 — к партии демократических реформ;
- 14 — к «Союзу 17 октября»;
- 12 — без определённых указаний.

Состав автономистов (70 человек). Ядро группы — польское коло (31 человек). Кроме того, в ней были представлены:

- северо-западные и юго-западные окраины — 12 депутатов;
- литовский кружок — 5;
- украинские демократы — 6;
- казачья группа — 1;
- латышские демократы — 5;
- мусульмане — 3.

Профессиональный состав Думы. Эти данные важны для оценки работы парламента:

Профессия	**Число депутатов**	**Доля в процентах**
Землевладельцы	65	14,4 %
Промышленники	2	0,4 %
Торговцы	24	5,4 %
Домовладельцы	1	0,2 %
Земледельцы	111	24,8 %
Рабочие	25	5,6 %
Состоявшие на частной службе	15	3,5 %
На общественной, городской и земской службе	61	13,6 %
На государственной службе	15	3,5 %
Профессора	10	2,2 %

Профессия	Число депутатов	Доля в процентах
Приват-доценты	4	0,9 %
Учителя	23	5,1 %
Врачи	19	4,2 %
Адвокаты	38	8,5 %
Инженеры	5	1,1 %
Редакторы	6	1,3 %
Литераторы	7	1,5 %
Священники (православные и других исповеданий)	14	3,1 %
Землемеры	1	0,2 %
Чертёжники	1	0,2 %
Студенты	1	0,2 %

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исторический день.

Нежданно благоприятный для сторонников освободительного движения исход избирательной кампании возбудил в обществе новые надежды и поднял веру в государственную думу. С каким воодушевлением, с каким доверием встретило петербургское население первых избранников русского народа, какие ожидания возлагало оно на них, — рисуют приводимые нами впечатления и отчёты очевидцев и участников исторического дня открытия русской государственной думы.

Утро 27-го апреля.

Уже с 6 часов утра заметное оживление. Всюду по набережной, начиная с Троицкого моста и до Николаевского, — масса городовых и полиции. На Миллионной улице расположены патрули лейб-гвардии павловского полка. Тихо. К 8 часам начали стягиваться конные и пешие патрули, обложив набережную и Дворцовую площадь со всех сторон. Кареты и пешеходы пропускаются исключительно под аркой с Морской улицы.

10 часов утра. Ожидается приезд Государя. Против Иорданского входа Зимнего дворца приготовлена пристань. По обе стороны парапета у пристани небольшие цепи городовых, а за их спиной густые цепи каких-то чернорабочих. И кроме них только несколько человек публики, между которыми слышатся такого рода разговоры.

— Что это за люди, которые стоят цепью за полицейскими? — Да, говорят, дружинники из союза русского народа и члены партии правового порядка; им накануне были даны пропускные билеты из градоначальства…

Пройти по панели мимо пристани нельзя: полиция и густая цепь тайной охраны не пускают.

На Дворцовой площади пустота, только среди площади стоит батальон пехоты, место которого в 11 часов занимает гвардейская кавалерия. Миллионную улицу занимает павловский полк. Во дворе дворца масса конной и пешей полиции. По Неве усиленное движение одних полицейских пароходиков.

В 10½ ч. прибывает на катере Государь. Его встречают криками «ура» те лица, которые находятся около пристани…

С 12 часов начинается приезд депутатов. Вся публика сосредоточивается у Иорданского входа, где съезжаются члены государственной думы. Некоторых членов государственной думы, известных собравшейся публике, — встречают приветствиями.

В Зимнем дворце.

К часу дня все депутаты были уже в сборе. Повсюду шитые мундиры, блеск золота и украшений. «Вот она, стихия прет», — заметил по адресу проходивших депутатов пожилой генерал. «Да, но ничем её не удержишь», — возразил другой сановник.

В два часа состоялся Высочайший выход. По окончании торжественного богослужения Государь обратился к представителям народа с тронной речью, гласившей:

«Всевышним Промыслом вручённое Мне попечение о благе Отечества побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа.

С пламенной верой в светлое будущее России Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным Моим подданным выбрать от себя.

Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас.

Я же буду охранять непоколебимые установления, Мною дарованные, с твёрдой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение Отечеству, для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права.

Да исполнятся горячие Мои желания видеть народ Мой счастливым и передать Сыну Моему в наследие Государство крепкое, благоустроенное и просвещённое.

Господь да благословит труды, предстоящие Мне в единении с Государственным Советом и Государственной Думой, и да знаменуется день сей отныне днём обновления нравственного облика Земли Русской, днём возрождения её лучших сил.

Приступите с благоговением к работе, на которую Я вас призвал, и оправдайте достойно доверие Царя и народа.

Бог в помощь Мне и вам».

Из впечатлений депутатов.

«Значительная часть депутатов из „трудовой группы“, — писал И. В. Жилкин в „Нашей Жизни“, — решила отправиться в Зимний дворец пешком. Через это многие едва попали во дворец. Улицы загорожены, мосты разведены, везде войска, полиция, штыки, сверкающие каски, красные, синие мундиры… „Нелегко к Царю в гости попасть“, — говорили депутаты, толкаясь через толпу. Полиция чувствовала себя, впрочем, довольно растерянно. Прежде всякого можно было осадить, отпихнуть. А тут едва рот раскроется в привычное: „Нельзя сюда! Куда лезть…“ А серый, измятый пиджак или скромная куртка ошеломляет простым ответом: „Член Государственной думы“. Дворцовая площадь очищена от публики и украшена внушительными группами пешего и конного войска. Набережная перед дворцом наполнена мундирами и оружием. Но здесь же, против дворца, растянулась значительная группа простого с виду народа в чуйках и картузах. „Чёрная сотня“, — разъясняют депутатам знающие люди. Мост убран. Нева очищена. За рекой же пестреют не чёрные сотни, а белые тысячи народа, с напряжением глядящего через водную ширь.

Широкие лестницы, статуи, ковры и неисчислимое количество мундиров, залитых золотом, опоясанных красными широкими лентами, обвешанных крестами, орденами, медалями. Сквозь сверкающий строй этих мундиров пробираются депутаты в своих пиджаках, куртках, сюртуках, с загорелыми лицами, с мешковатыми движениями — в Николаевский зал. Вдоль всех стен этого зала сверкают штыки, лязгают шашки, шпалерами вытягивается военная сила всех сортов оружия. Депутаты столпились посредине огромного, роскошного зала и с любопытством оглядывают весь этот блеск, весь нескончаемый поток залитой золотом бюрократии и знати. Сюда прислал народ за правдой и свободой… Что-то будет…

Потом ведут депутатов через ряд высоких, переполненных дворцовой толпой комнат в Георгиевский зал. Опять нескончаемая вереница золотых мундиров, эполетов, орденов. Все они молча, с каким-то застывшим любопытством смотрят на депутатов, которые в своей густой и дружной компании чувствуют себя уже свободно и весело поглядывают вокруг, пробираясь через чинную, вымуштрованную, золотую толпу. А вот длинный ряд придворных дам. Всё больше увядшие, нездоровые, немолодые лица, но у всех широко обнажены плечи и грудь. И депутаты с недоумением глядят на невиданное зрелище придворного этикета.

В Георгиевском зале одна сторона заполнилась Государственным советом, министрами и всякими высокими чинами. Залитая золотом и орденами, смешалась тут бюрократическая сила. Депутаты заняли другую сторону. Ждать пришлось довольно долго. Настроение депутатов делалось всё свободнее и оживлённее. Стоя против придворной группы, депутаты стали признавать старых знакомых.

— Это Витте вот!

— Где? Где?

— Вот, впереди! Высокий! Смотрите, как ласково, задумчиво и кротко поглядывает!

— Ишь ты!.. Дурново? Покажите, пожалуйста, Дурново!

Указывают пальцем Дурново и сочувственно перекликаются: «Так вот они, друзья народа! Интересно!..»

Являются блестящие митры, длинным рядом вытягивается высокопоставленное духовенство, и опять все ждут. В придворной группе привычная выдержка и покорное терпение. Среди депутатов — нетерпеливые переговоры, жалобы на усталость в ногах. Но вот далёкие раскаты оркестра, играющего гимн, торжественное шествие с колыхающимся тяжёлым флагом, с государственными регалиями…

Молебен. Тронная речь.

Во время молебна один неизвестный господин в золотом мундире озабоченно двигался в толпе депутатов, выбирал лиц с окладистыми бородами и медалями на груди и проталкивал их вперёд, что-то им внушая.

При выходе из дворца депутатов встретили крики толпившейся на набережной толпы. Толпа, впрочем, больше кричала при виде пролетающих экипажей с золотыми мундирами.

Пароход с депутатами отвалил. С противоположной стороны Невы грянуло многотысячное «ура». Целый лес рук, платков развевался по всему заполненному толпой берегу.

— Вот это наша публика, — оживились депутаты, — капитан! Пожалуйста, к тому берегу.

Пароход медленно поплыл через реку. Восторженные крики переливались, не смолкая, раскатистыми волнами, развевались шляпы, платки, публика свешивалась с балконов, из окон, унизывала все возвышенности набережной. И дальше, по берегу, на Троицком мосту, у Летнего сада — везде восторженные перекаты тысячеголосого «ура».

Но вот на пароходе особое оживление.

— Смотрите! Смотрите! Из «Крестов» машут!

Действительно, из всех окон, из всех этажей громадной тюрьмы невидимые руки развевали белые платки, а в середине корпуса, из одного окна, махали чем-то красным. И казалось, что угрюмое здание молча сжалось в этот день и с притаённой злобой допускало трепетать всем этим белым и красным флажкам, трепетать трепетом всколыхнувшейся победной радости, под веянием близкой свободы…

А с парохода, не смолкая, гремело «ура». Теперь уже сами депутаты изо всех сил лёгких могучими победными криками давали знать узникам о первом дне конституционной России.

Берег, пристань. И депутаты сквозь бушующую толпу пробираются к Таврическому дворцу на первое заседание первого русского парламента.

— Ура! Ура! Да здравствуют депутаты! Амнистии! Амнистии! Ура! — гремит по дороге со всех сторон.

— Попробуем! В первую очередь! В первое слово! — восклицают депутаты, махая шляпами.

— Амнистии! Амнистии! — перекатывается по всей громадной массе публики, наводнившей улицы. Полиция и конное войско тщетно стараются унять расходившиеся народные волны. Из

публики многие от восторга, от волнения плачут, истерически выговаривают неразборчивые, но волнующие слова; депутаты тоже со слезами на глазах от волнения пробираются в клокочущей толпе…

Первый день новой России. Прекрасный день, незабвенный, праздничный день. Даст ли он за собою длинный ряд таких же прекрасных дней новой, свободной жизни для измученной страны? Или безумие и слепая злоба насилия всё будут висеть кошмаром над Россией, не давая разгореться в светлый день первым вспышкам лучезарной свободы?

У Таврического дворца

Вокруг Таврического дворца огромнейшая толпа; оставлена узенькая дорожка, по которой проходят депутаты. Гром приветствий, трогательные сцены… На заднем плане войска, войска, войска. Иногда ряды депутатов пересекаются каретой сановника, министра. Толпа смолкает, шипит и даже свистит. «Родичев! Родичев!» — слышится в толпе. Гул возрастает; кажется, ни на чью долю не выпадает столько приветствий, как на долю Родичева. Его хотят нести на руках, но он кое-как отбивается. Крестьянских депутатов встречают оглушительными приветствиями…

Время от времени по улице проезжают кавалеристы и выдавливают публику на тротуары. Лица солдат и офицеров похожи на каменные. Иногда толпа, в общем весьма корректная, не выдерживает вида воинских команд и прорывается в недружелюбных возгласах.

Солнце заливает толпу народа, стоящую перед дворцом… Народ встречает восторженно депутатов, но настроение придавлено. О, как оно не походит на то, которое царило 18-го октября. Тогда вдруг поверилось в осуществимость заветнейших желаний, а теперь… так хочется верить и в то же время нет сил верить! Нет лучезарности в радости толпы: это какая-то радость с опаской, как бы не наехали сзади кавалеристы с каменными лицами!

Первое заседание

В 5 часов дня статс-секретарь Фриш открыл заседание следующей речью:

«Исполняя волю Государя Императора, я счастлив, что в настоящий великий и торжественный для всей России день мне предоставлена высокая честь приветствовать вас, господа избранники русского народа, созванные Монархом для предстоящих вам важных и ответственных трудов на поприще совершенствования и обновления нашего законодательства. Вам, господа, предстоит историческая задача, и вы благостью Всемилостивейшего Государя, в силу основного закона об учреждении Государственной думы, получили полную возможность работать, и работать усиленно, для установления в нашем дорогом отечестве законности и устоев незыблемых законопорядков. Вы призваны к широкому участию в законодательной деятельности, вам выпала счастливая доля работать при полном свете публичности и гласности, при полной свободе слова. Каждый шаг, вами сделанный по новому пути, каждая возникшая или высказанная среди вас мысль немедленно сделается достоянием всего народа, который при помощи печати будет зорко следить за всеми вашими действиями и начинаниями. Да воодушевит вас Господь любовью к русскому народу, дабы вы поняли сердцем вашим все многообразные нужды обширной нашей родины, да просветит Он вас мудростью Своею, дабы вы могли совместно с Государственным советом разрешить все законодательные вопросы, которые будут подлежать вашему рассмотрению. От всей души желаю вам, господа члены Государственной думы, успешного ведения ваших сложных трудов и

плодотворной деятельности на пользу России. Объявляю заседание Государственной думы открытым и предлагаю, на точном основании 31-й статьи Высочайше утверждённого учреждения Государственной думы, выслушать текст торжественного обещания членов Государственной думы, подписать его и после того приступить к избранию председателя Думы».

Эта первая, произнесённая в Думе речь, в противоположность столь многим последующим, не вызвала среди депутатов каких-либо проявлений чувств или одобрения.

По предложению статс-секретаря Фриша, депутаты расписались в особой книге под текстом присяги, установленной законом 20 февраля.

По исполнении этой формальности было приступлено к избранию председателя. Уже при подсчёте предварительных записок обнаружилось, что из 436 наличных голосов 426 высказалось за С. А. Муромцева. Ввиду этого дальнейшая баллотировка шарами единогласно была признана излишней.

Депутат И. И. Петрункевич (Тверь): «Долг чести, долг нашей совести повелевает нам, чтобы первая наша мысль, чтобы первое наше свободное слово единодушно было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой всем нам родины. (*Взрыв продолжительных аплодисментов.*) Все тюрьмы в стране переполнены. Тысячи рук протягиваются к нам с надеждой и мольбою. Я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, какие мы можем при нашем положении, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила более никаких жертв (*новый взрыв единодушных аплодисментов*). Мы просим мира и согласия. Я думаю, господа, что если мы в настоящую минуту и не будем обсуждать этого вопроса, так как говорить о нём придётся в то время, когда придётся отвечать на тронную речь Государя Императора, то всё-таки и сейчас мы не можем удержать этого крика сердца, мы не можем удержаться, чтобы не выразить всего накопившегося в сердце чувства горечи, мы не можем удержаться, чтобы не сказать: свободная Россия требует освобождения всех пострадавших. (*Оглушительные аплодисменты*).

Председатель государственной думы С. А. Муромцев. — Кланяюсь государственной думе. Не нахожу в достаточной мере слов для того, чтобы вполне выразить благодарность за ту честь, которую вы, господа, угодно было мне оказать. Но настоящее время — не время для выражения личных чувств. Избрание председателя государственной думы представляет собою первый шаг на пути организации думы в государственное учреждение. Совершается великое дело, воля народа получает своё выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас нашлось достаточно сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха (*гром аплодисментов*) и на почве совершенного осуществления прав государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства (*гром аплодисментов*).

Этим заявлением председателя первое заседание думы и закончилось.

Все присутствовавшие на нём вынесли впечатление глубокое и хорошее. Ничего не произошло чрезвычайного с внешней стороны. Но чувствовалось появление великой силы. Чувствовалось, что в этом зале есть объединяющая идея, объединяющее чувство, что-то такое, что будет вдохновлять, вдохновлять и тех, кто в ней будет работать, и всех, кто за стенами думы будет следить за её словами и делами.

Между прочим, на первом заседании думы произошёл следующий инцидент: в проходах собралась толпа молодых великосветских, развязных чиновников. Они, очевидно, рассчитывали на то, что никто не напомнит им, что среди представителей народа им не место. Но они ошиблись: С. А. Муромцев сначала предложил, а затем грозно потребовал, чтобы они оставили зал, и им пришлось подчиниться.

После заседания.

… 6 часов. Публика с нетерпением ждёт выхода депутатов.

— Депутаты идут! — объявляет кто-то.

Толпа замирает. Вот показываются из дверей крестьянские депутаты. Они идут друг за другом пешком, в своих поддевках, рубахах, халатах…

— Ура! — закричал кто-то.

— Ур-р-раа! — подхватила толпа. И тысячи голосов слились в один могучий, сильный голос.

Депутаты отвечали, улыбались, кивали головой.

Публика бросилась к ним. Но жандармы спешились и готовились было произвести атаку…

— Не смеют они отрывать нас от наших представителей. Что смотреть на них? Напрём!!

И тысячная толпа ринулась и разорвала тесную цепь жандармов.

— Ур-ра! — Наша взяла!

Вот уже депутат сам говорит с народом.

— О чём говорили?

— Амнистия! — отвечает депутат.

— Амнистия!! — подхватила толпа.

Вот идёт профессор Гредескул. — Амнистия! — повторил он. Вспомнили его недавнюю ссылку.

— Качать его! — Профессора подняли на руки.

— Ур-раа! — не умолкала толпа.

«Качали» ещё депутатов-рабочих и крестьян.

Вот остановили одного депутата.

— Вы там, — говорит кто-то, указывая на Таврический дворец, — не забывайте о нас здесь. Помните, мы поддержим вас, когда будете наши требования выставлять, наши интересы защищать. Мы низко поклонимся вам и скажем: вы честно исполнили ваше святое дело.

— Клянусь! — отвечает депутат — клянусь, что доведу до конца наше дело.

— Ура! — отвечает толпа.

Толпа возбуждённая отправляется к городу.

Поравнялись с «предварилкой».

— Знают ли они, что их ожидает? Ждут ли свободу?

— Товарищи! Послезавтра амнистия! — кричат им.

И вслед за этим затянули хором:

«Отречёмся от старого мира»…

Песня звучит всё громче, всё сильнее. И кажется, что разбиваются цепи рабства, что старый мир рушится, что наступает новая жизнь, свободная, вольная, для вольной борьбы за далёкое счастливое будущее…

На улице перед зданием клуба тысячная толпа приветствовала первых депутатов Государственной думы. В ответ на приветствия депутаты Н. И. Кареев, Ф. И. Родичев, Д. И. Назаренко, Кутоманов, М. М. Винавер и др. произнесли с балкона клуба речи. Они говорили, что Дума на первом плане поставит вопрос об амнистии, что они будут бороться за народную свободу, за волю и землю и проч. Речи всех ораторов прерывались и покрывались шумными аплодисментами. Член центрального комитета к.-д. партии Г. Колюбакин произнёс речь, в которой говорил, что страна должна оказать поддержку членам Думы, что только при этой поддержке депутаты будут в состоянии бороться в Думе за права народа.

Оратор закончил свою речь уверенностью, что все, оставшиеся вне Думы, будут оказывать членам её дружескую и энергичную помощь. В ответ на эти слова из тысячи уст раздались крики: «Будем, клянемся».

Публика ещё долго стояла около здания клуба, приветствуя депутатов… Во время импровизированного митинга мимо здания клуба проскакали жандармы. Напуганная прошлым, публика бросилась в сторону. Жандармы проехали, однако, мимо, никого не тронув…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Приветствия Гос. думе. — Избрание бюро. Ответный адрес на тронную речь. — Амнистия.

2-е заседание. В пятницу, 28 апреля, С. А. Муромцев ездил в Петергоф с докладом Государю о своём избрании. 29 апреля. Согласно положению о Государственной думе, заседания её должны были прерваться. Поэтому следующее заседание состоялось 29-го апреля. Оно началось чтением

бесчисленных приветствий из России и из-за границы. Среди них особенно выдавалась приветственная телеграмма финского сейма, гласившая:

«Движимые потребностью в день открытия Государственной думы в России быть истолкователями чувств и умонастроений собравшихся на чрезвычайный сейм представителей финского народа, мы, свидетельствуя вам, г. председатель, своё почтение, просим передать народным представителям России наш сердечный привет и выражение глубокого уважения. За многовековую жизнь, исполненную превратностей судеб, финский народ научился понимать значение права, через своих представителей участвовать в законодательстве и обложении; он усматривает поэтому в собрании думы начало новой эры для России — внесение принципа истинной свободы и связанного с этим широкого развития духовных сил страны и её материального благосостояния.

Светлое будущее, открывающееся для великой русской земли, вызывает в нашем народе чувство искренней радости; вместе с тем финский народ видит в этом будущем, при возрастающих взаимно-добрых отношениях с русским народом, верный залог успеха в собственных трудах, направленных на пользу его дорогого отечества, соединённого с Россией под одним скипетром. В этот исторический момент мы шлем пожелания преуспеяния в предстоящей вам огромной зиждительной работе на благо России и человечества».

Из-за границы получились приветствия от князя черногорского Николая, от чешского народного совета в Праге, от пражского городского головы; из России — от множества городов, земств, различных групп населения, высших учебных заведений, редакций, учительского персонала средних и низших школ, политических заключённых, от ссыльных и т. д. и, наконец, от значительного количества отдельных лиц.

Думе предстояло заняться избранием товарищей председателя и секретарей. Ввиду сложности процедуры выборов, установленной указом 18-го октября (последовательная баллотировка записками и шарами), и отсутствия наказа, депутат Кокошкин (к.-д., Москва) внёс предложение об упрощении баллотировки принятием простой подачи записок.

Председатель, в виду спешности вопроса, предложил рассмотреть предложение деп. Кокошкина ускоренным порядком. Но оказалось, что оно встретило возражения со стороны некоторых членов думы — не по существу, а по той причине, что они находили нежелательным решать наспех вопросы, которые должны быть обсуждены всесторонне при рассмотрении наказа. Первым против обсуждения предложения Кокошкина высказался граф Гейден (союз 17-го октября, Псковская губ.). К нему присоединились затем депутаты Кузьмин-Караваев (п. д. р., Тверь) и Скирмунт (автономист, Минская губ.). И в результате деп. Кокошкин, несмотря на то, что его предложение было дружно поддержано и ораторами трудовой группы (Аникиным, Седельниковым, Бондаревым, Савельевым), счёл во избежание напрасной траты времени за лучшее взять своё предложение обратно.

Выборы дали следующие результаты:

На должность товарищей председателя избраны:

Кн. Пётр Дм. Долгоруков (к.-д.) — 382-мя голосами против 47.

Проф. Н. А. Гредескул (к.-д.) — 372-мя голосами против 56 *).

На должность секретаря гос. думы:

Кн. Д. И. Шаховской (к.-д.) — 380-ю голосами против 36.

Так как баллотировка перечисленных лиц заняла более пяти часов, то решено было лиц, намеченных записками на должность помощников секретаря, не баллотировать шарами, а просто признать избранными пятерых кандидатов, получивших наибольшее число записок. Избранными оказались:

Шапошников (труд. гр.) — 385 изб. голосов.

Кокошкин (к.-д.) — 374.

Рыжков (труд. гр.) — 368.

Шершеневич (к.-д.) — 362.

Понятовский (польское коло) — 330.

*) Как вторая по численности парламентская фракция, трудовая группа выразила желание, чтобы один из товарищей председателя был избран из её среды. Но так как среди членов трудовой группы не нашлось ни одного такого, который подходил бы по своим личным данным для этого поста и мог бы вместе с тем променять без вреда для своей группы активную роль депутата на маловлиятельный пост товарища председателя, то трудовая группа выставила своим кандидатом проф. Гредескула, хотя он и принадлежал к к.-д. партии.

По окончании избирательной процедуры было постановлено, чтобы в случае отсутствия председателя его замещал впредь до составления наказа в первую очередь тот из товарищей, который получил больше голосов, и чтобы в таком же порядке производилось и замещение секретаря его товарищами.

Председатель вносит предложение образовать немедленно комиссию для установления временного (впредь до издания наказа) порядка проверки выборов и прочитывает вслед за тем предложение, внесённое Ф. И. Родичевым, следующего содержания:

«Предлагаю Государственной думе:

1. Обратиться к Его Императорскому Величеству Государю Императору с адресом в ответ на тронную речь Его Величества.

2. Избрать комиссию из 33 лиц для составления этого адреса.

3. Не предрешая содержания адреса, возложить ныне же на комиссию непременную обязанность включить в адрес указание на безусловную необходимость объявления ныне же полной амнистии по всем делам религиозным, аграрным и политическим, разумея под последними все преступления и проступки, вытекавшие из политических побуждений».

Дума постановляет обсудить это, встреченное продолжительными аплодисментами, предложение в первую очередь и, несмотря на поздний час — уже около 8 часов, — решает немедленно заняться им. Даже предложение о двухчасовом перерыве, несмотря на утомление заседающих с 11 ч. утра депутатов, не встречает сочувствия большинства: 213 голосами против 202 оно отвергается. По существу предложение обратиться к Государю с адресом в ответ на тронную речь принимается без прений единогласно. По вопросу же об избрании комиссии из 33 лиц для составления адреса вносит поправку к предложению Родичева деп. Федоровский (дем. реф., Рязанской губ.). Он обосновывает её так:

Так как, на основании практики губернских собраний, ни одно предложение, обсуждённое в комиссии, не проходит так единогласно и дружно, как то, которое обсуждалось, кроме членов комиссии, и прочими губернскими гласными, я предлагаю предоставить право участия в комиссии членам Государственной думы, выразившим желание, — если со стороны председателя будущей комиссии не встретится затруднения к предоставлению этого участия. Мне представляется это дополнение существенно важным. Во-первых, здесь мы ещё слишком мало знаем друг друга, чтобы в полной мере могли бы использовать силы; во-вторых, это не представляет затруднения, ибо участие в трудах комиссии я ставлю в зависимость от согласия её председателя; в-третьих, это избавит от крайне тягостных нареканий, что большинство насилует мнения меньшинства. Каждый представитель того или другого взгляда, хотя бы единолично высказывающийся, найдёт возможным в этой комиссии привести те или другие доводы и так или иначе высказать, излить то, что считает своим долгом.

Но против этой поправки решительно восстаёт Родичев, не по каким-либо партийным соображениям, а просто ради практического удобства:

Комиссия, конечно, должна быть избрана таким образом, чтобы она представляла собою все мнения собрания, но если поставить за правило, что всякий желающий присутствовать в комиссии, в ней присутствует, то это всё равно, как если бы мы никакой комиссии не устанавливали и обсуждали редакцию адреса в полном собрании. Принципиальное обсуждение учреждением комиссии не уничтожается: ведь её доклад будет повергнут на воззрение думы. Но, господа, если вы себе представите, что возникнут споры о редакции той или другой фразы в зале, в которой сидит 440 человек, то ведь ясно, что каждое слово будет возбуждать бесконечные прения и к заключению мы никогда не придём. Назначение комиссии — изъять из нашей среды спор о словах и оставить только спор о деле. 33 человека, думаю, совершенно достаточно, чтобы представители всех мнений принимали участие в редактировании адреса.

К мнению Родичева присоединяется и деп. Кокошкин (Москва).

По-видимому, — заявляет он, — возражение преследует ту цель, чтобы в комиссии были представлены различные направления. Я думаю, что для этой цели вовсе нет надобности включения в комиссию всех членов думы. Если комиссия будет выбрана в составе 33-х, будет лучше. В этой комиссии могут быть представлены все главнейшие группы, существующие в гос. думе. Я вполне уверен, что группы, лучше сплочённые и наиболее многочисленные, предоставят им место в этой комиссии. Цель, которая преследуется г. Федоровским, будет таким образом достигнута более простым путём.

Деп. Федоровский поясняет, что он исходил из практики губернских земств и что, по его мнению, предоставление совещательного голоса всем депутатам не может тормозить дела.

Однако поправка Федоровского отвергается думой. Баллотировкой вставанием постановляется избрать комиссию из 33-х лиц для составления адреса, без дополнения её членами по приглашению председателя комиссии. Способ избрания комиссии устанавливается следующий: члены думы подают записки с обозначением 33-х кандидатов, и избранными должны считаться 33 лица, получивших наибольшее число голосов.

Председатель. Теперь остался третий пункт предложения.

Родичев. То предложение, которое я внёс, дело не партийное. Это заявление должно быть делом всенародным, делом национальным. Мы здесь в этом деле не решаем судьбы закона. Вопрос этот не законом должен разрешиться. Амнистия и помилование — это прерогативы Монарха, и наше заявление есть заявление потребности, заявление страданий всего народа, обращённое к Монарху. Мы не законы постановляем, мы явились сюда для того, чтобы сказать то слово, которое является выражением не нашего только желания; оно является выражением желания и мольбы народа; я хотел бы, чтобы оно не стало выражением требования русского народа. Пока ещё есть время высказать желание амнистии, выскажемте же его в форме желания. Быть может, через несколько дней будет поздно и оно будет выражено в форме требования. В настоящее время эту мысль и это слово поддержимте всеобщим заявлением думы. Во время избирательной кампании повсюду и везде раздавалось одно и то же слово — амнистия. Мы свидетельствуем о том, что это требование всего народа, это требование не пострадавших только и близких к ним; не все пострадали от событий последних лет, но все потерпели от них. Теперь кровь проливается не так часто, как три месяца тому назад; но, господа, ещё в марте месяце совершено в России 99 смертных казней. Это — страна, которая гордилась тем, что в ней будто бы этой смертной казни не существует; нам всем это говорилось на школьной скамье — и сколько же людей лишены жизни в течение короткого времени чуть не у нас на глазах! Когда мы говорим об амнистии, то мы, господа, требуем создания тех условий, при которых в стране возможен мир. Нам здесь, в думе, нельзя работать, это чувство угнетает нас, эти признаки крови, они здесь, в этом зале, их нужно убрать отсюда для того, чтобы мы могли работать (*продолжительные аплодисменты*). Господа, да не будет сомнений в значении этой меры. Кто думает, что амнистия даёт санкцию преступления, тот заблуждается. Когда нам говорят: «ведь они не перестанут совершать преступления», — ведь при этом делают ошибку, ведь казни и расправы рождают преступления, ведь до тех пор, пока след этих расправ не будет смыт и смыт окончательно — до тех пор посев ненависти будет давать свои всходы и приносить свои плоды. Если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая в настоящее время горит ярким пламенем с той и другой стороны — возьмите на себя почин и щедрой рукой дайте всепрощение. Это — акт высшей политической мудрости. Когда страна охвачена порывом обновления, когда страна жаждет успокоиться — прошлое должно быть стёрто начисто. Не портите радости народной скупостью, ограничениями, торгом в милости; милость широка, и прощение награждается народным чувством только тогда, когда оно всеобщее. Забудьте только одного, и вам забудут всех прощённых. Это ошибка была сделана 21 октября, и эта ошибка была роковой, потому что верить нельзя было. Для того, чтобы убитая в нас вера могла воскреснуть вновь, нужно не частичное прощение, нужно всепрощение. Настоящий момент — редкий момент для власти в истории России; Верховная власть счастлива: в сущности история даётся ей в руки, как не раз давалась, и нужно понять то мгновение, когда душа народа может

раскрыться в одном порыве. Нужно не оттолкнуть его в эту минуту, не оттягивать её. Сколько раз уже этот порыв был отвергнут. Неужели мы не понимаем, что эти оскорбления вызвали ту ненависть, которой теперь охвачена страна. Господа, я вас приглашаю: будьте единодушны, не будемте возбуждать спора об ограничении амнистий, поставим одно общее пожелание: амнистия должна быть всеобщей, без исключения. За все те преступления, мотивами которых было не неизменное своекорыстие, а увлечение — для всех для них прощение. Я вам напомню, господа, что один из первых апостолов христианства — апостол Пётр — был преступником против общего права, он отсёк ухо; преступление не политическое, но оно было совершено во имя любви, и во имя этой любви все подобные преступления должны быть прощены, хотя бы люди, сделавшие их, не обладали чистотой апостола. Против тех людей, которые во имя своих стремлений идут жертвовать жизнью, против них казни — как средства — нет, и против них наказаний, как средства, нет. Если их можно наказать, то можно наказать одним прощением. Это — единственная казнь, допускаемая за преступления по политическим мотивам после того, как страна обновилась, и это всепрощение может послужить залогом того, что в начавшейся работе монарх пойдёт рука об руку с народом. Это печать того союза, который в настоящее время может быть основан. Народные надежды, народные чувства должны быть удовлетворены; на нас лежит долг единогласно это свидетельствовать. Во имя долга обращаюсь к вам принять предложение, если возможно, единогласно, пожертвовав своими сомнениями во имя родины, во имя любви. (*Аплодисменты*).

Аникин (тр. гр., Саратовской губ.). Вы слышали здесь блестящую речь. Вы слышали призыв к милосердию, я не буду так говорить, я не буду говорить о милосердии, я буду говорить о справедливости. Здесь говорили о том, что нужно простить заблудших, я скажу только: нужно освободить невинных. (*Аплодисменты*). Может быть, там есть и заблудшие, но там невинных больше; там десятки тысяч невинных, захваченных на улицах, взятых ночью воровским образом в квартирах, разлученных с семьями, с детьми, — там голодают, там умирают, там разбивают себе головы об стены. (*Аплодисменты*). Я взываю к справедливости и говорю, что голос народа требует этой справедливости. Не должно быть неправды, не должно быть насилия. Забирали людей по подозрению, по указанию подонков общества. Но есть ещё люди, которые томятся в тюрьмах. Тысячи, может быть, десятки тысяч крестьян, нашего брата, сидят в тюрьмах. У меня есть доказательства, что они сидят хуже всех уголовных преступников, хуже каторжников: их кормят хуже всех воров и разбойников, их оскорбляют, их унижают, и всё это во имя чего? — неизвестно. Крестьяне, которые томятся в тюрьмах, называются уголовными, грабителями. Но для всех ясно, что этот тёмный, изголодавшийся народ, наконец, не выдержал и сделал всё, что возможно в положении нашего крестьянина. Голодный, забитый, тёмный, ничего не понимающий, лишённый возможности сказать и услышать разумное слово, — он пошёл. Крестьяне поступили нехорошо, поступили плохо, но нельзя так наказывать, нельзя так судить, нельзя судить крестьян за то, что они были захвачены волной освободительного движения и брошены в волну революции. И за это десятки тысяч крестьян страдают. Справедливость требует, чтобы самая широкая амнистия была распространена на них. Я, как крестьянин, говорю, что с ними страдает всё русское крестьянство, и амнистию для аграрников выставляет и требует как акт справедливости для всего крестьянства. (*Аплодисменты*).

Аладьин (тр. гр., Симбирской губ.). Господа народные представители, я не буду говорить вам ни о прощении, ни о справедливости, я обращаюсь не к вам. Я знаю, что среди вас не найдётся ни одного, кто осмелился бы подумать о том, что мы не должны дать так называемую амнистию. Я

обращаюсь не к вам, я обращаюсь к тем, у кого есть ещё время хоть на один момент понять, с кем они имеют дело и с кем они, наконец, встретились лицом к лицу. За вами вся страна, город и деревня стоят за нами и пойдут за нами. Наши братья в тюрьмах, в ссылке, на каторге могут быть уверены, что мы возьмём их оттуда, и если нет… (сильный жест; голоса: «довольно»). Зато мы представляем последний случай, последнюю возможность понять нас и примирить нас актом, который ускорит появление наших братьев в нашей собственной среде. Я обращаюсь к тому, кто может, — с простыми ясными словами: пощадите нашу родину! Возьмите дело в свои руки и не заставляйте нас взять его в свои собственные руки. (*Аплодисменты*).

Ершов (труд. гр., Казанской губ.). Господа народные представители! Я обращаюсь к вам, как депутат от рабочих. В недалёком будущем наступает день первого мая. Весь пролетариат празднует этот день как национальный праздник; поэтому я бы убедительно просил вас, господа, возможно скорее, возможно единодушнее решите его и дайте всему пролетариату уверенность, поддержите в нём веру, что вы — народные представители, потому что в той будущей борьбе, которая возможна при осуществлении намеченных вами реформ, вам придётся столкнуться лицом к лицу с той тёмной реакцией, для победы над которой необходима поддержка пролетариата.

Жилкин (труд. гр., Саратовской губ.). Я стыжусь обращаться к вам с такой просьбой и требованием, с каким обращались все предыдущие ораторы. Я никак не могу допустить, чтобы громадное подавляющее большинство единогласно не потребовало бы амнистии! Но я обязан говорить об амнистии, потому что сейчас я представляю себе всю Россию, которая, подняв в многомиллионной массе глаза, исполненные страдания и гнева, сюда на нас, — ждёт нашего решения. Они послали нас, и мы ещё слышим те гневные жалобы, грозные речи и слёзы, с которыми провожали нас. Много наболевших нужд, много страданий, много ужасов в нашей измученной стране; но говорили ли нам крестьяне, говорили ли мещане, говорили ли рабочие, говорила ли и требовала интеллигенция — везде, везде, на первом плане, во всех программах, во всех требованиях стояло первым словом «амнистия», и мы, явившиеся сюда от имени народа, от имени крестьян, или мещан, или рабочих, или, наконец, интеллигенции, мы, я думаю, не можем не сказать того первого слова, которое нам приказали сказать. Может быть, нам нужно сказать не для нас самих, не для того, чтобы убедить нас в этом первом требовании (я говорю и подчёркиваю: требование, а не просьба). Я мирный человек, я слабый человек, но всем сердцем, всей душой я чувствую, что к великому ужасу, к великому огорчению, время просьб прошло и кануло безвозвратно. Народ теперь требует, требует от всего исстрадавшегося сердца и измученного тела. Не может он просить, не может он жаловаться одними слезами, когда его братья, отцы, сестры, матери сейчас, в настоящую минуту, томятся по тюрьмам, по рудникам далёкой Сибири и ждут того, чего ждёт весь народ.

Народ, пославший нас, ждёт, какие слова мы скажем в первую очередь, скажем в этом первом избирательном государственном учреждении. И вот пусть знает народ, пусть читает все речи, которые здесь произнесены, выразительные речи, горячие, страстные, различающиеся в оттенке, но как в громадном фокусе соединяющиеся в одном вопле, в одном крике: «немедленная амнистия». Пусть народ скажет, что мы честно, открыто и мужественно сказали то великое слово, которое он требует. Это будет залогом, что мы скажем дальнейшие слова; для нас важно, как народ к нам относится и чего ждёт, и пусть он верит, что та техника, неизбежный формализм которой мучает нас, — пусть он знает, что эта медленность не зависит от нашей воли и желаний, что мы сами мучаемся этим и стремимся к одной желанной цели, и если говорим по частям, говорим только

первое слово, не говоря дальнейших слов, — то для того, чтобы планомерно провести требования. Я думаю, что народ будет верить, что первое требование поставлено честно и смело, и будет терпеливо ждать дальнейших требований. Если они не будут удовлетворены — мы, может быть, уйдём отсюда, отойдём, может быть, в сторону, но пусть тогда народ встанет лицом к лицу с теми, которые не удовлетворили наших требований. (*Аплодисменты*).

Заболотный (труд. гр., Подольской губ.). Господа, святое слово «амнистия» было произнесено, но такое святое слово, как амнистия, может очень часто оказаться бездонной пропастью, которую мы никогда не наполним, сколько бы мы ни наполняли нашими желаниями и нашими стремлениями. Это слово может оказаться бездонной пропастью тогда, когда казни будут продолжаться, и смертная казнь останется в законе, пока она останется в применении. Ведь сегодня амнистируют одних, а завтра присудят военным судом и приведут в исполнение казнь над другими. Для того, чтобы дело амнистии было полно, необходимо, чтобы рядом с ним стоял вопрос, если не об отмене, так как отмена может пройти лишь законодательным путём в общем порядке, то о приостановке всех казней по военным, по уголовным, по политическим делам и судам. Тогда только дело амнистии будет верным, тогда только мы будем спокойны, что, добившись этой амнистии, мы завтра же не будем свидетелями новых казней, ещё более ужасных, ещё более поспешных, чем были предыдущие. Да, господа, когда нас посылал сюда народ, он говорил: «Идите мирно, добивайтесь счастья, добейтесь амнистии, добейтесь свободы, земли и воли». Он нам говорил это, но вместе с тем он послал нас, как парламентеров, указать, что на Руси не должно быть больше войны, на Руси должен быть мир, на Руси должны отпасть военное и другие подобные положения. Это значит: если на Руси устанавливается мир, так и все пленные без исключения, как это бывает после всякой войны, должны быть освобождены в полном своём составе, без малейшего исключения, без малейшего изъяна. Итак, от глубины сердца присоединяясь к предложению члена думы Родичева, я вместе с тем прошу добавить от имени собрания следующие слова: «Мы просим амнистии и вместе с тем настаиваем на приостановке казней впредь до издания закона об отмене смертной казни по всем делам, по каким только она могла бы быть применена раньше, и теперь, или в будущем». (*Аплодисменты*).

Галецкий (труд. гр., Архангельской губ.). Господа, здесь сказано было слово «прощение». Я из всех сил души протестую против этого слова. Амнистии мы просим не как прощения, а как забвения всего того, что произошло. В минуту исторического перелома естественно говорить о забвении, и нельзя говорить о прощении. Господа, мы должны помнить, что мы пришли сюда по трупам, пришли с ветвью мира, но пришли скорбною стезёю.

Новодворский (Варшава). Граждане! Представители граждан всего государства! Здесь дело не в красноречии; это не люди говорили и не слова говорили: всё, что мы выслушали здесь, были волны слёз, волны крови, вихри воплей человеческих, которые полились со всех сторон всего государства в этот зал. Там столько страждущих в эту минуту, которая именуется весною свободы для государства! Я сам привёз с собою такие вопли. Царство Польское слышит их много, благо — там военное положение почти сплошь существует столь долгие годы, а теперь существует не только принципиально. Но здесь не пора, не время, нет нужды указывать на то, сколько терпели и терпят люди. Мне кажется, что чем меньше мы будем говорить, тем больше наше слово будет мощно и сильно.

Шапошников (труд. гр., Курской губ.). Господа, долг депутата крестьян Курской губ. заставляет занять меня ваше внимание несколькими словами. Курская губерния — одна из губерний, в которой томятся в тюрьмах сотни лиц, участвовавших в аграрных беспорядках. Мы знаем, что зал наполнен лицами, после той войны, в которой участвовали крестьяне. Они боролись за землю, волю и свободу, и сотни таких борцов Курской губернии томятся теперь в тюрьмах. Меня послало сюда, в государственную думу, крестьянство, дав наказ: боритесь, продолжайте борьбу за землю, волю и свободу. В тот момент, когда дума составлялась, по-видимому, прекратилась война. Я хотел бы сказать, что она прекратилась, — во всяком случае, мы накануне серьёзного перемирия, а раз устанавливается перемирие, заложники и пленники должны возвратиться в свою страну. Если они пойдут в свои голодные семьи, если борцы за свободу будут выпущены на свободу, мы, господа депутаты, этим самым скажем, что желаем серьёзного перемирия. Я думаю, что первое слово, которое должна произнести дума, — это желание перейти на борьбу правомерную, на борьбу слов, на борьбу парламентскую, и всё то, что было сделано до думы, роковым образом вытекает из тех ненормальных условий, при которых люди добивались земли, воли и свободы и попадали в тюрьмы, где и сейчас томятся. Они томятся в тюрьмах не потому, что они преступники, а потому, что они борцы, потому, что добивались того, чего мы здесь добиваемся. Эти люди сделали больше, чем мы сделаем, сидя в думе, и поэтому долг справедливости, святой долг требует от нас, чтобы все эти борцы за свободу и землю были выпущены на свободу и возвратились в свои семьи. У меня в кармане пачка писем из тюрем и с воли, и все они говорят одно. Я прочитаю три строчки из письма, в котором очерчено положение человека, находящегося в бегах: «Хоть убейте нас всех, но только поскорее развяжите нас с царством конца». Потребовав, чтобы выпустили людей на свободу, мы тем самым пожелаем, чтобы кануло в вечность это царство конца, и приступим к началу новой жизни, началу жизни, которую мы будем строить на основах справедливости. (*Аплодисменты*).

Седельников (труд. гр., Оренбургской губ.). Я вполне присоединяюсь к тем ораторам, которые отрицают даже самую необходимость доказательства необходимости амнистии. Но я совершенно не согласен с тем основанием, которое выставил первый оратор, именно с тем, чем должна быть амнистия: милосердием или справедливостью, просить её или требовать. Вот четыре вопроса, которые разделяются на две параллельных группы. Если милосердие — надо его просить, если справедливость — надо её требовать. Я думаю, что в данном случае это не милосердие и не справедливость, а необходимость. Одни говорят, что крестьяне и вообще политические преступники — продукт брожения, другие — что крестьяне были вовлечены в поток революционного движения. Это не так. В аграрных беспорядках, в наших политических преступлениях сказывается итог нашей истории, итог точный и безошибочный. Та роскошь, то золото, те бриллианты, которые я здесь видел, эти огромные здания столицы… Откуда всё это явилось, если это не их труд, не их пот, не их достояние? И надо страшиться той минуты, когда они это поймут. Мы, как представители народа, не должны говорить о милосердии. Мы должны говорить, что момент, в который мы собрались, — страшный момент. Может быть, это перемирие, я не знаю. Если это — перемирие перед войной, то оно может окончиться страшной войной, подобной которой не было ещё на Руси, и тогда об амнистии хлопотать не стоит. Мы, представители народа, по поручению его, требуем амнистии во имя блага народа. Иначе произойдёт то, о чём даже подумать страшно. Есть ещё и другая сторона, о которой я должен сказать, как представитель казачества. Тот строй, который осуждён историей, ещё жив. Тот строй, который восстанавливает брата на брата, детей на отца, отца на детей, этот строй вооружил одни слои населения против других, и наше казачество оказалось одним из таких, которые, оставаясь верноподданными, стали

врагами своему народу. Государственная дума должна сделать так, чтобы этого не было, чтобы не было братоубийственного сословия казачьего, как сословия военного, отделённого китайской стеной от остальных. Казаки должны быть такими же гражданами, и первым шагом к этому должно быть возвращение всех казаков, несущих внутреннюю службу, домой. (*Аплодисменты*).

Михайличенко (труд. гр., Екатериносл. г.).

Граждане! Я представитель от рабочих Екатеринославской губ. Я думал, когда жил в провинции, что, когда поеду в думу, представители народа ни за какое дело не возьмутся, пока у них не будут развязаны руки, не приступят к созидательной работе, не выпустив тех мучеников, которые стонут в тюрьмах. Но я разочаровался… Мне говорят, что надо формальности соблюсти.

Председатель. Мы сейчас обсуждаем тот вопрос, которому, по вашему мнению, мешают формальности. Перейдите, пожалуйста, к делу.

Михайличенко. Я не буду этого касаться. Будем стараться, чтобы эти формальности пришли к концу. А ещё меня страшно тревожит, что скоро 1 мая. Меня на улицах встречают товарищи-рабочие и спрашивают: «Как вы об амнистии думаете? Чем вы можете гарантировать, что не польётся больше кровь»? Как нам показаться народу, когда перед нашими глазами польётся кровь. Поэтому я бы просил всех граждан направить все силы к тому, чтобы немедленно потребовать полной амнистии, постановив требование амнистии единогласно, без комиссии. Ответ на тронную речь мы можем и после составить.

Антонов (труд. гр., Пермской губ.). Неужели мы доживём вновь до того, чтобы повторилось то, что было после 17 октября? Уже этого довольно… И вот мы людей судим, что они виноваты, что они заблудились… Да вовсе они не виноваты! Нет у нас виновных людей — ведь льётся кровь христиан — если у нас что и было, то нельзя иначе сказать, как недоразумение. Это было чувство открытое; первый раз в России родилась воля, свобода слова, свобода всего. Так значит нам и прений сейчас не надо — давайте покончим дело рука об руку.

Голос. Прошу о прекращении прений по этому поводу.

Гредескул (Харьков). Господа народные представители! Те прения, которые мы ведём в настоящую минуту, направлены на выработку мотивировки того, как раньше выразился один из ораторов, крика души, который раздался и вылился уже на первом заседании. Мотивировка может быть самая разнообразная. Здесь указывали на то, что амнистия должна быть делом милости, указывали на то, что она должна быть делом справедливости, указывали, наконец, на то, что она должна быть прямым требованием, так как народ её требует. К этому, может быть, придётся прибавить, что она есть дело отчаяния. Положение таково, что мы должны перед этим вопросом испытывать почти отчаяние. Хотя то заявление, которое было сделано здесь одним из предыдущих ораторов, а именно Аладьиным, встретило неудовольствие с некоторых сторон, но если его рассмотреть глубже и вдуматься объективно, то это заявление окажется вполне справедливым. Он сказал, что, если те, кто теперь томится в неволе, кто страдает за дело освобождения, если они не будут освобождены в порядке справедливости или милости, то они будут освобождены самим народом. Это — дело чести для русского народа. Значит, то, что сказал депутат Аладьин, есть совершенная правда. Я не знаю, может быть, депутат Аладьин облёк это заявление в неправильную форму. Его заявление имело форму угрозы, вызова, а мне кажется, что наше положение по вопросу

об амнистии слишком серьёзно, чтобы нужно было делать вызовы и произносить угрозы (аплодисменты). Но, господа, мы должны сказать здесь всю истинную правду, обрисовать настоящее положение вещей; а настоящее положение вещей заключается в том, что все насилия и беззакония, которые делались, нужны были лишь одной кучке людей, может быть, чрезвычайно небольшой, что они, по существу дела, совершенно не нужны самому монарху, что они ставят народ в такое положение, при котором он должен употребить все средства для устранения его; положение таково, что народ должен или этого добиться, или погибнуть. Конечно, если дело дойдёт до такой крайности, что придётся обеим сторонам помериться физическими силами, то и тогда, я уверен, народ победит. Но если бы даже оказалось, что победит не народ, а грубая физическая сила, то народ должен идти и при этих условиях, чтобы попытаться устранить то, что теперь совершается. Он поставлен в такое положение, что во всяком случае должен идти вперёд. Мы должны это иметь в виду при решении поставленного вопроса. Необходимо достигнуть в этом вопросе того единогласия, о котором взывал Родичев. Если для достижения этого мы должны облечь наше обращение в форму просьбы о милости, то я ничего не имею и против этого. Мы должны только помнить, что если в форме милости русскому народу это не будет дано, то депутат Аладьин окажется прав. Народ добьётся амнистии в том порядке, в каком он сам захочет.

Председатель. Внесено предложение о прекращении прений.

Галецкий (тр., гр. Архангельской губ.). Могу мотивировать его?

Председатель. Да.

Галецкий. Только два слова… Господа, мне кажется весьма неудобным то, что прения затягиваются, потому что излишние слова, не вызванные сущностью дела, несколько ослабляют то впечатление единодушия, которым проникнуто наше желание насчёт амнистии. Со своей стороны надо стараться представить в комиссию оттенки всех мнений, которые были высказаны, и принять во внимание всё, что будет сказано для ответа на тронную речь. Если редакция окажется несоответственной желанию большинства, то снова будет возможно исправить редакцию во время прений, когда адрес будет принесён на обсуждение думы. Вот почему я в настоящее время предлагаю прения прекратить.

Дума постановляет прения прекратить и принимает вслед за тем единогласно предложение Родичева с дополнением Заболотного к третьему пункту, которое гласит: «внести указание на безусловную необходимость ныне же приостановки смертной казни по всем делам политическим и уголовным, в общих и военных судах, до тех пор, пока не будет окончательно и раз навсегда отменена смертная казнь в России». Дружные продолжительные аплодисменты подтверждают, что этим постановлением выражено заветное желание всех.

Заседание 3-е.

30 апреля.

Приветствия государственной думе продолжали поступать и после открытия её. В третьем заседании был опять прочтён ряд приветствий от губернских и уездных земских управ, от преподавательского персонала высших учебных заведений, от разных обществ, от фабричных рабочих, приказчиков и официантов.

На очереди избрание членов в комиссию для составления ответного адреса на тронную речь.

Вносятся два предложения.

Деп. Чуриков (тр. гр., Московской губ.) предлагает, перед приступлением к избранию членов комиссии послать немедленно телеграмму на имя Государя Императора с просьбой об освобождении в тот же день всех заключённых по политическим, военным и аграрным делам и о приостановке смертной казни впредь до издания закона.

Предложение *деп. Корнильева* (тр. гр., Вятской губ.) гласит:

«Ввиду того, что Государственная дума единогласно постановила внести в „ответ на тронную речь Государя“ заявление об амнистии и о приостановке смертной казни до издания специального закона, и ввиду того, что вопрос об амнистии был освещён и разработан многими ораторами на предыдущем собрании с достаточной полнотой, не встретив никаких возражений в деталях; — наконец, ввиду того, что решение этих вопросов в комиссии может затянуться надолго, так как в „ответе“ будут помещены, без сомнения, и другие заявления, и ввиду того, что страна безмерно мучается этими вопросами, не мирится с отсрочками и ожидает немедленного проведения в жизнь этих вопросов, — я предлагаю Государственной думе, помимо включения этих ожиданий в „ответ на тронную речь“, немедленно выразить свою непреклонную волю, или, что то же, волю всего народа: желать осуществления немедленной амнистии всем так называемым политическим преступникам и отмены смертной казни. К политическим следует отнести, кроме административных, сидящих в тюрьмах и сосланных, также и привлечённых судебной властью к уголовной ответственности и уже отбывающих наказание по суду по мотивам политическим, т. е. если они совершили преступление из любви к родине и из желания ей блага, а также и всех лиц, томящихся в тюрьмах и умирающих в ссылке от голода из-за аграрных волнений. Пусть Дума выразит эту свою волю, волю народную, через председателя Думы Государю». (*Аплодисменты*).

Предложения эти вызывают живой обмен мнений.

Проф. Шершеневич (к.-д.). Решив включить вопрос об амнистии в ответ на тронную речь, Государственная дума, как мне кажется, предрешила вопрос о том, чтобы амнистию не выделять из ответного адреса. Делать из этого вопроса отдельное положение представляется в высшей степени рискованным: если мы выделим вопрос, то мы идём на конфликт. Конфликта бояться нам нечего, но вопрос в том, какой конфликт и на какой почве его можно устраивать. Когда Дума с достаточною ясностью высказалась по вопросу о желании этой амнистии, мне кажется, что все в России, имеющие уши, слышали это желание народное, и не на Думе будет лежать уже ответственность за то, что не исполнено это народное желание. Это должны сделать те, в руках которых находится к этому возможность. Но, может быть, возникает сомнение, будет ли такой конфликт. Я думаю, что он неизбежен. В самом деле, нам предлагают послать сегодня телеграмму, предлагают послать депутацию, но каково будет положение Думы в том случае, если не будет ответа на телеграмму, если посланная депутация не получит утвердительного ответа? Мы, уважая себя, уважая свои права, должны будем пойти на конфликт. В неполучении ответа мы должны уже видеть конфликт. Значит, поставив так категорически вопрос, мы должны будем сказать: пока не разрешится в благоприятном для нас смысле наше желание, наше требование, до тех пор мы не приступим к дальнейшей работе. Итак, конфликт неизбежен; но желателен ли конфликт именно на этой почве? Господа, вы сами не раз здесь говорили: народ послал своих избранников с

требованием земли и воли. Может ли дума разойтись, бросить свою работу, не заявив этого основного требования? Ведь амнистия, выпуск тех, кто томится, ещё не предрешает вопроса о земле и воле. Мы его не ставили, и если бы нас разогнали, если бы распустили думу, или дума сама разошлась, не заявив требования о земле и воле, то я опасаюсь, что наши избиратели останутся неудовлетворёнными. Они скажут: «Мы вас посылали требовать земли, требовать воли и свободы, а вы, не заявив этих требований, довели дело до столкновения и разошлись». Ведь не надо же обманывать себя, что в настоящую минуту мы и правительство составляем две, скажем прямо, враждующие стороны. Может быть, правительству было бы наиболее приятно принять бой сейчас, в первый же момент, на этом первом вопросе, не доводя думу до того, чтобы она высказала те требования, которые составляют основное желание всей страны. Мы конфликта не боимся, и партия народной свободы сказала, что она не будет избегать конфликта, но пусть этот конфликт произойдёт тогда, когда мы с уверенностью можем сказать, что с нами безусловно весь народ, что народ нам не бросит упрёка в том, что мы рано оставили работу. Вот когда мы поставим аграрный вопрос, вопрос о свободах, тогда мы можем быть уверены, что с нами народ, тогда, и только тогда, мы можем требовать; сейчас же мы ещё не уверены в том, чтобы наши заявления могли быть признаны требованиями.

Когда правительство даст случай для конфликта, я думаю, господа, мы все будем согласны с тем и в том, чтобы этот конфликт поставить окончательно и твёрдо. Но сейчас, вызывая конфликт, мы, может быть, рискуем тем, что самое ценное — народным благом. Если же столкновение возникнет на почве социальных вопросов, тогда, господа, конфликт не так страшен, потому что тогда мы рискуем только одним, только собою, а не народным благом.

Ксендз Трасун (Витебская губ.). — Господа, я вполне присоединяюсь к мнению члена думы, который до меня говорил; я совершенно того же самого мнения, что мы можем потребовать амнистию и должны её потребовать, но делать это так круто…

Председатель. — Нельзя ли избежать слова «требовать». Я нахожу его в данном вопросе неподходящим.

Голоса. — Почему? Требовать. Именно требовать. (*Аплодисменты*).

Председатель. — Прошу сохранять порядок.

Ксендз Трасун. — Но делать это дело так круто, чтобы больше никакого поворота не осталось, я бы находил тоже неблагоразумным. Я хотел только вспомнить о том, о ком никто вчера не вспомнил, и что жалко было бы опустить. Мы, господа, забыли о карательных отрядах, мы забыли о нагайках, — позор русского народа, — которые гуляют по спинам мужиков. Я приехал из той губернии, где именно эти карательные отряды действуют. Кровью обливаются крестьяне, бьют их без всякой вины. Мне самому приходилось быть в тюрьмах, где 400 человек заключённых получают содержания по 6 копеек в день — столько, чтобы не умереть с голоду, но не столько, чтобы быть сытым. Мне приходилось говорить с этими людьми: за что их били нагайками? За что их посадили в тюрьму? И эти люди отвечали, что донёс урядник, потому что они не дали ему трёх рублей, которые он требовал, что недоброжелатели донесли. Поэтому, господа, по-моему, в ответе на тронную речь следовало бы высказать также требование о немедленном отзыве всех карательных отрядов и об отмене военного положения. (*Продолжительные аплодисменты*).

Савельев (тр. гр., Москва). Я сам рабочий, знаю, как настроена теперь Москва и как настроен Петербург. По улицам Петербурга и Москвы расклеены от градоначальников объявления, что никакие митинги, никакие сходбища, никакие манифестации завтра не допускаются, но я заявляю, что рабочие не будут смотреть на эти распоряжения правителей столиц и других городов. Завтра рабочий праздник, и митинги будут везде. На этих митингах рабочие, как всегда, составят группы и пойдут по улицам с манифестацией. Клич манифестации будет: «Амнистия». Поэтому прошу поспешить: каким-либо образом, какими-либо требованиями или заявлениями, или просьбами, — в этом я предлагаю разобраться самим господам членам, — но только необходимо ответить, необходимо выразить сочувствие рабочему классу. (*Аплодисменты*).

Проф. Гредескул (Харьков). Здесь внесено предложение о том, чтобы поспешили с объявлением амнистии, чтобы было заявлено, что ждать больше невозможно. Для меня это более чем понятно. Но, несмотря на это, я не могу присоединиться к этому предложению. Может быть, хорошо, что оно сделано, может быть, те, кто его сделали, выполнили свой долг. Это есть заявление со стороны части палаты, притом части чрезвычайно авторитетной, именно со стороны, главным образом, крестьян и рабочих. Тем не менее мне кажется, что вся наша палата его не может принять, прежде всего потому, что это заявление, если бы его приняли, не представляется само по себе средством для немедленного возвращения всех тех, о ком здесь просят. Те, которые ставят ультиматум, может быть, думают, что стоит его только поставить, и всё будет достигнуто. Я, к сожалению, этого не думаю. Я думаю и совершенно согласен с Шершеневичем, что не нужно делать конфликта, но что конфликт неизбежен, если амнистия не будет дана. Какая же у нас санкция нашего требования? Позвольте: ведь у нас нет готовой армии организованных физических сил, которые мы могли бы двинуть в случае отказа. Но за нас стоит народ, весь народ. Это ясно и понятно. Этот народ, если наши требования не будут исполнены, добьётся исполнения этих требований, но не завтра и не послезавтра. Тогда будет двинут в ход ужасный механизм, которого мы все боимся, и мы, во всяком случае, желаем, чтобы дело обошлось без него, так как мобилизовать его ещё рано. Поэтому сейчас нам остаётся одно — сохранить полное хладнокровие. Подумайте, какая огромная лежит на нас ответственность. Мы должны перед судом истории со своей стороны сделать всё, чтобы избежать упрёка в том, что мы поставили ультиматум, когда его не нужно было ставить, и таким образом сделали то, что нам откажут; отказ же этот поведёт к междоусобной войне.

Граф Гейден (Псковская губ.). Один из говоривших передо мной ораторов заявил, что палата должна уважать свои права. Уважать свои права мы обязаны. Но также и прежде всего мы должны уважать чужие права. Я думаю, что в этом и заключается настоящая свобода. Если мы будем только помнить о своих правах, то мы этим нарушим основные начала свободы. Везде и всюду дарование амнистии есть прерогатива Верховной власти. Требовать амнистии от Верховной власти мы не имеем никакого права. Если мы желаем, чтобы Верховная власть ограждала наши права, как это было сказано в тронной речи, то мы в одинаковой мере должны уважать права Верховной власти. Поэтому, я полагаю, что предложение посылки телеграммы с требованием амнистии следует отклонить. Затем я никак не могу согласиться с постоянными указаниями, что конфликт неизбежен, что рано или поздно этот конфликт явится. Я думаю, что наша работа будет плодотворной тогда, когда мы будем всегда отстаивать свои права, но будем делать это в самой почтительной форме и только тогда мы будем иметь право и надежду на то, что и наши права будут уважены.

Кокошкин (Москва). Не может быть никакого сомнения в том, что вся страна с возрастающим нетерпением ждёт амнистии. Мы хотели бы её ускорить, но, тем не менее, я думаю, то

предложение, которое было здесь сделано с этою целью, её не достигает. Члены Государственной думы сделали постановление: включить вопрос об амнистии в ответ на тронную речь. Если теперь Дума откажется от этого постановления, то этим она покажет, что члены не сознавали всей важности вопроса. Надо разделять два вопроса: выяснить так или иначе форму этого мнения Думы, — это одно; дать ему то или иное формальное направление — это вопрос совершенно другой. Что касается первого, то ведь он уже сделан в первый и во второй дни наших заседаний. Теперь идёт речь о том, какой формальный ход должен быть дан этому заявлению Думы. Единственный формальный правильный ход, — как это справедливо и решила Дума, — включить это постановление в ответ на тронную речь, ибо дать ему иной ход значит представить это постановление в виде закона. Тогда у Думы нет другого пути, как составить соответствующий законопроект, что весьма замедлит вопрос об амнистии: он должен будет идти тогда через Государственный совет. Поэтому более правильный и быстрый путь — это включить постановление об амнистии в ответ на тронную речь. Двух ответов на одну тронную речь никогда быть не может. Потому, если мы дадим ответ на тронную речь в адресе, в котором будет говориться только об одной амнистии, мы или совершенно лишим себя возможности, или до крайности затрудним себе возможность высказать в ответе на тронную речь целый ряд других весьма важных заявлений. Нельзя, несмотря на всё огромное напряжение, до которого были доведены мы в этой зале, забывать того, что вопрос об амнистии не единственный вопрос в России, не единственное поручение, которое нам дали наши избиратели. Если мы сделаем сейчас одно заявление об амнистии и препроводим его на усмотрение Верховной власти, то результат может быть двоякий: или может последовать отказ — тогда создастся такой конфликт, последствия которого в настоящее время предвидеть невозможно: мы не выполним нашего долга перед избирателями. Или, если это заявление встретит самый благоприятный приём, то получится нежелательное для нас и всей страны впечатление, что между правительством и Государственной думой состоялось полное единение, полное примирение, всё только на почве одной амнистии, все же остальные вопросы отодвигаются на задний план. Не по одному вопросу об амнистии нам нужно окончательно высказаться — у нас есть много других вопросов, как, например, о всеобщем избирательном праве, об утверждении избирательного закона, об урегулировании рабочего вопроса, о наделении крестьян землёй.

Не совсем я понимаю, какую практическую цель преследует предложение, внесённое сейчас. Палата об амнистии высказалась два раза и притом совершенно необычно в первый день, а вчера она высказалась единогласно. Теперь ни для кого не может быть сомнения относительно желаний думы в этом отношении. Заявление уже сделано; вопрос идёт о том, в какую форму его облечь для того, чтобы оно достигло скорее своей цели. Сделать так, чтобы формальное заявление думы достигло Верховной Власти и был получен ответ до завтра, нет возможности. Но я и не понимаю, зачем это новое заявление, если в заседании о желательности амнистии говорилось уже два раза, если об этом знают все, которым следует ведать, если об этом знает вся страна и, конечно, известно Верховной Власти. Как справедливо было сказано, ответственность по этому вопросу не на нас лежит. После заявления, которое мы решили единодушно и приняли единогласно, новым заявлением мы только ослабим впечатление. То, что государственная дума должна была высказать, она высказала, все об этом знают, всем об этом известно, все могут оценить последствия, если громко пронесшееся по всей стране желание не будет удовлетворено. (*Аплодисменты*).

Жилкин (труд. гр., Саратовская губ.). Многих уже начинают раздражать затянувшиеся прения, они задерживают нашу работу. Обстоятельство это чрезвычайно важное. На этом вопросе в первый раз столкнулась дума сама с собой. Вчера единогласно, с редким подъёмом чувства, мы решили этот вопрос. Сегодня этот же вопрос разделяет нас, заставляет внутри государственной думы спорить и даже обвинять друг друга. Это чрезвычайно вредно, потому что всего важнее, всего серьёзнее не только поддержать оппозиционное настроение думы, но и поднимать настроение духа страны. В этом залог нашей победы, но, господа, когда вносятся те или другие новые предложения, когда возникают разногласия, нужно чрезвычайно деликатно и чрезвычайно внимательно относиться к этим предложениям. Откуда исходят и какие чувства вызвали этот вопрос? В данном случае чувства руководили не только благородные, но и искренние. Это предложение внесено рабочим и крестьянином, т. е. представителями тех классов, которые представляют громадное большинство населения России, и в то же время это самые исстрадавшиеся люди, самые истерзанные и измученные в нашей измученной и истерзанной стране. Внесено это предложение потому, что этим людям трудно перескочить через все формальности, потому что они уходят отсюда в ту обстановку, где их исстрадавшиеся братья с жгучим укором говорят: «Что вы там делаете, чем занимаетесь, какие пустяки отвлекают вас от неотложных вопросов? Ведь наши братья, наши измученные дети сидят в тюрьмах, положившие все свои силы за тот народ, для которого вы желаете работать, подпали под наказания, и вы не желаете их освободить». К этому предложению нам нужно отнестись с необычайным сочувствием и сказать, что мы тоже болеем вместе с рабочими и крестьянами и скорбим о них. Но мы думаем, нельзя ли поскорее сделать так, чтобы в то же самое время самым лучшим способом использовать наше положение. Здесь говорят, что возможен конфликт. Товарищи рабочие, товарищи крестьяне (аплодисменты), нужно ли нам говорить, что мы менее всего боимся конфликта, менее всего боимся разрыва, но разрыв тот должен произойти таким образом, чтобы за нами стояли не отдельные группы и лица, а вся страна, которая нас прислала. Крестьяне и рабочие! Что она нам сказала? Припомните — это было ведь несколько дней тому назад. Она нам сказала: честно, смело и открыто поставьте эти требования — свобода, земля и воля, устранение всех насильников, возрождение земли к новой жизни! И если вам откажут в этих требованиях, то знайте, что за вами десятки миллионов народа, и этот народ найдёт средства, сумеет вас поддержать. Здесь внесено предложение об амнистии. Конечно, амнистия должна быть немедленной, и мы должны употребить все средства, чтобы она была немедленной, но нет ли такого средства, чтобы все остальные требования точно так же возможно скорее были представлены туда, куда мы желаем их представить. Сейчас предстоят выборы 33 членов комиссии, которая должна выработать адрес и выставить все требования, которые нам указал народ. Я думаю, что нам нужно умолять комиссию, чтобы она, собравшись немедленно, приступила к занятиям. Пусть она работает непрерывно, пусть работает день и ночь, но завтра должен быть представлен проект того адреса, в котором мы желаем увидеть все наши требования; и вот, если будет так, если с полной амнистией будут выставлены все другие желания и требования, то я думаю, что мы можем считать себя удовлетворёнными, и вот тогда мы можем сказать на те укоры, которые ставят нам крестьяне, рабочие и трудовая интеллигенция, что мы всё использовали, употребили все возможные способы для того, чтобы довести эти требования туда, куда желали довести. Если и после этого всё произойдёт не по нашему желанию, тогда уже будет не наша вина.

Деп. Имшенецкий (к.-д., Полтавской губ.), присоединяясь к доводам Кокошкина и Гредескула, вносит следующую мотивированную формулу перехода к очередным делам: «Дума вполне

разделяет чувства, руководившие членами думы, внесшими настоящее предложение. Принимая, однако, во внимание, что она постановила заключение по этому поводу во вчерашнем заседании, дума переходит к очередным делам». (*Аплодисменты* и крики «приступим»).

Тремя депутатами вносится предложение о прекращении прений. Но против него высказывается проф. М. М. Ковалевский.

— Я потому просил слова против прекращения прений, — заявляет он, — что мне представляется возможным примирить то, что кажется непримиримым. Мы здесь для того, чтобы быть посредниками между народом и Царём, для того, чтобы доводить до сведения Царя наши просьбы и ходатайства тех, кто уполномочил нас явиться сюда. Грозит опасность нового потрясения мира и спокойствия, в воздухе носится призрак новых жертв, быть может, пролитие крови. Вправе ли мы ждать того момента, когда мы представим Государю полный список всех тех реформ, которые мы желаем провести в форме ответа на тронную речь? Мы не можем спешить с этой тронной речью, но должны спешить с передачей общей мысли всего произнесённого здесь, и заявить, что грозит новая опасность для государства, и эта опасность может быть предупреждена актом помилования, вследствие той высочайшей прерогативы, которая принадлежит Ему, как представителю Верховной власти в России. В лице председателя мы имеем посредника между думой и Царём. Я верю, что мы выразим общее желание, чтобы наш председатель личным обращением к Государю передал мысль всей думы, а следовательно и всей русской земли о том, что своевременно, необходимо и неотложно дать амнистию, чтобы внести успокоение в страну. (*Аплодисменты*).

Председатель. Я ставлю на очередь данное М. М. Ковалевским предложение. Оно является уже новым предложением, и оно будет рассматриваться после разрешения вопроса о прекращении прений.

И. Петрункевич (Тверская губ.). Будет оно обсуждаться или нет? Ведь это новое предложение, превращающее думу из законодательного учреждения в учреждение для подачи ходатайств за народ, должно быть обсуждено. Мы не желаем быть ходатаями, мы хотим быть законодателями. Нам же предлагают именно первую формулу. Я предлагаю её обсудить.

Председатель. Так как М. М. Ковалевский заявил, что он согласен смотреть на своё предложение как на новое, позвольте покончить с предложением, которое было сделано раньше, а затем мы рассмотрим предложение г. Ковалевского. Сейчас поставлен вопрос о прекращении прений.

Предложение о прекращении прений принимается единогласно.

Государственная дума приступает к избранию комиссии для составления проекта ответного адреса на тронную речь. Избранными оказываются следующие лица: Петрункевич И., Винавер, Набоков, Родичев, Кокошкин, Муханов, Садюков, Щепкин, Френкель, Н. Н. Львов, Теннисон, Аладьин, Апикин, Жилкин, Ершов, Рыжков, Шапошников, Локоть, Назаренко, гр. Гейден, Стахович, Кузьмин-Караваев, Стецкий, кн. Друцкий-Любецкий, гр. Тышкевич, Сыртланов, Лопас, Шемет, Шефтель, Чаксте, Бондарев, Пустовойтов, Буслов.

Во избежание напрасной траты времени, принимается предложение деп. Иоллоса (к.-д. Полтавск. губ.): при следующих баллотировках записками подсчёт записок производить под наблюдением товарищей секретаря, не прерывая заседания.

Председатель предлагает приступить к избранию комиссии для составления временных правил о проверке полномочий депутатов. Дума постановляет, что комиссия должна состоять из 19 человек. Избранными оказываются: М. М. Ковалевский, Иоллос, Кузьмин-Караваев, Стахович, Острогорский, Назаренко, Кокошкин, Котляревский, Черносвитов, Петрункевич М. И., Ледницкий, Набоков, Винавер, Петражицкий, Теннисон, Н. И. Семенов, Пустовойтов, Кутоманов, Христовский.

Председатель. Предложение М. М. Ковалевского состоит в следующем (читает): «Предлагаю думе через посредство своего председателя довести до сведения Государя Императора об единогласном ходатайстве думы о даровании Им амнистии политическим заключённым».

Щепкин (к.-д., Одесса). Я против предложения Ковалевского. По моему глубокому убеждению мы должны стремиться установить совершенно ясное, искреннее отношение между нами и Верховной Властью. Поэтому мы должны прежде всего вполне искренне, ясно сказать, почему мы просим об амнистии. Мы просим не всепрощения, мы просим не простой милости, иначе мы просили бы о ней и для простых уголовных преступников. Мы просим амнистии принципиально, мы просим амнистии прежде всего потому, что мы не считаем больше так называемых политических преступников преступниками. Их обвиняли в том, что они стремились к ниспровержению существующего строя, что они призывали, быть может, к вооружённому восстанию против этого строя. Но, господа, этого строя больше не существует… (*аплодисменты*), и мы пришли в думу для того, чтобы изгладить последние следы этого строя. Мы нравственно разделяем известную долю ответственности этих людей, заключённых и сосланных. Каждый из нас по мере сил своих старался колебать этот существующий строй. Если наши единомышленники по партийной программе попадали в тюрьму и в ссылку, а мы остались на свободе, победили и попали в государственную думу, то тут всё дело в различии характеров, темперамента, возраста, а чаще всего — случая или счастья.

Правда, мы резко отделяемся от так называемых революционных партий. Мы идём своим особенным самобытным путём постепенного развития, путём эволюционным, но даже с этими, так называемыми, революционными партиями мы связаны нравственной солидарностью. Как охотники в горах связывают себя канатами, — так со всеми демократическими партиями России мы связаны признанием четырёхчленной формулы. Мы связаны с этими партиями и тем, что принадлежали к одному и тому же — невозможному — общественному строю, который одних толкал на преступление, других — на равнодушие к преступлениям. Мы связаны с этими партиями и признанием свободы мысли. Мы боремся с теми мыслями, которые они проводят в программе, но самые мысли не считаем преступлением. Вот та троякая связь, которая заставляет нас в силу умственной и нравственной солидарности просить амнистии. (*Аплодисменты*).

Предложение Ковалевского как раз грозит затемнить этот принципиальный смысл амнистии. Прежде всего оно сходит с почвы чисто конституционной точки зрения. С точки зрения конституционной для вас личность Монарха является безответственной. Для нас и тронная речь связана с ответственностью министров, и если бы министерство было не согласно со взглядами, высказанными в тронной речи, оно, по всей вероятности, вышло бы в отставку. Поэтому, когда мы готовим ответ на тронную речь, это не личное обращение к чувству и сердцу Верховной Власти, это

есть только программа, которую мы готовим для всякого министерства, желающего рассчитывать на сочувствие большинства государственной думы. Между тем, предложение Ковалевского стремится заменить ясное юридически-конституционное отношение какими-то туманными, мистическими, таинственными общениями души между народом и Верховной Властью, где мы — государственная дума — являемся какими-то электрическими проводами. В смысле милости, всепрощения, об амнистии заключённым могла бы просить и та государственная дума, которая состояла бы из представителей консервативной, даже реакционной партии, из «истинно-русских людей». Мы же обязательно должны наряду с просьбой об амнистии внести в ответный адрес краткое изложение нашей программы.

Тогда будет совершенно ясно для той Верховной Власти, перед которой мы должны быть совершенно откровенны, что, по нашим политическим воззрениям, по тем задачам, которые поставлены по отношению к земельному вопросу, мы теоретически стоим гораздо ближе к тем, которых карали, нежели к их тюремщикам. Если бы лицам заключённым поставить на выбор, пожертвовать ли успехом тех реформ, которые мы призваны здесь осуществить, или выпустить их на волю, то по всей вероятности они предпочли бы остаться в заточении или ссылке. Если действительно та задача политического обновления России, которую взяли на себя мы, перед лицом выборщиков и избирателей, не осуществилась, то зачем было бы освобождать заключённых из тюрем? — Ведь не для того, чтобы готовить эти места ссылки и тюрьмы для новых политических заключённых, может быть, для нас самих. Поэтому не будем обманывать себя иллюзиями, мечтою, что мы одним словом, одною просьбою можем достичь того правого переворота, который мы призваны совершить. С другой стороны, не будем обманывать и Верховную Власть, прикрывая значительность задач будущей деятельности какой-то слащавой улыбкой наших исстрадавшихся лиц. (*Аплодисменты*).

Андреянов (Симбирская губ.). Предложение Ковалевского может создать конфликт и нежелательные последствия. На это мы не имеем права. Народ не простит нам этого. «Не в резкости сила», как говорил г. Родичев, — «а сила в праве». Мы имеем это право, но мы должны использовать его разумно, не прибегая к таким словам: «мы не боимся конфликта», «мы требуем», «мы идём в бой», «за нас стомиллионный народ» и т. д. (*Аплодисменты*). Нет, мы должны сначала испробовать все мирные средства. Пусть вопрос об амнистии будет помещён первым на тронную речь. (*Аплодисменты*).

По предложению *деп. Рыжкова* дума, несмотря на протест М. М. Ковалевского, постановляет прения прекратить и вслед затем предложение Ковалевского отвергается и по существу.

Протест М. М. Ковалевского не остался, однако, бесплодным. На защиту его выступает *деп. Котляревский* (к.-д. Саратовской губ.). Ему представляется, что путь, на который вступила дума, очень опасен, так как он считает нежелательным, чтобы авторы вносимых предложений лишались путём прекращения прений возможности объяснить и мотивировать их.

— Я думаю, господа, — заявляет он, — что это вовсе не есть простой вопрос формальности или парламентского этикета. Это есть безусловно то необходимое уважение к правам меньшинства, которое должно составлять, так сказать, душу деятельности нашего представительного собрания. До утверждения наказа предложения о прекращении прений не должны лишать слова докладчика. В настоящее время предлагаю давать слово всем уже записавшимся ораторам.

Деп. Рыжков просит добавить к предложению Котляревского, что: «лицо, возбудившее вопрос о прекращении прений, имеет право заявить, чем он мотивируется». Но председатель замечает, что в этом праве никто не сомневался.

Гр. Гейден предлагает постановить, что лица, уже занесённые в список ораторов, могут высказываться и после прекращения прений.

Деп. Винавер (к.-д. С.-Петербург) просит передать вопрос, ввиду его сложности, в комиссию.

Деп. Иоллос (к.-д. Полтавская губ.), соглашаясь с Котляревским, предлагает постановить впредь до выработки наказа, что каждый, внесший предложение, имеет право не только его мотивировать, но и отвечать всем критикам.

Деп. Езерский (к.-д., Пензенская губ.):

— Я полагаю, что нельзя позволять говорить кому угодно и сколько угодно. Когда палата найдёт, что вопрос достаточно выяснен, то обращается к председателю с просьбой закрыть лист ораторов и не принимать новых заявлений о желающих говорить, но дать тем членам, которые уже записаны на листе, говорить; а так как эти листы могут быть длинными, то, чтобы сохранить время, ограничивают время речи каждого записавшегося оратора. После того, как вопрос будет достаточно выяснен, следует дать возможность записавшимся говорить, но дать не более 5 или 10 минут. Могут быть установлены определённые правила или определять время на каждый случай, и тогда менее чем в час мы исчерпаем лист ораторов.

Деп. Ломшаков (к.-д., Петербургской губ.) поддерживает предложения Котляревского и Иоллоса, высказываясь вместе с тем против поправки Гейдена и соображений Езерского. Он считает необходимым ставить прекращение прений по первому заявлению на обсуждение думы и думает, что это единственное верное средство избавиться от обструкции. Ограничение же продолжительности речей, по его мнению, недопустимо в парламенте, где разбираются вопросы чрезвычайной важности. Наоборот, *деп. Массониус* присоединяется к мнению Езерского. Если нежелательна обструкция, то в такой же мере нежелательна и предварительная цензура большинства над меньшинством.

Ломшакову возражает *граф Гейден*:

— До сих пор все ораторы выступали от большинства. Следовательно, если принимать меры против обструкции, то отнюдь не против меньшинства, от которого ораторы почти не выступают, и потому я полагаю, что этот мотив не может послужить к лишению права голоса тех, которые просят слова: это поведёт к тому, что каждый желающий говорить по этому вопросу, боясь гильотинирования с места, как только возникнет вопрос, сейчас же заручится записью, дабы не могли у него отнять возможность высказать мнение.

Предложения Ломшакова, по его мнению, принимать не следует.

Родичев. Господа, чем мы занимаемся? В настоящее время мы около 400 человек мгновенно хотим выработать правила наказа, все те обсуждения, которые нами делаются, причём каждое слово стоит внимания целого собрания, делаются в одно мгновение. Вот вам лучший образчик того, что не следует обсуждать таких вопросов прямо в целом собрании. Мы покончим самым плодотворным образом, передав этот вопрос в комиссию.

Дума постановляет поручить разработку вопроса комиссии для составления временных правил о проверке полномочий.

Председатель сообщает, что поступило предложение деп. Сеффера следующего содержания:

«Прошу предложить на обсуждение думы вопрос о том, не найдёт ли она возможным предложить избранной комиссии к завтрашнему дню составить проект ответа на тронную речь, чтобы завтра дума могла её заслушать, сделать необходимые поправки, дополнения или сокращения, если это понадобится, и, не теряя времени, дать этому делу надлежащее движение. Этого ждут, этого требуют от нас».

Винавер (к.-д., С.-Петербург). При обсуждении этого предложения многие находили это невозможным, и едва ли мыслимо ответ на тронную речь приурочить к такому краткому сроку, как завтрашний день. Но я очень и очень прошу думу принять решение, в котором комиссия бы обязывалась приготовить его в тот краткий срок, который только можно было бы назначить, т. е. дать этой комиссии завтрашний день на то, чтобы она во вторник утром представила проект адреса. В тот момент, когда страна ждёт этого ответа и когда со всех сторон ждут разрешения вопроса об амнистии, я думаю, что думе следует прервать занятия и комиссия непременно должна к назначенному сроку представить проект ответа на тронную речь. (*Аплодисменты*).

После несущественного обмена мнениями о желательности, чтобы проект адреса был напечатан до обсуждения в думе, предложение деп. Винавера принимается единогласно и следующее заседание назначается на вторник, в 2 часа дня.

Председатель. Подано заявление 27 членов думы, имеющее отношение к адресу. Оно гласит:

Мы, нижепоименованные члены государственной думы, в числе 27 лиц, вносим, как неотложное предложение, предоставить члену думы Гарусевичу вне очереди огласить заявление 27 депутатов от Царства Польского, а также сообщить сие заявление в комиссию по составлению ответного адреса на тронную речь.

Гарусевич (Ломжинская губ.). Господа народные представители! Позвольте прочесть заявление членов государственной думы, депутатов от Царства Польского.

«В момент, когда государственной думе предстоит обсудить ответный адрес на тронную речь, мы, депутаты от Царства Польского, считаем своим священным долгом заявить нижеследующее:

Нынешнее Царство Польское, образованное 91 год тому назад из части территории бывшего польского государства, было соединено с Российской Империей на основании международных актов, каковы: трактаты России с Австрией и Пруссией от 3 мая 1815 года и заключительный акт Венского конгресса (Acte final) от 9 июня 1815 года.

Ввиду упомянутых международных актов основанием и условием связи царства с Империей служила „своя“ (для Царства Польского) конституция и принятие Императором титула „Царя Польского“ (ст. 1 акта Венского Конгресса от 9 июня 1815 года).

Сообразно сим условиям Император Александр I 15–27 ноября 1815 года дал Царству Польскому конституцию, которая гарантировала нашей стране вполне автономное устройство, — по которой „корона Царства Польского“ признавалась наследственной в порядке

престолонаследия Императорского Российского Престола (ст. 3) и которую „Государь“ принял за себя и своих преемников (ст. 165 конституции 1815 г.).

Император Николай I заменил конституцию 1815 года так называемой „Органической грамотой“ 1832 года, которая лишила Царство Польское народного представительства, но сохраняла отдельное управление края и весь особый его строй. Таким образом, если и не говорить, что упомянутый внутренний законодательный акт был неспособен отменить основные положения международных трактатов, органическая грамота 1832 года не устраняла понятия автономности Царства Польского.

Упразднение этой автономности состоялось лишь впоследствии путём отдельных законов и административных постановлений, юридически невластных изменить основное отношение Царства Польского к Российской Империи.

В „основных государственных законах“ (ст. 4) значилось поныне, что „с Императорским Всероссийским престолом нераздельны суть престолы Царства Польского и Великого Княжества Финляндского“.

В новых основных государственных законах от 23 апреля 1906 г. название Царства Польского вполне устранено.

Таким образом, накануне открытия государственной думы правительство порвало одно из начал общегосударственного строя.

И это происходит в момент, когда все население Царства Польского горячо и единодушно ратует за автономные права своего края; когда требования о сем польского народа нашли дружный отклик в русском освободительном движении, и когда нам, полякам, открылась было возможность отстаивать свои неотъемлемые права перед лицом русского народа.

Правительство стремится поставить этому преграду. Упомянутое устранение названия Царства Польского из основных законов представляется со стороны правительства попыткой изъять, по формальным основаниям, из обсуждения государственной думы существенный и назревший вопрос о восстановлении надлежащих прав нашего края.

Против этого посягательства и вообще против попрания прав польского народа мы здесь протестуем и протест свой обращаем к русскому народному представительству.

Наши права неотъемлемы и святы, и из них исходит необходимость автономии Царства Польского, как заветное требование всего населения нашего края.

С этим требованием являемся мы в государственную думу бороться за наши права и за общую свободу.

Подписи: Виктор Яронский, Збигнев Падеревский, Теофил Валигурский, Иосиф Свежинский, Иосиф Островский, Тадеуш Валицкий, М. Фульман, граф Тышкевич, Иосиф Сухоржевский, Иосиф Главиновский, Альфонс Парчевский, князь Северин-Святополк-Четвертинский, Гарусевич, Бронислав Малевский, Ян Вигура, Александр Христовский, граф Маврикий Замойский, Иосиф Наконечный, Бронислав Грабянский, Ян Стецкий, Иероним Кондратович, Матеуш Мантерис, Юлий Флиорковский, Богдан Залевский, Фр. Новодворский, А. Ржонд, И. Блыскош.

Заседание четвертое 2–5 мая.

Председатель. Ко мне поступили заявления, которые я должен поддержать в качестве председателя, заключающиеся в том, чтобы государственная дума приступила к составлению наказа. Я буду ждать предложения от членов государственной думы. Принципиально никто не желает высказаться?

Голоса. Избрать комиссию для составления наказа.

Дума по предложению *деп. Галецкого* (тр. гр., Архангельской губ.) постановляет передать разработку наказа в комиссию 19-ти, избранную для выработки временных правил о проверке полномочий.

Председатель предлагает, вслед за тем, до приступа к рассмотрению ответного адреса, решить вопрос о прекращении прений, возбужденный в прошлом заседании, так как при сложных прениях, которые могут возникнуть при этом, надо точно знать, как эти прения вести. Это предложение принимается, и слово предоставляется докладчику комиссии проф. *Котляревскому (к.-д. Саратовской губ.)*.

— Комиссия, — докладывает он, — в своей разработке исходила из той мысли, что нужно здесь соблюсти два интереса, согласовать два одинаково, быть может, важных принципа: 1) несомненно, что при ограниченности времени было бы безусловно опасно не иметь в распоряжении председателя думы никаких средств для того, чтобы в той или иной мере положить предел прениям, и 2) еще более, может быть, опасно вооружить думу и ее председателя такими правами по прекращению прений, которые были бы особенно пагубны и вредны для права думского меньшинства. Прекращение прений или, лучше сказать, сокращение времени прений может быть достигаемо различными способами. Наиболее простым является так называемое прекращение записи. Это наиболее простая, естественная мера, хотя оказывалось, что она не достигает всегда достаточно практических результатов. В самом деле, если известно, что через некоторое время будет возбуждено предложение о прекращении записи, то можно думать, что сразу, при открытии прений, целый ряд ораторов запишется; запишутся даже те, которые не имели намерения говорить, для того, чтобы в определённую минуту не потерять права слова. Несколько дальше идёт другая мера, более суровая, которая требует не только прекращения записи, но, предоставляя право записанным ораторам высказаться, ограничивает их определённым временем — в 10 или в 5 минут. Практика различных съездов и собраний показывает, что и этот способ представляет известные неудобства. Прежде всего, по существу есть вопросы, в которых действительно чрезвычайно трудно сконцентрировать свою мысль, собрать свои аргументы в такой короткий промежуток времени, как 5 минут. Очень часто, благодаря некоторой искусственности этого срока, ораторы не подчиняются требованию, переходят пятиминутный срок и т. д. Иногда собрание это разрешает, иногда не разрешает, во всяком случае здесь происходит отступление от строго установленного порядка.

Остаётся третий способ, наиболее действительный и, по-видимому, единственный, который в парламентских странах может быть безусловно противопоставлен так называемой обструкции. Этот способ состоит в том, чтобы в известный момент прения вовсе прекращались. Комиссия выяснила, что это действительно, в сущности говоря, единственный рациональный способ ограничить время, употребляемое на прения, но, с другой стороны, в комиссии были представлены соображения,

насколько подобное право в собраниях является опасным. Дело в том, что в новом представительном учреждении нам безусловно необходимо сохранить полное уважение к правам меньшинства. Между тем при этом способе меньшинство может лишиться того единственного права, той единственной защиты своих интересов, которые у него остаются. Меньшинство не может изменить результат голосования, но трудно не признать за ним права отстаивать перед парламентом и, следовательно, перед страной свои интересы. Так называемая абсолютная гильотина представляет для этого меньшинства значительную опасность.

Поэтому, принимая в известных случаях эту абсолютную гильотину, комиссия обставила это право прекращения прений значительными затруднениями. Она предлагает, чтобы заявления о прекращении прений вносились за подписью не менее 30 лиц и считались отвергнутыми, если против них окажется не менее 50 человек. Но, конечно, новый парламентский регламент не может заменить тех моральных гарантий, которые должны быть присущи сознанию народных представителей.

Комиссия не считала возможным применять одинаковые правила для голосования по общим вопросам и для голосования по вопросам специальным. Комиссия думает, что злоупотребления слишком длинными речами и известной расплывчатостью во всяком случае более часто могут встретиться при общем обсуждении вопросов, чем при специальном рассмотрении его параграфов и статей. Поэтому, допуская такое ограничение прений и полное их прекращение в случае общего рассмотрения как законопроектов, так и предложений, внесённых отдельными членами, комиссия считала невозможным допустить тот же приём, раз от этого общего рассмотрения перешли к рассмотрению отдельных параграфов, отдельных статей или отдельных частей проекта.

Затем, несомненно, что правила о прекращении прений не могут простираться на известную категорию лиц и не могут простираться прежде всего на представителей власти, как, например, на министров, которые в данную минуту находятся в палате и которые принуждены давать объяснения до и после прекращения прений. Точно так же подобное право должно быть предоставлено докладчикам комиссии, ибо, очевидно, они находятся в особом положении: они являются инициаторами и проводниками данного доклада, и поэтому для устранения различных недоразумений им точно так же должно быть предоставлено это право. Сюда же комиссия относила и всех отдельных членов Государственной думы, вносящих в данную минуту какое-либо предложение.

Наконец, кроме этих общих случаев, комиссия предусматривает некоторые более специальные: так, например, комиссия считала, что все речи, касающиеся порядка дня, не могут быть регулируемы теми же правилами, что и прения по существу. Наконец, комиссия предлагает ещё одно постановление: когда вносится предложение о прекращении прений, должно быть предоставлено хотя бы одному члену Государственной думы высказать мотивы против такого прекращения. Комиссия считала, что раз предложение внесено, то высказаться за него нет необходимости, а совершенно достаточно предоставить одному лицу высказаться против него.

Несомненно, что по каждому из предположений комиссии могут явиться крупные возражения. Указывалось, что на первых порах нашей совместной деятельности, когда все мы мало ещё в сущности привыкли к формам парламентской работы, на первых порах было в высшей степени нежелательно вводить какие-нибудь слишком стеснительные правила. В частности, по отношению к тем прениям, которые возникнут в ближайшее время по поводу ответа на тронную речь Государя

Императора, было высказано мнение, что нежелательно было вводить в эти прения какие-нибудь ограничения. Этот адрес — акт торжественный и ответственный, акт всего русского народа, должен быть представлен во всей своей полноте. Проектированные правилами условия довольно эластичны, тем не менее известный предел они ставят. Другое, противоположное, предложение было сделано теми, которые, всего более опасаясь нарушения привилегий меньшинства, говорили: как бы ни были либеральны эти правила, тем не менее ими недостаточно предусмотрена возможность нарушений прав меньшинства. Указывалось на то, что было бы желательно обойтись без этой абсолютной гильотины. Комиссия находила, однако, что для групп меньшинства, наиболее нуждающихся в возможности заявить своё мнение, проектируемые правила обеспечивают широкую свободу выражения мнений. Во всяком случае эти правила дают лишь особое орудие в руки Государственной думы, которым она может и не воспользоваться. От думы зависит, как применять это правило, так и предоставлять возможно полную и широкую свободу слова всем отдельным группам, интересы которых ею представлены. Это есть крайний случай. Правила сформулированы так: (читает).

«Впредь до установления соответствующих статей наказа комиссия полагает:

1. по предложению (письменному) 30 членов думы может быть поставлен вопрос о прекращении дальнейшей записи ораторов и об ограничении времени, предоставляемого каждому имеющему высказаться, до 5 минут.

2. по предложению такого же числа членов при обсуждении общего вопроса по поводу внесённого законопроекта или предложения и до перехода к обсуждению по параграфам, статьям или отдельным частям может быть поставлен также и вопрос о совершенном прекращении дальнейших прений. Предложение о прекращении прений считается отвергнутым, если против него выскажутся не менее 50 членов;

3. если внесено предложение о прекращении прений, то одному члену думы предоставляется высказать соображения против такого предложения;

4. при обсуждении заявлений к порядку дня, а также при личных объяснениях для всех ораторов устанавливается 5-минутный срок;

5. министр, докладчик и член думы, внёсший предложение, во всяком случае не могут быть лишены права дать объяснения, даже если постановлено предложение о прекращении прений».

Депутаты Петражицкий и Черносвятов (к.-д., Владимирская губ.) заявляют в качестве членов комиссии ходатайство о спешности, и дума признаёт вопрос спешным. Общих заявлений по поводу предложений комиссии не оказывается. Но по поводу отдельных пунктов возникают довольно продолжительные прения. Особенно много разногласий и недоумений вызывает пункт первый; все они, однако, редакционного свойства и настолько маловажны, что деп. Родичев обращается к депутатам с настоятельной просьбой прекратить прения. В конце концов первый пункт принимается в следующей, видоизменённой комиссией, редакции:

43

«По предложению (письменному) 30 членов думы может быть поставлен вопрос о прекращении дальнейшей записи ораторов или об ограничении до 5 минут времени, предоставленного каждому имеющему высказаться, или, наконец, о применении той или другой меры одновременно».

Против второго пункта возражают проф. Петражицкий и деп. Тениссон (Лифляндск. губ.). Они полагают, что пункт этот может нарушить права большинства. За сохранение его высказываются М. Петрункевич (к.-д., Тверь) и Семенов (Сарат. губ.). Граф Гейден предлагает на первое время воздержаться от радикальных мер. «Пока, — говорит он, — обструкции меньшинство не производило, и нет оснований её опасаться. Если же опыт покажет, что прекращения записи и ограничения времени недостаточно, то можно будет прибегнуть и к дальнейшим мерам». Комиссия предлагает разделить пункт второй на две части и первую принять в такой редакции: «По предложению такого же числа членов при обсуждении общего вопроса по поводу внесённого законопроекта или предложения и до перехода к обсуждению по параграфам, статьям или отдельным частям может быть поставлен также и вопрос о совершенном прекращении дальнейших прений». Из последних же двух строк первого и второго пункта, по предложению комиссии, составляется третий, гласящий: «Предложение о прекращении дальнейших записей ораторов, о сокращении времени до 5 минут и о прекращении прений считается отвергнутым, если против него высказывается не менее 50 человек», т. е. это требование о 50 членах должно относиться не только к крайним мерам, но и к более мягким.

В этой редакции оба пункта и принимаются. Пункт третий переименовывается в четвёртый и принимается с двумя поправками, распространяющими его действия на предложения о прекращении записи и времени прений до 5 минут.

Остальные два пункта принимаются без изменений.

Председатель. На очереди порядка дня по повестке стоит доклад комиссии по составлению проекта адреса Государю Императору в ответ на тронную речь Его Величества. О порядке обсуждения этого проекта поданы два заявления, которые должны быть оглашены. Членом Государственной думы Теслей заявлено: «При обсуждении проекта адреса в ответ на тронную речь до выработки настоящего наказа предлагаю допустить только лишь тех ораторов (желательно выставленных в парламентской фракции), которые своею речью имеют в виду дополнения и изменения известных параграфов или выражений речи. Лицам, высказывающим повторение сказанной мысли и своей речью только подтверждающим слова или почти их подтверждающим, я бы предлагал своё согласие вложить в баллотировку, иначе будет потрачено бесполезно много дорогого времени». Ставлю вопрос на обсуждение. (Дума отвергает предложение).

Затем сделано другое предложение о порядке обсуждения за 43 подписями: «Мы, нижеподписавшиеся, члены Государственной думы из крестьян, признаём представленный ныне комиссией ответный адрес на тронную речь Его Императорского Величества чрезвычайно важным актом и считаем, что, приступая к его немедленному обсуждению в думе без предварительного рассмотрения на дому, мы при своей неподготовленности лишены возможности сознательно выполнить свой долг перед Царём и Родиной. Поэтому мы просим суждения Государственной думы относительно адреса отложить на следующий день — 3-го мая».

Раздаются голоса: «Просим прочитать фамилии подписавших». И когда секретарь перечисляет их, оказывается, что к именам крестьянских депутатов присоединили свои подписи знаменитый Ерогин и граф Гейден.

Против отсрочки прений решительно возражает *деп. Родичев*.

Если до сих пор подписавшиеся под этим заявлением, — говорит он, — не могли ознакомиться с этим адресом, то они ознакомятся с ним в чтении и в разъяснениях, которые будут здесь даны во время последующих прений. Если для почтенных депутатов, подписавшихся здесь, их собственное отношение к адресу будет неясно, то ведь никто, думаю, не обязывает решать этот вопрос в настоящую минуту. После обсуждения, прежде чем переходить к решению вопроса, можно будет поднять вопрос об отсрочке решения.

Граф Гейден. Для того, чтобы участвовать в обсуждении, надо адрес прочесть, надо его знать, надо взвесить каждое его слово. Мы, господа, здесь совершенно в исключительном положении. Среди нас громадное большинство крестьян, которые так же, как, впрочем, и мы все, мало привыкли к парламентским обычаям. Крестьяне ещё менее нас к этому привыкли. Они имеют полное право просить нас быть терпеливее, хотя, может быть, весь мир ждёт от нас ответа.

М. М. Ковалевский (Харьковская губ.). Я жалею, что мне приходится разойтись с графом Гейденом по только что поставленному вопросу, и если я расхожусь с ним, то в уверенности, что мы отнесёмся с должным вниманием к выставленной ответственной задаче, которую нам предстоит выполнить. Напоминаю, что не целый мир ждёт нашего ответа, а те 75 тысяч человек, которые в настоящее время находятся ещё в темницах и которые ждут от нас слова защиты.

Граматчиков (Пермская губ.). Я немножко знаком с историей заявления 43 крестьян по поводу отсрочки чтения адреса и видел, что заявление это не было навеяно крестьянам со стороны.

Высказывается ещё ряд ораторов за и против отсрочки, но ничего нового их заявления не вносят. При баллотировке предложение об отсрочке отвергнуто, и слово предоставляется докладчику комиссии *деп. Набокову* (Петербург).

Набоков. По поручению комиссии я имею честь представить на обсуждение думы проект обращения к Государю Императору в ответ на тронную речь. Мне не приходится указывать на важность того шага, который нам предстоит сделать. В первый раз от имени всей страны народные представители говорят перед конституционным монархом. (*Аплодисменты*). В каждом нашем слове должны отразиться те настроения, мысли и желания, которые волнуют всю страну. Дума сознавала всю важность задачи и хотела, чтобы в той комиссии, которую она избрала, были представлены все оттенки существующих в Думе организованных групп. Комиссия со своей стороны хотела выработать такие формулы, на которых могли бы сойтись все эти группы. Всех разногласий устранить не удалось, но всё сделано для того, чтобы не обратить прения по адресу в прения по существу и по деталям программных требований. Обращение направлено на две стороны: монарху оно говорит о том, чего ждёт от него Дума; стране — она открывает задачи, которые ставит себе Дума. Сделав это вступительное замечание, я позволю себе перейти к чтению проекта (читает).

Ваше Императорское Величество

Вашему Величеству благоугодно было в речи, обращённой к представителям народа, заявить о решимости Вашей охранять непоколебимыми установления, коими народ призван осуществлять законодательную власть в единении со своим монархом. Государственная Дума видит в этом торжественном обещании монарха, данном народу, прочный залог укрепления и дальнейшего развития порядка законодательства, соответствующего строго конституционным началам. Государственная дума со своей стороны приложит усилия к усовершенствованию начал народного представительства и внесёт на утверждение Вашего Величества закон о народном представительстве, основанный, согласно единодушно проявляющейся воле народа, на началах всеобщего избирательного права.

Призыв Вашего Императорского Величества к сплочению в работе на пользу родины находит живой отклик в сердцах всех членов Государственной думы. Государственная дума, имея в своём составе представителей всех классов и всех народностей, населяющих Россию, объединена общим горячим стремлением обновить Россию и создать в ней государственный порядок, основанный на мирном сожитии всех классов и народностей и на прочных устоях гражданской свободы.

Но Государственная дума приемлет долг указать, что условия, в которых живёт страна, делают невозможной истинно плодотворную работу, направленную к возрождению лучших сил страны.

Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является самовластие чиновников, отделяющих Царя от народа. И охваченная единодушным порывом, страна громко заявила, что обновление жизни возможно лишь на основе свободы, самодеятельности и участия самого народа в осуществлении власти законодательной и в контроле над властью исполнительною. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было в манифесте 17 октября 1905 г. возвестить с высоты престола твёрдую решимость положить эти именно начала в основу дальнейшего устроения судеб земли русской. И весь русский народ единодушным кликом восторга встретил эту весть.

Однако уже первые дни свободы омрачились тяжёлыми испытаниями, в которые ввергли страну те, кто, всё ещё преграждая народу путь к Царю и попирая все основы Высочайшего манифеста 17 октября, покрыли страну позором бессудных казней, погромов, расстрелов и заточений.

И след от этих действий администрации за последние месяцы так глубоко осел в душе народа, что никакое умиротворение страны невозможно дотоле, доколе не станет ясно народу, что отныне не дано властям творить насилия, прикрываясь именем Вашего Императорского Величества, доколе министры не будут ответственны перед народным представительством и сообразно с этим не будет обновлена администрация на всех ступенях государственной службы.

Государь! Только перенесение ответственности перед народом на министерство может укоренить в умах мысль о полной безответственности Монарха; только министерство, пользующееся доверием большинства думы, может укрепить доверие к правительству, и лишь при таком доверии возможна спокойная и правильная работа Государственной думы. Но прежде всего необходимо освободить Россию от действия тех чрезвычайных законов — усиленной и чрезвычайной охраны и военного положения, — под прикрытием которых особенно развилось и продолжает проявляться самовластие безответственных чиновников.

Рядом с укоренением начала ответственности администрации перед избранниками народа, для плодотворной деятельности Государственной думы необходимо определённое проведение основного начала истинного народного представительства, состоящего в том, что только единение Монарха с народом является источником законодательной власти. Поэтому все средостения между Верховною Властью и народом должны быть устранены. Не может также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народного представительства в единении с Монархом. Государственная дума считает долгом совести заявить Вашему Императорскому Величеству от имени народа, что весь народ только тогда с истинною силою и воодушевлением, с истинною верою в близкое преуспеяние родины будет выполнять творческое дело обновления жизни, когда между ним и престолом не будет стоять Государственный совет, составленный из назначенных сановников и выборных от высших классов населения и когда никакими особыми узаконениями не будет положен предел законодательной компетенции народного представительства.

В области предстоящей законодательной деятельности Государственная дума, исполняя долг, определенно возложенный на нее народом, почитает неотложно необходимым обеспечить страну точным законом о неприкосновенности личности, свободе совести, свободе слова и печати, свободе союзов, собраний и стачек, убежденная в том, что без точного установления и строгого проведения этих начал, заложенных уже в манифесте 17 октября, никакая реформа общественных отношений неосуществима. Государственная дума исходит далее из непреклонного убеждения, что ни свобода, ни порядок, основанный на праве, не могут быть прочно укреплены без установления общего начала равенства всех без исключения граждан перед законом. И потому Государственная дума выработает закон о полном уравнении в правах всех граждан, с отменою всех ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью и религией. Стремясь к освобождению страны от связывающих ее путь административной опеки и предоставляя ограничение свободы граждан единственно лишь независимой судебной власти, Государственная дума считает, однако, недопустимым применение даже и по судебному приговору наказания смертью. Смертная казнь никогда и ни при каких условиях не может быть назначаема. Государственная дума считает себя в праве заявить, что она явится выразительницею единодушного стремления всего населения в тот день, когда постановит закон об отмене смертной казни навсегда.

Выяснение нужд сельского населения и принятие соответствующих законодательных мер составит ближайшую задачу Государственной думы. Наиболее многочисленная часть населения страны — трудовое крестьянство с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских и принудительного отчуждения земель частновладельческих.

Государственная дума считает также необходимым выработать законы, утверждающие равноправие крестьян и снимающие с них гнет произвола и опеки. Государственная дума признает столь же неотложным удовлетворение нужд рабочего класса. Первым шагом на этом пути должно явиться обеспечение наемным рабочим во всех отраслях труда свободы организации и самодеятельности для поднятия своего материального и духовного благосостояния.

Государственная дума сочтет также долгом употребить все усилия для поднятия народного просвещения и прежде всего озаботится выработкой закона о всеобщем бесплатном обучении.

Рядом с этими мерами Дума считает своею обязанностью обратить особое внимание на государственную роспись доходов и расходов и на справедливое распределение налоговой тяготы, неправильно возложенной ныне на более бедные классы населения. Не менее существенным законодательным трудом явится коренное преобразование местного управления и самоуправления, с привлечением к равному участию в последнем всего населения на началах всеобщего избирательного права.

Государственная дума считает, наконец, необходимым указать в числе неотложных задач своих и разрешение вопроса об удовлетворении давно назревших требований отдельных национальностей. Россия представляет государство, населённое многоразличными племенами и народностями. Духовное объединение всех этих племён возможно только при удовлетворении потребности каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта. Государственная дума озаботится широким удовлетворением этих справедливых нужд.

Ваше Императорское Величество! В преддверии всякой нашей работы стоит один вопрос, волнующий душу всего народа, волнующий нас, избранников народа, лишающий нас возможности спокойно приступить к первым шагам нашей законодательной деятельности. Первое слово, прозвучавшее в стенах Государственной думы, встреченное кликами сочувствия всей думы, было слово — амнистия. Страна жаждет полной политической амнистии. Есть требования народной совести, в которых нельзя отказывать, с исполнением которых нельзя медлить. Государь! Дума ждёт от Вас полной политической амнистии, как первого залога взаимного понимания и взаимного согласия между Царём и народом. (*Продолжительные аплодисменты*).

*) Следует заметить, что текст ответного адреса выработан конституционно-демократической партией, но вслед за тем получил во многих местах более яркую и определённую форму, согласно желаниям, высказанным представителями трудовой группы.

Миклашевский (к.-д., Черниговская губ.). Спокойный и в то же время решительный и исполненный достоинства тон проекта адреса, его деловитость и, при возможной краткости, чрезвычайная обстоятельность произвели на меня самое благоприятное впечатление. И всё-таки я с болью в сердце почувствовал в этом проекте существенный, на мой взгляд, даже громадный пробел. Мы должны быть искренни. У меня создалось глубокое убеждение, что вся страна и, поскольку она выражает настроение страны, вся дума, без различия партий, имеет одну мысль, одно намерение — не оставить безнаказанными тех страшных, вопиющих к небу ужасов, которые пережила за последние месяцы страна и которые она переживает, увы, и в настоящее время. Не может остаться безнаказанным то правительство, на которое манифестом 17 октября возложена была непреклонной волей обязанность даровать населению неприкосновенность личности и свободную гражданскую жизнь и которое, как бы издеваясь над этим манифестом, не только не дало нам ни одного дня свободы, но отняло у нас даже ту элементарную гарантию неприкосновенности, которая существовала и существует в наших законах, ту гарантию, что без суда у человека отнять жизнь нельзя. Не могут быть оставлены безнаказанными и те власти, которые исполняли беззаконные требования. Здесь было сказано также, что мы просим об амнистии для

тех, кто стоит от нас налево, и с которыми мы связаны требованием всеобщего избирательного права, стремлением к демократизации всего государственного строя и — добавляю — требованием учредительных функций за думой, основанной на всеобщем избирательном праве. Мы просим амнистии также и для нас самих. Напоминаю вам, господа, что в нашей среде находится Гредескул, который пробыл 4 месяца в тюрьме и только 9 апреля был выпущен не на волю, а ему был лишь предоставлен свободный проезд в Архангельскую губернию, где он должен был поселиться в одном из уездов. В таком же положении находятся товарищи наши Гужовский, Ширков и, может быть, многие другие. Это даёт понятие о том, кто именно томится в заточении и ссылке. Мы просили амнистию за себя, но не просят амнистии те, кто сажал в тюрьмы, ссылал, сжигал целые сёла, посылал карательные экспедиции, расстреливал без суда. Они уверены в своей безнаказанности. Страна, мне кажется, никогда не простит нам, если мы не выскажем требования о необходимости суда над теми, кто сделал Россию страною бессудной даже в отношении последней гарантии возможности жить в государстве, гарантии, по которой человек без суда не может быть лишён жизни. Здесь говорилось о призраках, которые витают над вашей землёй. Назову два таких призрака: несчастного юношу, студента Григорьева, и юриста Тарарыкина. Григорьев был застрелен за то, что другое лицо, спасая свою жизнь, назвало его одним из ораторов на сходке. Тарарыкин, юрист, тщетно старался убедить офицера, который вёл его на казнь, что он поступает незаконно. 12 декабря прошлого года в Харькове, на Николаевской площади (на ней сходится несколько улиц), поставлены были войска, и эти войска стреляли по всем направлениям — не в толпу, которой не было, а в кучку людей, толпившихся в ожидании неосуществившихся событий. На другой день мне пришлось ехать на извозчике, и он обратился ко мне за разъяснениями. Он говорил об ужасном положении, в котором очутились извозчики; многие спасались в подъездах, в воротах, говорил он, но куда мы с лошадьми могли деться? Кто виноват в этих ужасах? — спрашивал он. Кто сделал такое ужасное распоряжение? — Я ответил: генерал-губернатор. Знаете, что он сказал после некоторого молчания? «А говорят, — сказал он, — что Царь приказал расстреливать». Я вздрогнул и почувствовал, что колеблется подножие трона.

Государь обещал хранить непоколебимо созданные им учреждения, но обязанность хранить эти учреждения, т. е. принцип, на котором они основаны, в особенности лежит на нас, представителях народа. И если теперь мы не скажем, что ни одно преступление не пройдёт безнаказанным, то нельзя быть уверенным в том, что мы не переживём ещё иных нападений на самую сущность народного представительства. И мы не будем иметь права назвать себя защитниками народной свободы. Мне кажется, что манифест 17 октября даёт возможность привести эту мысль в исполнение. Искренность требует сказать, что немедленный суд необходим. (*Аплодисменты*).

Родичев (Тверская губ.). Господа, я являюсь перед вами защитником и сторонником этого адреса. Это не заявление партии, не заявление партий. Это заявление должно по возможности представить собою то, что есть изъявление, исходящее от всего народа, общенародное заявление. Мы в комиссии старались не указывать на то, что должно вызвать разногласие, мы, с общего согласия и общими трудами, старались выразить общую мысль, мы старались сделать то заявление, ради которого нас послали сюда наши избиратели, мы старались указать, какая будет наша работа, с чем мы пришли и что считаем своею обязанностью сделать. Нас прислали для того, чтобы мы положили начало новому строю, и мы с радостью услышали слова Государя Императора,

приглашающие нас к обновлению нравственного облика русской земли. Да, нравственного! Облик рабства, насилия, гнёта должен быть стёрт с лица земли. Нравственное возрождение возможно только при свободе. (*Аплодисменты*). Наша задача — водворить в России тот государственный строй, при котором власть является хранителем незыблемого права. Мы хотим видеть в ней не врага, а друга-охранителя наших прав и слугу народа. Мы ждали, что представителями власти будет установлено это право и эта свобода, которая нам возвещена торжественно с высоты престола. Наша вера попрана, и в настоящее время мы приходим сделать то, что должны были сделать другие и чего они не сделали; мы не с враждой приходим, но с твёрдым намерением совершить нашу тяжёлую работу. Если бы оказалось, что наши усилия, что наша работа встретила неожиданную поддержку, мы её примем и будем работать вместе; но этой веры пока у нас нет. Мы пришли затем, чтобы осуществить в форме законов те права личной свободы, то общественное право, без которого правовой порядок немыслим: свободу слова, свободу собраний, свободу печати, свободу союзов, свободу экономической борьбы и первого средства для неё — стачки. Дума должна внести те законопроекты, которыми право будет обосновано, как на бронзовой скале, и я выражаю надежду, что нынешняя дума и теперешний состав её оставят в русском строе законодательный памятник, на который внуки и правнуки будут ссылаться, как на завет свободы, как на священный ковчег её.

Мы знаем, что мы поставлены не в те условия, при которых эта работа пошла бы при дружном содействии власти, при условии мира, порядка и тишины. Но мы сознаём в себе нашу обязанность установить этот мир и этот порядок, причём мы знаем, что нарушители этого мира — не знаю, как в будущем, а до сих пор — исходили не из рядов народа. Мы знаем, что старые препятствия — средостения между монархом и народными представителями — остаются. Мы знаем, что та организация, которая в течение десятков лет управляла, увы, ковала не права, а ковала гнёт. Мы знаем, что эта организация целиком вошла в новый состав того средостения, которое она и обновила в настоящую минуту (*Аплодисменты*).

В настоящее время мы с горечью видим, что в ту минуту, когда в русском народе возбуждена надежда на торжество права и справедливости, на торжество обновления, что в ту минуту, когда мы почувствовали себя братьями, то есть равноправными друг другу, — в это самое время для сильных и богатых создаются новые преимущества, ибо в это средостение приглашены представители сословий, наделённых преимуществами с давних веков, представители отживших, разлагающихся в настоящую минуту земских учреждений, учреждений, которые перестают жить, потому что в них не было залогов жизни, потому что в них с самого начала заложен червяк, подтачивающий их жизнь. Эти учреждения сначала были сословными, и первенствующим сословием были дворяне, и в то время, когда слово «дворянин» означало властитель и претендент на привилегии и доходы, в то время усилена была его попечительная власть, в то время дворян только считали полноправными представителями населения, и в местных управлениях они только имели своих действительных уполномоченных представителей; остальные же сословия и сословие крестьян, столь дорогое сердцу Государя Императора, не имело представителей, их назначала или, по крайней мере, выбирала администрация из представленных кандидатов. И вот это сословие — дворянское — получает перевес в выборном составе нового средостения. Ясно для всех и каждого, что земство и городские управления должны быть устроены и будут в скором времени переустроены на началах равноправия. А законом старое направление уже закреплено на девять лет.

Эта организация является посредником между монархом и народными представителями, она является равной им по праву. Наша работа пройдёт через рассмотрение старых властителей. Можем ли мы не считать это препятствием, и зачем оно воздвигнуто в последние дни? Не будь его, мы смотрели бы в будущее с упованием и верой; теперь, вместо этого, у нас есть сомнение, но вместе с тем и решимость заплатить ту цену, которая нужна для того, чтобы в работе нашей преодолеть это препятствие. Может быть, нам следует ждать чудес; быть может, раскрытые в настоящую минуту, раскрывающиеся, во всяком случае, сердца народа русского и голос его будут услышаны. Но кто же, господа, является посредником, является докладчиком о том, что делается в думе? Знаем ли мы то, что называется правительством? Мы его не знаем. Насколько упрочилась бы эта работа, насколько установились бы сразу те отношения веры между народом и монархом, которые так нужны для умиротворения страны, если бы люди, стоящие перед лицом монарха, ему докладывающие и осуществляющие его веления, если бы те люди могли сказать про себя, что они пользуются доверием народных представителей! Какую огромную услугу оказало бы делу мира правительство, опирающееся на большинство народного представительства, какое устранение всех подозрений, всех недоверий, всей клеветы, рассеиваемой повсюду для того, чтобы поссорить народ с монархом! И это единственное условие правового порядка, главное условие! Мы можем, господа, написать законопроекты, одобряемые всей страной, но если против мнения народного представительства будет восстановлен монарх, для чего советники его сделают всё, что надо, ибо они неответственны перед народным представительством, вы не дождётесь утверждения закона. До тех пор, пока мы не сможем сказать правительству: «Вы не пользуетесь доверием страны», до тех пор нашим доверием могут пренебрегать, и на заявление о праве и на требование восстановления права нам могут ответить: «Это вы неправы, а мы правы, мы знаем, мы перед вами неответственны, мы со страной не считаемся, мы ответственны только перед монархом». Это громкие слова, господа, — ответственность перед монархом. Ответственность перед монархом может существовать в действительности только тогда, когда о всяком деянии может быть немедленно потребован гласный отчёт. До тех пор, пока нет того, что называется ответственностью министров, то есть подотчётности их за законность и целесообразность их действий, до тех пор нет настоящей ответственности и перед монархом. Мы знаем, сколько преступлений прикрыто священным именем монарха, сколько крови скрыто под горностаевой мантией, покрывающей плечи Государя Императора. (*Аплодисменты*).

Вместе с тем невозможно забыть, что представительство наше не есть представительство, которого ожидала страна. Всеобщего избирательного права, увы, побоялись наши правители; страна же, требуя установления равноправия, требует установления равноправия и в этом отношении. Мы счастливы тем, что можем внести в думу закон о всеобщем избирательном праве, счастливы тем, что можем заявить об этом законе; он будет внесён, этот закон, и будет пробным камнем искренности намерения обновить страну. Мы явились сюда с требованием, чтобы свобода была не только условная, чтобы люди были равны между собою; мы желаем, чтобы свобода осуществилась, мы желаем, чтобы, получив возможность свободного труда, русский народ, масса его — крестьянство получило возможность приложить этот труд к земле своей. Мы счастливы тем, что можем заявить здесь, в государственной думе, первой представительнице русского народа, что на всех скамьях раздаётся по отношению к этому вопросу один голос: «трудовое крестьянство должно быть наделено землёю». (*Аплодисменты*). Мы являемся сюда, чтобы осуществить возможное удовлетворение нужд рабочего класса в форме закона.

Есть вещи неотложные, есть вещи, которые могут быть сделаны сейчас, есть дела, осуществление которых есть работа будущего. Мы не берём на себя эти задачи будущего времени. Когда мы положим начало тому строю, ради которого мы явились сюда, мы скажем: «Ныне отпущаеши раба Твоего». Одно, господа, нам нужно условие, нам нужен один залог, о котором уже здесь говорилось и о котором повторять, быть может, уже лишнее. Это слово у всех нас на уме и на устах, это слово — «амнистия». Мы ждём её, как благой вести, что мы снова можем верить и надеяться. Но, господа, если бы рушились наши надежды, если бы попрана была наша вера, на нас всё-таки остаётся обязанность осуществить обновление России, и без этого не уходить. (*Аплодисменты*).

Астафьев (окт., Нижегородская губ.). Если бы государственная дума или другое народное собрание были даны несколько лет тому назад, то мы бы не были свидетелями того русского позора и того неприглядного состояния, в которое ввергнута вся Россия. Я думаю и считаю, что мы из чувства уважения к государственной думе, из чувства уважения к тем выборщикам, которые нас послали, должны в ответ на тронную речь рельефнее высказать то, что мы признаём в настоящее время: что в России в настоящее время уже должен бы быть конституционный образ правления без всяких уступок и оговорок, с конституционным монархом во главе. Да простит мне старый бюрократический режим, если я скажу, что если в настоящее время везде резолюционные возмущения, то виноваты представители этого режима. Элементы, которые прежде считались опасными, они-то и были охранителями, они желали ввести свободу для того, чтобы не было беззакония. Перед самым началом занятий думы, 23-го апреля, был издан новый закон, который совершенно противоречит обещаниям манифеста 17-го октября, и мы, как представители народа, должны прямо и искренне сказать, что только законодательным путём через государственную думу законы могут проходить и что те законы, которые изданы 23 апреля, должны быть во всяком случае пересмотрены. Я думаю, что ещё один из главных вопросов должен быть выставлен на первой очереди — это безусловно вопрос крестьянский. От крестьянского вопроса зависит мир и благоденствие России. Рабочий вопрос тоже важный. Хотя рабочие имеют мало представителей в думе, они всё-таки присматриваются и прислушиваются к её голосу. Перехожу к последнему вопросу — о котором я считаю своим нравственным долгом заявить — это вопрос об амнистии. Должна быть полная амнистия за политические преступления, но думаю, что дума должна сверх того ещё высказаться, что в культурной стране, какой должна быть Россия, когда будут гарантированы все свободы, никаких смертных казней и покушений одного человека на другого не может быть. Думаю, что, если будет дарована амнистия, то и другие люди убедятся, что можно действовать словом и убеждением, и откажутся от своих приёмов. Тогда не будет казней ни с той, ни с другой стороны. Я думаю, что вопрос об амнистии настолько назрел, что должен стоять рядом с крестьянским. Я считаю нужным, чтобы Государь Император знал ясно, чего желает государственная дума, и совершенно прямо, искренне заявить, что возврата назад нет. (*Аплодисменты*).

Граф Потоцкий (Волынская губ.). Хотя я уверен, что слова мои не вызовут сочувствия у большинства этого собрания, тем не менее я считаю долгом своей совести и обязанностью высказать откровенно и ясно мои мнения по поводу предлагаемого пункта по аграрному вопросу. Я говорю не с точки зрения защиты интересов частного землевладения, я имею в виду интересы крестьян, которые меня избрали, и чьё благосостояние лежит близко нашему сердцу, и вообще всех крестьян России. Я желаю искренне улучшения крестьянского быта, я не протестую вовсе против

расширения крестьянского землевладения, но желаю его там, где это нужно, где это отвечает вообще местным условиям. Я, однако, утверждаю, что общественные и культурные условия различных местностей государства настолько разнообразны, что вопрос о наделении землёй, в том или другом виде, должен быть рассматриваем различно и самостоятельно, не только по областям и губерниям, но даже по уездам и по волостям. Существуют в России районы, а к их числу принадлежит и район, который я имею честь здесь представлять, где уничтожение частной земельной собственности не будет соответствовать благосостоянию крестьян. Там культура высока, и я думаю, что, если будут розданы все частные земли между крестьянами, тогда они потеряют половину дохода и заработка, который они имеют теперь. Я берусь с цифрами в руках доказать это. Разрешение аграрного вопроса в несколько строк, одной общей формулой для всего государства, является для меня большим нарушением норм общественного и экономического строя, а практическое осуществление такого переворота повело бы к обнищанию всех, к полному, ужасному банкротству государства.

Румянцев (бесп. прогр., Новгор. г.). Я совершенно разделяю отдельные положения — камни, которые в проект этого здания положены, — но я позволю себе сказать несколько слов и против проекта. Мне кажется, что эти камни расположены с недостаточным соблюдением должной перспективы. Самою существенною частью этой программы представляется именно коренное преобразование местного управления и самоуправления с привлечением к равному участию в последнем всего населения на началах всеобщего избирательного права, т. е. на том же демократическом основании, на котором построено и наше законодательное центральное учреждение — государственная дума. Мне бы казалось, что этот фундамент нельзя обходить так легко, как это делает проект, уделивши на него четыре с четвертью строчки, и притом в самом конце. Организация демократических учреждений в самом низу составляет не только нашу силу, но и основание тех свобод, о которых мы говорим и которых мы ждём. Они никаким законом не могут быть даны, ибо эти свободы не те естественные свободы, которые принадлежат каждой живой особи, а это есть свободы социальные, свободы, возможные при надлежащем общественном строе, при надлежащей общественной организации. При дезорганизации, в дезорганизованной стране никаких свобод, никакой неприкосновенности личности быть не может. И вот причиной этого обстоятельства мне кажется именно то, что мы ждём, что что-то нам свалится в форме закона 17 октября или другого, но мы видим, что в результате не получается ничего: с одной стороны, является свобода общественная, не согласованная со строем разных групп самого народа, с другой стороны, власть теряется, не знает, что ей предпринять, потому что, так или иначе, она является ответственной. Вот что я хотел сказать; я хотел обратить внимание на некоторую несимметричность в постройке всего проекта адреса.

Граф Гейден (Псковская губ.). Мы прослушали здесь блистательную речь первого оратора, который прекрасно очертил своё положение дела, но я нахожу, что приступать к рассмотрению адреса в таком приподнятом духе вряд ли есть основание, и я думаю, что для того, чтобы говорить с монархом, мы должны говорить вполне реально, ясно себе отдавать отчёт в том, что мы хотим, и не допускать преувеличений. Между тем здесь был брошен упрёк, осуждение нашему земству; я, как старый земский деятель, должен горячо против этого протестовать. Здесь было сказано с каким-то презрением, что старое дворянское земство должно рушиться, что оно никуда негодно — это неверно! Сам оратор — старый земский деятель и прекрасно знает, каково было земство. Земство выступило на поле самоуправления в самое тяжёлое время русской истории;

земство сыграло огромную роль, несмотря на то, что оно было действительно в громадном числе дворянским земством, и я, как старый земец, обращаюсь к старым своим сотоварищам-земцам, сидящим в этой зале, я их призываю защитить наше старое, дорогое земство, которое сыграло громадную историческую роль в освобождении русского народа. Я не хочу говорить, что это было дворянское земство; это были земские люди, они, работая на поприще земском, забывали своё дворянское происхождение и помнили только, что они, хотя и не полноправные, но, тем не менее, настоящие представители того народа, от имени которого они являлись в земское собрание. Точно также я думаю, что недостаточно объективно оценены те учреждения, которые теперь нам дарованы. Нет сомнения, что Государственный совет далеко не идеал, но мне кажется, не следует забывать, что наша дума и Государственный совет являются первыми попытками на поприще народного представительства. Никогда никакие учреждения не входят сразу в жизнь в полном совершенстве. Поэтому мы не должны сюда приходить с воспоминанием о прошлых неправдах, о прошлой беде, мы не должны здесь разжигать чувство злобы, а мы должны быть здесь с чувством примирения и забвения прошлого. Только тогда наша работа будет на пользу народа, когда мы не будем его возбуждать, не будем призывать к мщению, а когда мы, взывая к государю с просьбой об амнистии, со своей стороны заложим в своей груди чувство полного примирения. Не старое придётся нам здесь разбирать, а бодро смотреть вперёд и стараться устроить это будущее по возможности так хорошо, чтобы нас родина действительно вспомнила добром. (*Аплодисменты*).

Рыжков (свободом., Екатеринославская губ.). Я не думаю, что мы, сидящие здесь, хотели послать упрёк старому земству. Мы хотели указать на те ложные начала, на которых оно было построено. Мы указываем на те начала, на которых до сих пор создавалось и держалось русское государство. Мы будем указывать на то, что они сгнили, шатаются, грозят обрушиться и раздавить всё, что создала русская культура. Нелишне указать на то, что и новые учреждения, которые строятся на тех же началах, грозят тем же. Поэтому указание на то, что Государственный совет есть средостение, не есть укор, а голос справедливости; это есть указание на то, что в новую постройку ставятся гнилые и старые брёвна, которые будут портить всё здание. Это необходимо указать (*Взрыв аплодисментов*). Мы знаем, из кого состоит совет, мы знаем, что кресла в Государственном совете наполовину заполнены людьми, которые проводили в жизнь временные правила и законы, поэтому мы не можем не указать на то, что это не должно быть в дальнейшем развитии этой мысли. Вот почему, если бы мы примирились с существованием Государственного совета наряду с Думой, то должны сказать, что он должен пополняться на тех же основаниях, как Государственная дума, т. е. на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования: это не должно быть классовое учреждение, если его надо признавать, хотя я думаю, что можно было бы обойтись и без него. Мы, собравшиеся здесь, в первом русском парламенте, мы сами на своих плечах вынесли весь гнёт избирательного права, который нас сюда привёл. А как именно привёл он нас? — Мы знаем; мы знаем, что те, кому надо ехать из Харькова, те ехали из Архангельска. Мы не знаем, куда мы поедем, но должны сказать, что не должны попадать на старую дорогу, а должны попадать на ту дорогу, которая ведёт в русский парламент прямо из дому, от избирателей (*Взрыв аплодисментов*).

Господа, я хочу указать на один существеннейший пробел, который замечается в адресе. Говоря о том, что избирательное право должно быть реформировано на основании 4-членной формулы, мы забываем в этом первом русском парламенте о русской женщине, которая наряду с другими боролась за свободу (*Продолжительные аплодисменты*). Мы забываем, что сын рабыни не может быть гражданином (*Бурные аплодисменты*).

Жилкин (Саратовская губ.). Сегодня — жуткий экзамен для Государственной думы, сегодня испытание нашего мужества, нашей правдивости, нашего понимания того исторического необыкновенного положения, в котором находится наша страна. Ответный адрес на тронную речь — не простой адрес. Это, с одной стороны, обращение к верху, с другой стороны — обращение туда, вдаль, во все глубины народной жизни. И всем сердцем прежде всего мы должны повернуться туда и взглянуть, какая развёртывается перед нами великая, потрясающая картина. Все города, все сёла — на улицах, в домах, где только можно, все сейчас охвачены одной мыслью: что ответят наши представители, избранники, какое первое слово скажут они, исполнили ли они нашу волю, наши поручения. И вот сегодня мы покажем, на какую высоту мы способны подняться и поднять страну из той трясины, в которой она находилась до настоящего времени. Те же прения, которые раздаются и будут раздаваться, покажут, какие люди будут нас поднимать всё выше и выше к светлому чистому небу, и какие люди с прежним упрямством и упорством будут тащить туда, вниз, в ту же самую трясину. Это обращение, которое будет читать вся страна, должно заставить нас задуматься. Я знаю, что эти сомнения терзают сильно и больно сердца особенно крестьян и рабочих, а также трудовую интеллигенцию, которая ближайшими и неразрывными нитями связана с народом. Да, эти сомнения основательны, эти сомнения заслуживают глубокого сочувствия и внимания. Если представить себе все страдания измученной страны, весь ужас положения крестьянства и рабочих, то я не знаю, скоро ли бы мы нашли и найдётся ли такое слово, чтобы описать эти страдания, эти мучения. Если бы мы нашли такое слово, то наш абрис представлял бы такое зеркало, в котором с потрясающей силой развернулась бы картина страданий страны, и тогда мы были бы уверены, что никто спокойно не мог бы взглянуть в это зеркало. Тогда все наши вопросы разрешились бы быстро и мгновенно. Мы не сумели сказать такое слово, и мы его не скажем. Не скажем потому, что здесь собрались люди разных воззрений, разных классов, разных положений, люди нищеты, люди богатства и достатка. Вот то проклятое прошлое, которое мы будем пробовать зачеркнуть навсегда. Мы среди людей, на которых лежит неизгладимая печать этого прошлого. Здесь есть люди, у которых сердце сотрясается так же больно и ужасно, так же гневно, как сотрясается сейчас сердце народа в самых низах, в самых задавленных глубинах народной жизни. Но есть люди — их может быть меньше, — которые далеки от этой жизни, которые, может быть, хотели бы, но не могут прочувствовать ужасное положение страны; есть средние люди, благородные души, которые физически и естественно не могут разорвать те рамки, в которые поставила их жизнь. И вот я говорю, что наш адрес будет представлять ту среднюю высоту, которая создалась нашими общими усилиями, при которой одни будут тащиться вниз, а другие — рваться кверху. С этим, товарищи крестьяне и рабочие, нужно примириться. Запомните, что нам нужно сказать это общее слово — общее слово от всей думы, сказать хотя неполным, положим, голосом, но от всего сердца, но всё-таки сказать его единодушно и представить правдиво, хотя полуоткрыто, но так, чтобы народ его прочёл, и прочитали его там, куда мы его направляем. Не будем же на первых порах вносить раздора, который может помешать нам сделать дальнейшие шаги по тому же пути. Конечно, крестьянство и рабочие будут посылать нам укоры; я жду их со страхом, но я чувствую, что мы всё-таки не будем так виноваты, как нас, может быть, обвиняют. Да, мы не сказали всего, чего желают крестьяне, чего желают рабочие. Мы не описали потрясающего положения нищеты, произвола и насилия в России, которое царит до сих пор везде в деревнях, царит в сёлах и в городах, где ужасающий разгул насилия заключил союз с железной силой капитала, который продолжает также царствовать безнаказанно. Но пусть верят нам, что мы пробовали сказать, пусть речи, которые раздаются здесь, будут дополнением к тому адресу,

который должно представить в самом скором времени. Мы должны единодушно разработать и утвердить этот проект. Если он мало говорит измученному, исстрадавшемуся сердцу народа, поверьте, что там, куда он направлен, там никогда такого слова не слышали, там он действительно произведёт глубокое потрясающее впечатление. (*Аплодисменты*).

Мы сделаем этот шаг, мы попробуем разрешить единодушно этот вопрос; и эта первая победа послужит прекрасным залогом для будущей совместной работы. Покажем, что, несмотря на все перегородки, которые умело ставит старая жизнь, мы сумели понять друг друга, оценить в друге чистоту убеждений, сумели сойтись в том отношении, что нашли друг в друге общечеловеческие отношения. Сделав первый шаг, я уверен, что мы в стремлении к свету, к свободе, будем подниматься всё выше и выше, и победы будут за нами, и мы найдём эту новую, счастливую жизнь.

Способный (Екатеринослав). Если я взялся сказать несколько слов по поводу этого проекта, то не с тем, чтобы кого-нибудь в чём-нибудь разубедить, а единственно во имя исполнения своего долга. В этом проекте говорится, что страна сознала, что главной язвою является самовластие чиновников. Мне кажется, что такое понимание движения последнего времени неверно. Я вижу причину современного движения в неравновесии классовых интересов. Я нахожу, что собственно политическое движение у нас играло довольно слабую роль; оно было поддерживаемо так называемой интеллигенцией, для которой известная форма либерального бытия государства имела своё большое значение, но эта же форма для рабочих и крестьян стояла на втором плане. Я нахожу, что пока классовая борьба не войдёт в должные границы, а классовые интересы не получат должного удовлетворения, политические реформы ни к чему хорошему не приведут. На мой взгляд, коренной недостаток проекта заключается, во-первых, в том, что политические реформы обсуждаются слишком конкретно, и, наоборот, реформа, касающаяся рабочего сословия, только едва затронута. Мне казалось бы, что мы будем решать их не в комиссии, не в отдельных речах страстных ораторов, а только всей думой. Поэтому, когда мне говорили о негодности Государственного совета, то мне в это время приходила мысль: о, какое самомнение! По какому основанию думаем мы, что в этой среде нет чувства веры, мужества, нет опыта, нет патриотизма. Верхние палаты существуют во всей Западной Европе и Северной Америке. Поэтому я думал бы, что в этом смысле может осуществиться пожелание о реформировании Государственного совета, тем более, что его члены назначены опять-таки монархом, и монарху это право несомненно принадлежит.

Затем второй вопрос — вопрос о смертной казни. Признаюсь вам, когда мне говорят о том, что есть люди, готовые пожертвовать всем для отмены смертной казни, я таким людям не верю, я отлично знаю, что они глотают живых устриц, жуют кровавые ростбифы в огромном количестве (*при этих словах поднимается страшный шум*).

Председатель. Для прекращения прений Государственной думой только что установлен порядок, которым они только и могут быть прекращены.

Способный. Это, собственно, урок свободы мнений, о котором говорится в этом проекте ответа на тронную речь. Что касается меня, то я знаю настроение своих избирателей и могу вам по совести сказать, что они не могут отвергнуть смертную казнь во что бы то ни стало. Стоит только представить всем нам измену отечеству, и едва ли мы задумались бы об этом. Если мы сделаем такие крупные уступки чувству жалости, то нам надобно оставить государственную деятельность, переселиться в деревню и сажать капусту, но и там нам придётся убивать червей. (Шум). Перехожу к

экономической программе. Я вижу, что крестьянское сословие должно быть удовлетворено. Но нельзя того же сказать относительно класса рабочих. Здесь ему сулят свободу организаций и самодеятельности для поддержания своего материального и духовного благосостояния. Это общие фразы. Правда, здесь говорится о свободе стачек, но, как всем нам известно, это — самоубийственное средство борьбы. И я думаю, что Государственная дума исполнила бы свой долг лучше, если бы она написала, что рабочее сословие надо поставить в такое положение, при котором никакие стачки ему не были бы нужны. (*Редкие аплодисменты справа*).

Масониус (Минская губ.). Многоуважаемый саратовский депутат И. В. Жилкин справедливо заметил, что существенным условием успеха адреса является то единодушие, с которым он будет принят народными представителями. Это единодушие несколько затрудняется тем, что проект ответного адреса похож не столько на адрес к Верховной Власти, сколько на политическую программу. Самый важный, самый живой пункт ответного адреса есть, конечно, тот крик народной души об амнистии, который раздаётся с конца в конец государства. В этом отношении все единомышленны. Но что касается выставленного здесь требования суда над виновниками тех ужасов, которые происходят в нашем государстве, то я думаю, что не следует о виновниках этих ужасов умалчивать, а следует ясно и отчётливо сказать, что к суду привлекать их не надо. Надо по всему, что происходило в это ужасное, мрачное время, желать амнистии полной, широкой, неограниченной.

Аладьин (тр. гр. Симбирская г.). Когда я уезжал, меня мои избиратели послали высказать всю правду, и одну правду, чтобы ни грозило мне за это. Они говорили мне: поезжай и помни, где бы ты ни был, мы будем следить за тобой. Я помнил об их словах, когда работал в комиссии. Я помнил, что в Государственную думу я послан народом, вместе с другими представителями народа, и что буду иметь силу только тогда, когда за моей спиной вырастет авторитет народной силы, основанной на нравственном уважении к институту народного представительства, и когда к этой нравственной силе присоединится материальная сила организованной страны. Наш ответ представлялся мне, с одной стороны, ответом верховной власти, с другой — манифестом, но не к избирателям, а к стране, которая ещё нас не знает. Простите мне, если я буду говорить в торжественном тоне. На праздник народной свободы, когда пишется хартия русскому народу, нет места будничному тону. Смотря на страну, я видел, прежде всего, в ней громадный класс людей городских — рабочих, и я, крестьянин, выбранный крестьянами, решил говорить по рабочему вопросу. В прежнее время, при старом режиме, который, однако же, настолько нов, что и сегодня царствует, слишком долго старались разъединить крестьян и рабочих, помешать крестьянину понять, что в передовых рядах за счастье всей России борются наши товарищи рабочие. И я, крестьянин, решил пойти сюда, и главной задачей, которая представилась мне, было пробить брешь в этой стене, которая разделяла нас целые десятки лет. Кроме этого, мне казалось, что рабочие города заслуживают, чтобы в ответном нашем адресе было высказано, было сильно подчёркнуто, что они сделали для освободительного движения. Нам говорят здесь, что в адресе об этом нет ничего, о рабочих говорится только на 6 строках. Верно ли это? Нет, глубоко неверно. Рабочий класс больше, чем все другие слои населения, имел возможность ясно и точно формулировать свои задачи и идеалы. Если вы посмотрите ответ на тронную речь, то от начала до конца в нём будут сквозить идеалы рабочего класса. У рабочих есть, конечно, специфические задачи и отдельные интересы, и мы их, я уверен, подчеркнули вполне рельефно и выпукло. Нам говорили, что говорить о свободе организаций — это, значит, опекать теми же словами, которые так долго говорила администрация.

Чтобы сказать это, надо понимать слова «свобода» и «самодеятельность» по меньшей мере так, как понимала администрация, т. е. попросту смешивала их с казацкой нагайкой. Если эти слова вчера говорились в Государственной думе, то под ними подразумевали то, что они должны значить: свобода организаций, не стесняемая никем и ничем, за исключением определений закона. Если в адресе говорится о самодеятельности на почве улучшения материального и духовного благосостояния, то, я надеюсь, господа народные представители, что я не ошибусь, если от нашего имени скажу петербургским рабочим, что под словом самодеятельность мы разумеем то, что рабочие своими собственными силами, из своей собственной среды, смогут выдвинуть людей, способных бороться за счастье и улучшение положения рабочего класса. Дайте рабочим свободу и самодеятельность, и все остальное они сами сумеют приобрести.

П. Семёнов (тр. гр. Саратовская губерния). Чем спокойнее, чем с большим достоинством будут выражены желания и требования представителей народа в обращении к Верховной власти, тем единодушнее будет встречен всей страной этот адрес, но все-таки, мне кажется, что он не выражает всего того, чем полна страна, чего она желает и как она желает. Несомненно, что большинство в думе дало известный отпечаток этому адресу. Но большинство в думе не есть еще выразитель большинства страны. Я думаю, что мы, представители крестьянства, имеем большинство в стране. Поэтому нам приходится указывать здесь в наших речах на то, что страна испытывает, чего страна желает. Некоторые говорили вчера, будто те или другие пожелания есть выражение известной части либеральных классов, известной части русской интеллигенции, но не разделяется всем населением, большинством народа. Напрасно так говорят, напрасно так думают. Русская интеллигенция никогда не шла вразрез с народными требованиями. Было время, тридцать лет тому назад, когда русская интеллигенция готова была отказаться от политических прав и требований только для того, чтобы не разойтись с народом. Лозунг небольшой кучки интеллигенции, «земля и воля», раздавшийся так слабо 40 лет тому назад, стал теперь боевым кличем по всем концам России. Я вам, господа, скажу, чем напутствовали нас наши избиратели, крестьяне, которые посылали нас сюда, в Государственную думу. Они говорили: «нам земли не нужно без воли; без воли мы не удержим земли». Это было напутствием нам этих тысяч народа, которые провожали нас до границы губерний, дожидаясь нас часами до глубокой ночи. В адресе указывалось, что строго-конституционное правление, парламентаризм, могло бы быть хорошим, так сказать, рулем государственной жизни, хорошим кормилом. Но в такое бурное время, которое мы переживаем, один парламентаризм недостаточен. Я полагаю, что только та власть, которая будет облечена полным доверием народа, которая будет решать все только в интересах всего народа и которая будет иметь всю власть, все могущество народа, может вывести нас из того крайнего положения, в котором находится Россия. Нам нужно примирить совесть народа с законом. Совесть и закон у нашего народа расходились. Нужно создать такие законы, чтобы примирить эти два основных понятия. И если мы этого достигнем, тогда только может умиротвориться русская земля.

Всего этого в адресе нет. А между тем общее настроение, общий голос сознания говорит, что народ желает и требует быстрого усовершенствования своей политической и экономической жизни. Может быть, многие думают, что народ остановится на полдороге и удовлетворится тем малым, теми слабыми мерами, в той форме, которую ему предлагают. Мое глубокое убеждение, что это страшная ошибка. Выступив на сцену так, как выступил русский народ, он не может остановиться на полдороге, он пойдет до конца. Это тот ослепленный Самсон, у которого отросли

волосы и который может, сорвав столбы, погрести под разрушенными сводами себя и всех присутствующих.

Когда я уезжал сюда, то, беседуя на сельских сходах, я слышал все эти пожелания. Они просили: заявите, скажите, просите, — и их последнее слово было «амнистия». Амнистия широкая — по всем политическим, религиозным и аграрным преступлениям. В адресе отсутствует выражение «аграрные и религиозные», там только «политические». Необходимо это вставить, иначе я боюсь, чтобы крестьяне не сказали: «нас, мужиков, опять забыли». Пусть не сомневаются те, которые думают, что этим дадут основание к дальнейшему побуждению на аграрные преступления. Не оттого эти преступления возникли, что к ним относились слишком снисходительно, милостиво. Я помню холерные бунты, когда подсудимые, которые сжигали больницы, били врачей, умерщвляли их, сидели на скамье подсудимых и слушали. Они думали, что им будет за это награда. А им военные суды выносили виселицы, каторжные работы. Точно так же и при аграрных преступлениях. Здесь каждый суд присяжных сказал бы: да, они совершили преступление, но оно не может быть вменено им в вину. Поэтому народ жаждет полной амнистии.

Заболотный (тр. гр. Подольск. губ.). Мы не знаем, сколько времени придётся проработать думе: быть может, 24 часа, быть может, 5 лет. Вот почему я прошу с особым вниманием отнестись ко всем прибавкам, которые здесь будут сделаны, чтобы они не затемняли сущность. Вот почему, в частности, я прошу вспомнить при вашем голосовании, господа народные представители, необходимость приостановки смертной казни, так как в проекте этот пункт выражен неясно. Вот почему я просил бы вас вспомнить, когда будем касаться вопроса о всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве, выразить точно и ясно то, что это избирательное право должно быть прямое, равное, с тайной подачей голосов, без различия религии и национальности. Вот почему в вопросе о земельных преступлениях я прошу принять то предложение, которое будет сделано.

Набоков (С.-Петербург). Я считаю долгом заявить, что в комиссии не было разногласий по вопросу, что полная политическая амнистия обнимает религиозные, аграрные и политические проступки. Я от себя лично заявляю, что внесу предложение о том, чтобы дума, приняв адрес, сделала бы мотивированное постановление, которым она разъяснила бы, на каких основаниях она желала бы эту амнистию.

Щепкин (к.-д. Одесса). Должны ли мы все присоединиться к предложенному адресу — вот главный поставленный сегодня вопрос. Если вы никогда не тяготились старым самовластным строем, если вы думаете, что это и единственный возможный строй для России, если вы равнодушны к половине населения Российской Империи, говорящей не на великорусском языке, и готовы спокойно допустить, чтобы все нерусские народности, входящие в состав Российской Империи, продолжали жить под страхом погромов и карательных набегов, как вечные жертвы вырождающейся администрации или буйных припадков нравственно павшей черни, — то вы не должны присоединяться к этому адресу, а выработать новый адрес по указаниям членов русского собрания. Если вам не надоели вторжения в ваши частные жилища, ночные обыски, изъятия или по ошибке просто, без вины, высылки ваших братьев без суда, истязания ваших детей без закона, если вы каждое собрание считаете мятежом, а каждый союз признаёте крамолой, если вы явились, чтобы строить новые тюрьмы и колонизовать места отдалённые и не столь отдалённые, — то вы не должны присоединяться к этому адресу; вы должны выработать свой собственный адрес на началах так называемого правового порядка. Если вы примирились с безумно высокими ценами на чай и

сахар, на спирт и керосин, на сукно и ситец, искусственно вздутыми ради обогащения казны и торгово-промышленного класса, если вы действительно видите в государственной думе не представительство всех слоёв народа, а просто торгово-промышленное товарищество на паях, чтобы вечно катить, как снежный ком, чужие капиталы, если вы думаете, что ограничение трудового дня по времени есть бред социалистов и отчуждение частновладельческих земель равносильно залезанию в чужие карманы, — то вы не должны присоединяться к этому адресу, а должны выработать свой собственный адрес, который вам продиктуют интересы торгово-промышленной партии. Если вы верите, что хищные волки областной администрации способны сразу превратиться в кротких земских овечек, если вы способны ещё испытывать чувство благоговения на порогах великих мира сего и если вы действительно считаете каждую стачку ошибкой, каждую забастовку преступлением, если вы думаете, что можно быть политиком, имея только программу и не имея тактики, если вы не чувствуете в себе ни сил, ни права, рано или поздно, когда пробьёт час, дружно отказаться от работы на этот строй, который доводит вас до отчаяния, забастовать против правительства, которое само первое забастовало в исполнении своего нравственного долга перед всем русским народом (аплодисменты), — то тогда вы не должны присоединяться к нашему адресу, а вы должны выработать ваш собственный адрес во славу 17-го октября и демократических реформ.

Но если вы действительно жаждете, как воздуха и воды, 5 свобод: свободы слова и печати, свободы личности и совести, свободы союзов, собраний, стачек и передвижения, если вы, крестьяне, товарищи по государственной думе, пришли сюда, чтобы взять расширение ваших земельных наделов и запашек, для того, чтобы не голодать и исправно платить подати, если вы, рабочие, товарищи по государственной думе, спешите обеспечить себя на случай болезни и старости, если вы, крестьяне и рабочие, товарищи по государственной думе, действительно дорожите тем, чтобы ваши дети были сыты, одеты и грамотны, если вы желаете дожить до того времени, чтобы наиболее способные из ваших детей ходили в гимназию, и там, на почве изучения наук, а впоследствии и в жизненной борьбе, обгоняли барчат, — то вы должны присоединиться сегодня к адресу и тем самым подготовить переход пролетариата в интеллигенцию и, с другой стороны, постепенное ниспадение интеллигентных торгово-промышленников и земледельцев в класс трудовых пролетариев. Сегодня вы дожили до того дня, о котором мечтали раньше, быть может, лишь в бреду крайней нужды, и вы можете и должны поведать Верховной Власти все ваши муки, все нужды и надежды трудящейся России. Такая минута не повторяется в жизни дважды.

Переходя к позиции, занятой по отношению к адресу к.-д. партией, оратор разбирает возможные возражения и нападки и заканчивает свою речь следующим сравнением.

Пред нами старая запруда и ветхая плотина, в которую изо дня в день бьют волны прибывающей реки и не нынче-завтра они пойдут верхом через плотину, прорвут и размоют её. Тут же старые сторожа, которые не верят дожить до прорыва плотины и пытаются изо дня в день укреплять её мусором, тут же какие-то шаловливые руки приподнимают то одно, то другое творило и любуются теми глыбами воды, которые падают в жёлоб и, обгоняя друг друга, бегут в тихий омут. Это революционеры, предвкушающие прорыв всей запруды. Мы неспособны, как революционеры, любоваться водопадами из мёртвых тел и гибнущих жизней, но и не верим, как бюрократы, чтобы эту ветхую плотину можно было починить старым мусором. Мы хотим поставить мельничное колесо под запрудой, мы хотим использовать полноводье в народной жизни, направив его силу к плодотворной работе мельничных жерновов, но если нам не удастся спустить реку путём

постепенной работы, на благо народа, если запруда не устоит перед силой воды, которая напирает на неё, если волны пойдут через плотину, прорвут и размоют её вместе с дряхлыми сторожами и их старым мусором, то мы тогда по совести вправе сказать властителю земли: Государь, мы их предупреждали! (*Аплодисменты*).

Сафонов (к.-д. Костромская губерния). Адрес — это провозглашение принципов, это перечисление всех потребностей, которые вызываются данным моментом; и это обращение важно сейчас, в данный момент, не столько для Государя, сколько для страны. Народ должен знать наши намерения, должен видеть наши планы, мы должны указать те пути, по которым мы должны вывести страну из той бездны, в которую бросило её старое правительство, мы должны поставить те вехи, по которым мы должны уйти от царства произвола и насилия и приблизиться к новому царству — справедливости, права и законности, и мало этого, в адресе должен вылиться весь народный гнев, всё народное горе, все его страдания: недаром первую Думу государственную по справедливости называют — думой народного гнева. Внести диссонанс в настроение народа грозило бы разрывом с ним, это был бы проигрыш всей политической кампании. Нужно ввести народное движение в берега, должно направить его по одному руслу, дать ему правильное течение, внести сознательность, планомерность. Если адрес не есть законодательный акт, в котором воплощается воля народа, то он есть программа нашей деятельности, а не простое обещание. Народ снабдил нас чрезвычайными полномочиями, и если мы не обладаем формальной силой власти, то в его представлении мы олицетворяем принцип народовластия, в его представлении мы реальная сила, могущая осуществить всё то, что сказано. Не воспользоваться настроением страны, её глубокой верой в Думу нельзя. На этом мы должны заложить свой фундамент, мы с первого шага должны спаять себя со страной, жить её желанием, действовать её волей, и в этом будет наша сила. И едва ли правы те ораторы, у которых звучит нота недовольства. Да разве жгучий вопрос, на который устремлены все взоры деревни, аграрный вопрос, не решён нами в пользу трудящегося населения? Разве принцип принудительного отчуждения не рычаг, который подвинет деревню и поставит её на путь культурного развития? Мы этот вопрос решили так, как его не могла решить бюрократия. Я не думаю, чтобы принцип принудительного отчуждения, который здесь провозглашается, был бы принят с унынием в стране: его встретит деревня с криком восторга. Надо достигнуть того, чтобы известные принципы были выражением всей Думы. Это важно провозгласить в тот момент, когда слышатся голоса от кучки людей, которые идут против всей страны и провозглашают неприкосновенность института земельной собственности. Пусть знают все, что это выражение воли народа, воли непреклонной; противостоять ему было бы слепым безумием. Это минимум того, что должно быть исполнено. И в тот момент, когда страна продолжает жить под гнётом насилия и произвола, когда государство опутано сетью всяких охран, когда на каждом шагу попираются наши права, оскорбляются гражданские чувства, когда нарушаются даже права членов Государственной думы, — я думаю, что в этот тяжёлый момент адрес, раздавшийся с народной трибуны, есть благая весть; это будет тот благовест, который возвещает русскому народу новую жизнь. (*Взрыв аплодисментов*).

Бондарев (тр. гр. Саратовская губ.). Мне хочется начать свою речь тем, чем кончил предыдущий оратор, тем, что ответный адрес на тронную речь в том виде, в каком представляется он, несмотря на известные пропуски, несмотря на то, что нет в нём, как это может показаться некоторым, тона более решительного, более категорического, всё-таки будет благовестом для страны, для трудящегося класса страны. Могут быть всевозможные возражения против ответного адреса. Но

ошибается тот, кто бы стал утверждать, что в ответный адрес должны быть включены только вопросы программы. И тот, кто стал бы протестовать против внесения в ответный адрес указаний на то, что в данный момент испытывается страной, глубоко бы ошибся. Именно в этом адресе и должно сочетаться то и другое. Это не есть указание на историческое прошлое, как будто давнишнее, как будто исчезнувшее, — нет, это прошлое близко, это прошлое памятно и по тем радостям, и по тем болям, в которые воплотилось оно. И радость, и вера, и надежда, которые несколько месяцев тому назад переживала страна, были торжественны; эта радость объяла всё наше существо, и с этой радостью, радостью в ответ на возвещённые свободы, мы выходили на улицы, и нельзя упрекать тех, кто выходил для торжественного приветствия свободы и в радости выкидывал красный флаг, ибо этот красный флаг не был указанием на ту кровь, на те потрясения, которые предстоят впереди. Это было только справедливое, законное, естественное указание на то, что они переживали, что перечувствовали. Только смерти погибших борцов за свободу мы обязаны этими возвещёнными свободами. Наша вера в исполнение возвещённых свобод была, конечно, наивна, была необоснованна, но вера эта была искренняя, и тем больнее, что была попрана и поругана она. Эта надежда, правда, была нелепой надеждой. Но что же делать, когда в момент подъёма мы ещё раз согласились надеяться и вверить осуществление наших надежд тем, в ком мы уверились. Во всей своей яркости, во всей своей ясности это прошлое и теперь ещё стоит перед нами. В русском парламенте раздаётся свободное слово, свободно звучит свободное слово «почти» неприкосновенного депутата, и в то же время этот самый только «почти» неприкосновенный депутат из тех уголков, откуда он послан, откуда он приехал, получает телеграммы, получает известия, что этот произвол, это насилие всё ещё царят, и «почти» неприкосновенный депутат не знает, что ему делать с этими телеграммами, с этими депешами, этими письмами, этими документами всё ещё живого насилия, — неужели протестовать, неужели составлять резолюции? Да ведь это оскорбление, и ясно, что это ни к чему не поведёт.

Строй самовластия, безответственного чиновничества всё ещё железным кольцом окружает родину своими военными положениями, своими чрезвычайными и усиленными охранами, своими штыками во всеоружии капиталистического производства: пушек, пулемётов и других способов искоренения и задавления всех порывов страны.

Он говорит о благе и счастье народа, но от этого блага и счастья народа он оградил себя проволочными заграждениями и волчьими ямами. И против этого блага народа, несущегося к нему с мольбами и ходатайствами, — ещё не с требованиями, а только со смиренными мольбами и настойчивыми просьбами, — против блага народа он выставил жерла пушек и сталь штыков. Это есть нечто стройное, организованное, это не есть только небольшая кучка людей, это есть исторически организованное господство меньшинства над громадным большинством. Бюрократический произвол соединяется со всем тем, что имеет преимущество: с историческими привилегиями, с крупной земельной собственностью и с крупным капиталом. Всё это направлено против того, что способно вывести трудящиеся массы из их бесправного положения и экономической нищеты. То, что переживается в настоящее время, есть, может быть, вступление к нравственному возрождению, но прежде всего и главнее всего это есть вступление трудящихся масс на политическую арену для закрепления и упрочения политической власти за собою. Ведь протест против Государственного совета, созданного по закону 20 февраля, не есть протест только против этого исторического прошлого. Это есть протест против учреждения, которое избирается и является представителем крупного торгово-промышленного капитала и крупного землевладения.

Если в адресе говорится о всеобщем избирательном праве на основах прямого, равного и тайного голосования даже без различия пола, не говоря уже о вере и национальности, то в это вкладывается всё то существенное, что важно для всех трудящихся классов, чтобы это было действительно народное представительство, способное в полной, широкой мере представить все интересы трудящихся; во всех этих требованиях свободы союзов, свободы стачек говорится о том, что наконец трудящиеся классы поняли, что без упрочения за собою политической власти невозможно решение ни одного вопроса, способствующего улучшению их экономического положения, а также политического и культурного их развития. Все средства трудящимися классами использованы: была вера, были мольбы, именем Бога живого шли мольбы трудящихся классов, чтобы облегчили их участь, — ни одно из них не имело силы, чтобы убедить именно тех, кто до настоящего времени держит в своих руках политическую власть. Трудящиеся массы берутся за последнее, за самое важное, за единственное, которое может их привести к желанной цели; народ борется за то, чтобы в руки свои взять всю полноту законодательной власти; пользуясь полнотой законодательной власти, он употребит эту политическую власть для обеспечения блага и счастья народа.

Кузьмин-Караваев (п. д. р., Тверская губ.). Как криминалист, я не без волнения вхожу сейчас на эту кафедру. В адресе есть решение одного из самых больных, самых жгучих вопросов научной мысли. Здесь сказано: смертная казнь никогда и ни при каких условиях не может быть назначаема. То сдержанное негодование, которым были встречены вчера Государственной думой слова представителя г. Екатеринослава, члена Государственной думы Способного, свидетельствует о том, что слова эти никоим родом не будут выкинуты из адреса, и что Государственная дума на первую очередь поставит вопрос об отмене смертной казни, как определённый законопроект. Когда наступит так страстно мною желанное время, и мы будем рассматривать уже законопроект об отмене смертной казни, тогда я и многие другие вместе со мною, мы докажем г. Способному и всем сомневающимся, что смертная казнь ни при каких условиях не должна и не может быть назначаема. (*Аплодисменты*). Мы докажем, что нельзя, убивая человека по суду, ставить вопрос: за что? — а надо ставить вопрос: зачем? Неужели государство так слабо, что оно не может обезвредить изменников на будущее время? Нет, оно, бесконечно, сильно, и если оно вешает, то в нём говорит только остаток очень, очень старого — остаток кровожадной мстительности. Нам говорят, что мы требуем отмены смертной казни по соображениям сентиментализма. Нет, господа, лишение жизни вообще есть одно, а смертная казнь — другое. До тех пор, пока будет война, — будут убийства. Но там — убийство равными равных, там убийство теми, которые и сами могут быть убитыми. А в смертной казни ужасно то, что властный убивает своего подвластного. Он его убивает со спокойным расчётом, через палача, по судебному приговору. Как можно сравнивать это убийство с какой бы то ни было формой лишения жизни? Тут нет никакого подобия необходимой обороны.

Все эти соображения так ясны и просты. Но почему же вопрос до сих пор не решён? Причин много. Я не буду, конечно, останавливаться на изложении вопроса во всём его объёме. Но я не могу не отметить, что в России всегда смертная казнь встречала отпор, особенно сильный отпор встречала она как наказание; 26 лет тому назад покойный философ Соловьёв в своей известной речи сказал: смертная казнь претит духу русского народа.

Кто-то сосчитал, что с декабря месяца в России — не убито при вооружённом сопротивлении, нет, — но расстреляно, повешено и лишено жизни самым ужасным способом без суда или по судебным приговорам более 600 человек. Это цифра — ужасающая, и эта цифра вам показывает

лишний раз, что в смертной казни главный руководящий мотив — это именно кровожадная мстительность. Её хотят; борющийся хочет сделать своё решение бесповоротным, а что из этого получается? Получается, как и при всякой смене государственного строя, вот что: тот, кто вчера был убит, сегодня не подлежал бы никакому наказанию. Ведь вспомните, господа, если одна сторона так действовала, то и другая сторона так же действует. Вспомните французского короля, который во время революции погиб, погиб не от руки убийц, а на основании формального закона, погиб от руки палача, погиб в силу и по решению той законной власти, которая была таковой в данный момент.

Но нам говорят: прежде чем отменять смертную казнь, пусть прекратятся политические убийства. Постоянно приходится слышать, что смертная казнь стоит в причинной связи с политическими убийствами. Я это признаю; но где причина, и где следствие, это ещё вопрос и вопрос очень большой. С гораздо большим правом можно сказать, что причина политических убийств в смертной казни. Сохраняя за собою право на кровожадное мщение, государство поддерживает те же кровожадные инстинкты, развитые в обществе. Кто должен начать, с чего надо начать? Неужели же можно так ставить вопрос, что пусть прекратят частные лица, люди, признаваемые законом преступниками, свои убийства, и тогда государство уничтожит смертную казнь. Государство должно действовать совершенно от этого независимо. Государство должно знать и помнить каждую минуту, что его определения имеют воспитательное значение для всего общества.

Я крайне опасаюсь, что нашему заявлению в адресе, которое, по моему мнению, так верно выражает настроение народа, будут противопоставлены ссылки на недавно пролитую кровь, на недавно вновь совершённые политические убийства. Не потому я горячо высказываюсь за отмену смертной казни, чтобы я не был под впечатлением убийства командира петербургского порта, убийства екатеринославского генерал-губернатора и даже, прибавлю, убийства Георгия Гапона. Нет, я нахожусь под сильнейшим впечатлением пролитой крови. Я всей душой, всем сердцем готов протестовать против этих убийств, но с тем большей горячностью я призываю к отмене смертной казни. (*Аплодисменты*).

Буслов (тр. гр., Могилёвская губ.). «Земля и воля» — вот знамя, под которым сошлись легионы освободительной армии. За древко этого знамени крепко уцепились могучие руки рабочего класса, под шелест этого знамени мы выслушали вызов и оправдание тех, кто виноват, и под шелест этого же знамени мы рассматриваем адрес. От думы рабочие классы ожидают не счастья, а ожидают только того, чтобы дума сняла с них несчастье, а счастье они завоюют сами. Они выкуют его сами для себя. Дума должна дать раскрепощение этим классам — крестьянству и пролетариату, закрепощённым у земли и у капитала. Если юный, могучий ещё пролетариат ещё недостаточно созрел, чтобы сказать это слово, то крестьянство это слово уже выговорило по отношению к земле. Выражение этого решения в ответном адресе, конечно, недостаточно полно; нам необходимо было бы сказать более определённо, более ясно, более полно. Могучее освободительное движение ставит нашу работу на путь широкого прогресса. В этой работе мы должны использовать всё, что есть богатого, даровитого в нашей стране, и мы не должны закрывать глаза на отчуждение половины населения страны от этой работы — женщин. Это и есть та половина населения страны, которая таит в себе громадные культурные зачатки и носит в себе культурные задачи; эта сила должна быть использована, — равным образом необходимо подчеркнуть и то, что оттеняет главные условия культурной работы, главное движение народовластия — это четырёхчленная

избирательная формула, которая выражена у нас только одним словом; я поддерживаю тех, которые говорят: «без различия национальности и вероисповедания», и считаю ещё необходимым вставить три слова: «без различия пола».

Ершов (тр. гр., Казанская губ.). Горячо возражает Способному, указывая на то, что об отвращении смертной казни в народе свидетельствует хотя бы трудность находить палачей для исполнения смертной казни и что стачки необходимы для рабочего класса.

Ледницкий (к.-д., Минская губ.). К тому голосу, который раздаётся здесь, мощному и сильному голосу представителей различных партий, отдельных групп и организаций, нельзя не прибавить и того голоса, который также звучал в гамме освободительного движения, голоса национального горя, национального гнёта и обезличения. В рядах русского освободительного движения представители всех национальностей бок о бок боролись за одни и те же идеалы, за одно и то же лучшее будущее, и сегодня, когда составляется ответ от лица Государственной думы, объединённые представители отдельных областей и национальностей почитают долгом совести заявить, что они явились сюда затем, чтобы их горе, их великая духовная нужда не были забыты. Мы, представители отдельных национальностей и территорий, признаём возможным принять тот адрес, который составлен комиссией, но в этот исторический момент я от лица этих представителей почитаю долгом заявить и объяснить, как мы понимаем удовлетворение тех справедливых национальных требований, во имя которых мы сюда явились. Я думаю, что не только партии, но что и вся Государственная дума, объединённая одним общим началом, необходимостью восстановления демократического принципа и принципа справедливости, не изменит им. Когда мы слушали представителей Царства Польского, солидарных с нами в общем стремлении к политической свободе, мы вспомнили, что там задыхаются в атмосфере пороха и дыма, в атмосфере произвола и насилия; здесь отсутствуют представители Грузии и Кавказа, но мы знаем, что их горы и долины увлажнены кровью и слезами разрушенных деревень, оглашаются стоном убиваемых детей и обесчещенных женщин; мы знаем, что представители национально обезличенной Украины, стремящейся также к освобождению от национального гнета, чувствуют биение сердца, бьющегося в унисон с сердцами всех борцов за свободу; когда мы вспоминаем, что мусульманский съезд еще недавно не мог сказать своего собственного слова в защиту своих прав, когда Лифляндия, Эстляндия и Литва изнемогают в тисках карательных отрядов и того произвола, с которым мы тоже боремся, — то я вижу, как оттуда из наших родных мест протягиваются руки наших братьев, тех же трудящихся классов, тех же рабочих, того же трудового крестьянства, которые к русскому народу взывают о помощи, о том, чтобы в эту торжественную минуту всем встать рядом в борьбе за общую свободу, за установление великих начал справедливости (взрыв аплодисментов). Мы переживаем великий и бесспорно исторический момент. И сегодня опять-таки я слышал с того же места, с той же трибуны воспоминание о великом русском философе Соловьёве, который двадцать лет назад заклеймил осуждением все то, что происходило в области национальной политики. Он одним общим словом назвал эту политику: «международное людоедство». Я думаю, что этому международному людоедству наступил предел, что справедливое стремление отдельных областей в предоставлении им полной свободы, в организации самостоятельного национального быта, в организации его на началах автономии и автономного самоуправления найдет здесь удовлетворение, так как оно направлено не к подрыву основ русского государства, а представляет из себя один общий напор к установлению того начала, которое в государстве создает органическую и могущественную связь отдельных единиц в одно

общее целое, вместо связи искусственной и механической. Во имя этих общих начал мы пришли сюда, мы пришли, чтобы исполнить торжественный завет, чтобы без различия национальности бороться за один общий идеал, за демократические принципы, за одну общую свободу. Мы переживаем момент, когда не торгуются за свои права, когда намечаются целые этапы прогресса и развития. Я знаю, что из центра России, из среды русского народа раздался протест против всесильного централизма и общий призыв к объединению всех в борьбе за свободу, потом вылившийся в один общий клич: «прочь ограничение», «дайте всем национальную самодеятельность». Я убежден, что и здесь русский народ устами своих избранников властно заявит об этом. Я не сомневаюсь вместе с тем, что когда наступит момент подсчета этих стремлений и требований, то будут приняты во внимание конкретные и этнографические особенности, которыми каждая отдельная область или национальность, бесспорно, отличаются, а также будут уважены кристаллизовавшиеся понятия национального самостоятельного быта в едином государстве. В сознании ответственности перед грядущими поколениями и историей, в сознании довлеющих нам соображений государственного интереса и порядка мы не только приветственно кланяемся представителям русского народа, но и почитаем долгом заявить, что от этого русского народа мы ждем удовлетворения наших национальных требований. Нужно не только раскрепощение классов, но и раскрепощение всех народов.

Михайличенко (тр. гр., Екатериносл. губ.). Рабочий класс всю жизнь свою положил на борьбу за лучшее будущее. Терять рабочему классу, кроме цепей, нечего. Борясь за лучшее светлое будущее, не как отдельный класс, он в себе соединил все классы. Рабочий класс — самый нижний класс, он не может никого угнетать, он не может никого эксплуатировать. Если он добивается лучшего, то он добивается этого без различия национальностей и вероисповеданий. Он на плечах своих держит совместно с крестьянами всё, так как он есть отпрыск от крестьян. Работы у крестьянина нет дома. Он идёт и ищет себе с сумой куска хлеба. Где он его находит? У тех элементов, которые теперь держат правую сторону. По моему мнению, правда должна быть с правой стороны, но почему-то теперь загнали правду налево, а неправда стала направо. (*Аплодисменты*).

Мы идём искать справедливости — на нашем знамени написано; не то половинчатое, что здесь говорится. Нет, я вам, господа, должен сказать, как представитель рабочих, как испытавший на своей шкуре (голова наполовину перебита, два ребра переломаны), что страна защищает левую и никакого добра не ждёт от правой. Мы только должны верить тем борцам, тем друзьям и братьям испытанным, которые на деле показали, что они готовы жизнь положить за други своя, но не тем паразитам, которые тысячу лет мучили, обманывали нас, да и теперь ещё обманывают. Перед лицом всех представителей русского государства единичная личность выходит и говорит, что смертная казнь необходима. Что же, мы сравним человека с червём, которого задавливают? (*Аплодисменты*). Я — представитель от рабочих Екатеринославской губ., и так как г. Способный — член Государственной думы от города Екатеринослава, то я должен сказать, что когда выбрали его членом, то добрая половина Екатеринослава говорила: это не выразитель наших нужд; он будет защищать кучку высоко сидящих, у которых есть большая мошна.

Правая уже показывает себя, говорит, что мы не хотим с вами считаться. Мы, мол, не так легко отдадим власть. Мы, мол, привыкли жить на ваш счёт, а вы привыкли скотской жизнью жить, а потому, мол, поборемся. Правда, я с этим согласен. Много есть у нас крестьян, которые выбрасывают своих детей на промыслы, в которых они гниют там, на 200–250 саж. под землёй, дышат отравленными газами и пьют гнилую воду. Нет для них там защиты: закон 1903 года висит

только на стене, но нет тех сил, которые заставили бы его исполнять; нет и не будет до тех пор, пока не осуществятся те свободы, которые дарованы манифестом 17 октября. Мы ещё дальше идём, не считаясь с тем, что нас здесь маленькая группа — 12 или 14 человек, у нас на улице масса, которая поддержит нас. У нас большее, чем это народное собрание. Те два слова почему-то не договариваются, а выбрасываются. Я не буду их здесь произносить, но вся Россия говорит об этом. И вот я скажу относительно адреса на тронную речь. Ничего с нашей стороны, как мои товарищи рабочие, так и мы ничего не скажем, никакого протеста не выразим. Там сказано: свобода слова, союзов, печати и стачек. Мы боремся стачкой, боремся этим самым оружием, только ею рабочий и может бороться, и это оружие хотят отвергнуть, говорят, что стачка есть разорение для страны. Правда, она разорительна, но для кого? Рабочему нечего терять, кроме цепей, а у кого мошна толстая, она от стачек истощается, ждёт поддержки от казны, а у казны денег нет. В адресе не нужно ничего ни вычёркивать, ни добавлять, только необходимо упомянуть о рабочем вопросе, а как его разделать, как разобрать — нашу социал-демократическую программу весь народ, вся Россия знает.

М. Ковалевский (п. д. р., Харьковская губ.). Господа народные представители! Я принимаю проект адреса в том виде, в каком он нам представлен в его общих чертах, потому что он в значительной степени выражает те самые мысли, те самые идеалы, которым мне приходится служить уже 30 лет. Я хвалю ваш адрес ещё потому, что он выражен в вежливых, умеренных словах. Большинство из вас, господа, люди умеренные, и эта умеренность счастливо отразилась и на вашем адресе. Вы избежали употребления неизвестных конституционному праву терминов. Вы очень удачно передали основные начала конституционного и парламентского строя, но, борясь с противником, заботясь об уничтожении Государственного совета, вы, на мой взгляд, недостаточно обратили внимание на необходимость требовать и для себя, и для всего этого собрания тех прав, которых оно не имеет и без которых оно не может осуществить возложенных на него надежд всего населения, в частности той надежды, выраженной в тронной речи Государя, что вы излечите все общественные язвы России и положите прочное начало новому порядку.

Вы не можете выполнить этой задачи до тех пор, пока у вас не будет права почина законов. Статьи 34 и 57 закона 20 февраля признают за вами не право законодательного почина, а право в том случае, когда министры или главноуправляющие отдельными частями не внесут тех или других законопроектов, поручать вашей комиссии выработку их, после чего эти проекты могут поступить из комиссии в Думу, причём закон не указывает срока, когда министры или главноуправляющие должны выработать проект даже по неотложным вопросам.

Я полагаю, что вы недостаточно ясно упомянули также о неотъемлемом праве всяких народных представительных палат требовать, чтобы все законопроекты поступали непосредственно в народную палату, т. е. в Государственную думу, и чтобы никакая верхняя палата не могла вносить изменений в эти законопроекты, принятые палатой народных представителей. Точно так же палате народных представителей принадлежит право утверждения росписи, или государственного бюджета. С XV века этого права держатся в Англии, и нет свободного конституционного государства в Европе и Америке, которое бы не признавало, что верхняя палата может только принять или отвергнуть целиком так называемый денежный билль, прошедший ранее через нижнюю палату, вносить же изменений в него она не может.

Вы недостаточно остановились на законном праве, принадлежащем всякой свободной палате, составлять государственную роспись и не высказались открыто против сбора по старой росписи, если новая роспись не подверглась утверждению.

Вот некоторые промахи, которые вами допущены, промахи важные, очень существенные, и которых вы могли бы избежать прибавлением нескольких строк к прекрасно составленному адресу.

Я не могу также согласиться с тем взглядом на верхнюю палату, который проводится в вашем адресе. Я решительный противник Государственного совета в том виде, в каком он предлагается нам законом 20 февраля и основными законами. Государственный совет есть высшее административное учреждение, и высшая административная коллегия не может быть в то же время органом законодательной власти. Это знала Екатерина, которая комментировала мысль Монтескьё о разделении властей в своём наказе членам созванной ею комиссии. Это знает в настоящее время всякий студент, прослушавший элементарные лекции по конституционному праву. Это настолько считается истиной в странах, в которых имеется конституционный строй, что в Англии, когда хотят чтобы оттенить различие абсолютного или неограниченного образа правления от конституционного, то употребляют два термина: первое понятие, т. е. неограниченный образ правления, передаётся словами «король в совете», второе, т. е. понятие конституционного строя, передаётся словами «король в парламенте». И по настоящее время имеются английские колонии, которые по старым началам управляются королём в совете, т. е. при неограниченной власти короля. Но, отрицая государственный совет как товарища в осуществлении законодательной власти, вы в то же время не должны порождать сомнение в том, что признаёте возможным существование только единой камеры, действующей в согласии с царём. Не мне повторять то, что в настоящее время считается трюизмом. Деспотизм возможен и при единой камере, хотя бы она была составлена из лучших элементов, хотя бы она была однородна в своём составе и не подчинялась никаким внешним влияниям. Деспотизм возможен всюду, где власть остаётся неограниченной. Вот почему всегда считалось желательным ещё со времён Бенжамена Констана, чтобы рядом с нижней палатой существовала и верхняя камера, не поглощающая всех функций нижней палаты, например в деле финансовом, не имеющая, в частности, права участвовать в изменении бюджета, но в то же время наделённая широким правом контроля над осуществлением нижней палатой её законодательных функций.

Господа, мне кажется, вами не обращено также достаточно внимания на то, что контроль за администрацией немыслим и невозможен до тех пор, пока все ваши права в этом отношении будут сводиться к обращению к министрам с просьбами о сообщении сведений и разъяснений. В той форме, в которой право запроса признано в законах 6 августа и 20 февраля, оно является не более как насмешкой над народными представителями. Ведь право запроса существует для того, чтобы иметь возможность сразу положить конец произволу, насилию и передергиванию властей, а между тем власти, благодаря самому включению этого права, не несут ответственности за тот произвол и то насилие, против которых мы тщетно протестуем.

Доказывать вам, господа, что парламентский образ правления в России необходим, мне уже потому не нужно, что это сделано недавно тем человеком, от которого всего менее можно было ожидать определённого заявления на этот счёт. Глава правительства, недавно вышедший в отставку, протестовал в государственном совете против того произвола, тех насилий, тех административных высылок, тех произвольных арестов, которые его же именем производились в

период управления им русским государством. Таким образом, отовсюду слышатся голоса о необходимости перейти к такому политическому порядку, при котором имелись бы солидарные и политически ответственные министерства; одна из главных заслуг проекта адреса, который нам представлен, заключается именно в том, что вы подчеркнули необходимость не одной только судебной ответственности министров, как и прочих чиновников, за преступление по службе, но и политической ответственности перед народом и народными представителями.

Я, разумеется, вполне присоединяюсь ко всему тому, что сказано в вашем адресе по вопросу о смертной казни. Вы, вероятно, в этом факте могли найти доказательство того, что память изменила проф. Щепкину, очень памятливому человеку, как доказывает его сегодняшняя речь, и в то же время не всегда вспоминающему всё, что следовало бы вспомнить в интересах истины. Если бы он это сделал, то, вероятно, понял бы, что отождествлять партию 17 октября с партией демократических реформ не будет согласно истине. Мы, к крайнему сожалению моему, по вопросу о смертной казни и целому ряду других вопросов разойдёмся с весьма почтенными земскими и городскими представителями, сидящими на скамьях справа. Партия демократических реформ, вероятно, также разойдётся по вопросу об обязательном выкупе и образовании постоянного земельного фонда из выкупных государственных земель с целью предотвратить возможность скупки этих земель тем классом, который в просторечии называется кулаческим. Я думаю, что память изменила также нашему товарищу, проф. Щепкину, когда он решился утверждать, что в проекте адреса, вам представленного, по рабочему вопросу выражены некоторые положения, которые может защищать левая партия. Не принадлежа к крайним левым, я в то же время полагаю, что одна из величайших ошибок, сделанных вашим адресом, состоит в том, что в нём проводится старая теория Бастиа или теория манчестерской школы, считающей единственным средством решения рабочих затруднений признание неизменной истиной свободы конкуренции и свободы рабочих организаций. Мы, члены партии демократических реформ, гораздо ранее образования самой партии, думали и продолжаем думать, что одна из задач, созданных здесь народными представителями, будет — напомнить о необходимости идти на помощь рабочему классу в форме рабочего законодательства и признать невозможной эксплуатацию женского труда, эксплуатацию детей, что мы поставим своей задачей регламентировать длину рабочего дня, насколько это примиримо с поступательным ходом нашей промышленности, насколько это примиримо с состоянием отдельных видов промышленной деятельности.

Видите, господа, что я готов идти с вами рука об руку, это, вероятно, повторится и на всех последующих заседаниях Государственной думы. Я друг той партии, которая называется — партией народной свободы, но я в то же время сохраняю за собой свободу критики, свободу самостоятельного суждения. И с этой оговоркой вы только и можете рассчитывать на мою поддержку. В числе необходимых свобод, которые должны быть обеспечены, вы, как мне кажется, напрасно опустили одну: свободу петиций, подаваемых на имя Государственной думы. Свобода петиций есть именно та свобода, благодаря которой англичанам удалось превратить свой аристократический строй в строй демократический. Вы вместо этой свободы предоставляете свободу стачек, но место ей там, где вы говорите о свободе самоопределения рабочего люда. Можно ещё представить несколько возражений против редакции вашего адреса. Я не вижу, почему вы ни слова не сказали, как это обыкновенно делается во всех адресах, насчёт нашей будущей внешней политики. Стремление к международному миру, какое приписывается нашему Государю, может быть осуществлено легче при обеспечении крестьян землёй. Вам следовало бы настаивать

на том, что русская демократия, которую вы здесь представляете, носит с собою идею мира. Она не отказывается в то же время от покровительства всем славянским народностям, вполне уверенная в том, что только при сохранении их культурных особенностей и обеспечении им возможности дальнейшего развития связанные с нами по крови племена, если и не сольются в одно море, то потекут рядом по разным руслам, но в том же направлении к большему свету, к большей истине и к большей человеческой солидарности.

Епископ бар. Роп (Виленская губ.). Господа, когда Государь Император обратился к нам с тронной речью, он соединил тронную речь со взглядом на Того, в глазах которого он тоже только человек, как всякий из нас. Он соединил свою тронную речь с тем Повелителем, с тем Государем, который стоит выше всех нас, выше его и перед которым мы все будем судимы. Мне кажется, что в нашем ответе на тронную речь, с которым я во многих отношениях согласен, следовало бы обратить внимание на наше отношение к этому самому великому Государю, который держит всё в своих руках, который в душе признан всеми нами и который с самого начала поставил своё отношение к нам на тех же основах, на которых стоит наш Государь в отношении к нам, я скажу — на основах конституционного Государя. Бог с самого начала при сотворении мира дал ему конституцию, такую сильную, твёрдую, крепкую конституцию, что он связал её со своею сутью, так что нарушение этой конституции со стороны Бога немыслимо и невозможно, потому что оно противоречило бы сути Божией. Конституция, данная Богом, состоит из 10 заповедей, и поэтому следовало бы взять в расчёт при наших деяниях наше отношение к этой конституции всего мира, к этой конституции, в отношении к которой мы обязаны так же, как Бог в отношении к нам. Если я так говорю, то говорю христианам, но хотя здесь много людей, которые не признают христианского миросозерцания, однако все они признают одного Бога. В этом отношении мы все соединяемся. В предложенном нам адресе многие вопросы были здесь разобраны отчётливо и хорошо. Я не стану им противоречить. Однако следует нам обратить внимание на то, чтобы в ответе на те пункты, в которых мы можем заявить нашу любовь, наше доверие друг к другу, в тех пунктах, где одно слово, одно прибавление может придать нашему адресу такое христианское значение, это было сделано. Переходя к некоторым частностям, я стою за то, что следует оставить рабочему классу возможность организоваться, что следует оставить ему возможность найти силу в самом себе, что следует оградить его таким законом, который освободил бы его от гнёта капитализма. И я ни в каком отношении не стою против этого движения к равноправию и к сплочению отдельных классов, точно так же, как и отдельных национальностей, чтобы они среди себя могли творить то, что им нужно для процветания и для жизни. То же самое я думаю по отношению к крестьянскому классу. Крестьянский вопрос, конечно, у нас очень сложный и очень разноличный; он не может быть решён одними только словами, и поэтому здесь, казалось бы, нужна широкая постановка дела, но широкая постановка в смысле того, чтобы в этом вопросе смотреть не только с точки зрения крестьян, но также должно желать, чтобы одни не обижали других. Наконец, я не могу ничего прибавить к прекрасным словам, которые были сказаны Кузьминым-Караваевым насчёт смертной казни; я совершенно к ним присоединяюсь.

Кутоманов (Курская губ.). Много выступало ораторов, и почти нет разногласия во всём, за исключением, может быть, двух. Я лично также присоединился бы ко всем высказывающимся, если бы я мог сохранить то спокойствие, с каким говорят люди, может быть, не испытавшие сами на себе того, что пришлось испытать лично мне и тем, которые послали меня сюда. Много в этом проекте, господа, хороших вещей, но слишком много недоговорённого, слишком много скромности, может

быть, почтения даже, тогда как страна кричит, страна стонет под тем игом и теми порядками, которые существуют теперь. Нужно было несколько больше решительности проявить. Я хотел указать на очень многие подобного рода сделанные недочёты, если бы г. Набоков не заявил от имени комиссии, что к тем недомолвкам, которые вызывают различные толкования, комиссия предположила внести ещё в думу предложение сделать особое постановление, где будут подробно развиты и разобраны все предложения, каждое требование, внесённое в этот проект ответа на тронную речь. Поэтому я не буду останавливаться, если это будет; это меня удовлетворяет.

Набоков (докладчик комиссии). Я не делал приписываемого заявления; я это сказал только относительно полной политической амнистии.

Кутоманов (продолжает). Тем не менее есть один пункт, который я не могу обойти молчанием. Во всей стране творятся ужасы. Сейчас, сегодня, может быть, вы читали в «Нашей Жизни», в Екатеринославе политические арестованные в тюрьмах взволновались, запели песни, и что же с ними сделали? Там шашками изрубили 30 человек. В Царицыне рабочие вышли на улицу и, кроме песен, никаких беспорядков не производили. И что же? Сделали выстрелы и 8 человек изранили. Вот что творится теперь. Я не перечисляю тех случаев, тех моментов расправы, которая творится в России. Здесь, в этом проекте, между прочим, говорится: «…След от действий администрации за последние месяцы так глубоко осел в душе народа, что никакое умиротворение страны невозможно дотоле, доколе не станет ясно народу, что отныне не дано властям творить насилие, прикрываясь именем Вашего Императорского Величества, доколе министры не будут ответственны перед народным представительством и, сообразно с этим, не будет обновлена администрация во всех степенях государственной службы». Вот в этот пункт я бы предложил с разрешения думы внести дополнение. Я от себя говорю, но я делился этой мыслью со многими, и они разделяют её. Я даже формулировал на бумаге эту мысль и настаиваю, чтобы её выслушали. (Читает формулировку). «Государственная дума признаёт настоятельною, неотложною необходимостью восстановление в городах и других населённых местах Империи условий общественной и личной безопасности, ныне не существующей. Со второй половины октября 1905 года подданные Вашего Величества, предоставленные вследствие исключительных законов и произвольных распоряжений администрации во власть полиции и отправляющей охранную службу военной силы, неограниченно и бесконтрольно распоряжающихся свободою, имуществом, честью и жизнью мирных граждан, видят себя вместе с тем лишёнными первейшего условия гражданственности: защиты от посягательств на те же элементарные блага цивилизованной жизни со стороны людей злой воли, сделавших преступление ремеслом. Грабежи, разбои, вымогательства под угрозою жизни и всему достоянию множатся с каждым днём, а граждане лишены даже права самозащиты: в разрешении содержать оружие им отказывают, подвергая нарушителей этого запрета суровым карам. Десятки тысяч более обеспеченных лиц покидают отечество, увозя с собою достояние русского народа. Единственный исход из этого положения государственная дума усматривает в устранении армии от несвойственной ей и деморализующей доблестного русского воина — постоянной полицейской службы — и в немедленном, впредь до умиротворения страны и до переустройства полицейской администрации, — учреждении на местах выборных от всех граждан комитетов для организации гражданской вооружённой стражи с возложением заведования таковою на городские и земские управления, совместно с представителями выборных комитетов».

Я, крестьянин, избран от волостного собрания. Мне сказали: поезжай, требуй и защищай требование земли и воли, свободы и права. Мне сказали, что если дума в скором времени не займётся решением этого вопроса и не разрешит его так, как мы этого требуем, то мы сами его разрешим.

Седельников (тр. гр. Оренбургская губ.). Мы опутаны со всех сторон ограничениями, которые изданы бюрократией после 17 октября. Учредительные функции нам категорически запрещены постановлением 23 апреля. Если бы мы могли хотя на минуту согласиться с неприкосновенностью этих законов, то нам нечего было бы здесь делать. Но мы не можем согласиться, и это мы должны сказать в адресе. Адрес — это единственный путь, когда мы, оставаясь на легальной почве, можем поставить на вид необходимость коренных реформ государственного строя, как того хочет весь народ. Адрес пусть будет нашей рабочей программой и вместе с тем это будет нашим торжественным обещанием перед лицом всего народа и всей страны, что мы сделаем то, что народу необходимо. И раз это обещание будет заявлено нами с первых же шагов нашей деятельности, то народ может ожидать результатов нашей работы, не мешая нам проявлением своего недовольства и нетерпения. Если нет, если первая Государственная дума покончит свои дни раньше, чем она что-нибудь сделает, то пусть этот адрес будет завещанием первой Государственной думы следующей, пусть он будет предвыборной программой для будущих выборных Государственной думы.

К сожалению, по чисто случайным причинам в комиссию, составлявшую проект ответного адреса, не попал ни один из 16 казаков, присутствующих здесь, а между тем крестьянский и казачий вопросы так тесно связаны между собою. Из того, что казаки в Саратовской и других губерниях производят укрощение аграрных беспорядков, нельзя делать вывода, что это особая порода живых существ, у которой нет ни хозяйства, ни общественных, ни экономических интересов. Необходимо в той части адреса, которая касается крестьян и сельского населения, сделать так, чтобы и казаки могли убедиться, что будет положен предел тому дикому положению, при котором они, сознавая себя братьями русского народа, должны были по приказу властей быть его внутренними врагами.

Казаки отделены от других сословий и от крестьян, даже от тех, которые живут в пяти верстах от казачьего поселка, китайской стеной, и в этой обособленности самая главная причина того озлобления, с которым казаки относятся к другим сословиям в России. Не надо забывать, что казаки во всех отношениях подчинены военному министерству. В нашем Оренбургском войске даже народное просвещение заведуется не кем иным, как войсковым штабом: дальше идти некуда. С колыбели до могилы казаки поставлены в рамки военной дисциплины. То, против чего мы теперь протестуем и боремся всеми силами; то, что стало испытываться повсюду с тех пор, как начали практиковаться чрезвычайные охраны и военные положения; то, что у нас в России является временным нарушением основных прав, — то в казачьем быту практиковалось во веки веков. Они всегда на военном положении.

Есть еще серьезный пропуск в адресе, который объясняется тем, что депутаты от нашего края по необъяснимым для меня распоряжениям не могли попасть к открытию думы. Здесь не присутствуют ни депутаты от Кавказа, ни от Киргисской степи, ни от Сибири, а между тем у них есть свои нужды, которые, может быть, только несколько иначе формулируются, чем нужды крестьянства в малоземельной России и наших малоземельных окраинах. Там, где земли много, как напр. в Киргисской степи и в Сибири, люди страдают не от того, что не хватает земли, а от того,

что распоряжение ею не упорядочено. Я думаю, нельзя закрывать глаза на несчастных киргизов и башкир, а также на население Сибири, которое является обезземеленным в смысле отобрания у него земли. Мы не должны также забывать об интересах обездоленной массы киргисского народа во имя интересов пришлого элемента в Сибири. Я предложил бы внести дополнение к адресу относительно земли. Здесь сказано только так: «государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы не издала закона для удовлетворения этой насущной потребности, путём обращения на этот предмет земель казённых, удельных, кабинетских, монастырских и принудительного отчуждения земель частновладельческих». Я предлагаю дополнить постановление адреса ещё такой фразой: «и путём проведения во все стороны принципа поземельного устройства в самом широком смысле этого слова».

Галецкий (тр. гр., Архангельская губ.). В начале обсуждения адреса было очень целесообразно предложено не углубляться в программные прения, так как наш адрес должен быть адресом нации, а не адресом тех или других партий. Поэтому большинство ораторов подчёркивали, что они уступают, подписывая этот адрес, что они не желают подчёркивать аграрных требований. Вот почему, кажется, волей судеб программное различие получило противоречие в словах представителя Харьковской губернии, когда он бросил упрёк партии народной свободы. Обращаясь к нему, как к другу, я попросил бы его прежде чем бросать этот упрёк, почитать программу партии народной свободы. (*Аплодисменты*).

Алексинский (к.-д., Владимирская губ.). Предложенный на обсуждение проект комиссии и по содержанию и по форме является, по моему мнению, отвечающим предъявляемым высоким требованиям. Я нахожу, однако, в проекте комиссии непонятное умолчание по одному из важнейших вопросов государственной жизни, непонятное забвение о целом классе русского народа, живущем в особенных условиях. Я говорю об армии и флоте, о военных силах страны. Я убеждён, что умолчание по этому вопросу в проекте комиссии обусловливается, конечно, не тем обстоятельством, что в силу основных законов вопросы об армии и флоте изъяты из ведения государственной думы. Господа народные представители, мы присланы сюда народом для борьбы за права человека и гражданина, за осуществление политических свобод и необходимых социальных реформ, для борьбы против произвола старого бюрократического режима. Мы не можем оставить без особенного внимания то ведомство, в котором, как раньше, так и в настоящее время царит в полной силе ненавистный бюрократический режим, то ведомство, где под покровом этого режима и военной дисциплины произвол и насилие узаконены, где содеяно много преступлений против народа. Я повторяю лишь то обвинение, которое вынесла себе наша бюрократия, объяснив наше поражение на Дальнем Востоке неподготовленностью армии. Эта неподготовленность — страшное преступление военной бюрократии перед народом. В чём же гарантия того, что в будущем в военном и военно-морском ведомствах направление это изменится к лучшему, что народные деньги будут расходоваться действительно на то, на что они ассигнованы, где гарантия того, что монарху будет докладываться министрами истинное положение дел? Ни прошлое, ни настоящее состояние военного и военно-морского министерств не дают надежды на это. Опыт последней войны показал с очевидностью, как мало ценила военная бюрократия жизнь офицеров и солдат, как на суше, так и на море. Опыт последнего времени с очевидностью также показал, что создание из армии оплота родной страны и прав народа совсем не входит в программу военной бюрократии. Мы видели разгром русской армии на Дальнем Востоке и в то же время мы видели здесь, как военная бюрократия посылала солдат, сынов народа, расстреливать народ,

шедший к своему Царю; для возрождения нашей армии, для восстановления её связи с народом она должна находиться в ведении народа. В проекте адреса указана необходимость ответственности министров; здесь сказано: «Доколе министры не будут ответственны перед народным представительством». Но я позволю себе предложить Государственной думе вставить в ответе на тронную речь слово «все» перед словом «министры»; это слово «все» имеет огромное значение.

Кроме того, считаю необходимым указать в ответе на тронную речь на то, что армия должна быть реорганизована на основе упорядочения правовых отношений. Сама армия кричит об этом по всей России и по Сибири. О том свидетельствуют волнения в войсках в Кронштадте, Москве, Киеве, Севастополе, во Владивостоке, Красноярске, Харбине и других городах. Чем они были вызваны? Неужели только плохим экономическим состоянием войск? Состояние экономическое в нашей армии может быть плохо. Но есть другая причина; она лежит в том, что военной бюрократией не подавлено ещё окончательно сознание тех сынов народа, которые вступают в ряды войск, ещё не порвана окончательно их нравственная связь с народом. Дисциплина необходима, но она должна зиждиться на сознании долга перед народом. Если дисциплина поддерживается только страхом, если солдатам приказывают расстреливать родной народ, заставляют быть палачами его под угрозой быть расстрелянными самим, тогда дисциплина становится невыносимой. Я думаю, что этим обусловливается так называемая деморализация армии. Я думаю, что это не деморализация, а пробуждение сознания того, что солдаты — дети своей родины, что интересы родины дороги солдату, что права народа дороги солдату.

Из других замечаний, которые я позволил бы себе по поводу настоящего проекта, — это необходимость включить слово «пол» в заявлении об уравнении прав всех граждан. Бесправие женщины в настоящее время является унижением не только для женщины, но ещё более для мужчины.

Третье замечание по поводу амнистии. Я боюсь, как бы многие из заключённых, получив свободу, не были лишены возможности существования; это возможно до тех пор, пока не будут обеспечены законом свободы, пока не установится законность в стране. Не говорю уже о том, как много семей заключённых и сосланных административно остались без куска хлеба и голодают. Министру Дурново, пролившему много народной крови, организовавшему систему произвола, пожаловано 200 тысяч рублей; голос народа требует помощи государства для жертв произвола.

Федоровский (Рязанская губерния). Когда я уезжал, мне говорили об одном: «Стойте крепко за право и свободу, за счастье бесправием угнетаемой родины». Так как эта главная мысль положена в основу настоящего адреса и так как в нём не забыты ни интересы крестьян, ни интересы рабочих, то я считаю долгом открыто заявить, что вполне присоединяюсь к этому адресу; считаю долгом на том основании, что здесь выставлена возможность предположения, что лица, не принадлежащие к конституционно-демократической партии, могут не присоединиться к нему. Я не имею чести состоять в рядах партии, но я оставляю себе право присоединиться к тому, что я считаю справедливым.

Тесля (тр. гр., Полтавская губ.). Мы явились сюда для устроения общественной жизни, для создания новых основ социальной жизни на место старых, никуда негодных, на которых до сих пор была построена государственная жизнь.

Условия, требования, намеченные в ответном адресе, суть минимум тех требований, которые нужны для устройства страны. Гр. Гейден называет эти требования левыми, а они не только не левые, но весьма умеренные и левые только для гр. Гейдена. Никаких сокращений в ответном адресе, и без того слишком скромном, мы не имеем права делать.

Народ требует большего, чем в адресе, он требует устранения от должности всех тех лиц, которые запятнали себя позором, требует предания их суду. Но если нам и на эти скромные требования ответят отказом, то мы обратимся к народу со следующим заявлением: «Мы требовали мало, но нам и этого не дали, требуйте сами». И народ, конечно, потребует и добьётся того, что ему нужно и на что он имеет полное право. И горе тому, кто станет препятствовать народу добиваться того, что ему по праву принадлежит.

Араканцев (к. д., область Войска Донского). Нам нужно в адрес внести слова о средостении не только между верховной властью и народом, но ещё нужно добавить: между народом и представителями народными. Мы здесь на 5 лет оторваны от родины и можем потерять связь, не знать, что произошло там, какие народились нужды. Затем я ещё хотел бы обратить ваше внимание на существование целой массы административных распоряжений относительно национальных вопросов; распоряжения эти, в сущности говоря, не основаны ни на каком законе, и если законы стеснительны, то административные распоряжения ещё стеснительнее, и мне казалось бы нужным внести в адрес, чтобы эти административные стеснения относительно национальностей были отменены немедленно.

Протопопов (к.-д., Самарская губ.). Некоторой дисгармонией в проекте адреса прозвучало, может быть и негромко, возражение против принудительного отчуждения частновладельческих земель; для меня оно имеет известное, так сказать, символическое значение. Значение это сводится к тому, что, несомненно, в этой части наш проект, нам кажущийся слишком мягким, слишком умеренным, может встретить препятствие в дальнейшем своём осуществлении, — я говорю о законе, который на основании его может быть написан, — в сферах не только высоких, но и очень широких. Между тем включить в наш адрес начала принудительного отчуждения частновладельческих земель было необходимо по ряду чрезвычайно важных соображений. Я не остановлюсь на праве государства, на полезности этой меры, обсуждаемой по сельскохозяйственным и агрокультурным соображениям. Не буду говорить ни о политическом, ни о психическом его значении; я остановлюсь на других соображениях, на которых стоит масса людей, с которыми мне приходилось говорить. Эти соображения — невозможность поступить иначе. Если мы стоим на заре новой жизни, нужно сделать в её направлении новый шаг. Эту обязанность, этот выкуп история налагает на нас и на всё русское общество за то пренебрежение, в котором держался вопрос землевладения в течение 40 с лишним лет. Благодаря этому произошёл следующий невозможный факт: население увеличилось на 75 проц., оставаясь при старом порядке землевладения. Для исправления его мы другого средства, кроме принудительного отчуждения, не найдём.

Может быть, при более усовершенствованной технике можно было бы так устроить, чтобы там, где рос один колос, родилось бы два колоса; но как предложить это русскому крестьянству, у которого иногда недостаточно земли и для одного колоса? Ведь для этого нужны годы. Вопрос идёт о нынешнем, о завтрашнем дне, а не о будущем годе. Предоставить ли обращаться в банк для покупки земли? Но вы знаете, что эти покупки ведут за собою вздорожание земли. Остается ещё

переселение, которое также тяжело даётся крестьянам. Мы хорошо знаем, что новые исследования разрушили миф о кисельных берегах и молочных реках Сибири. Затем, пришлось бы переселять ежегодный избыток населения, который равен 2 000 000. Всё это показывает, что единственное, что мы могли поместить в адрес в тот час, когда страна в лице думы возвышает голос, чтобы говорить о великих нуждах своих, — это именно кратко упоминание о принудительном отчуждении частновладельческих земель. Я перехожу к другому вопросу. Конечно, нам, живущим в известной атмосфере политических движений, эти земельные требования кажутся умеренными. Но мне приходилось говорить об этом с представителями иностранной печати, и они говорили, что с их точки зрения эти требования являются очень решительными. Так, если мы решаемся говорить об этой мере, то мы должны выдержать эту гармонию решимости во всех основных требованиях. Её я не вижу в вопросе о женских правах. Русская женщина купила себе — и дорогой ценой — право на уравнение с мужчиной. Далее. Мы говорим о полной амнистии, и в то же время мы говорим о предании суду тех, кто занимался кровопролитием после 17 октября. Но вчера здесь представитель Западного края, г. Масониус, сказал: амнистия должна быть широкая, и под неё должны подойти, во имя забвения, и все те администраторы, которые, как воду, лили русскую кровь. Это неверная точка зрения. Не о мщении идёт речь, а о восстановлении справедливости, о том, чтобы наложить на этих людей неизгладимую печать. Не казнь их нам нужна, не мучения их нам нужны; но нам надо вот что: чтобы они предстали перед лицом суда, чтобы они забыли, что они сверхчеловеки, а не граждане. Пусть их судит суд, и пусть та власть, которая окажется суверенной, уже затем решит, можно ли применить к ним какие-либо милости.

Карьев (к.-д., С.-Петербург). Откуда это единодушие в думе, которое выразилось в наиболее важном и существенном, которое объединило всех или, по крайней мере, громадное большинство нашего собрания? Оттого, что мы явились сюда защищать права и достоинство попранной человеческой личности. На этой почве мы, главным образом, и сходимся. Впоследствии, когда будет сделано и осуществлено наиболее важное по отношению к человеческой личности, мы, может быть, и даже по всей вероятности, разойдёмся, но пока мы этого не имеем, мы, несомненно, будем стоять на одной почве. Сколько раз, когда мне приходилось выступать на предвыборных собраниях, я приводил один всем известный евангельский текст, который позволю себе привести и теперь: «Не человек существует для субботы, а суббота для человека». На основании основных принципов, которые имели силу в России до сих пор, были некоторые субботы, в жертву которых приносилась человеческая личность, и таких суббот в России было громадное количество. Все эти субботы соединились в одну громадную субботу, которая называется Россией. Мы теперь должны основать новую Россию, которую точно так же должны будем любить, но Россию, которая будет существовать не сама для себя и не для охраны каких-либо исторических традиций, а для своих граждан. На фронтоне той России, которая была для нас подавляющей вас субботой, были написаны совсем другие слова, не свобода, не равенство, не братство, а знаменитая формула: «Самодержавие, православие и народность». Я хочу коснуться только одной третьей части этой формулы, вопроса о народности. В жертву этого понятия народности, народности русской, как народности господствующей, приносились интересы всех других национальностей, приносились точно также и интересы этой самой народности во имя охранения старых начал, которые будто бы на вечные времена с этой народностью соединились.

Нет! Здесь мы все равны. Мы — представители народов, населяющих Россию; среди нас есть представители народа польского, народа еврейского, народа татарского и многих других народов.

И я думаю, что это равноправие всех национальностей безусловно должно быть подчеркнуто с особой силой и в адресе; в нем есть слова, которые, по моему мнению, должны были бы быть заменены другими. Я имею в виду те строки, где говорится при упоминании о манифесте 17 октября о «русской земле» и о «народе русском». Само собой разумеется, что я составителям этого адреса не приписываю никаких националистических тенденций. Россия, однако, не есть только русская земля. В России, кроме русской земли, есть земля польская, латышская, эстская, грузинская и разных других национальностей. И тогда только можно будет Россию назвать русской землей, когда все эти национальности, оставаясь поляками, евреями, немцами, грузинами и так далее, будут считать себя русскими гражданами. Россия должна предоставить всем народам, ее населяющим, полную свободу своего национального самоопределения, и от этого, уверяю вас, выиграет между прочим и сама господствующая в настоящее время национальность. Русский язык и без того завоевал себе уже право и уважение, и в российском парламенте русский язык, как и во многих других сторонах государственной жизни, будет языком общегосударственным. Но это должно быть только фактом, а не результатом какого-нибудь принципиального господства одной нации над другой. Мне не хотелось бы, чтобы этот великий, этот чудный русский язык, которому такой прекрасный гимн сложил Тургенев в своих «Стихотворениях в прозе», был орудием угнетения, орудием навязывания чужой душе того, что ей не свойственно, и уверяю тех, которые в этом еще сомневаются, что только тогда русское имя будет пользоваться почетом и уважением среди других народов, населяющих Россию, а точно также и вне России, когда с русским именем будет соединено представление о высшей справедливости, о той справедливости, которая склоняет к себе сердца всех людей без различия вер, без различия национальностей. Я ставлю этот вопрос именно на такую общечеловеческую точку зрения потому, что здесь, в этой же зале, сегодня прозвучала одна нота, которая, по моему мнению, могла бы внести некоторый диссонанс в представление о междуплеменном равноправии. Было сказано, что мы должны особенно, — я не помню подлинных выражений, — искать сближения или интересоваться другими славянами. Я сам большой любитель славян, сам в славянской среде имею многочисленные связи, но не нужно забывать, что внутри России есть масса жителей, которые к славянскому племени не принадлежат, и что вне России мы должны искать особенной дружбы не среди тех, которые говорят на языках, родственных русскому языку, а среди тех, которые идут впереди других народов по пути прогресса к счастью и свободе всего человечества.

Локоть (тр. гр., Черниговск. губ.). Мне кажется, три точки зрения могут быть применены к проекту адреса. Первая точка зрения, — это простой ответ на тронную речь; другая точка зрения: это наша программа ближайшего будущего, наконец, третья точка зрения — это тот взгляд, который, действительно, оправдывал бы приподнятое торжественное отношение к этому акту. Если бы мы смотрели на этот адрес, как на действительное выражение народной воли, тогда и только тогда мы могли бы отнестись к нему с той торжественностью, с которой мы, казалось, хотели отнестись к нему вначале.

Народ считает, что воля думы — это воля народа и что нет и не может быть никаких решительно препятствий к осуществлению этого голоса народа. И вот, если бы мы отнеслись к этому проекту адреса, как к выражению народной воли, мы должны были бы придать ему совершенно иную форму. Народ гораздо решительнее, категоричнее, требовательнее адреса. Поневоле и, может быть, по вполне правильным соображениям этому адресу должно быть придано совершенно другое значение. Этот адрес действительно, как вначале заявил докладчик, должен представлять

из себя определённый ответ на тронную речь. С другой стороны в самых общих, в самых существенных чертах он должен заключать в себе очерк ближайшей программы деятельности государственной думы. По форме ответа наш адрес должен быть признан вполне удовлетворительным. Тронная речь, весьма осторожно, весьма уклончиво выраженная, представила нам приветствие первому собранию народных представителей в самых обычных выражениях. И вот мы в ответном адресе тоже применяем глубоко корректные и далеко, конечно, не категорические требования. Но есть маленькая разница не в нашу пользу в приёмах чисто внешних. Мы в наших выражениях допускаем некоторое, как бы сказать, несоответствие того, что мы пишем, с тем, что действительно было сказано. Мы, например, придаём словам Государя в Его тронной речи значение прочного залога и дальнейшего развития порядка законодательства, соответствующего строго-конституционным началам. Едва ли мы можем сказать, чтобы слова тронной речи это действительно обозначали. Если мы могли здесь употребить выражение «конституционные начала», то только потому, что мы сами твёрдо убеждены, что Россия может быть только монархией конституционной, но никак не монархией неограниченной. Мы говорим об единении Царя с народом, о проделках той бюрократии, которая отделяет Царя от народа. Но, господа, неужели же вся суть только лишь в самовластии чиновников? Несомненно, не столько ответственно чиновничество, сколько весь тот режим, который целыми веками устанавливался в России. И все эти обычные выражения, которые мы употребляли в земских адресах, весь этот земский либеральный тон совершенно не соответствует тому, как мы должны были бы выразить волю народа.

Я не без гордости и не без удовлетворения могу только указать, что мы, как представители той группы, которая объединяет крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию, настаиваем на том, чтобы в наш проект адреса были включены все главнейшие замечания, с которыми обращались сегодня все ораторы, и особенно существенны те замечания, которые сделал профессор Ковалевский.

Я не думаю, чтобы крестьянство, рабочие и трудовая интеллигенция могли опасаться этой неполноты программной части данного проекта адреса. Уже совершенно ясно было указано, что наша существенная работа будет не здесь, а в тех законопроектах, которые мы должны начать вырабатывать. Но, повторяю, нам нет оснований и нет надобности сейчас держаться того торжественного приподнятого тона, которым мы начали обсуждение нашего проекта. Торжественный тон будет тогда, когда мы действительно приступим к тому, что мы можем назвать истинным выражением народной воли, тогда, когда наступит минута действительной защиты этих народных требований.

Пустошкин (к.-д., Симбирская губ.). Господа! Всем безусловно памятно то время, когда благая весть, возвещенная в манифесте 17 октября, пронеслась по всей русской земле, когда всколыхнулась вся глубь народная. Все ликовали, все радостно говорили: «Даны свободы, дана конституция», но чистая радость была омрачена какой-то тёмной силой, которая эту радость превратила в море горя и слёз: горы трупов, десятки тысяч искалеченных борцов за свободу остались мрачным памятником осквернённого народного чувства, оскорблённого и поруганного в своих лучших порывах. Нам подали камень вместо хлеба и змею вместо рыбы, мы верили, что пожелания, выраженные в манифесте 17 октября, были искренни и благожелательны, но оказалось, что при самодержавном строе существует строй, который мог ограничить волю неограниченного Монарха. Наша обязанность раскрыть эту таинственную силу перед Царём и

просить суда Царя. Мы, как союзники народа, союзники конституционного Монарха, обязаны это сделать. Царь призывает нас в своей тронной речи к объединению на благо родине, на благо страдающих масс; мы верим в искренность этого призыва, и наши сердца представителей русского парламента звучат в унисон с его любящим сердцем, но представляется, что, как и в октябрьские страшные дни, возможно разочарование. Мы попытаемся осуществить возложенные на нас задачи; для осуществления этих задач мы постараемся оборвать цепкие руки, прилипшие к Царю, и восстановить доверие народа, которое является единственною гарантией прочности и непоколебимости престола; мы должны сказать Царю, что не в союзе с сановниками, чуждыми народу, а в союзе с самим народом Он может повести Россию по новому пути, по пути к благу народа, только в союзе с народом Он может передать Россию укреплённою и обновлённою Своему Наследнику — сыну. Мы идём к нему с открытой душой, мы идём к нему с полным доверием, несмотря на то, что оно неоднократно колебалось. Может быть, и он окажет нам доверие тем, что осуществит наши пожелания, которые являются криком наболевшей народной души. Я верю в преуспеяние России, когда её культурное развитие будет обеспечено во всех частях, обеспечено будет спокойное процветание государства, охраняемого народной волей. Я светло смотрю на будущее России; не знаю, может быть, будут ещё новые жертвы, загубленные разлагающимся подгнившим старым строем, может быть, нас не будет, на наших местах будут сидеть другие люди, но они уже будут спокойно делать своё дело. Важно, чтобы в нашем адресе раздалось честное, искреннее слово. Может быть, обращение и просьба к Монарху в заключительном слове нашего адреса соединиться с народом получат ответ, и тогда мы скажем: «Да благо Ти будет, и долголетен Ты будешь на земле».

Котляревский (к.-д., Саратовская губ.). Я думаю, что выраженные здесь пожелания, чтобы этот адрес являлся выражением всей палаты, всей думы, и что он должен быть в этом смысле не партийным, — можно только всячески приветствовать. Безусловно высшим интересом данной минуты, каждой данной группы, каждой отдельной партии, как бы они многочисленны и сильны ни были, является один интерес — авторитет самого нашего народного представительства, этого совершенно юного создания.

Ведь здесь важно действительно то, что партийное мнение может обратиться в мнение общенациональное. В настоящее время вы здесь являетесь не только членами каких-нибудь партий, вы являетесь в ответственной роли действительно народных представителей, и вы должны с величайшей серьезностью, величайшей обдуманностью вводить безусловно только то, что, как вы уверены, составляет общенациональное желание: начала свободы, провозглашенной этим адресом, начала всеобщего избирательного права, начала ответственности правительства перед законом, ответственности исполнительной власти перед народным представительством, общее начало земельной и рабочей реформы. Отмена смертной казни — это тоже единодушный, единогласный голос народной совести. Некоторые, быть может, под влиянием совершенно понятного смущения думают: не слишком ли мало здесь сказано. Люди, думающие так, глубоко ошибаются. В этом и сила этого принципа, который вы приводите, что он в настоящее время кажется вам политической банальностью. Это показывает, что принцип всеобщего избирательного права есть действительно принцип, имеющий всю нравственную поддержку страны; когда вы его слышите, вам кажется, что это всем известно, об этом почти нечего говорить. Кроме того, подумайте: если слова стары, если формулы кажутся бесцветными, то в первый раз они раздаются отсюда, от лица русского народного представительства. Говоря здесь, мы являемся

олицетворением не только общественного мнения, но и народной силы. Мы вошли в государство, мы сделались активной частью государственной власти, и вот благодаря именно этому мы должны действительно выразить то, за чем есть великая народная поддержка. Быть может, самая ужасная вина, которая может быть поставлена нашему политическому прошлому, — это то, что политическое прошлое скомпрометировало идею государственности, приучило к мысли, что от государства можно ждать только насилий и угнетений, что лишь на почве борьбы со всем государством, вопреки ему, можно чего-нибудь достигнуть, что есть противоречие, непримиримость между правами личности, национальности, между законными интересами и этим принципом государственности. На нас с первых шагов лежит основная задача — реабилитировать государство, указать на широкие рамки, без которых невозможна ни политика, ни мир, ни благосостояние. Если бы все те, которые считают себя принадлежащими к партии порядка, это поняли, сколько недоразумений рассеялось бы; они увидели бы, что другого пути нет. Мне кажется, что если Россия обновится на этих началах, станет ясно, что государство не только источник угнетения и произвола, источник насилия, но что это величайшее культурное и могущественнейшее орудие, что таким образом создастся настоящий, подлинный мир, не тот замогильный мир, который так долго был у нас, под внешней оболочкой которого образовались те ужаснейшие социальные и национальные страсти, которые в настоящую минуту, быть может, угрожают существованию России.

Принимается предложение ограничить продолжительность речей 5-ю минутами.

Понятовский (Волынская губерния). Тяжелое наследство оставило нам прежнее правительство. Нам остались миллиардные долги, которые нам придется уплачивать. Уплачивать чем? Преимущественно крестьянским трудом, крестьянскими деньгами, а крестьянство разорено. Положение, в котором находится крестьянство, — это самое тяжелое, самое обременительное наследство, которое мы должны ликвидировать. В проекте ответного адреса на тронную речь есть проект ликвидации этого долга, но только один проект, и, по моему мнению, недостаточный. Мы слышали уже рассуждение о разнообразии Российской империи и разнообразии нужд населяющих ее народов. Однообразным способом решать эти нужды нельзя. Нужно для каждой местности найти то, что для нее необходимо; есть, может быть, местности, где необходимо увеличить наделы, есть местности, где такое увеличение наделов невозможно, потому что неоткуда взять земли, поэтому я полагаю, что дума должна издать не один законопроект об отчуждении земли, но целый ряд законопроектов по аграрному вопросу. Есть еще один недостаток в адресе: там говорится об отчуждении земель государственных, монастырских и т. д., без указания, должны ли быть отчуждены все, или только некоторые из этих земель, по мере надобности. Промелькнуло такое мнение, что это только начало, что надо отчуждать все, всю частную собственность. Если тут идет речь о национализации земли, то я сознаюсь, что я ее противник.

Я могу еще остановиться на вопросе о самоуправлении; указана в общих чертах необходимость реформы, но не указаны существенные черты: с одной стороны, дробление земства до самой мелкой единицы, с другой стороны — группировка их в широкое областное самоуправление. Еще одна частность, касающаяся девяти западных губерний. Я говорю о введении там земства, хотя какого-нибудь, на выборных началах. Будут все земства реформированы, будет и там реформа, а пока мы просим вместо той пародии земства, которая собирает с народа деньги и ничего для него

не делает, ввести у нас такое земство, какое дало бы людей, подобных составившим знаменитые 11 пунктов 6–8 ноября 1904 г.

Токарский (к.-д., Саратов). Из массы записей и поправок, которые в настоящее время делаются в адресе, выясняется старое наследство, которое в настоящее время проявляется и среди нас. Это старое наследство — есть огромное недоверие русского общества друг к другу, огромное недоверие к принципам, которые объединяют нас всех. С одной стороны, раньше чем мы еще сюда приехали, это недоверие было выражено нам со стороны правительства. За день до того, как мы приехали, были изданы основные законы, в которых было точно выражено недоверие к народным представителям. В первом ответе, который мы, народные представители, даем, необходимо выразить именно то, что это недоверие должно быть уничтожено. Но и среди нас есть недоверие, мы говорим: проект адреса хорош, проект адреса точен и правильно поставлен, но мы боимся, как бы наши частные и партийные интересы не пропали, потому что они не включены в адрес. Только тогда прочно станет народное представительство, когда интересы народного представительства будут гарантированы; свобода, которую народ в настоящее время требует, необходима ему, как пища; настоящее народное представительство обращается к Монарху и говорит: «Вот на каких условиях может работать народное представительство». Одна из страшных Одна из страшных опасностей, которая для нас может существовать, это то, что между нами есть подозрение, хотя и нет крупных разногласий; у нас существуют разногласия только с теми пустыми скамьями, на которых должны сидеть министры. Мы должны установить законодательные способы работы этой думы. В настоящее время те способы, которыми мы могли бы осуществить свои предположения, у нас еще не существуют. Но поставленные в адресе пожелания основаны на требованиях народа, и мы должны, опираясь на них, достигнуть намеченной цели. В этом вся задача и сила наша.

Ломшаков (к.-д., Петербургская губ.). В настоящую минуту я считаю необходимым лишь сделать заявление от собратьев и единомышленников по партии. Если этот адрес будет принят в той общей форме, в которой он составлен, мы примем его не как адрес партии, а как адрес думы. Во избежание недоразумений, я заявляю, что принятие этого адреса не изменит ни на одну йоту наших требований, наших принципов, нашего положения, указанного в нашей программе. Наши положения, наша программа будет проявлена в полной и всеобъемлющей мере в тех законопроектах, которые нами вносятся в ближайшую очередь. Эти законопроекты направлены ко всеобщему раскрепощению и будут основаны на глубоком принципе демократизма, возвещенного нашей программой. (Оживленные рукоплескания).

Тенисон (Лифляндская губ.). Мы, представители Западного Края, в принудительном отчуждении частновладельческих земель признаём только один главнейший способ для удовлетворения земельной нужды крестьянства; но это еще не предрешает вопроса о том, какая будет форма владения в отдельных местностях.

Поярков (бесп. демократ, Воронежская губ.). Вчера и сегодня много говорили по проекту ответа на тронную речь Государя, были речи сильные, воодушевленные, прочувствованные, но много было сказано лишнего, не относящегося к предмету…

Председатель. Такого рода замечание, если кто и может сделать, так только председатель. Укорять друг друга не следует.

Поярков (Воронежская губ.). Я хотел сказать, что большинство ораторов, говорящих здесь, являются представителями интеллигенции и рабочего класса и мало было представителей от крестьян. Поэтому именно высшая администрация мало доверяет ораторам от рабочих и интеллигенции, поэтому я считаю необходимым заявить от себя, приехавшего из глуши, из уголка заброшенного, забытого, что в ответе на тронную речь Государя нет ничего такого, что бы противоречило убеждениям, взглядам, понятиям, ожиданиям, упованиям нашего простого серого мужика. Мужик наш уже вырос настолько, что сознал свое право на жизнь, сознал свое право устроения общественной и политической жизни своей страны, он уже перестал считать одних — низшими на земле, а других — высшими; по его понятиям все равны, все должны пользоваться равными законами; поэтому крестьяне, как и все другие сословия, требуют свободы, требуют равноправия, требуют просвещения, требуют улучшения своего материального быта, и это улучшение сейчас на первое время возможно только при отчуждении земель тех категорий, которые намечены в ответном адресе; и если Государственная дума не разрешит всех этих вопросов в положительном смысле, желательном для крестьян, то крестьяне, как мне приходилось неоднократно слышать, не успокоятся и проявят насилие; в России будет анархия, которой еще мир не видал. Но я не вправе и не намерен своими словами запугивать администрацию, угрожать ей. Нет, я хочу только выразить то, чего желает народ, я хочу сказать, что для меня желательно, как для представителя народа, умиротворение страны, умиротворение на началах мира, любви и справедливости.

Андреанов (бесп., Симбирская губ.). Я не обладаю даром слова и много говорить не умею. Да мы, крестьяне, и не привычны к этому; мы находимся под строгой опекой начальства, мы бесправны. Мы не имеем никаких прав, за исключением права платить и исполнять без всяких рассуждений приказания начальства. После 17 октября я попробовал заявить, высказать только то, что у русского крестьянина долго таилось на душе и рвалось наружу, но меня г. Дурново посадил за это в тюрьму. Бог даст, научимся и мы говорить. Я один из подписавших заявление о желании отсрочить обсуждение ответа на тронную речь Государя, но это не дает вам ни малейшего права утверждать, что подписавшие это заявление — единомышленники и сторонники господина Ерогина (громкие и продолжительные аплодисменты). Я слышал здесь по поводу ответного адреса заявления, что он написан резко: я противник резкостей, но в этом проекте ответа резкостей не вижу; наоборот, я бы сказал: чаша народного терпения переполнилась. Россия взволновалась, как великий океан, народ изверился, правительству более не верит, потому что он видит от него одни лишь репрессии. У народа осталась единственная надежда — это государственная дума. Она должна исцелить все недуги нашего обширного государства. Но может ли оправдать доверие народа дума, так урезанная законом 20 февраля о государственном совете, этом новом средостении между Царем и народом? Нет, не может, но так дальше жить нельзя, пора положить конец народным бедствиям. Эта тяжелая обязанность лежит на нас, народных представителях; мы явились сюда по зову нашего Царя не за подачками, а для восстановления попранных народных прав. Прежде всего мы должны настоять на том, чтобы был немедленно восстановлен и выполнен в точности искаженный манифест 17 октября, чтобы народу были даны действительные свободы, и чтобы было устранено средостение между Царем и народом, — созданное законом 20 февраля. Мы хотим работать на пользу дорогого нам отечества только с нашим Государем Императором, а не с бюрократами-чиновниками, которые доказали всему свету свое неумение управлять делами государства. Мы посланы сюда народом для того, чтобы добыть для него, во что бы то ни стало, землю и волю, но наряду с этими вопросами мы должны также улучшить несносное тяжелое

положение рабочих и вообще трудящегося класса, этих наших братьев, борцов за свободу, питающихся крохами, падающими со стола богатого Лазаря. Без этого мы не можем, мы не должны возвращаться домой; народ заклеймит нас изменниками; нам грозят от него даже позорная смерть. Умрем здесь, чтобы добиться того, что народ нам повелел. Возврата к прежнему строю не должно быть. Довольно бесправия, довольно беззакония, довольно того, что отравляло русскую жизнь, довольно крови.

Наконечный (Люблинская губ.). Аграрный вопрос может быть правильно разрешен только при соблюдении условий и соображении обычаев и нужд местного населения, и посему должен подлежать обсуждению и разрешению на местах.

Только такая постановка вопроса обусловливает решение его согласно с истинной волей народа, и, следовательно, только она действительно демократична. В особенности это относится к Царству Польскому, как стране, совершенно отличающейся от Империи по своему общественному и экономическому строю. Ввиду этого мы, депутаты от Царства Польского, находим, что надлежащее решение аграрного вопроса у нас возможно не иначе, как тем способом и на тех началах, какие будут определены органами местного самоуправления и представительным законодательным собранием края. Не желая задерживать прениями решение жгучего вопроса об амнистии и отмене военного положения, я от имени депутатов Царства Польского заявляю, что по этому пункту ответного адреса мы никаких самостоятельных предложений делать не будем, но просим занести настоящее заявление в протокол заседания думы.

Литвинов (тр. гр., Саратовская губ.). Господа! Проект ответа на тронную речь носит неопределённый характер, потому что хотели примирить непримиримое, хотели примирить все партии, которые здесь есть. По моему мнению, ответ должен быть более решителен и определён. Я предложил бы прибавить, что выборы должны быть прямые, равные, всеобщие и тайные, без различия пола, национальности и вероисповедания. Затем, на третьей странице говорится, что все средостения между Царём и народом должны быть устранены; и далее, что дело обновления жизни возможно, когда между думой и престолом не будет стоять государственный совет, составленный из сановников по Высочайшему назначению и выборных от высших классов населения. Я предложил бы эту часть совершенно уничтожить, так как никакой государственный совет не должен стоять между нами и Государем. Затем пропущено право петиций. Это право нужно сюда включить, и тогда к нам посыпятся эти заявления. Затем тут ещё пропущено о смертной казни. Я думаю, следует включить как отмену смертной казни, так и прекращение исполнения приговоров.

Когда я уезжал из села, крестьяне мне сказали: «Мы единственно надеемся на думу. Если она не добудет нам земли и воли, то мы сами добудем её». Это сказали крестьяне, которые не пропускают ни одной обедни, которые произносят имя Государя Императора с благоговением, как имя Бога. И они говорят: «Если нам не дадут земли, то нам всё равно, умирать ли от пуль и штыков, или от того, что у нас нет земли. Тогда мы сами её возьмём». Поэтому я предложил бы в этот вопрос внести больше ясности. Ни для кого не секрет, что для наделения крестьян землею нужно всю частновладельческую землю передать в руки народа.

Граф Потоцкий сказал, что если отобрать всю землю от частных владельцев, на которой производится лучшее хозяйство, Россия обанкротится. Россия давно уже стоит на краю банкротства,

хотя частновладельческие земли не были ещё отобраны. И только Франция, предательница интересов русского народа, спасла нас от банкротства.

Меркулов (безп., Курская губ.). Ораторы всё время сулили нам очень много, обещали нам очень много, заявляя, что устами их говорит весь народ. Но простите: я — мужик и одним только словам не могу доверять, могу верить только в то время, когда уже дают. Что такое ответ на тронную речь Монарха? С одной стороны, это есть выражение всех требований, которые предъявил народ власти, а с другой — обращение к этой власти, но не только как к Монарху, а как ко всему правительству. Исходя из такой точки зрения, доклад, по моему мнению, в общем составлен чрезвычайно мягко, высоким складом и, если хотите, даже слабо. Я представляю себе автора доклада, со скрещёнными руками и поникшей головой молящего о пощаде, просящего о милости и как бы боящегося каждую минуту обидеть повелителей, у которых он просит. По прочтении сего доклада или акта получается впечатление неполноты, оборванности. Я — сторонник мягких форм вообще, но зато и сторонник твёрдости и решительности; мягкость форм должна применяться до тех пор, пока она не помешает выражению назревших нужд народа. Господа народные представители! Вы всё время слышали, с каким единодушием встречались заявления об амнистии. В докладе этот пункт отодвинут на задний план; это вполне согласно с общей идеей автора — с идеей смирения. Он спешит обмолвиться тёплым словечком с властями и выбирает удобный момент для того, чтобы напомнить о своих нуждах. Когда он говорит об отмене смертной казни, то не упоминает о приостановлении всех приговоров, которые теперь уже состоялись. Когда он говорит об аграрной реформе, то кажется, что эти слова не есть истинное желание, а какое-то вынужденное заявление. В аграрной реформе и так поставлено только единственно то, что земля будет отчуждаться принудительно, но не высказано, каким образом будет ограждаться. Я не буду перечислять всех неточностей, всех недомолвок, которые уже без меня успели перечислить, но в общем скажу, что проект адреса мало отвечает интересам тех, которые нас послали сюда.

Куриленко (тр. гр., Черниговская губ.). Я считаю, что проект адреса нельзя обрезать ни в чём, но в нём я вижу один пропуск: не было указано на те беззакония администрации, которые делались по отношению к сельским сходам. Административная власть собирала войска и вместе с войсками окружала деревни, созывала сходы и нагайками заставляла крестьян писать переговоры о высылке крестьян в Сибирь, — как было в нашей Черниговской губернии, из которой выслано таким образом в Сибирь более 200 душ, т. е. разорено более 200 семейств. Я теперь хочу спросить думу, как она думает поступить, чтобы возвратили этих несчастных людей. (*Аплодисменты*).

Скворцов (безпарт., Астраханская губ.). Я полагаю, что все те благие меры, к которым стремится дума, в полноте своей тогда только осуществятся и принесут нам надлежащую пользу, когда будет обращено особое внимание на учебную часть у нас в России. Вопрос о наделении крестьян землёй окажется средством паллиативным; пройдёт 20 лет — и крестьянство наше, наши земледельцы очутятся в таком положении, что им нельзя будет помочь. Нужно поднять земледельческую культуру, нужно лиц свободных или освободившихся от обработки земли занять делом, поднять производительность их труда, повысить степень технического образования.

Эти причины должны заставить сосредоточить наше внимание особенно на этом вопросе. Широкое образование — это лучшее средство понять друг друга. Классы поймут друг друга лучше, национальности не встретят препятствий, чтобы войти в братские отношения. И, думается мне, когда настанет у вас время, что просвещение возьмёт своё, то не будет у нас ни эллина, ни иудея.

Поэтому я хочу сказать, что в этом ответе нужно формулировать пояснее свой взгляд на образование. Предлагается мера — создать закон о бесплатном обучении; тут, мне думается, пропущено слово об «обязательном». Пускай этого слова не боятся, потому что не ввести обязательного обучения — это значит совершить преступление.

Св. Гума (умер. прогр., Бессарабская губ.). Господа, отцы и братья! Позвольте мне, русскому бессарабцу, внести скудную свою лепту в словесную сокровищницу настоящего храма. Примыкая к всеподданнейшему адресу вместе с другими, я не заявляю никаких претензий о том, что в этом адресе не упомянуто о духовенстве и его многоразличных нуждах. Предоставляю это истине, правосудию и власти государственной думы. Одного только я не могу не заметить, что там не упомянуто имени Бога. Между тем, с этим именем все нас сюда посылали, и Государь, посылая нас сюда, посылал с благоговением приступить к настоящему делу. Я, как верующий, должен сказать, что Бог есть альфа и омега — начало и конец всякого дела. Это и было пропущено; между тем, было бы важно упомянуть Его имя. Всеподданнейший адрес представляется мне многозвездным небом в отсутствии солнца, или многочисленным обществом в отсутствии самого знакомого лица. Все суждения, здесь происходящие, я подвожу словам Спасителя, который говорит: «приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас». Пусть же представители думы откроют свои широкие объятия всем без различия языка, веры и места. Пусть все найдут в ней покой. Пусть Монарх с правительством и нами вместе образуют единое царство нераздельное и царство Божие мира и любви. (*Аплодисменты*).

Т. П. Филякин (бесп., Тульская губ.). Я, представитель от крестьян одной из коренных губерний России, считаю своею обязанностью заявить почтеннейшему собранию, что все то, что изложено в проекте ответного адреса на тронную речь, есть желание большинства народа, а потому проект должен быть принят весь целиком. Посылая меня, народ сказал, чтобы были освобождены все невинно сосланные и заключенные, чтобы земельная нужда крестьян была удовлетворена, так как народ голодает, и чтобы ему были указаны правильные способы землепользования, чтобы дана была ему безусловная свобода и равноправность и снять гнет чиновничьей опеки и произвола, чтобы ненавистный бюрократический строй был уничтожен и заменен таким, в котором народ принимал бы самое живое участие, чтобы налоговая тягота была снята и не расхищались народные богатства страны, чтобы просвещение народа было поставлено на должную высоту, дабы народ не ходил в потемках, не был забит и обездолен. Вот что сказали мне крестьяне. И как сказали! Это был вопль наболевшей души.

А. Тесля (тр. гр., Полтавская губ.). Покорнейше прошу вашего разрешения прочесть мне то, что я обязан передать вам.

Председатель. У нас нет наказа и поэтому я своею властью не могу допустить чтения; основываясь на западно-европейском опыте, подобное чтение допускается с разрешения собрания.

Голоса: Просим, просим…

Тесля (Полтавская губ.). (Читает). Те ужасы и те страдания, то глубокое горе, от которого вопиет теперь вся обширная наша страна, слишком близки мне, как и всем вам, г. г. депутаты, и это то чувство болезненного негодования страны не позволяет мне говорить о них с таким холодным равнодушием, каким веет проект почтеннейшей нашей комиссии. Я не нахожу, я не слышу в нем

голоса того обездоленного, того угнетенного и голодного, измученного и больного народа, который уполномочил нас выразить его горе, и, как зеркальное стекло, отразить невозможность дальнейшего существования. Проект ответа комиссии веет спокойствием, холодом, удовлетворенностью и скорее потому походит на извинение перед тем вероломным правительством, которое по своей снисходительности дало нам возможность заседать здесь. Адрес как бы воздает должное правительству за его снисхождение к нам, благодаря которому мы не были его жестоким усердием превращены в пушечное мясо. Я уже не говорю о тюремных заключениях и ссылках, благосклонное правительство не обошло и многих из здесь присутствующих, многие депутаты приехали сюда прямо из места далёкой ссылки и тяжёлого заключения.

В проекте вовсе не затронут вопрос о займах, об армии и флоте. Между тем тому, чьё тело разъедают эти бичи и чью жизнь они уязвляют, изменение и излечение их болезненных форм является столь же насущным, как и остальные вопросы жизни или смерти.

Я не буду перечислять всех тех ужасов, всех тех жертв, которыми устлана вся матушка Русь — земля и воды, вспоминать те крики и вопли, всех тех бед, которые порождают своеволие займов, воспитание и теперешний строй флота и армии, о них говорить мне больно и тяжело. Адрес же, по-моему, должен совмещать в себе всю совокупность всех этих нужд и тем рельефнее, сильнее, чем эти нужды насущнее и чем неотложнее является их рассмотрение. Всё, чем может держаться и развиваться жизнь, равенство, братство, мир, справедливость и благоденствие страны, должно быть в адресе высказано выпукло, ясно, и долг наш, как народных представителей, заявить это властно как голосом всего пославшего нас народа. Здесь не должно быть места личным взглядам и партийности, нас должны лучше и ближе всего объединить друг с другом общее горе страны и полномочия, доверенные нам народом всей широкой матушки-Руси. Адрес Государю поэтому, мне кажется, и не должно стеснять в размере, как не стеснена и ширь полномочий многомиллионного населения необъятной России. Пусть хоть теперь поведает верховный Монарх ту массу народных нужд и страданий, заполняющих Русь, какие сообщат ему съехавшиеся со всех концов матушки Руси народные представители.

Концевич (Волынская губ.). Не могу согласиться с г. Щепкиным в том, что путь, намечаемый проектом ответного адреса, есть путь надёжный и безопасный. До сих пор мы шли тем путём, который нам указан был историей, — этот путь облит теперь кровью, усеян трупами и привёл нас к плотине. Мы решаем сойти с того пути, это я понимаю, но мы должны сделать это весьма обдуманно и осторожно, и та плотина, которую мы прошли, должна крепко стоять и с таким расчётом, чтобы вода находила себе надлежащий выход и текла ровно, спокойно по новому руслу. Мне кажется, что путь, указываемый нам проектом ответного адреса, может нас привести к тому, что народная волна выступит из берегов и тогда дело, которое мы пришли создать, погибнет, ответный адрес в том виде, как он есть, не вызовет симпатии громадной массы русского народа, так как в этом адресе есть дух космополитизма. В этом адресе почётное место должно быть отдано русскому языку и народу, как тому народу, который имеет на то право, как творец России. Я прошу, господа, исполнить этот долг перед родиной, совестью и историей.

Граф Гейден. Я должен успокоить того, кто бросил укор, что все согласны с адресом кроме правой. Он ошибся: правая сторона точно так же присоединится почти всецело к тому адресу, который был редактирован в комиссии, в которой я имел честь принимать участие… (*продолжительные аплодисменты*). Я лично всегда придерживаюсь того правила, что надо быть

весьма мягким в приёмах и твёрдым по существу. Затем я позволю себе указать только на некоторые самые существенные вопросы; относительно аграрного вопроса, а лично всецело придерживаюсь того, что сказано было здесь, но я бы только желал указать, что вопрос о принудительном отчуждении есть крайняя мера, к которой следует приступить, когда другого исхода не будет. Я думаю, что частная собственность священна и неприкосновенна, но она должна уступить государственной потребности.

Затем я всегда был противником смертной казни, основываясь на том простом соображении, что крайне нежелательно заставлять других осуществлять то, чего мы не желаем осуществлять сами. Я сам не желаю осуществлять смертную казнь и не заставлю никого её применять. Относительно равноправия я вполне разделяю взгляды, выраженные в адресе. Что касается амнистии, я тоже проникнут убеждением, что амнистия необходима для внесения успокоения в страну, но мы вместе со своими товарищами внесли поправку, что если мы обращаемся с ходатайством об амнистии вверх к Монарху, то мы с такой же просьбой об амнистии обратимся вниз и попросим их не применять смертной казни, которая точно такой же позор для страны, как и смертная казнь сверху.

Набоков (докладчик комиссии). Первое указание о том, что должностные лица не должны быть оставлены безнаказанными, мы считали невозможным включать в ответный адрес по тому соображению, что это указание не есть обращение ни к Монарху, ни к стране. Несомненно, вопрос этот будет возбуждён и несомненно получит утвердительное решение (*аплодисменты*). Но это не законодательная задача. По поводу вопроса об амнистии направо и налево мы находили, что направо возбуждать его в настоящее время преждевременно. Об амнистии можно говорить по поводу лиц, подвергнутых преследованию или наказанию, но не по отношению к лицам, которые по настоящее время пользуются всеми своими правами и преимуществами, которые могут получить новые и даже почётные назначения. Никто из нас, конечно, не жаждет ни крови, ни лишения свободы (*аплодисменты*) ни кого, как из должностных лиц, так и других. Может быть, когда все наши желания осуществятся, тогда мы и заговорим сами об амнистии. Тогда мы будем знать, что те насилия совершаться уже не будут, — теперь мы этого сказать не можем. Точно также не находит себе места в ответном адресе и осуждение политических убийств.

По вопросу об отмене смертной казни комиссия осталась при своём решении. Я замечу только, что это решение желательно было бы принять единогласно. В сущности здесь было сделано только одно возражение. Я долго занимаюсь уголовным правом и я знаю, что есть направление в уголовном праве, которое отстаивает смертную казнь с точки зрения интересов государства и общества, но я в первый раз услышал защиту её, — извиняюсь за выражение, — с точки зрения гастрономической. Я останавливаюсь на этом возражении только потому, что желал бы единогласия, а оно будет достигнуто, если возражавший убедится в том, что и отменив смертную казнь, можно продолжать есть и устрицы, и ростбиф. Затем по вопросу о коренном преобразовании самоуправления — это в нашем адресе находится, и добавлять что-нибудь нет основания. По вопросу о государственном совете в комиссии явилось разногласие. Комиссия полагала, что та формула, которая есть в адресе, соответствует мыслям комиссии и думы. Я думаю, что мы здесь не возбуждаем вопроса о верхней палате, мы говорим о том государственном совете, который создан по закону 20 февраля. Как мы отнесёмся к другому, преобразованному совету — это вопрос будущего; но меньшинство нашей комиссии полагало, что нужно эти слова исключить, и ограничиться словом государственный совет, а М. М. Ковалевский предлагает внести указание на

то, что государственный совет по природе своей представляет административное учреждение, и как таковое, оно не может обладать законодательными функциями. Комиссия находила, что указание на «административную природу» государственного совета может возбудить недоразумения. Затем, по вопросу о всеобщем избирательном праве, у нас точно также образовалось большинство и меньшинство. Меньшинство стояло за раскрытие этой формулы и внесения всеобщего избирательного права так, как понимают его те, которые стоят за всеобщее, прямое, тайное и равное голосование, без различия пола, национальностей и вероисповеданий. Большинство полагало, в особенности в виду того, что мы говорим о единогласно выраженной и установленной воле народа, что мы поступим более осмотрительно и более осторожно, если оставим внесённую нами формулу, которая всего более подойдёт к действительно выраженной воле народа; но если мы внесём сюда какие-либо дополнительные признаки, то мы не сможем с уверенностью сказать не только, что это есть единодушная воля всего народа, но даже рискуем не получить единогласия в думе.

По вопросу об амнистии, относительно дел религиозных и аграрных, мы считали, что из постановления думы совершенно ясно, что понимает дума под полной политической амнистией. Если это не так, то либо может быть раскрыта эта формула, или же дума могла бы принять мотивированное постановление, в котором должно быть изложено, что должна охватить эта полная политическая амнистия. Если бы у нас было достаточно времени для обсуждения, то можно было бы внести в мотивированное постановление весь тот предварительный проект, который уже приготовлен и мог бы быть внесён в думу. Если же времени у нас не будет, то мы имеем возможность повторить постановление, которое сделали в понедельник, то есть сказать, что под политической амнистией разумеем амнистию по всем делам религиозным, аграрным и политическим, и предоставить выяснение некоторых неясностей дальнейшему будущему. Затем, по вопросу о приостановке смертной казни мы полагали, что это само собой разумеется и что практически такое указание, надо надеяться, бесполезно, но тем не менее, в виду состоявшегося уже постановления думы, его внести следует. Комиссия предлагает такую редакцию: «В предвидении этого закона страна ждёт приостановки ныне же Вашей, Государь, властью состоявшихся уже смертных приговоров» — это надо поставить в том месте, где говорится об отмене смертной казни по закону. Стало быть, эта поправка комиссией принята. По поводу указаний на необходимость в ряду земель перечислить церковные, в комиссии возникло сомнение, потому что эта категория церковных земель представлялась для комиссии недостаточно ясной и определённой. В виду этого комиссия предпочла остаться при прежней формулировке, полагая, что церковные земли, поскольку они будут подлежать отчуждению, могут подойти под категорию казённых, монастырских или частновладельческих.

По вопросу о рабочем законодательстве, комиссия приняла единодушно предложение М. Ковалевского, которое отвечало первоначальной редакции проекта; так как комиссия далека от всякого манчестерства, то она считала нужным это оттенить. Она, правда, полагала, что когда идёт речь о том, что государственная дума признаёт неотложным удовлетворение нужд рабочего класса, то государственная дума может удовлетворять известные нужды только путём законодательства, что это само собой разумеется, но так как возможны недоразумения, то предполагается такое изменение редакции: «Государственная дума признаёт столь же неотложным удовлетворять нужды рабочего класса путём законодательных мер, направленных к охране наёмного труда»; далее идёт прежняя редакция.

Затем, по поводу частных замечаний относительно необходимости включить в адрес вопросы о казаках, о башкирах и киргизах и их землях, о беззаконии администрации по отношению к сельским сходам комиссия полагала, что эти указания слишком подробны и что они не могут найти себе места в адресе.

По отношению к другим частным вопросам комиссия полагала, что они достаточно исчерпываются тем изложением, которое дано адресу. Сюда относится упоминание о необходимости отмены административных стеснений национальностей, указание на отмену средостения между народом и представителями народа, указание на необходимость широкого областного самоуправления, мелкой земской единицы, так как это вопрос будущего законодательства, на расширение выборных земств и распространение их на западные губернии. Эти указания входят уже в изложение адреса. По вопросу о необходимости обязательного обучения комиссия полагала, что так как речь идёт о немедленно имеющем быть выработанным законе, ввести это выражение значило бы принять обязанность, которую исполнить невозможно.

Есть ещё указание на то, что нужно упомянуть, что все министры должны быть ответственны. Комиссия с этим согласна и полагает, что в этом месте, где говорится о министрах, нужно сказать «все министры» или «министерство в полном своём составе».

Затем есть ещё формула г. Кутоманова, о которой комиссия полагала, что она будет предметом голосования. Затем, по вопросу об обеспечении государственной помощью лиц, пострадавших от насилий, комиссия полагала, что этот вопрос в адрес вносить не следует. По вопросу о поле комиссия полагала, что в том месте адреса, в котором говорится о равноправии национальностей, религий, следует, конечно, прибавить по недосмотру опущенное слово «полом».

Затем, сейчас в комиссии остались нерассмотренными предложения М. Ковалевского. По одному из них, относительно права почина закона, комиссия полагала, что нам не нужно, в наших же интересах, указывать в адресе, что мы считаем наше право почина связанным. В наших интересах считать, что право почина закона принадлежит нам в полном объёме, и если закон в статьях 55-й и 57-й учреждения Государственной думы нас формально связывает, то мы полагали, что от нас же зависит расширить эти путы, обойти их и воспользоваться этим правом в полном размере. Если же мы эти ограничения внесём, то мы лишим себя возможности воспользоваться этим правом до тех пор, пока сверху это право не будет расширено. Таким образом, мы считали политически более целесообразным, более соответствующим нашим ближайшим задачам, об этом не упоминать в адресе, а осуществлять на деле. Затем вопросы о бюджетном праве, о свободе петиций, о внешней политике, об армии и флоте в комиссии остались необсужденными, а потому о них со стороны комиссии я ничего доложить не могу.

Общие прения об адресе кончены. О. И. Родичев делает попытку побудить думу к прекращению прений, но председатель категорически заявляет, что такого предложения он допустить не может, так как прекращение прений допустили только при общем обсуждении. Вследствие этого Родичев при бурных аплодисментах депутатов ограничивается лишь напоминанием, что каждый депутат может добровольно отказаться от своего права говорить, чтобы ускорить этим принятие адреса.

Дума приступает к обсуждению адреса по частям.

Первый же абзац адреса (стр. 44) вызывает страстные возражения представителей трудовой группы Аникина (Саратовск. губ.), Онипко (Ставроп. губ.) и Заболотного (Подольск. губ.). Все они горячо высказываются за введение в адрес четырехчленной формулы и за распространение избирательного права на женщин. Докладчик комиссии Набоков отвечает Аникину, что комиссия имела в виду формулу, которая объединяла бы весь народ, и что большинство её не имело уверенности в том, что единодушная воля народа требует политического равноправия для женщин. Заболотный возражает Набокову арифметическим подсчетом.

— Из 140 миллионов жителей в России 70 миллионов женщин, — заявляет он. — Возьмите их голоса и прибавьте голоса тех мужчин, которые стоят за женское равноправие, получится подавляющее большинство. Некоторые, может быть, сомневаются в самом стремлении женщин к её правам и, быть может, думают, что крестьянские женщины не понимают этих прав и не стремятся к ним. Я представитель трех миллионов крестьян в Подолии, я заявляю здесь от имени мужчин и женщин, что для нашей крестьянской женщины дороги и драгоценны не только всеобщее, прямое избирательное право, не только гражданские права, но даже то малое утешение, те малые проблески света, которые давало последнее законодательство, ценились чрезвычайно высоко. Пример простой: когда несколько лет тому назад отняли права у мужей крестьянок требовать своих жен по этапу обратно, все женское население приветствовало это как радостное утешение, как залог освобождения от того унизительного рабства, в котором крестьянская женщина находилась до сих пор.

За упрощенную редакцию комиссии высказывается кн. Шаховской (к.-д., Яросл. губ.). Он думает, что прения по существу должны быть отложены до того момента, когда будет обсуждаться законопроект о народном представительстве, внести который уже решено. Зачем ослаблять впечатление голосованием в то время, когда некоторые по тактическим соображениям не хотят вносить дополнений? Ему кажется, что нужно оставить известную свободу решения до тех пор, когда будет приступлено к разработке законопроекта.

Эти доводы встречают сильные возражения со стороны сотоварища кн. Шаховского по партии Ломшакова (Петерб. губ.), который заявляет, что будет поддерживать развернутую формулу. «Если стать на ту точку зрения, — говорит он, — что единодушно проявляющаяся воля народа непременно должна заключать в себе весь народ без исключения, то я не мог бы говорить и о самом адресе, а также о конституционном строе, ибо мы знаем, что есть защитники неограниченного самодержавия, признающие конституцию гибелью отечества. Так как настоящая палата является представительницей избравшего ее населения, представительницей большинства избравших, то „воля“ этого большинства является действительным отражением воли избирателей, воли народа».

Наоборот, деп. Овчинников (к.-д., Вятск. губ.) полагает, что возбуждать принципиальный вопрос при обсуждении адреса совершенно неуместно, а нужно в интересах скорости обсуждения и полного единодушия остановиться на формулировке комиссии. Такого же мнения придерживается и З. Френкель (Костромск. губ.). Тактические вопросы, — думает он, — нельзя обсуждать, выставляя весь арсенал своего пафоса. Аргумент Заболотного представляется ему крайне неубедительным: Заболотный включил, очевидно, в число женщин, добивающихся равноправия, даже младенцев. Сейчас надо говорить от лица всей думы, а не от лица большинства.

Набоков. Во избежание всяких недоразумений я, посоветовавшись с некоторыми своими единомышленниками, заявляю, что мы будем голосовать за формулу комиссии, то есть за всеобщее избирательное право, и что мы в близком будущем внесём проект о всеобщем избирательном праве, праве равном, тайном, без различия пола, национальностей и вероисповеданий.

Ко взгляду большинства ораторов конституционно-демократической партии присоединяется также *Федоровский* (Рязанск. губ.). Запись ораторов прекращается. Продолжительность речей ограничивается только минутами. Крестьянин Кругликов заявляет, что в его местности многие крестьяне и не знали об общем избирательном праве без различия пола. «Женщинам у нас, — добавляет он, — не до общего избирательного права; женщины у нас для того, чтобы смотреть за детьми и печкой» (*Аплодисменты*). Деп. *Заболотный* ещё раз пытается указать на то, что неравенство избирательных прав нарушает права и интересы народа и в особенности наиболее многочисленного класса его — крестьянства, склонить думу ввести в адрес четырёхчленную формулу. Граф Гейден возражает ему:

— Я уполномочен от своих товарищей по губернии заявить, что они не разделяют мнения г. Заболотного, что без прямой, равной, тайной и всеобщей подачи голосов нельзя жить; они находят, что можно жить и при всеобщей подаче голосов, и житейский опыт находит, что не нужно ещё непременно распространять равные права и на женщин. Нам первое время нужно ещё самим привыкнуть к парламентской деятельности в том составе, к которому мы уже привыкли, т. е., чтобы собрание было только из мужчин. Вот почему я нахожу, что следует всецело придерживаться того, что написано в адресе, не предрешая окончательно вопроса о той форме избирательного закона, который будет выработан думой.

Деп. Миклашевский (к. д., Черниг. губ.) заявляет, что он по этому вопросу не разделяет мнения своих сотоварищей по партии. Он предлагает вычеркнуть слова «согласно единодушному проявлению воли народа» и высказать пожелание о внесении избирательного закона на основании четырёхчленной формулы.

Кн. Волконский (Рязанск. губ.) замечает, что в случае её введения в адрес он должен будет голосовать против него.

Аладьин (Симбирской губ.). Есть моменты, когда приходится сделать выбор между лозунгами, брошенными вперёд, и практическими мерами, которые должны быть проведены немедленно, сейчас же для того, чтобы те же самые лозунги могли воплотиться в жизнь в виде реальности. Когда меняешь лозунги на практические меры, в большинстве случаев не срываешь аплодисментов. И я не думаю сорвать их сегодня.

Господа народные представители, я обращаю ваше внимание на два обстоятельства. Если вы присмотритесь, как один за другим выходят ораторы — сторонники различных взглядов, присмотритесь, как им аплодируют, то вы увидите, что у нас есть некоторая почва для разногласий. С другой стороны, вы должны обратить внимание на то, что один из представителей самой многочисленной партии думы, партии народной свободы, с этой самой кафедры не лично от себя, а от имени партии дал торжественное обещание, что в ближайшее время будет внесён законопроект об изменении избирательного права и что в этом законопроекте будет введена та самая четырёхчленная формула, за которую дрались и умирали на улице, что слово «всеобщее»,

употреблённое здесь в нашем адресе, принимается партией народной свободы только затем, чтобы наш адрес действительно явился выражением по возможности большего количества населения России, чтобы мы могли сказать, что действительно в этом адресе мы ни на йоту не превзошли воли народа, чтобы мы могли сказать, что в этом адресе встретили даже сочувствие крайних правых, которые вместе с нами голосовали. Если при всех этих условиях мы ещё будем настаивать на том, чтобы вместо «всеобщего» было поставлено — «четырёхчленная формула», то мне кажется, что это было бы одной из крупных политических ошибок, может быть, наиболее вредных для тех, для которых всего дороже эта четырёхчленная формула. Я не думаю, чтобы у кого-нибудь из вас явилось сомнение, как я отношусь к этой четырёхчленной формуле. Самой простой гарантией за то, что я стою за эту формулу, будет то, что я настаиваю, чтобы та формула, которую вынесла комиссия, была принята целиком, чтобы, с другой стороны, торжественное обещание с этой кафедры было принято так, чтобы отступить и изменить его было бы невозможно; я подаю свой голос за то, как было вотировано, как было написано в комиссии.

При баллотировке все поправки отвергаются и принимается редакция комиссии.

Следующие два абзаца (от слов «Призыв Вашего И. Величества» и до «к возрождению лучших сил страны» — см. стр. 45) тоже принимаются без изменения.

Третий абзац (от слов: «Страна сознала» и до слов «И весь русский народ единодушным кликом восторга встретил эту весть») — то же самое. Поправки Карьева (вместо: «русский народ» — «весь народ, населяющий Российскую Империю»), Кедрина (вместо «самовластие чиновников» — «самовластие бесконтрольной и безответственной бюрократии, разъединяющей царя от народа») и Червоненкиса («вся страна» вместо «весь народ») отвергаются.

По поводу дальнейшего абзаца депутат Ширков (Курск. губ.) делает стилистическое замечание: ему кажется, что покрыть страну позором может только то, что сделала сама страна или правительство с её согласия. Но страна боролась с действиями правительства изо всех сил. Поэтому он предлагает поправку: вместо «покрыло страну позором» — «заставило страну пережить позор». Депутаты встречают это заявление аплодисментами, но поправка всё же отвергается.

То место адреса, где говорится о необходимости ответственности министров и обновления администрации, встречает страстное противодействие со стороны М. Стаховича (окт. Орловск. губ.).

— Будучи сторонником права запроса и контроля со стороны думы не только над законностью, но и целесообразностью действий министров, — заявляет Стахович, — я не сторонник, особенно в настоящее время, парламентарного режима для России. Но так как мы теперь обсуждаем не законопроект, то, оставляя в стороне науку государственного права, столь блестяще представленную в среде думы, я укажу практические соображения, по которым министры должны, по моему мнению, оставаться ответственными перед Государем Императором. Еще Бисмарк говорил, что ответственность перед палатою — самое удобное условие для бессовестного министра. Случайно или ловко проведя любую гадость, министр покрыт голосованием палаты, т. е. одобрением народа. Кроме того, часто случается, бывают даже целые периоды государственной жизни, когда не сущность вопроса царит и решает дело в палатах, а возбуждение политических страстей. Самое присутствие такого возбуждения является уже опасностью. Оно опасно, как оружие в руках рассерженного. Вспомните, каким широким потоком несутся речи с этой кафедры. Проф. Щепкин восторженно сравнивал их сегодня с вешними водами. Пользуясь его собственным

сравнением, добавлю, что вся эта вода не рабочая; ее не надо пускать на колеса мельницы. Умный мельник открыл бы затворы и терпеливо бы ждал: пусть себе сольет. Обратите внимание, кроме того, как неопределенно наше большинство; как неизбежно будет меняться его состав в зависимости от группировок по вопросам аграрному, национальному и другим. Будущее себя покажет; тогда мы, может быть, будем иметь убедительные основания ходатайствовать о присвоении нам права верховного управления Россией, но, покуда дума себя не выказала на деле, я считаю эту претензию преждевременной. Мы только свяжем руки Государю, если, как лояльный конституционный монарх, он будет следовать нашим голосованиям и менять министерства после каждого провала. Я знаю, что мне возразят, что в конституциях такого закона не помещают обыкновенно, что это установлено во всех странах обычаем. Но мы так ревниво переимчивы, что я не сомневаюсь, что переймем и этот обычай уже за то, что он чужой.

Вчера член думы Родичев говорил нам, что «нет ответственности там, где ответ дается негласно». Я с ним согласен, но нахожу, что гласность вполне обеспечивается запросом в думе и объяснениями министра в публичном стенографированном заседании. Поэтому я стою за упрощение и ускорение как запроса, так и контроля над министрами, но на первое время не считаю возможным подчинять их думе, а не Государю. Г. г., я не стану перед вами распространять, перечислять и подчеркивать иные ужасы и неправды прошлого режима, заслуженному осуждению которых мы посвятили столько времени. Но я утверждаю, что причина их не в том, что Царь потакал министрам или сочувствовал им, а в том, что Царь не знал, что некому было уличать перед ним этих беззаконников и насильников. Теперь мы должны и можем обличать виноватого или нерадивого правителя перед Монархом. Пусть же этот долг наш будет обставлен лучше, чем он установлен заново законом 20 февраля, и тогда мы можем его применять плодотворно, можем зорко следить, не отнимая верховного правления у верховной власти, не требуя ответственности министров перед думой. Поэтому я предлагаю поправку: вместо устанавливаемой этой частью всеподданнейшего адреса ответственности министров перед думой указать на необходимость пересмотра ст. ст. 40, 41, 58–60 учреждения думы 20 февраля. Необходимо, сохранив ответственность министров перед Государем Императором, развить и ускорить условия осуществления права запроса и контроля со стороны думы не только над законностью, но и целесообразностью действий министров. (Слышно шиканье на многих скамьях).

Председатель напоминает, что выражение неодобрения ораторам равносильно стеснению свободы слова.

Деп. Федоровский заявляет, что, приехав из своего медвежьего угла, он верил в возможность мирной работы, но слух о море пролитой крови и тысячах заключённых заставляет его желать, чтобы ответственность за правонарушения ложилась не на монарха.

Винавер (С.-Петербург). Не только с точки зрения безответственности Монарха, но преимущественно с точки зрения интересов народа следует самым энергичным образом протестовать против предложения, внесённого представителем Орловской губернии; в нём слышатся давно знакомые звуки — народу мнение, Царю власть. Мы не всегда, господа, будем слышать здесь министров, иногда они будут отвечать, чаще всего они будут отвечать Монарху, и Монарх будет считать, что они — ответственные министры на своём месте, и страна будет так же страдать, как она страдала до сих пор. Единственный исход из этого положения состоит в том, чтобы та самая сила, которая призвана высказать мнение страны о предмете законодательном, могла

указать то, что отвечает потребностям страны. Нельзя говорить о том, что Монарх будет стеснён в исполнении своих функций. Монарх не может быть стеснён в том, что он будет прямо знать волю народа, не будет стеснён, потому что мы исходим из предположения, что его воля согласна с волей народа. Если министры, которые теперь безответственны перед страной, не будут ответственны перед законом, то закона не будет; если мы собрались здесь для того, чтобы делать первые шаги парламента в России, то мы собрались не только для того, чтобы писать законы об устройстве земли русской, но и для того, чтобы доказать Монарху, что порядок будет только тогда, когда его министры будут действовать согласно с волей страны и народа. Если мы не добьёмся власти этим путём, то, бесспорно, не только все наши благие пожелания будут низведены, но даже право запроса падёт в бездну.

Плохой учитель парламентаризма Бисмарк; он отлично понимал, что министру удобно быть безответственным. Единственное, на что мы можем указать особенно резко и решительно в адресе, состоит в том, чтобы потребовать себе право не только в писании законов, но и в контроле их путём привлечения министров к ответственности перед народным представительством. Если, в противном случае, мы будем выражать мнение, то мнение это будет только докладываться Монарху. Я возражаю против предложения г. Стаховича и настаиваю на той редакции, которую дала комиссия; если можно усилить ее, то я усилил бы, а если это невозможно, то я настаиваю на том, чтобы, делая первый шаг, мы не вырывали бы из-под ног парламента тот пьедестал, на котором может быть воздвигнуто настоящее народное представительство.

Карьев (С. Петербургъ). Г. Стахович указал нам на то, что, по его мнению, точно так же со временем у нас может образоваться парламентское министерство. Но он при этом восставал против того, чтобы в настоящий переходный момент нашей истории у нас образовалось такое ответственное перед Государственной думой министерство. Я думаю, как раз наоборот. Мы переживаем такой момент, когда нам особенно необходимо иметь министерство, взятое из большинства палаты и с этим большинством солидарно действующее. Мы переживаем такой момент, когда только полное единение Монарха и нации может вывести страну из того исторического тупика, в который она попала. Мне, как историку, в данный момент приходит особенно на память 1789 год во Франции. Россия находится в настоящее время именно в том самом положении, в котором тогда находилась французская нация. Мы знаем, что народные представители во Франции выполнили тогда громадную задачу; они обновили всю страну, но мы знаем точно также, что тогда дело обновления Франции не закончилось сразу, потрясения не прекратились, и стране пришлось пережить все ужасы внутренней анархии и страшного деспотизма. Нам нужно этого избежать.

В настоящее время многие историки указывают на то, что тогда во Франции, в 1789 году, был человек, который яснее других понимал положение дела и вместе с этим яснее других указывал на ту дорогу, на которую должна была выйти Франция. Этим человеком был Мирабо. Его задача заключалась в том, чтобы образовать парламентское министерство, которое было бы соединительным звеном между монархом и народными представителями, которое пользовалось бы доверием народных представителей и в то же самое время представляло собой советников короны, вместе с которыми монарх и действовал бы в той области, которая ему принадлежала по конституции. Всем известно, однако, что эта идея не встретила сочувствия ни в дворе, ни в народном представительстве. Парламентарное министерство во Франции не только не было осуществлено, но оно было даже в принципе отвергнуто, и на первых порах, когда была приведена

в действие конституция 1791 года, оказалось, что этот пробел имеет в высшей степени важное и существенное значение.

Результатом этого было то, что между монархом, с одной стороны, и народным представительством — с другой, не было такого нормального соединительного звена, и что советники короны, которые брались не из большинства законодательного корпуса, в законодательном корпусе встречали против себя только одну оппозицию.

Ошибку эту поняли в эпоху законодательного собрания, но было уже поздно. Вот почему я думаю, что в настоящий момент, высшей степени важный, необходимо не откладывать этот вопрос, как предлагает г. Стахович, на другое время, а надо стремиться к тому, чтобы скорее образовалось у нас парламентарное министерство, и чтобы это министерство, в духе большинства палаты, выражающего большинство стремления нации, действовало для дальнейшего реформирования России без всяких внутренних столкновений между отдельными властями. Конечно, образование парламентского министерства — дело не данной ещё минуты, но принцип, на котором это основано, должен быть заявлен теперь же. И я нисколько не стеснился бы эту сторону дела в адресе ещё более подчеркнуть.

Если, однако, комиссия нашла возможным выразить ту мысль, которую я защищаю, и именно в этой форме, то я буду голосовать за то предложение, которое внесла комиссия; поправка, которую нам предлагает г. Стахович, должна быть безусловно отвергнута.

Князь Шаховской (Ярославская губ.). Я считаю разбираемый вопрос самым центральным во всём адресе. Те мысли, которые здесь изложены, являются самыми кореннными во всей деятельности Государственной думы. Мы можем написать какие угодно законы, но если министров думе не подчиним, то мы ничего не сделаем, и страна нам этого не простит. Подчинить министров думе — в этом главная потребность страны (*Аплодисменты*). А как мы это сделаем? — мы ещё не знаем, но отказаться от этого, от выражения необходимости справиться с этой задачей, было бы равносильно лишить наш адрес всякого содержания. Я согласен, что мысль эта недостаточно сильно выражена в адресе, но едва ли нам удастся её редактировать более удачно, чем сделала комиссия.

Русские славянофилы соединяют всегда наряду с каким-то поэтическим проникновением в душу народа странное презрение к нему в настоящем. Они готовы опоэтизировать его прошлое, мечтать о его будущем, но когда дело подходит к настоящему, мы от них всегда видим презрение к русскому народу. Мы должны сейчас поступить иначе. Мы должны поверить, в противность Стаховичу, что русский народ справится с той задачей, которая ему сейчас предложена. Признаться, я надеялся, что мы здесь таких речей больше не услышим; я думал, что суровая действительность самого неисправимого мечтателя всё-таки убедит в том, что в том слое, из которого министерства созидаются, больше ничего не осталось. Как бы теоретически ни стремились, ни мечтали о разделении законодательной и исполнительной власти, для всякого должно быть ясно, что нельзя создать министерства, озабоченного нуждами страны, если не связать это министерство самым тесным образом именно с представителями народа.

Мы здесь слушали очень красивое сравнение нашей думы с вешней водой, которая льётся поверх всяких плотин. Это очень красивая картина, но в этом выражается такое страшное презрение к русскому народу и весьма малое уважение к нам. Неужели вся наша работа должна представлять

из себя только прекрасный поток, не приводящий ничего в движение? Действительно, министерство ставит нас в такое положение. Мы не видим от него никакой декларации. Мы до сих пор с ним лицом к лицу не встречаемся; оно ставит нас в положение силы, которая действует в безвоздушном пространстве. Но именно вся задача наша состоит в том, чтобы найти точку опоры, точку приложения этой силы, и поэтому мы возражаем против отводимой нам роли.

Затем Стахович несколько изменил своё представление о наших задачах. Он уделил нам роль законодателей. Затем он признал за нами ещё в некоторых пределах роль контролёров, находя, что мы, неопытные законодатели, может быть, чему-нибудь научимся и через несколько лет станем способными чем-нибудь управлять. Но мне представляется, что если так относиться к думе, то едва ли можно поздравить страну с той законодательной работой, которую мы стране приготовим. Затем, мне кажется, лучшее и единственное средство заставить нас возмужать в работе — это дать нам ответственность не только в качестве составителей законов, но чтобы мы знали, что все наши законы будут исполняться людьми, которые должны действовать согласно нашему указанию. Только при этих условиях мы можем сделать свою работу не чем-то отвлеченным, бессильным, преисполненным только юношеского жара, а действительно полезным делом для всей страны.

М. Ковалевский (Харьковская губ.). Я полагаю, что было бы неосторожностью с нашей стороны отказываться от постановки в ответном адресе вопроса о политической ответственности министров, когда, по-видимому, те, которые руководят нашими судьбами, сами начинают понимать всю опасность того положения, при котором министры ответственны только перед судом и неответственны политически перед палатой. Эта опасность троякого рода: опасность для монарха, опасность для совета министров, опасность для палаты. Только с того момента, когда к ответственности судебной присоединилась политическая ответственность министров в Англии, что случилось не ранее середины XVIII века, только с этого момента правила, гласящие: «король не может делать зла», то есть король, как и всякий человек, может совершать акты неодобрительные и даже преступные, но ответственность за эти акты несут министры, выражающие свою ответственность путем скрепы этого акта, только с этого времени эта формула получила действительный смысл и значение. Монарх должен парить над партиями. Его нельзя делать ответственным за изменчивое направление политики — ответственность за него несут министры. Его имя продолжает оставаться предметом общего уважения и тогда, когда его подданные начинают страдать от политики его министров. И для того, чтобы положить конец этим страданиям, они имеют народнопредставительную камеру, которая большинством голосов своих членов может высказаться против политики министров и тем самым поставить их в необходимость уступить место у кормила правления людям, лучше понимающим требования этой минуты. Какое бы изменение в политике ни последовало и какие бы люди ни стояли у кормила правления, никакая тень не падает на монарха, и все зло, причиненное политикой его правительства, считается падающим на самое это правительство. Таким образом, политическая ответственность министров ослабляет или сводит до ничего ответственность монарха перед народом. Но эта политическая ответственность есть также якорь спасения для министров. До тех пор, пока не существовало политической ответственности министров и необходимости для них выхода в отставку, когда большинство народных представителей высказывалось против их политики всякий раз, когда эта политика вызывала неудовольствие в большинстве народных представителей, прошло понятие о судебной ответственности министров, и за действия, по природе не преступные, привлекали их к уголовному суду. Англия XVII века, не знавшая политической ответственности, может указать на ряд процессов,

которые кончались смертным приговором против министров, не совершивших акта по природе своей уголовного характера, совершивших акт нецелесообразный, но подведенный искусственно под понятие акта преступного. Политическая ответственность министров, которая сказывается в факте скрепы ими всех указов и личных повелений Государя, имеет еще то важное значение в их глазах, что она дает им относительную свободу по отношению к монарху.

Гладстон прекрасно выразил все значение этой скрепы, скрепы, о которой недавно упоминалось и в 26 статье новой редакции основных законов, скрепы, которая означает всюду, где существуют парламенты и представительные камеры, что министр берёт на себя ответственность за известный акт, им подписанный, хотя бы этот акт был выполнением воли государя. Значение, которое эта скрепа имеет для министров, вполне выяснено Гладстоном. Принимая на себя ответственность за известный акт, министр может сказать государю: «я прошу Вас уволить меня от дальнейшей службы, я настаиваю на моей отставке, потому что не желаю принять на себя ответственность за тот акт, исполнение которого Вы от меня требуете». Если бы у нас в России привились эти нравы, если бы у нас существовала эта политическая ответственность, главе правительства нечего было бы ссылаться на тот факт, что те или другие произвольные действия, засаживания в тюрьмы, административные ссылки и т. д. были произведены при нём вопреки его воле подчинёнными ему лицами. Таким образом, министерская ответственность, ответственность политическая имеет значение, как я сейчас указал, и для монарха, и для министров, но она имеет значение и для палаты. До тех пор, пока у вас будет уверенность, что вы можете быть только критикой существующих в России неустройств, вы не будете устанавливать справедливые границы между легко осуществимыми и вполне назревшими реформами и теми реформами, которые отвечают вашим отвлечённым политическим и общественным идеалам. Но раз над вами будет висеть Дамоклов меч, состоящий в том, что каждый из вас в известный момент может быть призван к осуществлению на деле предлагаемой вами программы, раз вы будете близки к власти и той ответственности, которую она создаёт, вы не позволите себе настаивать на ближайшем принятии тех или других программ, которые в действительности неосуществимы при данных условиях; вы будете рекомендовать только те мероприятия, которые вы будете в состоянии провести в жизнь, как члены правительства.

Вот почему в Англии, в которой всего раньше осуществилась политическая ответственность министров, члены оппозиции называют себя членами оппозиции Его Величества, а не Его Величеству. Этим самым они выражают мысль, что во всякое время они готовы из оппозиции перейти в правительство и проводить на деле программу, которую они выставили, так как считают эту программу практически осуществимой. Вы видите, таким образом, что со всех сторон политическая ответственность есть необходимость в настоящее время. Трудно существование монархии без политической ответственности. Одно из главных различий между монархией и республикой есть в настоящее время то, что президент республики ответствен перед народом, тогда как монарх перед народом безответствен, так как ответственность за все его действия падает на министров. Так как большинство из вас — монархисты, так как вы не представляете себе возможности в настоящее время другого образа правления в России, как конституционная монархия, вы остановитесь, по всей вероятности, на той мысли, что лучшее средство обеспечить мирное существование конституционной монархии — это внести парламентскую или политическую ответственность министров. Вот почему, господа, я вполне присоединяюсь к

составителям адреса по вопросу о политической ответственности министров парламентского образа правления.

После заявлений Медведева (Тверск. губ.) и Шапошникова (Курск. губ.), присоединяющихся к протесту против поправки Стаховича, дума отвергает поправку.

В 12 ч. 15 м. ход заседания прерывается. По возобновлении его продолжается голосование об адресе.

Следующая часть адреса принимается без прений. Деп. Кутоманов вносит дополнение к адресу, в котором после характеристики тяжёлых условий русской жизни, лишённой элементарных гарантий личной безопасности и неприкосновенности, предлагается заявить, что «единственный выход из этого положения Гос. дума усматривает в устранении армии от несвойственной ей и деморализующей доблестного русского солдата полицейской службы и в немедленном, впредь до умиротворения страны, учреждении на местах выборных от всех граждан комитетов для организации вооружённой стражи с возложением заведывания таковой на городские и земские управления с представителями выборных комитетов».

Деп. Набоков заявляет, что поправка слишком пространна и не вмещается в рамки адреса. Кн. Шаховской прибавляет, что она внушает сомнения и по существу: вопрос нуждается в подробном обсуждении. При голосовании дополнение Кутоманова отвергается.

По вопросу о необходимости освободить Россию от действия чрезвычайных законов вносятся поправки Якубсоном (Гродн. губ.) и Шольпок (Киевск. губ.); первая предлагает упомянуть также и о необходимости отмены чрезвычайных судов, вторая — о желательности упразднения корпуса жандармов. Обе поправки отвергаются; принимается редакция комиссии.

По вопросу о государственном совете вносятся поправки Квасковым (после слов: «не может быть той области законодательства…» добавить: «и законодательного бюджета»), гр. Гейдена («Государственная дума считает долгом совести заявить Высокому Императорскому Величеству, что законодательные учреждения Империи при осуществлении новой плодотворной деятельности лишь тогда всецело выполнят возложенную на них Вашим Величеством обязанность и заслужат доверие народа, когда учреждения эти явятся выразителями нужд, потребностей и желаний всей страны. Но для этого необходимо, чтобы они по составу своему были тесно и крепко связаны с народом и никакими особыми узаконениями не был положен предел законодательного полномочия народного представительства. Государственная дума уповает, что Ваше Императорское Величество примете на себя почин пересмотра соответствующих сему законов. Таковой почин будет радостно встречен государственной думой»), Ярцева («Проект комиссии указывает на необходимость упразднения государственного совета настоящего состава, как средостения между престолом и народом. Я нахожу, что такая постановка вопроса, касаясь состава государственного совета, предрешает самое государственное устройство путём однопалатной системы народного представительства, ибо, уничтожая государственный совет, как верхнюю палату, вместо него никакого иного устройства комиссия не предлагает, почему с проектом комиссии не могу согласиться») и Заболотного (исключить слова: «Государственный совет, составленный из высших сановников и выборных от высших классов населения»).

Депутаты *Котляровский, Якушкин и кн. Шаховской* отстаивают редакцию комиссии; Котляревский заявляет, что хотя он принципиально за двухпалатную систему, но высказывается безусловно против государственного совета в его теперешней форме; Якушкин, наоборот, — сторонник однопалатной системы, но не находит нужным переходить к обсуждению вопроса по существу. Против введения спорных вопросов в адрес высказывается и кн. Шаховской; по его мнению, нужно сосредоточить всё внимание на том порядке, который создан законом 20 февраля.

Кн. Волконский (Рязанск. губ.) заявляет, что примкнул бы к поправке гр. Гейдена, но готов также и совсем выкинуть упоминание о государственном совете.

Деп. Корсаков (Новгородск. губ.), не защищая государственный совет в том виде, как он организован законом 20 февраля, всё же восстаёт против редакции адреса. По его мнению, должно быть изложено яснее, что дума высказывается не против двухпалатной системы по существу.

Кн. Долгоруков находит, что в данную минуту вопрос о второй палате решён быть не может. Со временем, когда местные и земские органы самоуправления разовьются, органически должен образоваться объединяющий орган, который, по мнению кн. Долгорукова, должен будет иметь и законодательные функции, хотя бы ограниченные. Но говорить об этом теперь не время. Что касается государственного совета в настоящем его виде, то он явится препоной законодательной работе. Заявление об этом следовало бы усилить, но в виде уступки кн. Долгоруков готов принять и редакцию комиссии.

Мнение, что государственный совет по своему составу совершенно не соответствует назначению второй палаты, разделяет и гр. Гейден, но говорить об этом в адресе, по его мнению, неуместно и нарушило бы требования вежливости.

Вносится предположение об ограничении продолжительности речей 5-ю минутами, но по настоянию М. М. Ковалевского отвергается.

Грамматчиков (Пермск. губ.) находит, что фраза: «не может также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народного представительства в единении с монархом», должна быть или выделена в особый параграф, или же изменена в том смысле, чтобы видно было, что речь идёт лишь о государственном совете.

М. Ковалевский (Харьковская губ.). По моему мнению, обещания манифеста 17 октября «что впредь в России не будет законов без думы» не находят себе осуществления в тех нормах, которые говорят о бюджетном праве думы. Если в России не может быть закона без думы, то и всякие законы, касающиеся наложения тягостей на население, тоже должны исходить от думы, и без думы нельзя взять с населения ни одной полушки. Вот почему я предлагаю вам внести следующую поправку — «никакой законопроект, налагающий денежные тягости на население, раз он принят думой, не может подлежать изменению со стороны учреждения, не представляющего собой массы налоговых плательщиков», и вслед за этим: «мы не можем, Государь, исполнить нашего долга перед Вами и народом, пока правительство сохраняет право взимания налогов по старому бюджету, при неутверждении нового». Я имел честь доложить вам, что сперва в Англии, а затем во всех тех странах, которые положили английский образец в основу своих конституционных норм, принято было то в высшей степени практическое правило, что только та палата, которая представляет собой массу плательщиков, т. е. в Англии палата общин, но не палата лордов, вправе

изготовлять государственную роспись или рассматривать внесённую в неё государственную роспись. Верхняя же палата, палата лордов, может только принять или отвергнуть составленную уже нижней палатой роспись в полном её составе, но вносить изменения в неё не может, потому что члены этой верхней палаты не представляют собой массы налоговых плательщиков. Эти правила приняты были и в Новом Свете, в американских конституциях, — в бельгийской и большинстве германских.

Если вы дорожите тем, чтобы распоряжение народным кошельком находилось в ваших руках, и если вы намерены исполнить вашу прямую обязанность перед народом, именно нормальное распределение податных тягостей, то не выпускайте из ваших рук эту драгоценную власть, власть, которая вам принадлежит по праву, так как вы представляете собой массу плательщиков. По той же причине и ввиду принятых вами обязанностей перед народом, обязанностей создать равномерное распределение налогового обложения, вы не можете упускать из рук другого права: права предоставить думе, чтобы взимаемы были с народа только те налоги и только на те расходы, которые будут созданы или утверждены вами. Я протестую против того правила, по которому, если новый бюджет не будет принят вами к сроку, можно будет взимание налогов с населения производить на основании старого бюджета, бюджета прошлого года. Это право вы не можете признать, это есть нападение на существенные атрибуты законодательной власти, признанной за вами манифестом 17 октября.

Я перехожу теперь к вопросу о государственном совете. Я полагаю, что государственный совет не только полезен, но и необходим. Из этого не следует, однако, что государственный совет может быть органом законодательной власти; государственный совет всюду существует и призван быть высшим административным советом. Как высший административный совет, он осуществляет собой ту высшую и ответственную функцию, какой является издание согласного законам указа, и подводит под его нормы целый ряд однохарактерных случаев, им прямо не предусмотренных. Во Франции такие изданные советом указы называются регламентом (по публичной администрации), в Англии они носят другое название (прокламации), в России они носят название указов. В наших новых основных законах говорится, как вы знаете, что в промежуток между сессиями нашей государственной думы, промежуток, который может быть весьма продолжителен, Россия будет управляться временными правилами или указами. Остается пожелать, чтобы временные правила, указы и повеления издаваемы были не иначе, как при участии государственного совета, восполненного общественными элементами.

Я полагаю, что эти функции очень велики и очень ответственны, но эти функции не выходят из пределов того, что все специалисты по государственному праву, и не одни специалисты, признают областью власти исполнительной. Такому органу, который должен издавать указы, согласные с законом, вы не можете дать права участвовать, наряду с государственной думой, в составлении законов. — Это было бы полным смешением властей, которое еще Монтескьё считал необходимым условием деспотизма или произвола. Монтескьё, передавая результаты векового опыта не одной своей родины, а всех стран Запада, в середине XVIII века уже заявил, что когда в одних руках, будет ли то одно лицо или коллегиальное учреждение, соединено будет две или более властей, законодательная или исполнительная, а вдобавок еще судебная, то tout sera confondu, «все придет в замешательство», и вам надо будет, как говорил Монтескьё, «расстаться с надеждой осуществить в стране начала политической свободы». Политическая свобода для Монтескьё была тесно связана с тем, чтобы орган власти исполнительной не мог осуществлять функций власти законодательной.

Вот, господа, ближайшая причина, по которой я признаю в высшей степени полезным и желательным сохранить в наших учреждениях государственный совет, как высший административный совет и как тот орган, который составлял бы тексты указов, которые должны быть согласны с законами и иметь обязательную силу до момента созыва государственной думы, как значится в тексте наших основных законов. Признавая в высшей степени полезным сохранение государственного совета для этих функций, я решительно отказываю ему в участии, на равных правах с думой, в осуществлении власти законодательной. Заметьте, какую опасность представляет такое смешение властей, — вспомните, что всякий поворот к неограниченному образу правления всегда был связан с усилением, с подчёркиванием законодательных функций государственного совета. Что заключала в себе конституция первой империи во Франции? — Усиление участия государственного совета в законодательной власти. Что представляла собою конституция второй империи? — Сосредоточение в руках государственного совета таких законодательных функций, которых он не имел ни при июльской монархии, ни ранее, и которых он не должен был иметь, так как это ведёт к смешению властей. Что представляла собою, так называемая конституция графа Лорис-Меликова? — Да ни более, ни менее, как оставление в руках государственного совета законодательных функций, с восполнением его… чем? — Некоторыми общественными элементами, выборными от земств! То же самое, в более распространённом виде, мы имеем в настоящее время: государственный совет восполнен общественными элементами, которые являются в моих глазах своего рода экспертами по некоторым вопросам: по вопросам высшего церковного управления, по вопросам торговли и промышленности, по вопросам сельского хозяйства, по вопросам педагогическим. От включения этих общественных элементов — экспертов — государственный совет не теряет своего характера высшего административного совета, поэтому я ещё раз настаиваю на том, господа, чтобы вы приняли следующее изменение к тексту выработанного вами проекта адреса в ответ на тронную речь (читает): «Мы полагаем, Государь, что государственному совету, как органу исполнительной власти, не приличествует осуществлять в то же время законодательных функций, хотя бы к составу назначенных сановников и присоединены были выборные от одних высших классов населения». (Шумные рукоплескания).

Меркулов (Курск. губ.) предлагает слова «государственный совет, составленный из назначенных сановников и выборных от высших классов населения» заменить следующими: «государственный совет или какое-либо другое учреждение, играющее роль второй палаты».

Просвальд (Лифляндск. губ.) просит исключить слова: «Когда между ним и престолом не будет стоять госуд. совет, составленный из назначенных сановников и выборных от высших классов населения», чтобы вопрос о двухпалатной системе оставлялся открытым.

Куканов (Орловск. губ.), присоединяясь к предложенной комиссией редакции, заявляет, что взгляды Стаховича не найдут сочувствия ни у орловских крестьян, ни у других депутатов Орловской губернии. «Довольно средостений между народом и монархом», — восклицает он. — «Пусть сам царь знает, чем болеет страна, что делается внутри её и что ей нужно». (Браво. *Аплодисменты*).

Кзерский подчёркивает необходимость отметить в адресе право народного представительства вотировать налоги и предлагает к поправке Ковалевского прибавить еще слова: «и если народные представители не будут иметь полного контроля над заключением всех государственных займов».

Киселев (Пермская губ.) и Савельев (Москва) от имени своих избирателей категорически высказываются против госуд. совета.

В противоположность им *свящ. Концевич* (Волынск. губ.) находит, что один — хорошо, а два — лучше, и что седовласые старцы в госуд. совете могут своей мудростью исправлять ошибки думы. На этом основании он предлагает поправку: «все средостения между верховной властью и народом должны быть устранены, кроме госуд. совета, при общей нашей уверенности, что никаким особым узаконением не будет положен предел законодательной компетенции народного представительства».

Онипко (Ставропольск. губ.) предлагает исключить слова: «составленный из назначенных сановников и выборных из высших классов населения», так как государственный совет при всяком составе станет тормозить деятельность гос. думы.

Грабовецкий (Кіевск. губ.) и Чурюков (Моск. губ.) присоединяются к мнению, что не следует вливать новое вино в старые меха, и что госуд. совет должен быть во всяком случае уничтожен. На все эти возражения и пожелания обстоятельно отвечает Острогорский (Гродн. губ.). Сущность его речи сводится к следующему.

Острогорский (Гродненская губ.). Мы здесь рассматриваем сегодня не проект конституции, а адрес в ответ на тронную речь, поэтому нам не приходится здесь решать вопроса о том, должна ли быть принята однопалатная или двухпалатная система. Между тем некоторые ораторы обсуждали вопрос по существу и энергически высказывались за однопалатную систему. Вопрос об однопалатной или о двухпалатной системе — один из самых крупных и сложных, которые только знает политическая теория и политическое искусство; такими краткими замечаниями, которые были сделаны здесь, невозможно решить этого вопроса. Мы в адресе делаем общие заявления относительно недостатков существующего строя, но мы не должны вдаваться в подробности, как должна быть устроена такая-то палата, какими функциями она должна быть облечена.

Поэтому я не вполне соглашаюсь с некоторыми доводами нашего уважаемого товарища Ковалевского. Говорить, что государственный совет есть высший административный совет, — это значит обсуждать по существу; я не спорю, что высший административный совет есть учреждение полезное, может быть, необходимое, но если мы решим, что государственный совет есть высшее административное учреждение и не может быть ничем иным, то этим самым мы скажем, что у нас должна быть одна законодательная палата, между тем Ковалевский восставал против однопалатной системы. Название государственного совета нисколько не определяет его характера. Можно было бы назвать государственный совет «государственным вече», и это нисколько не изменило бы положения вещей, не предрешило бы вопроса о том, следует ли или не следует облечь это учреждение законодательными полномочиями.

Мы можем только критиковать то учреждение, которое облечено ныне законодательными правами наравне с государственной думой, и мы находим, что оно не отвечает тем условиям, которые требуются от учреждения, облеченного в конституционном государстве законодательною властью.

Резюмируя все эти положения, я предлагал бы изложить наше заявление относительно государственного совета следующим образом: весь народ… «будет выполнять творческое дело

обновления жизни, когда между ним и престолом не будет стоять государственный совет, лишённый истинно представительного характера, и тем не менее облечённый законодательной властью».

Голоса. Хорошо… хорошо…

Острогорский (Гродн. губ.). Я вполне присоединяюсь к соображению, высказанному Ковалевским относительно того, что в конституционной стране должны быть гарантированы права народного представительства на установление и взимание налогов и предлагаю к параграфу «пока не будет стоять государственный совет, лишённый истинно представительного характера и тем не менее облечённый законодательной властью» прибавить следующий параграф: «Когда установление и взимание налогов и податей будет подчинено воле народного представительства».

Эта редакция, мне кажется, обнимает все виды податных тягостей, которые могут быть налагаемы на население, не исключая и займов *(аплодисменты)*, так как за займы населению приходится платить проценты. Употребляя слова «установление и взимание налогов и податей», мы оговариваем полноту прав народного представительства и населения в отношении податных тягостей, налагаемых на него. К этому параграфу я присоединяю последнее предложение рассматриваемого абзаца, с прибавлением только двух слов, которые подчёркивают мысль, изложенную в том параграфе: «когда установление и взимание налогов и податей будет подчинено воле народного представительства, и вообще когда никакими особыми узаконениями не будет положен предел законодательной компетенции народного представительства».

Запись ораторов прекращается и продолжительность речей ограничивается 5-ю минутами.

К протестам против государственного совета присоединяют свои голоса депутаты Назаренко (Харьк. губ.) и Олацкий (Полтав. губ.).

Винавер (Петербург), присоединяясь к мнению М. Ковалевского о бюджетном праве, высказывается, однако, против введения в адрес его поправки о государственном совете. Если Ковалевский находит, что государственный совет непригоден для законодательной функции, потому что он является учреждением административным, то он забывает, что административные функции ещё никому не вручены, а оставлены в руках Государя. В настоящее время государственный совет — законодательная инстанция; в качестве таковой он нас не удовлетворяет. Об этом и нужно говорить.

М. Ковалевский отвечает на это, что им уже подано председателю предложение о том, чтобы было указано, что государственный совет должен заниматься рассмотрением указов, и что мысль его прекрасно выражена в поправке Острогорского, к которой он и присоединяется.

Граф Гейден тоже присоединяется к этой поправке и берёт свою обратно. При голосовании все поправки, кроме двух: Острогорского и М. Ковалевского о бюджетном праве (см. выше), отвергаются.

По предложению *Куриленко* (Черниг. губ.) дума постановляет не делать никаких перерывов до окончания постатейного обсуждения адреса.

В следующем абзаце комиссия сделала две вставки: к словам «с отменою всех ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью, религией» она прибавила «и полом», и

после требования отмены смертной казни вставила фразу: «В предвидении этого закона страна ждёт ныне же приостановки Вашей, Государь, властью исполнения состоявшихся уже смертных приговоров».

Заболотный возбуждённо заявляет, что это дополнение не соответствует принятому думой решению: должно быть сказано «по всем делам политическим, уголовным и военным», а то по каким-нибудь преступлениям смертная казнь, пожалуй, будет продолжаться.

Докладчик комиссии Набоков не разделяет, однако, этих опасений.

Литвинов (Саратовск. губ.) напоминает о том, что, как он уже заявлял раньше, в проекте адреса пропущено указание о необходимости предоставления права петиций. Он сообщает, что его избиратели, выборщики Аткарского у., дали ему наказ добиваться права петиций (*аплодисменты*). Это желание поддерживает и М. Ковалевский. Он со своей стороны предполагает заменить слова «свобода стачек» словами «свобода петиций», а о стачках упомянуть в другом месте, там, где идёт речь о свободе самоопределения рабочих.

Массониус (Минск. губ.) предлагает выбросить слова «и полом»: это, по его мнению, ускорит обсуждение.

Кузьмин-Караваев заявляет, что желание Заболотного и постановление думы несомненно покрывается формулой комиссии.

Аладьин возражает М. Ковалевскому; по его мнению, свободу стачек следует оставить в том месте, где она была, ибо она исторически срослась в одно целое со свободой собраний и союзов и должна быть упомянута вместе с ними. Право же петиций, как он думает, следует не выпрашивать, а просто «взять». По вопросу о смертных казнях нужно, по его мнению, сосредоточить всё внимание на одном: чтобы решение думы было принято как можно скорее.

При голосовании принимаются лишь поправки Литвинова и М. Ковалевского.

Буслов просит указать особо на неприкосновенность жилищ и переписки, но дума соглашается с Винавером, что вдаваться в подробности нет надобности, а нужно лишь установить принцип.

По вопросу о праве петиций докладчик Набоков заявляет, что при редактировании этого пункта комиссия натолкнулась на техническое затруднение: в нашем государственном языке этого слова до сих пор ещё не было, и поэтому под свободой петиций может быть понята свобода всеподданнейших прошений. При голосовании текст комиссии принимается единогласно.

К абзацу о выяснении нужд сельского населения и т. д. вносит редакционную поправку Лаврский (Казанск. г.). Она гласит:

«Государственная дума полагает, что выяснение нужд земледельческого класса населения и принятие законодательных мер к удовлетворению этих нужд должно быть неотложной задачей государственной думы.

Самая многочисленная часть населения России — трудовое крестьянство — в местностях, где наступила земельная теснота, нетерпеливо ждёт законодательного устранения острой нужды крестьян в земле. А потому первая государственная дума считает своим долгом перед страной в ближайшую очередь выработать закон, имеющий целью эту крестьянскую нужду удовлетворить,

не останавливаясь при этом перед обращением в пользу трудового крестьянства всякого рода и разного наименования земель, не исключая и частновладельческих».

Яновский (Бессарабск. г.) желает формулировать так: «Наиболее многочисленная часть населения страны — безземельные и малоземельные земледельцы — с нетерпением ждут удовлетворения своей острой земельной нужды».

Понятовский же (Волынск. губ.) предлагает читать это место так:

«Наиболее многочисленная часть населения страны — земледельцы с нетерпением ждут удовлетворения своих нужд путём издания ряда законов, приспособленных к нуждам каждой местности, так, чтобы обеспечить сельское население от голода и недоедания и не только в настоящее время, но и в дальнейшем будущем поднять их благосостояние».

Мухлынин (Пермск. губ.) предлагает заменить слова «выяснение нужд сельского населения» выражением: «выяснение нужд земледельческого населения, как сельского, так и городского», а слова «трудовое крестьянство» — словами: «наибольшая часть земледельцев страны с нетерпением ждёт наделения землею».

Тесля (Полт. губ.) просит заменить слово «крестьяне» словом «граждане». Варсобин (Ряз. губ.) предлагает за словом «ждёт» сказать: «…немедленного прощения недоимок и сложения оклада 1906 г. выкупных платежей».

Васильев (Казань) вносит следующую поправку: «Наиболее многочисленная часть населения страны — трудовое крестьянство с нетерпением ждёт облегчения своего невыносимого экономического и правового положения. Наш народ хронически недоедает, и часто повторяющиеся голодовки вызывают эпидемии тифа, цинги и других болезней. Государственная дума считает своей важнейшей задачей изучение мер, могущих помочь крестьянству, не останавливаясь перед какими-либо жертвами для безотлагательной помощи во время голодовок, подвергающих опасности жизнь и здоровье миллионов, и для устранения причин, вызывающих эти голодовки, важнейшую из которых она считает малоземелье. Поэтому первая русская государственная дума…» (дальше по тексту).

Ярцев (Рязанск. губ.) предлагает после упоминания о принудительном отчуждении вставить слова: «по справедливой оценке».

Бочаров (Тамб. губ.) вносит предложение, кроме трудового крестьянства, упомянуть и другие земледельческие сословия.

Куриленко (Черн. губ.) предлагает слово «сельское» заменить словом «земледельческое», вместо «ближайшую задачу» сказать «неотложную задачу» и, наконец, выражение «трудовое крестьянство» заменить словами «занимающиеся земледелием».

Докладчик Набоков указывает на невозможность обсуждать такие мелкие поправки в общем заседании и просит передать их в комиссию.

Меркулов (Курск. губ.) вносит поправку: «Первая русская государственная дума считает единственным средством удовлетворить эти нужды, когда в основу землевладения теперь же будет положен принцип принадлежности всей земли всему народу, а пользование ею — неотъемлемое

право всякого гражданина, но при условии исключительно личного труда. Дума не исполнила бы своего» и т. д., как напечатано, — «путём обращения на этот предмет земель частновладельческих по выкупу, признанному местным населением справедливым».

Чаксте (Курск. губ.) и Онипко предлагают включить в перечисление земель также земли церковные. Чаксте заявляет при этом, что он имеет в виду Прибалтийский край, где пасторы владеют крупными имениями.

Граф Гейден предлагает слова «принудительного отчуждения и т. д.» заменить фразой: «не останавливаясь перед принудительным отчуждением земель частновладельческих, как меры, обусловленной государственной важностью земельного вопроса».

Кн. Волконский желает после тех же самых слов адреса вставить: «когда это окажется необходимым» и изъявляет согласие, в случае принятия поправки гр. Гейдена, снять свою с очереди.

Гн. Друцкой-Любецкий (Минск. губ.) предлагает, ссылаясь на разнообразие аграрных нужд, закончить это место словами «сообразно с нуждами и желаниями местного населения».

Ксендз Сагайло (Гродн. губ.) настаивает на том, чтобы после слов «для удовлетворения этой насущной потребности» были добавлены слова: «согласно с местными условиями» и в конце фразы было сказано «в случае необходимости».

Ефремов (Обл. В. Донск.) вносит поправку: «и принудительного отчуждения необходимой части земель частновладельческих, широкого содействия государства заселению свободных земель и поднятию производительности сельского хозяйства».

Принимается предложение об ограничении речей пятью минутами; предложение о прекращении записи ораторов по настоянию Коренькова (Могил. г.), просившего думу не обходить крестьян, отвергается.

Савельев (Нижег. г.) предлагает после слов «отчуждение земель частновладельческих» дополнить: «там, где этого требует интерес государственной пользы для облегчения трудящегося земледельческого населения, а также и всякими мерами экономической помощи ему».

Кн. Гагарин (Моск. г.) предлагает сказать в конце: «Первая русская государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путём обращения и т. д. и усиления всеми возможными способами переселенческого дела».

Бобровник предлагает после слов: «выяснение нужд сельского населения и принятие соответствующих мер составит ближайшую задачу государственной думы» прибавить: «и будет поставлено на первую очередь».

Поправка *Остафьева* (Нижег. г.): «Одной прирезкой земельной площади для удовлетворения на первое время земельного голода малоземельных и безземельных крестьян не исчерпывается сущность землеустройства трудящихся крестьянских масс, а поэтому дума вместе с коренным разрешением главного государственного земельного вопроса должна заняться немедленной

разработкой всех остальных, связанных с землёй вопросов, обусловливающих широкое развитие всей промышленной и экономической жизни страны».

Поправка *Колпакова* (Петерб. г.): «Государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы и т. д… ныне же государственная дума считает крайне необходимым выработать законопроект о регулировании арендных цен на землю».

Поправка *Ильина* (Моск. губ.): прибавить к словам «частновладельческие земли» «и общественные, сдающиеся в аренду».

Поправка *Седельникова* (Оренбургск. губ.) после слов: «и принудительное отчуждение»… сказать: «путём проведения по всей стране поземельного устройства в широком смысле слова».

Запись ораторов прекращается.

Гр. Гейден просит назначить перерыв хотя бы в час для восстановления сил и ссылается на то, что около половины депутатов и без того оставили зал. Племянников (Сам. г.) горячо возражает против этого, ввиду необходимости закончить обсуждение адреса как можно скорее.

Ряд депутатов отказывается от слова.

Якушкин (Курск. г.) высказывается против внесения ограничительных оговорок о принудительном отчуждении и заявляет от имени партии народной свободы, что она в самом непродолжительном времени внесёт законопроект по земельному вопросу. (*Аплодисменты*).

Яловецкий (Вил. г.) предлагает поправку: «Путём обращения на этот предмет в порядке, какой будет затем установлен законом, земель казённых, удельных, кабинетских, монастырских и даже в необходимых случаях принудительного отчуждения земель частновладельческих».

Устно Яловецкий предлагает ещё несколько поправок, но они носят условный характер и потому не принимаются председателем.

Аникин (Сар. г.) заявляет от имени своих товарищей, что адрес следует принять так, как он есть.

Шапошников (Курск. г.) высказывает сомнение в правильности заявлений польских депутатов о нежелательности принудительного отчуждения в Царстве Польском и замечает, что заявление Набокова, будто вопрос о справедливой оценке подразумевался в комиссии сам собой, не распространяется на «весь состав» комиссии.

Кореньков (Могил. г.) просит перенести земельный вопрос в первые строки адреса. (*Аплодисменты и шиканье*).

Стефанюк (Подольск. г.) просит от имени крестьян принять адрес.

Кругликов (Ворон. губ.) высказывает опасение, что если земля будет даваться и городским жителям, то они будут сдавать её в аренду; действительно же нужна земля только крестьянам.

Теннисон (Лифляндск. губ.) отмечает, что при обсуждении адреса обнаружились два течения: коллективистское и демократическо-реформатское. Однако и сторонники индивидуализации земли могут, по его мнению, подписать адрес без всяких поправок.

Наконец приступают к баллотировке. Все поправки, за исключением поправки Чаксте, отвергаются и принимается текст комиссии.

Стахович неуверенным голосом просит сделать перерыв хотя бы на 10 минут для освежения воздуха, ссылаясь на то, что остальная часть адреса, вероятно, не вызовет длинных прений. На этот раз дума соглашается.

Следующую часть адреса докладчик Набоков прочитывает с дополнением: после слов «рабочий класс» вставлены: «путём законодательных мер, направленных к охране наёмного труда».

Видмер (Бесс. губ.) предлагает внести после слов «произвола и опеки»: «а в особенности от существующего в известных местностях института земских начальников». (*Аплодисменты*).

Бар. Ропп (Вил. губ.) желает окончить эту часть ответного адреса словами: «и далеко идущая помощь со стороны государства и работодателей при обеспечении на случай старости, увечий и потери здоровья».

Онипко (Ставр. губ.) предлагает внести в адрес принцип 8-часового рабочего дня.

Докладчик высказывается против поправок, ибо они носят излишние подробности.

Иоллос (Полт. г.) находит, что в проекте задачи законодательства по охране рабочего труда изложены неправильно: нельзя относить к их числу ограждение свободы организации рабочих. Он предлагает такую формулировку: «Государственная дума признаёт столь же неотложным удовлетворение нужд рабочего класса. Предоставление наёмным рабочим во всех отраслях труда свободы организации и самодеятельности, законодательная защита рабочих и их обеспечение составляют обязанность государства».

Аладьин обращается к депутатам рабочим с увещеванием не отвергать адреса, как они хотели. Он уверен, что рабочий класс сам возьмёт в руки своё дело, и думает, что не следует забираться в его область. «Наша же обязанность, — заявляет он, — устроить лучшую думу, такую думу, в которой рабочий класс будет представлен как следует».

К этому мнению присоединяется от имени рабочих и Михайличенко (Екатериносл. губ.) и просит думу не разбирать рабочего вопроса.

Онипко снимает свою поправку с очереди. Остальные поправки отвергаются и принимается текст комиссии.

По вопросу о народном образовании вносятся две поправки.

Поправка *Тесля* (Полт. губ.): «Государственная дума, исходя из того соображения, что одним из главнейших виновников народного бедствия страны является невежество и отсутствие должного воспитания и образования большинства населения, ставит своей прямой и неотложной целью приложить все усилия к возможно скорому обязательному и бесплатному профессиональному и светскому образованию всего населяющего Российскую Империю народа».

Поправка *Шилихина*: добавить после «бесплатному» «и обязательному». Тесля, однако, снимает свою поправку. Поправка же Шилихина отвергается. Принимается текст комиссии.

В следующей части комиссией сделано дополнение, внесённое по предложению М. М. Ковалевского и принятое комиссией. После слов: «Рядом с этими мерами дума считает своей обязанностью обратить особое внимание на государственную роспись доходов и расходов» предлагается присовокупить: «не подлежащую изменению помимо воли государственной думы».

Фон Рутцен (к. д. Курск. губ.) просит или исключить слова: «Дума считает своей обязанностью обратить особое внимание на государственную роспись доходов и расходов и на справедливое распределение налоговой тяготы, неправильно возложенной ныне на более бедные классы населения»; или же — если комиссия на это не согласится, — указать не только на приходную, но и на расходную смету, и к словам: «на справедливое распределение налоговой тяготы, ныне неправильно возложенной на беднейшие классы населения», прибавить: «бережливое и целесообразное употребление народных средств».

Фон Рутцен находит, что в поправке Ковалевского желание думы осуществить свое бюджетное право выражено так ярко, что эти строки уже излишни.

М. М. Ковалевский настаивает на том, чтобы его поправка, как принятая уже думой, была целиком включена в адрес.

Посоветовавшись с членами комиссии, докладчик предлагает такую редакцию: «Рядом с этими мерами дума считает своей обязанностью обратить особое внимание на государственную роспись доходов и расходов, не подлежащую изменению со стороны учреждения, не представляющего собою массы плательщиков налогов, и на справедливое распределение налоговой тяготы, неправильно возложенной ныне на более бедные классы населения».

Фон-Рутцен поддерживает свою поправку и по отношению к новой редакции.

Петражицкий (Петербург) полагает, что следует сказать: «никакое новое бремя, никакой новый налог, никакая новая повинность не могут быть наложены без согласия думы».

Езерский (Пенз. г.) высказывается за исключение слов: «обратить особое внимание на государственную роспись».

Несогласен с редакцией комиссии и *Яснопольский* (Полт. г.). По его мнению, поправка Ковалевского должна быть вставлена в том месте, где говорится об основных законах, так как это один из драгоценных камней государственного строя.

Граф Гейден придерживается, напротив того, мнения, что к этому нет основания, так как все места в адресе одинаково важны.

Наконец, вносит поправку *А. Острогорский*, имеющую назначением устранить сделанные возражения. Он предлагает заменить вторые строки следующим: «Дума обратить особое внимание на справедливое распределение налоговой тяготы, возложенной ныне на более бедные классы населения, и на целесообразное употребление государственных средств».

Езерский и *фон-Рутцен* снимают свои поправки.

По вопросу о местном управлении вносятся поправки *Ярцевым* (Ряз. г.) и *Румянцевым*. Первая состоит в том, чтобы выбросить слова: «с привлечением к равному участию» и т. д. ввиду того, что это, по мнению Ярцева, вопрос спорный.

Поправка эта поддерживается и *кн. Волконским*.

Поправка *Румянцева* предлагает заменить слова: «не менее существенным законодательным трудом» и т. д. следующими строками: «наиболее существенным и неотложным законодательным трудом государственная дума должна признать коренное преобразование местного самоуправления на демократических началах, расширив пределы его ведения областью местного благосостояния и благочиния, восстановив ограниченные судебные уставы 20 ноября 1864 года в первоначальной чистоте и распространив и те и другие учреждения: самоуправление и суд — на всём пространстве Империи».

Румянцев, однако, на этой поправке не настаивает. Поправка *Ярцева* отвергается. Принимается текст комиссии.

По вопросу об удовлетворении требований отдельных национальностей вносит своеобразную поправку А. Концевич (Вол. г.). Она гласит: «Государственная дума озаботится о широком удовлетворении этих нужд, чтобы Россия, населённая многочисленными племенами и народностями, потеряла своё своеобразие и даже самое своё имя».

(*Смех на нескольких скамьях, молчание на других*).

Петражицкий предлагает в ответ на эту выходку призвать Концевича к порядку.

На вопрос председателя, признаёт ли дума эту поправку подлежащей обсуждению, раздаются со всех сторон голоса: «Нет! Нет!».

М. М. Ковалевский предлагает следующее дополнение: «Обновлённая Россия, построив свою жизнь на началах свободы и самоопределения, как для отдельных лиц, так и для целых национальных групп, сохранить подобающее ей место в ряду других великих держав. К главной своей заботе о независимости и целости Империи, в достигнутых ею пределах, она присоединит и попечение о сохранении права и справедливости в отношениях всех наций между собою и в особенности в их отношениях к славянству. Преследуемая Вами, Государь, задача обеспечения международного мира найдет возможность полного осуществления с того момента, когда в самой стране исчезнет прежняя рознь и прежнее недовольство, выход из которых правительство часто ищет в иноземных войнах». (*Аплодисменты*).

Докладчик высказывается против этой поправки, так как она затемнила бы и ослабила бы указания на вопиющие нужды.

То же мнение высказывают Галецкий (тр. гр., Арханг. губ.), кн. Шаховской (Яросл. губ.), Родачев (Твер. губ.), Шольп (Кіевск. губ.), Племянников (Самар. губ.), Шапошников (Курск. губ.) и Якушкин (Курск. губ.). За него только гр. Гейден и Астафьев (Нижег. губ.).

Голосованием дополнение отвергается.

Онацкий (Полт. губ.) желает, чтобы в адресе было сказано о желательности улучшения военного быта. В более определенной форме желание это выражает Жуковский (Гродн. губ.); он предлагает высказаться за улучшение положения солдат.

К этому присоединяется и Щепкин (Одесса). Он вносит следующее дополнение: «Памятуя о тяжком бремени, которое народ несет в армии и флоте Вашего Величества, государственная дума

озаботится внести начала справедливости и права в условия отбывания воинской повинности». (*Аплодисменты*).

Кузьмин-Караваев (Тверск. губ.) думает, что если дума примет это предложение, его нужно передать в комиссию, так как поправка Щепкина не достигает назначения и к вопросу нужно отнестись вообще с большой осторожностью.

Родачев (Тверск. губ.) считает это излишним, так как желание думы освободить и раскрепостить солдата сказалось уже в требовании ответственности военного министра.

Дума принимает предложение Кузьмина-Караваева о передаче поправки Щепкина в комиссию.

Миклашевский (Черн. губ.) предлагает после слов: «однако, уже первые дни свободы омрачились и т. д.» добавить: «дума находит, что виновники этих ужасов должны быть преданы суду».

Последняя часть проекта вносится комиссией в следующей, видоизмененной форме: «Ваше Императорское Величество! В преддверии всякой нашей работы стоит один вопрос, волнующий душу всего народа, волнующий нас, избранников народа, лишающий нас возможности спокойно приступить к первым шагам нашей законодательной деятельности. Первое слово, прозвучавшее в стенах государственной думы, встреченное кликами сочувствия всей думы, было слово — амнистия. Страна жаждет амнистии, распространенной на все предусмотренные уголовным законом деяния, вытекавшие из побуждений религиозных или политических, а также на все аграрные правонарушения. Есть требования народной совести, в которых нельзя отказывать, с исполнением которых нельзя медлить. Государь, дума ждет от Вас полной политической амнистии, как первого залога взаимного понимания и взаимного согласия между Царем и народом».

Червоненкис снимает предложенную было поправку. Заболотный просит только добавить: «и преступления против военной дисциплины».

Но *М. Стахович* (Орл. губ.) обрушивается на эту часть адреса громовой речью:

— Вчера меня упрекнули одновременно, — говорит он, — одни за то, что я говорил не за себя, а за славянофилов, а другие за то, что я говорил именно за себя, а не говорил за тех орловских крестьян, которые меня выбрали и сюда послали. По-моему, всякий, всходящий на эту кафедру, действительно, должен говорить на общую пользу, но от себя, т. е. по силе своего разума и в меру своей совести. Но я не решался всходить на эту кафедру, как несколько раз случалось, сам 250 000, сам 25 000 000 или, наконец, сам 120 000 000, как один из вчерашних ораторов по вопросу о политических правах женщин. Мне не по силам такая внушительность. Но раз это установлено, раз ко мне предъявляются такие запросы и упрёки, сегодня я просил слова и буду уже говорить от имени тех, которые меня избрали, и повторю те указания, те желания, которые они мне выразили.

Я оговорюсь, что живу в такой глухой и благоразумной местности, в которой теперь, несмотря на всё здесь говоримое, люди наверняка не бросили своей обычной жизни и занятий, не перестали метать пары, сеять гречиху и просо, и не ждут, затаив дыхание, будут ли женщины в Государственной думе, останется ли Государственный совет или нет. Но тогда, когда у нас были выборы, когда я уезжал, то, действительно, меня крестьяне напутствовали. Они поручали мне:

постарайтесь за нас добывать нам остальную волю, — это то, что мы здесь называем свободами и правом, — постарайтесь добиться наделения землёю как можно щедрее.

Я считаю, что эти желания совершенно справедливы; мы и должны по совести об этих желаниях здесь заявить и их отстаивать, что я в своё время и буду делать. Но, кроме того, они мне говорили то, о чём не говорили, по-видимому, в других губерниях и другим ораторам. Крестьяне совершенно определённо наказывали мне: не задевайте Царя, но помогите ему замирить землю, поддержите его.

Вот я слушаюсь этих указаний и не задеваю Царя. Я отстаивал замену таких выражений, как «требование», выражениями равнозначащими, но более приличествующими всем нам, верноподданным, и тому, к кому мы обращаемся. Как я вам уже сказал, у нас тихая страна, у нас нет никаких чрезвычайных, усиленных или военных положений. У нас были, как и всюду, аресты, но, слава Богу, не доходило до пролития крови. Но мы читаем газеты, встречаемся с людьми, мы от них слышали о тех ужасах, о тех жестокостях, которые происходили по России. Нам вчуже становилось отвратительно и жалко.

И я совершенно уверен, поэтому, что избиратели одобрят меня, когда узнают, что я тут подам голос за полную амнистию, решённую нами ещё 27 апреля. И тем больше я в это вдумываюсь, тем больше я убеждён в том, что Дума, как народное представительство, должна была высказаться и голосовать, как она голосовала, что только величавая мера, только огромный размах доверия и любви может выразить чувство великого народа. Первым словом своим Дума его выразила. Почин 27 апреля был знаком Думы, как представительницы всего народа.

Но, господа, я тоже понимаю, что почин — это ещё не всё. Я знаю, что жизнь человека растёт от питающих его корней духовных и умственных: веры, знаний, патриотизма и т. п. Но бывает, что, несмотря на крепкие корни, погибает пшеница от холодных зорь, от знойного ветра, от града, который выпал вместо ожидаемого дождя из-за какого-то далёкого леденящего слоя, который он встретил на пути. Так и жизнь человека может подчиняться внешним условиям, как бы высоко ни стояли его благородные чувства, и, несмотря на поддержку корней, он может, и не раз, падать до преступления. Я думаю, что земная жизнь не всегда идет вровень с духовным и умственным ростом людей. Я сказал раньше, что почин был нами сделан; но мы ведь знаем тоже, что кроме почина существует ответственность за последствия, и вся эта ответственность останется на Государе. Мы знаем, что если что произойдет, то вся ответственность, повторяю, остается на нем. Я на это указываю и считаю своим долгом напомнить, как эта ответственность велика.

Я обращаюсь к тем, которые вспомнят, что десять лет тому назад, в час помазания на царство Николая II, он в Успенском соборе, при открытых царских дверях, приносил Богу клятву и говорил: «Господи, Боже отцев и Царю царствующих! Настави, вразуми и управи мя в великом служении, мне предназначенном; да будет со мною приседящая престолу Твоему премудрость; посли ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима и что есть право по заповедем Твоим. Буди сердце мое в руку Твоею. Аминь».

Он не может забыть этой торжественной клятвы — «вся устрояти в польз врученных ему людей и к славе Божией, яко да и в день суда Его непостыдно воздаст Ему слово». (Чин действия Священного коронования, ст. 36, прим. 2).

Он знает, что здесь он безответственен, о чем мы вчера так усердно говорили по поводу подчинения себе министров, но он помнит, что если он безответственен, то это не снимает с души его ответа там, где не мы уже, а он один ответит Богу не только за всякого замученного в застенке, но и за всякого застреленного в переулке. Поэтому я понимаю, что он задумывается и не так стремительно, как мы, движимые одним великодушием, принимает свои решения. И еще понимаю, что надо помочь ему принять этот ответ.

Надо сказать ему, что прошлая вражда была ужасна таким бесправием и долгой жестокостью, что доводила людей до забвения закона, доводила совесть до забвения жалости. Надо сказать, что эта братоубийственная война, эта взаимность жестокости — вот основа для полной амнистии. Но цель амнистии — иная: это будущий мир в России. Надо непременно досказать, что в этом Государственная дума будет своему Государю порукой и опорой. С прошлым бесправием должно сгинуть преступление, как средство борьбы и спора. Больше никто не смеет тягаться кровью. Пусть отныне все живут, управляют и добиваются своего или общественного права не силой, а по закону — по обновленному русскому закону, в котором мы — участники и ревнители, и по старому закону Божию, который прогремел 4000 лет тому назад и сказал всем людям и навсегда: «Не убий!»

Поэтому я предлагаю: признавая полную амнистию по политическим преступлениям, совершенным до 27 апреля, актом милосердия к виновным, справедливости — для пострадавших невинно и актом политической мудрости, Государственная дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым Дума высказывает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства.

Дума заявляет, что она твердо и зорко будет стоять на страже прав народных и защитит неприкосновенность всех граждан от всякого произвола и насилия, откуда бы они ни исходили. (*Аплодисменты*).

Епископ бар. Ронн (Вил. губ.) присоединяется к Стаховичу и предлагает присоединить к словам об амнистии следующее:

«Признавая себя действительным посредником между Вашим Императорским Величеством и народом, дума вместе с тем торжественно обращается и к народу, требуя, чтобы среди него возвратилось опять уважение к жизни и собственности других граждан».

Ответ на это требование даёт *проф. Ломшаков* (Петр. губ.). «Я всхожу сюда не защитником убийства и смерти, — говорит он, — иначе я с восторгом не приветствовал бы раздавшегося здесь крика за отмену смертной казни, но я полагаю, что не нам здесь выносить какие бы то ни было приговоры и осуждения: это дело народной совести, дело единого суда — суда присяжных. Я полагаю, что мы сделали и по существу то обращение, тот акт, о котором говорит господин Стахович. Мы его сделали всем тем, что мы уже приняли сегодня. Я заявляю, что вся ответственность за все преступления, о которых здесь было сказано, лежит всецело и полностью на правительстве, преступно поправшем народную святыню — права человека и гражданина. Правительство, попирая эти священные для народа права, в то же время заграждало все пути без исключения для защиты этих прав. Правительство, обладавшее силой, назначенной для защиты граждан, употребляло эту силу для насилия, истязания и, — скажу, — распятия граждан. Те, кто совершали преступления перед народом, те, кто должны были предстать перед судом народной

совести, не только не отдавались на суд её, но получают и получали награждения, получали восхваления, а народная совесть терзалась и искала выхода, и оставленная правительством лазейка, сопряжённая с неизбежной потерей для тех, кто шёл по этому пути своей жизни, представляла единственный выход многим пламенным людям, пламеневшим любовью к родине, выступавшим на защиту попранных народных прав. Я полагаю, что единственный путь к прекращению того, чего мы, действительно, так жаждем, единственный путь возобновления мира в нашей стране — это санкция того, что мы сегодня постановили, что мы сегодня единодушно примем».

Ломшакова сменяет *Родичев* и в бурной, страстной речи, совершенно захватывающей слушателей, разбивает все доводы Стаховича.

«Я с увлечением слушал прекрасные слова депутата от Орловской губ. Стаховича, — говорит Родичев, — и вполне понимаю этот душевный порыв, который внушил ему благородные слова любви. Но с политическим заключением этого душевного порыва я согласиться не могу. Если бы здесь была кафедра проповедника, если бы это была церковная кафедра, то тогда, конечно, мог бы и должен бы раздаваться призыв такого рода, как мы услышали здесь; но мы — законодатели, господа. Встречаясь с фактом ежедневных убийств с той или другой стороны, мы должны поставить себе вопрос: наше ли дело выносить нравственное осуждение поступков? Наше дело — указать, почему такие явления делаются возможными. Ведь здесь говорилось о преступлении, господа. Да ведь у нас были казни: несчастье наше состоит в том, что казни у нас были, а осуждения или суда не было. И когда мы дошли до того, что русское народное представительство приглашают выразить осуждение убийству, мы задаём себе вопрос: не пригласят ли нас завтра выражать осуждение казнокрадству? Много есть дурных вещей, которые следует осуждать, но не здесь этому осуждению место. Мы осуждаем те порядки, когда людей казнят без суда. Если бы этот режим, в борьбе с которым совершено преступление, держался не на расправе, а на осуждении; если бы он верил в свою правоту, он призвал бы преступников на суд присяжных. И неужели же вы думаете, что преступлениям, совершённым даже по мотивам благородным, вынесено было бы оттуда всепрощение? Суд присяжных строг, это — строгий суд, но ни одно из преступлений, о которых мы здесь говорим, ни одно из них не судилось судом присяжных. И поэтому, если бы они, убийцы, были осуждены по первому убийству судом присяжных, если бы страна знала, что против насилия есть правда, царствующая в судах наших, если бы мы знали, что властвующий не может быть закрыт покровом суда, если бы в наших судах не зажимали рта обличителям неправды, то разве было бы то положение, при котором это осуждение преступлений должно раздаваться отсюда! Этого мы никогда не должны забывать, мы должны помнить, мы должны сказать всем: если вы хотите бороться с преступлением, оно должно быть осуждено! С преступлениями борются, восстанавливая справедливость, а не охраняя авторитет власти, как бы сама власть преступна ни была, — а вы, в течение многих лет, присутствовали при каких зрелищах?! Вся страна знала, что из Петербурга раздаются приказы производить погромы мирных жителей (*продолжительные аплодисменты*) и тогда, когда судят потерпевших, то с председательского места в судах раздавались слова: «вопрос о действиях виновников, истинных виновников этого, поставлен не будет!». (*Аплодисменты*).

Я здесь не хочу вспоминать те имена разных губернаторов, которые провозглашать на суде нельзя было, и о действиях которых ставить вопрос запрещалось. Я не хочу упоминать о тех министрах юстиции, которые предписывали закрывать двери суда! Это они посеяли убийства и преступления в России. (*Аплодисменты*). Это они облили кровью страну, ибо та власть, которая

нарушает правосудие, та власть, которая в уста судьи влагает ложь, та власть — сеятельница и деятельница преступлений! (*Аплодисменты*).

И вы справитесь с этими преступлениями в тот день, когда мы все скажем: «в России есть суд!» В тот день, когда вы будете знать, что нет убийств, которые не раскроются. А сейчас мы этого не знаем. Этот день настанет тогда, когда мы узнаем, что нет преступников, которые не будут обличены. А в настоящее время что мы видим?! Мы каждый день читаем о преступлениях, совершаемых должностными лицами, стоящими на самых высоких ступенях, и где же они призваны были к ответу?! Лица, опозоренные в глазах всех, они держали в руках своих кормило власти! (*Аплодисменты*). Орловский депутат лучше всех поймет, про кого я говорю! (*Аплодисменты*).

Мы, господа, не посредники между Государем и народом, мы представители народа! Перед Государем в нашем лице народ стоит. И наша обязанность помочь ему в том подвиге любви, в который верит орловский депутат. В этом помочь мы ему должны, но прежде всего мы должны для этого раскрыть ему глаза и заявить правду, как бы она ни была тяжка. Мы должны сказать во всей наготе: в России нет правосудия, в России закон обратился в насмешку! В России нет правды! Россия в этот год пережила то, что она не переживала со времен Батыя! Этому должен быть положен конец. Когда дружными усилиями вместе с народным представительством власть добросовестно возьмется за утверждение в стране правды, — поверьте, прекратятся эти убийства, и лица, которые в настоящее время наполняют тюрьмы, дадут вам целую толпу деятелей самоотверженных, потому что туда их привело самоотвержение, то самоотвержение, которого нет в рядах истязателей! (*Аплодисменты*). В настоящее время в рядах властителей самоотверженных правдивых людей мы встречаем только как исключение… (*Голос: Совершенно нет!*). Во всяком случае не в их руках власть и не их голос раздается властно. И вот этот голос, этот змеиный шип, который затащил Россию, шепча в ухо Царя, затащил её и бросил на далёкие поля Маньчжурии, которые никому не нужны, кроме обкрадывателей казны и русского народа, этот шип, который покрыл всю русскую страну кровью, как старая колдунья, которая летала над страной, и всюду, где капал с неё кровавый пот, возникали тьма, преступления, казни и чума, и смерть… — это он поставил Россию в это положение! Если вы хотите искать виновников — там они. И их власти должен быть положен конец. Народ открывает Царю свои объятья (*аплодисменты*), но открывает для борьбы с неправдой, со злом, слишком долго царившим, и нам нужно много труда и усилий для того, чтобы стереть с нашей души ту горечь, которая в ней годами накопилась и отвердела. В настоящее время для Верховной власти лучшая минута — взять в руки судьбы истории и вместе с русским народом положить начало обновления. Но когда настал этот торжественный, единственный в жизни Царя миг, что мы видим оттуда, откуда должны раздаваться советы Царю идти рука об руку с народными представителями?! До нас доносились ли слухи о готовности работать на обновление России? Мы слышали ли подобные заявления? Нет — мы их не слышали. Мы — народное представительство, мы не исповедуемся перед властью, а мы говорим: таковы условия вашей деятельности. На общую работу, на утверждение прав справедливости и свободы мы положим все наши силы. Но мы их положим и на борьбу с торжествующим до сих пор насилием! (*Взрыв аплодисментов*). И других слов мы сказать не должны. Я думаю, господа, что не время делать нравственное осуждение; наше дело — указывать на политические условия данного времени, и в нашем адресе эти указания сделаны. Рано указывать на торжество благоволения. Будем верить, что настанет это время. Теперь оно ещё не настало. (*Аплодисменты*). Настанет ли оно — это не в нашей власти, но, сделав то заявление, которое мы делаем, мы с себя сложили ответственность. С той минуты, когда наше

заявление передано Верховной власти, мы неповинны за кровь, за слёзы, за преступления. Пусть Верховная власть решает, продолжаться ли старым насилиям, которые ведут к борьбе, или воцариться царству правды и свободы. Мы только за это царство будем работать и только этому царству присягаем и останемся верны! (*Бурные аплодисменты*).

Шраг (Черниговская губ.). Не в этих стенах должно раздаваться слово осуждения тем, которые не жалели своей жизни, которые не жалели себя для того, чтобы добиться той дорогой всем нам свободы, в даровании которой им принадлежит громадная, выдающаяся роль. Здесь говорили о том, что те, которые решились на эти убийства, — жертвы того ужаса, который переживали мы и который переживали они вместе с нами. Я скажу больше — жертвы невольные, жертвы, которые, идя на то, что с формальной стороны называется преступлением, быть может, мучились, страдали, ибо им, по их взглядам и убеждениям, противны все насилия, противно посягательство на жизнь человека. Припомните, господа, время, когда всё это совершалось! Россия, залитая кровью, Россия в руках лиц, которые ни перед чем не останавливались — не для того, чтобы спасти, нет, — для того, чтобы удержать свою власть. Люди, которые истязали граждан, которые не останавливались ни перед чем, которые против безоружных людей пускали в ход пушки и пулемёты, для которых казацкая нагайка была одним из способов усмирения, самым обыденным, которые возродили в нашей памяти то, что передают о татарском нашествии, которые брали на аркан людей и на арканах волокли за лошадьми… Мы слышали, господа, от теоретика и практика усмирения Дубасова, когда он выезжал из Черниговской губернии, который обещал крестьянам, что если они будут вести себя скверно, он к ним вернётся с артиллерией, уничтожить их жилища, сжечь их имущества. Никто не будет отрицать того, что Россия обратилась в землю бессудную. Мы присутствовали при ужасном союзе произвола с той властью, которую мы привыкли уважать и которой привыкли верить. Этот союз ставил в беззащитное положение людей. Мы знаем о карательных экспедициях, о расстрелах без суда, о приговорах к смертной казни по суду, — всё это производилось под покровом штыков в уверенности полной безнаказанности. И эта уверенность была справедлива. Мы знаем, господа, как к погромщикам отнёсся сенат. Неужели вы считаете себя в праве сказать, что живёте в стране правосудия? (*Аплодисменты*). Те, которые не вынесли всего ужаса положения, шли и допускали самоохрану, те, господа, не были ограждены штыками, те не рассчитывали на то, что за убийство получать награду и повышение в чинах, — нет, они шли на верную смерть, и многие из них погибли, масса из них была осуждена на смертную казнь, а многие из них ещё ждут смертного приговора. Неужели вы теперь произнесёте им смертный приговор? Эти люди жертвовали всем. Неужели вы вынесете осуждение тем, многие из которых уже сделались народными героями, многие из которых являются в мнении народном жертвами за его свободу и являются великими страдальцами? Нет, господа, я верю в то, что вы не присоединитесь к поправке, внесённой членом думы Стаховичем, несмотря на всё его красноречие, и она будет вами отвергнута. (*Аплодисменты*).

Стахович снова пытается отстоять свою точку зрения, но уже без надежды на успех и сочувствие. Он не отвергает того, что слышал в опровержение своих слов. «Это, — признаётся он, — в большинстве случаев совершенная правда, и я готов был бы сам её подтвердить, если бы она не излагалась с таким пристрастием». Но, по его мнению, мало говорить о прошлом, а нужно также подумать и о будущем, и из того, что никто из возражавших ему не говорил об этом, Стахович делает вывод, что против его требования ничего сказать нельзя.

«Я понимаю, что первым делом, первым словом думы были страдания и интересы тех тысяч, которые сидят по тюрьмам. Я понимаю, что потом мы по 12 часов в день разбирали, перечисляли

разные крупные нужды, наболевшие раны, свежие в памяти народной. Но мы дали всему этому преимущество очереди вовсе не потому, что политика знает один холодный разум и не хочет знать чувства. Нет, гг. народные представители, плохими мы станем законодателями, если поторопимся оговорить, что из наших законов и с этой кафедры исключаем совесть и справедливость… Мой почтенный оппонент первый сам и с этого же места взывал к делу любви и сострадания и по этому вопросу со свойственным ему талантом и красноречием убеждал, чтоб ему лишь поверили. По-видимому, мы поверили, если голосовали единогласно и эти важные слова написали в своём адресе. Мы говорим в нём о народной совести и о сострадании к преступившим закон. После этого я вправе заговорить о погибающих от этих преступлений. Я вовсе не собирался петь дифирамбы мучителям. Тут было сказано, что одних казней было девяносто с чем-то. Это ужасно, и мы о смертной казни сказали. Теперь я напоминаю, что кроме того за 3 месяца было убито 288 и ранено 383 русских гражданина и что из этих 671 — 13 приходится на высших чиновников, может быть, и виновных во всех ужасах, о которых теперь говорилось, а 658 городовых, кучеров, сторожей наверняка не были в этом виноваты»!

Стахович напоминает, что ждать смерти ужаснее, чем идти на штурм, что идущие на этот подвиг — герои.

«И я не имею права вспомнить здесь об этих лицах? — восклицает он в заключение. — Мы не должны высказать требования, чтоб этого больше не было, не должны осуждать поступка? Нет, я уверен, что как бы ни было ничтожно число членов думы, которые здесь со мной согласятся, я уверен, что огромное число русского народа скажет, что пора осудить политические покушения. Русский народ скажет, что в будущей России нет места для проповеди насилий и убийства, нет культа, требующего живых жертв. Русский народ скажет, что это не борьба, что это не служение его благу, это — душегубство, а он его не хочет».

Предложенная Стаховичем поправка была отвергнута огромным большинством голосов. Граф Гейден требует поименного голосования, но сам Стахович находит, что оно потребовало бы слишком много времени. Председатель указывает на возможность при непоименных голосованиях подавать в случае несогласия с большинством отдельные мнения, как это допускается статутом германского рейхстага. На этом и останавливаются. Предложение же графа Гейдена, равно как и поправка епископа бар. Роппа, отвергаются. Отвергается, наконец, и предложение Бочарова (Тамб. г.) закончить словами: «Народные представители свидетельствуют Вашему Императорскому Величеству свою верноподданническую преданность».

Отвергается после заявления докладчика, что дума, обращаясь к Монарху, является перед ним высшим законодательным учреждением, а не собранием верноподданных. Заявление это депутаты приветствуют бурными аплодисментами.

В заключение дума заслушивает первый запрос, внесённый тридцатью депутатами, и в час ночи это длившееся три дня заседание закрывается. Но дума не хочет медлить с адресом, и следующее заседание для окончательного его рассмотрения назначается через час.

5-е заседание

5-го мая.

В 2½ часа ночи, по открытии заседания, Набоков прочитывает проект адреса в окончательной редакции со всеми принятыми думой поправками. Он гласит:

Ваше Императорское Величество.

Вашему Величеству благоугодно было в речи, обращённой к представителям народа, заявить о решимости Вашей охранять непоколебимыми установления, коими народ призван осуществлять законодательную власть в единении со своим Монархом. Государственная дума видит в этом торжественном обещании Монарха, данном народу, прочный залог укрепления и дальнейшего развития порядка законодательства, соответствующего строго конституционным началам. Государственная дума со своей стороны приложит усилия к усовершенствованию начал народного представительства и внесёт на утверждение Вашего Величества закон о народном представительстве, основанный, согласно единодушно проявляющейся воле народа, на началах всеобщего избирательного права.

Призыв Вашего Императорского Величества к сплочению в работе на пользу родины находит живой отклик в сердцах всех членов государственной думы. Государственная дума, имея в своём составе представителей всех классов и всех народностей, населяющих Россию, объединена общим горячим стремлением обновить Россию и создать в ней государственный порядок, основанный на мирном сожитии всех классов и народностей и на прочных устоях гражданской свободы.

Но Государственная дума приемлет долг указать, что условия, в которых живёт страна, делают невозможной истинно плодотворную работу, направленную к возрождению лучших сил страны.

Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является самовластие чиновников, отделяющих Царя от народа. И, охваченная единодушным порывом, страна громко заявила, что обновление жизни возможно лишь на основе свободы, самодеятельности и участия самого народа в осуществлении власти законодательной и в контроле над властью исполнительною. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было в манифесте 17 октября 1905 г. возвестить с высоты Престола твёрдую решимость положить эти именно начала в основу дальнейшего устроения судеб земли русской. И весь народ единодушным кликом восторга встретил эту весть.

Однако уже первые дни свободы омрачились тяжёлыми испытаниями, в которые ввергли страну те, кто, всё ещё преграждая народу путь к Царю и попирая все основы Высочайшего манифеста 17 октября, покрыли страну позором бессудных казней, погромов, расстрелов и заточений.

И след от этих действий администрации за последние месяцы так глубоко осел в душе народа, что никакое умиротворение страны невозможно дотоле, доколе не станет ясно народу, что отныне не дано властям творить насилия, прикрываясь именем Вашего Императорского Величества, доколе все министры не будут ответственны перед народным представительством и сообразно с этим не будет обновлена администрация на всех ступенях государственной службы.

Государь, только перенесение ответственности перед народом на министерство может укоренить в умах мысль о полной безответственности Монарха; только министерство, пользующееся доверием большинства думы, может укрепить доверие к правительству, и лишь при таком доверии возможна спокойная и правильная работа Государственной думы. Но прежде всего

необходимо освободить Россию от действия тех чрезвычайных законов — усиленной и чрезвычайной охраны и военного положения, под прикрытием которых особенно развилось и продолжает проявляться самовластие безответственных чиновников.

Рядом с укоренением начала ответственности администрации перед избранниками народа, для плодотворной деятельности Государственной думы необходимо определённое проведение основного начала истинного народного представительства, состоящего в том, что только единение Монарха с народом является источником законодательной власти. Поэтому все средостения между Верховною властью и народом должны быть устранены. Не может также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народного представительства в единении с Монархом. Государственная дума считает долгом совести заявить Вашему Императорскому Величеству от имени народа, что весь народ только тогда с истинною силою и воодушевлением, с истинною верою в близкое преуспеяние родины будет выполнять творческое дело обновления жизни, когда между ним и Престолом не будет стоять Государственный совет, составленный из назначенных сановников и выборных от высших классов населения, *когда установление и взимание налогов и податей будет подчинено воли народного представительства* *) и когда никакими особыми узаконениями не будет положен предел законодательной компетенции народного представительства. *Государственная дума считает также несовместным с жизненными интересами народа, чтобы какой-либо законопроект, налагающий денежные тягости на население, раз он принят думой, подлежал изменению со стороны учреждения, не представляющего собою масс плательщиков налогов.*

В области предстоящей законодательной деятельности государственная дума, исполняя долг, определенно возложенный на нее народом, почитает неотложно необходимым обеспечить страну точным законом о неприкосновенности личности, свободе совести, свободе слова и печати, свободе союзов, собраний и стачек, — убежденная в том, что без точного установления и строгого проведения этих начал, заложенных уже в манифесте 17 октября, никакая реформа общественных отношений не осуществима. *Дума считает также необходимым обеспечить за гражданами право обращаться с петициями к народному представительству.*

Государственная дума исходит далее из непреклонного убеждения, что ни свобода, ни порядок, основанный на праве, не могут быть прочно укреплены без установления общего начала равенства всех без исключения граждан перед законом. И потому государственная дума выработает закон о полном уравнении в правах всех граждан, с отменою всех ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью, религией или полом. Стремясь к освобождению страны от связывающих ее пут административной опеки и предоставляя ограничение свободы граждан единственно лишь независимой судебной власти, государственная дума считает, однако, недопустимым применение даже и по судебному приговору наказания смертью. Смертная казнь никогда и ни при каких условиях не может быть назначаема. Государственная дума считает себя в праве заявить, что она явится выразительницей единодушного стремления всего населения в тот день, когда постановит закон об отмене смертной казни навсегда. *В предвидении этого закона страна ждет приостановления ныне же Вашею, Государь, властью исполнения всех смертных приговоров.*

Выяснение нужд сельского населения и принятие соответствующих законодательных мер составит ближайшую задачу государственной думы. Наиболее многочисленная часть населения

страны — трудовое крестьянство — с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих.

Государственная дума считает также необходимым выработать законы, утверждающие равноправие крестьян и снимающие с них гнет произвола и опеки. Государственная дума признает столь же неотложным удовлетворение нужд рабочего класса *путем законодательных мер, направленных к охране наемного труда*. Первым шагом на этом пути должно явиться обеспечение наемным рабочим во всех отраслях труда свободы организации и самодеятельности для поднятия своего материального и духовного благосостояния.

*) Курсивом напечатаны те поправки, которые сделаны думой к первоначальному проекту комиссии.

Государственная дума сочтёт также долгом употребить все усилия для поднятия народного просвещения и прежде всего озаботиться выработкой закона о всеобщем бесплатном обучении.

Рядом с этими мерами дума обратит особое внимание на справедливое распределение налоговой тяготы, неправильно лежащей ныне на более бедных классах населения, и на целесообразное употребление государственных средств.

Не менее существенным законодательным трудом явится коренное преобразование местного управления и самоуправления, с привлечением к равному участию в последнем всего населения на началах всеобщего избирательного права. *Памятуя о тяжком бремени, которое народ несёт в армии и флоте Вашего Величества, государственная дума озаботится укреплением в армии и флоте начал справедливости и права.*

Государственная дума считает, наконец, необходимым указать в числе неотложных задач своих и разрешение вопроса об удовлетворении давно назревших требований отдельных национальностей. Россия представляет государство, населённое многоразличными племенами и народностями. Духовное объединение всех этих племён и народностей возможно только при удовлетворении потребности каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта. Государственная дума озаботится широким удовлетворением этих справедливых нужд.

Ваше Императорское Величество! В преддверии всякой нашей работы стоит один вопрос, волнующий душу всего народа, волнующий нас, избранников народа, лишающий нас возможности спокойно приступить к первым шагам нашей законодательной деятельности. Первое слово, прозвучавшее в стенах государственной думы, встреченное кликами сочувствия всей думы, было слово — амнистия. *Страна жаждет амнистии, распространённой на все, предусмотренные уголовным законом, деяния, вытекавшие из побуждений религиозных или политических, а также на все аграрные правонарушения.*

Есть требования народной совести, в которых нельзя отказывать, с исполнением которых нельзя медлить. Государь! Дума ждёт от Вас полной политической амнистии, как первого залога взаимного понимания и взаимного согласия между Царём и народом.

Петражицкий (С.-Петербург). Я понимаю, что все до крайности изнурены тяжёлым самоотверженным трудом сегодняшнего и вчерашнего дня. Поэтому я не буду злоупотреблять вниманием и здоровьем присутствующих, но всё-таки считаю долгом сказать несколько слов по поводу 3-го чтения проекта ответного адреса на тронную речь.

Мы видели, что при первом и втором чтении были разные разногласия и споры; мы были в области обмена мнений между собой. В третьем чтении, я надеюсь, мы будем солидарны и единодушны, как один человек. Мы вступаем здесь во внешние отношения: мы обращаемся к Верховной власти со словом убеждения, тем более убедительным, чем более оно единодушно; мы обращаемся со словами внушения к правительству, тем более внушительными, чем более они единодушны; мы обращаемся к стране, и наше слово будет тем лучшим отражением стихийных течений в народе и возбудит тем большее уважение и тем больший отклик найдёт в сердцах, чем более мы будем единодушны.

Граф Гейден (Псковской губ.). Я и мои единомышленники, будучи вполне согласны с доводами предыдущего оратора о том, что крайне желательно единодушие, и будучи вообще во многом согласны с этим адресом, тем не менее не считаем себя вправе его поддерживать. Но, не желая нарушать единодушия, мы удаляемся из залы заседаний (граф Гейден, Стахович и другие, всего 7 членов, выходят) *).

*) 8 мая заявили о присоединении к мнению гр. Гейдена и др. еще 4 человека: Варун-Секрет, Ярцев, Демянович и еще один, подпись которого не разобрана.

В 3½ ч. ночи заседание закрывается.

Глава четвертая.

Форма представления ответного адреса. — Внесение аграрного законопроекта. — Правила о проверке полномочий. — Распределение по отделам.

6-е заседание

8-го мая.

Предполагалось представить ответный адрес Государю через посредство президиума, но это оказалось неосуществимым, так как на свое заявление об этом председатель государственной думы получил от председателя совета министров нижеследующий ответ:

«По Высочайшему повелению, имею честь уведомить вас, что Государю Императору благоугодно, чтобы ответный адрес государственной думы на приветственное слово Его Величества был послан вами Государю Императору при всеподданнейшей вашей записке».

Сообщение председателя об этом вызывает ряд заявлений крупного принципиального значения.

Новгородцев, к.-д. (Екатеринославская губ.). Господа, вопрос, который вытекает из сообщения председателя государственной думы, есть вопрос более тонкий, чем существенный. Я имею честь предложить вам от имени фракции народной свободы признать, что тот или другой способ представления нашего ответного адреса на тронную речь не имеет существенного значения и, признав это, перейти к очередным делам. Мы предлагаем следующую формулу перехода: «полагая, что значение ответного адреса на тронную речь заключается в его содержании, а не в способах его представления, государственная дума переходит к очередным делам». Я позволю себе прибавить к этому, что, когда мы избирали тот путь представления нашего адреса, на котором мы остановились, мы хотели найти форму, наиболее почетную по нашему представлению. Но оказалось, что для представления адреса, как со стороны государственного совета, так и со стороны государственной думы уже намечен другой путь, о котором мы не знали и который был предрешен заранее. Если с точки зрения этикета почетная форма представления ответа, нами избранная, оказалась излишней, то мы во всяком случае можем сказать, что со своей стороны мы сделали то, что должны были сделать. Эта форма может быть та или другая, но акт, который мы совершили, уже вписан неизгладимыми чертами на страницы истории. Это — великий исторический акт, ослабить или умалить который ничто не может, как ничто не может ослабить или умалить державные права и верховное значение того высокого учреждения, членами которого мы имеем честь и счастье состоять. (*Аплодисменты*).

Аладьин (Симбирская губ.). Господа народные представители! Есть моменты, в которые взять слово значит взять на себя громадную ответственность, когда слово является уже делом. Один из таких моментов мы переживаем теперь. Разумеется, трудно найти какие-нибудь конституционные правила для деятельности и жизни парламента, на которые можно было бы опереться и сказать: правила дают нам возможность настаивать на нашем требовании, чтобы воля народа была передана в той самой форме, в тех самых условиях, в каких желательно нам, представителям воли народа. Но если у нас нет ни одного конституционного правила, дающего нам это право, я думаю, что мы все-таки не лишены возможности оценить значение самого факта. Мы — представители первой русской думы; в первый раз русский народ после десятков лет страданий нашёл возможность собраться вместе и через своих лучших людей, а это не только моё мнение, но и мнение Верховной власти, через своих лучших людей так или иначе сформировать то, чем жил, живёт и хочет жить русский народ.

Вы знаете, что за последние годы в самых отдалённых уголках России под давлением взволновавшейся жизни собирались отдельные фракции русского народа, делали постановления, и когда эти постановления были выражены на бумаге чёрным по белому, и были избираемы депутации, почти всегда во всех условиях эти депутации имели возможность дойти до места, лично высказать то, чего хотят отдельные незначительные группы; эти группы, в большинстве случаев привилегированные, всегда выслушивались. Когда же теперь выступает на сцену не группа, а весь русский народ, выступает мирно, не думая пока выступать другим образом, горя желанием спасти страну от необходимости пройти по страшному пути испытаний революции, когда представители этого народа выразили после долгих и упорных прений друг с другом единодушное желание всей страны, я думаю, что у нас есть моральное право для того, чтобы быть принятыми, быть выслушанными без замедлений, хотя бы это и было вне правил этикета. Когда идёт вопрос о мелком этикете, с одной стороны, и о народе, который заявляет о своих нуждах, с другой стороны, то я знаю, куда нужно стать. Я думаю, что нужно смело заявить, что мы становимся на сторону

народа, и поэтому я, пользуясь данным случаем для того, чтобы с этой трибуны, слова с которой доносятся всюду и везде, будет ли это Верховная власть, или министерство, или администрация, или страна, чтобы с этой трибуны обратиться прежде всего к тем, которые меня послали сюда, и обратить внимание на серьёзность положения. Когда после речей, наконец, добрались до первого реального, действительного шага, когда можно было определённо выразить наши нужды, наши требования, в этот самый момент мы слышим, что наша депутация не принята. Я не хочу сказать, гг. народные представители, что на нашем пути воздвигнуто было то непреодолимое препятствие, которое лишает нас возможности продолжать нашу работу. Нет, я не придерживаюсь такого взгляда, я смотрю на это ясно и просто. Препятствие несомненно крупное, но недостаточное для того, чтобы остановить нас в нашей созидательной работе. Но, с другой стороны, я считаю своим долгом и обязанностью заявить тому народу, который послал меня сюда, что на первых же шагах нашей деятельности мы не встретили пока того внимания, которое мы должны были бы встретить в администрации. Я обращаюсь к народу и говорю: смотрите, ваши представители будут продолжать работать, но их работа будет такова, что они на каждом шагу будут встречать препятствия, о которые, может быть, разобьётся вся их энергия. (*Аплодисменты*).

М. Ковалевский (Харьковская губ.). Господа народные представители! Государственная дума поступила мудро, избравши самую почтительную форму для передачи Государю Императору адреса в ответ на его тронную речь. Это такая форма, которая была ещё недавно обычной в такой конституционной по форме стране, как Англия; там даже более торжественно обставлялось поднесение адреса: все члены палаты общин провожали своего председателя, т. е. спикера и канцлера, т. е. главу палаты лордов, лично до входа во дворец. Затем спикеру, вошедшему вместе с канцлером, предоставлялось обратить внимание короля на изложенные в адресе мысли и желания палаты общин. Но эта форма была признана излишне торжественной, отнимающей много времени и препятствующей нормальному течению парламентской жизни. И вот почему этот порядок был в последнее время заменён более обычной и простой формой; а именно, адрес в ответ на тронную речь вручается при посредстве двух лиц, принадлежащих к дворцовому ведомству, причём даётся предпочтение тем, которые в это время состоят членами палаты общин. Германский рейхстаг также остановился, подобно нам, на более торжественной форме вручения адреса. Но прусский обычай совершенно не тот, — прусский парламентский адрес не всегда подносится депутацией, содержание его обыкновенно сообщается письменно через посредство министерства. У нас практика представления адреса не успела ещё установиться, и будет ли наш адрес подан в той торжественной форме, которую мы сами избрали, или иным порядком, последствий для дел страны и интересов нашего народа этот выбор иметь не будет. Государь Император недавно назвал нас «лучшими людьми» — перевод англо-латинского термина meliores homines; но не только лучшие люди, а и просто порядочные люди всегда ставят себе за правило говорить правду. Мы правдиво, искренне и честно сказали Государю всё, что мы думаем о современном положении России, и какие пути мы считаем указанными обстоятельствами для восстановления внутреннего мира, спокойствия и благополучия. Очевидно, этого только и ждал Государь от таких советников, как мы. И я полагаю, что в избрании той формы передачи адреса, на которой он остановился, не заключается никакого, ни прямого, ни косвенного, порицания нашей деятельности.

Набоков (С.-Петербург). Мне остаётся очень мало прибавить к тому, что было сказано гг. Новгородцевым и Ковалевским. Я только должен остановиться на некоторых словах, на некоторых аргументах г. Аладьина. Прежде всего, я должен отклонить всякое сравнение нашей

депутации с теми депутациями, которые прежде являлись и, может быть, будут являться, с депутациями просящими, с депутациями ходатайствующими. У нас совершенно другое. Дума постановила известный адрес и немедленно же признала, что наиболее простым и наиболее быстрым способом доведения об этом до сведения Государя есть поручение, данное нашему бюро в лице председателя, его товарищей и т. д. Никакой депутации для этой цели мы не выбирали; избранный способ, к сожалению, оказался не наиболее быстрым и не наиболее простым. Если бы мы постановили так, то наша цель была бы обязательно достигнута. Надо ведь, в самом деле, господа, помнить, что мы имеем моральное право быть выслушанными, и мы его осуществляем. Если бы были поставлены препоны этому моральному праву, то я понимаю все то негодование и то моральное возмущение, которое могло бы охватить нас. Нам только говорят, что надо сделать это в известной форме, согласной с придворным этикетом. Я полагаю, что в спор с теми, которые в придворном этикете видят главный смысл нашего обращения, нам вступать не следует. Я полагаю, что в этом споре мы остаемся совершенно в стороне; мы признаем, что правила придворного этикета лучше известны тем, от которых это исходит, и мы в этом отношении держимся нашего коренного принципа, что нам важна суть, а не форма. Таким образом, я думаю, что нет никакой надобности придавать этому вопросу столь большое значение и чем скорей мы покончим с ним и перейдем к тому, что действительно является нашим моральным правом и нашей моральной обязанностью перед страною, а не перед Двором, тем лучше. Поэтому я очень настаиваю на том, чтобы присоединиться к той формуле, которая предложена, тем более, что другой формулы нет, и принять мотивированный переход к очередным делам, указав тем, что нам нужна сущность, а не форма. В том, что адрес дошел до сведения Монарха, теперь нет сомнения; я думаю, что происшедшее скорей говорит за это, чем против этого.

Предложенный проф. Новгородцевым переход к очередным делам принимается почти единогласно.

Секретарь сообщает о том, что от имени 38 членов думы поступила записка по аграрному вопросу:

Государственная дума в своем последнем заседании признала, что она «не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона» для удовлетворения острой земельной нужды трудового крестьянства «путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих».

Считая неотложно необходимым приступить теперь же к решению земельного вопроса, мы, нижеподписавшиеся, принадлежа к партии народной свободы, находим, что будущий законопроект должен взять за основу следующие положения:

1. Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян и других разрядов земледельцев, — государственными, удельными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями и путем обязательного отчуждения для той же цели, за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке, т. е. сообразно с нормальной для данной местности доходностью, при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой.

2. Отчуждаемые земли поступают в государственный земельный запас. Начала, на которых земли этого запаса подлежат передаче нуждающемуся в них населению, должны быть установлены сообразно с особенностями землевладения и землепользования в различных областях России.

Признавая руководящим началом земельной политики передачу земли в руки трудящихся, мы считаем, что приведенные положения могут быть развиты следующим образом:

I. — Право на расширение землепользования признать надлежит за малоземельными и безземельными земледельческими семьями, ведущими хозяйство на землях, как надельных, так и на принадлежащих им на праве частной собственности или арендованных. Там, где существует особый класс безземельных сельскохозяйственных рабочих, последние подлежат обеспечению землёй на тех же основаниях. Особыми правилами также должен быть определён отвод земли семьям, прекратившим хозяйство вследствие малоземелья, если они пожелают восстановить собственное хозяйство. Местным землеустроительным учреждениям должно быть предоставлено возбуждение вопросов об изменении круга лиц, подлежащих, сообразно с местными условиями, земельному обеспечению.

II. — Для каждой местности (губернии, района, уезда или части его) должен быть установлен нормальный размер земельного обеспечения, до которого, при имеющемся запасе земли и принимая в расчёт возможные добровольные выселения, должно быть доводимо количество земли у земледельческого населения. При этом является желательным доведение размеров обеспечения до потребительной нормы, т. е. до такого количества земли, которое, по местным условиям и принимая в расчёт прочные промысловые доходы, где таковые существуют, было бы достаточно для покрытия средних потребностей в продовольствии, жилище, одежде и для несения повинностей. Расчёт земельной нормы ведётся на едока.

III. — Обеспечению землёй в указанных размерах должны подлежать поэтому те земледельцы, которые или вовсе не имеют надельной или собственной земли, или имеют её меньше установленной для данной местности общей нормы.

IV. — Для образования государственного запаса, как уже сказано, кроме земель государственных, удельных, кабинетских, церковных, монастырских, должны поступить и земли, обязательно отчуждаемые из частного владения отдельных лиц и учреждений.

V. — При отчуждении частновладельческих земель надлежит установить следующие правила:

а) без всяких ограничений подлежат отчуждению все земли, обычно сдававшиеся до 1 января 1906 г. в аренду за деньги, из доли или за отработки, а также земли, обрабатывавшиеся преимущественно крестьянским инвентарём, и земли впустележащие, но признанные годными для обработки. Кроме того, для каждой местности закон должен определить высший размер землевладения при условии ведения собственного хозяйства (своим скотом и орудиями), т. е. определить, больше чего никто не может владеть землёй, и всё, что окажется больше этого размера, также подлежит отчуждению без каких-либо ограничений;

б) земля, не превышающая по площади установленного законом высшего размера на одного владельца и обрабатываемая его инвентарём, также должна подлежать обязательному отчуждению, если местное земледельческое население не может получить достаточного

обеспечения из других земель той же местности, или если отчуждение является необходимым для устранения вредной чрезполосицы и других существенных недостатков в расположении наделов и в составе их по угодьям;

в) не подлежат отчуждению:

1. небольшие участки, не превышающие трудовой нормы, определяемой по местным условиям;

2. городские выгонные земли, а равно земли, принадлежащие городам, местечкам, земствам, учебным и благотворительным учреждениям, поскольку они непосредственно служат для общественно-санитарных, учебных и т. п. целей.

3. Земли под усадьбами, садами, огородами (кроме отдаваемых в аренду), искусственными лесонасаждениями, виноградниками, хмельниками, питомниками и т. п., за исключением, однако, случаев, когда отчуждение этих земель необходимо для устранения вредной чрезполосицы.

4. Земли, на которых расположены фабрично-заводские или сельско-хозяйственные промышленные заведения, т. е. земли, для них технически необходимые, находящиеся под строениями, складами, сооружениями и пр. Но земельные угодья, обслуживающие хозяйственные потребности этих предприятий, должны подлежать отчуждению наравне с другими землями, лишь с установлением известного порядка и последовательности перехода их в государственный земельный запас.

5. Участки, которые центральным землеустроительным учреждением признано будет необходимым сохранить ввиду их исключительного характера и общеполезного значения.

VI — Земли из государственного земельного запаса передаются в долгосрочное пользование на срок, установленный подлежащими учреждениями, без права переуступки. За все земли, отводимые из государственного запаса, взимается плата, размер которой определяется соответственно доходности земель и сообразно с общим планом земельного обложения.

VII — Из государственного земельного запаса отводятся земли сначала местному малоземельному и безземельному населению, — закон определяет, что разумеется под местным населением. За удовлетворением потребности местного населения, остающиеся свободными земли государственного земельного запаса предназначаются для переселенцев, не получивших земельного обеспечения по месту прежнего жительства.

VIII — В местностях, изобилующих лесами, под земельное обеспечение земледельцев могут быть обращаемы леса, не имеющие защитного и водоохранного значения. Леса в прочих местностях не подлежат отчуждению и остаются в распоряжении государства в тех размерах, как это требуется нуждою населения в лесных материалах. Порядок снабжения населения лесными материалами из этих лесов определяется особыми правилами.

IX — Закон, установив общие основы земельной реформы, должен допускать со стороны местных учреждений представления о некотором видоизменении этих норм согласно с местными условиями, но с непременным сохранением самой основы реформы — прочного обеспечения землею земледельческого населения путём обязательного отчуждения.

X — Закон должен установить систему и порядок учреждений, центрального и местных, для подготовки и проведения земельной реформы. Учреждения эти должны немедленно приступить к собиранию и разработке необходимых материалов, имея в виду положения, нормы, установленные законом, и стоя в тесной связи с местным населением.

Мы предлагаем избрание комиссии из 33 членов для разработки и внесения в думу законопроекта по земельному делу и просим передать в эту комиссию, как материал, настоящую записку нашу.

Записка эта направляется к напечатанию.

Председатель прочитывает длинный ряд приветствий государственной думе, в том числе от петербургских мировых судей, в котором выражается надежда, что дума положит прочные основы конституционному строю в России и вместе с тем водворит правильное отправление правосудия, которое было почти невозможно, когда царили бесправие и насилие. Кроме того, поступили приветствия от самых разнообразных обществ, организаций и учреждений, начиная с многочисленных комитетов партии народной свободы и кончая группами ремесленников, крестьян, приказчиков. Очень велико число приветствий от городских дум.

Поступает на рассмотрение доклад комиссии 19-ти по вопросу о проверке прав депутатов. В докладе предлагается образовать для этой цели 11 отделов. В объяснение этой цифры докладчик Острогорский заявляет, что комиссия на основании практики разных парламентов полагала наиболее целесообразным включить в каждый отдел около 50 депутатов, а так как общее число депутатов в думе достигает 550, то и получится 11 отделов.

Предложения комиссии гласят:

«§ 1. Для проверки прав избранных членов Государственной думы члены разделяются по жребию на 11 отделов.

«§ 2. Для образования отделов члены бюро Государственной думы опускают в урну записки с именами всех членов данного состава думы, как присутствующих, так и отсутствующих, и, вынимая одну за другою, записки из урны, при участии особо приглашённых председателем членов думы, оглашают означенные в них имена, которые тотчас же вносятся в особый список в порядке оглашения. Лица, внесённые в список первыми, в числе, образующем одиннадцатую часть данного состава думы, зачисляются в первый отдел, следующие за ними в таком же числе — во второй отдел и т. д.

Лица, после того вступающие в состав думы, включаются в тот или другой отдел по жребию, вынимаемому в том же порядке дополнительно.

«§ 3. Отделы созываются по распоряжению председателя думы секретарём думы и открываются старейшим из наличных членов.

В первом собрании своём они избирают председателя и секретаря посредством записок, на каждую должность особо. В случае, если в первой подаче записок никто не получит абсолютного большинства, производится вторичное голосование, и получившие в оном наибольшее количество голосов считаются избранными.

«§ 4. Препровождённые губернаторами и градоначальниками выборные производства (п. 1 ст. XI указа 11 декабря 1905 г.) распределяются председателем думы между отделами её по алфавитному порядку губерний и городов, по возможности — в равном количестве.

§ 5. Для предварительного рассмотрения выборных производств учреждаются подлежащим отделом особые комиссии, в каждую из коих входит не менее пяти членов.

§ 6. Комиссии созываются и избирают председателя и секретаря в порядке, указанном в § 3.

§ 7. Если в целях выяснения обстоятельств, представляющих значение при проверке правильности выборов, рассматривающие выборное производство комиссии и отделы признают за необходимое выслушать личные объяснения должностных лиц или обозреть какие-либо документы или должностную переписку, то сообщают о сем председателю думы. Председатель думы, по содержанию такого сообщения, извещает подлежащего министра на предмет зависящих с его стороны распоряжений.

§ 8. Частные лица, показания которых представляются комиссии полезными, приглашаются в комиссию её председателем через посредство канцелярии думы.

§ 9. О заседаниях комиссии извещает член Государственной думы, права коего оспариваются или возбуждают сомнение. Он может представлять по возбуждённым вопросам свои объяснения; но голосование постановлений и заключений комиссии происходит не иначе, как в его отсутствии.

§ 10. О результатах проверки комиссии составляют письменные заключения. Для изготовления сих заключений, а равно для представления по оным объяснений как в отделах, так и в общем собрании думы, комиссии избирают докладчика в порядке, указанном в § 3.

§ 11. Заключения комиссий предварительно внесения в общее собрание думы оглашаются и обсуждаются в отделах. Отделам предоставляется исправлять и изменять заключения комиссий.

Избранные комиссиями докладчики утверждаются отделами. По неутверждённым заключениям комиссий докладчики избираются отделами.

§ 12. Все постановления отделов и комиссий принимаются абсолютным большинством голосов посредством закрытой баллотировки записками.

§ 13. Доклады о выборах, признанных отделами правильными, предлагаются на немедленное рассмотрение думы.

В рассмотрение же заключений об отмене выборов по неправильности их (ст. 48 учр. госуд. думы) Государственная дума входит не прежде, как по истечении трёх суток со времени представления членам думы печатных оттисков заключения.

§ 14. В случае усмотрения комиссией или отделом неправильностей, хотя и не влекущих, по их мнению, отмены выборов, отделы могут представлять на усмотрение думы о доведении через председателя оной об означенных неправильностях до сведения министра внутренних дел или министра юстиции для зависящих распоряжений.

§ 15. В случае обнаружения при рассмотрении выборного производства особо важных нарушений закона или злоупотреблений комиссии и отделы могут, приостановив окончательное

своё решение по такому производству, войти в думу с представлением об учреждении ею особой комиссии для расследования означенных нарушений или злоупотреблений. Баллотирую. Принимающие сидят, возражающие встают. Принято.

§ 16. Выбытие лица, права коего проверяются, из состава думы (ст. 17–19 учр. гос. думы) не служит основанием к прекращению производства о правильности выборов.

«§ 17. До постановления Государственной думой об отмене выборов по неправильности их избранные на тех выборах лица сохраняют право участия в заседаниях думы со всеми присвоенными члену думы правами; но в случае, означенном § 15, лицо, права коего проверяются, устраняется от участия в заявлениях, в статье 55 учр. Государственной думы показанных.

(§ 18). Никто из членов думы не включается в комиссию, рассматривающую выборное производство, относящееся до избирательного округа, от коего он избран, и не участвует в голосовании по вопросу о правильности выборов, на которых покоится его избрание».

«§ 18 (§ 19). Изложенные от § 1 по § 18 правила сохраняют свою силу впредь до издания закона Государственной думы на основании статьи 62 учреждения Государственной думы».

При обсуждении §§ 1, 2 и 3 принимаются без изменений. В § 4 гр. Гейден просит заменить слова «губернаторами и градоначальниками» более точным выражением, так как есть местности, где ни тех, ни других нет (напр. Обл. Войска Донского). Вследствие этого замечания слова эти, а равно и ссылка на пункт 1 ст. XI ук. 11 декабря вычеркиваются.

По предложению Миклашевского (Черн. губ.) выбрасываются первые четыре слова, и таким образом в окончательной редакции параграф этот принимает такой вид:

«§ 4. Выборные производства распределяются председателем думы между отделами её по алфавитному порядку губерний и городов, по возможности в равном количестве» *).

*) Изменение, принятое по предложению кн. Шаховского.

Последующие три параграфа (5, 6 и 7) принимаются без изменений. Муханов (Черн. г.) выражает опасение, что неуказание срока для предъявления спора относительно прав членов Гос. думы может повлечь к практическим неудобствам, и просит дополнить правила таким постановлением: «Не принимаются во внимание споры против правильности выборов и протесты кого-либо из членов Гос. думы, заявленные по истечении 15 дней со дня открытия думы по тем выборам, которые к означенному дню были закончены». Для всех же остальных первоначальных выборных производств предельный срок заявлений членов Государственной думы о неправильности их назначается в 15 дней для выборов, произведённых в Европейской России, и в 1 месяц для Сибири.

После объяснений докладчика Острогорского о нежелательности и неудобстве такого ограничения, заявляющего, что бесспорные выборы будут утверждаться в несколько часов, а для спорных 15-дневного срока мало, поправка Муханова отвергается. По поводу § 7 Брамсон (Ковенск. г.) высказывает заявление, что редакция его может возбудить предположение, что для получения нужных документов требуется согласие и комиссии, и отдела, что являлось бы лишним

затруднением, и предлагает заменить «и» словом «или». Заболотный находит, что следует дополнить текст параграфа фразой «членам думы, права которых оспариваются, предоставляется право представлять в комиссию важные, по их мнению, документы и просить расследования».

Обе поправки, однако, отвергаются.

В § 8 Езерский предлагает вставить слова «члены госуд. думы, эксперты», но и это предложение отклоняется. К § 9 делает поправку Заболотный; он предлагает после слов «свои объяснения» вставить следующие слова: «в комиссии, в отделах и в общем собрании гос. думы». Острогорский заявляет, что это разумеется само собой, и поправка отвергается. Из остальных параграфов возражения вызывают лишь § 11, в котором по предложению гр. Гейдена исключаются слова «оглашаются и», § 14, в котором заключительные слова: «об означенных неправильностях до сведения министра внутренних дел или министра юстиции для зависящих распоряжений», заменяются по предложению Дитца (тр. гр. Сарат. губ.) более общим выражением: «об означенных неправильностях до сведения подлежащего министра для зависящих распоряжений». И, наконец, § 17, который по предложению кн. Шаховского (Ярославск. губ.) разделяется на два параграфа (17 и 18, см. стр. 132).

Избрание членов отделов по жребию производится немедленно и результаты его оглашаются председателем. Оказывается, что на каждый отдел ввиду неполного состава думы приходится по 40 человек, и лишь в одном — 41.

На следующем же заседании утверждаются выборы по губерниям Архангельской, Воронежской, Ковенской, Минской, Орловской, Самарской, Тульской, Астраханской, г. Воронежу, Костромской, Могилёвской, Пермской, г. Саратову, Уральск. обл., городам Москве, Астрахани, Петроковской, Курляндской, Уфимской, Саратовской, Симбирской г., гор. Курску, Варшаве, Н. Новгороду, обл. Войска Донского, губ. Харьковской, Полтавской, Курской и Смоленской, г. Екатеринославу, губ. Херсонской, Келецкой, Виленской, Псковской, Ставропольской, Екатеринославской, Эстляндской, Новгородской, Радомской, Сувалкской, гор. Риге и Ровно, губ. Витебской, Седлецкой, Лифляндской, гор. Ростову-на-Дону, Нахичевани, Казани, Ярославлю, Одессе, губ. Вологодской, Калужской, Ломжинской, Оренбургской, Тверской, г. Петербургу, Люблинской, Калишской, гор. Туле и Петербургской губ. Всего утверждены 262 депутата.

Глава пятая.

Декларация правительства. — Вопрос об ответственности министров.

8-е заседание

13-го мая.

Об ответном адресе думы правительство высказалось только через восемь дней, в заседании 13 мая. Ожидание министерской декларации привлекло множество великосветской публики. Дипломатический корпус чуть не в полном составе.

Министерская ложа на этот раз полна министрами и его товарищами. И. Л. Горемыкин, бар. Фредерикс, В. Н. Коковцов, И. Г. Щегловитов, М. Н. Кауфман занимают места в первом ряду.

Стишинский приютился во втором ряду, где его меньше видно, рядом с Бирилевым, Редигером и товарищами министров. Переполнена также ложа членов госуд. совета. В сенаторской ложе сидит Д. О. Трепов. И. Л. Горемыкин всходит на трибуну, развертывает перед собою лист бумаги, надевает пенсне и приступает к чтению. В зале воцарилась напряжённая тишина. И. Л. Горемыкин читает спокойным, размеренным голосом, но руки его заметно дрожат, когда он посредине речи наливает себе в стакан воды и подносит его к губам. Наиболее важные мысли он подчёркивает громким ударением, особенно когда он говорит о недопустимости нарушения принципа частной собственности.

Правительственная декларация гласит:

«Совет министров, рассмотрев переданный ему Его Императорским Величеством адрес Государственной думы на приветственное слово, с коим Государю Императору благоугодно было обратиться к Государственному совету и к Государственной думе, принял во внимание, что высказанные в этом адресе пожелания и предположения касаются: одни — предметов законодательства, а другие — порядка государственного управления.

Полагая в основу своей деятельности соблюдение строгой законности и обсудив в связи с этим началом высказанные Государственной думой соображения, правительство выражает прежде всего готовность оказать полное содействие разработке тех вопросов, возбуждённых Государственной думой, которые не выходят из пределов предоставленного ей законодательного почина.

Такое содействие, вполне отвечающее обязанности правительства разъяснить Государственной думе свои взгляды по существу этих вопросов и отстаивать свои предположения по каждому из них, оно окажет и в вопросе об изменении избирательного права, хотя со своей стороны и не считает этого вопроса подлежащим немедленному обсуждению, так как Государственная дума только ещё приступает к своей законодательной деятельности, а потому и не успела выясниться потребность в изменении способа её составления.

С особым вниманием относится Совет министров к возбуждённым Государственной думой вопросам о незамедлительном удовлетворении насущных нужд сельского населения и издании закона, утверждающего равноправие крестьян с лицами прочих сословий, об удовлетворении нужд рабочего класса, о выработке закона о всеобщем начальном образовании, об изыскании возможных способов к большему привлечению к тягостям налогов более состоятельных слоёв населения и о преобразовании местного управления и самоуправления, с принятием в соображение особенностей окраин.

Не меньшее значение придаёт Совет министров и отмеченному Государственной думой вопросу об издании нового закона, обеспечивающего неприкосновенность личности, свободу совести, слова и печати, собраний и союзов; вместо действующих ныне временных правил, замена коих правилами постоянными, выработанными во вновь установленном законодательном порядке, предусмотрена была при самом их издании. При этом Совет министров почитает, однако, необходимым оговорить, что при выполнении этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть действительными способами к тому, чтобы и при действии законов, рассчитанных на мирное течение государственной жизни, правительство могло

предотвращать злоупотребления дарованными свободами и противодействовать посягательствам, угрожающим обществу и государству.

Относительно разрешения земельного крестьянского вопроса путём указанного Государственной думой обращения на этот предмет земель удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих, к которым принадлежат и земли крестьян-собственников, приобретших их покупкою, Совет министров считает своей обязанностью заявить, что разрешение этого вопроса на предложенных Государственной думой основаниях безусловно недопустимо. Государственная власть не может признавать права собственности на земли за одними и в то же время отнимать это право у других. Не может государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является во всём мире и на всех ступенях развития гражданской жизни краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, коренным устоем государственного бытия, без коего немыслимо и самое существование государства. Не вызывается предположенная мера и существом дела. При обширных и далеко неисчерпанных средствах, находящихся в распоряжении государства, и при широком применении всех законных к тому способов земельный вопрос, несомненно, может быть успешно разрешён без разложения самого основания нашей государственности и подтачивания жизненных сил нашего отечества.

Остальные, включённые в адрес Государственной думы, предположения законодательного свойства сводятся к установлению ответственности перед народным представительством министров, пользующихся доверием большинства дум, упразднению Государственного совета и устранению установленных особыми узаконениями пределов законодательной деятельности Государственной думы. На этих предположениях Совет министров не считает себя вправе останавливаться; они касаются коренного изменения основных государственных законов, не подлежащих по силе оных пересмотру по почину Государственной думы.

Наконец, что касается забот Государственной думы об укреплении в армии и флоте начал справедливости и права, то в этом отношении правительство заявляет, что в войсках Его Императорского Величества начала эти с давних пор установлены на незыблемых основаниях. Ныне же заботы Державного Вождя вооружённых сил Империи направлены, как это явствует из последних по сему предмету мероприятий, к улучшению материального быта всех чинов армии и флота. Изыскать средства, необходимые для более широкого осуществления этих мероприятий, составит одну из главных задач государственной власти и вновь установленных законодательных учреждений.

Обращаясь ко второй группе выраженных Государственной думой пожеланий — об устранении действия исключительных законов и произвола отдельных должностных лиц, — Совет министров находит, что они относятся всецело к области государственного управления. В этой области полномочия Государственной думы заключаются в праве запроса министрам и главноуправляющим отдельными частями по поводу незаконных действий, последовавших со стороны их самих или подведомственных им лиц и установлений. Независимо от сего водворение в нашем отечестве строгой законности на началах порядка и права составляет особую заботу

правительства, которое и не преминет зорко следить за тем, чтобы действия отдельных правительственных органов были постоянно проникнуты тем же стремлением.

Отмеченная Государственной думой неудовлетворительность исключительных законов, направленных к обеспечению порядка и спокойствия в случаях чрезвычайных, сознаётся и самим правительством. Разработка взамен их новых, более совершенных, производится в подлежащих ведомствах. Если, невзирая на неудовлетворительность этих законов, действие их за последнее время было, тем не менее, распространяемо на многие местности, то причина к тому коренится исключительно в непрекращающихся и поныне повседневных убийствах, грабежах и возмутительных насилиях. Основную обязанность государственной власти составляет охранение жизни и имущества мирных обывателей. Совет министров, в сознании всей тяжести лежащей на нём в сем отношении ответственности перед страной, заявляет, что, доколе указанные проявления охватившей страну смуты не прекратятся и в распоряжение правительственной власти не будут предоставлены вновь изданными законами действительные средства борьбы с беззаконием и нарушением основных начал общественной и личной безопасности, — правительство вынуждено и впредь ограждать её всеми существующими ныне законными способами.

Общая политическая амнистия, ходатайство о коей заявлено Государственной думой, заключает, с одной стороны, помилование приговорённых по суду, а с другой — освобождение от мер административного взыскания лиц, подвергнутых им в порядке положения об усиленной и чрезвычайной охране и военного положения. Помилование приговорённых по суду, какого бы свойства ни были совершённые ими преступные деяния, составляет прерогативу Верховной власти, от которой единственно и всецело зависит признать царскую милость к впавшим в преступления соответствующей общему благу. Совет министров, со своей стороны, находит, что этому благу не отвечало бы в настоящее смутное время помилование преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях.

Что же касается лиц, лишённых свободы в порядке административном, то Советом министров приняты меры к самому тщательному пересмотру состоявшихся в этом порядке постановлений для освобождения всех тех лиц, предоставление коим свободы не угрожает общественной безопасности, ежедневно нарушаемой преступными на неё посягательствами.

Независимо от приведённых выше соображений по содержанию адреса Государственной думы, Совет министров находит нужным ныне же наметить в общих чертах свои ближайшие предположения в области законодательства.

Сила русского государства зиждется прежде всего на силе его земледельческого населения. Благосостояние нашего отечества не достижимо, пока не обеспечены необходимые условия успеха и процветания земледельческого труда, который составляет основу всей нашей экономической жизни. Почитая поэтому крестьянский вопрос — ввиду его всеобъемлющего государственного значения — наиболее важным из подлежащих ныне разрешению, Совет министров признаёт, что в соответствии с этою важностью требуется и особая заботливость и осторожность в изыскании путей и способов для его разрешения. Осторожность в этом деле необходима и во избежание резких потрясений исторически своеобразно сложившегося крестьянского быта. Однако, по мнению Совета, последование нашего государственного строя, с предоставлением выборным от крестьянского населения участия в законодательной деятельности, предопределяет главные основания предстоящей крестьянской реформы. При этих условиях сословная обособленность

крестьян должна уступить место объединению их с другими сословиями в отношении гражданского правопорядка, управления и суда. Должны также отпасть все те ограничения права собственности на надельные земли, которые были установлены для обеспечения исправного погашения выкупного долга.

Уравнение крестьян в их гражданских и политических правах с прочими сословиями отнюдь не должно лишить государственную власть права и обязанности выказывать особую заботливость к нуждам земледельческого крестьянства. Мероприятия в этой области должны быть направлены как к улучшению условий крестьянского землепользования в его существующих границах, так и к увеличению площади землевладения малоземельной части населения за счёт свободных казённых земель и приобретением частновладельческих земель при содействии крестьянского поземельного банка.

Предстоящее в сем отношении для государства поле деятельности обширно и плодотворно. Подъём сельскохозяйственного промысла, находящегося ныне на весьма низкой ступени развития, увеличит размеры производства страны и тем возвысит уровень общего благосостояния. Громадные пространства пригодной для обработки земли ныне пустуют в азиатских владениях империи. Развитие переселенческого дела составит ввиду этого одну из первейших забот совета министров.

Сознавая неотложность поднятия умственного и нравственного уровня населения развитием его просвещения, правительство изготовляет соответствующие выраженным по сему предмету Государственной думой пожеланиям предположения о всеобщем начальном образовании с широким привлечением к делу народного обучения общественных сил. Озабочиваясь, кроме того, правильной постановкой среднего и высшего образования, совет министров внесёт в ближайшем будущем на рассмотрение Государственной думы проект преобразования средней школы, открывающего простор для общественного и частного в этой области почина, а равно проект реформы высших учебных заведений, построенной на началах самоуправления.

Проникнутый убеждением, что провозглашённое Государем Императором обновление нравственного облика земли русской немыслимо без водворения в стране истинных начал законности и порядка, совет министров выдвигает в первую же очередь вопрос о местном суде и устройстве его на таких основаниях, при коих достигалось бы приближение суда к населению, упрощение судебной организации, а также ускорение и удешевление судебного производства.

Одновременно с выработанным проектом местного судоустройства совет министров внесёт в Государственную думу проекты изменения действующих правил относительно гражданской и уголовной ответственности должностных лиц. Проекты эти исходят из той мысли, что сознание святости и нерушимости закона может укорениться в населении только наряду с уверенностью в невозможности безнаказанного нарушения закона не только со стороны обывателей, но и представителей власти.

Стремясь, затем, к достижению возможно полной уравнительности в деле распределения налогового бремени, совет министров предполагает внести на уважение (*так в тексте; возможно, должно быть – на рассмотрение*) законодательной власти проект о подоходном налоге, об изменении положения о пошлинах с наследств и о крепостных пошлинах и о пересмотре некоторых видов косвенных налогов.

Наконец, в ряду изготовленных законопроектов, совет министров считает нужным упомянуть ещё о проекте преобразования паспортного устава, предполагающего отмену нынешних паспортов и видов на жительство.

В заключение совет министров считает долгом заявить, что, сознавая первостепенное значение мер, направленных к обновлению нашего законодательства на началах Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г., правительство вместе с тем проникнуто убеждением, что могущество государства, его внешняя крепость и внутренняя сила неизменно покоятся на закономерной, но твёрдой и деятельной исполнительной власти. Подобную власть правительство намерено неуклонно проявлять в сознании лежащей на нём ответственности за сохранение общественного порядка перед Монархом и русским народом. Совет министров питает уверенность, что Государственная дума, в убеждении, что мирное преуспеяние Российского государства зависит от разумного сочетания свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой поможет ему внести столь необходимое для страны успокоение во все слои населения.

Чтение кончено, председатель совета неторопливо укладывает свои бумаги и сходит с трибуны при гробовом молчании.

Набоков (С.-Петербург), я думаю, что выражу общее настроение думы, если я скажу, что чувство, охватывающее нас, есть чувство глубокого разочарования и полной неудовлетворенности. Когда несколько недель тому назад прежний кабинет графа Витте подал в отставку, то такая отставка всего министерства, накануне открытия думы, не могла иметь иного объяснения, как только то, что отныне правительство решило стать на новую дорогу, что новые министры намерены вступить на конституционный путь. Оказывается, — мы ошиблись и вместе с нами ошиблось и общественное мнение, — мы не имеем и зачатков конституционного министерства, мы имеем все те же бюрократические лозунги и, вместе с тем, устраняется всякая надежда наша на то, чтобы это министерство могло осуществить те задачи, которые на него возложило народное представительство. Я здесь не буду рассматривать подробностей декларации. Председатель совета министров нашел возможным упоминать об амнистии и упоминать в категорически-отрицательном смысле. Мы не знаем, относить ли председатель совета министров вопрос об амнистии к вопросам законодательной деятельности или к вопросам государственного управления; мы относили его к прерогативам Верховной Власти, мы обратились к Верховной Власти и никакого посредствующего голоса между нами и Верховной Властью по вопросу об амнистии мы не допускаем — мы его отрицаем. (*Бурные аплодисменты*). Далее наше внимание останавливается на другом, не менее категорически-императивном заявлении председателя совета министров, и в той форме, в какой оно высказано, мы усматриваем прямой и решительный вызов народному представительству. (*Аплодисменты*). Когда нам, еще не выслушав и не познакомившись с нашими проектами и предположениями, познакомившись только с тем адресом, который, повторяю, мы обращали не к исполнительной власти, а только к Верховной, представитель исполнительной власти нам говорит, что разрешение вопросов на предположенных Государственной думой основаниях безусловно недопустимо, то мы в этом усматриваем прежний тон, от которого пора бы отвыкнуть и отказаться. Мы усматриваем в этом вызов и мы этот вызов принимаем, мы будем вносить наши законодательные предположения, мы признаем, что признанное нами начало единственно допустимо; мы прежде всего совершенно отрицаем, чтобы эти начала, как выразился председатель совета министров, заключали в себе разложение оснований государственности и подтачивание сил страны. Мы думаем, что вся страна с нами, когда

мы говорим, что та политика половинчатых уступок и недоговорённых слов, которых мы были до сих пор свидетелями, составляет разложение начал государственности и подточила уже народные силы. (*Аплодисменты*). Затем, господа, мы услышали, что те исключительные законы, под действием которых задыхается Россия, будут применяться и впредь, и что те лица, которые приняли на себя бремя управления государством, полагают, что на террор революционный надлежит отвечать террором правительственным, что, стало быть, та глубокая и прискорбная ошибка, которая проистекает из непонимания, что террор революционный рождается правительственным террором, продолжается и сулит России новые неисчислимые бедствия. Я дальше не буду рассматривать заявления председателя совета министров, я только подчеркну и отмечу тот конституционный абсурд, который создаётся теперешним положением вещей. Господин председатель совета министров приглашает думу к созидательной работе, но вместе с тем начинает с того, что одно из главных оснований работы признаёт недопустимым. Он категорически отказывает в поддержке наиболее законным требованиям народа. Какая при этих условиях возможна спокойная, согласная работа? Какое при этих условиях возможно приближение к тому обновлению России, о котором нам объявлялось с высоты престола?!

Мы полагаем, что выход из этого положения может быть только один: раз нас призывают к борьбе, раз нам говорят, что правительство является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то с точки зрения принципа народного представительства мы можем только сказать одно: «Исполнительная власть да покорится законодательной!» (*Продолжительные аплодисменты*).

Родичев (Тверская губ.). Господа, с тяжёлым чувством вхожу я по этим ступеням. Мы ещё помним ту надежду, ту веру, с которой население послало нас в думу. Мы ждали, что власть выйдет к нам навстречу, мы готовы были забыть прошлую деятельность людей, в руках которых была власть. Мы готовы были не вспоминать о том, что на пороге обновлённой России власть находится в руках лиц, работавших над угнетением страны. Сегодня наши надежды рушились. Нам заявлено, что мы подтачиваем жизненные основы страны; нам указаны рамки, в которых будут нас выслушивать и оказывать нам содействие представители твёрдой и деятельной исполнительной власти; нам заявлено, что вопрос об ответственности министерства в рамки нашей деятельности не входит, так как это вопрос основных законов. Нет, это не вопрос основных законов: не в законе должно быть написано, что министерство, не пользующееся доверием народных представителей, уходит от власти. (*Продолжительные аплодисменты*). Не в законе это должно быть внедрено, а в совести государственных лиц, принимающихся за обновление страны. И если в этой совести нет этого сознания — писать его в законе бесплодно. Нам сказано, что в совести нынешних государственных деятелей нашего правительства этого не написано. Мы это принимаем за вызов народу. (*Аплодисменты*). Итак, те лица, то министерство, которое считает себя безответственным перед народными представителями, оно обещает нам, что оно будет властью закономерной, твёрдой, деятельной. Закономерной!.. по какому закону? По закону, при котором сохраняется положение об усиленной охране, по закону, составляющему собой отмену всех действующих законов и предоставляющему власти полную разнузданность. (*Продолжительные аплодисменты*). Для тех людей, в сознании которых нет ответственности перед народом, нужны развязанные руки, и с этим законом, разрешающим всё, — только с ним они могут поддерживать порядок. Уместно будет, господа, припомнить вам завет одного из величайших государственных людей XIX столетия, освободителя Италии, Кавура. Он умирал среди страны, взволнованной и

смятенной не менее, чем Россия в настоящую минуту. И, умирая, он обратился к своему государю с просьбой, с предсмертной просьбой старого и верного слуги: «Только не вводите усиленной охраны, осадного положения; только не вводите его. Помните, что это губительное средство, годное для управления только безумцам». (*Оглушительные аплодисменты*). Это правило государственной мудрости забыто в настоящее время, напротив, нам объявляют, что беззаконие — охрана. Мы являемся перед правительством с заявлением: то горе, та кровь, которая льётся в стране, пролита теми, кто вверг страну в это потрясение, кто в течение долгого времени занимался угнетением, теми, кто отрицал право, кто отрицал равноправие, кто стоял на страже интересов классов высших и имущих. Для этого им нужно было то самое орудие, которым вы подточили благосостояние страны. В положении об усиленной охране и в практике старой политики угнетения — вот где корни революции. Мы пришли сюда для того, чтобы положить начало умиротворению страны. Для этого нам, прежде всего, нужны незыблемые основы права, права, обязательного для всех, права, перед которым, прежде всего, преклоняется власть. Из уст одного из вас (обращаясь к министерским скамьям) я слышал много лет тому назад, что заявление об ответственности власти перед законом есть хуже, чем бессмысленное мечтание, есть — глупость. В настоящее время я выслушал эту, сказанную мною когда-то будто бы глупость, — с этой кафедры, из уст представителя власти. Но когда нам говорят: мы будем соблюдать законы с тем, чтобы мы их могли нарушить в каждую данную минуту, я должен спросить вас: когда же в вас появилась готовность исполнять законы? Да и явилась ли она? Нам говорят, что в настоящее время власть, административная власть, пересмотрит списки лиц, которым может быть возвращена незаконно отнятая свобода, если только это освобождение не грозит опасностью. Господа! Старое правило — есть люди опасные, есть люди вредные — сохраняется. И это основы новой политики обновления! По-прежнему Россия будет разделена на людей угодных и неугодных. Неугодным — тюрьма, ссылка, разорение, угодным — мы знаем, что они делят между собой. (*Продолжительные аплодисменты*).

Мы вправе требовать, чтобы власть повинилась в этом надругательстве над правом отдельных лиц. Та власть, которая от этой расправы отказаться не может, та власть — деятели не обновления, а деятели разрушения страны. Нам объявили, что крестьянское равноправие составляет особую заботливость нынешнего правительства, личный состав которого до сих пор заботился о приближении крестьянского населения к попечительной власти. В настоящее время вместо попечительства власти, совместно с телесными наказаниями, с поркой, деятели которой ещё не подверглись ответственности, а награждены, — вместо этого попечительства, господа, русским крестьянам будет особая заботливость. (*Смех, аплодисменты*).

Тем, кто требуют земельной реформы, требуют, чтобы право собственности было перестроено и утверждено на незыблемых началах справедливости, тем наши будущие заботники, до сих пор попечители, читают урок о необходимости сохранения права собственности. Народное представительство отлично знает, что право собственности должно быть внедрено в сознании народа и что оно внедряется законом, осуществляющим в своих нормах правосознание народа. Тот же закон, который противится правосознанию народа, является высшей несправедливостью и высшим насилием. Мы, господа, вправе требовать, чтобы вопросы права решались народным представительством, чтобы народное представительство от тех лиц, от той власти, которая боится ответственности, не получало бы уроков и наставлений. Мы идём, чтобы обновить Россию, мы идём, чтобы замирить её, мы говорим: опасность велика, страна потрясена и ждёт немедленно

покончить со старыми порядками насилия. Но вместо сотрудничества мы встречаем со стороны власти отпор, напоминание о границах, в которых страна должна быть обновлена и в которых всё должно остаться в старом оцепенении, со старым бесправием. Мы не остановимся перед нашей задачей, мы видим, откуда идёт вызов стране, мы видим, где куётся революция. Для нас глаза раскрылись, они раскроются и для русского народа, и я думаю, каковы бы ни были воззрения обладателей власти, если есть у них та государственная совесть, которая гласит, что без народа можно порабощать народ, без народа можно совершать над ним насилия — вы это пробовали до сих пор делать, и вы разорили страну, — но, господа, освобождать народ и обновлять страну можно только в союзе со страной. Министерство, обновляющее страну, должно идти в согласии с народным представительством… Министры, совесть ваша должна вам указать, что нужно сделать — уйти и уступить место другим… (*Продолжительные аплодисменты*).

Аникин (Саратовская губ.). Первый раз представитель власти говорит с представителями русского народа. Представитель власти указывает русскому народу, чего должен желать русский народ для самого себя. Он «разъяснял», «не допускал», «вводил известные ограничения». Особую заботливость представитель власти проявил к нам, крестьянам. Да, верно, в последнее время правительство, в лице недавно только сошедших с министерских кресел господ и в лице их наследников, несомненно проявляет самую большую заботу именно о крестьянах и применяет свои радетельные меры к крестьянству. Если бы перед вами, господа народные представители, раскрылась панорама всех русских тюрем, вы увидели бы, что три четверти русских тюрем наполнены крестьянами. Если бы вы, господа народные представители, получили возможность всевидящим оком окинуть Россию, вы увидели бы груды трупов крестьянских, груды поломанных костей крестьянских, массу изнасилованных женщин и детей крестьянских! Да, крестьянство до сих пор видело попечения, но теперь крестьянство пришло сюда и заявило мощную свою волю. Крестьянство сказало, что ему нужны воля и земля, и крестьянство, потребовав землю, указало, откуда эту землю оно желает взять. Но крестьянство сказало, что оно желает взять путём законным. Посылая своих представителей в законодательное учреждение, оно думает, что такой закон будет издан. Но здесь мы видим, что власти оказываются заинтересованными в том, чтобы собственность была не тронута. У меня в руках есть документ, говорящий о том случае, когда представители более низшей власти там на месте, в глубине России, заявляют крестьянским сходам: «Если в имении помещика случится ещё один пожар, все ваши деревни будут подожжены нами». И это есть сохранение крестьянской собственности и оплот её! Точно таким же было сохранение собственности, когда генерал Алиханов сравнивал с землёй все поселения гурийцев. Точно также было сохранение собственности, когда расстреливались из пушек дома в балашевском уезде. Мы против такого сохранения собственности! (*Аплодисменты*). Нам нужно действительное сохранение собственности. Здесь говорят: «Вот крестьянский вопрос — важный вопрос, его государственное значение громадно. Поэтому нужно сохранить крестьянский банк». Это тот крестьянский банк, который производит теперь расхищение русских земель. Нам обещают этот крестьянский банк, нам обещают снять с наделов ограничения, которые были введены когда-то, по каким-то соображениям; следовательно хотят дать свободу — ещё большую свободу умирать. Они дают полное право продажи крестьянских земель… Ясно, что голодный человек всегда способен продать всё и вся. Прежде всего он продаст землю, продаст всё, что имеет, — и только тогда уже умрёт. (*Аплодисменты*). Затем, нам обещают переселенческое дело, обещают те степи, которые теперь никем не заняты и никому не нужны. Я бы предложил переселиться туда кому угодно, хотя бы тем людям, которым скоро в России нечего будет делать. Пусть они переселяются туда, разводят хутора

и сажают капусту. (*Аплодисменты*). Мы, крестьяне, требуем права на труд, желаем приложить свой мускульный труд к земле. Земли в России все сочтены и определены, и Государственная дума поступила мудро и вполне правильно, когда в своём ответном адресе указала на эти земли. Если России не суждено ещё ввергнуться в новый поток революции, то эти земли должны быть немедленно отданы в руки трудового народа законодательным порядком. (*Аплодисменты*). Характерно ещё то, что, выставляя законность, здесь говорят, что правительство уверено в невозможности безнаказанного нарушения законов не только со стороны обывателей, но и со стороны представителей власти. Таким образом, шаг сделан. До сих пор ответственности подлежали только обыватели, а теперь это будет распространено и на представителей власти. А мы хотим этого прежде всего для представителей власти, а потом уже для обывателей. Мы хотим, чтобы министерство было ответственно перед народом, чтобы министерство было из среды народа. Всякое другое министерство не может быть терпимо — или мы, или они. (*Аплодисменты*).

Ледницкий (Минская губ.). Бесспорно, совершался крупный исторический момент: представители двух течений, двух миров сошлись лицом к лицу. Мы, обращаясь к престолу с нашими лучшими мыслями и пожеланиями, искренне высказали только то, чего от нас требовала и ждала страна. В ответ на это мы получили сегодня объявление министерства, мы прежде всего получили урок: «Всяк сверчок знай свой шесток». Первым порывом было желание ответить тем же. Государственная дума — власть законодательная, а Совет министров — власть исполнительная. Нам сказали: «Вы помните, что вы можете действовать исключительно только в пределах тех рамок, которые для вас установлены», а мы думали, что мы здесь затем, чтобы потушить пожар, который готов разгореться в стране, что мы призваны спасти страну от того страшного водоворота, в который легкомысленными руками власти вот уже два года народ толкается. (*Шумные аплодисменты*). Мы думали, что встретим исполнительную власть, сознающую весь ужас положения. Здесь на скамьях представителей сидят представители разных национальностей. Мы те же сыны и граждане России, но к нам в обращении министров не слышим ни слова, ни слова о правах национальностей, ни слова о том, о чём уже заявил русский народ в великую историческую минуту ответа монарху, — о национальном равноправии, о справедливом удовлетворении национальных требований. Мы в союзе с избранниками русского народа идём и дойдём до лучшего будущего; на этом пути нас ничто не остановит, но долгом совести считаю категорически отметить, что мы, представители национальностей и отдельных областей, объединяемся одним общим началом с русским народом, от силы которого зависит и наш самостоятельный национальный быт, но что от своих прав мы никогда не откажемся. Мы думали, что в первом объявлении правительства к народу мы найдём прямой ответ, по крайней мере, на наиболее важные и насущные наши вопросы. Мы жестоко ошиблись, и мы лишь слышим властный приказ — помнить о том, что «вы сидите на этих местах», а мы хотим, чтобы из наших мест сидели (указывая на министерские скамьи) и «на тех местах» (*Аплодисменты*). Наша задача — чтобы в единении с исполнительной властью, подчинённой народному представительству, содействовать наступлению желанного момента успокоения и устроения земли нашей. Но до тех пор, пока министерство не будет опираться на доверие палаты и не будет ей подчинено, наши усилия будут тщетны. Помните, что те, которые противодействием народной воли раскаляют уголья и разбрасывают их по всему государству, наполненному горючим материалом, несут ответственность за тот пожар, который от их рук загорится в стране, а тогда, может быть, и мы не будем в состоянии его потушить. Мы пришли сюда, чтобы задержать движение стихии, чтобы умиротворить страну. Не наша вина будет, если наши стремления не осуществятся;

стихия, быть может, сметет и нас, но вместе с тем она сметет многое, что можно было бы сохранить, и ввергнет страну в бездну страшных потрясений. (*Аплодисменты*).

Рыжков (тр. гр., Екатеринославская губ.). Нынче впервые с нами заговорили гг. министры, но заговорили так, как говорят в школах с маленькими детьми: нам прочитали урок объяснительного чтения, как говорят в школах, — о земле, свете и свободе. Мы думаем, что учителя остались сами собой довольны, а ученики недовольны, так как поняли, что они друг другу не к лицу. Нам говорят: мы заботимся, мы очень много будем заботиться о крестьянах, но вместе с тем говорят — мы вам земли все же не дадим.

Каким же образом при безусловном воспрещении отчуждения земли можно разрешить крестьянский вопрос? Мы это знаем. Только одним старым способом, способом, так хорошо известным настоящему правительству, способом выселения на свободные места. Свободные места эти находятся в каждом уездном городе — обыкновенно за городом в виде зданий в два — три этажа. (*Аплодисменты*). Но я не знаю, куда будут выселять, когда эти места уже заполнены, — возможно ли туда сделать новое выселение?

Нам говорят о свете. Говорят: мы побеспокоимся о вашем просвещении, но подождите, мы выдержим ваших учителей, а пока они слишком легкомысленный народ; пока мы пошлем их в университеты — все в те же университеты, куда и вы часто ходите. Возможно ли это?

Нам говорят, наконец, о том, что избирательное право также необходимо пересмотреть, но что мы его еще не знаем, насколько оно удобно. Конечно, не мы, которые попадали сюда не с места своего местожительства, — не мы это знаем, а правительство, оно лучше знает, что часто вместо избирательного собрания мы попадали в тюрьмы, оно лучше знает, что часто мы попадали сюда прямо из тюрьмы.

Правительство говорит, что оно проникнуто убеждением, провозглашённым Государем Императором, для обновления нравственного облика земли русской. Да, господа, и мы этим проникнуты. Пожелаем же водворения этого! И пусть то правительство, которое так искренне желает этого, своим уходом водворит мир и тем самым поспособствует обновлению нравственного облика русской земли. (*Аплодисменты*).

Аладьин (Симбирской губ.). У министерства, как представителя нашей исполнительной власти, несомненно, есть два признака, из которых один то, что они, теперешние министры, пришли и заняли места, нисколько не изменяя условий работы и деятельности тех людей, которые, по единодушному мнению лучших людей земли русской, покрыли страну позором бессудных казней, погромов, расстрелов и заточений.

(*Аплодисменты*).

Это первый признак тех, которые явились сюда объясняться с нами. Второй признак. Он менее типичен, но, по моему мнению, более существен. Не все министры обязаны покрывать страну позором казней и расстрелов, но все министры обязаны быть властью исполнительной, они должны брать у нас то, что мы, представители страны, находим нужным, необходимым и неотложным для нас — страны — изучать то, что мы постановляем как закон, и, как наши верные слуги, исполнять эти законы. Вот их обязанность. (*Аплодисменты*). А они явились сюда диктовать нам, представителям страны, поучать нас. Нужно иметь, конечно, большую смелость для того,

чтобы делать это. Я не удивляюсь, что у них есть, я бы не сказал — смелость, потому что это слово не выражает всего, есть другое слово, — оно стоит по алфавиту несколько ближе буквы «с», — и гг. министры, конечно, поймут, что я хочу сказать и без того, чтобы я назвал само слово. У них явилось это потому, что в их положении государственные деятели создаваться не могут. И не нам, конечно, поучать их о своих обязанностях. Я думаю, гг. народные представители, что никто из вас не разойдётся со мной, если я скажу, что между революцией в стране и правительством стоим только мы, и что в тот момент, когда кто бы то ни было осмелился в той или иной форме, в форме ли разгона, в форме ли закрытия дверей… (*Аплодисменты*. Шум. Голоса: «Довольно». «Просим продолжать»). Гг. народные представители, слишком долго другие лишали нас слова, неужели и вы раньше, чем услышали, что я хочу сказать вам, неужели вы не дадите мне возможности высказать то, что я думаю? (Голоса: «Просим продолжать»). Я пришёл сюда, как и все вы, со страстным желанием избавить мою родину от тяжких испытаний пути революции! Я пришёл сюда с тем, чтобы мирной работой, если только ещё можно, спасти родину, и вы, в ту минуту, когда я указываю на страшную опасность, что есть возможность, что страна не пойдёт по этому пути разрешать наболевшие вопросы, лишаете меня слова! — У меня есть обязанности, и я договорю до конца то, что я хочу сказать вам, и буду говорить до тех пор, пока г. председатель не остановит меня.

Я хочу сказать вам, что в стране за нашей спиной, в то время, когда мы сидим здесь, в этих стенах, занимались одним вопросом за другим, в стране накоплялся горючий материал, — всякий, кто бывал хотя бы в предместьях города Петербурга, всякий, кто читает о том, что целым областям угрожает голод, всякий, кто знаком, наконец, с настроением тех слоёв населения, которые всегда первые бросались в борьбу за свободу и улучшение своей жизни, всякий знает, что за нашей спиной растёт страшная сила, не знает этого только тот, кто не хочет знать! Да ещё наша администрация! Я думаю, — гг. народные представители, что вы это знать хотите! Я думаю, что вы согласитесь со мной. И единственная сила, которая сдерживает в стране весь этот горючий материал, способный завтра же покрыть страну потоками крови, бросить её в революцию, и единственная сила, которая сдерживает, — это мы, наша дума.

До каких пор мы будем сдерживать, когда, наконец, несмотря даже на нашу работу, все накопленные силы могут вырваться на волю, мы не знаем; но мы можем предвидеть условия, при которых это случится. Какие же это условия? — Из самого факта, что все эти силы сдерживаются только нами, понятно, что в ту минуту, когда мы перестанем существовать так или иначе, эти силы вырвутся из-под нашего контроля! — Нас прислала страна с определёнными требованиями, которые мы собрали и изложили в нашем ответе на тронную речь. Та же самая страна в то время, когда мы сидели здесь, собрала громадные силы в виде материала, готового прорваться, способного поддержать нас в наших требованиях. Вот каково положение и какова ответственность, которая падает на нас. Раз нас послали сюда с известными требованиями, за нами стоит громадная сила, перед которой мы сами бессильны, потому что, если мы не поставим эти требования, она сметет и нас. Раз это так, то понятно и наше поведение по отношению к тому заявлению, которое нам было сделано сегодня. Так как гг. министры смешали власть исполнительную с властью законодательною, так как они решили прийти сюда и преподать нам урок, тем самым они показывают, что у них нет понятия о том, где они и каково их место. Нам нужно указать, где им быть и как быть им, и мы скажем: если только вы хотите сохранить ваше положение, у вас остаётся только одно — следовать тому, чего мы требуем, а мы требуем прежде всего удаления безответственного

министерства и сформирования министерства, которое пойдёт вместе с народом и будет подчиняться воле народа, а не являться сюда за тем, чтобы преподавать уроки (*аплодисменты*).

Кокошкин (Москва). Предшествующие ораторы совершенно достаточно выяснили, до какой степени выслушанное нами заявление совета министров идёт вразрез со всеми потребностями насущного момента. При том способе сформирования министерства, который имел место, имея в виду ту среду, из которой оно вышло, полного понимания нужд народа оно, конечно, обнаруживать не могло. Но меня удивляет та неосведомлённость в вопросах права и то отсутствие истинно государственной точки зрения, которое так ярко обнаруживается в декларации совета министров. Совет министров нам указывает прежде всего, что он воздерживается от обсуждения тех вопросов, которые затронуты в нашем ответном адресе и которые, по его мнению, не входят в область законодательного почина государственной думы. Из этого я могу сделать только одно заключение: г. председатель совета министров, по-видимому, понимает представленный нами ответный адрес как акт осуществления нами законодательной инициативы. Я думаю, что достаточно справиться с существующими законоположениями, чтобы убедиться в полной несостоятельности этого взгляда. Я не буду сейчас обсуждать спорных юридических вопросов, но я полагаю, что совет министров, раз он задался целью в своей декларации разобрать ответный адрес и решить, что известные предметы не входят в область законодательного почина думы, мог разобрать эти предметы, как объект законодательного почина со стороны правительства. В уклонении от этого я вижу лишь вид формального отвода — уклонение под формальным и юридически неверным предлогом. Далее совет министров утверждает, что до тех пор, пока деятельность государственной думы не обнаружит несовершенств избирательного закона, всякий вопрос о пересмотре его преждевременен. Я перевожу это на простой язык: совет министров хочет сказать, что когда государственная дума признает сама свой состав непригодным, то тогда она может приступить к этому пересмотру. Если бы парламенты вообще держались такой точки зрения, то никогда никакого пересмотра избирательного закона быть бы не могло. Если даже совет министров признает необходимым опираться на действительный опыт, то он совершенно упустил из виду данные того опыта, которые мы имели в виду выборов, в виде избирательной кампании. Разве она недостаточно обнаружила всю непригодность и бессмысленность двухстепенных выборов? Это совершенно достаточно показал нам опыт. Я становлюсь на точку зрения опыта, но ведь эта точка зрения — односторонняя и неверная. Совету министров, очевидно, совершенно чужда точка зрения права: то положение, что каждый неопороченный гражданин имеет право участвовать в той или иной форме в решениях вопросов, занимающих в данный момент его отечество. И в этом отношении совет министров обнаружил, как мне кажется, полную свою неосведомленность.

То же я скажу и по вопросу об амнистии. Нам говорилось, что помещённый в ответном адресе вопрос об амнистии не входит в сферу прав министров; нам было указано, что это прерогатива Монарха. Но ведь мы с этим предложением и обращались к Монарху. Мы вполне стоим на этой точке зрения, но раз министерство становится на ту почву, что оно желает выразить своё мнение по этому вопросу, то я прежде всего укажу на то странное, поражающее меня как юриста, указание, что министерство озаботится, по-видимому, в известной мере, да и то не в полной мере, освободить административно-арестованных. Мне кажется, что тут совершенно упущено из виду, что со времени издания манифеста 17 октября, со времени провозглашения неприкосновенности личности, всякое административное задержание есть уже беззаконие. Ведь правительство не исполнило обязанности, возложенной на него манифестом 17 октября. Эту обязанность не

исполнило и предшествующее правительство, министерство гр. Витте, и новое правительство опять становится на этот путь — неисполнения манифеста и говорит, как будто, в виде пункта своей программы, что оно освободит часть административно-арестованных. Да ведь это не есть пункт правительственной программы, это прямая обязанность. Об этом мы даже не говорим. Речь идёт об освобождении тех арестованных, которые подлежат суду. Мне кажется, опять декларация совета министров обнаруживает полное непонимание сущности амнистии, приравнивая её к отдельному акту помилования. Амнистия, т. е. массовое помилование, имеет особое значение. Ведь самый термин этот заимствован из международного права. Он заключается в водворении мира и спокойствия. При заключении мирных трактатов в них включаются статьи об амнистии; и такие же моменты бывают во внутренней жизни государства, — то, что происходит у нас в России в последние годы, хотя и нельзя этого назвать междоусобной войной, но это состояние, близкое к междоусобной войне. Нам надо водворить политический мир в России, и для этого нужна амнистия. И когда совет министров высказывается против этого, он отрицает ту точку зрения, что верховная власть должна стоять выше партий в стране и выше борющихся сторон. Он сам себя признаёт партией, враждебной стороной. Он говорит: мы не хотим мира, мы хотим искоренить всех наших противников. Но мне кажется, что тут, независимо от полного бесправия, есть страшная ошибка в расчёте: в длительности этой междоусобной войны, в которой принимают участие всё большие и большие массы населения. В конце концов вы поставите перед собой задачу осилить и искоренить всю Россию. Это слово не мне принадлежит: оно было высказано недавно представителем одной из умеренных партий. Когда совет министров говорит об исключительных законах, он становится также на точку зрения совершенно неприемлемую, ни с точки зрения права, ни с точки зрения разумной государственной политики. Он говорит, что правительству нужны какие-то исключительные меры. Он совершенно забывает, что средство предотвращать злоупотребление свободами, средство иметь авторитет есть только одно — строгая законность и соблюдение прав. Мне могут указать, что и в свободных государствах признаётся необходимым вводить исключительное положение при известных условиях. В ответ на это я могу, однако, указать пример западных стран, где социальная и национальная противоположности не меньшие, чем в России, и где никаких исключительных законов не существует. Таково положение вещей в Соединённых Штатах и в Швейцарии.

Далее совет министров впадает в явное противоречие с самим собою. Он признаёт существующий закон об усиленной охране неудовлетворительным. Господа народные представители, мы слышим это давно, а все исключительные положения всё-таки сохраняются. Раз закон неудовлетворителен, его нельзя сохранять только ввиду того или другого поведения тех или иных групп населения. Неужели в наказание за дурное поведение населения сохранять неудовлетворительный закон?

Но больше всего, ярче всего обнаружилась полная неосведомлённость совета министров в вопросах права в том пункте декларации, который касается земельной реформы. Я не буду останавливаться на противоречиях этого заявления с народными надеждами. Все мы знаем, вся Россия знает, как жалки и недостаточны те средства удовлетворения земельной нужды, которые указаны в заявлении совета министров. Все знают, к чему сводятся эти неизмеримые пространства свободных земель в Сибири, насколько возможно переселение на эти пространства; все знатоки утверждают, что невозможно удовлетворить земельную нужду без обязательного отчуждения частновладельческих земель.

Но гораздо больше этих неосновательных доводов по существу меня удивляет главный мотив совета министров против принудительного отчуждения. Почему совет министров против этой реформы? Во имя неприкосновенности частной собственности. Если бы кто-нибудь из членов совета министров заглянул в западноевропейские конституции, в которых частная собственность считается неприкосновенной, то он прочёл бы, вслед за положением, что частная собственность неприкосновенна, и другое: что отчуждение её для государственной надобности производится при условиях справедливого вознаграждения. Так стоит во всех конституциях. Всякий юрист, получивший юридическое образование, знает, что институт частной собственности обладает неприкосновенностью по отношению к частным лицам, но не по отношению к государству. Неприкосновенность её заключается лишь в том, что владельцы отчуждаемого имущества получают справедливое вознаграждение. Меня удивляет, что мы должны говорить об этих азбучных истинах. Разве в России не совершается постоянное отчуждение земли для железных дорог? Я знаю многочисленные случаи, когда такое отчуждение совершалось с нарушением интересов собственника. Знаю случаи, когда крестьянские земельные наделы портились и крестьяне принуждены были дожидаться награждения по нескольку лет. Город Петербург еще не получил вознаграждения за собственность, отчужденную 40 лет тому назад. Без всякого стеснения собственность отчуждается для военных целей, крепостей, для плаца, для упражнения войск, отчуждается временно или навсегда, но когда выдвигается насущная потребность — наделение недостаточного населения землей, тогда выдвигается принцип неприкосновенности частной собственности. Тут отсутствует логика. Тем более, что в ответном адресе указана цель государственной важности, для которой совершается отчуждение. Если эта земля будет передана населению, то ведь и земля, отчуждаемая под железные дороги, передается нередко частным акционерным обществам. Я приведу маленький пример. Господин председатель совета министров весьма красноречиво говорил об устоях, без которых не могли бы существовать цивилизованные государства, как будто то, на что указывает дума, имеется только в России, а в цивилизованных государствах этого нет. Я не знаю, известно или неизвестно господину председателю совета министров, что в Англии, которая едва ли может называться страной, где частная собственность не уважается, — Англия страна капиталистическая, — существует закон, по которому органы местного самоуправления, советы графств и приходов могут во всякое время отчуждать частную собственность для того, чтобы делить ее на мелкие участки и продавать эти мелкие участки населению, нуждающемуся в земле. Если бы мы согласились с председателем совета министров, то мы сказали бы, что Англия такое государство, существование которого немыслимо (*Смех*, *аплодисменты*). А между тем мы видим, что Англия существует благополучно и гораздо благополучнее, чем наше отечество (*Смех*). В каких размерах они там им пользуются — это другой вопрос; мы говорим о принципе.

Я не удивился бы, если бы встретил подобные мысли в «Моск. Вед.» или в «Русск. Госуд.», но когда такие суждения выходят из высшего правительственного учреждения, стоящего во главе великой страны, у меня сжимается сердце за достоинство этой страны. Господа, мы долго ждали этого момента, этого акта. Были акты правительственные, которые действовали на чувства населения, может быть, сильнее, чем этот, но впереди у нас была надежда: пока еще не существует народное представительство, когда же народное представительство будет созвано, переменится состав правительства, переменится и образ его действия. Этот момент теперь настал. Здесь была представлена декларация, которая является столь несостоятельной и с точки зрения права, и с точки зрения правительственной политики. В настоящий момент она приобретает глубоко трагическое

значение. Я думаю, сегодня нанесен тяжкий удар не только спокойствию страны, но и ее достоинству, и есть только единственное средство исправить это — это выход существующего министерства в отставку (*Продолжительные аплодисменты*).

Соколовский (безп., Могилевская г.). Я здесь слышал много речей о том, что и министерство о крестьянах заботится, и дума о них заботится. Все предлагают свои услуги, но заботы их кажутся нам какими-то темными. Мы не понимаем этой политики. Предлагают покупать землю через крестьянский банк. Нам этот банк так знаком, что лучше, чем иметь с ним дело, идти топиться. Он покупает землю по 100 руб. за десятину, надо пять рублей процентов вносить — этого нельзя. Все крестьяне так говорили, что мы голодны и бесправны, идите и просите право и землю. Все хотят, как видно, умиротворения страны. Для того, чтобы умиротворить страну, довольно спорить и скажем все дружно слово: дадим крестьянам землю и волю! (*Аплодисменты*).

Щепкин (Одесса). После того, как мы изложили всю программу нашей будущей деятельности в ответном адресе, мы ждали, что ответом на это заявление будет краткая весть о том, что министерство вышло в отставку. Правда, по основным законам только Верховная власть назначает и увольняет министров, но основные законы не препятствуют министерству добровольно подать в отставку, если оно пришло к убеждению, что оно идёт против воли народа. Ни основные законы, ни положение о государственной думе не запрещают нам путём наших прений, путём запроса министрам постепенно развивать в министерстве ту мысль, что оно не может более править страной. Слишком много — требовать от высших российских чинов, которые пишут так много бумажных законов, чтобы они имели время что-либо серьёзное прочесть. Но мы можем требовать, чтобы они знали, по крайней мере, те основные законы Российской Империи, которые сами писали к 23-му апреля. Я покажу, что заявление совета министров прежде всего основано на полном незнании основных законов 23 апреля. Заявление министров бросает нам укор, что, признавая за государством право для общественных и государственных нужд выкупать по справедливой цене частновладельческие земли, мы, государственная дума, подкапываем этим устои нашей русской государственности. То место нашего ответного адреса, где мы признаём право для нужд государственных и общественных отчуждать недвижимую собственность, — господа, это 35-й параграф основных законов.

И 15 параграфа основных законов совет министров точно также не знает. По 15 параграфу только Верховная власть объявляет отдельные области на военном положении. Но, господа, это военное положение, которое объявлено в целом ряде областей России, объявлено в этих местах не Верховной властью, оно объявлено градоначальниками, или даже бригадными генералами на основании указа 29 ноября. Совет министров может признавать за собою право, через посредство Верховной власти, объявить ту или другую местность на военном положении, но он не имеет права, не нарушая основных законов, ни на одно мгновение допускать после 23 апреля те военные положения, которые провозглашены бригадными генералами и градоначальниками. Совет министров обошёл полным молчанием 34-й параграф основных законов, который признаёт за каждым российским гражданином право избирать себе свободное местожительство, покупать и продавать имущество. Совет министров умолчал совершенно о необходимости идти навстречу всем иноверцам и инородцам в смысле установления полного равноправия перед законом. Совет министров как бы забыл те исключительные законы, которые нарушают этот 34-й параграф основных законов, и которые, если, по мнению совета министров, и могут оставаться, как исключительные законы, то разве только пройдя предварительно через государственную думу и

через государственный совет. Совет министров думает, что мы не имеем ни малейшего права так или иначе признать, что известные деяния, которые некогда считались преступлениями, перестают быть преступными, а между тем об этом говорит 32-й параграф основных законов, который допускает, что вновь изданные законы могут лишить признака преступности целый ряд деяний, которые прежде были преступны. Несомненно, что понятие о преступлении против государства в смысле стремления к ниспровержению существующего государственного строя с изданием основных законов 23 апреля изменилось.

Мы верили, что дума мирным путём может разрешить действительно роковые задачи, стоящие перед русским народом. Эту уверенность мы постепенно вдохнули во все слои населения России и этим временно приостановили смуту. Сегодня совет министров своим торжественным заявлением с выводом, что покуда это министерство стоит у власти, мирное решение невозможно, — вырвал у нас из рук главное орудие умиротворения и успокоения России. Если теперь возобновятся народные волнения, мы снимаем с себя ответственность; виноваты будут те, которые сегодня отвергли единственный путь к мирному разрешению крестьянского вопроса и освободительного движения. Министерство думает, что, поддерживая военным положением действующие законы, оно этим самым укрепляет Верховную власть. Мы, отвергая это, говорим, что, стараясь оторвать Верховную власть от народа, министерство этим самым подрывает главные устои Верховной власти. Сегодняшнее заявление переносит центр тяжести народного сочувствия от партии «народной свободы» к партиям революционным. Но если министерство думает, что мы испугаемся революционной бури, которую оно грозит поднять, то министерство ошибается. Как мы не испугались военного положения при министерстве графа Витте, так не боимся и революционной бури, которую может вызвать теперешнее министерство. И сегодня мы дружно и смело скажем: министерство, не знающее основных законов страны, старающееся разобщить народ от Верховной власти, идущее против воли всего народа, — должно, прежде всего, само уйти! (*Аплодисменты*).

Винавер (С.-Петербург). В тронной речи, к нам обращённой, сказано было, что для преуспеяния страны недостаточно одной свободы, нужен и порядок. В ответ на это мы сказали Верховной власти, что ни свобода, ни порядок немыслимы, доколе нет в стране гражданского равенства. В ответ на эти указания в декларации, представляющей из себя объемистый ответ, употреблена фигура умолчания. Здесь уже указывали, что наши министры не всегда знают, о чём говорят. Но я думаю, они всегда хорошо знают, о чём им следует молчать. (*Аплодисменты*). И это искусство — молчать о том, о чём стыдно говорить, — они проявили в высокой мере, именно в этой декларации. В течение ряда лет вся страна твердит: доколе не будут отменены исключительные законы, до тех пор не будет мира в стране. Теперь это единогласно заявила государственная дума. (Обращаясь к министрам): Отчего же вы молчите? Систему молчания министерство заимствовало преемственно от своих предшественников. Когда в декабре 1904 г. сочинялся указ с перечислением мер к уврачеванию России, то в числе этих мер гражданского равенства не было, — о нём умолчали. Когда в октябре вся страна, как один человек, взывала к общему равенству, в манифест 17 октября о нём опять умолчали. Отдавая дань времени, граф Витте в докладе Государю упомянул в весьма скользкой фразе, что когда государственная дума соберётся, то ей будет предложено обсудить вопрос об уравнении прав граждан, без различия национальностей. Теперь дума созвана; она категорически потребовала равенства. И чем же ей отвечают? Пустопорожним молчанием. (*Аплодисменты*). Господа, Россия дорога всем национальностям, её населяющим. Я не сомневаюсь, что настанет час, когда они, сплотившись все вместе, связанные узами любви, будут

отстаивать общие интересы единого отечества. Тогда будет понято, что государство вовсе не заинтересовано в сдавливании и сглаживании своеобразия отдельных частей. Тогда будет идти уже речь о праве национальностей. Теперь речь идёт о вещи бесконечно меньшей, о самом элементарном, — о гражданском равенстве, о раскрепощении партий среди сограждан. Министры отвергают справедливое разрешение аграрного вопроса; они резко отвергают и многое другое. Это политически безрассудно, но человечески мужественно. Только по отношению к гражданскому равенству они предпочли проявить трусливое молчание. И мы вправе пригвоздить их к позорному столбу этого трусливого молчания (*Аплодисменты*). Господа, с этой кафедры, с которой раздалась с первой минуты речь о конституционном режиме, мы, евреи, представители одной из самых истерзанных национальностей в стране, ни разу не сказали о себе ни слова, потому что нам казалось уже не соответствующим говорить здесь о гражданском неравенстве. Нам казалось, что с этой кафедры и не придётся больше говорить об этом. Но теперь, когда мы видим в этом торжественном объявлении правительства желание идти дальше по тому же пути, по которому оно шло до сих пор, мы должны объявить здесь: доколе вы будете попустителями гражданского рабства, не будет умиротворения в стране; доколе не уберёте тех насильников, которые не только попускали, но и содействовали и наталкивали на путь погромов, до тех пор не будет умиротворения в стране. Своим молчанием на крик отчаяния, вырывающийся из души шестимиллионного народа, вы доказали, что желаете идти дальше старыми путями. Знайте же, что мы сливаем свои голоса со всеми теми, кто говорит вам: «уходите», и что мы пойдём только с тем правительством, которое будет соответствовать воле народа. То, что творилось против нас и что вы скрепляете своим молчанием, есть не только отрицание конституционного режима, это есть отрицание основ всякого общежития самых неконституционных стран. И этот корень всякой гнили надо прежде всего устранять. Пока не будет признано, что перед законом нет различия национальностей, религии, — до тех пор никакая творческая работа невозможна (*Аплодисменты*).

Огородников (к.-д., Костромская губ.). Две недели мы здесь с мучительной тревогой взвешиваем каждое наше слово в сознании всей великой ответственности, которую на нас возложил народ, и вырабатываем наш адрес, влагая в него все требования русской земли, неисполнение которых должно навеки убить у пославшего нас народа веру в возможность мирного исхода дела. В течение всего времени эти скамьи (обращаясь к министерским скамьям) были не только немы, они были пусты. Пустотой этих скамей хотели унизить народных избранников. Тщетная надежда. Не в этом наше унижение; оно может наступить сегодня, если мы категорически, решительно не поставим тех требований, которые одни создадут и далее наше почётное положение в стране. Возможна ли дальнейшая работа при таких условиях? Я утверждаю, что такая работа невозможна.

Требования, нами выставленные, несомненно, требования всего народа, и над этими требованиями смеяться — как это было сделано сегодня, — народное представительство не позволит! Выход один: мы должны, переходя к тем великим задачам, которые нам предстоят, определённо сказать: министры должны покинуть эти скамьи, пусть они будут пусты, как они были пусты до сих пор! Нам нужно, чтобы здесь была исполнительная власть, послушная велениям народа, пользующаяся его доверием (*Аплодисменты*).

Министр юстиции. Нападки, которые были так многочисленны и раздавались из уст ораторов, против того сообщения, которое было здесь сегодня оглашено председателем совета министров, обязывают меня сказать несколько слов, конечно, не для оценки, не для обсуждения этих нападок,

ибо для этого министерство не считает себя призванным и уполномоченным, а исключительно для того, чтобы представить в самых кратких чертах некоторые разъяснения. В этих нападениях указывалось на то, что правительство в своём сообщении является якобы представителем бесправия, представителем дальнейшего попирания закона. На такой почве правительственное сообщение не стояло, правительственное сообщение категорически исходит из начал законности и закономерности. Закон для правительства, для его министров есть первая и главная основа деятельности. Положение министерства, несомненно, представляется в высшей степени трудным. Трудность этого положения чувствуется сегодня после тех нападений, которые уже здесь раздавались, но трудность эта имеет и ещё более глубокую причину. То время, которое переживает Россия, есть, конечно, время исключительное; исключительность этого времени определяется тем, что мы ещё должны продолжать своё существование под действием старых законов. Как бы мы ни относились к оценке этих законов, как бы мы ни признавали их обветшалыми и несовершенными, тем не менее, пока эти законы не отменены, мы должны ими руководствоваться. Не таково ли положение того, кто, имея весьма плохую постройку, в которой он обязан проживать вместе со своим семейством, не может перейти в воздвигаемый им новый дом, пока этот новый дом не доведён до окончания? При таких условиях, пока нет новых законов, правительство не может класть в основу своей деятельности то, что будет, то, что признаётся и нам весьма желательным, и по необходимости должно было вам заявить, господа народные представители, о том, что оно вынуждено, что оно поставлено в необходимость руководствоваться старыми законами, усовершенствование которых представляется не только желательным, скажу прямо — необходимым. Если таково трудное положение правительства, то едва ли правительство заслуживает нападения за то, что в законодательных предположениях оно по отношению к одним частям заявляет о том, что оно считает вопрос, поставленный государственной думой, вопросом не первостепенной важности, а по отношению к другим заявляет, что это вопрос, который, быть может, надлежало бы разрешить на несколько иных основаниях. Не думаю, чтобы правительство заслужило в этом отношении какой-либо упрёк, ибо вопрос трудный и, во всяком случае, допускающий различные мнения и воззрения. Да и почему должны беспокоиться представители тех или других воззрений по поводу того, что могут существовать воззрения с ними несогласные? От столкновения различных мнений дело разъясняется, рождается истина, как принято говорить, следовательно, неправильность во мнении одних воззрений на тот или другой вопрос не может и не должна устрашать тех, которые держатся по этому вопросу иного воззрения. Таким образом, сводя всё сказанное к заключительным выводам, я позволю себе утверждать перед государственной думой, что правительство с тяжёлым сознанием той ответственности, которую оно несёт, должно по необходимости продолжать управление под действием старых, в высшей степени несовершенных, законов. Надежда правительства в этом отношении заключается в том, что новые законы появятся скоро и что с правительства, в его непреклонном стремлении держаться законов, будет снята частица той тяжести, которая в настоящее время падает на правительство, вследствие несовершенства действующих законов. Что же касается другого источника нападений, которые вытекали из некоторых иных воззрений на те или другие основные вопросы, то по этому поводу правительство смотрит на разницу своих воззрений в той или другой области с государственной думой, как на залог совершенствования тех новых законов, которые тем более будут истинным выражением воли народа, представительницей которой является государственная дума. Запись ораторов прекращается.

Седельников (тр. гр. Оренб. г.). Я хочу сказать несколько слов в ответ на выслушанную речь г. министра юстиции. Он все время говорил о старых законах, которые настолько обветшали, что нуждаются в совершенствовании. Между тем ораторы, которые говорили о законах, имели в виду закон 23 апреля. Этот закон старше государственной думы на 4 дня; этот закон был издан при этом тем министерством, которое сейчас с нами разговаривало. Когда же законы успели так обветшать, когда они появились за 4 дня до открытия государственной думы? Что такое представляют из себя эти законы? Это ничто иное как так называемая на языке государствоведения конституция, которая была выработана на скорую руку и опубликована за 4 дня до созыва государственной думы, чтобы связать этой думе руки. Эти основные законы находятся в противоречии с манифестом 17 октября, где было сказано, что ни один закон не будет издан без одобрения государственной думы, между тем основной закон — конституция российского государства — издается не только без одобрения, но и до созыва государственной думы. Очевидно, что эти законы могут быть отрицаемы не потому, что они обветшали, а потому, что они слишком новы, несвоевременно новы. Государственная дума в ответном адресе наметила ту конституцию, в которой действительно нуждается русское государство, которой народные представители, если бы она была проведена полностью, могли бы присягнуть и могли бы потребовать присяги со стороны правительства. Попытка установить такую конституцию увенчалась этим правительственным разъяснением, и во всяком случае разговаривать далее о такой конституции не придется. (*Аплодисменты*).

М. М. Ковалевский (Харьковская губ.). Господа народные представители. Вы собраны здесь волею Государя от всех слоев русского населения и, благодаря несовершенству избирательного закона, от землевладельцев в большей степени, чем от других классов. Эти землевладельцы, сами — земельные собственники, в адресе, поданном на имя Государя, единогласно признали, что они считают необходимым, своевременным, неизбежным выкуп частновладельческих земель государством, в интересах общественной необходимости. В ответ на это вам приходят читать подобие каких-то прописей, в которых говорится, между прочим, что право собственности священно и неприкосновенно. Неужели вы, представители земельных собственников, не знаете точно также, что она неприкосновенна? Но этой неприкосновенности нимало не мешает государственный выкуп. И напомнить нам о неприкосновенности собственности приходят министры того государства, которое в 61 году произвело самый грандиозный акт выкупа земли в интересах общественной пользы и общественной необходимости. Если бы мы отвечали господам министрам теми же назиданиями, какими они удостоили нас сегодня, то мы сказали бы: как вы смеете выступать против воли Царя-Освободителя, как вы смеете порицать самый великий акт русской истории — освобождения крестьян с землей! (*Продолжительные аплодисменты*). Слушать такого рода заявления со скамьи, на которой сидят юристы, мне — юристу — вещь непостижимая. Я не допускаю ни на единую минуту, чтобы людям, сидящим на этой скамье, не было известно то, что известно студенту первого курса юридического факультета. Я не постигаю также, как могут люди, пришедшие читать здесь правительственное заявление, вносить в него совершенное противоречие с тем, что было заявлено нами. Здесь говорится о том, что мы собираемся отнять собственность частных владельцев, которым принадлежат и земли крестьян-собственников. Да разве где-либо в наших программах было сказано что-либо об отнятии собственности у мелких крестьян-собственников? Я такой программы не знаю. Лица, утверждающие что-либо подобное, очевидно, грешат против правды. (*Аплодисменты*). Я полагаю, что сегодняшний урок не пропадёт даром для тех, которые пришли учить вас (смех): они также научатся уважать чувства и желания народа, представителями которого мы являемся. Они не могут

даже обещанием таких реформ, как введение подоходного налога или всеобщее даровое обучение народа, реформ, которые мы бы приветствовали в иных условиях, помешать нам высказываться открыто и убежденно о том, что до тех пор народные представители будут считать себя неудовлетворенными, пока не будет исполнено их желание видеть, что всему прошлому положен конец прощением прошлых обид: ведь амнистия есть именно такое всепрощение. Я удивляюсь, почему господам министрам нужно было напоминать нам о том, что право помилования есть прерогатива Государя Императора; никто здесь этого не отрицал. Я полагаю, что такое напоминание в высшей степени неуместно; подчеркивая это, лица, заседающие на этих скамьях, открывают нам то, чего они не вправе открывать. Они дают нам понять, что если амнистия не даруется, то такова воля Государя Императора. Министерство конституционного монарха, сделавшее подобного рода поступок, оскорбило Монарха, и не мы должны требовать его отставки — Верховная власть сама имеет для этого достаточное основание. (*Аплодисменты*). Господа, я не желал бы, чтобы из моих кратких слов кто-нибудь вынес впечатление, что мы намерены прекратить нашу государственную деятельность; нет, эту государственную деятельность мы не прекратим. Мы здесь — уполномоченные народа, и мы будем исполнять возложенную на нас миссию. Одна грубая сила может удалить нас отсюда. Мы будем продолжать нашу работу, несмотря на то, что в возвещенной министерством программе видим постоянный тормоз для нашей деятельности. Только выражением нашего недоверия теперешнему министерству мы в состоянии обелить себя в глазах тех, кто будет высказываться о медленности нашей работы и её непроизводительности. Когда мы на нашей дороге будем встречать такое препятствие — как полное расхождение взглядов между нами, народными представителями, и министрами Его Величества, тогда возлагать на нас ответственность за медленность или несвоевременность принимаемых нами мер и проводимых нами реформ несправедливо. (*Продолжительные аплодисменты*).

Якушкин (к.-д., Курская губ.). Выборы повсеместно происходили под единодушными кликами: «земля». Всюду одинаково население говорило о необходимости земли. Никто не может сомневаться, что в настоящее время земельная нужда народа поставлена в России очень остро, и отчего она достигла такой остроты, отчего придется теперь прибегать к очень решительным мерам? — От преступного небрежения правительства к интересам народа в течение целых десятилетий. Нам предлагают теперь программу, в которой остается прежнее преступное небрежение к интересам народа. Я думаю, что мы не можем этого одобрить.

Гредескул (Харьков). Мне кажется, нечего доказывать, что мы в настоящее время переживаем в России жесточайшую трагедию. Мне кажется, что о декларации господина председателя совета министров можно сказать все, что угодно, — все то, что о ней было здесь сказано, — но во всяком случае надо отдать ей справедливость в том, что она брала наше положение именно с этой стороны. В ответ на наше указание, что положение России трагично, что оно требует немедленного выхода, она нам отвечала, может быть, тоже с оттенком трагедии: «нет» и закрыла нам тот выход, который мы указывали. Что же касается разъяснения к этой декларации, которое мы слышали от господина министра юстиции, то, я думаю, вы согласитесь, что оно исходило из несколько иного представления о нашем положении. По разъяснению министра юстиции, наше положение представляет собою почти что идиллию. Правда, он указал на то, что положение министерства не лишено известных трудностей. Они заключаются в том, что министерству приходится жить под действием старых законов; что эти старые законы всему помеха; что министерство отлично сознает

необходимость замены их новыми и готово вместе с нами сотрудничать над выработкой этих новых законов. Но, очевидно, вывод из всей этой картины все-таки тот, что надо подождать (и, по всей вероятности, с точки зрения господина министра юстиции, не трудно подождать), оставаясь пока при той идиллии, которая нами выслушана. Можно ли обойти молчанием такое извинение постановки вопроса г. министром юстиции? Мне кажется, ни в коем случае невозможно. Я предпочитаю ту постановку, которую сделал господин председатель совета министров.

Наша трагедия заключается в том, что в ответ на стремление России к освобождению, к реализации манифеста 17 октября, против нас выдвинута была колоссальная и неслыханная машина беззакония и произвола. Разве это старые законы? Разве это — законы, под которыми мы жили два года, даже год тому назад? Нет, это совершенно новое изобретение последнего министерства. В подтверждение этого я позволю себе сослаться на выражение, которое употребил сам господин министр юстиции и которое отлично характеризует наше положение; он сказал: «здесь упрекали министерство в таких выражениях, которые как бы предполагают, что будет продолжаться дальнейшее попирание законов». Я ставлю в кавычки слова «дальнейшее попирание законов». Г. министр юстиции, по-видимому, хотел ими сказать, что, с одной стороны, это попирание законов действительно было, а с другой, что его больше не будет. Но где же этому доказательства? Военные положения и усиленные охраны не отменены, напротив, нам сказано, что они будут продолжаться. До каких же пор? Нам говорят: до тех пор, пока будут продолжаться убийства и террористические акты с левой стороны. Но разве борьба ведется только с террористическими актами, разве она, с правой стороны, не ведется против всего освободительного движения? Разве мы не правы, когда мы боремся за устранение самой возможности такого положения, при котором по произволу пускаются в ход все эти усиленные охраны? В самом деле, невозможно себе представить, что было бы, если бы мы сегодня приняли всерьез идиллическую картину, нарисованную нам министром юстиции. Если даже предположить, что министерство сегодня отменит эти положения (чего оно не делает), то где же гарантии того, что мы завтра не получим снова того же самого? Народ приведен в ужас тем, что мы пережили за эти четыре месяца. Было арестовано, как говорят, до семидесяти тысяч, убитых и раненых никто ещё в точности не сосчитал. Но эти цифры нисколько не ужасали нашего правительства, ибо по сравнению со всем населением Российской Империи они, конечно, не так велики. Из хода событий вынесли убеждение, что для правительства всего этого мало и что власть, которая применяла эти меры, может решиться на всё, что угодно, в своей борьбе с освободительным движением. Мне кажется, мы должны подчеркнуть в ответ на заявление министра юстиции, что мы переживаем вовсе не идиллию, осложнённую только некоторыми трудностями и неудобствами с одной стороны для министерства, с другой стороны для нас. Мы переживаем величайшую трагедию, и я не желал бы наступления фактических доказательств этому в будущем, хотя и сомневаюсь, чтобы этого не произошло. И я думаю, что такое министерство, которое принимает жестокую трагедию за простую идиллию, не может и не должно оставаться у власти (*Аплодисменты*).

Михайличенко (тр. гр., Екатериносл. губ.). Товарищи, я должен упомянуть о глубоком оскорблении, нанесённом представителям народа, не только представителям, но в лице их и всему русскому народу многомиллионному. Не народ для ставленников своих, а ставленники должны быть для народа, потому что народ их на своей шее держит, своим потом и своею кровью обрабатывает землю и отдаёт последнюю копейку. Всё это идёт на правую сторону, в которой сидит неправда, и давит ту, левую сторону, которая добивается правды. С одной стороны сидим мы, а с

другой — министры. Из кого состоит государственный совет? Есть ли там хоть одна личность из наших, хотя бы одна частица? Нет. (Шум).

(Председатель прерывает оратора).

Я ведь говорю вообще. Неужели вредно называть всякую вещь собственным именем? Для чего нам поставлены всякие преграды? Для того, чтобы мы не могли сами решать свою судьбу, которую вручили нам миллионы исстрадавшегося народа. Ведь дальше так жить невозможно, ведь там казацкие нагайки свистят, там казаки убивают наших братьев и отцов. Всё это происходит благодаря нашему правительству, которое старалось постоянно держать в темноте народ, чтобы он не знал, кто ему враг и кто — друг. Отдаёт ли себе отчёт тот, кто убивает народ? Нет. Он подчиняется только дисциплине, потому что у него нет образования, он только мелкий винтик в громадной правительственной машине, которой он подчиняется по одному её слову. Кто же нам враг и кто нам друг? Ведь мы собрались здесь от всей России, чтобы решать свою судьбу, мы доведены до отчаяния и дальше так жить нельзя, и, значит, нам, народу, в силу необходимости нужно взять всю судьбу в свои руки и самим её решать. Но что же мы видим, можем ли мы её решать? Нет.

Господа министры отвергают наши самые существенные и необходимые требования и ставят преграды между народом и Верховной властью. У нас нет веры, у вас расстреляна вера, и мы верим только в силу народа. Освобождение народа может быть только делом рук самого народа. Теперь я скажу: все люди, сделавшие преступления, сажаются в тюрьмы. Поэтому мы вправе заявить: все предержащие власти, совершившие преступления перед народом, терзавшие страну в течение нескольких месяцев, также должны предстать перед народным судом. А наше дело — бороться, бороться и бороться. (*Аплодисменты*).

Заболотный (тр. гр., Подольская губ.). Господа народные представители. Если бы месяц тому назад декларация, которую мы выслушали сегодня, была прочитана перед народом, то она вызвала бы уныние, она вызвала бы, вероятно, траур. Но в настоящее время, когда мы сами здесь на страже интересов этого народа, быть может, народ ещё будет продолжать верить, может быть, он не потеряет своих надежд. Мы, уполномоченные от крестьян, особенно были поражены тем, что нам сказали об особой заботе о крестьянах, но забыли о земле. Но мы ещё более были поражены тем, что правительство и впредь обещает ограждать спокойствие и безопасность страны существующими ныне законными способами. И впредь, значит, способы будут те же, которые были раньше, значит, все насилия, все беззакония, все сожжения сёл, изнасилования женщин будут и впредь в числе законных средств, которыми ограждается спокойствие.

Председатель. Прошу сохранять надлежащее уважение в словах.

Заболотный (Подольская губ.). А потому, признавая, что в заявлении министерства есть узурпация власти, которая совершенно не принадлежит этому министерству, признавая, что в этом адресе, наряду с упомянутыми обещаниями, которых министерство не имело права касаться, забыта такая вещь, как приостановление смертной казни, — мы считаем, что министерство, являющееся с такой декларацией, не отвечает совести народа, не отвечает нашему долгу перед страной и что ему остаётся один путь — поскорее выйти в отставку. Но не только представители левой, а также и такой умеренный и осторожный в суждениях человек, как гр. Гейден, не щадит слов для осуждения министерской декларации.

— Когда я шёл в государственную думу, — говорит он, — я полагал, что нам будет дана возможность мирно и благотворно вести работу и что мы встретим в правительстве полное сочувствие на этом мирном пути. Но, к сожалению, сегодняшняя декларация министерства убедила меня в совершенно противном. (Гром аплодисментов). Министерство своим непониманием положения вошло в тупик, из которого, мне кажется, для него в настоящее время трудно найти выход. Какая главная теперь задача всякого правительства? Прежде чем приступить к какой-нибудь законодательной работе, необходимо страну умиротворить и внести спокойствие в взбаламученное море, которое теперь существует в России. С одной стороны волнует Россию национальный вопрос, с другой — всеобщее волнение, вызванное разными причинами, которые не место здесь в настоящее время обсуждать. Между тем министерство совершенно обходит здесь вопросы о национальности, не указывает той политики, которой оно желает по этому вопросу держаться. Что же касается умиротворения страны, то оно с гордым сознанием своей власти остаётся при тех же старых, испытанных и всеми признанных негодными рецептах. Само правительство более года тому назад признало полную негодность этих средств, которые ему даёт в руки закон усиленной охраны. Тем не менее, сегодня мы опять слышим в декларации министерства, что это есть единственное средство, к которому оно считает возможным прибегать, пока не будут выработаны новые законы. Но ведь до настоящей минуты выработка законов была в руках правительства, и целый год, несмотря на создание целой массы законов, эти главные законы всё-таки не были выработаны, и министр юстиции нам заявляет, что и теперь эти законы ещё вырабатываются и что, когда эти законы будут введены в жизнь, тогда только правительство отменит им самим более года тому назад признанные никуда не годными законы об усиленной охране. Министерство этим заявлением признаёт себя вполне несостоятельным. Далее, по вопросу о неприкосновенности права собственности министерство категорически заявило, что не допустит принудительного отчуждения. Это тоже заводит его в тупик, из которого положительно нет выхода, так как после такого категорического заявления, очевидно, не может быть допущено даже частичное отчуждение. Я совершенно не стою на почве того аграрного закона, который внесён фракцией партии народной свободы, я нахожу, что государственный запас, о котором там говорят, вообще недопустим; я, как и министерство, стою на почве права собственности, но думаю, что это право нисколько не пострадает, если оно уступит государственной необходимости в тех пределах, в которых законодательное учреждение признает такую уступку необходимой. (*Аплодисменты*).

Далее, отсутствие желания со стороны министерства как-либо плодотворно работать с Думой проявляется не только в том, что оно до сих пор не внесло на рассмотрение Думы ни одного законопроекта, но даже сегодня, не выждав окончания прений, весьма существенных и определяющих его отношение к Думе, всецело удалилось из этой залы и оставило нас. (*Аплодисменты*). При таком положении дела я глубоко убеждён, что дальнейшая работа при нынешнем составе правительства немыслима, но я не могу согласиться с теми, которые признают, что мы должны требовать ухода министерства. Я нахожу, что мы не имеем права выходить из пределов закона, резко и настойчиво заявлять требования и выходить из рамок, устанавливающих пределы деятельности Думы.

Я не поддержу того заявления, которое будет сформулировано в смысле требования выхода в отставку министерства, и не сделаю этого по двум причинам: не только потому, что это право не принадлежит нам, а ещё потому, что, если мы потребуем этого, то мы очутимся в том самом тупике, в котором находится министерство. Мы резко поставим вопрос, и тогда — или мы должны будем

уйти, или должно будет уйти министерство. Уход министерства не в нашей власти, но я не желаю, чтобы нынешняя Дума в настоящее время, не совершив ничего, прекратила свою работу; я всё-таки надеюсь и уповаю, что желание Думы, выраженное в форме категорической, но законной, будет услышано, и что поле сражения останется не за нашими противниками, а за нами.

Я думаю, что мы не имеем никакого права скрыть от Монарха то впечатление, которое на нас произвела декларация министерства. Мы должны резко подчеркнуть, что она нас не удовлетворяет ни по содержанию, ни по форме, которая никоим образом не может быть признана парламентарной. Я полагаю, что всякое министерство, желающее работать с Думой, должно этой Думе протянуть руку примирения и, выговорив свои права, оно, тем не менее, должно отнестись с уважением к правам Думы. Между тем в декларации этой резко и твёрдо говорится о правах министерства, говорится, чего нам не дадут, чего не позволят, но нет ни одного слова примирительного, которое дало бы хотя бы маленькую надежду, что мы будем в состоянии с этим составом правительства работать. Я думаю, что представителями власти должны быть представители современных идей, а не носители тех ветхозаветных мыслей, того ветхозаветного строя, какими является большинство теперешнего министерства, и мое глубокое убеждение, что это министерство должно уступить место другому, пользующемуся доверием думы. В этом отношении, мне кажется, дума и должна высказаться. (*Продолжительные аплодисменты*).

Лосев (тр. гр., Тамб. губ.). Господа народные представители, до сегодняшнего дня я был движим чувством радости, я думал, что вот настанет тот момент, в который начнется обновление нашей измученной страны, я думал, что этот голос измученной страны раздался по всей стране и дошел до слуха великого священного вашего Монарха. Но, друзья, я вам скажу, радость моя была, и сердце мое чувствовало радость только до сегодня. Я ныне услышал с этой трибуны тот ужасный голос, который принес сюда премьер, председатель совета министров; он ясно и кратко сказал, что все то, чего требует страна, безусловно недопустимо ставить на разрешение государственной думы. Что же тут недопустимого? Именно главный вопрос удовлетворению и не подлежит. Меня это сильно огорчило, да думаю, что не одного меня, но я думаю, всю страну. Этот листок помутил глаза тех крестьян, которые тут с нами, помутил глаза и сердца тех, которые ждали, что осуществит нам эта дума. Опять нам грозит та золотая туча этих золотых мундиров бюрократии, которая снова нас раздавит. Тут, с этой трибуны, раздались страшные слова, что выполнение наших требований невозможно, т. е. мы слышали совершенный отказ. Я теперь снова ставлю себя в число тех бедных крестьян, к которым я принадлежу, и говорю, что они снова обратились при всей своей силе, какую они имеют, в прежнее состояние. Я хорошо знаю, что это 100-миллионное крестьянство имело бы громадную силу, если бы дать в его руки такие способы, при которых оно могло бы расти и развиваться. Но кого же оно теперь собою изображает? Это сильный, могучий, но слепой Самсон. Я повторяю теперь, что же сделали с этим 100-миллионным трудовым населением? Его и до сих пор обращают в игрушку, как это делали филистимляне, когда привели этого жалкого, слепого человека в свой храм. Мы сильны, но всеми хитростями и кознями мы ослеплены и поэтому нас берут на это зрелище, как Самсона брали филистимляне. Еще раз я повторяю всем, на ком лежит обязанность, взять за пример и не забывать этого Самсона и не забывать этой 100-миллионной группы крестьян. Знаете, что сделал Самсон в последний момент, когда он почувствовал вновь в себе прежнюю силу? Он сказал вожаку: «Подведи меня к колоннам и дай мне ощупать их». И опершись правой рукой в одну, а левой в другую колонну, сказал: «Умри, душа моя, с филистимлянами». Что, друзья, заставило его это сделать? Если бы он при своей силе не был бы обманут этой хитрой Далилой и не

были ему выколоты глаза, то он этого не сделал бы. Но когда он пришел в безвыходное положение, тогда, опершись и опрокинув столбы, на которых было устроено зрелище, с теми многими тысячами, которые пришли смотреть на него, он сказал: «Умри, душа моя, со всеми ими». Это он сделал потому, что ему тошно стало жить сильному, но слепому. Все трудовое крестьянство поставлено теперь в такое критическое положение, что его сделали как этого жалкого, слепого Самсона. Но я не ручаюсь за то, выдержит ли этот несчастный Самсон или также упрется и скажет: «Умри, душа моя, с филистимлянами» (*аплодисменты*).

Жилкин вносит следующую формулу перехода к очередным делам: «Усматривая в выслушанном заявлении председателя совета министров решительное указание на то, что правительство совершенно не желает удовлетворить народные требования и ожидания земли, прав и свободы, которые были изложены государственной думой в её ответном адресе на тронную речь и без удовлетворения которых невозможно спокойствие страны и плодотворная работа народного представительства; находя, что своим отказом в удовлетворении народных требований правительство обнаруживает явное пренебрежение к истинным интересам народа и явное нежелание избавить от новых потрясений страну, измученную нищетой, бесправием и продолжающимся господством безнаказанного произвола властей; выражая перед лицом страны полное недоверие к безответственному перед народным представительством министерству и признавая необходимейшим условием умиротворения государства и плодотворной работы народного представительства немедленный выход в отставку настоящего министерства и замену его министерством, пользующимся доверием государственной думы, государственная дума переходит к очередным делам».

Формулу эту депутаты встречают оглушительными аплодисментами, и она принимается подавляющим большинством голосов. Только десять депутатов (в том числе М. Стахович) высказались против неё, но и эти немногие заявили 15 мая, что они тоже осуждают правительственную декларацию и желали бы лишь более мягкой редакции формулы перехода.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Аграрный законопроект.

9-е заседание

15 мая

К обсуждению записки 42-х членов дума приступила в 9-е заседание, в тот самый день, когда совет министров внёс законопроект о перестройке пальмовой оранжереи и сооружении прачечной при Юрьевском университете.

Ввиду того, что декларация правительства обнаружила его нежелание идти вместе с народным представительством в решении аграрного вопроса и этим изменила положение дела, проф. Петражицкий предлагает передать записку без предварительного обсуждения прямо в комиссию. Это устранило бы, по его мнению, в значительной степени возможность резких разногласий, которые могли бы вызвать ошибочное представление, будто дума разделяется на множество враждебных лагерей. Внесённая записка представляет не более как материал; в ней не

разработана финансовая сторона вопроса. В комиссию могут поступить и другие материалы, и она будет в состоянии установить равнодействующую.

Председатель заявляет, что предложение о том, чтобы не начинать прений, он поставить не может; если же решено будет передать вопрос в комиссию, не возбуждая прений, то депутаты сами должны воздержаться от обсуждения, и тогда можно будет избрать комиссию на тех основаниях, которые будут предложены.

Против этого предложения решительно восстаёт кн. Волконский на том основании, что записка не даёт материал, а устанавливает известные начала, с которыми многие несогласны.

Медведев (Тверская губ.) и Савельев (Нижегородская губ.), наоборот, поддерживают предложение Петражицкого. Савельев предлагает со своей стороны избрать комиссию достаточно обширную, с тем чтобы в ней от каждой губернии были свои представители и чтобы, сверх того, в неё вошли представители крестьян и специалисты.

Председатель замечает, что Савельев, если он хочет поставить своё предложение на баллотировку, должен дать ему более определённую формулировку.

Массониус (Минская губ.) согласен с Петражицким, что рассмотрение по существу вопроса нужно перенести в комиссию, но всё же полагает, что без общего обсуждения обойтись нельзя, так как только тогда можно правильно составить комиссию. Предложенный состав в 33 члена непригоден. Комиссия должна быть многочисленной.

Решительным противником передачи записки в комиссию без общего обсуждения является Кузьмин-Караваев (Тверская губ.). Он повторяет просьбу графа Гейдена не стеснять не принадлежащих к большинству лиц.

Петражицкий. По поручению комиссии 19 имею честь предложить Государственной думе по поводу записки 42-х по земельному вопросу:

«1) избрать аграрную комиссию из 88 членов;

2) принять следующие правила выборов:

а) каждый член Думы подаёт записку с именем одного предлагаемого им кандидата;

б) избранными считаются 88 членов Государственной думы, получивших относительное большинство голосов».

Я сообщу ещё третий пункт как техническое дополнение. «В случае необходимости выбора одного или нескольких лиц из большего числа лиц, получивших одинаковое число голосов, применяется жребий». Цифра 88 не лишена значения. Цифра 88 есть пятая часть пленума, согласно правилам пропорциональных выборов. При этих правилах каждая группа, состоящая из 5 человек, гарантирована в том, что она может послать своего представителя в комиссию. Та группа, которая имеет 10 голосов, обеспечена, что пошлёт в комиссию 2 членов. Техника производства выборов, то есть подготовки, так сказать, у себя дома, может состоять в том, что имена кандидатов пишутся на 5 записках и раздаются между членами данной группы. Если чьё-либо имя 5 раз повторяется, то гарантировано, что он будет избран при этой системе. Он будет принадлежать к относительному большинству.

Васильев (Казанская губ.). По моему мнению, аграрная комиссия должна состоять, во-первых, из редакционной комиссии в 33 члена, избранной Государственной думой в полном составе, во-вторых, из двух представителей каждой губернии: причём один из представителей должен быть из депутатов, избранных крестьянской курией, другой — избранный всеми прочими депутатами.

10-е заседание

16 мая

Якушкин (Курская губ.). 42 лица, подписавшие записку, на 10-м заседании (16 мая) предложили избрать комиссию из 33 членов, принимая проект наказа, который имели в виду. Они предложили комиссию в наибольшем составе. Они хорошо понимали, что для разработки аграрного вопроса такая комиссия будет недостаточна, и для обсуждения этого вопроса они полагали, что выбранная думой аграрная комиссия обратится к думе с предложением образовать ещё особую секцию. Поправка, приложенная к нашему предложению, именно основывается на известной комбинации комиссии 33 и ещё других комиссий, особым способом избираемых. Я не уполномочен от товарищей, вместе со мной подписавших записку, указать, как эту поправку они примут; но я уполномочен заявить, что в виду возбуждающегося вопроса и важности его — о необходимости избрать комиссию сразу более чем из 33 членов, — мы не настаиваем на избрании комиссии непременно из 33 членов, но также присоединяемся к высказанному мнению избрать комиссию в большем составе. Я предлагаю из 88, но без указания системы.

Шелихин (Астраханская губ.). Господа, я считаю, что избрание аграрной комиссии — вопрос величайшей важности, и, по моему личному мнению, для того, чтобы осветить всё это правильно, должен быть представитель от каждой губернии — один. Нужно самостоятельно избрать всей думой 33 члена — специалиста по аграрному вопросу. Есть другая поправка, по которой должно быть по 2 представителя от каждой губернии. По моему мнению, тогда комиссия оказалась бы слишком велика и едва ли трудоспособна, а потому предлагаю предоставить каждому члену думы вносить свои поправки в комиссию для обсуждения.

Скирмунт (Минская губ.). Вчера дума поступила очень справедливо, не решив прекратить все прения по этому поводу посредством упрощённой гильотины. На одном пункте, несомненно, мы всё-таки опять будем единодушны, — это в желании по возможности содействовать улучшению положения крестьянского хозяйства и увеличению площади их землевладения или землепользования. Несомненно, если все те предложения, которые заключены в этом заявлении, будут приняты, то крупное и среднее землевладение будет упразднено. Однако принудительное отчуждение не остановится только на этих формах землевладения. Во многих случаях и мелкое землевладение будет поглощено. Ведь в пятом пункте «в» сказано, что различные угодья и земли, не превышающие по площади установленные по законам размеры на одного владельца, должны подлежать обязательному отчуждению, если местное население не может получить достаточного обеспечения из других земель в той же местности. Также в некоторых других случаях разрешается обязательное отчуждение даже мелких участков земли. Если законопроект будет разработан на основании заявления, ломка прежнего строя в прежней форме землевладения произойдёт основательная. Однако вопрос — в чью пользу произошло бы это? Кто явился бы, так сказать, наследником этого бывшего землевладения? Местные землевладельцы были бы замещены миллионами новых счастливых собственников? Вовсе нет. Единственным наследником, единственным юридическим лицом, которое бы приняло в свою собственность все отчуждаемые

земли, было бы государство — все земли поступили бы в государственный земельный фонд. Опять благодать для бюрократии — Эльдорадо. Конечно, никто из крестьян и мелких землевладельцев не получит из всего этого ни одной десятины, ни малейшего куска земли. Из государственного земельного запаса земли передаются в долгосрочное пользование на срок, установленный подлежащими учреждениями, однако без права переуступки. Земли будут отдаваться казной в аренду на известный срок, на 10–20 лет, а может быть, и пожизненно, однако не в собственность; все наследственные права будут безусловно исключены: сын не будет пользоваться плодами трудов своего отца. Это не ставит себе задачу — увеличение площади крестьянского землевладения. Здесь сказано только о пользовании землёй. Не знаю, как это решение вопроса будет принято в тех местностях, где существует общинное землевладение, но в районах подворного, личного землевладения такой проект будет принят с недоумением, с ужасом. В п. 7 сказано: «Из государственного земельного запаса отводятся земли сначала местному населению, а за удовлетворением потребности местного населения земли предназначаются для переселенцев». Мне кажется, что этот вопрос поставлен тоже неправильно. Не следует устраивать переселенческого дела во внутренних губерниях России с сравнительно значительным населением. Например, в некоторых уездах Волынской и Минской губерний в настоящее время оказалось бы ещё много свободных участков, однако прирост населения там значительно выше среднего нормального процента. Через несколько лет эти земли будут необходимы местному населению. Я не буду упоминать о праве частной собственности — это понятие, по мнению многих, устарело, может быть, даже предрассудок. Однако передача и отчуждение таких громаднейших пространств, как полагается по этому проекту, требует громаднейших финансовых средств и расходов; откуда взять их? Вопроса этого для авторов заявления не существует. Однако это может отразиться неблагоприятно на положении всего государства. Как это повлияет на благосостояние населения, которое лишится миллионов заработка, который им доставляют в настоящее время крупное и среднее землевладение? Как это отразится на культуре и промышленности, не поведёт ли это прямо к государственному банкротству? Дать положительный ответ на эти вопросы необходимо, прежде чем мы приступим к решению земельного вопроса. Если крестовый поход физиократов, аграриев и доктринёров против частной земельной собственности будет иметь успех, то этим всё-таки дело не кончится, ещё останется множество безземельного населения, останутся ещё рабочие, останется и бедное городское население. Они тогда выступят с иском к имущим классам, с требованием передать в их пользование дома, промышленные заведения, капиталы. И это требование будет вполне справедливо, и мы не найдём никаких справедливых против него возражений. После японской авантюры, после несчастной внутренней междоусобицы, не толкнём ли мы страну в новую экономическую и социальную авантюру, ещё более опасную в своих последствиях? Однако мы, конечно, будем стоять, думаю, единогласно за выборы комиссии. Частная собственность может быть сохранена и должна быть сохранена для общей пользы государства; однако одновременно площадь крестьянского землевладения может быть и должна быть увеличена. Мы знаем, что это невозможно сделать без многих жертв со стороны имущих классов, но на это все приготовлены. (Сдержанные знаки неодобрения).

Председатель. Прошу прощения, что в качестве председателя я позволю себе сказать следующее: авторитет законодательного учреждения, какова Государственная дума, стоит высоко и может стоять высоко только при условии, что все члены Государственной думы имеют возможность высказывать свободно своё мнение; именно потому, что дума выслушивает все мнения и, выслушав их, постановляет своё решение большинством голосов, именно потому, что

решение последует после выслушивания всякого рода мнений, это решение приобретёт особый авторитет и про него нельзя будет сказать, что решение постановлено под односторонним влиянием и т. д. Поэтому я вас прошу, усерднейше прошу, воздерживаться от знаков неодобрения. Эти знаки неодобрения всегда ораторов смущают. Можно не одобрять дурной поступок, если только допустить, что кто-нибудь из нас способен на такой поступок, но не одобрять взгляды, которые высказываются членами Государственной думы по долгу совести, мне кажется, не следует. Прошу извинения, что я позволил себе это сказать, но достоинство… (*Аплодисменты*).

Шольп (к.-д., Киевск. г.). Нам предстоит обсуждение двух вопросов: обсуждение общих директив, которые мы хотим дать той комиссии, которая будет избрана; а второй вопрос — относительно способа избрания этой комиссии. Я предлагаю: не найдёт ли Государственная дума необходимым вначале обсудить последний вопрос, именно о способе избрания этой комиссии, и мне кажется, что тогда в зависимости от состава её можно будет определить объём директив.

Председатель отказывается, однако, поставить это предложение на баллотировку, так как оно тождественно с предложением Петражицкого, признанным уже неприемлемым.

Токарский (к.-д., Сарат. г.). Я принадлежу к тем 42, которые подписали заявление; мы все думаем, что этот вопрос нельзя в настоящее время подробно обсуждать. Если мы будем подробно останавливаться на том вопросе, какие элементы должны входить в комиссию, то не один и не два дня, а может быть, несколько дней и недель будем подробно рассуждать. Нам важно в настоящее время одно установить — какого рода директивы мы должны дать настоящей комиссии. Наше постановление, которое выражено в ответном адресе, уже было основой тех положений, которые указаны в заявлении — это есть не что иное, как урегулирование острой земельной нужды путём отчуждения определённых, точно указанных разрядов земель. Это есть частичное рассмотрение аграрного вопроса, а не всего земельного вопроса. При такой постановке вопроса, конечно, общие социальные реформы падают; нельзя сваливать всё в общую кошелку, нужно разделять: ведь сюда не вносятся земли крестьянского населения, как таковые, полученные ими по наделению, сюда также не вносятся земли, приобретённые крестьянами. Когда мы ехали сюда, когда нас посылали с места, с нас требовали разрешения земельной нужды, и никто таких полномочий не давал, чтобы пересматривать все социальные вопросы, касающиеся землевладения. Надо было рассмотреть весьма существенный вопрос, исторический вопрос русской земли, заключающийся в том, что с давнего времени предполагается так: что «земля находится при землепашце» и от неё он не должен уходить, «земля не может делаться предметом торгового оборота». Возражения будут поставлены справа и слева. Эти поставленные возражения в общей форме также известны хорошо, и также хорошо выяснены в литературе и также выяснены здесь у нас в группах. Ведь нельзя говорить о том, что мы первый день рассуждаем здесь по аграрному вопросу; этот вопрос с первого дня стоит у нас. Три недели мы здесь живём и три недели отдельными группами и кружками мы обсуждаем этот аграрный вопрос. Теперь вопрос, как же выбрать эту комиссию? Несомненно, что у нас здесь несколько течений: течение чисто идеологическое и течение чисто практического характера, и нужно, чтобы представители того и другого попали в эту комиссию. В члены комиссии должны быть выбраны также представители другого рода воззрений, местных, следовательно — нужно выбирать по местностям. Против этого может представляться такого рода возражение, что как же можно одну и ту же комиссию выбирать разными способами? Господа, внесённый проектом вопрос такой сложный, большой вопрос, который в истории раз может встретиться, не может подойти под формулу. В комиссию 33-х будем выбирать нормальным способом — записками, а

остальных от местности: от каждой губернии по одному человеку. Поэтому я вполне присоединяюсь к предложению Шелихина.

Еропкин (Рязанской губ.). Я только что вернулся из деревни, где я имел случай беседовать по этому вопросу на сельском сходе, и я убедился, что крестьяне ожидают гораздо большего, чем может предложить им к.-д. партия. Крестьяне нашей местности преимущественно пользуются общинным землевладением. Крестьяне могут мириться с мыслью, чтобы отчуждённая земля была зачислена в государственный земельный фонд, как они выражаются: «пусть земля будет царская, но не барская». Но они предполагают, что условия аренды будут чрезвычайно льготные; мне, например, указывалось два рубля за десятину. По средней оценке земельного банка у нас ценность определяется в 150 р. за десятину; а так как последний государственный заём заключён из 6 проц., то очевидно, что на месте арендная цена на землю должна быть 9 р., — если даже реализовать займы по 5 проц., то цена может быть не ниже 7 р. 50 к. Сопоставьте теперь ту цену 2 р., которую ожидают крестьяне, с той ценой, которая должна определиться, арендной: 7, 8, 9 руб. за десятину, и вы поймёте, какое горькое разочарование постигнет крестьян.

Я предлагаю передать землю крестьянам на возможно льготных условиях. По вычислениям проф. Мануилова для того, чтобы довести крестьянские наделы до высшей нормы 1861 г., потребовалось бы отчудить частновладельческих земель до 26 миллионов десятин. Если мы примем цену за десятину в среднем, как указано проф. Герценштейном, т. е. 72 р., то, очевидно, для всей этой операции потребуется 1,872 миллиона. У крестьянского населения имеется в настоящее время в долгу за государством почти половина этой суммы, — я имею в виду погашенную часть выкупных платежей в сумме 814 миллионов рублей. Если считать также ту переплату выкупных платежей, которая произведена крестьянами, — конечно, крестьяне всё время платили больше государству, нежели само государство в первое время платило по своим займам, — то со времени конверсии государственных долгов переплата достигла 1,7 проц.; на эту переплату крестьянами заплачено 95 миллионов руб., итого 909 мил. руб., состоящих в долгу за государством, которые совершенно справедливо должно возместить крестьянскому населению.

С другой стороны, какое же может быть более производительное направление этих денег, как не на увеличение площади крестьянского землевладения. Не мало не претендуя, чтобы настоящим моим заявлением я мог сколько-нибудь изменить решение конституционно-демократической партии по постановке земельного вопроса в государственной думе, и имею честь предложить вниманию думы попутно с проектом отчуждения владельческих земель на указанных началах рассмотреть и моё предложение, действие которого вполне допустимо одновременно и параллельно с государственной эксплуатацией принудительно-отчуждённых земель.

Я предлагаю на предмет увеличения земельного фонда возвратить крестьянскому населению из казны 909 миллионов рублей, составляющих погашенную часть выкупных платежей (к 1 января 1906 г. — 1,814 мил. р.) и переплату на выкупных платежах — 95 мил. р. Мера эта может быть осуществлена путём выпуска государственных обязательств с оплатой процентов за счёт государственного казначейства. По книгам выкупной операции весьма легко вычислить погашенную часть выкупной ссуды не только по каждому сельскому обществу, но и по каждому двору. Я полагаю, что с отменой выкупных платежей по закону 3 ноября 1905 г. вся выкупная операция является отменённой, а потому совершенно справедливо возвратить крестьянскому населению все его сбережения, которые помещены в погашенных выкупных ссудах. Такой возврат

909 миллионов рублей крестьянскому населению не только являлся бы актом справедливости, но и дал бы возможность крестьянскому населению приобрести необходимую ему землю на особо льготных условиях, в общем по Империи за полцены, или точнее сказать, из половинной доли процентов, так как, по расчётам многих экономистов, для проведения аграрной реформы необходимо 1,872 млн руб.

Детали настоящего моего предложения я могу сообщить комиссии, если дума пожелает передать туда возбуждённый мною вопрос.

Петражицкий, опасаясь, что прения примут хаотический характер, делает ещё раз попытку убедить думу немедленно же передать вопрос в комиссию, но председатель признаёт это недопустимым.

П. А. Попов (Тамбовская губ.). «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», так мы просим Бога ежедневно и всё-таки остаёмся без хлеба. Все вы знаете, откуда крестьянин-земледелец добывает себе насущный хлеб — с земли, а у него осталась одна полоса её. С этой полосы он должен прокормить свою семью с малолетними детьми, а тут надо отопиться, осветиться, обуться, одеться, уплатить казённые подати… да всей нужды и не перечесть. На таком наделе крестьянин всегда голодный и холодный. Дома есть и работать нечего. Идёт он на чужую сторону на заработки, оставляет свою жену с малолетними детьми без хлеба, утешая её: «Я заработаю, пришлю тебе денег». Ушёл работать, работы нигде не нашёл; денег жене не выслал; жена надевает на детей суму и посылает их по миру побираться. Вот как живёт наш мужичек-пахарь. У него были святые надежды на государственную думу, — дума выхлопочет нам землицы. Действительно, дума употребляет все усилия к тому, чтобы добиться для трудового народа земли; здесь мы слышали от помещиков, что и они желают уступить свои земли трудящемуся народу. На наш ответ на тронную речь Государю председатель совета министров объявил нам, что дума не может отчуждать земли и передавать трудящемуся народу. Мы, крестьяне, не верим этому. Мы обращаемся к нашему милостивому Царю-Батюшке (Оборачивается к портрету Государя). Он, милостивый, Царь-Батюшка, даст нам землицы. Мы просим хлеба, неужели он подаст нам камень. Я обращаюсь к государственной думе и прошу ещё раз войти с просьбой о земле к Государю Императору. Государственная дума должна исполнить свой долг, несмотря ни на какие препятствия. Ведь весь народ, со всех сторон ожидает от думы великую и богатую милость. (*Аплодисменты*).

Лопас (Ковенская губ.). Присоединяюсь к тому, что желательно, чтобы комиссия состояла из 88 лиц. Как представитель одного и того же края с одним из предыдущих ораторов, я хотел бы сказать несколько слов об отчуждении частновладельческой собственности и о справедливой оценке. Я знаю, что в Литве очень небольшое количество десятин монастырских и казённых земель, которые можно было бы отчуждать. Приведу пример по Ковенской губернии. В этой губернии имеется приблизительно 1 800 000 дес. земли дворянской и только около 167 тыс. дес. церковных и казённых земель и близко 1 675 000 дес. крестьянской земли. Выходит, что у дворян земли больше, чем у крестьян, между тем как дворян 80 000 душ, а крестьян 1 100 000. Откуда же взять земли? А между тем около 45 проц. населения безземельных. Кроме частновладельческой земли, другой земли взять неоткуда. Что касается справедливой оценки, то между представителями одной и той же территории, одного и того же края разные мнения. Я не высказываю своего личного мнения, но, как представитель крестьян Ковенской губ., я должен выразить мнение их. Как известно, у нас, в Литве, в народе сохранилось предание, что в Литве не было крепостного права.

Оно, говорят, введено в Литве с 1764 года и стало развиваться с того времени, когда Казимир Понятовский получил в Литве в награду надел, — latifundia, затем в свою очередь он продал его Роппу к Карпю со всеми угодьями и крестьянами. Крестьяне, которые меня прислали, указывают, что с того времени крестьянские земли вместе с крестьянами стали отдаваться в частную собственность. У них живёт мысль о том, что в оное время они были сами владельцами этой собственности. Но потом кто-то могучей рукой завладел ею и продал её. Я сам видал в лесах кресты, фундаменты и могилы бывших деревень и даже среди помещичьих имений. В различных местностях упоминается о том, что там-то была деревня и там-то была деревня, там-то был жилец и т. п. Как местные крестьяне могут смотреть на эту справедливую оценку по 100–200 руб. за десятину, когда они знают, что отцы их кровью и потом обливали эту землю, и когда их, как скотину, оттуда изгоняли! Тут нужно будет считаться с этим взглядом.

Трасун (Витебская губ.). Мне кажется, что для думы вовсе не повредит, если поговорить об этом вопросе более подробно. В этом законопроекте есть много таких мест, на которые и помещики, и крестьяне не согласятся. Затем крестьяне не только нуждаются в увеличении площади землепользования или землевладения. Нужда крестьян происходит тоже из чересполосного владения, которое почти повсюду у нас в России. Пока чересполосица не будет в России уничтожена, мы не можем наделять крестьян землёй; не говоря о том, что, может быть, даже земли не хватит, они всегда будут терпеть нужду. Я не буду говорить о других губерниях, скажу только о Витебской губернии. Есть в Витебской губернии действительно много крестьян таких, у которых земли мало, которые землёй прожить не могут, таких, у которых земли совсем нет и которым землю дать надо; но есть крестьяне и такие, у которых имеется земли достаточное количество, и эти крестьяне тоже терпят нужду. А почему? Потому, что у них одна третья часть земли вовсе не обрабатывается. В Курляндии и Лифляндии, где хуторное хозяйство, заведена шестипольная, семипольная система, — там обсевают всё поле. В Витебской губернии треть поля гуляет, и крестьянин остаётся без хлеба. Обсевать он его не может, потому что сосед не соглашается. Комиссия это тоже упустила из виду. В одном месте упоминается о чересполосице, но только о том, что есть чересполосица. А собственно о том, нужно ли её уничтожить и как это сделать, об этом вовсе не говорится. Кроме того, господа, я тоже в этом законопроекте замечаю то, что не может даже удовлетворить самих крестьян. Крестьяне действительно всё время ожидали, что им землю дадут, они были уверены, что им дадут землю в собственность, но не ожидали, что землю им дадут в пользование. Какая будет польза, что они получат её в арендное пользование? Ведь арендное пользование и теперь есть. Будет то, что крестьянин сперва, может быть, будет платить не очень большую аренду, затем она будет повышаться; такие примеры и теперь имеются. Казённые леса почти во всех губерниях продавались крестьянам раньше не дороже 100 рублей за десятину, в Витебской губ. теперь эта десятина казённого леса, предназначенного для нужд крестьян, продаётся за 600 рублей. Как вообще будет с землёй? Или вся она, как есть, будет отчуждена, и помещичья, и крестьянская, до последней десятины, или будет только отчуждена известная часть земли? Иными словами, будет ли отчуждена только помещичья земля, а крестьянская, за которую владельцы внесли выкуп и к которой земля должна перейти в собственность, не будет подлежать отчуждению? В данном случае, какое положение может создаться в России? Такое, что одни из крестьян будут пользоваться правом собственности, а другие будут пользоваться правом аренды. Это, по-видимому, вовсе нежелательно для нас. Дальше я хотел ещё обратить внимание на отчуждение церковных земель. Я ничего не имею против того проекта, который внёс Чаксте (см. стр. 108). Но я хотел обратить внимание вообще на положение духовенства: католические

священники в некоторых местностях вовсе никакого жалованья не получают. Православные священники, насколько мне известно, получают только триста рублей в год или немного больше — на это жалованье не проживёшь. Раньше надо назначить для них определённое жалованье и только тогда уже говорить об отчуждении церковных земель. Вот на это только хотел я обратить внимание в законопроекте; по моему мнению, недостаточно издать только один закон, общий для всей России. Местные положения и способы землевладения и землепользования так различны в России, что один закон для всех никогда нельзя издать. Поэтому надо было бы предоставить это местным учреждениям. (*Аплодисменты*).

11-е заседание,

18-го мая.

Убедившись, что немыслимо удержать поток страстных заявлений за и против земельной реформы, проф. *Петражицкий* и сам выступает с большой горячей речью по существу вопроса, в которой он выказывает себя решительным противником начал, положенных в основу записки 42-х депутатов. Реформа, по его мнению, необходима и при том именно путём принудительного отчуждения, но она должна быть произведена совершенно иначе, чем предлагается в записке.

«Я юрист не только по званию, но и по убеждениям, — заявляет Петражицкий, — т. е. я считаю необходимым уважение прав и исключение произвольного с ними обращения. Тем не менее, в данном случае я полагаю, что юридический вопрос о праве собственности вообще не относится к делу. Во всяком элементарном учебнике гражданского права можно найти разъяснение, что неприкосновенность собственности имеет вовсе не смысл какой-то абсолютной неотъемлемости, а иной смысл, такой, с которым вполне мирится начало принудительного отчуждения со справедливым вознаграждением, если того требует общественная или государственная польза. В области нормировки аграрных отношений принудительное отчуждение есть мера, во многих областях применяемая и необходимая. Между прочим, членами теперешнего правительства, с которыми мне пришлось заседать в учреждении, обсуждавшем аграрный вопрос, не возбуждалось никакого сомнения по поводу принудительного отчуждения, когда разговор шёл о принудительном отчуждении для устранения чересполосицы. Затем принудительное отчуждение применяется и в других случаях такого расположения участков, которое мешает успеху сельского хозяйства, например, при невозможности свободного прохода и т. д. Особенно важная область применения принудительного отчуждения — превращение менее совершенных форм землепользования в хуторское. Далее, опять в аграрной области принудительное отчуждение применяется для устранения сервитутов и иных прав, сковывающих собственность, в интересах самой собственности. Наконец, сюда относится также выкуп вечных аренд, чиншевых владений и т. п. Вообще я полагаю, что для избежания лишнего осложнения и затемнения вопроса нам следовало бы оставить разговор о неприкосновенности права собственности, а поставить вопрос — имеется ли налицо требование общественной или государственной пользы, оправдывающее отчуждение. Что касается этого вопроса, то на него, по моему мнению, не может быть иного ответа, как такой: на большом пространстве Российской империи налицо не только требование общественной пользы, но и нечто гораздо большее — крайняя необходимость устранения ужасного народного бедствия. Я не буду здесь заниматься перечислением и описанием общеизвестных явлений, хронических, появляющихся всё чаще и чаще, массовых голодовок и всех ужасов, которые с ними связаны, а также не буду касаться той психологии, которая получилась у населения, доведённого до отчаяния

своим положением, да ещё в такое время, когда к этому присоединяется революционное течение, разные надежды, ожидания и проч. Для того чтобы отрицать наличность требования общественной пользы, надо обладать не только бессердечием, но и слепотой, неумением видеть то, что есть, и предвидеть то, что может быть.

Но необходимо указать на существо болезни. Существо болезни состоит в том, что во многих областях империи имеется налицо поразительное несоответствие числа сельскохозяйственного населения и размера той площади земли, на которой это население живёт и работает. Нормальным соотношением этих двух факторов — числа народонаселения и площади — следует признать такое, при котором не только люди, трудящиеся, как следует быть, обеспечены против голода, но также народные трудовые силы имеют достаточную область для своего продуктивного приложения, так что не растрачиваются народные трудовые силы, и при том для дельных людей есть возможность и надежда добиться известного благосостояния, двигаться выше по социальной лестнице. Между тем мы имеем такое положение, что происходит растрата огромной массы народных трудовых сил вследствие отсутствия достаточной почвы для их приложения, и даже жизнь и здоровье множества людей гибнут вследствие недостатка питания. Откуда получилось это поразительное несоответствие числа людей и площади? Оно создано самим государством или, точнее, политикой прежнего режима. Эта политика состояла в искусственном прикреплении крестьян к земле, в создании и сохранении множества помех свободе передвижения и выходу крестьян из деревни в иные сферы жизни. Затем эта политика была направлена на то, чтобы не допустить просвещения к народу. Не только не исполнялись государственные обязанности в области просвещения, но даже то просвещение, которое могло бы исходить от частных доброхотных лиц, в виде обучения, в виде общения разных элементов народонаселения, и то не допускалось правительством. И темнота должна была сыграть ту же роковую роль, что и прикрепление к земле. Ибо для оставления деревни и избрания иного жизненного пути требуется надлежащая ориентировка относительно разных областей приложения труда. Далее, прежний режим, в частности его финансовая политика, действовал в направлении крайнего истощения крестьянства в имущественном отношении. В города, при нормальном развитии аграрного дела, уходят не только те, у кого мало поля для обработки, но и те, которые на почве достатка получают возможность достигнуть образования или получают от родителей средства для избрания новых путей жизни; бедность же прикрепляет к земле. Наконец, следует иметь в виду и общие свойства режима, который вёл к тому, что в стране не было жизнерадостности и радостной предприимчивости, а была апатия и общая задержка роста народного благосостояния. В других странах, где развивается, как следует, народная жизнь, лишние руки с земли вытягиваются в другие области труда. Чем быстрее рост общего народного благосостояния, тем больше передвижений с земли в города, тем меньше тесноты в деревне. И вот, я утверждаю без тенденциозности — я враг таковой, — что не крестьянство виновато, а правительство виновато в том бедствии, которое получилось. Мы, как наследники, отвечающие за долги наследодателя, получили в наследство вместе с другими бедствиями — громадными долгами, разорением страны, анархией и т. п. — ужасный, трагический земельный запрос и обязаны его решить, хотя и с великими жертвами. Я, впрочем, не хочу сказать и не думаю, что реформой, направленной на устранение того бедствия, о котором я говорил, будет достигнуто решение аграрного вопроса. Так думать было бы наивно.

Дело в том, что земля, к сожалению, не подлежит растяжению, как резина. Запас её, даже имея в виду все земли, в чьих бы руках они ни находились, небольшой. В записке, как идеал,

выставляется не то, что я говорил о нормальном соответствии, а только приближение к потребительной норме, причём понимают, что и границ, за которыми начинается голод, не легко достигнуть. Теперь это будет, скажем, сделано. Но народонаселение размножается, и эти границы лет через 5 окажутся уже границами в пределах голода, а земли больше неоткуда взять. Наряду с этим наделением надо вести иную, разумную аграрную политику. Решение аграрного вопроса должно направляться так, чтобы не прикреплять к земле и подавно не возвращать из городов тех, которые уже оставили землю. Надо дать и облегчить выход в другие классы, в другие сословия, в частности — выход в более состоятельные и просвещённые классы. Хотя, таким образом, наделение крестьян землёй есть только временный паллиатив, но это необходимая ввиду острого кризиса помощь тому бедствию, которое создано было предыдущей политикой. Для этой помощи нужно принести те жертвы, которые для этого требуются. Обыкновенно, когда говорят о жертвах, то имеют в виду сельскохозяйственную культуру, понижение сельскохозяйственной культуры, устранение образцовых хозяйств. Я должен сказать, что не придаю особенно серьёзного значения этой стороне дела по сравнению с другими, более серьёзными соображениями. Можно компенсировать дело устройством соответствующих школ, образцовых хозяйств от земств и т. д.; не в этом главная жертва; более серьёзная жертва — финансовая; всем, в том числе каждому, здесь сидящему придётся немало заплатить; но так как зажиточного населения и вообще народонаселения, кроме крестьян, мало, и миллиардов не взять с них, в конце концов бремя это падёт главным образом на самих крестьян. Надо иметь в виду, чтобы это бремя не оказалось слишком тяжёлым. Затем затронуты будут и промышленность, и торговля. Некоторые профессии, некоторые области торговли и промышленности будут выбиты из колеи, люди лишатся заработков, и здесь произойдёт известный кризис. Но главное, что надо иметь в виду, — это культура, но не сельскохозяйственная, а человеческая, цивилизация человеческая. Главная и наиболее важная жертва состояла бы в превращении всей страны сплошь в крестьянскую страну. Крестьянство с течением веков сделается очень просвещённым и культурным, но пока этого нет, большая жертва состоит в том, что мы всё то, что за городской чертой, все эти необъятные пространства оставляем без таких людей, которые путём общения, участия в самоуправлении, например, во всесословной волости, в мелкой земской единице, и другими средствами были бы, так сказать, источником культурной заразы, источником распространения цивилизации; и это может остановить цивилизацию, прогресс Империи на продолжительный период и дать политике Империи особый характер — характер косности, консервативности. Теперь бывают крестьянские волнения, но по существу нет более консервативного элемента, нежели крестьяне; и вот с точки зрения политики, при введении того избирательного права, которого мы требуем, — всеобщего и равного, — политика может получить особый, отрицательный характер. Реформа должна быть так проведена, чтобы был из деревни свободный выход и даже вытягивание людей. Требуется более глубокая и дальновидная аграрная политика, чем мы теперь имеем в виду. Надо, между прочим, иметь в виду и промышленность, торговлю, поддержку ремёсел, устроение городского самоуправления так, чтобы подлежащие области жизни были привлекательны и привлекали крестьян; весьма важно и рабочее законодательство, обеспечивающее сносную человеческую жизнь для рабочих. Крайне важно просвещение крестьян, облегчение возможности выхода и соответствующего распоряжения своим имуществом и личностью, облегчение и удешевление передвижения. Второй пункт — так проводить реформу, чтобы по возможности остались на земле и появлялись там вновь из крестьян люди со средним и высшим образованием, в том числе университетские, вообще просвещённые люди; от этого зависит судьба цивилизации. Я бы сказал,

чтобы была там трудовая норма владения, но не такая, чтобы человек своими собственными руками за плугом мог обрабатывать её, а такая трудовая норма, чтобы человек образованный всё-таки не считал невозможным жить в деревне, а напротив, считал бы возможным пахать ниву не только в буквальном смысле, но и питать народную в переносном смысле, быть производителем культуры и цивилизации. Вот два главных тезиса, которые, я считаю, должны быть основными директивами реформы. Если вы с точки зрения этих тезисов взглянете на внесённую записку, то окажется, что она нуждается в серьёзной переработке в комиссии и в ряде исправлений. Я не буду останавливаться на частностях, а коснусь только одного вопроса, с точки зрения указанных общих директив наиболее капитального и спорного, а именно вопроса, что же мы дадим крестьянам? Какие права? Только аренду, только пользование, или же право собственности? Другими словами, я затрону вопрос о национализации земли. 42 депутата, внёсшие эту записку, не доходят до полной национализации; они предлагают только частичную национализацию, а именно приобретение земли в государственный фонд с сохранением права собственности за государством и с предоставлением крестьянам только временного пользования. Для того, чтобы сознательно отнестись к этому вопросу, следует прежде всего освободиться от некоторых предрассудков и недоразумений. Национализация, хотя бы частичная, нравится многим потому, что им кажется, что тут есть кусочек социализма, ступень к осуществлению социалистического идеала. Я полагаю, что ничего общего здесь с социализмом по существу, с правильно понимаемым социализмом — нет. Между прочим, при социалистическом устройстве невозможна принадлежность какому-либо собственнику громадных капиталов или земли с отдачей в аренду, да и денежных сделок там вообще не может быть. Национализация же земли в предлагаемом теперь смысле сводится к созданию грандиозного капитала и власти над зависимым населением в лице казны, государства. Этот капиталист, раздающий зависимым от него людям аренды руками и усмотрением своих чиновников, может с течением времени, например, в эпохи реакции, сделаться опасным эксплуататором, добывающим деньги от арендаторов на свои, может быть, не особенно хорошие политические и иные предприятия, причем дело в значительной степени переходит в руки правительства и делает его менее зависимым от народного представительства. Вообще, господа, следует различать серьезный, критический социализм и наивный, некритический социализм. С появлением социализма, с углублением научных основ и с развитием в широких кругах общества симпатии к этому учению, развилось вместе с чистым и критическим социализмом множество сорных трав, сюда приурочилось множество разных паразитов. В частности, приурочились сюда разные реакционные стремления и требования. В Германии, например, существует школа юристов, так называемых германистов, которые с Гирке во главе питают величайшую любовь к средневековому, сменённому затем более прогрессивным римским, германскому праву. Характерные особенности этого права состоят в порабощенности индивида разными коллективными союзами, семейно-родовыми, общиною и т. д. Это порабощение, отсутствие индивидуальной личной и имущественной свободы, они выставляют как истинно-социальное право, в отличие от римского индивидуалистического права. Каждый человек является, как они говорят, звеном единого коллективного целого. Германисты старались проводить это право в новое гражданское уложение. Очень хорошо, что не было достаточной почвы для осуществления всех этих мечтаний. Но кое-чего им все-таки удалось достигнуть. Предполагалось, например, ввести раздельность имущества супругов, германисты пришли в ужас и негодование; истинно-социальное право, истинно-германское право — коллективная семейная собственность. А это что означает? Это означает отдачу жены в рабство мужу, потому что кто, собственно, управляет имуществом, если

желает, пропивает, кутит? Конечно, управитель и владыка — муж. И это рабство жены — существенный регресс по сравнению с тем семейным правом, которое мы имеем в России. К сожалению, из-за внешних сходств с социальным правом и в России многие поддерживают разные остатки старины. Не следует увлекаться внешним видом. Ведь и рабы, если их сковать вместе цепями, тоже будут представлять из себя нечто коллективное. Тот фараон, который скупил все земли, пользуясь голодовкой, и всех людей превратил в единое хозяйство, — он, по внешнему виду, ввел социализм, но это не был социализм, это было рабство. Наделение не в собственность, а только в неподлежащее распоряжению пользование — есть прикрепление к земле, и поэтому укрепление и усиление основной болезни на будущее время. Это значило бы сказать крестьянам: хоть ты здесь и голодаешь — оставайся здесь и голодай, а если уйдёшь, то ты понесёшь потерю; сиди здесь, размножайся, голодай, сгнивай здесь, но не смей двигаться с места под страхом лишения всей выгоды реформы. По этому поводу нельзя также не указать, что имеется в виду не личное, а посемейное, или подворное, или, ещё лучше сказать, породовое наделение. Остатки родового быта с родоначальником-домовладыкой — остатки старины, остатки того, что Европа давно пережила; они, к сожалению, у нас ещё есть, они поддерживались законодательной политикой, поддерживались сенатской практикой и некритическим социализмом. Я уже не говорю о женщинах, которые при этом отдаются в рабство и делаются имущественно бесправными. Важно тут то, что создаются двойные цепи для прикрепления к земле. Это такая реформа, которая усиливает болезнь, вместо того чтобы ослаблять и лечить. Далее я указывал, что желательно по возможности создание зажиточных людей, которые могли бы получить просвещение, — к сожалению, при теперешнем строе человечества просвещение без зажиточности невозможно. Но для этого необходимо отделение частной собственностью, а не пользование ею; нужно, чтобы была возможность дифференциации, чтобы те, которые находят, что лучше в городе, могли продать свой участок и идти в город, избрать иные профессии; а другие, оставаясь на земле, могли бы прикупить земли. Нужно создать такие формы, при которых в сельском населении воспитывалась бы хозяйственная деловитость, развивалась предприимчивость, а для этого нужно воспитывать его на праве собственности. Это недостижимо при национализации земли, частичной или полной. А вам говорят: вот вам область, размножайтесь, бедствуйте и голодайте, при всё уменьшающейся норме аренды. Далее, какой может быть хозяйственный план, если у меня владение состоит из кусочка собственности и кусочка пользования? Я не могу ничего устроить, никакого плана построить. Далее, с точки зрения техники и политики сельского хозяйства в тесном смысле, следует обратить внимание на то, что при наделении не в собственность, а только в пользование, получится громадная чересполосица. Если мы дадим крестьянам землю в собственность, то здесь неизбежно должна последовать и последует перевёрстка и развёрстка земли. При наделении только во временное пользование невозможно не только устроение хуторского хозяйства, но даже сносного подворного или общинного землепользования. Собственная земля по необходимости будет в одном месте, а данный в пользование придаток — в другом, часто среди иных кусочков. Принимая во внимание наделение до потребительной нормы, во многих случаях пользование добавочными кусочками будет так затруднено и удорожено, что овчинка не будет стоить выделки. Дальнейшее увеличение чересполосицы получится, между прочим, и оттого, что имеется в виду возвести в принцип и критерий отчуждения сдачу прежде в аренду. Я знаю места в Могилёвской и других губ., где аренда вкраплена в имение в разных местах, среди леса и т. п. То же относится к предложению подвергнуть отчуждению куски, до сих пор не обработанные, но годные для обработки: и они находятся в середине имений. Для избежания чересполосицы нужны оговорки о нахождении

кусков на периферии имения. На последнем месте, по поводу вопроса о праве собственности или аренды, я упомяну то, что заслуживало бы внимания на первом месте, — люди и их желания. В прошлый раз я имел честь указывать, что чем больше вы будете двигаться на запад, тем больше вы увидите недовольства и даже возмущения, когда вместо прав собственности, на которые надеялась, вы преподнесёте арендное пользование. В разных областях для этого разные причины, но и на востоке отчасти та же психология. Да и нельзя требовать, чтобы люди сочли равноценными столь неравноценные вещи, как аренда и собственность. Рубль больше пятака, и трудно внушить противоположное мнение. Если мы хотим доставить удовлетворение, успокоение и радость и дать возможность добиться благосостояния в будущем, то мы должны дать не сомнительное какое-то право пользования, в будущем могущее сделаться более чем сомнительным, а гарантии и блага собственности. Мы должны, господа, возвыситься над частными интересами для общего блага, частными интересами, не только денежного, но и более высокого свойства. С другой стороны, возвысившись так, мы должны стать на широкую почву, усвоить широкую точку зрения, смотреть в будущее, иметь в виду, что мы теперь принуждены лечить острую болезнь, но что решение аграрного вопроса в этом ещё не заключается. И, наконец, мы должны, согласно принципу свободы и демократизма, предоставить людям то, чего они желают, возвыситься над доктринёрскими предрассудками и недоразумениями и принять во внимание реальные интересы и желания местного народонаселения (*Аплодисменты*).

С обширным, уснащённым множеством фактических и цифровых данных и местных деталей докладом выступает *кн. Волконский* (Рязанск. г.). Он находит, что вопрос не может быть разрешён везде одинаково. Хотя крестьяне и думают, что их бедствия прекратятся, если прирезать им земли, и хотя вполне естественно, что они так думают, — кн. Волконский признаёт, что если бы он был крестьянином, он думал бы точно так же, — дело не в одном этом.

— В той местности, где я нахожусь, было тоже движение, но оно было относительно слабое, а местность эта такая, где малоземелье, вероятно, больше, нежели, может быть, во всей России, кроме, может быть, Курской, части Тульской, части Орловской и южной части Рязанской губернии. Мне также известны обстоятельства Тамбовской губернии.

Ошибочно также приписывать недостатку земли аграрные волнения: причина их — агитация, что, по мнению кн. Волконского, доказывается тем, что их всего больше было в губерниях, где недостаток в земле не достиг таких пределов, как в других, остававшихся спокойными. Действительно, если у меня, скажем, надо прокормить пять душ, а всего два надела, и если на каждый надел приходится 1½ десятины, как теперь у нас местами осталось, — толку из такого хозяйства не выйдет. Хлеба не собрали, сколько нужно, корма тоже нельзя получить, а нельзя получить корма — значит, и навоза нет, а нет навоза — значит, нельзя ожидать и урожая. Лошадь выведешь пахать — она едва ходит, груза на неё настоящего положить нельзя. Но для того, чтобы выяснить, можно ли помочь крестьянину нарезкой земли, нужно знать, что он имеет и от каких причин зависит его малоземелье. Обращаясь к этому вопросу, кн. Волконский напоминает, что при наделении крестьян в 1861 г. в основу была положена продовольственная норма. Но в действительности пришлось сообразоваться и с тем, где сколько земли имели помещики. В Сам. г. давалось 10–12 дес., в Рязанской — 2¾, а в Курской даже 2½.

В той местности, где я живу, со времени освобождения крестьян, т. е. с 1861 года, население увеличилось во всей России на 78 человек с сотни, если я не ошибаюсь, а у нас только на 40. Всё-таки

с той же самой земли, с которой кормилось тогда 100 человек, теперь приходится кормиться 140. Ясное дело, что кормиться уже труднее; но это ещё не всё. Я пересчитал в своём околотке число дворов крестьянских отдельных хозяйств и сличил их с числом дворов, которое было в 1861 году. Оказалось, что в сложности увеличилось дворов ровно вдвое: вместо 100 стало 200, а были сёла, где число дворов, а с тем вместе и самостоятельных хозяйств, увеличилось втрое, вчетверо и даже в пять раз.

Если население нашей местности увеличилось на 40 человек на сто, а число дворов вдвое, то значит, в каждом дворе стало меньше народа. Хозяйство стало маломощным, — вот почему оно не может получить и с той земли, какая у него есть, то, что оно могло бы получить, если бы было не 200 дворов вместо 100, а только 140 дворов. Я думал прежде, что, может быть, это везде так. Надо сказать, что я стал интересоваться этим давно, лет 30 тому назад. Пришлось мне побывать раз в другой губернии, именно в Костромской, где у меня было дело, и я имел возможность ближе вникнуть в тамошние условия. Там я увидел дворы мощные, сильные в хозяйственном отношении; скот был не по-нашему, и числом, и видом; но число дворов было меньше. Почему происходит такая разница? Мне пришло в голову следующее, и я думаю, что это совершенно верная мысль. Так как там земля такая плохая, что её надо хорошо унавозить, чтобы что-либо получить, и вспахать её надо не по-нашему, а получше, то там только тогда можно было заводить самостоятельное хозяйство, когда налицо и скот, и корм, и орудия производства, и работники. В тех условиях, когда у нас образуется уже новый двор, там этого двора не образуется вовсе, а занимаются промыслами. В результате же вышло то, что общее благосостояние, по крайней мере, по моему наблюдению, там гораздо выше нашего. То, что я видел в Костромской губернии, то пришлось мне наблюдать и в Рязанской губернии в других размерах. В Касимовском уезде, в Егорьевском и северной части Спасского приходилось встречать такие же семьи, иные по 15 и по 20 членов на семью. Живут, конечно, не в одной избе, а в двух или нескольких избах. Живут лучше нашего, хотя хлеба с земли вырабатывают гораздо меньше. Конечно, и там крестьяне не прочь получить прибавочку земли, но я не знаю, если они получат прибавочную землю, что они с ней сделают. Думаю, что даже не вся земля будет ими обработана.

Теперь спрашивается: что, если бы выполнить желание крестьян и прибавить земли, изменилось бы их положение или нет? Я сделал расчёт по всем уездам Рязанской и Тамбовской губерний — сколько бы пришлось получить на мужскую душу крестьянину, если бы всю площадь земель этих губерний разбить по числу душ крестьянского населения? Данные о населении я брал из последней переписи; теперь они несколько устарели, и в тех немногих уездах, где мне пришлось воспользоваться близкими сведениями уездных управ, цифры получились ещё меньшие. Лесную площадь я выкинул. Я не брал в расчёт крестьянских земель, как тех, которые находятся в наделе у крестьян, так и купленных при посредстве крестьянского банка. На душу пришлось бы получить в Рязанской губернии: в наиболее обильном землёй Данковском уезде — 1,8 десятины, а в Егорьевском — 0,3; в Тамбовской губернии в лучшем Кирсановском уезде — 2,4 десятины, а в Спасском — 0,6 десятины. Такие прибавки получим, если всех крестьян взять и рассадить, как картофель, по всей губернии. Но земледельцев ведь не рассадишь; им можно дать земли с толком только там, где земля им подходит. Кроме того, думаю, что 33 десятины от церквей отнять нельзя, ведь причту нужно же чем-нибудь кормиться. Нельзя и у помещиков всё отнять, ничего не оставив; казённых же земель нет. Когда всё это сообразишь, то оказывается, что общего наделения землёй, такого, которое бы облегчило чувствительным образом земледелие в наших центральных

губерниях, вообще сделать нельзя. Но в некоторых местностях есть ещё запасы, хотя бы в Кирсановском или Данковском уездах. Теперь вопрос: можно ли принимать такую меру, как наделение землёй не для всего населения, а только для части его; в одном и том же уезде одним давать, а другим нет? Мне кажется, нельзя — это было бы несправедливо. Мне кажется поэтому, что общего наделения землёй крестьян в наших центральных губерниях сделать нельзя. Мне кажется, что гораздо правильнее в таких случаях снабжать недостаточное население землёй там, где это возможно, посредством покупки. Где есть — там купил и заплатил, где нет — то что же делать? Для тех есть другие средства, можно предложить выселение и прочее.

Но положим, сделан надел, какой возможен: что из этого выйдет? Я думаю вот что: если условия останутся те же, что и теперь, то через самый небольшой промежуток времени получим то же положение, от которого хотели избавиться: возрастёт число хозяйств и ещё больше будет земельная теснота. Я имею к тому и подтверждение на опыте: 25 лет тому назад у знакомого мне помещика, моего соседа, был сделан опыт такого наделения, в таком же приблизительно роде, как предлагают 42 члена думы. Сначала всё шло хорошо: действительно, крестьяне поправились, зажили лучше, лошадей завели, даже иные каменные избы построили. Но вот прошло 25 лет, и образовался снова ряд бедняков, которым земли не хватает.

Я согласен с проф. Петражицким, что на казне, может быть, лежит вина в том, что крестьяне нашей чернозёмной полосы не нашли применения своему труду вне обычных рамок земледелия. Но не одна казна в этом виновата. Виноваты и изменившиеся условия жизни. Благодаря новым условиям жизни, всякий желает быть самостоятельным, и это естественное желание подрывает крепость того семейного союза, на котором основано крестьянское хозяйство.

Есть случаи нужды, которую нельзя оставить без помощи, когда нельзя не наделить землёй; но, наделяя, мне кажется, надо хорошенько определить наше отношение к этой мере. Нельзя оставить без внимания и другой стороны дела. В теперешнем крестьянском хозяйстве, по крайней мере в нашей местности (в других местах, может быть, не так — не буду спорить), урожайность совсем отличная на землях частных собственников и на надельной земле, где она несравненно ниже; это общеизвестный факт. По казённым сведениям министерства земледелия, разница доходит до 20–25 процентов, особенно в голодные годы.

Нельзя разрушать те хозяйства, которые много приносят, и создавать такие, которые мало приносят, и это, по моему мнению, свидетельствует против сдачи крестьянам в аренду земель казённого запаса, потому что на своей земле урожай и у них будет гораздо больше: крестьяне, которые имеют купчую землю, получают не только не меньше помещиков, но и больше.

Но от мысли об общем наделении по нашей местности нужно отказаться, и не следует обещать того, чего выполнить невозможно. Следует прежде всего заняться… (Голоса: Довольно, довольно!). Позвольте, я недолго, господа, буду… (Голоса: Просим, просим!)

Если я говорю здесь такое, чего, может быть, многим и нежелательно слушать, то я имею в виду, что всё то, что я говорю, попадёт в запись. Недавно было предложено рассылать эти записи, и если в этих записях будут с одной стороны те зажигательные речи, которые мы здесь слышим, то я хочу, чтобы было известно и другое, то, что я говорю. Пожалуйста, будьте же терпимы. (Голоса: «Просим, просим»). Я думаю, господа, что надо начать с того разграничения крестьянских земель, которое необходимо для выдела их надела, ставшего ныне, с уплатой выкупных платежей, по закону их

собственностью. Без договора, как теперь, по обычаю, общинное землевладение не должно быть более допустимо, потому что неправильностей происходит теперь с поднятием цен на землю гораздо больше, чем прежде, и чем дороже земля, тем больше их будет. Во-вторых, конечно, чересполосица должна быть уничтожена, водопои везде отведены, и, конечно, придётся при этом округлить владения. Тогда на местах комиссии, которые будут производить расследования, увидят, что действительно такому-то обществу жить нельзя, например дарственникам, лицам, лишённым наделов, воды и проч.; им нужно прирезать, и прирезать придётся, конечно, на счёт государства, и взять эту землю тут же возле, если добром можно, то добром, а если не добром, то и принудительно; это безусловно надо. Я думаю, что отчуждение принудительное от собственников может быть лишь до известного размера. Частные собственники, в частности мы, помещики, можем и должны поступиться своей землёй в таком количестве, которое нужно для этого дела, но не безгранично. Я, например, у себя лично, в своей волости собирал и соседей, и крестьян и примерно распланировал, как это можно бы устроить. Мне, например, из 1200 десятин придётся уступить 500. Придётся купить у священника немножко, и он согласен продать и т. д., — устроиться можно. Я думаю, что собственника, имеющего менее 300 десятин, никоим образом трогать не следует. По нашей местности у собственника от 300 до 1200 или 1500 десятин можно отнять до ⅓, но не больше; но если есть, напр., такие, у которых 10 000 дес., там можно выделить и побольше. Затем надо всеми силами содействовать покупке земли в частную собственность как отдельными крестьянами, так и товариществами; но товарищества эти должны быть устроены не так, как сейчас. Сейчас нынешнее положение крестьянского банка даёт такой строй товариществ, что бывает, что человек жил, жил, лет 12 прожил, и в конце концов лишился всей земли, и деньги его пропали. Продажи владельческой земли у нас и так идут недурно. В доказательство приведу следующее: у нас в Рязанской губ. после освобождения 1861 года осталось примерно 1 300 000 десятин занадельной помещичьей земли. Сколько теперь её осталось у помещиков? Половина земли уже ушла из рук её прежних владельцев; из неё ⅖, примерно, перешло в руки крестьян, а ⅗ — в руки частных владельцев; это было до устройства крестьянского банка; притом большую долю составляют лесные владения; на такую землю рядовой крестьянин не покупатель. Итак, если такая масса земель уже теперь переходит к крестьянам, то при большей поддержке государства перейдёт ещё больше. При этом обращу ваше внимание на то обстоятельство, что в северных уездах губернии, где крестьянское хозяйство стоит выше, чем в южных, и разница между крестьянским и помещичьим хозяйством по производительности невелика (может быть, есть места, где крестьянская культура даже выше помещичьей), продано больше; там же, где разница в пользу помещиков, они больше удержали. Но раз вы отдали землю в собственность крестьянину, не впутывайтесь в его дела, предоставьте собственнику полную свободу. Ещё одна мера: отчего до сих пор нигде не слыхать такого приёма получения земли: отчего казне не прибегнуть, вместо отчуждения покупкой, к обмену? У государства есть много мест и земель, которые в переселенческом деле для крестьян не годятся, потому что требуют больших затрат капитала, напр., лесные пространства, горные; между тем, человеку с капиталом они очень пригодятся, и если бы помещику предоставлено было право в некоторых случаях меняться, то на земли может быть иногда не крестьяне переселялись бы, а помещики. Я бы первый, пожалуй, отдал свои 1200 десятин земли в Тамбовской губернии и выселился бы. А они бы очень пригодились!

Присецкий (к.-д., Полтавская губ.). Здесь было неоднократно указано на то, что есть такие места в Российской Империи, которые не должны подлежать общей форме разрешения аграрного вопроса. Между прочим, как на пример такой местности, указывалось на Полтавскую губернию. Как

житель Полтавской губернии, я считаю себя обязанным ответить на это замечание. Я знаю население Полтавской губернии, часто имел с ним общение, знаю, насколько крестьяне действительно любят свою землю и как они ею дорожат; но вместе с тем я вынес глубокое убеждение в том, что крестьяне примут с восторгом наделение землею и в виде аренды. Поэтому мне кажется, что вообще аграрный вопрос должен быть в своей основной форме разрешён для всей России совершенно одинаково — в смысле образования государственного земельного фонда. И только способ распределения этого фонда и переход его к крестьянам, конечно, может быть по разным местным условиям изменён. Таким образом, в одной местности может быть прирезка общая, в другом месте прирезка частичная отдельным земледельцам в арендное пользование.

Затем я должен сказать, что в общем я совершенно соглашаюсь с представленным здесь проектом. Единственно, что меня смущает, это вторая половина пункта 5-го под лит. «а», именно, следующее (читает): «Кроме того для каждой местности закон должен определить высший размер землевладения, при условии ведения собственного хозяйства (своим скотом и орудиями), т. е. определить, больше чего никто не может владеть землёй, и всё, что окажется больше этого размера, также подлежит отчуждению без каких-либо ограничений».

Я считаю это отступлением от того принципа, что земля должна принадлежать трудящемуся классу. Это отступление совершенно ни на чём не основано, ни с принципиальной, ни с практической точки зрения. С принципиальной точки зрения оно не обосновано потому, что раз мы решили, что земля должна принадлежать трудящемуся классу, то ни в коем случае не могут быть выделены особые участки, которые в разных местностях могут быть и довольно крупными. Мне кажется, что если эта половина параграфа останется, то это может вызвать весьма нежелательные последствия. В тех губерниях, где земли много, может возникнуть большая агитация за то, чтобы осталось крупное частное землевладение, потому что в данной местности по количеству имеющихся земель можно было бы действительно, с некоторыми натяжками, оставить известную часть крупного землевладения. Из этого произошло бы то, что через некоторое время опять пришлось бы выкупать ту же самую землю и со значительно большими затруднениями.

Ведь для того, чтобы решить аграрный вопрос, нужен очень высокий подъём общественного сознания, а не во всякое время такой подъём может существовать, и предположение, что через каких-нибудь 10–20 лет общественное сознание повысится настолько, чтобы произвести новую аграрную реформу, едва ли основательно. Мне неоднократно приходилось слышать, что если этот параграф останется, то от крупного землевладения останутся такие крохи, что эти крохи можно будет спрятать в жилетный карман. Но я нахожу, что прятать в жилетный карман то, что нехорошо пахнет, не следует, а нехорошо оно пахнет потому, что в результате наличности крупного землевладения является эксплуатация трудящегося народа. Часто можно также слышать, что те люди желают уничтожения крупного землевладения, которые не имеют земли. Я сам землевладелец Полтавской губ., и для нашего уезда довольно крупный, но вместе с тем я охотно и совершенно искренне, даже с восторгом, приму решение этого вопроса в смысле полного отчуждения земли в пользу крестьян, но с единственным условием, чтоб это отчуждение было основано на том принципе, что вся земля переходит к трудящемуся классу.

Я совершенно согласен с тем, что земли, принадлежащие в настоящее время представителям трудящегося класса, в размере, не превышающем трудовую норму, могут быть оставлены в их частной собственности; хотя, вообще говоря, раз уже будет поставлен вопрос таким образом, как я

говорил, то частная собственность нежелательна. Эти земли могут быть оставлены в частных руках, но с тем условием, чтобы перепродажа, переуступка этой частной собственности могла быть сделана только в пользу того земельного фонда, который будет образован. Я думаю, что тогда, быть может, очень многие крестьяне, когда увидят, как идёт дело при новом строе, сами уступят землю, получив за неё деньги, и на оставшейся земле, воспользовавшись теми капиталами, которые у них окажутся в руках, смогут лучше устроить своё хозяйство. Я должен сказать ещё несколько слов по поводу «справедливой оценки». Здесь совершенно верно указано, что справедливой оценкой нужно назвать оценку, которая основана не на рыночных ценах, не на вздутых, кабальных, арендных ценах, а на доходности хозяйства, но мне кажется, что было бы недостаточно справедливым, если бы лицо, владеющее сотней десятин и другое, владеющее в том же месте десятками тысяч десятин, за каждую десятину получили одну и ту же сумму. Если лицо, владеющее сотней десятин, должно получить почти полную стоимость земли, иначе оно будет выбито из колеи, будет не в состоянии приспособиться к иному труду, то владелец десятков тысяч десятин должен получить прогрессивно меньшую сумму за каждую десятину. Затем, мне кажется, что в числе указаний, которые мы должны дать комиссии для разрешения аграрного вопроса, мы должны дать ещё одно. Мне кажется, что вопрос об отчуждении земли в государственный фонд, вопрос перехода земли к трудящемуся классу, является не только вопросом крестьянским и вопросом того землевладельческого сословия, у которого будут отчуждены земли, а является вопросом общегосударственным — это вопрос всех имущих классов. Поэтому тяготы разрешения этого вопроса должны быть разделены между всеми имущими классами. Если бы было постановлено, что 1/3 цены земли примут на себя землевладельцы, т. е. если они получат не полную стоимость земли, а 2/3, то 1/3 должны будут принять все капиталисты: домовладельцы, собственники, фабриканты и т. д. Государство должно будет уплатить 1/3, за которую крестьянам пришлось бы после получения земли платить известного рода аренду. Если бы аграрный вопрос был разрешён так, то вся земля перешла бы к трудящемуся классу. (*Аплодисменты*).

Герценштейн (г. Москва). Я очень благодарен депутату Петражицкому, что он избавил меня от необходимости доказать, что современное законодательство, особенно по вопросу о земле, проникнуто идеей принудительного отчуждения. Я мог бы сделать интересное дополнение. Тот самый кабинет, который на днях категорически высказывался против принудительного отчуждения, имеет в своём составе несколько деятелей, в продолжение 20 лет систематически проводивших принцип принудительного отчуждения. Это было в западных губерниях. Речь шла об усилении русского элемента для противодействия польским землевладельцам. Кабинет, который доказывал, что частная собственность священна и всякие сомнения в частной собственности равносильны разрушению всей нашей культуры, с 80-х годов проводил целый ряд самых, я бы сказал, насильственных актов, в сравнении с которыми принудительное отчуждение, проектируемое нами, является мерой гораздо более мягкой, гуманной и более приемлемой. Процент, из которого капитализирован доход, был невыгоден для землевладельцев. Несмотря на то, что в то время выпускались уже 4 проц. займы, процент капитализации в западных губерниях при принудительном отчуждении был назначен 6 проц. Это было в то время, когда общий закон устанавливал при принудительном отчуждении 5 проц. Целый разряд отдельных землевладельцев и арендаторов был на принудительных условиях превращён в собственников. Относительно выкупной цены были приняты меры к тому, чтобы она была ниже продажной. Казалось бы, что тот кабинет, который проводил эти мероприятия, должен мягче относиться к нашему предложению. Если можно было в интересах старообрядцев, вольных людей, чиншевиков по политическим

мотивам применять принудительное отчуждение, то я думаю, что не меньшее право имеют рассчитывать на это нуждающиеся крестьяне других местностей России.

Безусловно разделяя то, что сказал Петражицкий по вопросу о принудительном отчуждении, я никоим образом не могу согласиться с ним по другим вопросам. Прежде всего, я должен заметить, что проф. Петражицкий говорил от своего имени, а не от имени той партии, к которой и я имею честь принадлежать. Его терзает целый ряд сомнений. Во-первых, финансовые; это очень опасная тема. Действительно ли эта мера связана с финансовыми затруднениями? Я не думаю и имею на это веские основания. Предлагается вместо доходов, получаемых от земли, получать доходы с государственных бумаг. Реализации капитала не требуется, если эта операция будет проведена, как провели её в 1861 г. Но, может быть, создастся финансовое затруднение для государства? И с этой стороны я не усматриваю затруднений, раз владельцы будут получать бумагами. (*Аплодисменты*). Ведь мы предлагаем выпуск государственных обязательств в размере той суммы, которую государство должно будет выплатить бумагодержателям.

Говорят, что эта операция падёт на крестьян. Господа, если крестьяне получат землю, то я не вижу, почему им не нести за неё платежей. Если же есть местности, которые требуют особого покровительства, то часть расходов падёт на государство. Это будет справедливо и не потребует особенно больших финансовых жертв. Господа, если вообще бояться финансовых жертв, то проще ничего не делать, ибо всякая реформа, связанная с подъёмом благосостояния населения, потребует финансовых жертв, но эти финансовые жертвы окупятся.

Говорят, что аграрная реформа тяжело отразится на промышленности и торговле, и депутат Петражицкий особенно заботится о том, чтобы промышленность твёрдо стояла и развивалась. Но, господа, нищие крестьяне создать промышленность не могут, и все наши попытки создать искусственным путём капитализм и крупную промышленность не привели ни к чему. Нам говорят, что при переходе к крестьянам земли понизится общая, не только земледельческая культура, и этого очень опасается депутат Петражицкий. Думаю, что этого опасаться не приходится. Возьмём, например, Данию; это страна мужицкая, страна исключительно крестьянского землевладения, которого так боится Проф. Петражицкий. Он нам говорит, что вся страна перейдёт во мрак, и получится низкая крестьянская культура. Но пример Дании показывает, что именно крестьянская культура дала прекрасные результаты. (*Аплодисменты*). Эта небольшая страна в 3½ миллиона жителей имеет народные университеты, а кто их содержит? — Крестьяне. Они понимают силу и цену культуры; они научились вести хозяйство так, как дай бог хорошему землевладельцу, хотя бы и Западного края. Когда появилась конкуренция дешёвого хлеба, крупное землевладение, например, в Германии сильно пострадало, тогда как Дания начала процветать. Правительство там шло навстречу крестьянству, к их услугам были капиталы сберегательных касс. Правда, они имеются и у нас, но наши сберегательные кассы служат средством для поддержания государственного кредита и всякого рода авантюр, на подкрепление ресурсов дворянского банка, на поддержание персидских займов, на постройку весьма сомнительных подъездных путей, даже на поддержание Сестрорецкого курорта. Так капиталы сберегательных касс идут на пользу самому населению, ими пользуются и крестьяне. Поэтому меня не пугает, если действительно крестьянский элемент в нашей стране усилится.

Считаю необходимым оговориться, что мы вовсе не думаем дополнительным наделением разрешить все вопросы. Смею вас уверить, что таких людей в нашей партии нет; мы говорим о

дополнительном наделении как о части, весьма незначительной части аграрного вопроса. Нам говорят о естественных пределах. Разве мы не знаем, что земли не бесконечное количество? Народится новое поколение, и земли не будет. Мы должны выступить с целым рядом законопроектов: нужно подумать об организации мелкого кредита, надо вытащить деревню из оков ростовщичества, в которых она теперь находится. Разве деревня не знает кредита? Нет, она его знает, но кредит ростовщический. Нам нечего бояться развития кредита и сомневаться в кредитоспособности крестьян. Разве они не были до сих пор самыми исправными плательщиками? Разве мы не знаем, как платят крестьяне хотя бы в крестьянском банке? Посмотрите простыни, которые развертываются два раза в год с перечнем имений, назначенных к продаже дворянским банком и в частных банках, и сравните с ними платежи крестьянского банка. Это всё-таки самые исправные плательщики, и это несмотря на то, что они платили за землю втридорога, и что платежи в крестьянском банке значительно превышают то, что платят дворянскому банку. Разве такой плательщик не кредитоспособен?

Возьмите кредитные товарищества. Нам ведь говорили, что крестьяне не в состоянии выдержать кредитные операции, говорили, что мы не доросли до организации кредита, что опасно ставить в его распоряжение средства государственного банка. Это считают опасным в то самое время, когда банк выдал 12 миллионов для того, чтобы французские кухарки, владеющие акциями Брянского общества, были спокойны относительно своих акций. (*Аплодисменты*). А когда речь идёт о том, чтобы кредитному товариществу выдавать ссуду из 6 проц., выдать тогда, когда это нужно на обменение, в государственном банке для такого рода операций денег нет. Это в то самое время, когда некоторые капиталисты получали в различных видах миллионы; в то самое время, когда насаждение капитализма было связано с колоссальными убытками. За последние три года государственный банк потерял на промышленных ссудах много миллионов, а на мелком кредите не потерял ни копейки. Все кредитные товарищества превосходно выполняют свои обязательства перед банком. Один из прежних министров финансов нам говорил, что мы не доросли до организации мелкого кредита, что нам не нужно центрального банка, а с другой стороны, сам государственный банк печатает отчёты, из которых видно, что кредитные товарищества функционируют превосходно. Если мы проведём аграрную реформу при Думе, как это думает партия «народной свободы», т. е. поднимем культуру, возвысим благосостояние крестьян, вызовем свободную инициативу, создадим в деревне народные банки и различного рода товарищества, тогда как не придётся бояться бюджета. Я думаю, что наш бюджет должен расширяться, потому что предстоят огромные затраты на производительные цели, но и огромные доходы. Это будет тогда, когда мы поднимем крестьянство. (*Аплодисменты*). Здесь было высказано опасение, что государство будет выжимать из населения большие суммы путём возвышения аренды. То государство, которое может пользоваться правом возвышения аренды, сумеет взять всё, что нужно, и путём прямых и косвенных налогов. Проф. Петражицкий боится паразитов. Я тоже их боюсь, но я не считаю, чтобы к паразитам можно было отнести такого выдающегося юриста, как проф. Гирке. Он гораздо ближе к истине, чем те юристы, которые под покровом либерализма и демократизма стремятся создать в деревне дифференциацию. Никак не могу понять, почему аграрная реформа прикрепляет крестьян. Дать крестьянину на льготных условиях землю для того, чтобы он её продал и открыл в городе лавочку, как это предлагает проф. Петражицкий, — это не цель социальной реформы.

Нужно дать возможность населению переходить из деревни в город, но разве мы этому препятствуем? Мы говорим о наделении землёй, мы хотим прибавить надельную площадь, но мы этим не прикрепляем население к земле; оно может переходить из деревни в город; с умножением населения оно может уходить и искать себе заработков в городах. Нам говорят, что мы создаём ужасную разноправность: часть земли будет принадлежать на праве собственности, другая — на началах аренды; но разве это будет служить препятствием для рационального хозяйства? Сейчас мы имеем надельную землю, наряду с нею — купчую землю и земли, которыми крестьяне пользуются на началах аренды. Если мы предлагаем не краткосрочную, а долгосрочную аренду, то нам говорят, что мы создаём невозможность вести культурное хозяйство. Неужели сельскохозяйственная техника упадёт, если осуществится предлагаемое дополнительное наделение землёй? К тому же мы имеем в виду, что все не использованные арендаторами затраты вознаграждаются. С точки зрения культуры сельскому хозяйству здесь не грозит никакой опасности, с этим не могут не согласиться сельские хозяева.

Нас пугают чересполосицей. Когда будет производиться наделение землёй, то она будет отводиться возможно ближе к местожительству населения. Этим устраняется та опасность, которая его так беспокоит. И что же в конце концов предлагает проф. Петражицкий, какая его положительная программа? Да простит он мне, она почти сходится с тем, что нам здесь три дня тому назад предлагали. Свобода передвижения — ничего против этого не имею; рост промышленности и выделения богатых — господа, против роста промышленности возражать не приходится, но искусственно создавать её мы не можем. Что же касается выделения богатых, тут мы сойтись не можем, потому что это значило бы создать такой строй, где богатый богатеет, а бедный беднеет. Это не наш идеал. Сторонники тех идей, которые развивались здесь, говорят, что никогда не достигнуть культуры, пока не выделится зажиточный элемент крестьян. Партия народной свободы не стоит на этом мировоззрении. Я, в частности, не думаю, чтобы можно было считать прогрессом такое состояние, когда из нашего крестьянина будет выделено то, что немцы называют «здоровым крестьянством», потому что на ряду с этим растёт и батрачество. Не крестьянин должен опуститься до батрака, а батрак должен подняться до крестьянина.

Петражицкий приглашает нас подняться над личными интересами и предрассудками. Я тоже приглашаю вас отрешиться от предрассудков и прежде всего от учёных предрассудков. Если вы это сделаете, вы отвергнете всё то, что предлагает вам проф. Петражицкий. Нам на днях бросили упрёк, что мы фантазёры, что мы реальной жизни не знаем. Вы предлагаете крестьянам землю, а тогда ведь и рабочие могут прийти и предъявить свои требования, — так говорил здесь депутат Скирмунт. В новой форме здесь сказалось опасение зажиточных классов. Если мы создаём известное благосостояние для одних, мы обязаны его дать другим, но на этом ведь построена наша программа. Неравномерное увеличение богатых приняло такие размеры, при которых всей нашей культуре грозит опасность. Во имя этой культуры необходимо настойчиво требовать, чтобы все классы общества приняли в ней участие. Если для этого потребуются большие жертвы, то мы их должны понести. Нас называли физиократами, мечтателями, доктринерами, которые объявили крестовый поход частной земельной собственности. Я напомню почтенному представителю Минской губернии, что физиократы были самыми ярыми защитниками мелкой частной собственности и к мелкой крестьянской собственности относились чрезвычайно отрицательно. Что угодно, но только мы не физиократы. Нам говорят: зачем вам помещичьи земли, когда есть казённые земли? Зачем принудительное отчуждение, когда есть крестьянский банк? Зачем

игнорировать важное значение переселения? В заключение нам говорят о важном значении подъёма сельскохозяйственной культуры. Позвольте остановиться на всех этих пунктах. Что такое казённые земли? Земли у нас много, а сколько у нас оброчных статей? Я думаю, министру земледелия это лучше известно. Таких статей у нас в Европейской России 4 176 000 десятин земли, вполне пригодной для хозяйства. Вы думаете, что крестьяне могут этим насытиться? И если бы мы предлагали сейчас крестьянам только казённые оброчные статьи, так разве это не значит, что мы даём ему камень, когда он хочет хлеба? На ряду с казёнными землями следует изыскать другой источник. У нас есть земли в Сибири и Туркестане, а в Европейской России преимущественно на востоке и на севере. Но разве крестьяне Полтавской губернии пошли бы в тундры Архангельской губернии заниматься посевом пшеницы? Население во многих местностях не получит ни вершка земли, потому что там нет казённой земли. Крестьянский банк — великолепное средство. Мы долго жили этой иллюзией. Более двадцати лет существует это учреждение, при посредстве банка более 7 000 000 десятин перешло в крестьянские руки, но по какой цене, на каких условиях? Ещё в 80-х годах средние цены в некоторые годы были при покупке чрез посредство банка 35–38 руб. за десятину; когда вводилась реформа крестьянского банка, средняя цифра доходила до 45–50 руб. Банк начал функционировать на новых началах, и цены очень скоро дошли до 108 руб. Это весьма естественно. Если покупка земли может состояться только тогда, когда помещик желает продать, а крестьянин — купить, сделки будут носить характер более или менее ростовщический. Крестьянин в земле нуждается, а помещик может выжидать. В 1895 году была введена реформа крестьянского банка. В 1894 г. платежи были понижены, ибо они были действительно непосильны для крестьян. Банку предоставлено было приобретать земли за собственный счёт; но чьи земли он покупал? Был ли при этом известный план, была ли известная организация? Производились ли покупки там, где была нужда крестьян в земле? Нет. Это было подчас гибкое средство в руках министерства финансов. Когда министр находил, что было бы полезно произвести покупку имения министра двора, за него платили 3½ миллиона (*аплодисменты*), и когда ему казалось выгодным купить имение бывшего председателя комитета министров, покупалось именно это имение. (*Аплодисменты*). Тут был план, но не тот, который должна преследовать земельная реформа. Земля покупалась не там, где она была нужна. Крестьянский банк долго иногда должен был владеть этой землёй, не мог её распродать. Говорят, что можно понизить процент. Ведь крестьяне платили много дороже, чем дворяне. Но кто получит преимущества от этого понижения? — Помещик. Чем больше понижались платежи, тем выше были цены; на этой почве создавались грандиозные спекуляции. Представители Минской губернии лучше меня знают, сколько раз перезакладывались имения из московского банка в виленский, из виленского обратно в московский. Оголялись огромные площади земли, вырубались леса, а иногда они переходили в крестьянский банк, эти оголённые земли, и отдавались в подарок крестьянам. (*Аплодисменты*). Господа, разве мы не знаем, как ликвидировалось имение Гогенлоэ. Нам говорят, что вы возьмёте в казну много земель, а что же может быть ужаснее чиновников? Не думаю, чтобы чиновник был опаснее всякого земельного хищника. Мы видели это хотя бы в Смоленской губернии. Земля поднялась в цене. Разве помещик внёс культуру, внёс ли он знания? Нет, он только выжимал из земли всё, что можно было выжать. Ему провели целый ряд железных дорог, он взял всё, что можно было взять, и в заключение кинул крестьянам эту землю (*аплодисменты*) за безумную цену. Кто предлагает крестьянский банк как единственное средство, ведёт вас на ложный путь. Таким средством мы не можем воспользоваться. (*Аплодисменты*). Всякая программа, которая на первое место ставит крестьянский банк, безусловно должна быть отвергнута. Меры к подъёму сельского промысла?

Господа, что же наше правительство делало в течение 45 лет? Если бы оно делало в течение 45 лет что-нибудь, то разве перед нами был бы теперь этот грозный вопрос, который сейчас заставляет нас принимать такие меры? Правительство ничего ровно не делало. В каждом законопроекте говорили о необходимости поднятия сельскохозяйственной культуры, для этого было создано министерство земледелия, и что же оно сделало? — Ровно ничего. Я понимаю, что без этой культуры обойтись мы не можем. Мы должны поднять эту культуру, мы должны стремиться не только к тому, чтобы крестьянин имел вместо одной десятины две, но чтобы он вместо одного колоса имел два колоса. И это может создать его благоденствие. Но предварительным условием, без которого немыслима никакая культура, никакое улучшение, является в настоящее время дополнительное наделение. Говорят, что мы хотим провести реформу по всей России и на Кавказе, в Прибалтийском крае и Царстве Польском, на одинаковых началах, как в центральных губерниях, но это недоразумение; пункт 9 говорит: «Закон, установив общие основы земельной реформы, должен допускать со стороны местных учреждений представления о некотором видоизменении этих норм согласно с местными условиями, но с непременным сохранением самой основы реформы — прочного обеспечения землёй земледельческого населения» путём обязательного отчуждения. Если нам скажут, что аграрный вопрос должен быть решён без принудительного отчуждения, то мы ответим: есть известные положения, которые должны быть всероссийскими, общеимперскими, и мы считаем таким положением принцип принудительного отчуждения. (Бурные рукоплескания).

Речь Герценштейна очевидно задела проф. Петражицкого за живое. По окончании её он требует слова для личного объяснения и заявляет, что Герценштейн неправильно изложил его взгляды и что напрасно Герценштейн говорил против него от имени к.-д. партии, так как сказанное им отнюдь не противоречит программе партии.

12- заседание

19- мая

Н. Львов (Саратовская губ.). Нам приходится рассматривать вопрос в общих чертах, мы оперируем без статистических данных, без цифр, без сведений. Мы принуждены вести чисто абстрактное рассуждение, решая задачу с неизвестными величинами. Я признаю необходимость увеличения площади крестьянского землевладения — для этой цели я допускаю отчуждение частновладельческой земли. Но, признавая эти положения, я самым решительным образом расхожусь с началами предлагаемой нам схемы аграрной реформы. Я отвергаю её, так как она направлена, по моему убеждению, не на поднятие благосостояния населения, а на осуществление абстрактной теории, не только не на пользу, но во вред крестьянству и общему благу страны. При внимательном рассмотрении предлагаемой вашему вниманию схемы аграрных преобразований, в ней нельзя не видеть проведения положений национализации земли. Правда, самое слово не названо, но сущность её проведена с известной последовательностью. Отчуждаемая земля признаётся государственным достоянием. Образуется государственный земельный фонд, из которого участки отдаются лишь в арендное пользование на срок, без права переуступки и за известную плату. Наконец, устанавливается право на землю, на определённый пай в арендовании казённой земли. Право на получение земли признаётся за всеми безземельными и малоземельными земледельческими семьями, сельскохозяйственными рабочими и семьями, уже оставившими сельское хозяйство, но желающими вновь вернуться к земледельческому промыслу.

При таких условиях размер участков, отводимых каждой семье, по необходимости не может быть значителен. Предполагается отводить в размере продовольственной нормы, т. е. такой, которая обеспечивает лишь потребность в пище, одежде и жилище, не более, и за границей которой начинается уже полуголодное существование.

Для цели наделения землёй в практике предположено отдать все казённые, удельные, монастырские и церковные земли и подвергнуть принудительному отчуждению частновладельческие земли. Для частного землевладения должен быть установлен максимум владения. Однако и из него могут быть сделаны отчуждения. Не только крупное, но и среднее и даже мелкое землевладение должно исчезнуть. Едва ли оно не будет низведено до того минимального уровня, который указан в III-м отделе, т. е. до трудовой нормы усадебных земель и земель под промышленными заведениями. Раз закон встанет на этот путь, уже нельзя будет остановиться на полдороге. В самом деле, разве можно оставить неприкосновенным землевладение немецких колонистов? И среди них есть безземельные и малоземельные; разве справедливо было бы наделить их из соседних имений, когда сами колонии владеют значительным избытком земли? То же самое нужно сказать относительно казачьих земель, земель кыргызов, четвертных дачников, одним словом, всех тех разрядов земельных владельцев, которые пользуются землёй сверх трудовой нормы. Я думаю, что положение о праве на землю, об удовлетворении нуждающихся в размере продовольственной нормы заставит наложить руку и на установившиеся обычаи в общинном землевладении. Мы знаем, что и в многоземельных общинах есть безземельные и малоземельные. Мы знаем съёмщиков надельных земель, мы знаем зажиточное крестьянство, которое снимает земли у бедняков. Законодатель вынужден и здесь сломить установившийся обычай и заставить все общины производить переделы не по мужским душам, а по едокам, согласно продовольственной норме. Начала земельной уравнительности только тогда и могут быть достигнуты. Сдача наделов должна быть также запрещена безусловно. Одним словом, должна быть произведена коренная ломка общинных обычаев. Действительно, реальные интересы и желания крестьянства совершенно проигнорированы и принесены в жертву абстрактной теории. Я знаю, что крестьянство нуждается в расширении своего землевладения, я знаю, что оно жаждет получить земли, но чтобы оно хотело получить землю в арендное пользование на срок и в том виде, как предполагается в записке, это я отвергаю. При предполагаемом наделении землёй неизбежны будут переселения. Неужели крестьяне из Черниговской губернии согласятся переселиться в Саратовскую, чтобы заняться хозяйством на казённом участке, отводимом им в арендное пользование на известный срок?

Такого рода пользование землёй не только противоречит частной собственности, господствующей в значительной части России, но и порядку общинного землевладения, где принадлежность земли крестьянской общине, конечно, гораздо прочнее арендного срочного пользования. А между тем это положение есть существенное начало предлагаемой земельной реформы, от которого вряд ли возможно отступиться. Насколько при таких условиях может быть поднято благосостояние земледельческого населения? Нам указывали на процветание датского крестьянского хозяйства, но забыли при этом упомянуть, что датское крестьянство владеет землёй на праве собственности, а не посажено на арендные участки казённой земли, отведённые в мере продовольственной потребности.

На клочках арендной земли, отведённой в пределах продовольственной нормы, не может быть процветания земледелия. Нам постоянно указывали, что улучшения в крестьянском хозяйстве

невозможны благодаря малоземелью. Но возможны ли прогресс и улучшения на участках продовольственной нормы? А если это невозможно, то население обречено на полунищее существование, а при увеличении населения и на периодические голодовки. Россия и без того страдает перенаселённостью сельского населения. Тем, что ещё новое количество людей будет отвлечено от городских занятий к земледелию, вы только больше усилите коренное зло.

Это будет уравнение всех в общей нищете.

Говорят, что таково желание русского народа, что это вытекает из глубокой веры крестьянства. Но кто же будет так смел, чтобы явиться истолкователем народной веры? Возможно ли утверждать, что верования народные отливаются именно в ту формулу, которая предложена нашему рассмотрению? И где кончается вера и начинается суеверие? И затем, если бы даже такая уравнительность в землепользовании вытекала из общинного быта, то как же подчинять ей всю Россию и Малороссию, и Литву, и Польшу, и остзейские губернии? Какое же может быть при этом уважение к национальным особенностям и обычаям народностей, населяющих Российскую Империю, если в области, затрагивающей самые коренные и глубокие свойства народа, мы будем относиться с такой беспощадностью к этим народностям, ломая их хозяйственный быт.

Во всём этом проекте поражает отпечаток всё того же старого бюрократического деспотизма, который стремится всё уровнять, всё беспощадно сгладить, не считаясь ни с правами, ни с хозяйственными навыками, ни с бытом населения. Он не считается с тем, что на юге зреет виноград, а на севере едва дозревает овёс, в одних местах население живёт в общинном быту, в других оно признаёт лишь частную собственность.

Для того, чтобы такой закон провести в жизнь, нужна страшная власть. В Петербурге вы должны создать огромную земельную канцелярию, которая измеряла бы, распределяла, переселяла из одного конца России в другой, изрезывала бы всю Россию на продовольственные квадраты. В каждом уголке для такой коренной ломки всего хозяйственного быта вы должны держать целый штат чиновников, создать новых земельных начальников, взамен упразднённых земских начальников, снабжённых не меньшею властью, не меньшими полномочиями карать и награждать население.

Законы, пропитанные духом деспотизма, проникнув в эту залу, повлекут за собой все последствия.

Это заставит вас составить новые, ещё более суровые, ещё более жестокие, ещё более беспощадные к жизни законы.

Но что же станется тогда со свободой, со свободными учреждениями, в преддверии которых мы находимся.

Для таких задач, для такой ломки жизни нам нужна не государственная дума, а диктатура, власть деспотическая! Какая страшная сила будет сосредоточена в руках государства, когда всё благосостояние населения, участь последнего из арендаторов казённой земли, будет зависеть от приказа центральной власти!

Такому положению может позавидовать любой из деспотов! Я думаю, что не свобода будет добыта для русского народа, а прежняя старая кабала, которая низвергала всех, всех уравнивала в

общей нищете и приниженности. Бойтесь деспотизма, вашего собственного деспотизма, бойтесь самого худшего из них — деспотизма голых формул и отвлечённых построений.

Проф. Локоть (тр. гр., Черн. г.). Вековая, упорная, тяжёлая борьба за землю — это самый основной, самый трагический момент нашей истории, нашей экономической жизни. Культурные страны, успевшие завладеть мировым хозяйством ранее появления на мировую сцену молодых стран, одним актом своего появления на исторической сцене ранее других народов завладели экономическим положением и заставили молодые страны быть по отношению к этим культурным странам данниками. И вот для всего стомиллионного народа, для всего стомиллионного земледельческого населения России остаётся единственное средство использования своего труда, единственная область приложения труда — область земледельческая. Если бы в России нормальным путём развилась та обрабатывающая промышленность, то несомненно острота аграрного вопроса была бы далеко не столь чувствительна для всей России, какой она является в настоящее время. Той резкой розни между этими двумя видами народного труда, какая установилась в настоящее время, в России не существовало бы. Но нам уже достаточно хорошо выяснено, что развитие нашей обрабатывающей промышленности, характер всей нашей экономической политики в течение целых веков были построены только на односторонней эксплуатации исключительно земледельческого населения, и эта односторонняя эксплуатация, эта поддержка промышленности на счёт того излишка труда, который давало земледельческое население, эта односторонняя эксплуатация и создала тот необыкновенно острый и невыносимый для крестьянского населения вопрос, который мы призваны так или иначе разрешить в настоящее время. Здесь говорили, будто бы проект, предложенный нашему рассмотрению, представляет собой проект национализации земли. Я, при всём желании найти в этом проекте национализацию, не нахожу её. Начало национализации земли предполагает действительную передачу в руки государства, так называемой, земельной ренты, являющейся продуктом общего роста культуры. Из факта существования земельной ренты происходит та вековая борьба за землю, которая характеризует экономическую историю почти всех стран, и которая существует, имеет место в настоящее время и в России. Несомненно, что с точки зрения полной справедливости, эта земельная рента, которая является не продуктом личного труда землевладельца, а продуктом лишь общего экономического развития, общего культурного развития, — должна бы принадлежать всему народу.

В частности, однако, по отношению к национализации, я во многом разделяю те взгляды, которые высказал предыдущий оратор. Считаю долгом оговориться, что я говорю только от собственного имени, а не от лица той группы, к которой я принадлежу. Национализация, как частичное решение основных принципов социализма, и на мой взгляд является положением, которое практически в данный момент экономической истории всего человечества является совершенно неосуществимым, несоответствующим условиям современной экономической жизни, условиям действительного, естественного процесса экономического развития. А между тем, острая земельная нужда нашего крестьянства представляет несомненный факт, и эта острая нужда должна быть непременно разрешена в возможно полной мере. Мы видим, что наше земледельческое население, в силу общих экономических условий развития России, в настоящий момент, переходный момент исторического и экономического развития России, является безусловно лишённым других средств приложения своего труда, кроме земли. Поэтому, будем ли мы решать вопрос только для данного момента, будем ли мы решать для более отдалённого будущего, — мы,

во всяком случае, должны сказать, что в настоящее время основное положение, на котором может быть сколько-нибудь правильно, сколько-нибудь удовлетворяющим образом для всего земледельческого населения решён вопрос земельный, это основное положение должно быть таково, что вся земля должна принадлежать земледельческому населению, вся земля должна находиться в пользовании земледельческого населения России. Второе положение, которое должно лежать в основе нашего решения аграрного вопроса, это то, что земля должна перейти в пользование населения на действительно подходящих с экономической точки зрения условиях. Третье основное положение будет таково: я, как не примыкающий к началам национализации земли, тоже считаю, что переход земли в пользование всего населения должен произойти без какого бы то ни было закрепощения личности, без какого бы то ни было, как уже совершенно правильно здесь указывалось, — бюрократизма. Далее, раз я выставляю принцип, что вся земля должна перейти — в этот переходный момент нашей истории — в руки населения, то, конечно, логически я должен признать, что при всякой продолжительности этого исторического переходного момента в нашем экономическом развитии мы должны гарантировать невозможность скопления земельной собственности в отдельных руках. Почему вся земля должна перейти в руки населения? Здесь указывалось и совершенно правильно, что даже проект, который предложен 42-мя, предлагает радикальное уничтожение крупной и средней земельной собственности. Да, это безусловная истина и безусловная задача наша в этот переходный момент. Необходимо устранить существование крупной и средней земельной собственности в России. Этого устранения, этого упразднения крупной земельной собственности боятся с разных сторон. Самая элементарная причина боязни этого перехода крупного землевладения в мелкое, конечно, личный классовый интерес. С этой точки зрения мы выслушали и выслушаем ещё заявления классового характера. По той же самой причине и совет министров признал, что отчуждение земельной собственности недопустимо. Но существует и другая точка зрения, с которой опасаются уничтожения более крупной земельной собственности. Эта точка зрения — научная. Она выражает следующую мысль: если мы уничтожим крупное и среднее землевладение, то этим самым уничтожим возможность нормального развития прогресса сельскохозяйственного производства. Есть научное положение, что среднее и крупное землевладение является неизбежной формой для землевладения, прогресса сельского хозяйства, прогресса, требующего так называемой интенсивности земледелия, то есть такого способа использования земли, при котором прилагается к земле возможно большее количество труда и капитала и таким путём добывается для народного хозяйства и народного богатства возможно большее количество продуктов и по более дешёвой цене (считая на единицу продукта). Это положение утверждает, что для такого интенсивного развития сельскохозяйственного производства неизбежно, во всяком случае, среднее землевладение.

Я лично стою на точке зрения, что тогда, когда развитие экономического процесса, когда развитие промышленности и сельского хозяйства идёт вполне нормально, тогда приложима и та научная истина, которая утверждает, что среднее землевладение, если не крупное, является более выгодным для народного хозяйства, потому что такое землевладение более обеспечивает интенсификацию хозяйства. И вот, исходя из этой точки зрения, я бы сказал, что в настоящий, переходный момент мы не должны разрешать аграрного вопроса таким способом, который закрывал бы в будущем путь к свободному развитию сельскохозяйственного производства и соответственно с этим тех или иных форм землевладения. Но это дело отдалённого будущего. Нам же нужно решить вопрос в данный острый для России момент.

Исходя из точки зрения, что вся земля в данный момент должна перейти в руки трудящихся, мы должны поставить перед собой вопрос: действительно ли наше русское крупное и среднее землевладение представляет собою интенсивное сельское хозяйство, действительно ли мы наблюдаем в нём стремление к интенсификации сельскохозяйственного производства. Мы знаем, что в огромнейшей части земледельческой России, в той части, где господствует зерновое хозяйство, интенсивности сельского хозяйства, в сущности, нет решительно никакой. Если мы видим там применение усовершенствованных орудий и машин, то они там служат не столько для действительного прогресса и улучшения земледелия, сколько для борьбы с недостатком рабочих рук. В Юго-Западном крае сельскохозяйственные орудия и машины часто держат только для того, чтобы угрожать ими рабочим. Я утверждаю, что в зерновом хозяйстве — в крупном и среднем — у нас нет никакой серьёзной интенсификации, которая была бы связана с действительным использованием в лучшей форме земельных площадей. У нас признают нормальную интенсификацию в сахарных хозяйствах. Но, господа, неужели вы не знаете, что наши сахарные хозяйства держатся только на ненормальной дороговизне сахара? Дороговизна эта создалась в начале искусственными синдикатами сахарозаводчиков, они же и крупные землевладельцы, а затем была узаконена правительством в виде сахарной нормировки. Крупное хозяйство имеет и здесь скорее только видимость интенсивности, благодаря поддержке правительства за счёт того же земледельческого населения. Затем, если бы у нас не было той ненормальной экономической политики, на которую уже здесь неоднократно указывалось, если бы у нас не было и крестьянского, и дворянского банков, то несомненно, что не было бы в значительной степени и той острой нужды, о которой мы сейчас говорим. В 1883 году правительство, желая помочь именно земледельческому населению, учредило крестьянский банк, но через два года оно же учредило и дворянский банк. Какие же результаты дали эти два банка? Естественно, что крестьянский банк давал деньги для покупки земли и этим только увеличивал спрос на неё, дворянский же банк уменьшал предложение, потому что давал деньги дворянам, крупным землевладельцам для того, чтобы они вовремя попридержались с продажей своей земли, и таким образом эти две силы действовали в одном и том же направлении, создали небывалый, невозможный рост цен на землю и острую земельную нужду. Крестьяне должны получать землю, потому что у государства нет другого выхода удовлетворить стремление крестьян к труду, к существованию. Не дадим крестьянам земли, крестьяне будут подвержены ужасам голодной смерти, — мы ведь не раз уже переживали эти ужасные голодовки, эти ужасные неурожаи.

Зная все те ненормальные экономические условия, те несправедливости, которые наша экономическая политика допускала по отношению к нашему крестьянскому населению, мы должны поставить категорически второй вопрос: на каких условиях должна земля перейти к крестьянскому населению? Если бы мы земельный вопрос решили теперь так, как он был решён в 1861 году при освобождении крестьян, если бы мы наложили на крестьян то ярмо выкупных платежей, которое было наложено тогда, то, безусловно, никакого решения земельного вопроса мы бы в настоящее время не сделали. Мы знаем, что выкупные платежи при освобождении крестьян легли на крестьянство очень и очень тяжёлым и несправедливым бременем, несправедливым даже по признанию самого правительства, которое само засвидетельствовало, что крестьяне давным-давно выкупили то, что должны были выкупить, и всё-таки продолжают вносить выкупные платежи. Если мы примем в расчёт те огромные суммы, которые переплатило земледельческое население в выкупных платежах и при всех несправедливостях общей экономической политики государства в течение многих десятков лет, то, решая вопрос об условиях

отчуждения на основе чисто объективной справедливости, мы могли бы сказать, что земля в настоящий момент по праву принадлежит крестьянам, даже без всякого выкупа. Я, конечно, не берусь решать вопрос в такой категорической форме, но говорю, что это было бы объективной справедливостью. Правда, чувства и понятия населения устанавливаются, определяются не одной только объективной справедливостью; есть ещё справедливость условная; крестьяне, может быть, неизбежно даже сами признают: «Нет, мы без выкупа землю не возьмём». Однако я бы всё же сказал, что переход земли в руки крестьянского населения, даже без выкупа, нисколько не был бы тем «грабежом», о котором говорилось здесь вчера; это был бы не грабёж, а акт действительной, объективной справедливости. Но если уж крестьяне сами говорят, что они находят справедливым тот или иной выкуп за землю, то, конечно, здесь возражений никаких быть не может. Но всё же мы вправе и обязаны указать на то, что условия выкупа и условия платежа за землю должны быть возможно более справедливыми. С этой объективной точки зрения меня не удовлетворяет тот проект, который представлен нам и который останавливается на так называемой «справедливой» оценке, сообразно с нормальной для данной местности доходностью, при условии самостоятельного ведения хозяйства. Понятие справедливой оценки в той форме, какая изложена в пункте первом проекта, представляет из себя нечто совершенно неопределённое. Те основные элементы проекта, которые необходимы для выведения такой доходности земли, — чрезвычайно условны, чрезвычайно колеблющиеся. Если уже законопроекту приходится выбирать какую бы то ни было норму оценки, — и в сущности какую бы мы ни взяли, всякая оценка будет являться механической оценкой, условной, — то я бы предложил считать, что наиболее справедливой оценкой земли является та цена земли, которая была до введения крестьянского и дворянского поземельных банков. Но так как, несомненно, мы передадим вопрос об оценке земли на места и не будем окончательно устанавливать здесь цен для отдельных местностей России, то мы обязаны предоставить местному населению право видоизменения этой оценки, которое будет, конечно, в сторону её уменьшения, а не повышения.

Совершенно справедливо указывалось на то, что бюрократическое заведывание экономической стороной жизни народа сопряжено не только с несправедливостью, обычною для чиновничьего управления, но кроме того и с огромными денежными жертвами на содержание этих бюрократических учреждений. Поэтому, если бы у нас был поставлен вопрос, на каком праве земля должна перейти в руки населения — на праве ли собственности или на праве пользования, на праве арендования со стороны государства, то я, конечно, сказал бы, что право собственности безусловно допустимо при решении земельного вопроса. Если, по местным условиям, само население скажет, что ему выгоднее, лучше и проще получить прирезку общинной земли и пользоваться ею на общинных основаниях, то, конечно, это полное право населения. Но в тех местностях, которые никогда не знали общинного землевладения, которые привыкли к подворному землевладению на правах частной собственности, в тех местностях нужно признавать право получать земли из этого народного земельного запаса на тех началах, какие местному населению кажутся наиболее подходящими. С этой точки зрения, конечно, я не примыкаю к проекту национализации земли.

Перехожу к последнему пункту, который, на мой взгляд, является чрезвычайно важным и который очень слабо освещён в законопроекте или в положениях, которые перед нами находятся. Каким способом гарантировать невозможность скопления земли в одних руках? Здесь указано государственное вмешательство, определение максимальной нормы. Я предложил бы иметь в виду гораздо более правильное и более свободное с экономической точки зрения

средство — прогрессивное обложение земельной собственности. Отсюда вытекает ещё и другое положение, которое с точки зрения трудового крестьянства является в данный момент не менее важным, не менее острым. Раз будет применён принцип прогрессивного обложения земельной собственности, то этим самым мы должны признать, что владения крестьянские, вообще мелкие, которые включают небольшие количества земли должны быть сейчас же освобождены от каких бы то ни было прямых налогов, и, следовательно, наиболее бедная часть крестьянского населения получает, даже до осуществления в полной мере тех предположений, которые мы положим в основу нашего аграрного законопроекта, чрезвычайно существенное, с точки зрения крестьянства, облегчение.

В заключение я должен указать ещё на один пункт. Существует такое весьма распространённое мнение, что первая дума аграрного вопроса решить не может и даже не должна. Я лично вполне присоединяюсь к этому положению и считаю даже, что не только первая дума, но и вторая, и третья, и, может быть, никакая, полностью земельного вопроса решить не сможет, но считаю, что и первая дума должна сделать хотя бы всё то, что она сможет. Поэтому на проект передачи разрешения всего земельного вопроса на места, разрешения земельного вопроса сначала самим народом и уже только потом думой я безусловно согласиться не могу. Я считаю, что народ ждёт, ждёт с крайним нетерпением, и справедливым нетерпением, и первая дума должна сделать всё, что она может. Если она примет то основное положение, которое, по-видимому, принимает проект, хотя и не выражает его ясно, что земля должна быть передана в руки трудящегося населения, следовательно, вся земля, то тогда земельный вопрос в России, хотя и далеко не в полной и не окончательной форме и мере, будет разрешён и голодная смерть не будет больше угрожать русскому крестьянству. (*Аплодисменты*).

Св. Поярков (бесп. демокр., Ворон. г.) Заявление 42-х членов, предложенное от имени партии народной свободы, проектирует при наделении крестьян землёй оставить землю у некоторых землевладельцев, очевидно, у крупных, но в каком размере, сейчас это остаётся неизвестным. Мне кажется, что для полного умиротворения страны, для материального обеспечения крестьян, для осуществления тех реформ, которые намечает дума, — «просвещение и равенство», — нужно отдать крестьянам все земли, какие имеются у частных владельцев. О других категориях земель не приходится говорить, потому что все они должны отойти к крестьянам. Мне странными кажутся в проекте такие фразы: «доведение размеров обеспечения до потребительной нормы, т. е. до такого количества земли, которое было бы достаточно для покрытия средних потребностей в продовольствии, жилище, одежде и для несения повинностей». Я смею думать, вывод из этого тот, что крестьянам предлагается, чтобы они лишь бы не умерли от голода. Труд земледельца очень тяжёлый, как известно, плата за этот труд очень низка, и часто размеры её не зависят от самого рабочего земледельца. При этом случается масса тяжёлых для него обстоятельств, например, падёж скота. Затем мне кажется странным и немного неподходящим, что мы решаемся определять потребности крестьян. Я останавливаюсь на этой фразе потому, что подобные же слова мне приходилось слышать и в частных беседах и читать в газетах. Однако ни один из имущих классов не допустит, чтобы кто-нибудь вмешивался в его расходы. Почему же мы считаем себя вправе говорить о крестьянских потребностях, ставить крестьянам рамки, из которых они не могут выходить? Мы не имеем на это нравственного права. Затем предполагается, что при наделении крестьян землёй будут доходы от промыслов. Промысловых доходов, по моему мнению, быть не может, — в последние годы, годы волнений, это подтверждено фактически. Промысловые доходы,

если и дают заработок крестьянину, зато почти всегда действуют развращающе, так что, во всяком случае при наделении крестьян землёй иметь в виду промыслы нельзя. Затем предполагается установить норму земли на человека. Кто будет устанавливать эту норму? Если сами крестьяне, то, конечно, они себя не обидят, но если вместе с крестьянами будут устанавливать норму и землевладельцы, то ещё вопрос, кто одолеет при выработке нормы.

Я считаю, что всю землю нужно разделить крестьянам. Затем боятся, что будет много чиновников! Крестьяне сами распределят землю. В моём хуторе есть общественная земля, сенокосы, и крестьяне делят сенокосы, и ухитряются так, что недовольства никогда не бывает. Если всю землю отдать крестьянам и раздел должен будет производиться на местах, то во всяком случае администрации новой в большом количестве не потребуется. Довольно и волостных правлений, которые сейчас несут массу ненужной работы, — крестьяне с ними своё дело уладят.

Савельев (к.-д., Нижн. Новг.). Тот узел, который приходится нам теперь развязывать и распутывать, завязан сорок лет тому назад, во время освобождения крестьян от крепостной зависимости. Уже с самого начала крестьяне получили землю в недостаточном количестве. Это было бы ещё полбеды, но в то же время крестьянам, освобождённым от пут крепостной зависимости, не было дано свободы передвижения и свободы начать какую-либо другую деятельность. Особенно там это связывало, где земля была плохого качества и не давала им средств для пропитания. Кроме того, крестьяне были лишены возможности приобретать знания и получать образование, не выходя из того сословия, к которому принадлежали. Стало быть, они не имели возможности завести при всей энергии промышленность, перейти от земледелия к другим занятиям. Из этого вышло вот что: хотя земли у крестьян было мало для пропитания, но других средств к жизни и источников для пропитания они не имели возможности приобрести, потому что и теперь у нас не более шести миллионов фабричных рабочих, по необходимости все силы населения должны были остаться на той же земле. С течением времени население увеличилось на 87 проц., а земли оставалось столько же, так как приобретённые за это время, в количестве около 20 проц., в счёт не идут.

Как же теперь поправить положение? Явилась мысль, что крестьянам нужно отдать всю землю, — это мысль крайних партий. Партия народной свободы, конечно, так далеко не идёт, она, не колебля существующего права собственности, находит, что там, где необходима земля, она должна быть дана крестьянам для восполнения их скудного бюджета. Разделяя вполне те принципы, которые провозглашаются партией народной свободы, тем не менее я всё-таки не могу не остановиться на некоторых поправках. Дело в том, что вопрос этот ставится не в достаточной степени широко; ведь если даже наделять крестьян в достаточной степени землёй, то, во-первых, для этого мы не имеем достаточного количества земли, потому что всех свободных земель имеется около 7 миллионов казённых и около 30 миллионов десятин частновладельческих, если не считать купленных крестьянами; во-вторых, эти земли распределены крайне неравномерно: свободные земли сосредоточиваются в Самарской, Астраханской, Оренбургской, Пермской губерниях, словом — в южных и юго-восточных губерниях Европейской России; в других же губерниях их недостаточно. Поэтому, стало быть, если говорить о пополнении земельного фонда крестьян, одновременно надо говорить и о том, как выйти из этого положения там, где свободной земли нет. Отсюда, значит, должен возникнуть вопрос о переселении. Затем возникает ещё вопрос, есть ли средства для того, чтобы крестьяне могли воспользоваться землёй, когда им увеличат площадь. Мало только дать землю, надо дать борону, соху и весь инвентарь и оборотные средства; нужно

дать средства также и на переселение и выяснить, по возможности, точным образом — сколько потребуется на это переселение. Между тем эта часть не в достаточной степени разработана в предложенном нам проекте. Вместе с тем доклад представляет некоторую неясность в том отношении, что не говорит, где и сколько брать земли. Устанавливается принцип такого рода, что известное, определённое количество земли должно быть оставлено у прежнего владельца, всё же остальное количество, что сверх этой нормы, может быть или должно быть отчуждено. Спрашивается, если где-нибудь в северных губерниях, как, например, в нашей Нижегородской, Костромской и Вологодской, и есть обширные земельные пространства, мало пригодные для заселения, зачем же мы будем отчуждать землю из частных владений сверх той нормы, которая определена в фонд земельного владения?

Теперь ещё один вопрос, который, я думаю, интересует всех. Каким образом отчуждать землю? В основной ли фонд государства, из которого крестьяне, по мере надобности, могут брать землю, или же в собственность? По моему, необходимо отчудить землю в государственный фонд. Потому что, если обратить эти земли в неограниченную собственность, как мы теперь понимаем, то результат будет тот, что с течением времени участки будут опять централизоваться и переходить путём наследства, покупок и т. д. в руки немногих. Если же выработать закон, запрещающий скопление земли в одних руках, то всё-таки, я думаю, что из этого ничего хорошего не выйдет, потому что тогда можно предвидеть крайнее неудовольствие населения, и, вероятно, если такой закон был бы издан, он остался бы мёртвой буквой. Таким образом, через несколько лет придётся опять пересмотреть этот вопрос снова, и, может быть, придётся радикально его переработать.

Барон Ропп (Виленская губ.). Я хотел бы обратить внимание на то, что такого рода основные начала, брошенные во всеуслышание всей страны, составляют очень опасные лозунги. Эти лозунги брошены в среду, которая совершенно неподготовлена для того, чтобы разобраться в них. Между тем мы на то и собраны, чтобы оздоровить страну, не раздражать её, чтобы войти в действительные нужды и, насколько возможно, придумать какое-либо лекарство. Этим законопроектом или этими основными положениями законопроекта, представленного в Государственную думу, как будто игнорируется то, что существует во всяком развитом обществе, в котором существуют различные классы; мы никак не можем насильственно возвратить массу населения к земледельческому делу. Разные классы останутся, они должны быть. Кроме того, мы не выйдем из такого положения, чтобы в многонаселённой Российской империи не было безземелья. Между тем мы бросаем крестьянам надежду — достать землю, даже не говоря, каким образом, за какую цену. Такая надежда, неуловимая, много напортит и уничтожит спокойствие страны. Наконец, мне кажется, даже практическое применение этого закона, если бы он стал законом, является почти невозможным. От этого может произойти только междоусобная война не только в государстве, но и в каждой деревне, в каждом обществе, в каждой волости. А каковы последствия этой войны — войны всех против всех? Те, которые умеют обходить закон, те и тут сумеют обойти закон и устроить так, чтобы для них было выгодно, а для населения невыгодно. Выйдет то, что население попадёт под террор, под влиянием какого-то негласного правительства, кулаков и разного рода лиц. В Западном крае этот закон совершенно неприменим. Во-первых, на Западе устройство совершенно иное: общинного владения там с самого начала не было; кроме того, на Западе совершенно иное отношение землевладельцев к земле, чем в центральных губерниях, — на Западе землевладельцы сами сидят на местах, сами работают. Кроме того, условия аренды там иные, — там аренда долгосрочная. Всё это произвело бы переворот и осталось бы множество лиц из среды не только

крупных землевладельцев, но и из средних и безземельных без заработка, без станка, на котором они работают. Кроме того, крупное землевладение на Западе не таково, чтобы оно не имело значения для государства. Мы слышали здесь такие слова, что будто бы крупные землевладельцы держат машины на случай, если крестьяне не пойдут работать. Я не знаю, откуда это взято? В том крае, в котором я живу, таких машин не держат. Положение рабочих во многих случаях гораздо лучше в западных окраинах, чем на Востоке. Конечно, и там законодательство должно быть пересмотрено, так как и там есть больные места, и там есть места, которые нужно улучшить, но иным образом, не разрушая крупного землевладения, фабричных и других производств, которые существуют в крупном землевладении.

Кроме того, самое хозяйство во многих местах устроено так, что его разрушить невозможно, не разрушая вместе с тем производительных издержек, как, например, «дрены». Такие имения не могут быть раздроблены, потому что после этого они потеряют своё значение. Я сознаю то, что мы должны стремиться к тому, чтобы дать мелкой собственности развиться и самой приобретать больше земли. Нормальное устройство государства, я думаю, не поведёт к тому, чтобы мелкая собственность поглотила крупную, чтобы крупная собственность исчезла.

Я нахожу, что то, что сказал один из предыдущих ораторов Локоть, совершенно неправильно, что крупное землевладение даже на Западе не должно быть сохранено. Он сказал, что там крестьянин смотрит на землю, как на свою, а, по-моему, всякий крестьянин смотрит на землю, желая, чтобы она была его, как и всякий человек, если у него есть какая-нибудь работа, хотел бы, чтобы станок, на котором он работает, и орудия были его. Но, с другой стороны, крестьяне всё-таки до сих пор почитали чужую собственность. Если крестьянин, работая в городах или на заработках в деревне, дошёл до того, что имеет собственность, хотя небольшой капитал, и желает купить землю, то вот тут-то и надо ему помочь, тут-то и надо дать ему возможность кредитом, действительно низким, действительно возможным, таким образом устроенным, чтобы не было какого-то искусственного возвышения цен на землю.

Я не спорю, что нынешнее положение крестьянства действительно плачевно не только на Востоке, где положение крестьян хуже, чем у нас, но и на Западе. Когда на Западе в 1863 году крестьяне были наделены землёю, они получили всё, чем владели до того, но они получили в той форме, в которую ею владели. Но формы такие возможны при патриархальном быте. Ныне необходимо выйти из устаревшего шнурового владения с известным расширением землевладения ныне малоземельных крестьян. Затем следует помочь свободной покупке земли. От этого, однако, земля не поднимется чрезмерно в цене. Мне бы казалось, что самый лучший и самый правильный способ есть — взаимный кредит, внести основы взаимности в сделки с землёй. И если внести основы взаимности в эти сделки, то вместе с тем по необходимости этим вводится и децентрализация. Из такого центрального учреждения, как наша дума, мы никоим образом не можем предвидеть всех тех нужд, разнообразий, которые находятся в разных местах такой огромной империи, как Россия.

Я думаю, что стремление к тому, чтобы из центральной думы, из думы государственной решать такие вопросы, вводит нас в особенное, весьма опасное положение. Вся дума здесь хочет быть законодательным учреждением, она и по закону есть законодательное учреждение. Вся дума, как законодательное учреждение, в первых числах, в первых днях своего существования сейчас же подчеркнула то, что мы отныне находимся в государстве конституционном. А между тем выходит,

что вместо того, чтобы иметь одного самодержца, который все-таки может войти в нужды всех частей государства и узнать потребности всех классов, дума вдруг сама себя ставит в положение самодержца и сама входит в те нужды и потребности. И уже не решает один человек, а решает большинство, решают те, которые в думе могут меньшинство игнорировать. Это ужасная опасность. Мы, вместо того, чтобы внести действительную свободу, легко введем мажоризирование большинством меньшинства.

Назаренко (тр. гр., Харьковская губ.). Если так будет продолжаться, как сейчас, когда об одном вопросе целую неделю будем рассуждать, то мы не разрешим аграрного вопроса, и если мы ничего не будем делать, так его без нас разрешат. Это я говорю потому, что получаю об этом предупреждения от своих крестьян. Если вы будете рассуждать о том, как крестьяне смотрят на землю, то я вам скажу, что, как для детей необходима грудь матери, так для нас, крестьян, — земля. Вы, вероятно, знаете, что в очень недавнее время господа заставляли наших матерей кормить своей грудью щенков… (*Аплодисменты*). Это самое делается и теперь. Но только дело в том, что теперь щенки господские сосут не ту мать, которая нас родила и кормила, а ту, которая нас кормит, — землю. (*Аплодисменты*). Это делается на законном основании. Этот закон на нашем русском языке называется правом собственности на землю. Если вы хотите удовлетворить нашу крестьянскую нужду землёй, то нужно прежде всего изъять землю из-под этого закона. Мы не говорим, чтобы совсем не существовало права собственности на землю, — нет: я говорю только о том, чтобы закон о праве собственности не давал возможности одному лицу владеть несметным количеством земли. Некоторые ораторы говорили, что нужно установить так называемую трудовую норму, но об этом говорить теперь рано; говорить об этом теперь значит делить кожу медведя, которого ещё не убили. Если мы только будем разговаривать, а не делать дело, то нам и не доведётся говорить, потому что придётся заняться другим делом. Я вас, господа, покорнейше прошу передать вопрос на рассмотрение комиссии. Пусть комиссия обсудит его и представит тридцать три взгляда, которых теперь — пятьсот, и потом мы будем обсуждать его. Ведь, если мы будем пятьсот раз выражать теперь свои взгляды, то нам и года не хватит на его рассмотрение. Вот почему я говорю, что если мы так будем поступать, то народ сам разрешит этот вопрос. И тогда попробуйте взять назад! (*Аплодисменты*).

Мрачными красками рисуют положение крестьян в Прибалтийском крае эстонские и латышские депутаты. Только принудительное отчуждение могло бы помочь горю; но они решительно против образования земельного фонда: против этой меры были бы, по их словам, в Прибалтийском крае не только помещики, но и сами крестьяне.

Рютли (Лифляндская губ.). Нельзя решать этот аграрный вопрос одинаково во всех областях громадной России. По окраинам, как, например, в Прибалтийском крае, совершенно иные институты гражданского права, совершенно иная форма земледелия и землеустройства. Только один общий принцип, который выставляется в этом законопроекте, применим в Прибалтийском крае и применим в полном размере, а именно, что земля крестьянам необходима и что необходимо принудительное отчуждение. Лифляндская губерния занимает пространство в 3 800 000 десятин и из этого количества земли принадлежит крупным аграриям 62 проц. общей площади земли, а всего у них около 900 имений, в том числе и некоторые пасторат, так что в среднем на одно имение приходится не менее 2 550 дес., между тем как крестьянам, которых более 1 миллиона, принадлежат только 38 проц. из общего количества земли. Кроме того, нужно принять во внимание, что некоторые аграрии владеют приблизительно 30 имениями.

Несправедливо, чтобы несколько сот человек владели таким большим количеством земли, между тем как более миллиона земли не имеют, и поэтому необходимо отчуждение земли в пользу крестьян. Таким образом, этот принцип вполне применим в прибалтийских губерниях.

Что же касается остальных принципов, которые выставляются в проекте, например, обращения земли в государственный фонд и определения форм пользования землею, то они ни в коем случае не могут быть применимы в Прибалтийском крае. Эти принципы вооружат против себя не только аграриев, но и самих крестьян. Хотя наши крестьяне 700 лет находились под немецким игом без земли и они были не людьми, а вещами, тем не менее в сознании их сохранилась идея о праве собственности на землю. Хотя они были освобождены без земли, их первой заботой было стремление приобрести себе землю в собственность. Если объявить, что частная собственность будет уничтожена, то это вызовет среди крестьян бурю негодования, а может быть, и что-либо худшее.

Что касается превращения земли в государственный фонд, то наши крестьяне хорошо сознают, что это есть новое закрепощение крестьян. Известно, что кому принадлежит земля, тому принадлежат и люди. В таком положении находились прибалтийские крестьяне до тех пор, пока они не сделались собственниками. Они сделались собственниками, а цена земли, благодаря дворянским кредитным обществам, — которые в нашем крае те же самые кредитные учреждения, что в России поземельные крестьянские банки, — благодаря этим обществам цены сделались неизмеримо высокими. Так что те, которые приобрели себе право собственности на землю, не в состоянии быть собственниками. И ежегодно продаются с публичных торгов эти усадьбы и переходят в собственность аграриев. Других источников пропитания в нашем крае совершенно нет. Фабричного производства в нашем крае нет, рыболовства тоже нет; если же и есть рыболовство по берегам моря и некоторых озер, то эти берега находятся исключительно во владении помещиков.

В особенно тяжелом положении находятся так называемые безземельные батраки. Они поселяются около крупных имений и имеют незначительные участки земли. Они обязаны исполнять за пользование этими участками всякие работы на полях имений. Если перевести эти работы на деньги, то у нас в среднем за десятину аренды платят около 40–50 рублей. Что же касается арендных цен, то они, вследствие конкуренции, неизмеримо высоки. Известно, что крестьяне у нас поселяются на таких участках и имеют свой инвентарь. Что же мы видим? В августе месяце, когда крестьянин не может исполнить своего обязательства, тогда судебный пристав налагает арест на его инвентарь. Когда же исполнены полевые работы в октябре месяце, тот же судебный пристав продаёт последнее имущество, и таким образом масса крестьян может жить только один год на одном месте и затем должна выселяться совершенно нищими. Недостаточно передать землю. Если мы передадим землю, то через несколько десятков лет мы будем стоять перед таким же кризисом, как теперь. Мы должны позаботиться о дешёвом кредите, в особенности о мелиорационном кредите, чтобы поднять производительность труда в сельском хозяйстве. Кроме того, надо уничтожить всякие привилегии, которыми обладают у нас имения аграриев. Например, вся земля у нас разделяется на крестьянскую и мызную. Крестьянская земля отличается той особенностью, что все общественные подати и повинности, как дорожная и т. д., падают на крестьянскую землю, между тем как мызная земля, которая принадлежит аграриям, освобождается от всяких податей. Далее, имеются на крупных земельных участках ещё и другие привилегии. Я только упомяну об одной, а именно о праве производить торговлю съестными припасами. Этого права не имеют крестьяне; хотя они и приобретают посредством покупки землю в собственность,

тем не менее право это к ним не переходит, если в контракте особо не будет об этом упомянуто. Такое право можно приобрести, но за большие деньги. Но, кроме того, всем известно, что крупные имения пользуются правом назначать по своей воле пасторов и т. д., и это право постоянно служит источником всяких раздоров.

Крейцберг (Курляндская губ.). Я говорю здесь как представитель и как выразитель нужд курляндского крестьянства. В первый раз моими устами говорит перед русским народом без всякого посредничества, непосредственно, латышский крестьянин, освобождённый актом 17 октября от многовековой и тяжкой опеки феодального рыцарства. В то время как русский народ или, точнее говоря, русский крестьянин имеет своё 19 февраля, латышский крестьянин этого дня не имеет. Я знаю, что остзейские бароны, услышав мои слова, воскликнут: «О, неблагодарный народ! Мы, движимые благотворным человеколюбивым намерением, дали вам уже 25 августа 1817 года личную свободу, а вы пеняете на нас». Но между актами 19 февраля и 25 августа 1817 года — громадная разница. Русскому крестьянину была дарована свобода и земля, а латышскому крестьянину только свобода без земли; значит — птичья свобода. Что не удалось русским реакционным вельможам, наследникам временщиков Екатерины и Елизаветы, то удалось опытному в искусстве маккиавелизма немецкому дворянству. В этом действии кроется зародыш той ужасной кровавой драмы, последний акт которой ещё не разыгран в Прибалтийском крае. Недаром, после подписания акта 25 августа 1817 года, воскликнул один из главарей немецкого дворянства: «Теперь мы только окончательно завоевали Прибалтийский край». Бедному латышу, если он не хотел умереть с голоду, необходимо было опять просить своих юнкеров о сдаче ему арендного участка, разумеется, на тех условиях, которые продиктовали ему его дарители свободы, и опять началась прежняя кабала.

Помещики, сдавая в аренду или продавая арендные участки, удерживали за собой почти все права и перевели только все тяжести и повинности на арендные участки. Они удержали за собой право рыбной ловли, право винокурения и право пивоварения, право содержать корчмы и шинки, право заводить фабрики и заводы. Как ни были тяжёлые условия для крестьян, они всё-таки неимоверными усилиями приобрели собственность, свои собственные арендные участки, свои собственные усадьбы. Лишение крестьян этих прав собственности на их участки и даже уменьшение оных в угоду какой-нибудь теории трудовой или потребительной нормы крестьяне считали бы тягчайшей обидой, вопиющей несправедливостью. Все поднялись бы, как один человек, для защиты своих прав. Но как же быть с безземельными батраками? Их нужды, по моему мнению, безусловно должны быть удовлетворены. Я считаю этот акт одним из надёжнейших средств умиротворить и успокоить взбаламученный Балтийский край; на эту цель должны быть обращены, во-первых, те крестьянские земли, которые присвоены неправильно и незаконным образом помещиками. Далее, на эту цель должны быть обращены те имения, которые теперь отданы в пользование рыцарству. Теперь дворянство лихорадочно спешит обременить эти имения долгами для выдачи пособий. Вы думаете, может быть, для выдачи голодающему крестьянству или тем, усадьбы которых сожжены? Нет, господа, — для выдачи «угнетённому, обиженному и оскорблённому» феодальному помещику. Далее, на эту цель должны быть обращены казённые, церковные земли и земли, принадлежащие городским обществам, и, наконец, земли крупных землевладельцев — латифундий. Весь строй жизни Прибалтийского края основан на средневековых феодальных началах, и обновление его должно быть произведено на началах демократических. Я надеюсь, что только русский народ в лице своих избранников, только

Государственная дума сделает из этой страны народной несвободы классическую страну народной свободы. (*Аплодисменты*).

Понятовский (автономист, Волынская губ.). Те, которые спешат с разрешением вопроса, полагают, что один день промедления наших прений затянет вопрос. Господа, этот проект не может быть проведён в жизнь так скоро, как думают некоторые из вас: для проведения его нужны местные силы, местные учреждения. Если бы его приняли в основание, нужно всё же на местах определить те учреждения, которые должны все подробности ввести в жизнь, а таких учреждений во многих местностях нет. Я укажу на наш Западный край, где нет выборных земских учреждений, а есть только лица, назначенные администрацией. Между ними, по ошибке назначающих, попадаются и порядочные люди, но отдавать разрешение вопроса этим людям я не могу. Господа, я думаю, что наша комиссия должна рассмотреть весь земельный вопрос в применении его к различным местностям и различным условиям. Но, господа, я нахожу, что представленный проект не может удовлетворить все местности Российской империи. Я говорю специально о Западном крае. Эту окраину населяют десятки миллионов жителей. Нельзя теперь, когда мы вступили в эру свободы, насиловать их волю, нельзя поступать против их желания. Зная наш народ, я уверен, что он предпочтёт получить одну десятину в собственность, чем в пользование 4–5 десятин, притом земли где-то находящейся. Нам говорят — соединение принципа собственности с принципом пользования не представляет технического затруднения. Нет, затруднение необходимо явится. Нельзя устроить именно так, чтобы к каждому участку собственной земли прилегал арендный участок или отданный в пользование. Если надо определить, сколько земли нужно для крестьянина, то для этого надо знать, сколько такой земли имеется, а мы этого не знаем. Существуют, например, сервитутные права, и значительная часть сервитутных земель перейдёт к крестьянам при их уничтожении; перейдут к ним и некоторые земли при развёрстании. Надо также решить вопрос о чересполосных землях. Я нахожу этот проект, который нам здесь представлен, неполным и необоснованным. Нам говорят, например, о выкупе, при посредстве процентных государственных бумаг, которые можно напечатать. Но мне кажется, что экономическая сторона вопроса так легко не разрешается. Какие будут для государства последствия того, что миллиарды таких бумаг будут брошены на рынок, нам не указано. Я предлагаю учредить комиссию, которая бы постоянно занималась аграрным вопросом. Этот вопрос не может быть скоро разрешён, и эта комиссия будет работать столько времени, сколько будет работать наша дума, хотя состав её может меняться.

Обнинский (к.-д., Калужская губ.). Каждый раз, как я начинаю думать об аграрной реформе, я испытываю ощущения человека, в первый раз попавшего на Кавказ и очутившегося у подножия Эльбруса. Издали доступный и определённый, вблизи он давит своей величиной человека, очутившегося у его подножья. Мне кажется, что чувство изумления, чувство величия аграрного вопроса руководило отчасти государственной думой, когда она в своём ответе на тронную речь упомянула лишь об одной частности этого вопроса: о наделении малоземельного крестьянства землёй. Для меня вся записка представляется одним словом; это слово — «передел». В 1861 году совершён был грандиозный, неслыханный в истории человечества, передел, со справедливым вознаграждением тех, которые поступились частью своих участков в пользу других. Если бы мы даже не переживали революционного периода, если бы всё шло тихо и гладко на Руси, то тем не менее всё же после 45 лет, прошедших после этой первой передельной реформы, следовало бы к этому приступить. С того времени население увеличилось; вчера кн. Волконский говорил, что в некоторых местах вместо ста человек живёт уже сто сорок (140), а для всей России это число дойдёт,

пожалуй, до 160. Очевидно, что если дальше это так пойдёт, то такое число людей при прежнем количестве надельной земли не может не вызвать передела. Если он будет не «белым», а «чёрным» переделом, то вина в этом падёт не на нас, а на правительство. Во всяком случае авторы этого проекта указали и высший принцип. В это понятие передела целиком входит и принцип принудительного отчуждения. Авторы заявления возвысились над обычным уровнем понимания вопроса и почти достигли установления широкого принципа, и в этом отношении записка страдает только некоторою недоговорённостью; как будто бы люди взбежали на высокую башню и остановились на последней ступеньке в нерешительности, а между тем, чтобы ни говорил проф. Петражицкий об этом, только с этой ступени открываются широкие социальные реформы. Авторы записки устанавливают принцип: «земля трудящимся» посредством государственного земельного фонда. Но ведь фактически крупная и средняя частная земельная собственность проектом почти уничтожается; дело в том, что и помещичьи усадьбы после этой реформы, очутившись окружёнными лишь небольшими по числу десятин участками земли, обречены на уничтожение, они перейдут в руки земских учреждений, которые сделают в них школы, больницы, аудитории, музеи, народные читальни и т. д. или же они должны будут разрушиться от времени. Наконец, отчуждая у меня один квадратный аршин земли для того, чтобы передать его кому-нибудь, мы этим самым вступим на последнюю ступеньку для того, чтобы сказать открыто и во всеуслышание: «вся земля для трудящихся». Вот принцип, который следовало бы с самого начала откровенно установить. Принцип этот был бы мерой, которую можно было бы применять и ко всей аграрной реформе, во всём объёме, и к каждой её детали; и если эта деталь выдержит критику, то как бы она ни была незначительна и мала, это значило бы — она жизненна; если не выдержит, то нужно заранее знать, что жизнь сметёт её. Конечно, не всюду одновременно мог бы быть этот высокий принцип осуществлён, и в этом отношении я совершенно согласен с представителями окраинных областей, которые по этому поводу здесь говорили. В то время как в Уральской области оставалось бы только закрепить ныне существующее положение, быть может, в Польше не один десяток лет пришлось бы ждать прежде, чем принцип этот получил бы осуществление. Таким образом, в решении этого вопроса центр тяжести несомненно переносится на отдельные местности русского государства, которыми этот вопрос и должен быть решён. Мало того, только в этих отдельных местностях и можно получить те материалы, которые понадобятся комиссии в очень близком будущем.

В самом деле, над чем она будет оперировать, как она будет разрабатывать законопроекты без известных документов, известных данных, без обширных материалов, без которых она работать не может? А откуда она их возьмёт? — Уж не из земского ли отдела министерства внутренних дел? Вряд ли с этим материалом можно оперировать. Не от нынешних ли земств? Как бывший председатель губернской земской управы, я могу сказать со спокойной совестью, что такого материала мы от нынешних земств не получим по причине, о которой не стоит здесь говорить после земского положения 90-го года. Правда, есть три-четыре земства, которые могли бы сейчас дать в этом отношении хороший материал, — это: земства пермское, вятское, олонецкое и отчасти вологодское, но именно потому, что эти земства по преимуществу крестьянские.

Таким образом, для правильного решения аграрного вопроса нам необходимо теперь же приступить к обсуждению вопроса об областном самоуправлении и к переустройству органов наших земских самоуправлений. Это последнее и в том отношении важно, что дало бы возможность крестьянству немедленно приложить свои руки к этому общему нашему труду; важно

в том отношении, что как бы хорошо мы ни решили этот вопрос, как бы скоро мы ни поставили его на твёрдую почву, всё-таки известное недовольство, ожидание быстроты не будут удовлетворены. И только тогда, когда крестьяне на местах примут участие в этой работе в преобразованных земских учреждениях, они поймут всю сложность и грандиозность этого вопроса, и тогда мы не услышим того мнения, которое высказал депутат Назаренко, призывавший к немедленному осуществлению этого дела и даже указывавший 2–3 недели как срок для составления законопроекта; это мечты, которые сейчас должны разбиться, как только комиссия приступит к своей работе. И я повторяю, что весьма важно, чтобы это сделалось ощутительным в глубине России.

Обнинский перечисляет затем мероприятия общего и частного характера, которые, по его мнению, необходимы для практического решения вопроса, и прежде всего упоминает о необходимости размежевания и расширения компетенции местного самоуправления и заканчивает словами: «Я хотел бы не обойти молчанием и той надежды на роль городов в будущем, на которую вчера так подробно указал профессор Петражицкий. Эту надежду, на мой взгляд, пагубную, разделяют весьма многие. Но я её не разделяю. Напротив, я надеюсь на то, что широкая аграрная реформа поможет нам упорядочить и разрешить и рабочий вопрос. Только при широкой аграрной реформе начнётся в широких размерах то движение не в города, как говорил профессор Петражицкий, а из городов в деревни, которое уже отметил для Бельгии Вандервельде, а для городов Московского промышленного района — статистическое отделение московского губернского земства. Нужно сделать так, чтобы не рабочие нуждались в городе, нуждались едва ли не со дня своего рождения, но нужно, чтобы город в них нуждался и со своими фабриками и заводами шёл навстречу к этим рабочим в деревни. Мало того, и вы, русские учёные, наши лучшие из лучших людей, люди, от которых много можно требовать, потому что вам многое дано, и вы со своими кафедрами, идите к нам, из этих каменных мешков, идите в наши уездные и губернские захолустья, на всё приволье полей нашей родины. Там ждёт вас аудитория, полная людей чутких, отзывчивых, способных, жаждущих серьёзных знаний, способных эти знания претворить в жизнь, демократизируйте самую науку, и тогда вы будете способствовать осуществлению идеалов, о которых, может быть, не грезилось даже самым пылким реформаторам. Я предлагаю при избрании аграрной комиссии одновременно с этим избрать комиссию, которую я назвал бы земской, которая занялась бы немедленно пересмотром земского и городового положений и теми основами областного самоуправления, которые необходимо было бы ввести для того, чтобы аграрную реформу поставить сколько-нибудь прочно. Не знаю, нам ли придётся построить эту машину аграрной реформы и пустить её в ход, или нашим преемникам, но я знаю одно, что первый же поворот её тяжких колёс раздавит нас, крупных и средних землевладельцев, навсегда. Я думаю, что правительство наше с искренним удивлением созерцает вступление думского большинства на путь такой самоубийственной аграрной политики. Но пусть так и будет. В одном из своих писем к Люцилию Сенека сказал: «мудрец знает, когда ему нужно умереть». Перефразируя это изречение, я могу сказать: «не только с арены истории, но даже с этой (министерской) скамьи нужно иметь мужество сойти вовремя».

Скворцов (бесп., Астрах. губ.) описывает сельскохозяйственную дезорганизацию в Астраханской губ., повёдшую к тому, что земля, нуждавшаяся в искусственном орошении, не получая его, обратилась в пески, и высказывает опасение, что национализация земли приведёт к такой же дезорганизации. Вообще дополнительное наделение ему кажется бесполезным и

неосуществимым. Единственный выход из теперешнего положения — это организация переселения в Сибирь и на окраины. При этом необходимо ещё просвещение.

— Во всяком случае, — заканчивает он, — я хотел бы указать, что в комиссию эту непременно должны быть приглашены представители от крестьянства каждой губернии. Я слышал опасения, что такая комиссия будет страшно многочисленна и ввиду этого будет мало трудоспособна. На это скажу следующее: представители от крестьян не все здесь говорят; представители от крестьян, которые не участвовали на митингах, не жили в городе, ещё, быть может, не привыкли к этому способу речи, к этой форме выражения своих желаний со смелостью и простотой. Они в комиссию не пойдут, постесняются. Они не скажут и здесь. Их знание жизни, крестьянского дела пройдёт мимо этой комиссии. Я думаю, что эти люди будут полезны в комиссии, потому что дадут надлежащий материал.

Ярцев, окт. (Ряз. губ.). Заявлением 42 членов Государственной думы по удовлетворению нужды трудового крестьянства предлагается отчудить принудительным способом собственность одного лица через государственный запас в пользу другого лица на правах аренды, через что получается своего рода насилие над собственностью, с чем согласиться никак невозможно. Государственная дума стремится к свободе личности и не должна стремиться к насилию над собственностью личности, а придумать что-либо другое. Я вполне соглашаюсь с запиской 42 членов в той её части, которая говорит о передаче решения земельного вопроса на места. Я полагаю, однако, что местные органы не должны быть стесняемы никакими обязательными указаниями, и тем более требованиями обязательного принудительного отчуждения частновладельческой земли. Вопрос заключается не только в том, чтобы втиснуть известные условия в теории, а в том, чтобы удовлетворить всеми возможными способами требования и нужды жизни. Там, где без принудительного отчуждения нельзя обойтись, по мнению местных органов, только там это, по моему мнению, допустимо. Я полагаю, что весь земельный вопрос, предварительно до разрешения его думой, должен быть передан на обсуждение земских собраний при желательном участии в них господ членов государственной думы, и лишь по получении таких отзывов, сообразованных с местными условиями и требованиями, возможно правильное решение земельного вопроса государственной думой.

Бородин (к.-д., Уральская обл.). Направление прений по этому предмету приняло характер, на мой взгляд, совершенно непродуктивный. Ведь всё, о чём здесь говорят, придётся опять повторить, когда у нас будет под руками законопроект. Теперь нет законопроекта, и поэтому все прения с этой точки зрения менее продуктивны, чем тот обмен мыслей, который будет в комиссии. Я уверен, что и с той точки зрения, что депутаты-крестьяне единственно там, именно в этой комиссии, смогут выразить свои мнения более определённо и ясно, и что только после рассмотрения в комиссии эти мнения выкристаллизуются во что-либо более определённое, чем мы видим теперь. Поэтому я решительно высказываюсь в пользу того, чтобы прения сократить и передать дело в комиссию, которая была бы организована так, чтобы отвечала всем требованиям всестороннего рассмотрения этого в высокой степени серьёзного и сложного вопроса. Это одна сторона, на которую я хотел обратить внимание. Затем, по поводу состава самой комиссии, я думаю, что комиссию было бы целесообразно образовать из 88 членов, как предлагал проф. Петражицкий, так как таким путём будут представлены почти все губернии. В настоящее время имеются здесь представители от 62 губерний и областей. Членов у нас 446 (с прибавкою 2 по последнему списку). Таким образом, если каждые 5 человек будут выбирать одного, то получится цифра 88. Это и будет число членов.

При таком условии районное представительство обеспечено; но я должен обратить внимание на то, что мы не имеем ещё представителей от целого ряда губерний и областей, а именно не представлено совсем 11 губерний от Кавказа, 9 губерний от Сибири и 9 от Средней Азии (за исключением 1 от Уральской обл.). Я не говорю о том, чтобы откладывать этот вопрос до того времени, когда явятся представители из этих мест, но я хочу внести в предложение о выборе комиссии поправку, что число членов не надо фиксировать 88-ю, а надо определить их числом 99. Новые представители будут распределяться так: с Кавказа — 4, от Сибири — 4 и от Средней Азии — 3. Таким образом, прибавится 11 членов к цифре 88, которая уже намечена, и которая, по моему мнению, отвечает требованиям территориального представительства.

Слово предоставляется главноуправляющему землеустройством и земледелием *Стишинскому*. Как только он поднимается с места, депутаты рабочей и отчасти трудовой группы спешно покидают зал. Стишинский заявляет:

— Основные начала записки, представленной государственной думе, заключаются в том, во-первых, чтобы все земли — казённые, удельные, кабинетские, церковные и монастырские — обратить в государственный земельный запас, из которого предоставить землевладельцам, крестьянам и лицам других сословий, занимающимся земледельческим трудом, участвовать в земельном пользовании до известных норм, которые желательно довести до норм потребительных. Во-вторых, в тот же запасный фонд обратить частновладельческие земли, которые с этою целью принудительно отчудить в таких размерах, которые превышают нормы, имеющие быть установленными для каждой отдельной местности. При ближайшем соображении этих предположений, прежде всего, останавливает внимание применение широкого, можно сказать, огульного, принудительного отчуждения частновладельческих земель. Несомненно, этим предположением в наше законодательство вводится новое начало. По силе действующих 575 и 576 статей свода гражданских законов X тома первой части, принудительное отчуждение допускается лишь для государственной и общественной пользы, причём в каждом отдельном случае оно разрешается по рассмотрении дела в особо установленном законном порядке. Глубокий разум есть в этом правиле. Только тогда собственник может спокойно и мирно владеть своим имуществом, только тогда положить весь свой труд и капитал в имущество, если он убеждён, что ни в каком случае, помимо установленного законом порядка, его собственность не может быть отнята властью правительства. Этот вопрос важен для сельского хозяйства. Всем известно, что сельское хозяйство может развиваться, давать сколько-нибудь серьёзные результаты только при преемственном труде нескольких поколений. Трудом одного поколения немногого в нём достигнешь. Между тем мера, предлагаемая в записке 42 членов, вселяет сомнение в прочности владения и одного поколения. В доказательство возможности в настоящее время широкого отчуждения владельческой земли в пользу крестьян здесь было указано, что в 1861 году подобная же мера была допущена. В таком указании я усматриваю некоторое недоразумение. Тогда отошли только те угодья, которые и при крепостном праве находились в постоянном хозяйственном пользовании крестьян. Начало наделения сельских обывателей различных наименований именно теми землями, которые ранее находились в их хозяйственном пользовании, и только этими землями — проходит красной нитью по всем законам о землеустройстве, начиная с закона 1861 года о помещичьих крестьянах и кончая изданными в последние годы законоположениями о земельном устройстве государственных крестьян в Сибири, Закавказье и т. д. В настоящее же время предлагается нечто совершенно иное. Здесь предлагается отчудить в пользу крестьян земли, состоящие в распоряжении владельцев и

переходящие совершенно случайно от одного крестьянина к другому — в порядке ли обработки путём найма от владельца, или в порядке аренды. Здесь нет органической связи с такой землёй населения, обрабатывавшего те же участки преемственно в течение целого ряда поколений. В заключение этой части моих объяснений я должен упомянуть, что в общем положении 19 февраля значится ст. 8-я, действующая уже 40 лет. В ней сказано, что помещики, однажды наделившие крестьян из своих вотчин, никогда впредь не могут быть обязаны дополнительным наделением. Я должен остановиться здесь на слове «помещик». Обязанность наделять крестьян землёю лежала не на лицах, а на имениях. Это был в полном смысле слова Reallast. Так установлена эта обязанность в законе и так истолковывал её всегда правительствующий сенат в своей многолетней практике по делам о земельном устройстве крестьян. Поэтому в тех, правда редких, но встречавшихся на практике, случаях, когда по различным причинам приходилось производить наделение крестьян в отдельных имениях после того, как уставные грамоты давно уже были повсеместно введены в действие, к этому наделению привлекались все части первоначальной помещичьей вотчины, хотя бы некоторые из них перешли путём продажи к третьим лицам, хотя бы купцам и даже крестьянам. Такие случаи наблюдаются в наши дни в частных горнозаводских имениях. Так как население их было обеспечено в своём быту заводскими заработками, то в 1861 г. оно получило только усадьбы и незначительное пространство сенокосов и выгонов. Но в случае прекращения действия горных заводов закон требует полного, в высшем по положению 19 февраля 1861 г. размере, наделения бывших мастеровых и заводских рабочих. В подобных случаях бывали неоднократно примеры наделения этих людей из таких частей прежнего горнозаводского имения, которые перешли в третьи, четвёртые руки. При указанных условиях, если обязанность наделения крестьян есть обязанность, лежащая на имении, то последовательность требует признать и освобождение от дополнительного наделения льготой, органически связанной с имением и сохраняющей полную силу и в тех случаях, когда имение перешло из владения бывшего помещика, законных его правопреемников, к посторонним лицам.

Таковы соображения юридического свойства, которые дают мне право удостовериться в полной правильности юридической постановки предлагаемого начала принудительного отчуждения владельческих земель.

Перехожу к другой стороне вопроса. Что же может дать эта мера крестьянству и государству? Здесь прежде всего я должен упомянуть, что на леса, как казённые, так и частные, в отношении этой меры расширения крестьянского землевладения, особенно рассчитывать нельзя. Уже записка гг. 42-х членов пошла навстречу этой мысли и признала, что леса водоохранные и защитные должны быть исключаемы из действия принудительного отчуждения, равно как и те расположенные в местностях, изобилующих лесами, насаждения, которые удовлетворяют потребностям населения в лесных материалах. Я думаю, эти два указания не исчерпывают тех оснований, которыми следует руководствоваться в этом вопросе. Столь же важное значение имеют леса, обеспечивающие действие горных заводов. Такие леса исчисляются миллионами десятин. Другое основание, которое имеет не меньшее значение в вопросе о возможности отчуждения лесов и также с точки зрения интересов местного крестьянского населения, — это те постоянные, скажу выражением записки гг. членов думы, — прочные заработки, которые эти леса во всех северных и центральных губерниях обеспечивают населению. Лучшим доказательством, какое огромное значение имеют эти лесные промыслы, служит отсутствие недоимочности в губерниях, о которых я упоминал, по сравнению с губерниями юга России. Наконец, в годину бедствий,

недорода и продовольственной нужды, только развитием лесных работ можно было достигнуть обеспечения населения. Я полагаю, что такой способ поддержки несравненно более правилен и желателен, чем раздача продовольственных ссуд и дарового пайка. Некоторое количество лесов может быть отведено населению из состава казённых лесов, а также — преимущественно в северо-западном крае, — из состава лесов частновладельческих, но пространства эти не очень значительны, и в настоящее время, за невозможностью их выяснить, точно в расчёт принимать их довольно затруднительно, тем более, что для отвода некоторых из них придётся привести осушительные работы. Остаются частновладельческие пахотные земли и луговые угодья. По одним статистическим данным их насчитывается 82 миллиона десятин, по другим — 87 миллионов, в среднем — 85 миллионов. Я должен сказать, что эти цифры исчислены приблизительно, в общих итогах. Я не беру на себя ручательство полной их точности, тем не менее, так как при производстве этих исчислений по различным основаниям и источникам указанные мною цифры в общем совпадают, то эта проверка по таким сравнительным методам свидетельствует об известной их достоверности. Затем следуют из оброчных статей — казённые, которые в настоящее время находятся в огромном большинстве случаев в аренде у крестьян и могут быть обращены на расширение землевладения малоземельных, — их следует считать 4 миллиона десятин; затем удельных земель — 1 800 000 десятин, наконец, монастырских и церковных земель — менее 2 миллионов. Так что в общем итоге все категории земель дают 43 миллиона десятин. Здесь нужно сделать некоторое сокращение. В числе частновладельческих земель несомненно будут мелкие участки, пространством соответствующие нормам, при которых частное землевладение сохраняется. Сказать, сколько их, — трудно. Могу лишь указать, что общее пространство участков размером до ста десятин составляет по исчислению некоторых исследователей (Карышева) свыше 6 000 000. Эту цифру надо раздробить, ибо в состав её входят земли, купленные крестьянами при посредстве крестьянского земельного банка или без его посредства. Земли эти должны быть исключены из той цифры маломерных участков, на которую, как указано выше, надлежит уменьшить пространство частновладельческой земли, могущей быть отчуждённой. Я думаю, что цифру эту возможно принять примерно в 2 000 000 дес. Таким образом, в общем, всё количество могущей быть отчуждённой земли составляет около 41 миллиона дес. Если сопоставить эту цифру с пространством удобной надельной земли, исчисляемой по некоторым данным (а именно по сведениям комиссии, Высочайше утверждённой в 1901 году для исследования причин упадка благосостояния центральных губерний) в 112 миллионов дес., а по другим, также официальным данным (департамента окладных сборов) в 124 миллиона дес., и принять первую из этих двух цифр, то окажется, что отчуждение всех перечисленных выше разрядов (частновладельческая, казённая, удельная и т. д.) земель и отвод их крестьянам увеличит их нынешнее землевладение в незначительной степени (на 35 проц.). Если же иметь в виду, что в среднем на наличную мужского пола душу считается по 2,66 дес. пахотной земли и принять в расчёт соотношение пространства пахотных и иного рода угодий в составе надельных земель, то окажется, что прибавление всей могущей быть отчуждённой земли увеличит крестьянское землевладение в среднем на одну с небольшой десятичной дробью десятину на наличную мужского пола душу. Достаточно ли его хотя бы для достижения той потребительной нормы, о которой записка 42-х гг. членов Государственной думы. Они не указывают размера этой нормы, но если принять его в 12–15 на двор, то при общем числе 10 500 000 дворов и среднем, в настоящее время, количестве надельной земли во владении двора (7–8 дес.) для доставления крестьянского землевладения до такой нормы потребовалось бы прирезать им от 40 до 65 млн. десятин. В действительности же потребовалось бы значительно

больше, ибо расчёт этот основан на средних цифровых данных. Между тем на практике придётся лишь добавлять до нормы тем дворам, которые владеют меньшим пространством, не отрезая земли у владеющих пространством выше продовольственной нормы. Какие же экономические последствия следует ожидать от осуществления предложенной меры? Прежде всего, как я уже сказал, несомненно, все частновладельческие экономии ликвидируются. Имение, сколько-нибудь благоустроенное, — это цельный, живой организм, который нельзя резать, как кусок сыра; нельзя от него отбирать три четверти или девять десятых земель. Между тем от этих хозяйств крестьяне получают заработки, и определить их размер даже приблизительно едва ли возможно. Известный знаток сельского хозяйства А. С. Ермолов в изданной на днях книге «Наш земельный вопрос» делает попытку в этом направлении и путём сложного расчёта, принимая стоимость обработки экономической земли в 15–16 руб. с десятины, чистый доход земли надельной в 4–6 руб. и предполагая обложение отчуждённой из частного владения в пользу крестьян земли в 2 руб. 40 коп. с десятины, приходит к выводу, что крестьяне от применения этой операции ко всем частновладельческим, казённым и т. п. землям понесут убытки до 450 миллионов рублей в год, не считая того, что зарабатывают годовые рабочие и служащие в экономиях.

Для выяснения истинного значения этого факта я позволю себе привести три примера. Первый пример из практики переселенческого дела. В Челябинске существует переселенческий пункт, который является главным приёмником переселенческого движения в Сибирь и обратно для тех возвращающихся переселенцев, которые, изверившись в благах Сибири, изменили своим первоначальным планам и предпочли вернуться домой; при опросе их встречаются такие ответы: «Мы не жалуемся на малоземелье и на качество земли; урожаи бывают, слава Богу, хорошие, но денег нигде не достанешь; когда урожаи хороши, то падает цена на хлеб, а денег во время трудно достать». Если на отдалённой сибирской окраине, где хозяйство крестьянское не перешло ещё на капиталистическую почву, деньги составляют необходимейшую потребность, то что же сказать про Европейскую Россию? А между тем, если не будет заработков, то крестьяне будут поставлены в трудное положение весной и летом, когда им нечего продать.

Поразительный в этом отношении пример приводит А. С. Ермолов в той же книге; он указывает на результаты продажи имения графа Воронцова-Дашкова в Саратовской губернии. 32 000 десятин было продано местным крестьянам, благодаря чему они увеличили своё землевладение с 2 до 18 десятин на душу и тем не менее жаловались на своё настоящее положение, указывая, что вокруг них на далёкое расстояние нет более владельческих хуторов, а потому нет и заработков. Другой подобный же пример приводится А. С. Ермоловым по Подольской губернии. Он указывает, что сахарный завод, имеющий ныне частновладельческой земли 5 тысяч десятин, при эксплуатации этой земли наёмным трудом даёт окрестному населению 150 000 рублей в год чистого заработка. Та же самая земля, переданная населению при лучших условиях, дала бы ему не более 50 000 рублей в год дохода.

Изложенные данные и соображения дают основание к выводу, что на земле, состоящей во владении крестьян, труд их не может быть использован с той выгодой, которую предоставляют им совместная эксплуатация собственной земли и работы на владельческих угодьях. Поэтому выгодность для всего крестьянства, в общей её совокупности, от отчуждения всех владельческих земель представляется более чем сомнительной. Далее я должен объяснить, что главное зло в крестьянском хозяйств это — экстенсивный его характер и его косность. В последнее время в некоторых местностях обнаруживаются признаки перехода к усовершенствованным формам

хозяйства, к некоторой интенсификации его. Широкой волной с запада идёт движение в пользу разбивки крестьянской земли на отрубные, хуторские участки. Движение это началось лет 15 тому назад, очень быстро охватило Волынскую и Ковенскую губернии и, постепенно подвигаясь к востоку, дошло до Смоленской губернии и даже перекинулось в Симбирскую губернию, где в последнее время также начали образовываться, как я слышал, хутора. Нет никакого сомнения, что в развитии этого движения заключается будущее нашего мелкого хозяйства — там, конечно, где по местным условиям такое разделение на хуторские отрубы возможно. Данные, собранные в исследовании известного знатока этого рода вопросов, г. Кофода, удостоверяют, что разбивка земли на хуторские участки повышает ценность и доходность земли почти вдвое. Нет никакого сомнения, что резкое увеличение площади крестьянского землепользования остановит это движение, восстановив на время благоприятные условия экстенсивного хозяйства. А затем косность и рутина сделают своё дело, и обнаруживающееся ныне стремление перейти к лучшим формам хозяйства замрёт, быть может, надолго в крестьянской среде. Последствием предлагаемой меры будет понижение урожайности тех земель, которые перейдут от частных владельцев к крестьянам. Большая урожайность владельческих земель, по сравнению с крестьянскими, удостоверена статистическими исследованиями как факт неоспоримый, и мнение исследователей различается лишь в отношении того, насколько урожайность первых превышает урожайность последних. Некоторые считают, что на 15–18 %, другие — на 25 %. Если остановиться на средней цифре, скажем, на 20 %, то и то, какой громадный ущерб народному хозяйству! По исчислению другого писателя по этого рода вопросам, бывшего елецкого уездного предводителя дворянства Бехтеева, издавшего на днях книгу под заглавием «Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия», уменьшение урожайности владельческой земли на 20 % угрожает сокращением производства хлеба на 150 миллионов пудов. Это, несомненно, явление крайне неблагоприятное уже для всего государства. Насколько уменьшится вывоз хлеба, настолько же сократится и железнодорожное движение, а следовательно, и доходность нашей рельсовой сети!

Не следует также забывать, что последствием ликвидации частновладельческих экономий явится закрытие сельскохозяйственных заводов, винокуренных, свеклосахарных, крахмальных и других технических производств, связанных с сельским хозяйством. Некоторые из этих заводов, быть может, будут в состоянии продолжать производство из сырья, вырабатываемого крестьянами на своей земле, но едва ли таких заводов будет много. Меньшая производительность отчуждённых от владельцев земель отразится, конечно, и на спросе фабрикантов, а следовательно, и на сокращении производств фабрик; явятся в большом числе безработные, которые вынуждены будут вернуться в деревню, и то небольшое увеличение крестьянской земли, которое может быть достигнуто путём принудительного отчуждения, ещё более раздробится между огромной массой желающих её получить и утратить всякое реальное значение. Вообще, едва ли возможно ожидать от предлагаемой меры сколько-нибудь прочного улучшения благосостояния крестьян. На первое время многие из них будут считать себя разбогатевшими, но это убеждение скоро рассеется. Между тем для государственных средств осуществление означенной меры будет сопряжено с тяжким испытанием. Для того чтобы приобрести 41 миллион десятин, нужно заплатить, по средней рыночной цене за последние три года, которую крестьянский банк уплачивал, свыше четырёх миллиардов рублей, и если даже исключить ипотечную задолженность, которая лежит на этой земле, то всё же придётся выбросить на рынок новые процентные бумаги на 3 миллиарда. Ежегодные платежи по этому новому государственному долгу, не считая платежей по прежним ипотечным долгам, лежавшим на отчуждённой крестьянам земле, составят 150 млн руб. Смогут ли

крестьяне, получив в своё владение дополнительный надел менее половины того, чем они владеют ныне, смогут ли они уплачивать такую сумму? Очевидно, нет. Доказательством правильности такого заключения служит то, что надельная земля оплачивалась выкупными платежами в количестве 100 миллионов рублей, причём эти платежи никогда не поступали полностью и по ним из года в год накоплялись крупные недоимки. Я полагаю, что из указанных мной 150 миллионов крестьяне могли бы уплачивать отнюдь не более 50 миллионов, остальная же сумма ляжет тяжким бременем на государственную казну, и без того поставленную в крайне затруднительное положение. Чем пополнить эти 100 миллионов, трудно сказать, тем более, что подоходный налог, на который обыкновенно указывают как на наиболее подходящий в этом случае ресурс, только наполовину может заполнить ту брешь, которая создалась отменой выкупных платежей.

В последней части своих объяснений я постараюсь осветить те практические затруднения, с которыми при применении предлагаемой меры можно встретиться в действительности. Частновладельческие земли на всём пространстве Европейской России распределены крайне неравномерно. Есть уезды, — но таких меньшее число, — в которых из земель, в них расположенных, могут быть с избытком удовлетворены потребности местного населения в земле, так что останется немного земель, неиспользованных, так сказать, про запас. Но значительное большинство уездов находится в других условиях. Там не хватит земли и для местного населения. В некоторых из этих уездов положение таково, что если обратить в пользу крестьян все частновладельческие, казённые, удельные и т. д. земли, то излишние крестьянские наделы увеличатся в среднем по 0,1, 0,2, 0,3 дес. на наличную мужского пола душу. Кроме того, я должен указать, что не только по уездам, но и внутри самих уездов обнаруживается неравномерное распределение владельческой земли. Очевидно, что полное осуществление схемы, начертанной в записке 42-х членов Государственной думы, потребует передвижения огромных масс сельского населения. Всё то население, которое не может быть удовлетворено на местах из земель, близ них расположенных, очевидно, должно быть с указанной целью переселено. Такие условия могут явиться источником двоякого рода затруднений: там, где земли мало, а крестьян много, сёла и деревни будут спорить с ожесточением о том, кому получить добавочную землю на месте и кому переселиться; наоборот, там, где владельческой земли много, с избытком достаточно для населения, явится недовольство коренных жителей, если в порядке переселения передвинут туда из других местностей нуждающихся крестьян. Всем нам известно, как крестьяне дорожат землёй, как они в настоящее время ревниво относятся к случаям продажи соседних с ними владельческих угодий в посторонние руки, как они не любят и не допускают к себе чужаков, хотя бы из крестьянской среды. Далее не могу не упомянуть, что перенесение усадеб даже на незначительное расстояние — дело очень сложное и убыточное. Тем более представит оно затруднений и потребует расходов, если усадьбы и хозяйство придётся переносить на большое расстояние. В связи с этим я должен упомянуть, что порядок землепользования, проектированный в записке гг. 42-х членов Государственной думы, никого не соблазнит и не подвигнет на переселение. Получение земли на условиях долгосрочного пользования едва ли удовлетворит крестьян. Стремление к собственности присуще крестьянам везде, как при подворном, так и при общинном пользовании надельной землёй. Кроме того, как будет поступлено при истечении срока, хотя и продолжительного, на который земля будет отведена? Неужели от усмотрения землеустроительных учреждений будет зависеть отдать её прежнему долгосрочному пользователю на новый срок или отобрать? На таких условиях немногие пойдут, и то неохотно, водворяться на отводимых участках. Независимо от сего, необходимо иметь в виду, что формула

эта идёт вразрез с основаниями нашего законодательства по земельному устройству крестьян. При освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости надел был предоставлен им на выкуп в собственность. То же начало было применено при поземельном устройстве государственных крестьян и других разрядов сельских обывателей в Европейской России. Отступление от этого начала было допущено в Сибири, с единственною целью сохранить за государством право на недра земли. Но вскоре после издания этого закона Государственный совет высказался за применение и к этим крестьянам начала предоставления им надельной земли в собственность и поручил подлежащим ведомствам выработать соответствующие законы.

Я думаю, что в предложении об отводе в долгосрочное пользование коренится крупная ошибка, при которой, независимо от всех осложнений, о которых я говорил, должно явиться величайшее затруднение для сколько-нибудь успешного проведения, хотя бы частично, мер, предполагаемых запиской 42-х членов Государственной думы. Не могу не упомянуть также о том, каким образом отводимая крестьянам дополнительно земля будет распределена в тех случаях, когда коренным наделом они пользуются на общем праве. При этом необходимо иметь в виду, что на этом основании владеет надельною землёю ⅔ крестьян Европейской России. Вместе с тем надлежит заметить, что в большей части общин произошла уже дифференциация богатых от бедных, причём богатые сосредоточили землю в своих руках путём различных более или менее законных сделок. Если земли, отводимые дополнительно, предоставить в распоряжение обществ, то хотя формально они будут распределены между всеми членами обществ, но фактически они весьма скоро очутятся в руках одних богатых. И та цель, которая преследуется запиской, не будет достигнута.

Ещё худших результатов можно ожидать в тех сельских обществах, которые владеют землёй по ревисской развёрстке. Там издание проектируемого в записке 42-х членов Государственной думы закона может явиться сигналом к переделам. Между тем в числе этих обществ есть такие, которые по 25–30 лет не переделяли своей земли, такие общества, где пользование землёю уже вылилось в прочные формы, кристаллизовалось, и всё это пойдёт на смарку. Вообще я должен высказать, что крестьянство поймёт предлагаемую меру как дополнительное наделение в порядке органического закона 19 февраля 1861 г. Все будут считать себя в праве получить добавление к своим коренным наделам, безотносительно к их размерам и даже к форме землепользования. Как общинники, так и подворники будут мечтать о прирезке и о том, что она в отношении платежей будет сопровождаться теми же льготами, которые так широко, в особенности в последнее время, практиковались при взимании выкупных платежей. В таком случае все принятые в основание предлагаемой меры расчёты окажутся опрокинутыми, а вытекающие из неё предположения — построенными на песке.

Вся совокупность изложенных мною соображений приводит меня к заключению, что предположения, содержащиеся в записке 42-х членов Государственной думы, не обеспечат крестьян, отразятся крайне разорительно на интересах государства и окажутся практически неосуществимыми. Мне думается, что улучшение благосостояния крестьянского населения надо искать в других мерах, а именно в улучшении условий землепользования их в пределах существующих надельных частей, в расширении крестьянского землевладения путём планомерной покупки частных земель крестьянским банком, в правильной, широкой постановке переселенческого дела. Этот вопрос составляет предмет забот ведомства Главного управления земледелия и землеустройства, и по этому предмету изготовляется проект, который и будет в скором времени, я надеюсь, внесён на рассмотрение Государственной думы.

Стишинский говорил в поучающем тоне, тихим голосом, вследствие чего не раз слышались просьбы: «Говорите громче!». Вслед за ним поднимается на кафедру товарищ министра внутренних дел Гурко и в чрезвычайно развязном тоне пытается изобразить записку 42-х какой-то невероятной нелепостью.

Гурко. Ввиду всеобъемлющего значения этого вопроса, ввиду того, что чем всестороннее он будет освещён, тем целесообразнее, надо надеяться, будут те заключения, на которых остановились лица, его обсуждающие, позвольте и мне, в качестве лица, в меру своего разумения и сил изучавшего этот вопрос, несколько выйти из роли того ведомства, в котором я имею честь служить, и представить некоторые дополнительные, касающиеся его, сведения. Общее количество удобных земель, имеющихся в пределах Европейской России, достигает 818 миллионов десятин, но из них 109 миллионов находятся в губерниях: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской и Пермской, т. е., иначе говоря, в таких местностях, где, конечно, земледелие находится в худших условиях, нежели во многих местностях Сибири и иных азиатских владениях России. Следовательно, принимать эти губернии в расчёт не приходится. Остаётся 209 миллионов десятин в остальных 45 губерниях Европейской России. Я откидываю губернии Привислинские, в отношении которых земельный вопрос здесь пока не возбуждался; означенные 209 миллионов десятин составляются из 91 миллиона десятин надельной земли и 118 миллионов десятин всех иных земель. Из этих последних 118 миллионов 19 принадлежат крестьянам, 56 — находятся под лесами, и лишь остаток — 43 миллиона — составляет те удобные угодья, которые принадлежат как казне, так и частным лицам, церквам, монастырям, уделам, кабинету и т. д. Так как, с другой стороны, в пределах этих же губерний насчитывается 40 с лишним миллионов душ мужского пола сельского населения, то оказывается, что на каждую мужскую душу этого населения приходится немногим более 2 десятин надельной земли, около ½ десятины, принадлежащей крестьянам на праве частной собственности, и приблизительно по одной десятине из земель, принадлежащих лицам прочих сословий либо учреждений. Словом, по распределении всех земель до последней, до последней, говорю я, десятины, населению, занимающемуся земледелием, на каждую мужскую душу не придётся и 4 десятин. Следовательно, равномерное распределение земли между всем земледельческим населением приведёт к тому, что все крестьяне, владеющие более, нежели 4 десятинами земли, будут вынуждены уступить весь излишек другим земледельцам. Заметьте, господа, что я имею в виду только земледельческое население. Между тем предложение, внесённое 42-мя членами Государственной думы, имеет в виду наделить землёй не только сельское рабочее население, но и то, которое оставило земледельческий промысел и по каким-либо соображениям вновь желает к нему вернуться. При этих условиях, конечно, и 4-х десятин на душу мужского населения не придётся.

Как бы то ни было, правильное равномерное распределение земли между всеми земледельцами возможно только при том условии, если на каждую мужскую душу будет признано право не более, как на 4 десятины. Однако мы все знаем, что размеры крестьянского землевладения чрезвычайно различны, что различны они не только по отдельным губерниям, уездам и волостям, но и в пределах каждого сельского общества. Если, с одной стороны, мы имеем крестьян малоземельных, имеющих лишь несколько саженей земли, то, с другой, имеем крестьян, владеющих 10, 20 и даже более десятинами на душу. К сожалению, точных цифр, указывающих распределение крестьян по категориям владений, т. е. по размерам принадлежащей им на душу земли, не существует. Имеются лишь сведения, относящиеся к землевладению крестьянских

дворов, причём и эти сведения я должен признать несколько устаревшими — они относятся к концу восьмидесятых годов.

Тем не менее и на основании этих сведений можно прийти к некоторым выводам. Так, из бывших в то время 8½ миллионов крестьянских дворов 24 %, или почти одна четверть, владели землёй более, чем по 15 десятин на двор, — в среднем по 17 десятин; половина же этой четверти владела землёй в пределах более 20 десятин; а так как известно, что в среднем на крестьянский двор приходится около 3-х душ мужского пола, то, очевидно, что у этих крестьян на душу приходилось не менее 5 десятин, а у некоторых значительно больше. Всех этих крестьян придётся обездолить, придётся отнять этот излишек.

Выборные русского земельного крестьянства, запомните эти 4 десятины, запомните эту цифру! Да неизгладимо врежется она в вашей памяти! Запомните, что осуществление принудительного отчуждения частновладельческих земель неразрывно связано с отнятием от части крестьянского населения некоторой доли состоящей в его пользовании земли: запомните также, что всем тем крестьянам, у которых эти 4 десятины уже имеются, ни одной пяди земли ни при каких условиях прибавлено быть не может.

Здесь я чувствую, мне сделают упрёк. Мне скажут: «Вы даже не дали себе труда прочесть предложения, по поводу которого вы говорите, — там ясно сказано, что у крестьян ничего не предполагается отнять, что трудовая норма, значительно превышающая эти 4 десятины, останется неотъемлемой». Господа, проект я прочёл, но я утверждаю, что это заключающееся в нём положение неосуществимо. Одно из двух: или земля признаётся наравне со всяким иным имуществом предметом частной собственности, и в таком случае нет той категории землевладения, которая может быть подвергнута принудительному отчуждению, либо, наоборот, мы станем на другой почве и будем признавать, что земля — Божий дар, что она принадлежит всем, желающим приложить к ней свой труд. В таком случае она принадлежит всем земледельцам на одинаковых условиях, и вы обязаны разделить землю поровну между всеми трудящимися, всеми желающими. До сих пор все государства мира признавали землю предметом частной собственности. Именно на этой основе развилась и окрепла та сельскохозяйственная культура, которая обеспечила государствам Западной Европы их общее развитие, их экономическое процветание. Утверждают ныне, что это старые начала, что принцип частной собственности на землю устарел, что России суждено поведать новое слово всему миру, построить на новых началах обветшалый социальный строй.

Что же, господа, будемте строить. Но будемте последовательны, доведёмте это дело до конца и разделимте землю поровну между всеми, дабы не было обездоленных, дабы не было обиженных. Скажу больше: я глубоко уверен, что, если бы предположенная мера была осуществлена и было бы признано возможным в законе сохранить за некоторыми земледельцами право на несколько большее количество земли, нежели сколько причитается на их долю по равномерному разделу, то тем не менее жизнь решит этот вопрос иначе, ибо я не могу себе представить тех доводов, при помощи которых вы убедите крестьянина, что он должен оставить у своего соседа большее количество земли, чем то, которым владеет он сам, коль скоро установлено, что земля принадлежит в равной мере всем трудящимся на ней. При таких условиях у всех крестьян, у коих свыше 4 десятин, излишек придётся отобрать и уже во всяком случае не придётся что-либо прибавить. Последнее даже внесённым предложением не предполагается. Таких же крестьян, у

которых ныне 4 десятины или более на мужскую душу, весьма большое количество на Руси (шиканье, звонок) и едва ли не более половины. По отношению к ним эта мера принесёт лишь отрицательный результат. Продажной и даже сдаваемой в аренду земли при таких условиях вовсе не будет. Одновременно крестьяне эти лишатся тех заработков, которые имеют ныне в частновладельческих имениях. Таким образом, предложенная мера не только не улучшит положения большей половины крестьян, но я утверждаю, что значительная часть их будет ею обездолена. Позвольте, в дополнение к изложенному, указать на другое неизбежное последствие предложенной меры. Распределение всей земли на мелкие, одинаково ничтожные участки приведёт к тому, что подорваны будут наиболее состоятельные силы страны. Каждый будет ограничен в своём производстве и тем самым будет ограничен в своём потреблении. Покупательная способность крестьянского населения придёт к нулю, а, следовательно, значительно уменьшится и покупательная способность всей Руси. Неизбежным последствием этого явится крушение нашей фабрично-заводской промышленности и оставление без всякого заработка всего нашего люда. Этот рабочий люд, силою вещей, будет вынужден вновь направиться к той же земле, к тем же предельным четырём десятинам, тем самым ещё уменьшая причитающийся на долю каждого земледельца надел. Позвольте, господа, вкратце указать ещё на некоторые столь же, по моему мнению, неизбежные последствия, которые сопряжены с этой мерой. Процветание страны требует интенсификации земельной культуры, требует увеличения производительности наших земель. Утверждают, что ныне крестьянские земли столь мало производительны потому, что размер их недостаточен, так как для ведения интенсивного хозяйства необходимо, чтобы размер этот был несколько больше. Но мы только-что видели, что вопрос идёт не об увеличении крестьянского землевладения по отношению к каждому крестьянину в отдельности, а, наоборот, об уменьшении и сведении до такой нормы, при которой на будущее сельского хозяйства России можно поставить большой чёрный крест. Я не могу не указать ещё на тот риск, которому подвергнется всё крестьянское население с переходом в его владение всех земель. Ныне, как известно, в Европейской России неурожаи в высшей степени часты. У нас бывают годы, когда множество губерний одновременно поражены неурожаем. В такие годы крестьяне, работающие на частновладельческих землях, всё же получают деньги за произведённую ими на этих землях работу, совершенно независимо от того, получил ли сам землевладелец какую-либо от неё выгоду. Я спрашиваю, когда вся земля перейдёт в крестьянские руки, кто будет оплачивать крестьянский труд?

Я скажу, кто его будет оплачивать: сами крестьяне будут оплачивать его, но не в положительном смысле, а в отрицательном, так как они будут обязаны вносить деньги за ту землю, которая им передана. Итак, вместо того, чтобы облегчить положение крестьян, мера эта, мне кажется, — так как у нас неурожаи чересчур часты, — ляжет на них новой невыносимой тяготой.

Я не останавливаюсь на вопросе о том, откуда возможно будет взять хлеба для голодающих местностей, коль скоро все крупные экономии, поставляющие на рынок большие партии хлеба, будут уничтожены; по этому поводу можно сказать очень многое. Думаю, что этот вопрос и его безысходность для каждого ясны.

Говорят, что нужно увеличить площадь применения рабочей силы крестьян, не находящих ныне для неё приложения; говорят, что лишь одиннадцать миллионов крестьян мужского пола могут найти ей применение на своих землях, а всего крестьянского земледельческого населения — сорок четыре миллиона. Но если исходить из этого обстоятельства, то нужно в четыре раза увеличить

площадь земель, состоящих в распоряжении крестьян. А мы видели, что увеличивать её ни в два, ни даже в полтора раза нельзя. Следовательно, с передачей всех частновладельческих земель крестьянам на земле будут применены силы тех одиннадцати миллионов, которые теперь её применяют, и, допустим, ещё такое же количество, но куда же денут свою рабочую силу остальные 22 миллиона? Где они найдут средства для существования?

По этому поводу я позволю себе указать, что во всех культурных странах этот избыток находит себе применение во всех прочих отраслях человеческой деятельности, отраслях, которые могут поглотить большее количество труда, нежели земля. Позвольте указать, что, например, во Франции 54 % населения не занимается земледельческим трудом; в Германии — 64½ %, а в Англии даже 85 % населения находят себе применение также не в земледельческом промысле.

Но коль скоро всё население не может найти применение своему труду в земледелии, коль скоро силою вещей часть человеческого труда необходимо применить в других областях производства, то само собой совершенно ясно, что люди, остающиеся при земле, должны производить хлеб не только для самих себя, но и для работающих в других отраслях. Именно на этом зиждется этическое основание права владения землёй.

Нельзя сказать, что земля может принадлежать человеку только в таких размерах, которые необходимы для прокормления его самого и его семьи. Люди, остающиеся при земле, обязаны произвести больше хлеба, чем они сами потребляют. Таким путём только и разрешается проблема народонаселения.

Центр тяжести рассматриваемого вопроса, конечно, не в увеличении площади крестьянского землевладения, а в повышении благосостояния крестьян. Это два понятия, отнюдь не тождественные.

Предполагается отчудить частновладельческие земли на сумму 3 миллиардов рублей. Господа! Изыщем хотя бы ½ часть этой суммы для подъёма крестьянского благосостояния в порядке его внутреннего землеустройства; деньги для этой цели легче найти, ибо несомненно, что для повышения производительных сил страны скорее дадут денег, нежели для разорения её богатства. Изыщите эти средства, обратите их на подъём сельскохозяйственной культуры у крестьян и поверьте, что вы в десять раз больше сделаете для благосостояния страны, нежели когда расточите её земельные богатства посредством их распыления. В многочисленных речах, а также и в печатных трудах по земельному вопросу нередко можно встретить указания на то, что предоставление права владения землёй каждому, желающему приложить к ней свою физическую силу, — последнее слово социальной науки и, вместе с тем, первый шаг к справедливому и равномерному распределению благ земных между всеми людьми.

Я не могу не указать, что социализм преследует прежде всего не раздробление имуществ поровну между всеми людьми, а наоборот, общность владения ими. Социалисты утверждают, что справедливость будет господствовать на земле лишь в том случае, если распределятся между людьми не источники доходов, следовательно, не имущества сами по себе, а те доходы, которые приносят имущества. У социалистов господствует принцип, что в единении сила. Не распыление богатств природных или составляющих плод человеческого труда, распыление, неизбежно сопряжённое с потерей ими части их производительной силы, а наоборот, сосредоточение их и объединение преследуют социалисты, причём предоставляют каждому участнику в данном

производстве долю прибыли, соответствующую приносимой им этому производству или предприятию пользе. Социалисты имеют в виду предоставить каждому возможно большие средства к существованию, и осуществление этого усматривают в создании общего, сложного народного хозяйства, т. е. именно в возможно полном объединении производительных сил страны. Нам из двух преследуемых социалистами целей — равномерного распределения благ земных и возможно большего удовлетворения потребностей каждого — предлагают осуществить только первую цель. Со свойственной нашей славянской расе прямолинейностью останавливаются на простейшем, можно сказать, первобытном способе — равномерном распределении главной категории доходных имуществ — земли, очевидно полагая, что тем самым будет достигнуто и равномерное распределение доходов. Но, господа, эти два факта не равнозначны. Одинаковые равноценные имущества приносят совершенно различный доход в руках различных лиц, в зависимости от их предприимчивости, энергии, ума и сметливости. Одновременно совершенно упускают из виду вторую цель, а именно возможное улучшение быта народных масс. Действительно, если распределением земли на участки, не превышающие трудовой нормы, достигнется в большей или меньшей степени осуществление первой цели, то оно в корне противоречит второй и, без сомнения, ещё более важной цели — возможно полному удовлетворению всех потребностей каждого человека. Народные массы не в состоянии разобраться в этом сложном политико-экономическом вопросе. Под влиянием убеждения, что количество земли, имеющееся в распоряжении государства Российского, даже в пределах Европейской России, настолько велико, что земли этой хватит чуть ли не по 20, а некоторые думают — и по 100 десятин на душу, многие крестьяне к этой мере стремятся всеми силами. Но люди, сколько-нибудь знакомые с политической экономией, знающие находящиеся вне людской власти мировые законы, управляющие сложным народным хозяйством, не могут, однако, сомневаться в справедливости этого положения. Их обязанность указать на те роковые последствия, которые можно предвидеть от раздробления главной производительной силы нашей страны и основного её богатства.

Не думайте, господа, что выгоды землевладельцев я отстаиваю. Наоборот, я того мнения, что если стать исключительно на точку зрения личных, преходящих выгод землевладельцев, то предложенная мера в высокой степени соответствует этим интересам. Действительно, что предположено? Купить у землевладельцев принадлежащие им земли по справедливой цене. Но ведь это именно то, что они ныне все желают сделать. Всем известно, что в настоящую минуту предложений о продаже земель поступает в крестьянский банк свыше меры. Если же говорить, что многие помещики дорожат своими усадьбами, доставшимися им от дедов и прадедов, то в этом отношении им опасаться нечего. Эти усадьбы за ними благосклонно сохраняются предложением, внесённым в думу. Нет, не ради выгод землевладельческого сословия я стою на той точке зрения, что мера эта пагубна, а ради выгод всей страны, ради сохранения мощи России, и прежде всего, ради интересов сельских народных масс. Не землевладельцев эта мера ввергнет в нищету и обездолит, а те самые сельские массы, участь которых вам так близка и вас столь серьёзно озабочивает. Увы, наших землевладельцев приходится убеждать не в необходимости расстаться со своей землёй, а наоборот, в том, что их патриотический долг состоит в сохранении хотя бы части их земельных владений, невзирая на те тяжёлые условия, в которые они ныне поставлены.

Господа, в этих стенах, можно сказать, неумолчно раздаётся одно, всегда одинаково сочувственно встречаемое слово. Это слово — свобода. Позвольте и мне, господа, кончить на этом

слове. Позвольте остановиться на нём и в заключение сказать, что сколько-нибудь полное осуществление свободы мыслимо не только при наличности тех или иных гражданских прав человека, даже не столько при их наличности, сколько при возможности вполне свободно, в полной мере данных каждому человеку от природы сил, развивать свою приобретательную способность в избранной им отрасли человеческого труда. Раздробление всей земли на малые потребительные участки с запрещением увеличивать эти участки свыше определённой меры — есть самое деспотическое ограничение свободы человека, ограничение его хозяйственной и экономической свободы. Это не что иное, как закрепощение крестьянства к земле, новое безысходное крепостное право, силою вещей долженствующее всё более усугубляться, так как размеры земельных владений каждого по мере естественного прироста людей будут всё более уменьшаться. Государственная дума, собрание выбранных населением страны государственно думающих людей, не может руководствоваться в своих решениях одними только чувствами, сколь бы ни были они высоки и бескорыстны. Всякую меру государственная дума должна обсудить не только с точки зрения тех немедленных результатов, к которым она приведёт, но тщательно выяснив и все её конечные последствия. Ближайшим результатом осуществления предложенной меры явилось бы, на мой взгляд, обеспечение интересов землевладельческого сословия и удовлетворение той слепой стихийной жажды крестьян к обладанию помещичьей землёй, которая существует у некоторой их части. Но не прошло бы и нескольких лет, не успела бы эта мера вполне осуществиться, как сельские народные массы на опыте убедились бы во всей пагубности для них самих этого разорения богатства страны и недобрым словом помянули бы они своих выборных, помянули бы тех людей, которым, веря в их государственный разум, они поручили выражение своих нужд и изыскание средств для их удовлетворения. Смею думать, господа, что не уничтожение собственности на землю, а закрепление за каждым крестьянином в его частную собственность ныне состоящей в его владении надельной земли — вот какой мерой государственная дума заслужит от народа большое спасибо.

Герценштейн (Москва). С величайшим вниманием я выслушал, господа, обстоятельную программу, с которой нас познакомили здесь главноуправляющий землеустройством и земледелием и товарищ министра внутренних дел. В сущности говоря, один повторил то, что сказал другой. Это была та же программа, но в несколько более расплывчатых, общих выражениях. Записка, поданная 42-мя депутатами Думы, кажется совершенно неосуществимой. Основные положения оспариваются самым решительным образом. Прежде всего, частная собственность есть краеугольный камень всей нашей истории. И вот теперь мы предлагаем изменить ход истории, создать вместо этого института другой, новый институт. Это противоречит основным началам юриспруденции. Так нам сейчас заявили, а вчера мы выслушали от одного из лучших юристов, проф. Петражицкого, категорическое заявление, что идея принудительного отчуждения нисколько не противоречит идее собственности, что эта идея распространяется всё больше и больше, в разнообразных областях, и если она применима в какой-либо сфере, то именно в сфере сельского хозяйства и поземельных отношений.

Здесь нам рисовали очень заманчивые картины: вместо стремления к обобществлению, к усилению общественного элемента, нам говорят о необходимости пойти по пути индивидуализации: «Нужно создавать хутора». Я вас спрашиваю: может ли всё это быть достигнуто без принудительного отчуждения? Нужно уничтожить чересполосицу, и опять нужно будет

прибегнуть к тому самому опасному началу, которое, по вашему мнению, разрушает частную собственность.

Я вчера говорил о том, что всё наше законодательство за последние 20 лет проникнуто идеей принудительного отчуждения и, если не ошибаюсь, в законодательстве принимали участие лица, ныне состоящие членами Совета министров. Когда дело шло о том, чтобы наделить землёю целые разряды земледельцев в западных губерниях, мы не останавливались перед тем, чтобы проводить самым беспощадным образом принудительное отчуждение. Тогда не шли тем путём, который сегодня нам предлагают, тем «естественным» путём, который считает рыночные цены единственно справедливыми. Цены были умышленно взяты гораздо более низкие. Укажу ещё на Сибирь, где земли раздаются переселенцам, не в собственность, без которой немыслимо будто бы никакое общежитие. Что же, возникают разве там какие-либо недоразумения? Я считаю, что пора положить конец этим злоупотреблениям словом «принудительное отчуждение»; мы проводим и должны проводить его в жизнь. Элемент принудительности должен бы войти в вашу программу больше, чем в нашу. В сущности, вы ведь предлагаете улучшение хозяйства, интенсификацию, а может ли она быть достигнута без всякого рода союзов, товариществ и организаций общественно-принудительного характера? Имеются ли страны с прогрессирующим мелким хозяйством без учреждений общественно-принудительного характера? Даже в Италии и Испании, не говоря уже о Германии или Франции, с принципом частной собственности, как вы его хотите установить, давно покончили; элемент принудительности проникает все поземельные и сельскохозяйственные отношения. Вы нам говорите о необходимости твёрдо стоять на принципе добровольного соглашения, а всё современное законодательство, не социалистическое законодательство, которое сегодня встретило такого защитника в лице товарища министра Гурко, а социальное — порвало с принципом добровольного соглашения (*аплодисменты*).

Нам говорят о святости собственности, а имеем ли мы понятие о том, как надо охранять собственность, дорожить землёй? Разве наше крупное землевладение не попало в дырявые руки? Недостаточно получить землю, надо уметь её сохранить. Доказали ли землевладельцы, что они связаны с землёй? Много ли можно указать местностей, относительно которых можно сказать, что целые поколения сидели на земле, связаны с землёй, дорожили ею? Весь вопрос в ценах. Относительно крупных владений можно, пожалуй, сказать то же, что можно сказать о дачах на Кавказе или в Крыму: на всех дачах имеется лаконическая надпись: «Сия дача продаётся». Весь вопрос в цене, а вы хотите поддержать землевладельцев, которые ничего не дают земле, вы требуете, чтобы мы твёрдо охраняли принцип ненарушимости и святости частной собственности!

Вы говорите, что в 1861 году крестьянам была отведена земля, находившаяся в их «постоянном пользовании», и этого вполне достаточно, по вашему мнению, для того, чтобы к этим землям был применён принцип принудительного отчуждения. В обширных областях России имеются многочисленные разряды крестьян и лиц других сословий, у которых земля находится в «постоянном пользовании», которые арендуют землю из поколения в поколение. Как же отнестись к этим земледельцам? Что же, по вашему мнению, и к ним нельзя применить принудительного отчуждения? Это будет, по меньшей мере, непоследовательно.

Об обязательном наделении крестьян вы говорите, что помещики — владельцы земли — должны были наделить крестьян, ибо крестьяне сидели на земле, обрабатывали её; на помещике лежала, поэтому, обязанность наделения, на этих началах была построена выкупная

операция. Теперь этого нет, не помещики должны, по моему мнению, наделять крестьян, а государство. К нему мы предъявляем требование наделить крестьян! Все непосредственные отношения между крестьянином и помещиком прекратились — это соседи, и если возлагать на кого-либо обязанность об улучшении положения крестьян, так только на государство! Поэтому мы и говорили о государственном земельном фонде. Принудительное отчуждение вводится в интересах государственной пользы, а это предусмотрено нашими основными законами. Нужно только установить наличность государственной пользы, государственной необходимости… Чего же вы теперь ожидаете? Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний?! Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб?! Нельзя теперь предлагать меры, рассчитанные на продолжительный срок, необходима экстренная мера, а принудительное отчуждение и есть экстренная мера! (*Продолжительные аплодисменты*). Мы переживаем такое время, когда надо действовать не медленным путём, а чрезвычайно энергично. Можно спорить о пределах принудительного отчуждения, можно говорить о сохранении известных категорий владения, об естественном переходе, о необходимости сохранения народно-хозяйственных богатств, о сохранении промышленных и сельскохозяйственных технических производств. Это я понимаю. Но сказать: «Не смейте прикасаться к частной собственности, единственное средство для расширения крестьянского землевладения — это платить за землю, например, в Курской губернии, 400 рублей за десятину», — это значит не ответить на крестьянскую нужду!

Далее, вы нас хотите убедить, что и земли у нас нет. Тогда зачем же и огород городить. Лесов трогать нельзя… Вы отдадите нам справедливость, что мы тоже не хотим их трогать, но вы находите, что кроме перечисленных нами, есть ещё леса, которых тоже трогать нельзя, как, например, леса при горных заводах. Мы их спокойно вам оставим, — на Урале, в районе горных заводов, сельским хозяйством заниматься не придётся. Вы говорите, что мы разрушаем промышленно-заводские имения, — это неверно. В статье, касающейся таких имений, мы совершенно точно и определённо говорим, что при отчуждении земель, находящихся в имениях с заводской промышленностью, должен быть установлен особый порядок. Из этого вы видите, что мы вовсе не такие разрушители и вовсе не желаем уничтожить завтра же одним ударом, одним декретом все имения, все сахарные заводы и все производства.

Вы говорите, что население имеет большие заработки в лесах. Разве эти заработки не останутся? Вообще я не понимаю, может ли это считаться возражением против нашего проекта? Земли вы насчитываете 35 миллионов десятин, принадлежащих частным землевладельцам. Должен указать, что то, что совершилось в последние годы и совершилось очень быстро, несомненно показывает нам, что площадь пахотной земли значительно увеличилась. Кто ездил по Минской, Могилёвской, Смоленской или Витебской губерниям, тот знает, что там, где пятнадцать — двадцать лет тому назад были сплошные леса, там теперь пашут. В целом ряде губерний обширная площадь поддаётся культуре, — это в губерниях, где сельское хозяйство безусловно возможно, конечно, не на севере и не на востоке.

С присоединением казённых и некоторых других земель вы насчитываете в общем 43 миллиона десятин и говорите: «Поделим равномерно эту землю между всеми крестьянами, и на душу выйдет одна десятина», — ведь это арифметика, а чтобы разрешить какой-нибудь экономический вопрос, нужна и политическая экономия. Чтобы так разрешить вопрос, как вы это делаете, достаточно иметь

познания в четырёх правилах арифметики и больше ничего (*аплодисменты*), а от государственных людей мы можем требовать чего-нибудь большего (*аплодисменты*).

Вы говорите: произойдёт ликвидация всех имений, погибнут заработки для крестьян, крестьяне от увеличения площади своей земли получат сплошной убыток. Я удивляюсь, как вы решаетесь это утверждать; этому крестьянин, ведь, никогда не поверит. Сколько ему ни толкуй, что ему выгоднее остаться без земли, он этого никак понять не может (*аплодисменты*, крики «браво»). Вы говорите, что с переходом всех земель в руки крестьян исчезнут заработки, — это опять-таки только арифметика. Много ли у нас земель, которые заняты собственным хозяйством? Возьмите весь Петербург, здесь проживает масса землевладельцев и крупных. Что же, они занимаются хозяйством, любят землю, связаны с деревней? Нисколько. Земли их большей частью сдаются в аренду. Скажите, какой может получиться ущерб для народного хозяйства, если мы передадим крестьянам те земли, которые они снимают в аренду? Вы говорите, что начала, на которых мы предполагаем отдавать земли, недостаточно обеспечивают крестьянина, но сравните это с тем, что сейчас делается: крестьяне ведь платят теперь нередко 35–40 руб. за десятину при погодной аренде. Или вы считаете нормальным, чтобы каждый год цены менялись? А когда вместо погодной аренды мы предлагали долгосрочную, вы говорите, что мы наносим ущерб хозяйству. И это по отношению к имениям, где большая часть земли — это факт — сдаётся в аренду.

Вы нам говорите о своих опытах в Челябинске?.. Да, от времени до времени министерство беседует с крестьянами, вызывает депутации, большею частью объясняет крестьянам, что земли никак нельзя дать. Собственные свои опыты вы подтверждаете примерами из сочинений бывшего министра земледелия Ермолова, которые, будто бы, показывают, как разорились крестьяне, когда получили землю. И что же вы привели в пример? Имение Воронцова-Дашкова. Да зачем же было его покупать за 3½ миллиона, когда, может быть, его можно было купить много дешевле (*аплодисменты*, браво) Говорят, что мы уничтожим сахарные заводы, интенсивное хозяйство. Вам мерещится, что мы сейчас издадим декрет, в силу которого все заводы пойдут насмарку. Вы обратились не по надлежащему адресу. Ничего подобного мы не думали постановлять. Ваши речи уместны были бы в собраниях другого порядка, тех, которые много левее или много правее нас. Там ваши речи могли бы иметь успех. Мы вам ясно сказали, что сельскохозяйственное производство будет установлено на особых основаниях: в течение более или менее продолжительного срока, пока крестьяне не приспособятся к тем культурам, которые необходимы для сохранения производства, отчуждение не может иметь места.

Вы говорите, что выгоды крестьяне не получат никакой, заработки погибнут, а, главное, везде будет рутинное хозяйство, все интенсивные хозяйства должны погибнуть. А я вас спрашиваю: что же вы делали 45 лет со времени освобождения крестьян? Принимали ли вы какие-нибудь меры для введения интенсивного хозяйства? Поддерживали вы земства, которые старались улучшать сельское хозяйство? Лучший агроном Зубрилин, гордость русской земской агрономии, не гнил ли он в остроге ещё весьма недавно (*аплодисменты*), а это был человек, который в Волоколамском уезде научил крестьян травосеянию!

Разве мы не знаем, что в Пермской губернии крестьяне сами ввели травосеяние, разве крестьяне не доставляли превосходные семена; а много ли укажете имений владельцев-помещиков, которые научились выращивать семена кормовых трав? Вы до сих пор ничего для подъёма крестьянского хозяйства не делали? Вы поднимаете вопрос об интенсивности,

а я вас прошу ответить, создали ли вы мужицкую агрономию? Разве наша страна не страна крестьянского землевладения? И нам необходимо распространение агрономических сведений, которые более всего пригодны для крестьянской экономии.

Если для вас подъём народного благосостояния не пустой звук, вы давно обязаны были принять меры к тому, чтобы распространить специальные знания по сельскому хозяйству, как это делается в Италии, в Германии и во Франции, в свободных странах, где каждый, желающий помочь народу выйти из рутины, может свободно говорить и проповедовать начала рациональной агрономии. Вы знаете, что там существуют странствующие кафедры, с которых учителя и профессора агрономии учат народ, приходят к нему с добрым советом. А как вы отнеслись бы к такой свободе слова? Никогда вы ее не допустили бы. Те земские начинания, которые вам казались почему-либо подозрительными, должны были прекратить свое существование, вы на них всегда налагали лапу (*аплодисменты*). Удивительно, как часто вы переходите к четырём правилам арифметики. Очевидно, это вы считаете достаточным для составления проекта. Вы нам говорите, что 43 000 000 десятин, помноженные на сто, дадут приблизительно 4 миллиарда, потом вы откидываете задолженность, которую определяете в миллиард. В действительности долги выше; на частном землевладении имеется более значительный долг. Надеюсь, вы не будете этого оспаривать. Далее вы говорите, что в окончательном итоге — я принимаю ваши цифры — на крестьян падёт 3 миллиарда долга. Но позвольте продолжить это арифметическое вычисление. Если вы это разделите на 43 миллиона, то это даст в среднем ежегодных платежей по 3½ рубля на десятину. Я вас спрашиваю, представители Полтавской, Черниговской, Воронежской, Самарской губерний, сколько вы платите за землю?

Голоса. 25 рублей… 30 руб.

Герценштейн. Если бы крестьяне получили аренду, и притом долгосрочную, и платили в среднем 3½ руб., я считаю, что за это они сказали бы большое спасибо депутатам Государственной думы.

Голоса. Совершенно верно!

Герценштейн. Вы говорите, что земля у нас распределена крайне неравномерно. Есть уезды, где буквально ничего не может быть прибавлено, и тогда необходимо переселение. Должен вам сказать, мы никогда не имели в виду создать принудительное переселение. Мы знаем, что конкретное разрешение аграрного вопроса возможно лишь после изучения взаимного отношения отдельных крестьян к определённым имениям в отдельных местностях. Крестьянину нужна земля не абстрактная, а конкретная; ему нужна земля, ближайшая к месту его поселения. Где нельзя устроить переселения, должны быть приняты другие средства, которые дали бы возможность крестьянам, не переселяясь, вести своё хозяйство, — это понижение налогов, улучшение культуры и т. д. Мы силой не можем заставить крестьян бросить родное пепелище. Вы говорите, что, когда крестьяне перейдут на новые места, создастся целый ряд невероятных затруднений: население не любит пришлого элемента, оно будет крайне отрицательно к нему относиться. А что же вы делали до сих пор при содействии Крестьянского банка? Разве вы не принимали целый ряд мер к переселению крестьян и не переводили их из губернии в губернию? А теперь вы говорите, что это совершенно невозможно. И что же? Результаты оказались далеко не такими печальными. Вы давали землю по безумным ценам; вы выталкивали крестьян на новые места без всякой поддержки; бывали случаи, когда вы через полгода или год допускали до продажи инвентаря и

всякого рода движимости и посылали крестьян на голодную смерть. Если теперь переселение будет организовано так, как его следует организовать, то не будет тех эфемерных препятствий, которые вам рисуются. Вы говорите, что в местностях с общинным землевладением произойдёт полный разлад. Земля там в настоящее время распределена крайне неравномерно и находится в руках немногих лиц; имеются крестьяне, у которых совсем нет земли. Казалось бы, что при таких условиях, которые и вы считаете ненормальными, самое правильное было бы тем или иным путём стремиться к переделу, а вы ужасаетесь, что результатом этого будет передел. Что же ужасаться? Это самый желательный и самый правильный результат. Возможен и другой выход. Присмотритесь к покупкам через крестьянский банк: имеются сделки, по которым земля приобреталась не для общины, а для известных разрядов. При дополнительном наделении можно создать товарищества, вообще можно создать институт, аналогичный товариществам, при посредстве которых может быть удовлетворена нужда. Технические неудобства в данном случае всегда можно будет устранить. В заключение вы формулируете свои взгляды в нескольких тезисах; ими, до некоторой степени, определяется ваша положительная программа. Это, прежде всего, широкое развитие покупки земли через крестьянский банк. Какая радость, говорите вы, владеть теперь землёй? — всё равно помещики охотно предлагают её в продажу. А известно вам, по каким ценам они её предлагают? По ценам, по которым банк, при самой щедрой оценке, не может приобретать. Несмотря на обострённые отношения, цены всё-таки высоки. Пока крестьяне вынуждены покупать на началах соглашения, цены должны расти. Если сравнить цены на землю с ростом операций и с понижением платежей, то увидите, что чем больше понижались платежи, тем шире развивались операции банка, чем больше давались ссуды, тем дороже платили за землю. Это неизбежно. Эти последствия были и в Германии. Когда в Пруссии ассигнован был фонд для увеличения немецкого землевладения в восточных провинциях и начали покупать разорённые имения, цены стали расти. Когда в Англии была попытка купить земли для раздачи желающим устроиться на небольших участках, цены стали расти. Если вы ссылаетесь на политическую экономию, то поищите, вы найдёте там много интересных сведений в этой области. Если операции крестьянского банка будут расширены и назначен пониженный процент, кто от этого выиграет? Только землевладельцы. Цены растут и должны расти. Не имеете ли вы в виду покупку таких имений, как имение гр. Игнатьевой, когда говорите о плодотворной деятельности крестьянского банка. Я не знаю, нужны ли крестьянам рыбные ловли, которые были в аренде у Беззубикова, заплачено ли за имение столько, сколько следовало заплатить, или же крестьянский банк выручал другое учреждение, этого я не знаю. Может быть, нам сообщать эти сведения… Во всяком случае, покупки совершались иногда в тех случаях, когда нужно кого-нибудь выручить (*взрыв аплодисментов*). Взяли мы Архангельскую железную дорогу в свои руки тогда, когда это нужно было для государства? Нет, её взяли тогда, когда нужно было кого-то выручать и покрывать. Тогда мы получили Архангельскую железную дорогу и Невский завод — и концы в воду. Сколько государство на этом потеряло, мы не знаем (*взрыв аплодисментов*). Я должен извиниться перед Думой, я, кажется, слишком затрудняю ваше внимание.

Голоса. Просим, просим.

Герценштейн. Второй оратор нас окончательно напугал. Если из изложения, которое было сделано г. главноуправляющим землеустройством и земледелием, мы могли сделать вывод, что находимся перед серьёзной опасностью, то из слов второго оратора мы должны были убедиться, что стоим на краю гибели. Если будет принят хотя бы не в полном объёме этот проект, всё погибнет.

Здесь взывали к патриотизму, но не знаю, где этот патриотизм, который никак не может до сих пор проявиться? (*Смех*). Товарищ министра внутренних дел не удовлетворяется арифметикой; он её нам преподносит с некоторой примесью географии. Он бережёт площадь земли и в окончательном итоге приходит к следующему выводу: если сделаем чёрный передел, — удивляюсь, каким языком стали теперь говорить! — если переделим теперь все земли, то на душу в среднем получится около 4 десятин. Стоят ли из-за этого затевать дело? В его речи были замечания, которые, на мой взгляд, извиняюсь, не совсем приличествуют этому высокому месту.

Голоса. Правильно.

Герценштейн. Крестьян пугали, им говорили, что если они пойдут на наш проект, у них наверняка отнимут земли. Кто имеет больше 4-х десятин, тот должен дрожать, так как завтра у него этой земли не будет (*смех*). Господа, мы собрались не для того, чтобы играть с народом; мы совершенно ясно и определенно говорили, что надельных земель мы не трогаем; благоприобретённых земель, т. е. приобретённых через крестьянский и другие банки, а также и другими путями, вообще мелких владений, размер которых пока не установлен, мы тоже не трогаем. Если когда-нибудь последуют крупные социальные изменения, которые так нравятся этой скамье… (*аплодисменты и смех*).

Председательствующий. Попрошу спокойно дать оратору высказаться и не останавливать его речи.

Герценштейн… очень может быть, что тогда водворится настоящий социализм, но теперь, по крайней мере, мы не имеем этого в виду. Мы говорим только о принудительном отчуждении частновладельческих земель, причём имеем в виду пределы отчуждения, срок и порядок и целый ряд других условий. Нам говорят: или частная собственность, или — земля есть дар Божий. Нас ловят, вам говорят: вы желаете идти по известному пути, не угодно ли вам идти по этому пути и далее, так как останавливаться нельзя. Господа, зачем нас запугивают? Кто знаком с историей поземельной собственности, знает, что только в умах необразованных людей может возникнуть такое представление о земле. Я думаю — профессора меня поправят, если я ошибаюсь, — что у вас нигде нет однообразного института поземельной собственности. Мы не стоим на почве тех взглядов, которые рекомендуются в брошюрах, трактующих о введении однообразного института. Может быть, теоретически это и возможно, но чтобы ввести это немедленно — мы весьма далеки от этого. Мы считаемся с исторически сложившимися формами владения, а вы говорите нам: или частная собственность, или земля — дар Божий. Разве у нас нет десятков форм владения и без той, которую мы теперь предлагаем? Вы даже иронизируете: Россия пример покажет, пример всему миру. У нас уже показали такой пример, вас втянули в позорную войну, какой никогда никакой народ не вёл (*аплодисменты*). Война показала, что мы умеем выбрасывать миллиарды на самые непроизводительные цели и никогда не делали ничего необходимого для народа, для сельского хозяйства. Вы говорите: гораздо лучше взять пятую-шестую часть того, что мы предлагаем, — того, что потребуется для принудительного отчуждения, — и мы сотворим чудеса. Против этого я ничего не имею, это нужно сделать, но это не избавляет от необходимости наделить крестьян землёй. Нас пугают финансовыми жертвами, нам говорят, что немыслимо сделать выкупную операцию. Откуда взять денег? Позвольте, ведь крестьяне сейчас арендуют землю и выплачивают за неё? Если вы занимались арифметикой, если вы подсчитали, что у нас так мало земли, то отчего бы нам не сделать подсчёта, сколько в настоящее время крестьяне уплачивают за аренду земли. То, что сейчас

выплачивают крестьяне, значительно превышает то, что будет необходимо для уплаты по займам. Нам говорят, что в неурожайные годы крестьяне имеют заработок у помещиков. А что же мы видим в неурожайные годы? — Они просто голодают, государство неоднократно должно было приходить им на помощь. Значит, заработок сельского населения далеко не так велик, как кажется. Вы говорите о разнице в урожайности. Оспаривать этого нельзя, разница имеется, но не объясняется ли это до некоторой степени, не скажу целиком, тем, что крестьянам при выкупе была отведена не лучшая земля? Лучшие земли остались у помещиков. Имеются ли в условиях мелкого сельского хозяйства какие-нибудь препятствия, которые не дали бы возможности поднять урожайность? — Никаких! Вам литература в этой области должна быть известна, прочитайте, что говорит об этом Давид Герц: в Германии мелкие хозяйства оказались гораздо более устойчивыми; что же касается усовершенствований в технике, то надежды, которые возлагались на паровой плуг, вообще не оправдались, остальные же усовершенствования безусловно применяются к мелкому хозяйству. Не скупитесь на кредит, поднимите дух народа, не препятствуйте просвещению, и мелкое хозяйство вам будет давать не худшие урожаи, чем крупное. Но такие улучшения совершаются не в один год, не сразу; программа, которую вы предлагаете, неприемлема. Сейчас пожар, его надо тушить, а потушить можно только увеличением площади землевладения. Вы говорите, что наш проект не годится, потому что мы не можем дать крестьянам землю по трудовой норме. Но разве мы это обещали, разве мы не говорили совершенно ясно, что у нас такого количества земли нет? Мы стремимся к продовольственной норме; мы хотим, чтобы население не голодало. Где земля есть, мы говорим об отчуждении, где нет земли — нужно переселение. Разве это возражение, что мы не можем дать заработка всему населению? Вы говорите, что в других странах имеется промышленность, но ее, ведь, нельзя искусственно создать. Вы, ведь, делали уже такие опыты, и в результате пришлось приобрести ряд заводов за счет государства. Присмотритесь более к счетам государственного банка, и вы увидите, какие последствия имело искусственное насаждение промышленности. На этом погибло много сотен миллионов бельгийских и французских денег. Пока мы не будем иметь сытого крестьянина, у нас не будет промышленности. На Нижегородской ярмарке хорошо торгуют ситцем тогда, когда в стране урожай и у крестьянина имеются деньги. Вы говорите, что вас смущает справедливая оценка. По вашему мнению, справедливая оценка та, которая устанавливается на рынке. На это я могу вам ответить: те цены, по которым теперь продается земля, я не могу считать справедливыми. Земля должна продаваться по более дешевой цене. Не остановилось же ирландское законодательство перед тем, чтобы понизить арендные цены; цены были там понижены в среднем на 20 проц. Мы тоже можем мечтать о понижении цен, вздутых крестьянской нуждой. Народ, говорите вы, не может разобраться в этих вопросах. Да, но у народа есть чутье, он чувствует, где пахнет землей и где земли не дают. Я верю, что он разберется в этом вопросе.

Депутаты устраивают Герценштейну бурную овацию.

Деп. *Онипко* выражает неудовольствие по поводу того, что председатель дает слово «посторонним лицам», на что председатель отвечает, что ни одному постороннему лицу он слова не давал.

13-е заседание

23-го мая.

Деп. Онипко (Ставр. г.) поясняет, что под посторонними лицами он подразумевал представителей правительства, так как после выражения недоверия министерству его следует считать посторонним в думе.

Председатель разъясняет, что в силу учреждения Государственной думы, министры и главноуправляющие имеют право участвовать в прениях думы, товарищи же министров и начальники центральных частей могут выступать по уполномочию министров, что и будет впредь соблюдаться.

От имени ста четырёх депутатов, членов трудовой группы, вносится нижеследующая записка в виде материала для работы комиссии:

«Проект основных положений».

«§ 1. — Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с её недрами и водами принадлежала бы всему народу, причём нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет её обрабатывать своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею».

«§ 2. — С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казённые, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму».

«§ 3. — Надельные земли и те из частновладельческих, которые не превышают трудовой нормы, остаются за теперешними их владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность».

«§ 4. — Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счёт государства. Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могут быть определены не прежде, чем этот вопрос и вся аграрная реформа будут обсуждены народом на местах (см. § 18)».

«§ 5. — Продажные, залоговые и дарственные сделки на землю (кроме поименованных в § 7) должны быть немедленно приостановлены».

«§ 6. — Земные недра и воды, если таковые не эксплуатируются в настоящее время их владельцами, должны быть объявлены общенародной собственностью. Порядок отдачи их в эксплуатацию общественным учреждениям и частным лицам должен быть определён особым законом».

«§ 7. — Порядок перехода в общенародную собственность тех земельных недр и вод частного владения, которые уже находятся в эксплуатации, а также земель, находящихся под промышленными заведениями и городскими поселениями, должен быть определён особым законом. До перехода же этих имуществ в общенародную собственность, права владельцев на

прирост ценности, поскольку он зависит не от их труда и капитала, а от общественных условий, должны быть ограничены».

«§ 8. — Из общенародного фонда выделяются прежде всего земли, необходимые для государственных и общественных надобностей, каковые поступают в ведение надлежащих общественных и государственных учреждений».

«§ 9. — Остальная земля, поскольку таковая может служить для сельского хозяйства отдаётся в пользование всем желающим обрабатывать её своим трудом, причём в очереди местному населению отдаётся преимущество перед пришлым и земледельческому — перед неземледельческим. Во всяком случае каждый трудящийся имеет право на усадебную оседлость в той местности, в которой он живёт, и право на надел в той местности, где имеется свободная земля.

«§ 10. Наделение землёй из общенародного фонда производится в пределах трудовой нормы, причём, если за наделением окажется избыток, то таковой остаётся в ведении государства и местных общественных учреждений в качестве запаса для общественных надобностей или на случай прироста местного населения, а также для наделения переселенцев из других местностей».

«§ 11. Если земли для наделения всего земледельческого населения данной местности не хватит, то все, имеющие менее продовольственной нормы, получают право на переселение за счёт государства в те местности Империи, где в земле имеется избыток».

«§ 12. В случае изменения хозяйственных условий местности установленная для неё трудовая норма может быть пересмотрена и изменена, после чего оказавшиеся у отдельных домохозяев излишки подлежат отчуждению. Равным образом при изменившихся условиях подлежит пересмотру и продовольственная норма, в зависимости от которой будет находиться право на переселение за счёт государства».

«§ 13. Полученная из народного фонда земля в случае прекращения хозяйства, а также при желании уменьшить его размеры подлежит возвращению в фонд, причём за все произведённые на ней и не использованные улучшения выплачивается вознаграждение за счёт государства. Переуступка общенародной земли частным путём вовсе не должна быть допускаема».

«§ 14. Поступившие в надел из общенародного фонда земли подлежат особому земельному налогу, который должен устанавливаться в соответствии с их качеством и местонахождением и при равных условиях должен быть тем выше, чем больше размер надела».

«§ 15. Лицам, получившим землю из общенародного фонда и не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счёт государства в форме ссуд и пособий».

«§ 16. Заведование общенародным земельным фондом, за исключением земель, имеющих общенародное значение, должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

«§ 17. Для подготовительных действий к земельной реформе и для упорядочения экономических отношений в течение переходного времени должны быть учреждены местные комитеты: губернские, уездные и волостные (или другие, соответствующие им по местным

условиям). Комитеты должны быть избраны посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

«§ 18. На комитеты должно быть возложено:

«а) организовать свободное и широкое, при участии всего населения, обсуждение общих оснований и всех подробностей аграрной реформы»;

«б) привести в известность количество и распределение земли, а также численность и состав нуждающегося в земле населения; проектировать соответствующие местным условиям трудовые и продовольственные нормы и выработать, применительно к местным условиям, план проведения реформы»;

«в) устанавливать, впредь до осуществления реформы, арендные цены, заработную плату, продолжительность рабочего дня и другие отношения между землевладельцами и трудящимися, в случае споров и недоразумений между ними».

«§ 19. Организация местных комитетов и план их действий должны быть определены законом».

«§ 20. Выборы в местные комитеты, а также обсуждение аграрной реформы на местах должны происходить при непременном условии полной свободы и личной неприкосновенности».

С длинной речью выступает *деп. Озолин* (конс., Лифл. г.). Он не согласен, во-первых, с общей постановкой вопроса в записке 42-х. Цель, которую ставят себе её авторы, слишком узка; нужно иметь в виду не временное уничтожение острой нужды в земле, а разрешение аграрного вопроса. Только такая цель и могла бы оправдать принудительное отчуждение. По его мнению, следует исходить из того положения, сколько в каждой данной местности может быть отчуждено частновладельческих земель, при условии сохранения, по возможности, цельности ведения отдельных хозяйств. Согласно местным условиям, должен быть определён средний размер максимума частновладельческих земель, и весь излишек, превышающий эти нормы, должен подлежать выкупу. Исключение составляют те земли, которые возделываются не собственниками, не самими владельцами, а служат для них только источником доходов, — рентным фондом. Все эти земли должны быть отчуждены в самых широких размерах. Он решительный противник «земельного фонда». Вопрос вообще не может быть разрешён одним, общим для всех местностей законом, а должен быть разработан на местах. Озолин поэтому вполне согласен с Оссовским относительно необходимости реорганизации областного самоуправления. В частности, переходя к положению лифляндских крестьян-латышей, оратор замечает, что существует и документальное подтверждение той безотрадной характеристики, которую дали положению крестьян в Прибалтийском крае депутаты Рютли и Крейцберг, — это ревизия сенатора Манасеина, указавшая на бесправность крестьянства.

Товарищ министра внутр. дел *Гурко* пытается ответить Герценштейну. Появление его на эстраде встречают криками: «Отставка! Отставка! Скоро ли они уйдут» и шиканьем. Но Гурко нисколько не смущается этим. Он заявляет, что Герценштейн в своей речи вышел из рамок записки 42-х, так как в записке говорится ни о чём другом, как о полном уравнении земли между населением всех губерний. Исходя же из записки, он думает, что был в праве утверждать, что на каждого не придётся и 4 десятин земли. Затем Гурко возвращается к своему утверждению, что продать свои земли по справедливой цене — это и есть заветное желание землевладельцев. Справедливая оценка может

быть только одна, — аргументирует он, и как бы вскользь пускает инсинуацию по адресу депутатов, подписавших записку: ведь в настоящую минуту, — заявляет Гурко, — многие землевладельцы, в том числе и такие, которые принадлежат к числу лиц, стоящих на почве принудительного отчуждения и даже внесённого здесь законопроекта, продают свои земли через крестьянский банк (крики: в отставку!). И наконец Гурко цитирует фразу из одной работы Герценштейна, якобы опровергающую его собственные слова. Она гласит: «Я не вижу, почему в руки государства должны перейти только частновладельческие земли».

При последовательном проведении национализация должна распространиться не только на частновладельческие земли, но и на крестьянские земли, т. е. на те, которые получены крестьянами посредством выкупа и добровольных актов». Однако ничто не помогает: Гурко слышит лишь в ответ: «В отставку! В отставку!»

Вслед за Гурко главноуправляющий землеустройством и земледелием Стишинский поясняет, что синеморское имение графини Игнатьевой приобретено в казну с той целью, чтобы поддержать пятитысячное рыболовное население, и куплено за долг в 4 200 000 рублей с приплатой лишь одного рубля.

Стишинского депутаты тоже встречают и провожают криками: «В отставку!»

Петрункевич (Тверь). Хотим ли мы или не хотим, доверяем или не доверяем министерству, во всяком случае известного рода совместную с ним работу, хотя бы даже в обратном направлении, нам приходится совершать.

Самая борьба за реформу возможна только в том случае, если перед нами есть противник. В данном случае нашим противником является министерство (*аплодисменты*). Если бы мы не пожелали в данном вопросе становиться с ним в прямые отношения, перед нами не было бы противника. Поэтому я должен выразить удовольствие по поводу того, что мы выслушали господина главноуправляющего землеустройством и земледелием и господина товарища министра внутренних дел, тем более что, я думаю, они в значительной степени помогут нам стать на надлежащую почву, хотя и вопреки своему собственному желанию и своим собственным намерениям, помогут потому, что те аргументы, которые они приводят и с которыми ознакомится вся страна, будут свидетельствовать о том, что по вопросу такой колоссальной важности, как вопрос аграрный, министерства не располагают никакими аргументами (*аплодисменты*). Мало того, они обнаруживают такое непонимание положения вещей, перед которым стоит не только дума, но и вся страна, что ещё более обнаруживают, что занимают места совершенно напрасно (оглушительные *аплодисменты*). Господин товарищ министра говорит: «Под влиянием убеждений, что земли в пределах Российской империи бесконечно много, что её достаточно, чтобы дать всем по 10 и чуть ли не по 100 десятин на душу, крестьяне преисполняются жгучими надеждами, с которыми борьба становится бессильной». Итак, господа, аграрный вопрос возник, по мнению товарища министра, только потому, что среди населения распространяются слухи и предположения, что возможно получить по 10 или даже по 100 десятин на душу. Этого совершенно достаточно, чтобы русский народ поднялся за освобождение земли, чтобы он провозгласил «землю» и «волю». Я думаю, что такое непонимание русского народа свидетельствует о совершенном неумении разобраться в тех событиях, которые совершаются на глазах у всех. Припомните, господа, что два года тому назад мы начали самую тяжёлую, самую обидную для русского чувства и самолюбия войну. Мы начали её только потому, что не умели разобраться в

условиях, которые нас окружали. Мы не заметили, что идём прямо к гибели. Она нас привела к Цусиме. И теперь мы находимся в том же положении: нам грозит новая Цусима, а господа министры сидят с закрытыми глазами. Ведь ещё в прошлом году начались аграрные беспорядки. Неужели в самом деле русский народ — сплошной грабитель, которого только помани, которому только скажи, что ты можешь получить 10 или 100 десятин, чтобы он лез на своего соседа, жёг его, грабил и даже убивал? Ведь нужно полное извращение понятий, чтобы иметь такое представление о русском народе.

Если идти таким путём, то немудрено, что господа министры и предлагают самые незначительные, самые простые средства. Г. управляющий землеустройством сейчас нам указал, что он понимает свою задачу как обыкновенное урегулирование земельных отношений, а вовсе не так широко, как его ставит Государственная дума, и не только Государственная дума, а как ставит его вся страна. Понятно поэтому, что г. министр в своей речи в пятницу выставил самым сильным аргументом против предлагаемой нами реформы то обстоятельство, что эта реформа противоречит статьям 575 и 576 т. X ч. I Свода законов. Итак, господа, мы обречены на то, чтобы жить так, как написано в Своде законов. Мы не можем заставить Свод законов идти за жизнью, а, наоборот, по старой привычке стараемся подогнать жизнь к Своду законов. Любопытно было бы знать, если бы г. главноуправляющий землеустройством жил и действовал в качестве министра в конце 50-х годов, какие статьи законов он в то время нашёл бы, чтобы противопоставить их освобождению крестьян? Ведь и тогда статей действующего закона, которые предоставляли бы освободить крестьян с землёй, не было. И тогда и сейчас заявляется, что собственность священна и неприкосновенна. Уже профессор Петражицкий, авторитет которого в вопросах гражданского права не подлежит никакому сомнению, показал нам, что с точки зрения науки вопрос о неприкосновенности и святости всяких прав не имеет оправдания. Но для нас вопрос этот и не имеет сам по себе существенного значения. Для нас гораздо важнее сама жизнь, а жизнь эта повелительным образом ставит вопрос о крестьянской нужде в земле, и нет сомнения, что наука найдёт те формулы, в которых эта нужда может быть осуществлена. Я не знаю, возможно ли в настоящее время совершенно спокойно говорить, как говорят гг. министры, что в их распоряжении имеется достаточно средств для того, чтобы удовлетворить эту земельную нужду. Если эти средства, в самом деле, достаточны, то спрашивается, почему они до сих пор не пущены в ход. В действительности средств, которые признаёт министерство, по-видимому, имеется только два: переселение и покупка посредством Крестьянского земельного банка. Что же это за средства? В какой мере министерство пользуется ими? Обратимся к переселению. Позволю себе спросить у гг. министров: ведь вопрос о переселении существует уже много лет. Много лет все министерства принимали самые широкие ограничительные меры для того, чтобы остановить естественное движение переселенцев. В конце концов они уступили. С прошлого года, когда земельное движение приняло острый характер, приняты ли какие-либо меры в смысле правильной постановки переселений? Располагает ли министерство достаточным количеством землемерных партий? Нарезает ли оно участки? Снабжает ли оно водой те участки, которые лишены её? Устраняет ли оно воду там, где её нужно устранить? Даёт ли какие-либо средства для того, чтобы поселенцы могли встать твёрдой ногой на своём участке? Я думаю, что министерство должно будет признать, что всё это делалось в такой микроскопической мере, что, может быть, существуют следы работ где-нибудь в министерских канцеляриях, но в обиходе русской жизни они никакого значения не имеют. Если вы возьмёте цифры переселенцев из года в год, вы увидите, что число это никогда не достигает цифры естественного прироста населения России. Следовательно, переселение в том виде, как оно

поставлено у вас сейчас, может утешать гг. министров, но иметь действительного экономического значения для страны не может.

Затем далее: познакомило ли министерство всю страну с теми землями, которые могут быть отведены переселенцам? Знаем ли мы, даже люди более образованные, где эти земли имеются? Как велико их пространство? Ведь о них ещё сейчас идёт спор. С уверенностью можно сказать, что министерство этими средствами ничего не может достигнуть. Другое средство министерства — крестьянский банк. На нём я останавливаться не буду, потому что московский депутат Герценштейн в достаточной мере разъяснил всё его роковое значение в деле увеличения площади крестьянского землевладения.

Вот средства, предлагаемые министерством. Неужели дума, поставленная лицом к лицу с труднейшим и колоссальным вопросом нашего времени, неужели она может идти, как предполагает министерство, с ним рука об руку? Я думаю, что это было бы изменой народу, я думаю, что мы должны употребить все наши силы для того, чтобы разрешить аграрный вопрос не на той почве, на которую нас толкают гг. министры, а на почве расширения крестьянского землевладения, причём, само собой разумеется, никто из нас не думает, что одним этим средством можно разрешить его; мы знаем очень хорошо, и г. Герценштейн уже отметил это, что расширение земельной площади есть только одна из необходимых мер, которые должны быть приняты.

Но министерство не довольствуется отрицательным отношением к нашему проекту, оно переходит в наступление, и товарищ министра в этом направлении пошёл дальше, чем следовало в его положении. Он попытался, как полководец, разделить думу на две части и, нанеся удар одной и другой стороне, разбить её собственными её руками, стравить — так сказать — эти две части.

Товарищ министра, обращаясь к крестьянам, говорит: «Господа избранники земельного крестьянства, не забывайте, что вы получите только четыре десятины земли на душу, что от вас отберут всё, что есть у вас больше, но никогда ни один из вас не может мечтать о том, чтобы приобрести больше этих 4 десятин», и в то же время, обращаясь в другую сторону, но глядя туда же (смех), говорит: «Господа, это только для вас выгодный проект, и если он проводится, то с единственной целью устроить дела тех господ землевладельцев, которые при посредстве банка в это тревожное время спустят свои земли».

Товарищ министра и сегодня намекнул, что есть кто-то между вами, продающий свою землю через крестьянский банк по высокой цене. Неизвестно, кто. Вообще, было бы лучше, если бы товарищ министра назвал лицо по имени, чем бросать обвинение, не называя лица, к которому оно относится (*аплодисменты*). Поставив вопрос таким образом и, может быть, через голову думы обращаясь к русскому народу, который ведь читает наши прения, товарищ министра рассчитывает, что крестьянство поймёт всё неблагоразумие принудительного отчуждения, так как это значит играть в руку землевладельцам. Не всякий полководец умеет разделять и побеждать, и товарищ министра не только не разделил нас и не победил, но и проиграл сражение, так как народ ему не поверит (смех, *аплодисменты*). Мы все поняли, что это фразы, что это не есть искреннее убеждение товарища министра, а политический ход, и дума по достоинству оценила приём г. товарища министра (*аплодисменты*). Г. товарищ министра заявил думе, что от признания принципа отчуждения частновладельческих земель нам, между прочим, грозит разрушение всей промышленности, что крестьянству грозит уничтожение всяких заработков. Не знаю, умышленно или неумышленно, но здесь, очевидно, скрыто комическое недоразумение, и товарищ министра и,

если не ошибаюсь, главноуправляющий земледелием указали на тот факт, что крестьянство, приобретя землю в свою пользу, потеряет 450 миллионов рублей, потому что оно лишится заработной платы, которую в настоящее время получает. Оно имеет в настоящее время 15 рублей дохода с десятины, обрабатывая землю в качестве батрака, и получит всего-на-всего 5 рублей с десятины, когда земля сделается собственностью этого крестьянина. Что это: смешение различных понятий или что-нибудь другое?.. (*аплодисменты*; голоса: «другое»). Ведь вы поймите, господа, что в первом случае говорят о заработной плате, а в другом случае о чистом доходе с десятины. Ведь к этому чистому доходу надо причислить и ту самую заработную плату, которую крестьянин сам себе, по словам того же товарища министра, заплатит. Вот, господа, к какой легковесной аргументации прибегают для того, чтобы показать, что государственная дума легкомысленно вступает на путь реформ. Они не хотят понять, что дума вступила на этот путь не в силу какой-нибудь доктрины и не потому, что та или другая партия поставила этот вопрос, они должны были бы видеть, что дума поставлена лицом к лицу с таким положением вещей, от которого отвернуться или закрыть глаза, как это делают они, она не может. Дума не может закрывать глаза потому, что она — сам народ, и всё то, что переживает народ, естественным образом переживает и дума, и если бы даже вместе с народом дума и заблуждалась, то тем более надо честно и открыто стараться разобраться в этом труднейшем вопросе, а не отрицать его с лёгким сердцем и с необыкновенным, я скажу, ухарством выбрасывать за борт то, чем страдает вся страна. В этом я вижу, господа, величайшую опасность для нашего собственного дела. Мы не можем успокоиться на том, что составим закон только затем, чтобы он погиб в канцелярии государственного совета или в канцелярии министерства. Мы имеем право требовать внимания правительства. Для нас это вопрос жизни, и мы до тех пор не уйдём отсюда, пока этот вопрос не будет так или иначе разрешён (*продолжительные аплодисменты*). Нам говорят, что крупная собственность нужна, чтобы добывать хлеб не только для себя, но и для тех, кто не может добыть его себе своим трудом, чтобы кормить тех, кто не может производить достаточного количества продуктов. В этом, будто бы, заключается этика крупного землевладения. Но при этом забывают, что в 1901 году, когда был голод в 20 губерниях, когда миллионы людей умирали с голода, когда правительство вынуждено было приостановить свободный вывоз хлеба из России, — тогда эти самые крупные землевладельцы продавали хлеб за границу, а не кормили голодных. Очевидно, этическое начало было забыто и оставалась лишь жажда наживы (смех). Наконец, крупное землевладение ставится под защиту и патриотизма. Я бы желал, чтобы этим словом перестали злоупотреблять; во имя его товарищ министра приглашает сохранить нашу землю, во имя патриотизма приглашали сохранить старый режим, сохранить самодержавие, во имя патриотизма приглашали избивать инородцев: евреев и поляков; во имя патриотизма и теперь печатают призывы к нарушению прав народа, печатают в «Правительственном Вестнике» под покровительством того же самого министерства. Эти патриотические призывы только роняют идею любви к отечеству; благодаря им, утрачено в настоящее время даже право сказать: «я патриот», потому что с этим словом связано нечто отвратительное (*аплодисменты*). И я напомню тем лицам, которые взывали к нашему патриотизму, что патриотизм заключает в себе не эти призывы, а нечто гораздо большее: он заключает в себе идею самопожертвования во имя интересов своей родины, своей страны. Если бы те господа, которые призывали здесь к патриотизму, имели его и были бы искренними, они не сидели бы здесь! (*бурные, продолжительные аплодисменты и крики «браво»*).

Герценштейн с беспощадной иронией отчитывает Гурко.

Я категорически говорю, — заявляет он, — надельных земель, земель, купленных через крестьянский или другие банки, мелкой собственности вообще мы трогать не будем. Это не совпадает с нашими планами, не вытекает из нашей программы. Нам навязывают чёрный передел. Для чего его нам навязывают? Исключительно для того, чтобы отбить от нас крестьян. Такие приёмы совершенно не подобают министрам, такие приёмы недопустимы (обращаясь в сторону министерских скамей). Вы в последнее время пристрастились к социализму. Вы нам говорите, что мы ведём страну на опасный путь социализма. Мне в устах тов. министра внутренних дел не совсем ясно, что такое социализм. 30–40 лет вы душили его на кафедрах, в публичных собраниях, где угодно, а потом политика ваша сразу переменилась. Я в Москве видел, как вы пропагандировали социализм: вы устроили зубатовщину. По-вашему, это социализм, а по-нашему — это провокация (*аплодисменты*). Теперь вы нам говорите о чёрном переделе, вы хотите нас ловить на этом; я вам на это могу сказать, что это тоже провокация, но аграрная провокация (отдельные голоса: «браво»). Второй ваш пункт касается сахарных заводов. Вы мне никогда не докажете, что при сахарном заводе обязательно должно быть оставлено 15 тысяч десятин земли. Ведь ваши возражения не новы. Эти возражения делались не только у нас. Однако мы видим, что в Германии это — акционерные предприятия, владеющие землёй, необходимой только для усадьбы, а свёклы им доставляют соседи-крестьяне не меньше, чем помещики. Мало того, крестьяне являются иногда даже пайщиками этих заводов. Разве крестьяне не в состоянии поставлять для заводов картофель? Разве мы не знаем, что имеются огромные винокуренные заводы, великолепно справляющиеся с сырьём, которое им поставляют. Третье наше замечание. Вы говорите, что напрасно мы так нападаем на сделки при посредстве крестьянского банка. Ведь мы говорим о справедливых оценках. Разве можно оспаривать, что для земли у нас были две справедливости, две цены: одна мужицкая, а другая помещичья. Если вы спросите во многих районах, сколько надо заплатить за имение, то вам скажут: помещик не заплатит больше ста рублей, а мужик заплатит и полтораста. Вот вместо этой вынужденной рыночной цены мы предлагаем справедливую оценку. Я даже удивляюсь, может ли это быть предметом спора. Вы сделали мне честь, — вы читали мои сочинения. В последнее время ими стали интересоваться. Я это даже почувствовал. Когда один сановник прочитал мою книгу, результатом было то, что мне по службе сделали замечание. Я действительно говорил, что логическим последствием торжественного провозглашения национализации земли явится национализация крестьянской земли. Но я вас спрашиваю, устанавливаем ли мы голый принцип или проводим практическую реформу? Если бы мы были доктринерами, которые хотели бы только установить принцип и больше ничего, то ваше возражение было бы верно. Но если бы вы прислушивались к тому, что говорилось на всех наших съездах и собраниях, то вы видели бы, что мы отказались от провозглашения национализации, так как хотели стоять на твёрдой реальной почве. Поскольку мы стоим на реальной почве, мы говорим: ныне существующих форм мелкой собственности трогать нельзя. Мы не вводим абстрактного принципа, который разрушает существующий строй. Спорить о национализации ещё придётся, но не с вами. Вы стоите на первых ступенях в аграрном вопросе, с вами надо говорить ещё о принудительном отчуждении.

Переходя к заявлениям Стишинского, Герценштейн отвечает ему: — Вы представили справку о продаже имения графа Игнатьева; справка носит довольно юмористический характер. Вы говорите, что имение, занимающее площадь 128 000 десятин, куплено за один рубль. Но, позвольте, этот рубль ведь нанесён на торгах сверх 4 миллионов. Но спрашивается, отчего вы не купили это имение до графини Игнатьевой? Разве оно не продавалось? Оно продавалось. Вы могли купить его

дешевле, чем купили теперь. Вы дали имению попасть в руки графини Игнатьевой. Имение попало сперва в один земельный банк, потом в другой. Я просил вас дать полную справку о том, не запутался ли тут государственный банк? Вы не ответили (*смех*). Действительно ли интересы местного населения вы соблюдали? Государственный банк нередко выручает, но кого? Вы, может быть, скажете, что государственный банк должен выдавать под вторую закладную, хотя бы под «Вяземскую лавру», и затрачивать десятки миллионов на ссуды на особых основаниях, которые известны и министрам. Я просил дать справку, чтобы выяснить истинное положение этого дела, но этого я не получил; справка неполная. Воспользуюсь этим случаем и укажу ещё на некоторые пункты. Вы говорите, что принудительное отчуждение выгодно для помещиков, что они придумали это, чтобы сбыть свои земли. Мы часто злоупотребляем словами. Некоторые говорят, что они имеют генеральную доверенность от русского народа, вы имеете, очевидно, от крупных землевладельцев, но поняли ли вы их? В январе этого года в Москве собрался дворянский съезд. Разве он высказался за принудительное отчуждение? На дворянском съезде было установлено, что дворяне не только не желают принудительного отчуждения, но даже возражают против крестьянского банка, когда он стал приходить на помощь крестьянам, а не дворянам. Это была пора, когда, при управлении Кутлера, крестьянский банк стал издавать циркуляры, в силу которых предписывалось приобретать землю по ценам, при которых крестьянам было бы возможно вести хозяйство. Дворяне нашли, что это нарушает их интересы, что крестьянскому банку невозможно приходить на помощь крестьянам, что крестьянский банк должен приходить на помощь дворянам. Когда банк стал выполнять миссию так, как это имелось в виду при учреждении его при Бунге, и стал считаться с интересами крестьян, то дворяне начали протестовать. Этого нельзя допустить, надо устранить Кутлера; Кутлер был устранён.

У вас имеется несколько замечаний экономического характера. Вы говорите о потере заработков. Прочитав ваши речи, я нашёл некоторое применение двойной бухгалтерии. Вы говорите, что крестьяне потеряют весь заработок в лесах. А где леса находятся? — На севере. Когда вы подсчитывали землю, вы отбросили 109 миллионов десятин, которые находятся на севере; если вы отбросили эти земли, то, стало быть, они останутся в руках нынешних владельцев, а, следовательно, в руках крестьян останутся и заработки. Далее вы говорите: раз мы будем производить отчуждение, заработки окончательно погибнут. Позвольте это расчленить. При переходе имений, в которых не ведётся собственного хозяйства, а имеется аренда, крестьяне не только не потерпят убытков, а будут иметь огромные барыши. Те наличные деньги, которые они сейчас выплачивают, значительно сократятся, ибо по проекту продажи земли по справедливой оценке вознаграждение за эту землю будет ниже, чем та сумма, которую они уплачивают в виде аренды. До некоторой степени можно было бы сказать, что крестьяне прогадают, об имениях, в которых ведётся собственное хозяйство, но тогда правильнее было бы привести в известность, сколько именно занимают такие имения. Можно говорить о пределах отчуждения; на этой почве можно спорить, но сказать, что крестьяне все огулом проиграют, это значит ломиться в открытую дверь. Вы говорите, что если даже крестьяне получат по 20–50, даже по 100 десятин, они все-таки обеднеют, а вот немецкие колонисты имеют 50 десятин и не беднеют, никакой помощи не требуют, в соседних помещиках не нуждаются, великолепно работают и процветают. — Погибнет промышленность? — но я не знаю, отчего она может погибнуть. Если взять часть тех денег, которая теперь выплачивается за аренду земли, если передать часть земель, без которых в настоящее время крестьяне не могут существовать, — я разумею отрезки, выгоны и целый ряд других угодий, благодаря которым они находятся в кабале у землевладельцев, — если вы всё это примете во

внимание, то неужели же от этого платёжная способность крестьянского населения понизится? Не крупные землевладельцы, а мелкие умножают силу страны. Вы говорите — без крупной собственности немыслима никакая культура, никакой экономический расцвет. Экономическая история Западной Европы этого не подтверждает, а говорит противоположное. Где мы находим расцвет сельского хозяйства — в восточной Германии или на юге, в Бадене и Гессене? Спор о том, мелкое или крупное хозяйство имеет преимущество, имеет свою историю. Та постановка, которую вы даёте, есть постановка времён Рошера, 30–40 лет тому назад. Затем в экономической жизни произошли такие огромные перемены, что о преимуществах крупного хозяйства говорить не приходится. Посмотрите, что говорит Фишер об американском хозяйстве: и там крупное хозяйство не имеет преимущества перед мелким. В Германии, Италии и Франции в настоящее время мелкое хозяйство может побить крупное по всем пунктам. Тем не менее я допускаю, что в некоторых случаях преимущества имеются. В таких случаях нужно будет считаться с результатами реформы, придётся относиться к ним с некоторой осторожностью, установить постепенность. Но чтобы на вечные времена земля находилась в руках крупных землевладельцев, этого политическая экономия не говорит. Вы взываете к патриотизму, а скажите, что вы сделали, когда предстояло заключить торговый договор с Германией? Разве вы не продали наших интересов за один заём? Вы продали тогда сразу всё наше землевладение — крупное, среднее и мелкое. Я вам посоветую поехать на юг, вы иногда делаете путешествия, — всё равно это вы можете сделать на казённый счёт (смех). Торговый договор коснулся, как вы там увидите, не только крупного землевладения, он коснулся и крестьян, которые продают хлеб. Приняли ли вы какие-нибудь меры, чтобы земледельческие орудия дёшево доставались? Нет. Вы сделали одно: вы учредили дворянский банк. Но на этом дворянском банке, результаты деятельности которого теперь уже сказались, можно видеть, что вы не можете помочь даже тому, кому хотите помочь. В 1885 году вы учредили банк и дали ему сразу большие привилегии. Вы начали выпускать пятипроцентные бумаги, курс был низок, но для дворян закон не писан. Дворяне получали по 98. Далее вы сделали маленькое упущение: когда вырабатывали устав, вы забыли, что в случае неплатежа надо продавать имение с торгов. Этого не сделали, конечно, по недоразумению. Были дворяне, которые с 1885 года не внесли в течение нескольких лет ни одного платежа. В 1889 году были опубликованы правила о торгах и одновременно с этим выпущен дворянский заём. Благодаря дворянскому займу, вы получили 90 миллионов народных денег, так как заём был выпущен по курсу 215. А кто приобретал эти бумаги? Мелкий люд, вся страна. Для поддержания дворянского землевладения вы не остановились перед тем, чтобы втянуть в это дело государственный банк. Ресурсы из государственного банка шли на поддержание дворянского банка; иногда для этого требовались десятки миллионов. А далее пошли всякого рода отсрочки, пересрочки. Когда наступило время платить, Бог помог — явился неурожай. Кто же будет платить в неурожайный год? Тогда появились новые отсрочки, рассрочки, пересрочки. Когда всё было исчерпано, пошла конверсия. При выпуске 3½ % листов казна отказалась от купонного налога, пришлось вступить в соглашение с иностранными банкирами. Да, заложить дворянское землевладение иностранным банкирам — дело истинно патриотическое. Но дворяне платить не научились, они привыкли жить долгами. Последовала новая льгота: в случае неплатежа имения поступали в опеку. Если все эти и ещё другие меры оказывались бессильными и имения должны были оставаться за дворянским банком, их передавали в крестьянский банк. А каковы были результаты такой политики? Справьтесь с балансом банка, и вы найдёте, что не менее 10 % имений перешло к лицам недворянского происхождения. Вы нам говорили о хуторах. Для вас это новое спасение, которого мы не знали. В

книге Кофода приведены интересные сведения о хуторах. Я заинтересовался и посмотрел, что это за произведение. По предложению Высочайше утверждённого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности он представил свою работу о хуторах в районах, которые им были изучены. Оказалось, к лету 1904 г. в 712 селениях, которым принадлежало 193 191 десятина, устроены хутора. Для этого понадобился продолжительный период. Были любители, которые хотели непременно устроить у вас хутора, удельное ведомство тоже об этом заботилось. Воспитанников земледельческой школы при удельной ферме снабжали готовыми усадьбами и переселяли в места, где было много земли. Но, господа, ведь были времена, когда воспитанникам давали и казённых невест. Долго ли это было? Некоторые из хуторов когда-то существовали, а где ныне, и существовали ли, старики не помнят. И это мера, которую нам сейчас рекомендуют. Вот принудительное отчуждение не годится, это не мера, а хутора нас спасут. Я хотел бы вас спросить, действительно ли можно утверждать, что всё спасение в частной собственности. Вы здесь ссылались на политическую экономию. Будьте любезны, почитайте, что теперь пишут по аграрному вопросу. Разве в десятках книг не трактуется вопрос об урегулировании мелкого землевладения в странах, где частная собственность, конечно, прочно установлена, — в Германии и в Австрии. Разве в провинциальные ландтаги не вносятся каждый раз новые проекты, очень близкие к национализации? Разве в Швейцарии, в отдельных кантонах каждый раз не поднимается вопрос об урегулировании земельных отношений? Разве во всех этих странах не поднимался вопрос об урегулировании земельных отношений. Это вопросы, которые дебатируются в крестьянских союзах. Значит, частная собственность, сама по себе, не спасает. Я никаким образом не думал, чтобы нам нужно было вступать здесь в полемику, но раз министерство желает с нами полемизировать, мы охотно идём навстречу. Позвольте ваши положительные проекты, а тогда мы поговорим.

Гр. Гейден. Речи, которые мы здесь слушаем, были бы вполне уместны 13 мая, при обсуждении нашего отношения к министерству. Теперь же мы должны обсуждать аграрный вопрос, а не преступления министерства, которым почти всецело были посвящены выслушанные здесь речи. Я не понимаю этого увлечения полемикой с министрами. Мы выразили недоверие министрам. Мы осудили их прошлую деятельность. Значит, самое лучшее — о них не говорить, а перейти к делу (рукоплескания).

Гр. Гейден переходит к делу. Министры поднимаются и уходят. Депутаты тоже понемногу покидают места, и зал заседания всё более пустеет. Гр. Гейден излагает свои общие взгляды на аграрную реформу. Он признаёт необходимость принудительного отчуждения частновладельческой земли, но не огульного, а только в тех местах, где нельзя достигнуть расширения крестьянского землевладения другими средствами. Вторым тезисом гр. Гейдена является необходимость передачи земли крестьянам в полную собственность, а отнюдь не на арендных условиях.

Оратор считает долгом также вставить несколько слов о дворянстве. Он был на дворянском съезде, о котором говорил деп. Герценштейн, и высказывал там те же мысли, что и здесь, в Государственной думе. Постановление дворянского съезда не было единогласным. Нельзя распространять обвинений на всё дворянство. Среди дворян, наряду с реакционерами, есть и люди, которые хотят идти вперёд.

Против передачи земель в собственность и за образование земельного фонда высказывается в пространной речи *Имшенецкий* (к.-д., Полтавск. г.).

— Если бы решено было передавать землю в полную собственность, — доказывает он, — то нельзя было бы произвести выкуп по справедливой оценке, пришлось бы выкупать по рыночным ценам. Ибо выкуп по пониженным ценам вызвал бы страшную спекуляцию: было бы выгодно брать земли из государственного земельного фонда для немедленной перепродажи. Защитники принципа частной собственности понимают опасность и соглашаются установить различные ограничения в праве распоряжения землёй. Но вместо ограничений, не лучше ли прямо отказаться от принципа частной собственности. Что касается ссылки на интересы и желания местного населения, и в особенности окраинного, будто бы настроенного в пользу частной собственности, то такое благоприятное отношение к частной собственности наблюдается главным образом в тех местах, где острой земельной нужды нет: в этих местах, однако, нет и необходимости образования государственного земельного фонда.

14-е заседание,

24 мая.

В речах Герценштейна и И. И. Петрункевича прения об аграрном законопроекте достигли своей высшей точки. Вопрос был освещён ими со всех существенных сторон, и последующие речи вызывали уже сравнительно слабый интерес.

Яловецкий (безп. прогр., Виленск. г.) утверждает, что реформа должна быть проведена местными органами самоуправления, в соответствии с местными особенностями. Он восстаёт против образования государственного земельного фонда с распределением участков на условиях аренды. Даже там, где предпринимались самые смелые реформы, в Австралии и Новой Зеландии, не было и нет ничего подобного тому, чего желают авторы записки 42-х, не говоря уже о трудовой группе. Там, правда, тоже установлена передача государственной земли в аренду, но длинный срок — 99 лет — и право арендатора свободно передавать аренду другим лицам фактически приравнивают этот институт к частной собственности. Ссылались здесь на Данию. Оратор знаком с крестьянским хозяйством в Дании. От всей души желает он русскому крестьянству достигнуть того же, чего достиг датский. Но в Дании благие результаты были достигнуты без всяких попыток национализации. В начале XIX века датское крестьянство было в ужасном положении. Государство пришло ему на помощь путём организации кредита и энергичного развития народного образования. Реформа должна содействовать подъёму производительных сил и открыть простор личной инициативе. Оратор сравнивает широкие планы, содержащиеся во внесённых проектах, с роскошным новым зданием, которое ещё не скоро будет готово. Кругом нас люди голодают. Нужно накормить их из той кухни, которая имеется под рукой, хотя бы кухня эта была и не очень хороша. Поэтому деп. Яловецкий предлагает разделить вопрос на две части: во-первых, заняться изысканием мер немедленной помощи тому крестьянскому населению, которое сейчас находится в крайней нужде, и, во-вторых, приступить одновременно к разработке аграрного вопроса в полном его объёме. Первая задача могла бы быть возложена на особую подкомиссию. Вторая задача должна быть разрешена в связи с реформой местного самоуправления, причём результатов нельзя ожидать раньше, чем через несколько лет, может быть, лет через 10.

Деп. Оранский (к.-д., Харьк. губ.) обращает внимание на операцию выкупа у государственных крестьян. Миллионы рублей были переплачены за землю, как будто выкупали её у неприятеля. Но кому же земля принадлежала? Государству!

Странно это понять, — замечает оратор. Министры защищали помещиков, говорили, что помещики приносят выгоду крестьянам, дают им заработок, показывают им пример и т. д. Оратор подробно возражает против такого взгляда, доказывая, что интересы помещиков и крестьян противоположны, и что помещичьи хозяйства никаких выгод стране не приносят. Он даже утверждает, что земля всегда была нужна помещикам не для экономического использования, а чтобы опираться на неё в своём самовластии. Оратор оптимистически смотрит на будущее крестьянского хозяйства после дополнительного наделения: была бы земля, был бы обеспечен свободный труд, — и остальное придёт! Крестьяне справятся и с малыми деньгами! Пусть не страшат нас тяжестью платежей. Мы, крестьяне, берём уплату на себя. Зачем нам помощь финансистов? Видели мы этих финансистов! Чувствуем и благодарим, благодарим и чувствуем!.. Шаги свободного народа будут шагами гиганта! Когда крестьяне провожали меня, — заканчивает оратор, — они говорили мне: если вам будут мешать сделать то, на чём вы порешите, обратитесь к Царю! Он сделает по правде. Он знает, что мы его верноподданные, что мы в него верим. Мы верим и в думу, верим, что она создаст благие законы на счастье дорогой родине.

Деп. Стецкий (национал-демок., Люблинск. губ.) в очень длинной речи программного характера выясняет точку зрения польских представителей по аграрному вопросу и требует, чтобы представители русских демократических партий в госуд. думе признали за поляками право разрешить аграрный вопрос для Польши самостоятельно, в польском законодательном учреждении.

Члены польского кола, — заявляет Стецкий, — не предполагали сначала выступать с заявлениями по существу реформы, будучи убеждены, что внесённая записка будет передана в комиссию, только как материал думы. Однако возникли прения по существу. Речь деп. Петражицкого вызвала страстный ответ деп. Герценштейна, который, вместо того, чтобы защищать записку, как один из её авторов, выступил от лица партии народной свободы. Выяснилось, что мы имеем дело с аграрной программой одной из партий, и именно той партии, которая может оказывать и оказывает решающее влияние на постановления думы. Выяснилось, что партия народной свободы решила провести закон в духе предложенного нам проекта. Это заставляет и польское коло изложить свою точку зрения. Идея, от которой отправляются авторы записки 42-х, — идея о необходимости законодательного покровительства мелким землевладельцам за счёт крупных, — по словам оратора, — не только глубоко симпатична польским представителям, но и всецело ими принимается. Оратор читает отрывок из декларации польской народно-демократической партии, отрывок, в котором говорится об обязанности жертвовать интересами «других классов» для блага народа. (Польские депутаты аплодируют своему оратору). Но польские представители не могут не видеть, что причины бедственного положения крестьянского населения лежат вовсе не в одной только земельной нужде, но и в целом ряде других условий, — политических, культурных и экономических. Политические условия: сельское население было бы до сих пор в бесправном положении, это были полурабы, и притом в Царстве Польском гнёт был ещё сильнее, чем в остальной России. Начало взаимопомощи не могло применяться сельскими хозяевами. Ссудо-сберегательные кассы по нормальному уставу в Царстве Польском запрещены. Сельскохозяйственные общества, которые начали было основываться на

точном основании торгового кодекса, тоже запрещены. Всюду рука притеснителя останавливала инициативу сельских хозяев.

Культурные условия связаны с политическими. Необразованность населения препятствует введению интенсивного хозяйства. Неудивительно, что урожайность в России и в Царстве Польском вдвое и втрое ниже, чем в культурных странах Запада. К экономическим причинам бедственного положения крестьян оратор относит, кроме общих условий, одинаковых во всей России, чрезвычайно вредные для польского сельского хозяйства влияния чересполосицы и сервитутов. Очень вредно отражается также отсутствие долгосрочного кредита и отсутствие ипотечных книг для мелкого землевладения. Деп. Стецкий переходит к критике «проекта основных положений», предлагаемого в записке 42-х. Первым чрезвычайно важным недостатком проекта представляется ему предлагаемый институт государственного земельного фонда. Авторы проекта выдвигают идею о преимуществах пользования землёй перед владением. Против этой мысли польские представители восстают самым решительным образом. Лишение права переуступки по п. 6 проекта показывает, что авторы действительно ставят серьёзные ограничения личному началу. Разве это, — восклицает с воодушевлением оратор, — не новое прикрепление к земле? Не есть ли это повторение — но только в грандиозных, я скажу — чудовищных размерах, — той самой общинной формы владения, которая в результате сказалась полным подавлением личности, подавлением энергии, подавлением инициативы? Неужели же русскому крестьянину вечно суждено оставаться под опекой? Следующее возражение, более частного характера, относится к отчуждению лесов по п. 8 проекта. Если признано возможным и необходимым отчуждать леса, то казалось бы, по мнению оратора, ещё более возможно и необходимо отчудить угольные копи, железные рудники и т. д. Самым решительным образом оратор протестует и против отвода земли семьям, уже оставившим сельское хозяйство. Вы исходите из демократических принципов, — обращается он к русским представителям, — и если вы хотите остаться верны своему демократизму, вы должны предоставить 10 миллионам польского населения самостоятельно решить аграрный вопрос, сообразно с его собственными желаниями и интересами.

Мы согласны присоединиться к провозглашаемой вами общей идее — о необходимости дополнительного наделения землёю сельского населения и о необходимости прибегнуть к принудительному отчуждению частновладельческих земель, но мы хотим, чтобы законодательное решение вопроса по отношению к Царству Польскому было предоставлено польскому законодательному учреждению.

Польские помещики с самого начала были лишены того правительственного покровительства, которым пользовалось русское крупное землевладение. Первоначальное наделение крестьян землёй было проведено по закону 1864 г. с специальной целью отомстить польским помещикам за восстание. Льготы дворянского банка на них не распространялись. Не имея доступа к служебной карьере, поляки всецело отдались свободному труду и, в частности, сельскому хозяйству. И в результате — частновладельческое хозяйство в Польше стоит неизмеримо выше, чем в России. Насколько отличны условия хозяйства здесь и там, видно, между прочим, из того факта, что сдача владельческой земли в аренду крестьянам распространена в Польше очень слабо. Крестьяне арендуют всего около 20 тыс. дес. владельческой земли, тогда как площадь собственной крестьянской земли доходит до 5 млн десятин.

Деп. Чижевский (к.-д. Полтавск. г.) заявляет себя сторонником идеи автономии. Однако, по его мнению, нельзя откладывать земельной реформы до преобразования России на началах автономии. Государственный земельный фонд должен находиться в заведывании местных органов самоуправления, но некоторая его часть должна быть подчинена и непосредственному контролю центральной власти. Оратор возражает против введения в закон понятий трудовой нормы и потребительной нормы. Понятия эти страдают неопределённостью и растяжимостью. Нужно провозгласить, что крестьянам должна быть передана вся земля, какую только можно для них освободить, не возбуждая против реформы неудовольствия широких слоёв населения.

Деп. Онипко, оратор трудовой группы, выступает не столько в качестве оратора, сколько в качестве простого чтеца. Он читает по записке, изредка останавливаясь, когда не разбирает рукописи. Это краткое, составленное в самых общих чертах, обоснование проекта, внесённого трудовой группой. В проекте этом оратор видит провозглашение того же священного начала, которое было провозглашено на всероссийском съезде крестьянского союза, за которое крестьяне подверглись неслыханным репрессиям правительства в эту зиму, за которое крестьяне готовы сложить свои головы. Это начало: вся земля всему народу и вся воля ему же! Это начало не вычитано из книг. Оно давно живёт в душе крестьянина. В проекте 42-х членов оратор усматривает только половинчатые меры, которыми хотят заткнуть дыру, только попытки компромисса между интересами землевладельцев и трудового крестьянства. Оратор призывает Госдуму не медлить с реформой. Иначе встанет народный мститель…

Друцкой-Любецкий (Минск. г.) ещё раз повторяет аргументы в защиту частной собственности, которые дума уже неоднократно слышала от представителей западного края. Он утверждает, что в Минской губ. нет того антагонизма между крестьянскими и владельческими интересами, о котором говорили иные ораторы. «Неужели только в Минской губ., — восклицает с дрожью в голосе минский депутат, — существуют хозяйства, ассигнующие крупные суммы на поддержку крестьянского благосостояния, на школы? Неужели только в Минской губ. есть люди, умеющие ладить с соседями?.. Я бы хотел, — продолжает оратор, волнуясь всё более и более, — чтобы крупные и средние землевладельцы были братьями мелких, и чтобы никогда не было между ними средостения в виде государственного земельного фонда!..»

15-е заседание.

31 мая.

35 членов трудовой группы вносят нижеследующее заявление.

«Прения по вопросу о земельной реформе, начатые в Государственной думе, сильно затягиваются и не могут не затягиваться. С одной стороны, это такой наболевший и важный вопрос, что почти все депутаты считают своим долгом высказать с думской трибуны отношение к нему своих избирателей. С другой стороны, это вопрос, настолько сложный и огромный, что обсуждение его, даже в самых общих чертах, должно поглотить чрезвычайно много сил и чрезвычайно много времени. Ввиду этого дума даже теперь, несмотря на то, что записалось говорить по земельному вопросу около 100 ораторов, не нашла возможным прекратить дальнейшую запись. Между тем за обсуждением вопроса в думе должно последовать обсуждение его, быть может, ещё более продолжительное в комиссии. Комиссия должна будет приготовить проект закона, который снова будет обсуждаться в думе, и в целом, и по отдельным статьям. Однако и этого обсуждения вопроса

в комиссии и два раза в думе ещё недостаточно. Все согласны в том, что окончательный закон о земельной реформе не может быть выработан без большой подготовительной работы на местах. Представители польской, литовской, латышской и других национальностей со своей стороны особенно настаивают на необходимости специального применения земельного закона к особенностям своего края, что опять-таки может быть сделано только на месте.

Между тем земельный вопрос не только необычайно сложен и важен, но ещё и неотложен. Менее всего возможно затягивать его разработку и его решение.

Члены трудовой группы посланы народом с поручением немедленно и без всяких задержек двинуть практически вперёд дело земельной реформы. Народ с законным нетерпением следит за ходом наших работ по земельному вопросу, и мы считаем своей священной обязанностью сделать все возможное для их ускорения, разумеется, без ущерба для их основательности.

Поэтому мы предлагаем думе, не прекращая своих работ, в то же время не дожидаться их окончания для того, чтобы начать необходимые подготовительные работы на местах. Необходимо немедленно создать на местах комитеты, избранные на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, для необходимой подготовительной работы, как-то: выработки, применительно к местным условиям, потребительной и трудовой норм землепользования, определения количества удобной земли, доли в ней земли арендуемой и обрабатываемой своим и чужим инвентарём, количества земли под рационально поставленными хозяйствами и т. п. Ввиду необходимости возможно более полного приспособления земельного закона ко всему разнообразию местных условий, целесообразно, чтобы эти комитеты приняли живейшее участие и в общем обсуждении самых основ земельной реформы, изложенных в различных внесённых в думу проектах.

Такого рода мера создала бы живейшее сотрудничество между думой и всем местным населением, укрепила бы ещё более связь со страной и создала бы новые формы непосредственной моральной поддержки думы народом. Она облегчила бы положение депутатов, которые выбирались при крайне ненормальных условиях, исключавших часто возможность достаточно полного знакомства с истинным отношением избирателей к вопросу о земельной реформе. Она ускорила бы ход работ самой думы и дала бы нравственное удовлетворение населению, призвав его к практической работе по подготовке земельной реформы. Она, наконец, устранила бы возможность подрывать доверие к думе указанием на безрезультатность и продолжительность прений её по этому вопросу и тем обезоружила бы всякие попытки администрации, при помощи мелких подачек крестьянам, подрывать более долгую, но и более плодотворную работу думы.

Ввиду всего сказанного, нижеподписавшиеся предлагают: временно прервать общие прения по земельному вопросу, провести в порядке неотложности следующую резолюцию: немедленно избрать комиссию из 33 членов для выработки законопроекта об организации, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, местных комитетов, задачею которых будет подготовить на местах все необходимые практические данные для проведения будущей земельной реформы и её приспособления к местным условиям, а также принять участие в обсуждении внесённых в думу проектов земельной реформы».

Аладьин (Симбирская губ.). В основу нашего земельного законопроекта мы положили, как и партия народной свободы, те же самые нормы: трудовую и потребительную. Но отношение к методу решения земельного вопроса далеко не одинаково, я сказал бы — диаметрально противоположно. Если по одному законопроекту нормы эти фиксируются здесь, в Петербурге, определяются в центральном учреждении, а местным учреждениям предоставляется только право делать представления о некоторых видоизменениях, то мы со своей стороны не берём и не можем взять на себя ответственности фиксировать эти нормы здесь. При нашем избрании было так много ненормальных условий, что смотреть на себя, как на действительных представителей, обладающих всеми данными для правильного решения этих норм, мы не можем. Мы не можем этого сделать и потому, что в вопросе, который является вопросом существования для страны, мы думаем, должен участвовать сам народ, который всего больше в этом заинтересован. В силу этого, мы полагаем, что местным комитетам приходится предоставлять не право некоторых видоизменений, а действительное, реальное право дать нам необходимые данные для определения трудовой и потребительной нормы. Это — первое основание для немедленного образования комитетов.

Второй наш аргумент — аргумент государственной безопасности. Я не думаю, господа народные представители, чтобы кто-нибудь из вас, подобно нашей администрации, хотя бы на одну минуту мог себе позволить думать, что тишина и спокойствие, особенно в следующие месяцы: июнь, июль и август, могли быть гарантированы казацкой нагайкой и пулемётом. И то и другое хорошо, когда происходят незначительные местные взрывы. Но ни то, ни другое никуда не годится, если народ, доведённый до состояния отчаяния, решается больше не ждать, пока его представители будут заниматься делами за него, и сам поднимется устраивать свои судьбы. Мы, представители трудовой группы, глубоко убеждены, что, если Государственная дума не привлечёт к разрешению земельного вопроса весь народ, если не доведёт до сведения народа, что вопрос земельный, наконец, вступает в стадию не канцелярских работ, а действительного разрешения, то через два-три месяца народ перестанет верить Государственной думе и выйдет из-под её контроля. Соображения государственной безопасности заставляют нас немедленно завязать те связи, которые окончательно дадут возможность народу раз навсегда понять, что его вопрос, вопрос жизненный, земельный, находится в верных руках, потому что эти руки — его собственные руки, руки народа, а не чьи-либо другие. Мы нисколько не скрываем от себя, что перед нами противник серьёзный и сильный, который пока ещё не уступил и, как показывает заявление министерства, этот противник далеко ещё не враг, которого можно было бы презирать, а противник, с которым приходится схватываться. Мы, как и другие, глубоко убеждены, что со временем, конечно, наша сторона останется победительницей, но, как практические политики, мы, прежде всего, смотрим не на будущее, а на настоящее, на то, что есть, на то, что в данную минуту делать нужно; а в данную минуту пока ещё не на нашей стороне та физическая сила — моральная сила всегда была с нами, — которая заставляет подчиниться того, кто побит морально. Соображения о необходимости сгруппировать эти силы, вызвать их из хаоса, в котором они теперь находятся, сорганизовать их, сделать их способными защищать свои жизненные интересы, — составляют наш третий аргумент, почему мы хотим, чтобы эти комитеты были учреждены немедленно. Мы хотели бы знать, что могут сказать против немедленного учреждения этих комитетов другие партии? Партия народной свободы, внесшая другой законопроект, тоже признаёт желательность комитетов. Мы надеемся, что наши товарищи и союзники из партии народной свободы присоединятся к нашему требованию немедленного создания местных комитетов. С точки зрения прав, мы хотели бы не ограничивать комитеты ничем, предоставить им изложить так, как они понимают, все стороны земельного

вопроса. Единственное, что мы могли бы взять на себя, это — право указания разработки вопроса в том или другом направлении, нисколько не сомневаясь, что могут быть и другие направления, которых мы не знаем. (*Аплодисменты*).

Кокошкин (к.-д., Москва). В Государственную думу внесено предложение, имеющее целью коренным образом изменить тот план, которого в настоящее время придерживается дума в своей деятельности по предварительному разрешению аграрного вопроса. Предлагается, не ожидая никакого постановления думы по существу, даже хотя бы по самым общим и принципиальным вопросам, немедленно создать местные комитеты для обсуждения аграрного вопроса во всей его полноте, и, как мы сейчас слышали, с этой целью предлагается избрать немедленно комиссию для рассмотрения и выработки законопроекта об учреждении таких комитетов. Я понимал бы такое предложение в том случае, если бы для образования аграрных комитетов нам не приходилось бы следовать обычному пути законопроектов, если бы Государственная дума имела власть и практическую возможность декретировать и провести на местах эти комитеты, не ожидая согласия какого-либо другого органа; но, ведь, этого нет. Сами инициаторы предложения это признают, — они предлагают выработать законопроект, который пойдёт по обычным стадиям законодательства и который встретится с теми же препятствиями, с какими встречаются и все наши остальные законопроекты, так что в этом отношении рассчитывать на какое-нибудь ускорение, очевидно, не представляется никаких оснований. Далее — ускорить ли это дело в самой думе, ускорить ли это обсуждение нами аграрного вопроса? Если я не ошибаюсь, в настоящее время числится до 120 ораторов, желающих говорить по аграрному вопросу, и раз теперь, среди наших прений, вносится, как нечто самостоятельное, часть этого аграрного вопроса, то чем мы гарантированы, что по этому вопросу у нас не явится так же немедленно 120 ораторов, и я думаю, что их явится даже больше. Хотя на первый взгляд это предложение простое и несложное, в сущности материала для прений оно даёт не меньше, а может быть, и больше, чем аграрный вопрос по существу. Дело в том, что мы не можем принять какого-нибудь определённого решения о комиссиях, не наметив так или иначе их задач. Тут предлагают шире поставить вопрос — не ставить никаких ограничений комиссиям, но если мы и не поставим никаких ограничений, то мы всё-таки задачи их должны указать, а раз мы указываем задачи, даём инструкции, мы неизбежно предрешаем по существу то или иное решение аграрного вопроса. Например, тут предлагается, чтобы эти комитеты установили трудовую и потребительную норму; но, ведь, это уже есть известное предрешение аграрного вопроса. Только что говоривший оратор указал, что это может объединить две партии: партию народной свободы и так называемую трудовую группу. Но значительная часть думы стоит вне этих партий и может не согласиться с таким предрешением вопроса. Мало того, найдутся тут лица и целые группы, может быть, имеющие свой собственный план разрешения аграрного вопроса, который они захотят включить в другой. Ещё более прений вызовет вопрос об организации комиссий и об их составе. Ведь тут предлагается составить комитеты путём всеобщего, прямого, равного голосования. Я охотно допускаю, что огромное большинство думы, хотя мы этого в точности не знаем, принадлежит к сторонникам всеобщего, прямого и равного голосования; тем не менее, меньшинство едва ли сочтёт себя обязанным молчать. Может быть, лица, которые принципиально являются сторонниками прямого и равного голосования, усомнятся в применимости и целесообразности этого способа при образовании местных комитетов для подготовки аграрного вопроса, и также пожелают высказаться. Возникнет вопрос о правах женщин и неизбежно будет поставлен. Мало, господа, провозгласить принципы прямого и общего голосования. Ведь, нужен избирательный закон, и этот избирательный закон для

местных комитетов нисколько не менее сложен, чем избирательный закон, который мы в будущем издадим для составления самой Государственной думы. Ведь, нужно устанавливать избирательные округа или участки, нужно решить, будут ли эти комиссии губернские, уездные или волостные, нужно установить порядок выборов, способ подачи голосов, активное и пассивное избирательное право и т. д. Результатом будет то, что те прения по существу, которые имели бы естественное место в будущем, когда будет обсуждаться избирательный закон, — вдвинутся в обсуждение аграрного вопроса. Мы будем говорить неделями об избирательном законе и всех его параграфах. Ускорит ли это обсуждение в думе аграрного вопроса и ускорит ли его разрешение вообще? Я предоставляю об этом судить самой Государственной думе и со своей стороны думаю, что раз это так, раз нам нужно выработать избирательный закон, так уж лучше нам заняться выработкой закона о преобразовании местных учреждений; по крайней мере, выгода будет та, что будет составлен избирательный закон не для одной только преходящей цели, а на будущее время для всех случаев. Я думаю, что если мы примем это предложение, то, имея в виду всю ту массу работы, которую нам придётся сделать по этому вопросу, мы откажемся совершенно не только от разрешения аграрного вопроса в эту сессию думы, но и от всякого постановления по аграрному вопросу по существу. Но, предположим, я смотрю на дело слишком пессимистически, помогут ли предполагаемые комитеты в той стадии обсуждения вопроса, в какой предполагается возложить на них работу, ускорить разрешение аграрного вопроса? Я полагаю, что этот вопрос нужно решить отрицательно. Мне кажется, что в этих комитетах смешаны, прежде всего, две задачи, которые едва ли могут быть с пользой и целесообразностью соединены в одних и тех же местных учреждениях. Одна задача — статистическая, техническая, а другая задача — обсуждение самых основ аграрной реформы.

Что касается первой части, то она в значительной мере сводится к чисто техническим функциям, к чисто статистическим исчислениям; весьма важно было бы иметь в распоряжении эти данные, но собственно для этой только задачи вырабатывать избирательный закон на основах прямого голосования и приводить в действие этот сложный аппарат, я думаю, нет никакой надобности, да и сомневаюсь в том, чтобы эту чисто статистическую работу можно было бы успешно исполнить таким образом. Ведь надо представить себе всю конкретную обстановку, при которой могло бы пройти избрание этих комитетов. Население будет избирать в первый раз в истории России путём всеобщего голосования. Чем оно будет руководствоваться? Неужели оно статистиков будет избирать? Я думаю, оно будет избирать людей, в которых оно будет уверено, что они отстоят интересы этого населения. И вы поручите им собирать сведения о количестве десятин, т. е. то, что может с успехом исполнить статистическое бюро? Очевидно, эти люди заниматься этой работой не будут. Они её всё равно должны будут переложить на какой-нибудь другой орган. По-видимому, центр тяжести этих комитетов, как можно заключить из слов предыдущего оратора, члена думы Аладьина, не в собирании статистических сведений, а в том, что они будут обсуждать аграрную реформу в её принципах, они будут обсуждать аграрный вопрос во всей его полноте. Поэтому я думаю, что выражения, в которых изложено предложение трудовой группы, не совсем соответствуют сущности дела. Говорится о комитетах для проведения подготовительных работ для будущей земельной реформы. Поэтому, конечно, центр тяжести их работы будет лежать в том, что они будут обсуждать аграрный вопрос во всей его полноте: их предполагается даже не стеснять в этом отношении никакими рамками. Я спрашиваю, какая им будет принадлежать власть, — будут ли они иметь решающий голос или только совещательный? Этого нам оратор не указал. Но когда я читал предложение, внесённое в думу, то мне и в голову не приходило, конечно, что эти

учреждения могут иметь решающий голос, потому что признать это, в сущности, значило бы совершенно поставить крест на законодательных действиях думы в аграрном вопросе и создать 80 или 90 дум, которые бы на местах решили аграрный вопрос. Я уверен, что такой способ решения вопроса по губерниям и уездам признаётся всеми невозможным. Значит, комитеты решающего голоса иметь не будут. Это будут органы совещательные, совещательные при думе, при настоящей или будущей думе, которые представят ей свои соображения только по аграрному вопросу, а не свои решения. Но тут мы сталкиваемся опять со следующими обстоятельствами. Предлагают, чтобы эти органы сейчас же вступили в действие, и дума тем чередом будет обсуждать аграрную реформу в её принципах и основах. Раз создаются совещательные органы при том или другом учреждении, то я не понимаю, как может идти одновременно эта работа и в них, и в самом учреждении. Я думаю, что раз мы серьёзно создаём совещательные органы, то должны отнестись к ним серьёзно и не можем обсуждать аграрный вопрос по существу, а должны прекратить его обсуждение и выждать заключение этих комитетов. Как это отразится на ходе наших работ? Комитеты в таких широких рамках будут обсуждать вопрос не менее долго, чем обсуждала бы его государственная дума, а, может быть, гораздо более долго. Затем, когда комитеты кончат своё обсуждение, то дума, эта дума или будущая, ещё не в состоянии будет приступить к решению вопроса. Потребуется отпечатать все заключения, поступить так, как поступили с трудами сельскохозяйственного совещания. Тогда напечатаем сотни томов, и затем на обязанности этой или следующей думы будет лежать, прежде всего, рассмотрение этих заключений. Вот те неизбежные, логические затруднения, к каким ведёт создание таких обязательных для думы совещательных органов на местах. Я думаю, что для всех очевидно, что эти органы никоим образом не ускорят аграрной реформы. Но в создании таких органов и по существу дела нет никакой надобности. Ведь, в сущности говоря, почему правом давать советы думе, — если только это советы, а не решения, — почему правом давать советы думе будут пользоваться в каждой губернии только некоторые лица, избранные на основах прямого, равного, тайного голосования. Совещательным органом при всех народных представительствах служит вся страна, всё население; каждый имеет право давать совет. Для этого существует печать, собрания, союзы. Вы скажете, что у нас нет свободы собраний и союзов, и мы не знаем, скоро ли их добьёмся — это так. Но никто не гарантирует, что мы добьёмся скорее этих комитетов. Если нужна осведомлённость о желаниях населения, то лучше добиваться свободы союзов, собраний, закона о свободе печати. Эта свобода создаст нам совещательный орган не только для одной аграрной реформы, а для целого ряда других реформ. Вот почему я думаю, что это предложение, руководимое лучшими намерениями, практической цели не достигнет. То, что предлагается сделать для населения, напоминает мне старинное правило докторов, по которому писались рецепты *ut aliquid fieri videatur (чтобы казалось, что что-то делается)*, т. е. доктор писал рецепт, зная, что больному нельзя помочь, только для того, чтобы больной видел, что для него что-то делается. Мы должны обратиться к населению, местным силам, тогда, когда можем дать им действительную практическую деятельность, а не только занять их статистическими исчислениями и теоретическими разговорами об основах земельной реформы, подобными тем, какие происходят теперь на многих митингах. Практическое дело, серьёзное дело, наступит для местного населения тогда, когда будут установлены самые основы земской реформы, хотя бы самые общие основы. Тогда надо будет немедленно создать на местах комитеты или комиссии для их обсуждения. Заканчивая мою речь, я хотел бы сказать, что я совершенно понимаю и разделяю все чувства, которые вызвали это предложение, — сознание необходимости сделать какой-нибудь практический шаг, сознание необходимости ускорить и облегчить чрезвычайно трудную работу

думы; но, повторяю, это предложение не достигает цели: оно не ускорит, не облегчит работы думы и, вместо практического шага вперёд, создаст только иллюзию такого практического шага вперёд. Мы должны, для того, чтобы исполнить свой долг перед населением, приложить все заботы к тому, чтобы ускорить обсуждение этого вопроса в нашей среде, но при этом должны не сходить с намеченного пути, а твёрдо его придерживаться.

К доводам Кокошкина присоединяется и Котляревский. Кн. Волконский отказывается от слова ввиду того, что предыдущие ораторы совершенно исчерпали вопрос.

Аладьин не может согласиться со своими критиками и резко возражает им, но в заключение от имени части трудовой группы заявляет, что принимает их предложение передать вопрос в комиссию, так как нет надежды получить большинство голосов за проект 35-ти членов трудовой группы.

Деп. Рыжков (свободом., Екатер. г.), присоединяется к такому же решению — передать вопрос в аграрную комиссию.

Гр. Гейден. После речи деп. Аладьина я пришёл к заключению, что предложение 35-ти нужно совершенно отвергнуть, а не передавать в какую-нибудь комиссию. Предложение клонится к тому, чтобы создать тысячу или более дум, которые должны будут давить на нас. Такие попытки должны быть решительно отвергнуты.

Деп. Стецкий (представитель польского кола), опасается, как бы из-за подробностей обсуждаемого предложения — подробностей безусловно неприемлемых — не пострадала основная мысль проекта, которую он считает совершенно правильной и очень важной. «Я вполне присоединяюсь к тому взгляду, что должны быть созданы местные комитеты для подготовительных работ по аграрной реформе».

Деп. Аникин, не пытается защищать предложения 35-ти. Он только снова и снова напоминает, что нужно спешить, что народ ждёт решения со страшным нетерпением, и если не будут выработаны в самом скором времени формы легальные, то народ обратится к другим средствам, и тогда трудно предусмотреть, что будет…

— Я не хотел просить слова. Но я не мог удержаться, чтобы не сообщить вам о телеграмме, только что мной полученной и показывающей, каково настроение крестьян. Содержание телеграммы, приблизительно следующее: «Жить без земли нельзя, как без хлеба. Продаётся земля Нарышкиным по цене 130 руб. за десятину. Земля этой цены не стоит. Покупку отложили до решения думы. Твёрдо надеемся. Ответ уплачен».

Но и деп. Аникин присоединяется к мнению деп. Аладьина, т. е. соглашается голосовать за формулу деп. Кокошкина.

16-е заседание.

27-го мая

Запись ораторов — их оказалось 129 — прекращается.

Предложение об ограничении речей 10-ю минутами, вследствие, горячего протеста Жилкина, отвергается.

27-е мая было днём трудовой группы. Почти все ораторы говорили от имени трудящегося народа, формулировали его точку зрения, отстаивали его интересы, так что в конце концов почтенный граф Гейден не выдержал и заявил, что он избран на основании того же избирательного права и таким же большинством и вдобавок ещё большинством крестьянским, и что потому… деп. Заболотный напрасно приписывает себе особенное право говорить от имени крестьян.

Первым говорил деп. *Аникин*.

— Перед нами великая задача русской истории, — сказал он, — тот решительный шаг, который будет сделан русским народом. Я говорю о переходе всей земли в руки трудящихся. И не остановят наш русский народ в его освободительном движении, в его борьбе за землю и волю, ни те запоздалые отклики «недопустимо», которые раздаются с министерских скамей, ни уговоры и убеждения певцов мелкого движения. О чём говорит, о чём думает, о чём мечтает, о чём молится крестьянин? — О земле и свободном труде. Россия — страна земледельческая. Миллионы людей трудятся в летний зной и осеннюю стужу, но всё для того, чтобы были сыты и довольны кто угодно, но только не сами мужики. Пойдите на Невский проспект, посмотрите в блестящие окна великолепных магазинов сытого Петербурга, вы увидите там много выставленных картин. Одна из них поразит, может быть, вас. Под ней подпись: «Один с сошкой, а семеро с ложкой». С сошкой мужик, а с ложкой — те, кто проявляет заботливость о мужике, напоминающую ухаживанье паука за мухой. Мы, трудовой народ, говорим: довольно играть в прятки. Горемыкин сказал: государственный совет стоит на защите крупной собственности. Он знал, что бросает вызов трудовому населению… Он защищает старый порядок… Но я решительно не понимаю тех опасений, которые проявили некоторые члены думы. Такая боязнь часто рождается у сторонников старых порядков, когда история готовит новые формы человеческого общежития.

В этом отношении они недалеко ушли от Стишинских, Гурко и т. д. Я понимаю, что все жупелы приказной мудрости, которыми пугали нас в течение трёх заседаний, являются ничем иным, как провокацией. Таким приёмом не заманят русское крестьянство. Но по существу некоторые думские ораторы говорят то же, что и лишённые доверия министры. Министры опасались, как бы мужички не остались без заработка, если уничтожить крупные имения. Стишинский привёл даже в пример имение Воронцова-Дашкова в Саратовской губернии, проданное через крестьянский банк крестьянам. Да, Россия — страна крестьянская. У нас очень много крестьянского: есть крестьянская нужда, крестьянский голод, крестьянские начальники, крестьянский банк! Я хорошо знаю историю продажи имения Воронцова-Дашкова. Эта история — великолепный пример правительственной заботы, великолепный пример крестьянского разорения. Имение продано за 3½ миллиона. Земли там много, но больше солончаков. Леса, сады, лучшая земля оставлены за министерством земледелия. Крестьянам досталось остальное. Крестьяне держали землю 2 года. Банк стал взыскивать с них платежи. И как взыскивать! Продавали всё, чтобы покрыть долг… Нынешней весной уполномоченный деревни Алексеевки поехал в Саратов в крестьянский банк и привёз по рублю с десятины. Чиновник говорит ему: «Почему привёз мало денег?» Крестьянин в ответ: «Денег нет. Мы нуждаемся». — «А, вы нуждаетесь! Был великий пост, вы скопили масла и сами его съели. А вы бы его в город привезли! Куры вам яиц нанесли, вы их сами поели. Везли бы нам, мы бы у вас купили». Не выдержал крестьянин. Поехал домой, рассказал о случившемся на сходе и… начались аграрные волнения. Другой пример. Сегодня пришли два ходока от крестьян из Кубанской области. Крестьяне эти выселились из Киевской губ. и купили через крестьянский банк имение г-жи Дурасовой. С них взяли 2 350 000 рублей, а несколько лет тому назад сама Дурасова заплатила за

имение 72 000 р. Всего в имении 10 000 десятин. Из них лучшие куски остались за Дурасовой, а из остающихся крестьянам — 4 172 десятины находятся под плавнями, заражающими воздух лихорадками. Стишинский говорил, что крестьяне после покупки имения Воронцова-Дашкова не только не разбогатели, а стали жить хуже, потому что прекратился заработок от крупного имения. Это неправда. Имений там много. Есть имения Щербатова, Каткова, Бенкендорф и др. Если бы не было имений, не было бы и аграрных волнений. Конечно, если упразднить крупные имения, то кое-кто останется без заработка, особенно, если заработком считать казачью и полицейскую службу, получку денег за аренду и штрафы. Но люди труда не останутся без заработка. — Аникин прочёл два крестьянских приговора, в которых крестьяне жалуются на утеснения, чинимые помещиками, и на свою нужду. В одном из этих приговоров говорится: «Конечно, при таких обстоятельствах приходится всю жизнь нести тяжёлый крест, терпеть крайнюю нужду и не быть никогда сытым. Но в настоящее время мы и такую жизнь уже считаем хорошей… Мы обречены на голодную смерть».

— Вот те порядки, — продолжал оратор, — которые существуют у нас повсеместно в России. Вот министерство, которому объявлено недоверие и которое считает эти порядки краеугольным камнем государственного бытия. Посмотрите на министерские скамьи. Из кого состоят эти господа? Мы их упорно гоним, а они не имеют ни стыда, ни совести… (*Аплодисменты*). Разве мужик усидел бы? (*Шумный взрыв аплодисментов*). Мы слышали здесь опасение, что переход земли к трудовому народу вызовет понижение производительности и земледельческого труда. Однако, кто теперь трудится на земле? Помещики или крестьяне? Разве вы полагаете, что трудовое крестьянство будет разбивать машины? Если не верите тому, что говорил Герценштейн, прочтите статьи проф. Чупрова в «Русск. Ведом.», который доказал, что крестьянское хозяйство не тяготеет к упадку производительности. Я полагаю, что в таких пренебрежительных мнениях о мужике скрываются остатки крепостничества. Я думаю, все мужики хотят земли и всей земли. Напрасны были здесь ссылки на агитаторов. Нет в мире более широкой агитации, чем агитация нашего безответственного министерства. Но где же успех? Никакого! А кажется, они-ли не агитируют. Они говорят, что земли не хватит, что из городов придут брать землю. Но никто им не верит. А послушайте, что они запоют, когда мы будем говорить об охране труда рабочих, когда мы потребуем восьмичасового рабочего дня, минимума заработной платы. Они скажут: «Не надо этого делать, промышленность в опасности, отечество погибает. Мужики бросят землю и пойдут отбивать у рабочих хороший заработок». (*Аплодисменты*).

— Мы знаем вас, — говорит Аникин отсутствующим министрам, — так знайте же и вы нас. Вся земля — всему народу. Таково наше требование, от которого мы не отступимся: вся земля и вся воля — всему народу. Нам земля нужна не для спекуляций, не для продажи, не для залога, не для того, чтобы сдавать её в аренду и наживаться, а для приложения труда. Мы интересуемся землёй не как товаром, а как средством производить полезные продукты. Нам нужна земля, чтобы её пахать. Поэтому мы не хотим частной собственности. Напрасны, по мнению Аникина, опасения, что в Западном крае крестьяне безусловно стоят за собственность. В трудовой группе имеются документы, что польские крестьяне только против переделов, общины, и желают наследственного пользования. Мы не боимся, — говорит он, — что скажут польские крестьяне, мы не боимся, что скажут местные самоуправления в Эстляндской, Лифляндской губерниях и других местах. Мы знаем: инстинкт трудового человека подскажет, какого ему держаться решения, и видим в них союзников.

Свою горячую речь Аникин заканчивает апелляцией к народу:

— Я знаю, что мои слова разольются отсюда по всему лицу русской земли. Поэтому я говорю: «Русский народ! Ты послал нас сюда добывать землю и волю, и мы, избранные твои, заявили, что необходимо принудительное отчуждение земли частновладельческой, мы заявили, что необходимо отобрать земли казённые, кабинетские, монастырские, удельные, церковные, необходимо их отобрать и отдать в пользование трудовому народу, а нам сказали, что это недопустимо; в ответ на это мы сказали: „Уйдите, уйдите добром!“».

Бурные аплодисменты покрыли эти слова.

После Аникина появился на трибуну деп. *Перевозчиков* и прочёл, нередко сбиваясь, по записке очень своеобразное заявление, начинавшееся и кончавшееся выражением верноподданнических чувств, но содержавшее тем не менее целый ряд довольно радикальных требований, как-то: отчуждение частновладельческих земель, образование земельного фонда, всеобщее обучение, открытие свободного и по возможности бесплатного доступа во все учебные заведения для всех сословий, организация продовольственных складов для скупки зерна у крестьян и т. д.

Перевозчикова сменил депутат *Заболотный*. Он недоволен проектом 42-х потому, что проект этот даёт земельную реформу как бы в виде жертвы или милости государства. Что такое народ и что такое государство? Разве это различные понятия? Разве государство не состоит из народа, разве оно не поддерживается исключительно трудящимися? Народ требует признания своего естественного права, права на жизнь, на землю, на место для труда. И только та реформа, которая признаёт это право и право на весь результат труда, может удовлетворить трудящийся народ. С точки зрения самого законопроекта деп. Заболотный видит в нём крупный пробел: законопроект забывает о собственности на недра земли. Переходя к вопросу о принудительном отчуждении земель, оратор отмечает, что справедливая оценка земель, которой требует законопроект, отнюдь не совпадает с нормальной, как это думают его составители. Нормальная доходность точно так же, как и арендные цены, создаётся земельной нуждой. Есть «много нормальных, но несправедливых добавочных ценностей труда». Во многих местах рабочие получают лишь десятую часть того, что производят. Справедливой оценкой могла бы быть только доходность, которая получается, если помещик обрабатывает землю своими машинами и своим трудом без помощи наёмных рабочих.

Деп. Заболотный протестует далее и против неопределённости законопроекта по вопросу о размерах предполагаемого наделения. В записке 42-х предлагается наделение по продовольственной норме, причём, однако, должны быть принимаемы во внимание и другие заработки. Это слишком неопределённо. Необходима трудовая норма. Если оставить хоть один участок земли, превышающий трудовую норму, то останется открытой возможность возникновения пролетариата, мы же хотим не паллиатива, а коренного изменения общественного строя. Наконец, оратор подвергает критике и способ отчуждения, предложенный проф. Герценштейном. Образование комиссий для этой цели из представителей крестьян, землевладельцев и правительства представляется ему опасной и несправедливой мерой. Комиссии должны быть избраны на началах всеобщего избирательного права. При этом границы власти и деятельности комиссий должны быть точно определены. В противном случае получится реформа, напоминающая крестьянскую реформу 1861 года, которая будет благоприятна отдельным классам, но не всему народу. С точки зрения всенародного блага нужно рассматривать и вопрос о размере вознаграждения. Проф. Герценштейн говорил, что мужик платёжеспособен. Но ведь нам

говорилось, что выкуп делает государство. Тут кроется противоречие: спрашивается, кто же будет платить — государство или крестьянин? Вопрос поставлен неправильно. Законопроект создаёт массу мелких собственников, которые ещё крепче будут держаться за землю.

Тов. министра Гурко, возражавшему против принудительного отчуждения ссылками на то, что крестьянин с помещичьей земли получает больше, чем со своей, Заболотный отвечает:

— Товарищ министра, говоривший об этом, по-видимому, забыл, что он не земский начальник, который может сказать неправду и запретить возражать себе. Что он говорил? Что заработок крестьянина с помещичьей земли составляет 15–16 руб., а со своей — 5. Каждый крестьянин понимает, что получает с земли гораздо больше — всю ту плату, которую зарабатывает у помещика, плюс 5 руб. Столь же лживы и уверения, будто крестьяне вследствие отчуждения потеряют заработок в голодные годы. Когда нечего собирать, помещик платить не станет. Неправда и то, если нам говорят, что крестьянин получит только по 4 десятины; ни в одной программе нет ничего подобного.

В заключение своей речи Заболотный отвечает кн. Болконскому и проф. Петражицкому: первому — на упрёк, что отчуждение — грабёж, второму — на его опасения за целостность культуры. Да, — говорит Заболотный, — о грабеже тут можно говорить, но только о грабеже большей части труда, от которого мы хотим освободиться. Что же касается предложения проф. Петражицкого сохранить в интересах культуры среднюю собственность, то оратор находит, что эта среда — самая реакционная. Проф. Петражицкий борется с самим собой.

Депутат Заболотный сошёл с трибуны при оживлённых аплодисментах. Зато сменивший его деп. *Исупов* говорил так невнятно и тихо, что внимание слушателей заметно ослабело и зал начал пустеть. Он говорил сначала о местных особенностях Архангельской губ., а потом о законопроекте 42-х вообще. Исупов, сам крестьянин, высказывается за безвозмездное отчуждение и за образование земельного фонда.

Депутат *Способный* доказывал, что основное начало записки и законопроекта 42-х, заключающееся в положении, что земля должна быть передана в руки трудящихся, не выдержано в нём и должно встретить при своём осуществлении крупные препятствия. Практическим выводом этой мысли должно быть, что земля и земледелец в руках собственника находиться не будут. Между тем южно-русский крестьянин, напр., — закоренелый собственник. В Екатеринославской губ. прошёл слух, что земли будут отчуждаться в казну и потому крестьянам продаваться более не будут. Поэтому крестьяне спешат покупать землю. В финансовом отношении передача крестьянам помещичьих земель повлечёт для них более тяжёлые платежи, чем при аренде. В общем же записка 42-х, по мнению Заболотного, может быть передана в комиссию лишь в качестве материала, а не руководящего начала.

Депутат *Седельников* (Оренбургской губ.) начал издалека — с социологической теории о том, что основным фактором хозяйственного прогресса является размножение населения, и с воспоминаний о призвании варягов. Главною же темой речи была мысль о разнообразии местных условий и о невозможности общей реформы для всей России на началах общей национализации.

Принадлежа к трудовой группе, — заявил оратор, — я, однако, не разделяю мнения о возможности общей национализации всей земли в России. Против такой национализации

поднимутся протесты и в западных губерниях, и в восточных окраинных местностях. Оратор ссылается на киргизов. У них уже есть, в сущности, национализация земли, и они не знают, как от неё отделаться. Для них национализация является остатком старины, с которым борются новые течения. Оратор приводит любопытный спор киргизов-кочевников с киргизами-земледельцами. Киргизы-кочевники, представители старины, говорят: «Господом Богом дарованная земля была раньше вся на общих основаниях, а вы её хотите отделить. Земля вся сначала Божья, а потом царская». Киргизы-земледельцы отвечают: «Теперь больше царской земли нет, а есть только людская».

Идея национализации земли, по мнению оратора, находит себе наиболее благодарную почву среди крестьянского населения чернозёмных губерний, т. е. среди населения наиболее обездоленного, наиболее пострадавшего от крепостного права и наиболее страдающего от современных экономических условий. Государственная дума должна прежде всего прийти на помощь именно этому населению, позаботиться в первую очередь о наиболее обездоленных. Но нельзя с идеей национализации идти к населению других частей России, которое ещё не готово к этой идее. Проведение реформы нужно предоставить местным аграрным комитетам. Задача Государственной думы, как объединяющего органа, будет заключаться в том, чтобы быть посредницей между разными областями государства, уравновесить стремления всех областей и облегчить русскому народу правильное, равномерное расселение по территории.

Возвращаясь снова, в конце своей речи, к легенде о призвании варягов, г. Седельников высказывает, что теперь русские люди не только не могут сказать, что в их земле водворился порядок, но, кроме того, не могут уже говорить: «земля наша», ибо она чужая, не могут говорить: «земля наша велика и обильна», ибо земли у них мало, и сами они разорены.

Деп. Варунь-Секретъ (Херсонск. г.) считает своим долгом протестовать против тех речей, которые призывали к спешности в разработке аграрного вопроса, указывая на боевое настроение крестьянства и как бы угрожая думе бесчинствами народных масс. Оратор усматривает в этих речах попытки оказать давление на думу. Работа в гос. думе должна идти спокойно и свободно. «Я думаю, — сказал оратор, — отсюда должен раздаться властный призыв к населению — прекратить бесчинства и возвратиться к спокойствию». Переходя к существу вопроса, херсонский депутат возражает против наделения крестьян по потребительной норме, против тенденции к национализации земли, против отчуждения без выкупа монастырских, церковных и удельных земель и против той критики, которой была подвергнута деятельность крестьянского банка проф. Герценштейном и многими другими ораторами. Потребительная норма землевладения, по мнению оратора, сама по себе не избавляет от нищеты. Крестьяне, имеющие уже теперь наделы в пределах потребительной нормы, тем не менее голодают в каждый неурожайный год. Их приходится кормить в бесплатных столовых, им приходится выдавать пособия на продовольствие, на семена, на скот. Частичный опыт национализации земли, по словам оратора, был сделан министерством государственных имуществ в 1888 году в Херсонской губ. Крестьяне одного села были наделены в весьма достаточном количестве землёй на условиях арендного пользования. Первое время они чувствовали себя хорошо, затем начался упадок, и село всё более и более беднело, пока не сравнялось с окружающим малоземельным населением.

Крестьянский банк, по мнению оратора, нельзя обвинять в том, что он способствовал повышению цен на землю: по крайней мере, херсонское отделение, наоборот, назначало цены

слишком низкие, вследствие чего много имений прошло мимо банка и не могло быть передано в крестьянские руки.

Сам оратор стоит за наделение малоземельных крестьян по повышенной норме, с тем чтобы крестьянин от своего участка мог не только кормиться и платить подати, как того желают авторы проекта 42-х, но и накоплять запасы и получать средства для дальнейших хозяйственных улучшений. Затем, во вторую очередь, если ещё останется свободной земли, можно наделить и безземельных. Отчуждение необходимой доли частновладельческой земли следует произвести путём выкупа, но так как нельзя обременять население непосильными платежами, то разницу между процентами по выкупной сумме и крестьянскими платежами должно взять на себя государство.

Оратор предлагает вместо одной аграрной комиссии создать 3 комиссии, которые вместе составят «отдел по земельной реформе»: одна комиссия, по проекту г. Варун-Секрета, должна собирать и исследовать фактический материал по землевладению и землепользованию, о размерах земельного фонда, о ценах и т. д.; вторая комиссия должна разрабатывать финансовую сторону реформы, и, наконец, третья будет вырабатывать законопроект по аграрной реформе.

Деп. Якушкин (Курск. губ.) защищает выдвинутые в записке 42-х начала против сделанных на них нападений. Авторов проекта упрекают в непоследовательности в том, что они не имеют смелости доводить принятых принципов до конца. На это г. Якушкин отвечает: законопроект не может быть символом веры, в котором всё доведено до логического конца. Закон всегда является компромиссом, продиктованным жизнью. Каждый закон связывает старое с новым. Нет ничего удивительного, что и наш законопроект вызывает упреки в слишком бережном отношении к остаткам старины. Что лежит в основе проекта? Сознание земельной тесноты, от которой страдает русский народ. В наличности этого бедствия, в необходимости с ним бороться здесь никто не усомнился, кроме министров. Но, в отличие от некоторой части депутатов, авторы проекта считают единственным средством борьбы — расширение площади крестьянской земли за счёт других категорий земель. При этом, — утверждает оратор, — мы смотрим на реформу вовсе не как на уступку, вызванную опасностью народного волнения. Совершенно неверно, что мы хотим дать крестьянам землю из-за страха перед аграрным движением. Это не есть также, в наших глазах, акт благотворительности по отношению к крестьянам со стороны государства. Это — первый шаг, первая попытка проведения коренной социальной реформы. Мы убеждены, что если предлагаемая нами аграрная реформа будет осуществлена, то наступит общее улучшение жизни в русской деревне, подъём уровня благосостояния крестьянства и всей России.

Показав, таким образом, широкие перспективы, открываемые реформой, оратор с другой стороны указал на конкретные цели, которыми ограничивают реформу авторы проекта. Мы вовсе не имели в виду, сказал деп. Якушкин, провозглашать право каждого гражданина на участие во владении землёй. Мы вовсе не задавались целью, сказал он в другой части речи, — совершенно, целиком уничтожить частновладельческое хозяйство. Государство должно прийти на помощь путём дополнительного наделения малоземельному и безземельному сельскому населению, т. е. той части населения, которая уже сидит на земле. Размеры наделения нельзя было определить трудовой нормой, потому что для многих мест такое наделение является неосуществимым. Поэтому авторы проекта должны были остановиться на потребительной норме.

Оратор предпочёл бы в отклонение от записки 42-х положить в основу наделения не потребительную норму, а высшую норму 1861 г. Потребительная норма — слишком неопределённая величина. Высшая же норма 1861 г. совпадала приблизительно с половиной трудовой нормы для того времени (так как крестьяне обыкновенно работали 3 дня на помещичьей земле и 3 дня — на своей), и должна, в общем и среднем, быть очень близкой к «потребительной норме». На примере Старооскольского у. Якушкин доказывает, что реформа на этих началах вполне осуществима.

Относительно финансовой стороны проекта оратор заявляет, что авторы проекта вовсе не желают взвалить всей тяжести выкупной операции на крестьян. Оратор полагает, что крестьяне будут обложены не выкупными платежами, а поземельным налогом, который будет установлен в связи с общей реформой налоговой системы. По мнению г. Якушкина, Гос. думе следовало бы поспешить с реформой поземельного обложения, не откладывая её до окончательного приведения аграрной реформы. Введение прогрессивного поземельного налога, с одной стороны, облегчит операцию оценки выкупаемой земли, а с другой — даст необходимые средства для облегчения податного бремени беднейшего населения.

В заключение оратор убеждал депутатов поторопиться с обсуждением реформы, по возможности сократить прения и приступить к избранию аграрной комиссии. 8 июня истекает для аграрного проекта месячный срок, установленный для рассмотрения законопроектов министрами. Желательно, чтобы к этому времени была разработана и готова хотя бы часть основных положений аграрной реформы.

Деп. Котляревский (Саратовск. губ.). Ответив, что все ораторы в думе, за исключением министров, признали принцип отчуждения частновладельческой земли, Котляревский указывает, что во всей истории аграрной реформы, так же, как и во всей истории научной и публицистической мысли, по этому вопросу проходят два течения: одно — в пользу национализации, другое — в пользу мелкой крестьянской собственности. В России исторические условия создали благоприятную почву для идеи национализации и для отрицательного отношения к земельной собственности вообще и к мелкой в частности. Но оратор высказывается решительно в пользу второго способа решения проблемы, т. е. против национализации. Он отмечает, однако, что можно быть защитником мелкой земельной собственности для настоящего момента и в то же время видеть в ней только ступень по пути к высшим социальным формам. Сосредоточение огромного земельного фонда в руках государства представляется оратору опасным в политическом отношении: вооружить современное государство такой новой чрезвычайной властью значило бы создать серьёзную угрозу политической свободе. С другой стороны, мелкие земельные собственники составят лучшую опору демократии. Г. Котляревский полагает, что история создала два типа демократии: городскую и сельскую; сельская демократия — это демократия мелких собственников. Проект 42-х, по мнению г. Котляревского, отнюдь не относится враждебно к мелкой частной собственности. Программа, изложенная в проекте, очень широка и оставляет простор для разных толкований.

18-е заседание

30-го мая

37 членов вносят предложение об ограничении продолжительности речей десятью минутами. Но против него восстаёт эстонец Теннисон. Он полагает, что дума не место для приятного препровождения времени, и потому настаивает, чтобы время речей не ограничивалось. При голосовании оказывается, что мнение Теннисона разделяет значительное число депутатов, чем требуемые для продолжения прений 50. Таким образом, предложение об ограничении продолжительности речей отвергается. Но по существу вопрос исчерпан, и последующим ораторам не удаётся сказать ничего или очень мало нового.

Вот, напр., деп. *Литвинов* (тр. гр., Сар. г.). Он и сам находит, что прения слишком затягиваются, но превозмочь искушение высказаться по земельному вопросу он всё-таки не может. Он делит все предложения по решению этого вопроса на три разряда. Одни говорят, что для удовлетворения крестьянской нужды необходимо отдать народу всю землю. Другие находят, что для успокоения крестьян достаточно отдать часть свободных земель. Наконец, третьи, в том числе и министры, придерживаются того мнения, что земля крестьянам вовсе не нужна. Эти господа заявляют, что всё дело в повышении производительности земли. Но что они сделали для этого? Они закрывали школы, душили всякую живую мысль. Единственно, что правительство из рекомендуемых им мероприятий осуществило, это — переселение… в места не столь отдалённые и уменьшение густоты населения… при помощи штыков и пулемётов. Но этими средствами аграрного вопроса не разрешить.

Или вот деп. *Бремер* (автономист, Лифл. г.). Он стоит на совершенно противоположной точке зрения, чем Литвинов, но имеет с ним то общее, что высказывает всем уже давно известные доводы своей группы. По его мнению, всё дело в повышении интенсивности земледельческой культуры, в усовершенствовании техники и, следовательно, в личном почине. Поэтому он стоит за упрочение поземельной собственности. Он допускает и крупное землевладение, когда оно «приносит больше пользы» и желает лишь, чтобы дума урегулировала положение наёмных земледельческих рабочих.

За земледельческих рабочих, в особенности безземельных латышей Прибалтийского края, горячо вступается деп. *Каценельсон* (к.-д., евр. гр., Курл. г.). Как еврей, воспитавшийся под немецким влиянием, оратор считает себя вполне беспристрастным, но он, не колеблясь, признаёт, что положение батрака ужасно. Объезжая край несколько недель тому назад, деп. Каценельсон убедился, что наделить батраков землёй вполне возможно, так как крупные землевладельцы рады сбыть свои земли по «справедливой оценке».

— Господа! — обращается он к думе, — как еврей, исстрадавшийся душой от своих собственных страданий, я, быть может, могу перед вами излить страдания латышского народа, заслуживающего лучшего положения, чем выпало на его долю.

Это было сказано горячо и трогательно, но — увы! — столь же мало ново, как и речи предыдущих ораторов. И во многом прав был деп. *Татаринов* (к.-д., Орёл), обратившийся к думе после этих речей с настоятельной просьбой сделать всё возможное для сокращения дебатов.

Бурный и продолжительный взрыв аплодисментов явился доказательством того, что большинство думы разделяет опасения деп. Татаринова.

Председательствующий, кн. Долгоруков, спрашивает думу, желает ли она, вопреки закрытию записи ораторов, выслушать только что приехавших товарищей из Терской обл., и по получении

согласия даёт слово очередному оратору — крестьянину-собственнику *Меркулову*, члену трудовой группы, который ещё раз подвергает резкой критике образ действий и заявления министров по земельному вопросу и ещё раз говорит о недостаточности мер, предлагаемых в записке 42-х. Сам Меркулов высказывается за безвозмездное отчуждение и национализацию всей земли, со включением недр её.

В заключение деп. *Теннисон* прочитывает думе целую диссертацию об эволюции поземельной собственности, для того чтобы доказать, что Прибалтийский край нуждается в автономности по земельному вопросу и что в думе вопрос этот для Прибалтийского края ни в коем случае предрешён быть не может. По мнению деп. *Грабовецкого* (укр. нар. партия, Киевск. г.), крестьяне согласятся заплатить помещикам за землю. Но цена должна быть справедливая, не такая, какую приходится платить теперь при покупке через крестьянский банк. Нужно исходить из тех цен на землю, которые существовали до начала деятельности крестьянского банка. Земля не должна быть в общинном владении. А что министры говорили, будто от передачи земли крестьянам культура погибнет, то это напрасно! Дайте крестьянам землю, и всё у них будет, будет и культура! А министры сами мало понимают в сельском хозяйстве, заявляет киевский депутат, вызывая одобрительный смех в собрании: они думают, что кусок сахара так прямо и вылезает из бурака!..

Деп. Аладьин. Сегодня я воспользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность нашему министерству. Когда мы, члены трудовой группы, начинали свою деятельность в государственной думе, мы стали получать телеграммы и письма сначала из своих губерний. Первое время эти приветствия не имели общественного значения. Через несколько дней характер телеграмм и писем изменился. С разных концов России к нам стали поступать от наиболее передовых элементов населения выражения сочувствия и обещания поддержки. Но вот мы поставили на очередь земельный вопрос, и министерство заявило стране решительно и твердо: земли и воли вам не будет! Оно заявило это не только с этой трибуны, но, как люди практичные, не стесняющиеся средствами, не ограниченные в кредите, они выбросили свое заявление в миллионах экземпляров и разбросали по всей России! Не только от своего имени, но и через своих верных слуг — губернаторов, распространивших министерское заявление повсюду по деревням! Как и всегда, наше министерство не побрезгало также тем, чтобы к своей пропаганде привлечь и нашу высокую церковь. По крайней мере, я имею известие, что в одном случае эту тряпичку, отпечатанную губернатором, вывесили у церковных дверей, надеясь, очевидно, что слова министров выиграют от сошествия Св. Духа!..

Председатель останавливает оратора.

Аладьин. Эти прокламации министерства произвели свое действие. В первый раз мы вызвали правительство на действительно живое и полезное дело пропаганды среди русского народа. Чтобы не быть голословным, я познакомлю вас с некоторыми письмами и телеграммами последней, третьей стадии, написанными после министерского ответа по земельному вопросу. — Оратор читает выдержки из телеграмм и крестьянских приговоров. В первой телеграмме несколько волостей Симбирской губернии заявляют: «Совету министров, отвергнувшему народные требования, предложенные думой от имени 140-миллионного населения, выражаем протест и предлагаем выйти в отставку. Вы же помните, что мы стоим за вами!» Затем, в одном присланном приговоре сельского общества говорится: дума уже 30 дней имеет свою энергичную работу, но не решила еще никакого вопроса. Это происходит от нежелания министров и от того, что

правительство занимается своим прежним произволом… В следующей телеграмме, прочитанной оратором, сход крестьян приветствует трудовую группу и обещает поддержать требование земли и воли. Прочитав эти послания, деп. Аладьин заключает: «Вот результат пропаганды нашего министерства. Телеграммы приходят к нам десятками со всех концов России. Все пришло в движение. Если чего не хватает, то только объединяющего начала. У министров есть средства, чтобы объединять деятельность своих слуг. У нас таких средств нет. Но мы можем отсюда, с этой трибуны, обратиться ко всему народу и сказать: настал момент, когда вопрос, будет ли у вас вся земля и воля, встает остро. Мы нуждаемся в вашей поддержке, поддержке пока мирной. Эта мирная поддержка должна выразиться в городах в виде постановлений разных обществ или учреждений или лиц, собирающихся так или иначе и выносящих резолюции, а деревни, села и волости должны нас поддержать своими приговорами, как они это делают уже и сейчас. Но кто доведет наше обращение до народа? У нас нет таких средств, как у правительства. И вот с этой трибуны я обращаюсь с просьбой к тем, кто может нам помочь. Я обращаюсь к могущественной шестой державе — прессе. Если она захочет, она доведет до сведения всего русского народа о том, в какой поддержке мы нуждаемся. И тогда уже не десятки и не сотни, а тысячи приговоров будут присылаться нам, и мы с тем большим правом будем тогда говорить от имени всего русского народа…

Есть еще один пункт, — продолжает оратор, понизив голос, — очень серьезный, к которому я приступаю неохотно и по которому я просил бы вас уделить мне больше внимания и терпения, чем я обыкновенно заслуживаю. Этот пункт освещается г. Аладьиным путем чтения выдержек из полученных им писем. В одном письме говорится: «Когда Господь создал Адама и Еву, Он сказал им, что они будут владеть всей землей и им будут подчинены все земные твари. Они же должны трудиться до пота лица и добывать себе пропитание. Кто не трудится земельным трудом, тот и не ест. Адам с женой благословили детей на земельный труд. И так шло до московского государства. А с московских царей стала какая-то разница в народе, стал народ пестрить…» Я не хочу продолжать чтения этого письма, прибавляет Аладьин, и перехожу к следующему. Во втором письме, между прочим, говорилось: «Народ с нетерпением ждал, что вот выйдет царь-батюшка к народу, простет свои руки и скажет свое горячее слово… Но ничего нет. Мы беззаветно любили своего царя, мы готовы были душу положить за него…» — Я не продолжаю чтения, заявляет опять г. Аладьин, ибо если бы я продолжал, вы бы остановили меня… И, наконец, выдержка из третьего письма: «Если дума ничего не сделает, быть беде! Тогда пусть эти… (я пропускаю, говорит оратор, одно слово, ибо иначе председатель остановит меня) знают, что им не будет пощады! Но скажите на милость, где же Государь, почему не обращаются к Нему? Неужели правду говорит молва, что… Тогда все пропало!» Теперь, продолжает оратор, кончив чтение, я совершенно серьезно спрошу, как служили наши министры даже тому, кого они считают своим верховным повелителем и вершителем судеб: как государственные деятели или как ливрейные лакеи? (*Аплодисменты*).

Председатель останавливает оратора и спрашивает, намерен ли он говорить об общем политическом положении страны или о записке 42-х.

Оратор заявляет, что сделанные им сообщения нужны ему были именно в связи с запиской 42-х. Затем он переходит к аграрному вопросу и говорит, что внутри палаты нет разногласий по вопросу о принудительном отчуждении, и потому все зависит теперь от взаимных отношений между министерством и палатой. Можно представить себе два пути добывания земли. Один путь — тот, который желателен министрам. Министры говорят: добывайте себе землю так, как мы добывали

ее вам до сих пор. Другой путь — простой, наивный путь захвата, который не однажды осуществлялся там и сям крестьянами. В настоящее время, по мнению оратора, еще нет необходимости выбирать только между этими двумя путями, можно еще надеяться на средний путь. Но это только пока. Если народ в ближайшее время не убедится, что аграрный вопрос находится на пути действительного разрешения, то он сам возьмется за его разрешение и решит его по-своему.

Это, кажется, была единственная речь, возбудившая оживление и общий интерес. Конечно, многие были ею недовольны.

Далее говорят несколько ораторов из крестьян.

Деп. Литвин. (Укр. пар. парт., Киевск. г.) решительно возражает тем, кто ссылался на культурность помещичьих хозяйств. Вся эта культура выколачивается из тех же крестьян и служит помещикам только для того, чтобы роскошно жить да тратить деньги за границей. Оратор предлагает сократить прения и скорее передать проект в комиссию.

Деп. Кругликов (беспарт. Воронежской губ.). Здесь говорили некоторые, что если крестьянам землю дать, то чуть ли не вся Россия погибнет. Неправда! Я говорю, что если крестьянам землю дать, то все будет! Если крестьянам дать, то в России и право, и свобода может быть, а если не дать земли, то не наступит успокоения, и нам отсюда возвращаться нельзя.

Деп. Бабич (левее к.-д., Черниг. губ.). Нужно обсудить, на каких основаниях должна быть отобрана земля у тех помещиков, которые в прежнее время отняли у крестьян землю насильственным, неправым путем — сами или их предки.

Оратор рассказывает про случай такого насильственного отнятия земли у сельского общества, которое поручило оратору подать в думу прошение относительно этого дела. Г. Бабич хочет передать бумагу председателю гос. думы, но тот заявляет, что затрудняется принять это прошение.

Деп. Бабич высказывается, между прочим, против отчуждения земли у мелких собственников-крестьян: он считает несправедливым ограничивать их собственность рамками трудовой нормы.

Деп. Гринцевич (беспарт., Виленск. губ.) возражает тем депутатам от северо-западных губерний, которые говорили, что в северо-западном крае крестьяне получают выгоды от помещиков и что отношения между помещиками и крестьянами тут не оставляют желать лучшего.

Деп. Куканов (тр. гр., Орловск. губ.) с большим чувством говорит об ужасной бедности и угнетенном положении крестьян. Бедность, безвыходность положения толкают крестьян на аграрные беспорядки, а не агитация, как говорили некоторые. Оратор убеждает депутатов прийти к соглашению и вынести то решение, которое нужно народу.

В заключение оратор читает заявление 400 крестьян, полученное им в ответ на его вопрос о желательных условиях передачи земли в руки крестьян. В заявлении говорится, что вся помещичья земля должна быть отобрана от владельцев без всякого вознаграждения.

Деп. Алехин (тр. гр., Орловск. губ.) находит, что землю нужно отобрать не только у крупных владельцев, но и у мелких, поскольку размеры владения превосходят трудовую норму. Деп. Алехин

считает необходимым, чтобы аграрная комиссия работала публично и весь народ мог следить за ее работами по газетам.

Деп. Родичев взволнованным голосом заявляет, что пора прекратить прения и что он отказывается от слова.

Ф. И. Родичев возвращается на свое место при единодушных рукоплесканиях всей думы. Кажется, что были самые горячие аплодисменты в этот день.

Деп. Тесля (тр. гр., Полтавск. г.) заявляет, что он охотно отказался бы от слова, но должен от имени своего и своих товарищей высказать то, что поручили высказать своим избранникам крестьяне Полтавской губ.

Затем полтавский депутат начал читать по листочкам заранее написанную речь, совершенно так же, как раньше деп. Онипко.

Оратор стоит за то, чтобы вся земля была передана крестьянам, обрабатывающим ее личным трудом, без наемных рабочих. Все, кто противится такому требованию, все, кто боится личной обработки и не признает трудовой нормы, тот умышленно защищает паразитов и эксплуататоров.

Деп. Геллат (к.-д., союз автономистов, Эстляндск. г.) еще раз, по по примеру других представителей Прибалтийского края, восстанавливает историю крестьянского вопроса в крае. По заявлению оратора, население Эстляндской губ. будет радостно приветствовать реформу, если не будут отчуждаться земли крестьян-собственников, если к разрешению аграрного вопроса будут привлечены органы местного самоуправления, и если земля из земельного фонда будет сдаваться на достаточно долгий срок.

Деп. Горват (Киевск. г.) в длинной речи подвергает критике проект 42-х, причём приводит обширные статистические справки. Следуя примеру гг. Стишинского и Гурко, он с особенным удовольствием черпает из последней книги А. С. Ерхолова, откуда приводит и пресловутые цифры о невыгодности для крестьян перехода помещичьей земли в их руки.

Длинная речь деп. Горвата вызвала возражения со стороны двух следующих ораторов — *Хартахая* (к.-д., Ростов-н.-Д.) и деп. *Васильева* (парт. дем. р., обл. Войска Донского).

Деп. Федоровский (монархист, прис. к союзу 17-го окт., Рязанск. г.), подобно г. Родичеву, отказался обсуждать вопрос по существу. «Страна замерла в ожидании, — сказал он, — и ждёт от нас непосредственных результатов. Не мужество, а моё личное понимание долга заставляет меня отказаться от слова».

Деп. Кутоманов (Курская губ.) соглашается, что прения нужно прекратить, чтобы поспешить с образованием комиссии, но всё-таки считает себя вынужденным доложить Государственной думе четыре прошения от разных сельских обществ Курской губ. Все эти прошения касаются частных земельных дел и свидетельствуют, подобно прошению, которое хотел вручить председателю деп. Бабич, о том, какие смутные представления имеет пока наше крестьянство о законодательных функциях думы.

Жуковский (тр. гр., Гродненск. губ.) довольно подробно доказывает необходимость дополнительного наделения крестьян в Западном крае. Интересны возражения оратора против

того пункта проекта 42-х, где говорится об изъятии из общего порядка отчуждения искусственных лесонасаждений. По свидетельству оратора, многие помещики в его крае нарочно окружали деревни искусственными лесонасаждениями, чтобы забрать крестьян покрепче в свои руки.

19- заседание

1-го июня

В списке ораторов по аграрному вопросу на очереди значится костромской депутат *Сафонов*, стоящий на левом крыле кадетской партии. Он всходит на трибуну, однако, не для того, чтобы высказаться по существу вопроса, а чтобы попытаться оказать давление на не высказавшихся ещё ораторов и обратить их внимание на ответственность перед страной, находящейся в крайнем напряжении и ожидающей не бесплодных прений, а действительной разработки земельного вопроса.

— Мы со своими мнениями, — говорит он, — хватили через край. Мы говорили 10 дней. Осталось ещё около 117 ораторов. Следовательно, придётся затянуть рассмотрение законопроекта по крайней мере на месяц. В настоящее время аграрный вопрос достаточно освещён. Обнаружились два течения: правительственное и наше — думское. Для всех ясно, что механизм, предложенный правительством для выполнения сложной работы разрешения земельного вопроса, слишком легкомыслен. Необходимо принудительное отчуждение. Вот основы реформы, детали же будут обсуждены в комиссии. Комиссия составляется из 88 человек. Туда войдут представители разных партий и местностей. Когда выработанный ею законопроект будет внесён на рассмотрение думы, мы скажем всё, что думаем. Я понимаю желание многих высказаться перед своими избирателями, но избиратели отнесутся к вам снисходительно. Что же касается необходимости ориентироваться относительно лиц, которых желательно избрать в комиссию, то состав её, насколько мне известно, уже намечен. Я обращаюсь к вам, товарищи по партии, с просьбой отказаться от своего слова. И вы, представители трудовой группы, сделайте то же самое.

Обращение депутата Сафонова покрывается шумными и долгими аплодисментами и производит, видимо, глубокое впечатление на присутствующих.

Следующий оратор — депутат *Остроносов* (внепартийный социалист), сам крестьянин из Черниговской губернии, — ограничивается краткой отповедью князю Волконскому, заявившему, как известно, будто крестьяне бунтуют не от недостатка земли, а вследствие агитации. Он приводит телеграмму, полученную им от крестьян села Творыжкина, Черниговской губернии. Крестьяне сообщают ему, что они решили не признавать захвата соседними помещиками 360 десятин земли и что они требуют конфискации всех земель, дарования всеобщего, равного, прямого и тайного права голоса для всех без различия пола и отмены смертной казни.

Целый ряд депутатов, значившихся в списке ораторов, при оживлённых аплодисментах думы отказывается от слова.

Новгородский крестьянин *Васильев* (кадет) не может удержаться от искушения рассказать думе о том, как он примкнул к кадетской партии. В его рассказе нет ничего нового, но так как рассказ этот не долог, то дума выслушивает его без признаков нетерпения.

Старается быть кратким и депутат *Шраг* (украинская народная партия и кадеты, Чернигов). Проект 42-х имеет, по его мнению, тот существенный недостаток, что в основе его лежит предположение, будто аграрный вопрос может быть разрешён для всего государства однообразно. В действительности же общего решения вопроса в России быть не может. Подробности должны быть решены на местах. Центральное правительство могло бы лишь установить общие принципы, которые свелись бы: 1) к признанию необходимости принудительного отчуждения земель и 2) к установлению принципа, что отчуждаемые земли должны быть переданы в руки трудящихся. А так как время не ждёт, то нужно сейчас же приняться за подготовительную работу на местах, которую следует начать с реорганизации местных земских учреждений на широких демократических началах.

С большим вниманием была выслушана речь графа *Тышкевича* (народно-демократическая партия, Варшавская губерния), изложившего специфически польскую точку зрения на вопрос.

— Одними и теми же словами, — говорит граф Тышкевич, — обозначаются совершенно несходные понятия в зависимости от области, для которой вопрос должен быть решён. Земельные неурядицы, формы землепользования и вся бытовая обстановка в центральной России и на юго-западе, например, совершенно неодинаковы. Ещё сильнее отличается от русского земельного недуга аграрный вопрос в Царстве Польском с его своеобразным прошлым, с его особенным культурным и сельскохозяйственным строем. Чтобы можно было говорить об аграрной реформе на окраинах, нужно сначала твёрдо провести принцип децентрализации. А то мы рискуем создать аграрные осложнения даже там, где их нет. Польский земельный вопрос, конечно, может быть правильно разрешён только законодательным собранием автономной Польши, ибо без автономии не может больше существовать ни Польша, ни свободная Россия.

Для меня несомненно, — продолжает оратор, — что крестьянство центральной России всего более страдает от недостатка земли. Для увеличения площади крестьянского землевладения я не вижу другого выхода, кроме принудительного отчуждения. В то же время, однако, я восстаю против теоретического гнета и педантизма в этой области. Я не вижу необходимости устанавливать максимальный предел землевладения. Местные условия чрезвычайно разнообразны. Найдутся уезды, где придется отобрать у помещиков почти все, отыщутся и такие, где много останется. Незримыми нитями связаны мы со своими избирателями. Они прислали нас сюда, уполномочив предъявить важнейшие их требования, без удовлетворения которых им нельзя дальше жить. Мы, поляки, пришли в Думу за автономией для родного края, рабочие — за лучшими условиями труда, крестьяне — за землей и волей.

Граф Тышкевич высказывается, однако, самым решительным образом против учреждения земельного фонда. Он думает, что образование его придало бы кризису затяжной характер.

В заключение граф Тышкевич подвергает критике предложение 104 депутатов крестьянской группы об образовании поземельных комиссий на основе всеобщего, равного, тайного и прямого права голоса. «Может ли Государственная дума, — спрашивает он, — устанавливать самый принцип всеобщего, прямого и равного голосования и проводить в то время, когда полномочия ее исходят не из этих начал?» И его ответ гласит: нет, не может.

Гр. Тышкевич заканчивает свою речь словами:

— Подойдем ближе к суровой действительности. Наделив крестьян землею, мы выполним перед страной обязанности, принятые нами на себя в ответ на тронную речь. Беспримерную социальную реформу, если в ней явится надобность, предоставим проводить следующей Думе, избранной на началах широчайшего демократического голосования. Мы же должны внять голосу страданий погибающего от безземелья крестьянства. Не умолкая, звучит он здесь. Скорее же отзовемся на него живым практическим делом. Иначе мы рискуем, желая сделать слишком много, не сделать ничего.

20- заседание

2-го июня

Сыртланов, представитель Уфимской губернии, избранный башкирами, говорит о том, чем обижен башкирский народ. Когда башкиры 400 лет тому назад приняли российское подданство, то им обещана была земля для улучшения их быта. На самом деле вышло совсем другое. Башкир обратили в казачье войско, они участвовали в отечественных войнах. Но хотя и числились казаками, а их вызывали не на конях, а с телегами. Вот тут и началось гонение на них. Они работали, строили крепости, возили для этого лес и за все это получали по 3 коп. в день на содержание себя и лошади. Вследствие этого и они сами погибали, и скот их погибал. Во время генерал-губернаторства Крыжановского начались хищения башкирских земель. Хищение земель прекратилось только в 80-х годах, под влиянием разоблачений печати, хотя раздача башкирских земель все-таки продолжалась. Теперь земля башкир находится в управлении государственных имуществ, и оно отдает эти земли тем же башкирам в аренду за большие деньги, да начались еще переселения крестьян. Когда нынешний председатель совета министров Горемыкин был министром внутренних дел, то стеснения башкир были особенно сильны. При Крыжановском бунтовались и киргизы, и уральское войско, но башкир, как он ни бил, а взбунтовать не мог. Башкиры обращаются к Государственной думе с просьбой, чтобы им были возвращены отнятые у них земли, по крайней мере все те, которые возможно возвратить. Если же нельзя вернуть земли, то ту плату, которая идёт не им, а в казну. Если дума решит наделить крестьян землёй, а у башкир окажутся лишние земли, то чтобы у них брали эти земли, как у частных владельцев, и за вознаграждение в пользу их, а не в казну.

Деп. Езерский (к.-д., Пенза). Можно сделать один вывод, а именно, чтобы новый закон о земле был выработан на основании того принципа, что все земли кабинетские, удельные, казённые, церковные и монастырские переходят в руки крестьян и что для той же цели должен быть принят принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель. Против этих принципов в думе никто не возражал. Этот вывод важно сделать теперь же и не потому, что комиссия может от него отступить, но для того, чтобы из наших прений вышло что-либо осязательное. Не следует забывать, что относительно этого принципа министерство высказалось весьма категорически против. Правда, мы выразили недоверие министерству, но по аграрному вопросу нашего категорического заявления в противоположном министерству смысле ещё нет. Не надо оставлять на этот счёт сомнений. Сделав указанный вывод, мы покажем народу, что мы уже кое-что сделали и на главном нашем требовании настаиваем и ни на какие уступки министерству не пойдём.

Речь деп. Езерского была встречена дружными аплодисментами.

Деп. Яснопольский (к.-д., Полтавск. губ.), как представитель Полтавской губ., в которой много крестьян и казаков — мелких земельных собственников, — отмечает, что они могут быть спокойны, что земли их не будут у них отняты. Это важно потому, что устраняет возможность междоусобий и раздоров. Но он считает недостатком проекта то положение его, что земля переходит в государственный фонд, из которого будет раздаваться в пользование, а не в собственность. Это положение во многих местностях встретит несочувствие и препятствия со стороны народа. Что касается «справедливой оценки», то он понимает её не в смысле простой капитализации чистой доходности. Интересы населения и государства требуют, чтобы цена была ниже капитализации чистых доходов.

Деп. Румянцев (беспарт., Новгор. губ.) говорит об особенностях знакомой ему местности, где он прожил 40 лет и откуда он избран. В его уезде многие помещичьи крестьяне приобрели земли в частную собственность, но остались и помещичьи владения. Эти последние имеют известное полезное значение и должны быть сохранены.

Крестьянин Куриленко (тр. гр., Черниг. губ.) довольно подробно, отчасти по-книжному, рассказывает о том, как несправедливо были наделены крестьяне землёй при освобождении в 61 г. и какие высокие платежи им пришлось платить. В виде примеров он ссылается на данные Стародубского уезда Черниговской губ. Наделение безземельных и малоземельных должно быть за счёт земель крупных владельцев, но нужно смотреть, чтобы не повторялось ошибки 61 г. Нужно стараться, чтобы плоды трудов крестьян оставались в их пользу, а не бог знает где. Деревня сейчас от правительства ничего не получает, а всё отдаёт. Но это бы ещё хорошо, пусть возьмут, да отвяжутся. А то на деньги же крестьян им дают дурных правителей — земских начальников, становых, да стражников. Затем он признаёт необходимым передачу земли не в собственность, а в пользование. «Должна быть уничтожена торговля землёй. Теперь землёй торгуют, точно лошадьми».

Крестьянин-депутат Борисов (внепарт., от Херсонской губ.). Крестьяне Херсонской губ., посылая меня в думу, дали мне наказ просить более всего земли и воли, без того и другого не можем жить. Всем нам небезызвестно, как все крестьяне обременены непосильными налогами и земельной нуждой… И мы видим, что заставило их впасть в аграрные беспорядки. Потому обращаюсь к вам, гг. народные представители, забудем партийные распри и как один человек пойдём на помощь крестьянству. А пойти на помощь — значит решить, что земли казённые, монастырские, церковные, удельные и частновладельческие надо отчудить и наделить безземельных и малоземельных крестьян. Тогда мы сделаем первый шаг к умиротворению дорогой родины и выполним доверие, возложенное на нас нашими избирателями».

Говорит деп. *Филякин* (внепарт., от крестьян Тульской губ.). Он разбирает проект 42-х и трудовой группы по существу, при чём старается доказать, что большинство крестьян едва ли согласится, чтобы вся земля перешла в общенародную собственность. Крестьяне примут это с недоумением. Они много лет ждали, когда их земли будут выкуплены, а теперь мы им говорим: земля не ваша, а общенародная собственность, на которую имеет право всякий. Не согласен он и с тем, что землёй может пользоваться тот, кто её будет обрабатывать своим трудом. Этим обидят вдов и сирот. В заключение Филякин говорит, что проект должен быть согласен духу народа, его конечная цель — мощь государства. Мы здесь много говорим о том, как нужно разрушать, и слишком мало раздаётся в стенах думы речей о том, чтобы не разделять Россию».

Речь д. Филякина приветствуют жидкими аплодисментами с правой стороны.

Крестьянин-депутат Стофанюк (тр. гр., Подольская губ.) рассказывает, что получил от своих избирателей из Гайсинского уезда Подольской губ. 3 прошения от двух обществ. Крестьяне пишут, что помещик начал рубить в этом году дубняк на крестьянской земле и лишает их этим леса и дров. Крестьяне 40 лет платили за эту землю, а потому она принадлежит им. Он считает, что крестьяне и вообще имеют право на всю землю, потому что народ охранял её целыми веками, поставляя своих сыновей и братьев в войско. Что же касается казённых и удельных земель, то напрасно товарищ министра убеждал нас, что нам придётся трудно и тяжело платить по 3 р. 50 коп. за десятину. В Гайсинском уезде 500 дес. казённой земли, за которую крестьяне теперь платят по 25 р. десятину. Г. товарищ министра ошибается, и гг. министры забывают, что они наши служители, что они от нас получают свои жалованья и что если мы будем бедны, то и им будет хуже. Стефанюк предлагает скорее начать работу комиссии.

Деп. Щепкин (к.-д., Одесса) даёт краткую критику проекта трудовой группы, который, по его мнению, может быть осуществлён только революционным путём. Проект партии народной свободы старается избежать такого пути и потому в нём много компромиссов. Если не решить аграрного вопроса теперь, то через год его решат сами крестьяне, когда армия, составленная из молодых солдат, затронутых освободительным движением, откажется стрелять в народ. Проект 42-х он считает в общем таким же, как была реформа 61 года. Коснувшись далее предположений группы автономистов, пр. Щепкин останавливается и на министерских проектах и говорит, к чему они могут повести. Вся Россия сегодня читала, что крестьяне, разгромившие имение Стишинского, присяжными оправданы. Разгром явился результатом кулачества и кабалы, господствовавших в экономии министра. Это же является и программой его. Крестьян на этот путь толкает правительство.

Деп. Колпаков (к.-д., Пет. г.) сделал предложение в переходный период до полного осуществления аграрной реформы, на что потребуется года 2–3, немедленно выработать закон об урегулировании арендных цен на землю, чтобы крестьянство теперь же увидело осязательно, что дума о нём печётся.

Крестьянин-деп. Попов (внеп. социал., Бесс. г.) сообщает думе о полученных им прошениях от крестьян Бессарабской губ., Аккерманского уезда, с жалобами на притеснения помещика Пуришкевича, который принуждает их заключить арендный договор на 6 лет по 8 р. за десятину, а то грозится передать землю другим. Он приводит ещё и некоторые другие жалобы такого же характера.

Деп. Гутилин (тр. гр., Курск. губ.) сообщает о начавшихся в Грайворонском уезде аграрных беспорядках по поводу министерской декларации. Народ пожелал выразить свои чувства путём посылки своему депутату телеграммы. Но полиция не допустила и возвратила крестьянам телеграмму обратно, якобы за нерозыском адресата, а 21 мая на ярмарке начала распускать вздорные слухи, что дума будто призывает грабить лавки и бунтовать; при этом полиция ходила по лавкам и брала взятки, крестьяне бросились на полицию и отобрали у неё ружья. Прислали драгун. Но их скоро убрали. «На днях я прочитал в газетах, что туда прислано 100 казаков. Каждый поймёт, что это значит. И вот, как видите, само правительство толкает народ на революционный путь. Боюсь, что гроза уже началась и скоро она прокатится по всей России». В заключение он предлагает для успешного и скорого окончания работ комиссии избрать её в составе 33, а не 99 человек.

Живую, чисто по-крестьянски сказанную речь произнёс крестьянин-депутат *Рябов* (безп.), от Тамбовской губ. — «Я, — говорит он, — слышал здесь, что крестьяне, получив землю, будут жить хуже. Я считаю эти слова неправильными. Когда наша деревня купила землю у гр. Шувалова, то мы приобрели 100 плугов, в которых до того ничего не понимали. Помещичьи земли, когда перейдут в крестьянские руки, ещё улучшатся, а не ухудшатся. Вот управляющие имениями, они хотя и образованные люди, но учатся у нас, у крестьян на практике. А тут говорят, что крестьяне испортят землю, что не могут управляться с землёй. Да как с ней управляться, когда в деревне пески, а не земля! Дайте только крестьянину землю, и если он будет знать, что работает на себя, а не на каких-то господ, то и хозяйство пойдёт хорошо».

Крестьянин Врагов (тр. гр., Пенз. г.) в дополнение к наделению крестьян землёй считает необходимым и отмену косвенных налогов. «Если землевладельцы не согласятся уступить своих земель, то народ возьмёт их силой. Правительству, видно, ещё мало крови. Оно желает зажечь всю Россию, как зажёг Нерон великий Рим, чтобы любоваться пожаром».

Крестьянин Попов (Тамб. г.) предлагает внести в аграрный проект поправку об отчуждении казённых лесов и резко критикует крестьянский банк, как основу министерской программы.

Довольно длинную и содержательную речь произносит деп. *Витковский* (Сувалкская губ.), защищая автономное решение аграрного вопроса.

Лопас говорит в защиту мелкого хуторского хозяйства.

Крест. деп. Кондращук читает свою речь. Кроме земли он считает необходимым дать крестьянам как можно скорее и образование.

Крест. деп. Костров от ростовского уезда, Ярославской губ., рассказывает, как всегда мешает крестьянскому хозяйству начальство. Это положение он иллюстрирует примерами из огороднического хозяйства ростовского уезда.

Против сокращения прений протестует депутат *Лаврский* (тр. гр., Казань). Он опасается, что прекращение обсуждения аграрного вопроса может быть поставлено народом в связь с тем обстоятельством, что как раз теперь образуются поземельные комиссии. Кн. Долгоруков замечает на это, что о прекращении дебатов не было и речи. Возбуждался лишь вопрос о сокращении. Но Лаврский отвечает, что он имел в виду фактическое, а не формальное прекращение.

Затем выступает с довольно пространной, построенной на манер воскресной проповеди, речью свящ. *Воздвиженский* (Тамб. г.), в которой высказывает не лишённую справедливости мысль, что крестьян нужно наделить не только землёй, но и деньгами для обзаведения хозяйством. Относительно земель церковных свящ. Воздвиженский думает, что их следовало бы отдать крестьянам за плату, а деньги записать в банк на обеспечение духовенства, ибо… духовенство тоже очень нуждается.

Против кн. Волконского ещё раз ополчается деп. *Смыченко*.

Литовец *Гирнюс* (прим. к к.-д. Сувалкск. г.) оказывает, наконец, своей труднопонятной и неудобоваримой речью хоть ту услугу думе, что по истечении часа, в продолжение которого оратор самоотверженно говорил перед пустовавшими скамьями, не смущаясь ни криками «довольно», ни кашляньем и разговорами, уже не нашлось и 50 человек против ограничения продолжительности

речей десятью минутами и вновь внесённое предложение об этом принимается против 43–42 голосов.

После лаконического заявления деп. *Бочарова* (безп., Тамбовск. губ.) о том, что он подписал заявление трудовой группы по аграрному вопросу лишь по недоразумению и что он стоит за предоставление крестьянам земли на праве собственности, на трибуне появляется деп. *Наконечный*, крестьянин из Люблинской губ. Как от своего имени, так и от имени всего польского крестьянства он заявляет, что польские крестьяне никогда не согласятся на национализацию земли, так как самый захудалый из них скорее согласится получить десятину в собственность, чем хотя бы пять во временное пользование. Подобно гр. Тышкевичу, он непоколебимо уверен, что земельная реформа должна быть предоставлена законодательному собранию Царства Польского, подчёркивая лишь (чего не делал гр. Тышкевич), что собрание это должно быть созвано на основании всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов.

— Навязывать ныне Царству Польскому аграрные реформы из Петербурга, — заканчивает он свою речь, — это значило бы пытаться окончательно разгромить его. Насильственная ломка укрепившихся в народном сознании правовых взглядов в Польше породила бы ужасную внутреннюю смуту и толкнула бы несчастный, истекающий кровью край на новые испытания. Во имя чувства справедливости и свободы, знамя которых так высоко держит это собрание, я взываю к Государственной думе, чтобы такая несправедливость не постигла нас.

Тождественные заявления делает от имени литовских крестьян деп. *Готовецкий* (кр. трудовая парт. Виленск. губ.), дополняя их требованием коренных политических и общественных реформ, как необходимого дополнения реформы аграрной.

Этой «окраинной» точке зрения попытался было противопоставить принципиальные доводы в пользу национализации депутат *Галецкий* (тр. гр., Архангельск.), указав на то, что представители окраин, настаивая на неприкосновенности частной собственности, этим подрывают принципиальное основание реформы: нельзя говорить об экспроприации, если мы признаем принцип собственности священным, между тем именно это они и делают. Оратор не успевает в десятиминутный срок развить свою мысль до конца и после напоминания председателя, несмотря на крики: «Просим! Просим!» — оставляет трибуну.

21-е заседание

5-го июня

Деп. Окунев (Тамбовск. губ.) считает долгом протестовать против мнения кн. Волконского, поддержанного некоторыми другими депутатами, о том, что у крестьян теперь земли довольно и что одни со своей землей не умеют обращаться. До слез обидно, говорит оратор, выслушивать, как обвиняют в лени мужика, который тысячу лет кормил присосавшихся к нему паразитов… Между прочим, оратор указал на то, что крестьяне, вынужденные работать у помещиков, отдают лучшее время помещичьим землям и потому запаздывают с работами на своей земле.

Речь депутата *Шапошникова* (Курской губернии) представляет интерес в том отношении, что этот член трудовой группы остался при особом мнении во время обсуждения в группе проекта аграрной реформы.

«Я вполне разделяю, — сказал оратор, — главные положения проекта 104-х. Но я не могу согласиться с тем, чтобы аграрный вопрос решался на местах, до разрешения его Государственной думой. Я думаю, что по общему принципу земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Это нисколько не противоречит тому, что мелкое частное землевладение в пределах трудовой нормы должно быть сохранено и что надельные земли не поступят в государственный фонд. Мелкое землевладение останется, отчуждена будет только та часть земли, которая превышает трудовую норму.

Что касается вопроса о вознаграждении, то собственность постольку должна уважаться, поскольку она основана на труде. Насколько я знаком с настроением крестьян, крестьяне вполне готовы заплатить за переходящую к ним землю. Но они делают различие: они считают справедливым оплатить ту землю, которая обливалась потом владельца. Там же, где собственником является потомок какого-нибудь царедворца, крестьяне говорят: за что же мы будем платить? За то ли, что они без всяких заслуг и без труда роскошно питались с этой земли? От них не требуют, чтобы они возвратили все полученное и нажитое с земли, но зачем же еще раз их обогащать?

Оратор полагает, что Государственная дума, избрав аграрную комиссию, должна поручить ей же немедленно разработать два законопроекта: о приостановке деятельности крестьянского и дворянского банков, чтобы предотвратить расхищение земель, и о местных комитетах по урегулированию арендных цен».

В заключение оратор дал выражение тревожным чувствам, охватившим его под влиянием событий и слухов последних дней.

— Нас послали сюда для мирного разрешения аграрного вопроса, после аграрной войны, начатой и приостановленной нашим крестьянством. Я приехал и работал с надеждой на мирный исход. Но в последние дни — я говорю именно в последние дни, — мы все чувствуем, что приближается что-то недоброе. Я думаю, вы поддержите меня, если я скажу, что пока мы не выработаем земельного закона, мы на каникулы не разъедемся (рукоплескания). Но если те, кто объявил уже, что они считают отчуждение земли недопустимым, прибегнут к физической силе, если чисто физическими способами продолжение нашей работы здесь, в Петербурге, будет сделано невозможным и нам придётся разъехаться, то что же нам придётся сказать народу? Мы скажем: мы сделали всё, от нас зависевшее, и если нам не удалось добиться исполнения народных желаний, то вина ложится не на нас. Тогда народу придётся поднять снова аграрную войну, и если кровь прольётся, она падёт на головы тех, кто не захотел вовремя одуматься. Будем надеяться, что сам он в этой борьбе сохранится целым и найдёт в себе достаточно силы для создания нового царства, царства права, царства труда (*рукоплескания*).

Деп. Парчевский (Калишской губ.) опять повторяет про коренное различие в мировоззрении и условиях хозяйства в Царстве Польском сравнительно с центральной Россией. Оратор, впрочем, находит возможным, чтобы Государственная дума установила общий имперский закон о допустимости принудительного отчуждения для расширения площади крестьянского

землевладения; проведение же реформы в Царстве Польском должно быть предоставлено автономному представительству.

Деп. Понятовский (Волынская губ.) видит корень зла в общинном землевладении. Прежде всего нужно освободить крестьянина от общины, и только после этого возможно будет приняться за дело земельного устроения. Оратор относится отрицательно к проекту 42-х и к проекту 104-х и решительно высказывается в пользу принципа частной собственности.

Деп. Зеленин (Пермская губ.) говорит против компромиссов и полумер: не следует повторять ошибки 1861 г. Проект 104-х заслуживает предпочтения, так как ставит вопрос гораздо шире.

Деп. ксендз Трасун (Витебск. г.) находит, что в затягивании прений никоим образом нельзя обвинять противников записки 42-х. Сам оратор принадлежит к противникам и в очень резких выражениях критикует идею земельного фонда. Авторы проекта, по словам оратора, хотят отнять у народа собственность и, вместо того, дать ограниченное владение землёй. Они отнимают больше, чем дают. Кроме того, обещают ещё ввести поземельный налог… Что это, — восклицает оратор, — насмешка? Мало разве платит и теперь народ? Вместо того, чтобы перелагать бремя налогов на сытых, вы опять хотите обложить голодных!.. Не этого ждал от вас народ!

Зубков (к.-д., Нижегор. губ.) признаёт возможность принудительного отчуждения, но не огульного, а лишь в тех случаях, где это необходимо. Одного наделения землёй мало. Нужно ещё обеспечить приток денежных средств в руки земледельцев.

Кн. Баратаев (к.-д., Симбирск. г.) и деп. *Стефашин* (тр. гр., Орлов. г.) в кратких речах повторяют общие соображения о необходимости дополнительного наделения при помощи принудительного отчуждения.

Зубченко (тр. гр., Киевск. губ.). Г. главноуправляющий министерством заявил, что основные законы запрещают принудительное отчуждение… Я плохо знаю законы, но думаю, что законы, на которые ссылался министр, — старые законы и относятся к временам рабства. Я думаю, что понятие о собственности у министра — устарелое. Я хочу изложить, какое понятие о собственности имеется у крестьян. По нашему крестьянскому воззрению, каждый рождающийся на свет имеет право на существование. Но по самой природе человек может существовать только на поверхности земли, земля же, по крестьянским понятиям, это дар Божий, никак не может ни уменьшить, ни прибавить земной поверхности. И потому все люди имеют на землю равные права. А также, по нашим понятиям, во всякий свой труд человек вкладывает часть своей жизни. И потому весь результат труда человека, как и его жизнь, — составляет его собственность. Вот эта-то собственность и должна быть священна и неприкосновенна. Это — естественный закон, и он должен быть провозглашен основным государственным законом. А те права собственности, которые защищаются министрами, суть права варварские, устаревшие!

С такой же горячностью и резкостью возражает Зубченко и тем, кто выдвигал культурное значение помещичьего хозяйства. Эта культура, — говорит оратор, — которая у нас до сих пор была, — культура ложная. Она прямо вела к обеднению народа, к настоящему голоду. С одной стороны роскошь, с другой — голодание, голодание народа, трудом которого живет все государство! Что может быть ужаснее: народ, который создал и дворцы, и города, и железные дороги, — не имеет для своих детей школ! Разве это правильная культура? (*Рукоплескания*).

Бычков (тр. гр.) возражает против ограничения крестьянских наделов потребительной нормой и высказывается за проект 104-х.

Черников (к.-д., Рязанской губ.) протестует против высказанного кем-то мнения, что в Рязанской г. крестьяне не имеют земельной нужды.

Мильвид (Ков. г.) говорит от имени литовского населения и, подобно другим представителям Западного края, требует внимания к местным условиям и особенностям.

В этом же смысле говорит *Шемет* (укр. радик. демокр. парт. Полтавской губ.), представитель украинской группы, и ксендз *Сангайло* (Гродненск. г.), довольно резко полемизирующий против идеи земельного фонда и национализации земли.

Маслов, недавно прибывший представитель Терской области, говорит больше об общих условиях современного положения на Кавказе, чем собственно об аграрной реформе. Но он упоминает вкратце о земельной нужде чеченцев, о несправедливых привилегиях казаков, главных хозяев земли, и о тяжелом положении иногородних.

М. Стахович (Орловск.). Я считаю нужным, необходимым и неотложным расширение крестьянского землевладения. Но я думаю, что это наделение землей нужно произвести как можно скорее и щедрее вовсе не из страха перед теми событиями, которые здесь были охарактеризованы веселеньким словом «иллюминация», и вовсе не из-за угроз, к которым любят прибегать здесь с каким-то особенным удовольствием некоторые ораторы. Я принадлежу к староверам и продолжаю думать, что поджог, грабеж и насилие есть грех и безобразие. Я продолжаю думать, что нет такого правительства, как бы оно ни было организовано, каким бы оно ни было — выбранным или невыбранным, популярным или одиозным, которое могло бы уступить угрозам, и что если правительство так делает, то оно передаёт ту власть, которая ему вручена, которая ему завещана историей. Правительство не может, не должно уступать угрозам, так же, как мы, Государственная дума, не можем отказаться от своей обязанности по законности законодательствовать, какие бы угрозы ни раздавались по нашему адресу… Из всех доводов, мною здесь слышанных, особенно сильное впечатление на меня произвело сравнение, сделанное несколько дней тому назад, между настроением крестьян и состоянием духа библейского Самсона — это сравнение было замечательно как по своей содержательности, так и по той искренности чувства, с которым оно было сказано. Оно сильно смутило меня и заставило задуматься. Я перечитал XVII и XVIII книгу Судей. И вот тогда я увидел, что Самсон погиб не потому, что он должен был уничтожить филистимлян, а потому, что он послушался гласа блудницы безбожной, потому что он преступил закон. Он, действительно, был сильнее всех, но было нечто, ещё более сильное, чем он, — это закон, который был им нарушен и который его покарал за это нарушение. И тот же закон остаётся в силе и теперь. Если в России прольётся кровь, она ляжет не на совесть тех, кому ею грозят, а на совесть тех, кто к ней призывает! (*Рукоплескания справа*).

Я не знаю, имеет ли здесь кто-нибудь право говорить от имени всей России. Но если бы действительно здесь был человек, который имел бы полномочие говорить от имени народа и который сказал бы: перестройте сейчас же, немедленно всё государство, а если не перестроите, то я разнесу всё в щепки и не оставлю камня на камне! — если бы такое требование было предъявлено вам, народным представителям, то, от кого бы оно ни исходило, какою бы силой оно ни поддерживалось, вы можете сказать и скажете: молчи! молчи, потому что это клич безумный и

преступный! Никогда, ни в каком состоянии, ни в хмелю, ни в ярости нельзя замахиваться топором на родину! (*Рукоплескания справа*).

Но кроме того, я уверен, что народ этого никогда не скажет! Народ понимает, что нельзя сразу перестроить всего государственного строя. Он ждёт, чтобы пришли на помощь в его действительной неотложной нужде. Площадь крестьянского землевладения должна быть расширена немедленно. В 37 губерниях есть отдельные места, где на душу приходится не более 240 саженей *(512 м)* в одном поле… Крестьянам нужно прибавить земли, чтобы дать им возможность приступить к самодеятельности, к повышению культуры. Они не виноваты, что они не образованны и темны, ибо их насильственно держали в темноте… Нужно дать им землю в собственность — личную, или в собственность отдельных обществ, но во всяком случае не в пользование. Ибо в мире мы не знаем другого более сильного двигателя, чем собственность. Наделение землёй есть дело неотложное, его нельзя усложнять борьбою с частной собственностью. Все эти требования о земельном фонде, о сдаче земли только в пользование — всё это может быть необходимо для опыта, для доктрины, но для России этого не нужно.

В конце своей речи М. Стахович всё-таки обращается с некоторым предостережением и к правительству. Он сравнивает Россию с огромной баржей, севшей на мель.

— Я человек мирный, но я не слепой, и я не могу не пугаться перед мыслью о той ужасной мели, на которой застрял наш государственный корабль. Россия мне представляется в виде огромной баржи, застрявшей в песке, — и вот уже 2 года, как буксирующий её пароход не может её сдвинуть. Между тем, волнение увеличивается, волны поднимаются всё выше и хлещут через борт. И вот, наконец, говорят народу, сидящему в барже: выходите, облегчите баржу и помогите её сдвинуть. И народ говорит: хорошо, но дайте же нам место, чтобы мы могли двигаться, и дайте верёвку, за которую мы могли бы взяться нашими жилистыми руками. И, очевидно, что в этом народу отказать нельзя. Если же после того мы видим, что буксирный пароход заходит к корме и начинает двигать баржу назад, в то время как народ двигает её вперёд, то мы, конечно, должны сказать: этого не должно, этого не может быть! Но мы имеем право сказать это только под одним условием — если мы действительно стремимся к сохранению цельности этой несчастной баржи, которую тащат в разные стороны, если мы действительно хотим спасения государства. Тогда мы можем со спокойной совестью говорить народу: подождите! и министрам: сменитесь! и друг другу: не разойдёмся, пока не поможем государству, которое находится в нужде и опасности! (*Рукоплескания*).

Председатель заявляет, что список ораторов закончен. Но деп. Волконский (Рязанск. губ.) просит слова для объяснения личного характера. Он говорит, что ему неправильно приписали мысли, которых у него не было. Он никогда не утверждал, что крестьянин не умеет или не хочет хорошо обрабатывать свою землю, он только говорил, что при тех условиях, в которые сейчас поставлены крестьяне, они не могут рационально использовать свой труд.

По вопросу о способе избрания комиссии дума постановляет принять способ, предложенный проф. Петражицким с поправкой Бородина, с тем, чтобы в комиссию вошло 4 представителя Кавказа, 4 представителя Сибири и 3 представителя Средней Азии.

В заседании 6-го июня оглашаются результаты выборов в аграрную комиссию.

Избранными оказываются:

1. получившие по 6 голосов: Джантюрин, Крейцберг, Витковский, Куканов и Геллат.

2. получившие по 5 голосов: Грамматчиков, Зеленин, Львов Николай Николаевич, Мантевиз, Графский, Парчевский, Стецкий, Логинов, Ефремов, Скирмунт, Игнатьев, Герценштейн, Петрункевич, Иван Ильич, Вязков, Сыртланов, гр. Гейден, Журавский, Понятовский, Горват, кн. Волконский, Оранский, Бобровник, Наконечный, Аладьян, Лосев, Баадак, Тумбусов, Штефанюк, Шенякин, Готовчиц, Медведев, Алексей Семенович, Заболотный, Шапошников, Онацкий, Буслов, Зубченко, Лаврский, Брагин, Ковалевский, Николай Николаевич, Муханов, Зубков, кн. Урусов.

3. получившие по 4 голоса: Петросниц, Якушкин, Ворсобин, Мухлыгин, Флиорковский, Пушкарский, Попов, П. А. Чижевский, Петражицкий, Татаринов, Имшенецкий, Пельгорп, Куриленко, Стахович, Семенов Н. И., Лопас, Протопопов, Котляревский, Ульянов, Васильев, В. В., Эльдерханов, кн. Львов, Субботин, Седельников, Савельев, А. А. Бородин, Меркулов, Жуковский, Ахтиашов и Теннисон.

4. получившие по 3 голоса: Скворцов, Оболенский, Сафонов, Пефтель, Харламов, Аникин, Лысенко, Тохтуев, Свечин, фон-Рутцен, Волков, Обвинский, Ростовцев и кн. Долгоруков.

Заседание 9-го июня

От имени 33 членов трудовой группы поступает заявление для передачи в аграрную комиссию в качестве материала.

Петрункевич (Тверск. г.) заявляет, что считает передачу этой записки без обсуждения в комиссию невозможной, так как она по своему содержанию далеко выходит за пределы компетенции комиссии. По его мнению, передав записку в комиссию, дума признала бы допустимость той точки зрения, на которой стоят авторы.

Деп. Аладьин (Симбирск. губ.) возражает на это, что считать записку выходящей за пределы компетенции аграрной комиссии ни в каком случае нельзя. Она касается переустройства социальных отношений, а при обсуждении аграрного вопроса не затрагивать их невозможно. В двух предшествующих записках, призывающих принцип принудительного отчуждения, тоже затрагивается социальный вопрос. Только что внесённая записка отличается от них лишь тем, что в ней затронуты две-три стороны, которых те записки не коснулись.

Депутаты *Добротворский* (Пермск. г.) и *Навосильцев* (Калужск. г.) высказываются против препровождения записки в комиссию на том основании, что авторы в ней заявляют, что земельный вопрос может быть разрешён только представительством, избранным на основании четырёхчленной формулы.

Записка гласит:

В государственную думу представлены в виде материала для выработки нового земельного закона два проекта основных положений такого закона. Мы, нижеподписавшиеся члены государственной думы, предлагаем в дополнение к этим материалам нижеследующий проект

основного закона. При этом мы руководимся следующими соображениями: 1) Закон о земле может быть издан только полноправной народной думой, избранной всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием при свободе выборов и после обсуждения земельной реформы на местах при таких же условиях. 2) Для ускорения и облегчения решения вопроса представленные в государственной думе партии должны немедленно же представить на суд страны все принимаемые ими способы его решения. 3) Присоединяясь к основным положениям, представленным в государственную думу 103 депутатами, и рассматривая § 1 этих положений как цель желательного земельного закона, а следующие параграфы как переходные меры к её осуществлению, мы, нижеподписавшиеся, считаем полезным немедленно же развить кратко изображённые в § 1 начала в виде более подробного и определённого «Проекта основного земельного закона».

Отдел 1. Основы закона о земле. § 1. Всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне совершенно уничтожается. § 2. Вся земля с её недрами и водами объявляется общей собственностью всего населения Российского государства. § 3. Все российские граждане и гражданки имеют равное право на пользование: а) землёй для занятия сельским хозяйством; б) участками для постройки жилых домов, хозяйственных построек, а также фабрик, заводов, мастерских и т. д.; в) всем материалом, необходимым для постройки и отопления.

Примечание. Все граждане и гражданки имеют одинаковое и равное право принимать участие в решении, как добывать и распределять между гражданами и все другие богатства земли.

§ 4. а) Народная власть, избранная всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием без различия пола, веры и народности, устанавливает подробный закон о пользовании землею и всеми её благами; б) народная власть наблюдает за тем, чтобы установленные ею земельные порядки не нарушались. За этим же наблюдают местные самоуправления, выбранные всем населением области, округа и уезда, без различия пола, веры и народности, посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; в) они же охраняют богатства земли от напрасной траты и заботятся о приумножении богатств земли. § 5) Народное правление и местные земства распоряжаются по следующим основным правилам: а) никакая власть не имеет права мешать отдельным гражданам, общинам и товариществам устранить для себя такие беспорядки пользования землею, которые они считают лучшими, если только эти порядки не нарушают общего закона и не вредят другим; б) для избежания бесполезной чиновничьей волокиты, все дела, важные только для одного уезда, округа или области, решаются на местах; в) только те дела, которые важны для всего государства, а также и те, которые не могут быть справедливо решены на местах, решаются народным правлением.

Отдел II. Земельные права российских граждан. Часть 1. Пользование землёй для сельскохозяйственных промыслов. § 1. Все граждане и гражданки могут, по желанию, получать в пользование землю или на срок, или бессрочно.

Примечание. В последнем случае наделы могут передаваться по наследству до тех пор, пока земство или народное правление не найдут нужным ограничить таковое для пользы всего народа или на пользу более нуждающихся.

§ 2. Каждый имеет право получить в пользование столько земли, чтобы за уплатой поземельного налога осталось достаточно для здоровой жизни его и его семьи. (Потребительная норма надела).

Примечание. Если кто-либо из граждан имеет постоянный заработок на стороне, то ему прирезается земли приблизительно столько, чтобы дохода от неё вместе с заработком на стороне хватило для уплаты земельного налога и здоровой жизни его семьи. Если кто-нибудь теряет подсобный заработок или захочет кормиться с одной земли, то ему прирезается земля до полного потребительного надела.

§ 3. Никто не имеет права иметь в пользовании земли больше, чем он может обработать вместе со своей семьёй без наёмных рабочих. (Трудовая норма надела).

Примечание. Те семьи, которые временно по какому-нибудь случаю не смогут вести самостоятельно хозяйство (напр., если работник уйдёт в солдаты, заболеет, умрёт или мир назначит его на какую-нибудь мирскую службу или т. п.), сохраняют за собой право на надел.

§ 4. Землю нарезать всякому, кто пожелает, по возможности сообразно с тем, сколько земли и какая земля требуется для его промысла: земледелия, садоводства, скотоводства и т. п.

§ 5. Пользование землёй устраивается на следующих основаниях: а) земельные общества, которые владели землёй совместно и пожелают оставить землю в общем пользовании, получают общий надел и сами переделяют землю, как решат, между отдельными хозяевами.

Для обоснования записки слово предоставляется деп. *Бондареву* (труд. гр., Сар. г.), который отстаивает в своей речи ту мысль, что между требованием, чтобы аграрный вопрос был решён представительством, основанным на четырёхчленной формуле, и внесением записки трудовой группы в нынешнюю думу нет никакого противоречия. Потому-то и предлагается, чтобы местные комитеты, на рассмотрение которых будет передан весь вопрос, избирались на основании всеобщего избирательного права по четырёхчленной формуле.

Граф Гейден, как и следовало ожидать, на этот раз присоединяется к мнению Петрункевича.

Деп. Муханов (к.-д., Черниг. губ.) повторяет, что записка, в которой предполагается основная социальная реформа, ни в каком случае к кругу ведения аграрной комиссии относиться не может.

Деп. Френкель (к.-д., Кострома) придерживается точно такого же мнения.

Деп. Аладьин ещё раз настаивает на том, что нельзя игнорировать взгляды его группы.

Но кн. *Долгоруков* выставляет против него то возражение, что авторы записки могли бы препроводить её в комиссию и помимо думы, по почте или же через тех депутатов, которые принимают материал для комиссии.

Деп. *Кокошкин* высказывает сомнение в том, чтобы авторам записки удалось провести её избранным ими путём.

Вопрос ставится на баллотировку, и дума 140 голосами против 88 отвергает передачу записки в комиссию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Законопроект о неприкосновенности личности.

8 мая от имени 31 члена партии «народной свободы» был внесён законопроект об обеспечении действительной неприкосновенности личности, гласивший:

«Со дня обнародования выработанного на основании сих положений закона о неприкосновенности личности отменяются:

1. Прим. 1 и 2–8 уст. пред. и прес. прест. свод. зак. т. XIV по изд. 1890 г. и прод. 1902 г.), прим. 2 и прим. I и II к ст. 1 того же устава, ст. 159 и доп. (по прод. 1902 г.), 205 с прил. (по прод. 1902 г.), 277 прим. 2 и прил. (по прод. 1902 г.).

2. Ст. 79 и 104 общ. пол. крест., ст. 57–58 пол. земск. нач., ст. 444–445 врем. пол. крест. нач. (свод. зак. т. IX особ. прил. по изд. 1902 г.), а равно и всякого рода иные узаконения, предоставляющие должностным лицам и обществам наложение внесудебным порядком на сельских обывателей, казаков и инородцев административных взысканий и право административной их высылки.

3. Прим. 3 к ст. 2 и ст. 219 учр. упр. губ. Царства Польского (свод. зак. т. II по изд. 1892 г.).

4. а) Прим. к ст. 1 уст. уг. суд.

б) раздел II кн. III уст. уг. суд. по прест. государственным, Высочайше утверждённые 7 июня 1904 г. и 12 июля 1905 г. мнения государственного совета об изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных, ст. 2011, 204 и 2051, 1030–65 и 1112 того же уст. и Высочайше утверждённое 23 апреля 1906 г. мнение государственного совета, раздел III кн. III уст. уг. суд. о судопроизводстве по преступлениям должности, кроме ст. 1074 (с заменой слов «в с.-петербургской судебной палате» словами «в судебных местах с.-петербургского судебного округа»). ст. 1074, 1080, 1082–1084, 1089, 1100, 1102, 1103 (с исключением слов «с соблюдением особых правил, в нижеследующих статьях постановленных»), 1110, 1116, 1117–1123

в) гл. I и II разр. II кн. III уст. гражд. суд., кроме ст. 1316 (с исключением слов «с изъятиями, установленными в нижеследующих статьях») и 1330 (с заменой слов «в статьях 1316, 1318–1330 с соблюдением притом нижеследующих особенностей (ст. 1330^{2}–1330^{7})» словами «в ст. 1316»).

г) ст. 340 п. 1 улож. о нак. и ст. 637 уг. улож.

5. Ст. 219 уст. уг. суд. излагается в следующей редакции: «воинские чины сухопутного и морского ведомств, а также пограничной стражи, за преступления и проступки, совершенные ими во время состояния их на действительной службе, подлежат уголовному суду гражданского ведомства, если преступные деяния их не составляют прямого нарушения обязанностей военной службы». Вместе с тем исключаются ст. 223 и прим. к ней и ст. 225 уст. уг. суд., а также все остальные постановления, несогласные со ст. 219 уст. уг. суд. в новой её редакции.

Проект правил в ограждение неприкосновенности личности, жилища и частной корреспонденции.

§ 1. Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступления и проступки, предусмотренные действующими во время совершения сих деяний уголовными законами.

§ 2. Никакие изъятия из правил о порядке производства дел, подведомственных судебной власти по общим правилам уставов угол. и гражд. судопр., не могут быть допускаемы.

§ 3. На органы судебной власти возлагается под страхом ответственности за преступное бездействие власти, непременная обязанность охраны неприкосновенности личности, жилища и частной корреспонденции от нарушений, совершаемых частными и должностными лицами, на точном основании нижеизложенных постановлений и во всех случаях, когда такая защита является необходимой.

§ 4. Никто не может быть взят под стражу или подвергнут особому полицейскому надзору иначе, как в случаях, правилами устава угол. суд. предусмотренных, и в силу законного приказа компетентной судебной власти, отданного в порядке судебного преследования и содержащего как изложение обстоятельств дела, так и ссылку на соответствующие правила сего устава.

§ 5. Личное задержание в качестве законной меры для предупреждения преступления, предания суду совершивших сие преступление, а также в интересах ограждения общественного порядка и спокойствия, допускается лишь с соблюдением установленных настоящим законом условий.

§ 6. Органы власти полицейской имеют право и обязанность задерживать:

а) лиц, нуждающихся в особом попечении или защите;

б) лиц, пребывание которых на свободе грозит безопасности и порядку в общественном месте, и

в) тех, удостоверение в личности которых необходимо по требованиям закона и без задержания произведено быть не может.

§ 7. Из задержанных на основании предыдущей статьи лиц должны быть:

а) больные и беспомощные, если они не могут быть немедленно доставлены по месту их жительства, препровождены в соответствующие лечебные или благотворительные учреждения, и

б) бесчувственно-пьяные немедленно по вытрезвлении отпущены на свободу с возбуждением в соответствующих случаях против них судебного преследования.

Все остальные задержанные лица, по выяснении без всякого замедления обстоятельств, подавших повод к задержанию, и фактов, необходимых для соответствующего дальнейшего направления дела, должны быть или немедленно освобождены, или же препровождены к ближайшему судебному следователю, участковому мировому судье либо уездному члену окружного суда в течение 24 часов, если задержание состоялось в месте постоянного пребывания сих органов судебной власти, и в срок, необходимый по местным условиям сообщения для немедленного доставления их к упомянутым органам власти, если таковые не имеют местопребывания в местности, где задержание произведено.

Все задержанные полицейскими властями лица имеют право требовать составления протокола или выдачи удостоверения в состоявшемся задержании с указанием причин его.

§ 8. По доставлении задержанного лица к одному из указанных в § 7 органов судебной власти, последний обязуется без замедления сие лицо допросить и в тот же день издать приказ о взятии его под стражу, если того требует дальнейшее направление, или в противном случае освободить.

§ 9. Упомянутые выше органы судебной власти, в случае дошедших до них сведений о задержании какого-либо лица без соблюдения установленных сими правилами условий, обязуются, под страхом ответственности за преступное бездействие власти, произвести немедленно расследование о таковом задержании, освободить незаконно задержанного и направить дело о судебном преследовании виновных в незаконном задержании соответственно правилам о подсудности. Право на принесение в общем порядке жалоб на действия означенных органов судебной власти, нарушающие изложенные в сей статье постановления, принадлежит как самому задержанному, так и всякому лицу, принимавшему участие в судьбе задержанного.

§ 10. Каждый судья обязуется, согласно ст. 10 уст. уг. суд., иметь постоянное и неуклонное попечение о том, чтобы никто не содержался в заключении без законного о том постановления компетентных органов судебной власти или в месте заключения, не предназначенном заключенному состоявшимся постановлением судебной власти о взятии его под стражу.

Неправильно лишённые свободы лица, по требованию обнаружившего их пребывание в месте заключения органа судебной власти, должны быть немедленно освобождены, а по отношению к содержащимся не в надлежащем месте заключения приняты меры к содержанию их в установленном порядке.

Мировые съезды и окружные суды по принадлежности определяют порядок и очередь в распределении обязанности участковых и почётных мировых судей и уездных членов окружных судов посещения мест заключения.

§ 11. Никто не может быть принуждаем к пребыванию в каком-либо пункте страны или местности или высылаем из какого-либо пункта страны или местности иначе, как по вошедшему в законную силу судебному приговору.

§ 12. Жилище каждого неприкосновенно. Никакие обыски и выемки в домах и частных квартирах не допускаются, за исключением случаев, указанных в ст. 357–367 уст. угол. суд., и с соблюдением условий, в сих статьях изложенных. Без согласия хозяина жилища вход в него, как для посторонних частных лиц, так и для органов власти, допускается лишь по призыву изнутри жилища, или для оказания помощи находящимся в нем людям при несчастных случаях.

§ 13. Почтовая и телеграфная корреспонденция составляет безусловную тайну для всех и каждого, кроме лиц, в ней участвующих, и не подлежит никакому просмотру со стороны какого-либо органа публичной власти.

Осмотр и выемка почтовой и телеграфной корреспонденции, в интересах уголовного правосудия, производится на основании правил, изложенных в ст. 368^{1} уст. угол. суд.

§ 14. Должностные лица, виновные в деяниях, нарушающих постановления сих правил, если против них возбуждено судебное преследование по постановлениям и сообщениям упомянутых в § 7 сих правил или иных органов судебной власти, а также по жалобам потерпевших, подлежат

ответственности по ст. 341, 342, 345, 348, 349, 1540–1544 улож. о нак. (ст. 498–500, 636, 649, 650 угол. улож.).

Ст. 340 улож. о нак. (637 угол. улож.) к делам о нарушении неприкосновенности личности применения не имеет.

§ 15. Потерпевшие от неправильных действий органов административной власти имеют право вместе с уголовным преследованием, или независимо от него, на возмещение, согласно ст. 677 т. X. ч. I. зак. гражд., понесенных убытков.

§ 16. Наравне с упомянутыми в ст. 14 должностными лицами и согласно приведенным в ст. 14 и 15 сего закона правилам, подлежат также ответственности начальники мест заключения, принявшие лиц, арестованных каким-либо органом власти без судебного приговора и не освободившие их по истечении 24 часов, если не последовало приказа судьи на дальнейшее их задержание.

7-е заседание,

12-го мая.

Предложение это было рассмотрено думой 12 мая. Обоснование его взял на себя проф. *Новгородцев* (к.-д., Екатеринослав. г.).

«Я позволю себе, — говорил он, — придать соображениям по вопросу о передаче законопроекта в комиссию общий характер, так, чтобы они относились не только к настоящему законопроекту, но и ко всем законопроектам, которые мы имеем в виду внести в государственную думу в ближайшие дни. Эти законопроекты все имеют ту общую особенность, что они стремятся преобразовать старую Россию, они стремятся преобразовать „нравственный облик земли русской“, как говорилось в приветственной речи Государя. Перед нами вопросы величайшей сложности, и я полагаю, было бы целесообразно, если бы работа наша была подготовляема в особых комиссиях, которые мы выберем для этой цели, которые взвесят все последствия предлагаемых нами проектов и оценят все изменения, которые они вносят.

Тот законопроект, который мы теперь вносим, затрагивает один из самых неотложных вопросов, и я думаю, что теперь же, прежде чем передать его в комиссию, уместно будет здесь перед вами охарактеризовать общие черты нашего законопроекта и, если это будет возможно, выслушать сегодня же некоторые, хотя бы общие, замечания по поводу его.

В этом законопроекте мы требуем священного и естественного права личности, которая должна быть неприкосновенна в своих проявлениях и действиях, поскольку они не противоречат закону. Мы требуем ограждения личности от административного произвола».

Мы здесь для того, чтобы приступить к борьбе с произволом и бесправием, и наш долг состоит в том, чтобы немедленно приступить к этой работе; это — задача неотложная. Необеспеченность личности и безответственность власти — вот то, что мы имеем в настоящее время перед собою. Мы должны перевернуть это отношение, мы должны создать новые условия, условия, обеспечивающие личность и делающие власть ответственной за её злоупотребления и произвол.

Наш законопроект, исходя из этих основных начал, разделяется на две части: первая содержит законоположения, ныне существующие и подлежащие, по нашему мнению, отмене, вторая часть содержит наши положительные стремления, то, что должно быть введено в новое законодательство. Если вы просмотрите те статьи, которые предположены к отмене по нашему законопроекту, вы увидите, что все это те статьи, которые были созданы в эпоху борьбы с освободительным движением, все это те статьи, которые ставят личность в необеспеченное положение по отношению к власти.

Что касается второй части нашего проекта, то основным и центральным пунктом его является 7-й. Это тот параграф, который предусматривает случаи произвольного и незаконного задержания граждан. Нам не нужно говорить о том, как много в этом отношении повинна наша власть и как много страдали русские граждане. Мы требуем, согласно примеру других конституционных держав, согласно стародавней практике Англии, установления обязательного представления граждан суду в 24-часовой срок. Таким образом, действия полицейской и административной властей ставятся под контроль суда. Этот контроль, по нашему законопроекту, простирается и на неприкосновенность жилищ, переписки, неприкосновенность всех тех действий и проявлений личности, которые не противоречат закону и которые, действительно, должны быть неприкосновенным проявлением личной свободы.

Одно провозглашение этого общего принципа, однако, недостаточно; мало ещё указать в законе, как должны действовать власти, каков должен быть контроль суда над ними; необходимо создать реальные гарантии для этих постановлений в виде ответственности должностных лиц. Вы найдёте в соответствующих §§ 14, 15 и 16 нашего законопроекта установление этой ответственности, причём мы имеем в виду двоякую ответственность, как уголовную, так и гражданскую.

Могут указать, что в нашем законопроекте есть некоторые пробелы: например, при перечислении подлежащих отмене статей. Могут сказать, что не указаны некоторые случаи отступления от духа судебных установлений 1864 года, введённые в позднейших новеллах. Могут сказать далее, что у нас не предусматриваются случаи, аналогичные тем, которые в Англии называются приостановкой Habeas corpus акта или на континенте — осадным положением. В этих случаях конституционное право также предусматривает гарантию личности и ответственность должностных лиц. Тот и другой пробелы объясняются тем простым обстоятельством, что для обоих этих случаев мы готовим два дополнительных законопроекта, которые будут внесены нами позднее.

Теперь я скажу, что против всего законопроекта может быть сделано общее возражение, что он затрагивает слишком большое количество различных законодательных областей, что он вторгается во многие из существующих сфер сложившегося порядка. Этого возражения мы не примем; мы находим, что это так должно быть; мы должны войти в самые недра, в самую глубину существующего законодательства для того, чтобы исторгнуть всё то, что противоречит нашим законодательным предположениям. Но если кто станет указывать, что в нашем проекте есть известные неточности выражений или определений, что некоторые статьи можно формулировать таким образом, чтобы они служили к лучшему обеспечению личности, большему созданию условий для ответственности власти, то все такие замечания и поправки мы будем приветствовать сочувственно и примем с благодарностью. (*Аплодисменты*).

Горячо говорил депутат Новодворский, представитель поляков. Он с большой силой подчёркивал необходимость отмены военного положения, а затем указывал на пропуски в той части законопроекта, которая заключает в себе законоположения, подлежащие отмене. Таких чрезвычайно много в области законодательства, специально относящегося к Царству Польскому. Есть, напр., такие общие законы, которые в Царстве Польском имеют особенное значение в смысле произвола. Напр., закон, воспрещающий открытие тайных школ. В Царстве Польском он толкуется властями в таком широком смысле, что тайным является обучение даже двух мальчиков, если они не из одной и той же семьи. Каждый околоточный может прийти в любую квартиру и спросить, не обучаются ли тайно кем-либо здесь дети. Закон 11 апреля 1900 г. предоставляет варшавскому ген.-губернатору полнейшую власть на предмет предупреждения нарушения гос. порядка. Мало того, свою власть генерал-губернатор может передавать любому губернатору. Это были временные правила. Но такие временные правила живут у нас по 30 лет. Оратор приводит целый ряд других законоположений исключительного характера и просит их включать в первую часть законопроекта, как подлежащие отмене, а также иметь в виду при выборе комиссии представителей от окраин.

Говорят по преимуществу юристы. Некоторые указывают на необходимость отмены всякого рода наслоений над судебными уставами, особенно появившимися при Муравьёве, который сделал суд из независимого учреждения органом правительства. «Надо уничтожить все те плевелы, которые насадили в нём гг. Муравьёвы и ещё худшие, чем он», — говорит Араканцев.

Дума горячо аплодирует.

В разгаре этих замечаний и соображений по поводу законопроекта гр. *Гейден* настойчиво заявил о необходимости отложить поставленный председателем вопрос о сдаче законопроекта в комиссию и о самом обсуждении его. Законопроект только сегодня роздан, в нём масса ссылок на статьи закона.

Как представитель меньшинства, он просит «сидящих налево» отнестись «милостиво» к этому меньшинству и дать время ознакомиться с проектом. Может быть, в числе статей закона, подлежащих отмене, есть такие, которых и не следует отменять. Надо в этом разобраться.

Напрасно председатель разъясняет, что сейчас обсуждается не самый законопроект, а вопрос о направлении его в комиссию, гр. Гейден всё-таки добился «милости» от левого большинства. Но вместе с тем решено обсуждение самого законопроекта продолжать, хотя и без каких бы то ни было решений.

В дальнейших прениях указывалось на разные другие упущения законопроекта. В частности, много времени занял вопрос о приведении к ссылкам на статьи закона самого текста статей законов, подлежащих отмене. Особенно горячо говорил в защиту этого предложения депутат Жуковский. Он указывал, что без текста статей особенно трудно разобраться в законопроекте крестьянам. В законопроекте целый ряд статей, а в чём они заключаются, мы не знаем. А может быть, предлагается отменить такие статьи, «которые не дозволяют бомбы делать»?

Кузьмин-Караваев тоже присоединяется к этой мысли: или нужно приводить текст статей закона, или излагать положения в общей форме. Не только не юристы, но и юристы не в состоянии разобраться без этого во всех деталях законопроекта. Кроме того, он указывает на то, что в ссылках на статьи есть неточности. По существу же он, как социалист-криминалист, отмечает, что

законопроект охватывает чересчур много. Например, в п. 5 законопроекта ст. 219 излагается в таком виде, что уничтожает ¾ военно-судебной организации, и, хотя он далеко не сторонник её сохранения в нынешнем виде, но разрешение этого вопроса путём изменения редакции статьи 219 уг. суд. совершенно невозможно. Приходится изменять весь военно-судебный устав, и нужно немедленно заменять его другим. Таким образом, захватывается целый круг сложных вопросов, которые в одном законопроекте охвачены быть не могут. Комиссии придётся в силу необходимости сузить рамки работы.

На все эти и многие другие речи, в которых делались замечания по законопроекту, отвечали проф. Петражицкий, Набоков, Винавер и др.

М. М. Винавер (к.-д., Петербург), между прочим, остановился на вопросе о включении в законопроект текста статей. Он считает, что, если это сделать обязательным для всех законопроектов, то этим будет чрезвычайно затруднено право законодательной инициативы думы. 27-го апреля государственная дума созвана в предположении, что она будет рассматривать законопроекты. Министры должны были предлагать их, а мы должны были судить о них. Но эти скамьи (Винавер делает жест в сторону министерской ложи) молчат, и мы должны сами своими силами составлять их и предлагать их думе. Вот почему осложнять нашу работу не следует.

Раздаются продолжительные аплодисменты.

9-е заседание

15-го мая

Окунев (Тамбовск. г.) упоминает про особого рода неприкосновенность личности известного разряда российских граждан: неприкосновенность высшей администрации, не караемой ни за какие преступления, если не считать за кару мундиры, пенсии и многотысячные — до ½ миллиона рублей — награды, получаемые при отставке. Обеспечение действительной неприкосновенности личности особенно необходимо исстрадавшейся, измученной деревне. Оратор описывает картину усмирения аграрных беспорядков в Тамбовской губернии: 9 дней истязаний, пыток и издевательств над несчастной деревней из 60 дворов, и в заключение — тюремное заточение для большинства обитателей деревни.

Гр. Гейден в общем относится с сочувствием к законопроекту, но предлагает некоторые поправки, напр., в § 15 более целесообразно, по мнению псковского депутата, предоставить потерпевшему право искать с администратора определённую штрафную сумму, а не убытки, точное определение которых часто бывает очень затруднительным.

Сделав, по своему обыкновению, обстоятельную историческую справку об установлении неприкосновенности личности в Англии и во Франции, *М. М. Ковалевский* замечает, что комиссии предстоит очень трудная задача согласования двух требований: действительного обеспечения неприкосновенности личности, жилища, переписки и охраны государственных интересов. В частности, в интересах государственной безопасности, оратор рекомендует предусмотреть в законодательном порядке кроме т. н. «осадного положения» еще и другое чрезвычайное средство: временную приостановку действия законов о неприкосновенности личности. Это второе средство имеет некоторые существенные преимущества перед введением осадного положения, усиленных охран и т. п.

Появление министра юстиции на ораторской трибуне возбудило всеобщее внимание. В зале водворилась абсолютная тишина, продолжавшаяся во все время речи. Г. Щегловитов говорил ровно и гладко, не громко, но внятно. Он начал с того, что законопроект о неприкосновенности личности есть только одно звено в ряду законопроектов о гражданских свободах. Министр знает, что в думу будут внесены еще ряд других законопроектов. Далее министр указывает, что, кроме законов, ограждающих свободу, необходимо еще обеспечение удовлетворительного исполнения этих законов. Исполнение законов не менее важно, чем самое содержание законов. Вот это-то условие — проведение законов в жизнь — и было главной темой речи министра. Оратор приглашает думу обратить «серьёзнейшее внимание»: 1) на правильную организацию местных судебных органов, ныне представляющих в России чрезвычайно «нестройную» картину (на более решительную характеристику оратор не решился); 2) на правильную постановку ответственности административных и судебных органов. Министр сообщил, что относительно реформы местных судебных органов у правительства есть уже готовый законопроект, и в заключение опять повторил свое приглашение обратить внимание на указанные 2 вопроса — «отнюдь не задерживая», любезно прибавил министр, «ни рассматриваемого законопроекта о неприкосновенности личности, ни других законопроектов, направленных к охране гражданской свободы».

Если министр имел в виду показать предупредительность и сочувствие к законодательным намерениям думы, то вряд ли он достиг какого-нибудь успеха. Аплодисментов, конечно, не было. Но и вообще никакого, сколько-нибудь выразительного отклика выступление министра не вызвало. Во время его речи г. *Родичев* подал председателю записку о желании говорить. Но когда до него дошла очередь в порядке записи ораторов, дума услышала только холодное и очень короткое замечание, не выражавшее ни гнева, ни сочувствия, ни удивления, а только полное равнодушие.

— Авторы законопроекта отлично понимают связь вносимых ими предположений как с другими законами о свободах, так и с реформой местной юстиции. Законопроект о реформе местной юстиции в связи с уничтожением института земских начальников вскоре будет внесен с нашей стороны на рассмотрение государственной думы. Что же касается ответственности административных и судебных органов, то вопрос этот будет разрешен, если дума примет соответствующие параграфы обсуждаемого законопроекта.

Более злую реплику счел нужным дать депутат *Галецкий* (тр. гр. Арх. г.).

— Мне показалось излишней любезностью, когда один из говоривших здесь напомнил нам о реформах, стоящих в связи с рассматриваемым законопроектом и необходимых для осуществления гражданской свободы. Мы можем ответить на это столь же любезным напоминанием с своей стороны, напоминанием о том условии, которое было так ясно указано в субботу. (*Рукоплескания*). Действительное обеспечение гражданской свободы и, в частности, неприкосновенности личности немыслимо без этого условия — ответственности исполнительной власти перед народным представительством. (*Рукоплескания*).

При безответственных министрах невозможен и независимый суд…

Ещё один оратор, г. *Черносвитов*, слегка коснулся речи министра, чтобы перейти затем к довольно подробной характеристике падения русской юстиции в последнее время, падения, сказавшегося в целом ряде процессов: Золотовой, мультанских жертвоприносителей, Спиридоновой.

Г. Сафонов (к.-д., Кострома) нашёл нужным указать, что в законопроекте не говорится о «свободе труда и торговли». Г. Румянцев (Новгородск.) тоже несколько уклонился от темы, высказав общую мысль, что личность при настоящих условиях жизни предоставлена самой себе и находится в положении, мало благоприятном для её свободного развития.

Г. Котляревский (к.-д., Саратов) подчеркнул важное значение указаний, сделанных М. Ковалевским. Представители прибалтийских губерний: г. Тенисон, Рютли и Чаксте — указывали на особенности положения в прибалтийских губерниях.

Прения были заключены краткой речью *Новгородцева*, который сказал, что сделанные замечания и возражения против законопроекта не требуют пока ответа, так как прения носили характер предварительного обмена мнений, а отнюдь не рассмотрения по существу.

Председатель ставит на баллотировку вопрос о передаче законопроекта в комиссию. Дума единогласно высказывается в пользу такой передачи.

Возникает вопрос о способе избрания комиссии. Деп. Острогорский заявляет, что комиссия 19-ти ещё не успела, вследствие чрезвычайной сложности вопроса, выработать общий порядок образования парламентских комиссий. Решено поэтому применить на этот раз — для законопроекта о неприкосновенности личности — прежний способ избрания записками. Численность комиссии составляет 15 человек.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Гражданское равенство.

9-е заседание,

15 мая.

15 мая от имени 151 депутата было внесено заявление следующего содержания:

«Основные положения законов о гражданском равенстве. Мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Государственной думе приступить к выработке ряда законопроектов, покоящихся на следующем основном положении:

Все граждане обоего пола равны перед законом.

Гражданское неравноправие так глубоко проникло во все части нашего законодательства и охватило в такой мере все сферы жизни, что устранение его путём единого законодательного акта представляется невозможным. Гражданское неравноправие выражается как в предоставлении отдельным разрядам лиц привилегий, так и в особенности в ограничениях, направленных против отдельных сословий, национальностей и вероисповеданий; неравноправие выражается, наконец, в устранении лиц женского пола от пользования во всей полноте правами, предоставленными лицам мужского пола. Многочисленность тех областей, на которые распространяется ныне гражданское неравенство, соответствует и сложность способов его устранения. В одной области — в области ограничений, обусловленных национальностью и религией, — достаточна простая отмена соответствующих ограничительных законов; в других областях отмена ограничений

и привилегий связана неразрывно с созидательной работой и, следовательно, с заменой действующих законов новыми. Особенно неотложна отмена сословных ограничений, тяготеющих над крестьянским населением, требует замены особых крестьянских учреждений и особых крестьянских судов новыми органами. Привилегии, предоставленные дворянству, распространяются не только на личные права дворян, гражданские и политические, но отражаются и на строе местного самоуправления, и потому отмена привилегий дворянства связана с более или менее крупною реформою местного самоуправления. Отмена ограничений женщин связана с частичным пересмотром гражданских законов и т. д. Ввиду сего мы предлагаем разделить законодательную работу, направленную к установлению в стране на прочных началах гражданского равенства, на следующие четыре разряда:

I разряд законов относится к ограничениям крестьян как сословия. В основу этого разряда законов должно быть положено начало, согласно коему все ограничения лиц крестьянского сословия — как-то: подведомственность особым крестьянским учреждениям и особой юрисдикции, ограничения в распоряжении имуществом и в свободе передвижения, ограничения по образованию и по поступлению на государственную службу — подлежат отмене.

II разряд законов относится к ограничениям, обусловленным национальностью и религией.

Основное положение в области этого разряда законов гласит: все установленные действующим законом и административными распоряжениями ограничения в правах, обусловленные принадлежностью к той или иной национальности или вероисповеданию, подлежат отмене.

В основу III разряда законов должно быть положено начало, согласно коему все привилегии дворянства по образованию, по государственной службе, по владению недвижимым имуществом и по участию в местном самоуправлении подлежат отмене.

В основу IV разряда должно быть положено начало, согласно коему ограничения, установленные для лиц женского пола гражданскими законами, ограничения в праве получать образование на всех ступенях, ограничения в активном и пассивном избирательном праве и все вообще ограничения в публичных правах, поскольку этому не препятствует существо обязанностей, связанных с этими правами, подлежат отмене.

Для рассмотрения настоящего предложения мы предлагаем Государственной думе избрать комиссию в составе 33 членов думы. Просим настоящее предложение признать спешным.

21-е заседание.

5-го июня.

Докладчиком выступил проф. *Кокошкин* (к.-д., Москва).

Вопрос о равенстве, — говорит Кокошкин, — самым тесным образом связан с вопросом о гражданской свободе; можно сказать, свобода без равенства неосуществима. И в России свобода связана с равенством теснее, чем в какой-либо другой стране. Наше отечество в этом отношении находится в особенном положении. С одной стороны, и в нашем обществе, и в широких массах населения прочно укоренилось демократическое равенство. Оно проявлялось даже в те времена, когда массам было чуждо понятие о политической и гражданской свободе. Народная масса инстинктивно противилась тому, что существовало в средние века во многих

государствах — введению свободы без равенства. У нас, в России, свобода без равенства всегда была неосуществима. Самая гражданская и политическая свобода сделалась возможной только в наши дни, когда выступила на сцену вся масса народа; с другой стороны, наше законодательство находится в вопиющем противоречии с принципами свободы и равенства. В цивилизованном мире нет законодательства, которое было бы в такой степени противно равенству, как наше. Нет возможности даже перечислить хоть приблизительно все те статьи закона, которыми устанавливается у нас неравенство. Мы можем в настоящую минуту указать только главные источники гражданской неравноправности. Первым из них является принцип сословности. Это сословное начало было искусственно привито русской жизни и в значительной степени заимствовано с Запада в те времена, когда сословия там стали уже разрушаться. Никогда оно не прививалось у нас прочно. Реформы Александра II значительно подорвали его и сгладили разницу между сословными группами. В 80–90-х годах была произведена реставрация сословных принципов. Ей, однако, не удалось стереть все следы реформ Александра II. В настоящее время дело это находится в таком положении, которое обещает облегчить нашу законодательную работу. Различия между соседними группами почти совершенно сгладились. Например, нет почти реального различия между правами почётного гражданина и купца. Осталось ещё довольно значительное различие между двумя крупными группами населения, сословиями податных и неподатных. Различие это сказывается в паспортной системе, в праве выбора места жительства, в правах государственной службы, но оно невелико. Всего обособленнее положение дворянского сословия. Дворяне пользуются не только остатками сословных привилегий, но имеют также значительные преимущества по службе, по землевладению, по образованию. Особое значение имеют права, обеспечивающие дворянам определённое положение в местном управлении и в самоуправлении. С другой стороны, крестьянство наше юридически принижено. Поэтому одной из главных задач законодательства является уничтожение всех привилегий дворянства и неподатных сословий — с одной и уничтожение ограничений, тяготеющих над податными сословиями, — с другой стороны. Есть, затем, у нас ещё другая область, в которой господствует неравенство: у нас существует средневековый варварский пережиток ограничения прав отдельных национальностей. Поляки, например, подвержены многочисленным ограничениям. Есть ограничения для магометан, сектантов и других отдельных групп населения. Но самое крупное ограничение, дезорганизующее весь наш государственный быт, касается еврейского населения, лишённого у нас свободы передвижения и права выбора места жительства. Эти ограничения складываются в жизни в огромное грязное кровавое пятно, которое позорит нас. Наша нравственная обязанность смыть это пятно. Есть, наконец, третья область, где также господствует у нас неравноправие: ограничения в правах женщин. Мы предвидели, что при обсуждении этого вопроса нам будут указывать на западноевропейские государства, в которых женщины подвержены ещё большим ограничениям. Но мы знаем, что против нас только вековые предрассудки, а за нас справедливость и здравый смысл. И мы думаем, что Россия ближе к осуществлению равноправия женщин, чем другие государства, так как женщина и теперь уже имеет у нас больше прав.

Кокошкин признаёт, что намеченная им реформа очень сложна и обширна. Некоторые преобразования могут быть уничтожены одним почерком пера, как, напр., уничтожение неравноправия национальностей. Но есть и такие области, в которых недостаточно что-нибудь уничтожить, а нужно что-либо новое на место уничтоженного. Поэтому он предлагает в заключение учредить для детального рассмотрения вопроса и разработки отдельных законопроектов особую

комиссию. Каких-либо прений по существу он не ждёт и не считает их желательными, так как они могли бы только замедлить решение вопроса.

— Установление гражданского равенства, — заканчивает он, — не только дело справедливости. Это — дело государственной необходимости… Нам нужно создать русский народ в юридическом смысле слова, нужно создать нацию, а в наше время нацией может быть только союз свободных и равных граждан.

Шумные аплодисменты покрывают слова оратора. По существу ни у кого из членов думы против него не оказывается возражений. Но по вопросу о способе осуществления реформы у него является решительный оппонент в лице гр. *Гейдена*, который находит, что вносимый от имени 151 депутата законопроект… совсем не законопроект, а просто «взгляд и нечто».

— Что говорить разряд первый? — спрашивает граф Гейден. — «Все ограничения, касающиеся крестьян, подлежат отмене». Разряд 2-й: «Ограничительные законы, связанные с религией, подлежат отмене». Разряд 3-й: «Привилегии дворян подлежат отмене». Разряд 4-й: «Все ограничения женщин подлежат отмене». Какие же основные положения будущего законодательства предлагают нам взамен? Авторы заявления скромно умалчивают об этом. Получается безвоздушное пространство.

Гр. Гейден склонен думать, что передача законопроекта в комиссию из 33-х членов, согласно желанию авторов его, означала бы не что иное, как замену думы комиссией 33-х. «Теперь нам предлагают комиссию, которая перестроит, неизвестно в каком направлении, всё российское законодательство!». Граф Гейден решительно против передачи законопроекта в комиссию. Он желает, чтобы каждое отдельное преобразование вносилось отдельно при особой объяснительной записке и в заключение откровенно признаётся, что в основе этого требования лежит опасение, что при передаче вопроса в комиссию большинство может совершенно устранить его от всякого влияния на разработку законопроекта.

К мнению графа Гейдена присоединяется, в общем, деп. *Корсаков* (Новгородск. губ.). Но они встречают решительный отпор со стороны целого ряда ораторов.

Первым высказывается в этом смысле ксендз *Трасун* (Виленск. г.). От имени исстрадавшихся эстов и латышей он заявляет, что желает по возможности ускорить разработку реформ и потому стоит за передачу законопроекта в комиссию.

Вслед за тем проф. *Петражицкий* даёт принципиальное обоснование точки зрения авторов законопроекта.

— Наша записка, — говорит он, — заключает в себе принципиальные положения, которые сами по себе могли бы быть законами. Ввиду великой ценности и культурной важности этих положений я был удивлён, услышав то, что говорил гр. Гейден. Он противопоставил этим великим началам какие-то мелочи и критику, исходящую из буквального смысла слова «отменить». Слово это иногда даёт готовый закон. Это относится к тем случаям, когда в законах наряду с общими правилами содержатся особые изъятия, особые ограничения. Никакого безвоздушного пространства это не оставляет. В других случаях простого вычёркивания недостаточно, а нужны ещё редакционные изменения остающихся законов. Наконец, в третьей категории случаев отмена неравноправия предполагает выработку новых положительных законов, например, новых законов о местном

самоуправлении. Наша записка, составленная юристами, не имеет, конечно, в виду производить таких отмен без необходимой замены. Главные задачи комиссии, по нашей мысли, состоят, впрочем, в отмене законов двух первых категорий. Реформа местного управления и самоуправления будет делом особой комиссии.

Единственно, что профессор Петражицкий считает желательным, это увеличение числа членов комиссии с 33 до 55, но он безусловно против разделения работы между несколькими комиссиями: это нарушило бы единство.

Деп. *Массониус* (Минск. губ.) выражает опасение, что в настоящем своём виде законопроект всё-таки неприемлем, и высказывается за передачу реформ в разные комиссии. Наоборот, проф. Котляревский находит, что никакой иной путь, кроме избранного авторами записки, невозможен. Детальная разработка законопроекта мыслима только в комиссиях. Записка — не законопроект, а директива. Сущность вопроса о гражданском неравноправии чрезвычайно проста. Есть, конечно, сложные подробности, но это вопросы второго порядка. А так как необходимо спешить, то нужно немедленно приступить к делу. И для этого есть только один путь: передать вопрос в комиссию. Со своей стороны проф. Котляревский предлагает избрать в комиссию ещё более значительное число членов, чем проф. Петражицкий, а именно 66. А что касается опасений графа Гейдена, что большинство отстранит его от всякого участия, то Котляревский напоминает ему, что до сих пор все мнения в думе выслушивались и уважались.

С горячим призывом не терять времени и взяться за дело обращается в думе *Родичев*.

— О чём идёт дело? — спрашивает он, — о принципах? Нам говорят: «Вы не провозгласили общего начала». Общее начало, которого не провозгласила здесь дума, — разумеется само собой. Оно провозглашено на первом земском ноябрьском съезде, и под этим тезисом стоит уважаемое имя гр. Гейдена. «Все русские граждане без различия национальности и религии равны перед законом» — вот тот тезис, которого искал в нашей записке гр. Гейден. Он непоследователен. Не забудьте, при каких условиях мы работаем: мы не имеем времени, чтобы тратить его на формалистические препирательства и на казуистические отводы… Когда адвокат хочет затянуть, он не высказывается по существу, а придирается к форме. Не будем, господа, подражать этому. Помните, что время дорого и что наше сегодняшнее постановление может иметь большое значение. Скорей принимайтесь за работу.

В заключение слово предоставляется снова *Ф. Ф. Кокошкину*.

— Что делать, — отвечает он гр. Гейдену, — если у нас существует масса законов, представляющих ненужный мусор? Отменой таких законов мы безвоздушного пространства не создадим; напротив того, мы создадим пространство, в котором будет гораздо легче дышать, — пространство, наполненное живительным кислородом. Гр. Гейден отрицает связь между отдельными частями нашей записки, но она есть и очень ясно выражена: вся записка проникнута единым принципом. Гр. Гейден находит, что комиссия заменит думу, что думе нечего будет делать. Если бы я не уважал так гр. Гейдена, я назвал бы это шуткой. Я полагаю, что это недоразумение и очень существенное. Гр. Гейден, очевидно, забыл, что комиссия вносит законопроект в думу, что последняя будет обсуждать его и что, следовательно, права думы ничем не ограничены в этом вопросе.

22-е заседание

6-го июня

Слово принадлежит проф. *М. М. Ковалевскому*. — Я пользуюсь случаем, — говорит он, — чтобы показать, к каким невыгодным последствиям ведёт то обстоятельство, что наши законодатели вздумали заменить право индивидуального законодательного почина, существующего везде, где есть парламент, правом законодательного почина комиссии. И гр. Гейден, и кто-либо другой не имел бы случая сделать те возражения, которые высказывались здесь, если бы не закон 20 февраля. При существовании индивидуального законодательного почина каждый законопроект представлялся бы в готовом виде, между тем как теперь нам представлен не законопроект, а только принцип будущего законодательства. Но мы находимся в исключительных условиях. Нашей деятельности пожелали поставить ограничения и сделали так, что только комиссия может выработать текст законопроекта вместе или параллельно с членами думы с одной и министрами с другой стороны. Мы же имеем возможность указывать только общие принципы, т. е. как раз то, против чего борются с 1789 г. все законодатели в мире, начиная с Милля и Бентама и кончая Тэном и его критиками. В настоящем случае мы будем, вероятно, считаться со всеми невыгодными последствиями такого положения.

Проф. Ковалевский иллюстрирует эти утверждения следующим примером. В записке говорится, что мужчины и женщины равны в правах. А кто равен в правах, равен и в обязанностях. Но следует ли отсюда, что после уравнения женщин в правах сейчас же будет сформирован корпус амазонок? Конечно, нет. Но об этом должно быть сделано соответствующее упоминание в законе. «Так, в Англии, — аргументирует проф. Ковалевский, — парламент, как известно, постановил, что он может всё сделать, но только не превратить женщину в мужчину».

Затем поднимается на трибуну гр. *Гейден*. Из нападающего он в течение вчерашних дебатов превратился в обороняющегося. Он сознаётся, что когда он прослушал вчера своих оппонентов, то ему показалось, что «тот, кому возражали, говорил неясно и бестолково». Но пораздумав, он всё-таки пришёл к выводу, что оппоненты его в сущности возражали не ему, а кому-то другому. Он сочувствует реформе в принципе, но продолжает желать, чтобы она разрабатывалась не комиссией, а всей думой, и убеждён, что отрицательными положениями в этом случае ограничиться невозможно, а необходима продолжительная творческая работа, на которую думе придётся затратить лет пять.

Деп. Матинов (представитель оренбургских башкир) жалуется думе на то, что татарское духовенство не пользуется изъятием от военной службы, и просит уравнять его в правах с духовенством других вероисповеданий.

Проф. Локоть (тр. гр. Черниговской губ.) находит, что записка 151-го члена содержит существенную неясность. При чтении её трудно решить, имеет ли она в виду полное уничтожение сословий или лишь частичные ограничения сословных привилегий? Таким решением вопроса удовлетвориться нельзя. Неполное равенство было бы абсурдом, и потому нужно устранить все неясности, нужно совершенно устранить сословное разделение.

Деп. Бондарев (тр. гр. Саратовской губ.) думает, что всего лучше было бы ограничиться законной декларацией прав человека и гражданина в самой думе, а если уж этого сделать нельзя, то следует избрать в комиссию во всяком случае не более 33-х человек, чтобы не замедлять хода дела.

Деп. Винавер (к.-д.) находит, что возражения гр. Гейдена походят на недоумения старцев государственного совета при обсуждении вопроса о разделении власти: что же делать с заседателем надворного суда.

— В этот великий момент, — заявляет он, — гораздо важнее требовать объединения всех на возможно широком принципе. Трудно предусмотреть все детали будущего законодательства. Важно наметить общий принцип.

Только кн. *Волконский* (окт. Рязанской губ.) верно поддерживает своего славного соратника по союзу 17 октября. В виде компромисса он предлагает сдавать в комиссию проектируемые реформы постепенно, так сказать, по частям, а не поручать ей сразу разработку всей совокупности преобразований.

После его речи запись ораторов прекращается. Записано 27 человек.

Проф. *Петражицкий* выступает с обширным докладом по вопросу о женском равноправии.

— Я просил слова, — заявляет он, — чтобы косвенным образом исполнить одно возложенное на меня поручение, которого в полном виде я выполнить, к сожалению, не могу. На моё имя и на имя деп. Кедрин поступила от русского женского взаимоблаготворительного общества петиция, которая в течение немногих недель была покрыта более чем четырьмя тысячами подписей. К сожалению, у нас право петиций не признаётся, и я этой петиции прочесть не могу: ограничусь деловыми объяснительными указаниями. Я считаю, что принципиальная сторона вопроса ясна. Отмечу лишь, что, говоря о равенстве женщин перед законом, мы далеко не доходим до того, что идеалисты выставляют нам в качестве социального идеала. Равенство перед законом — начало формальное, формальная ступень к равенству в более общем принципиальном смысле. О таком равенстве нет тут и речи. Между прочим, в записке говорится о предоставлении женщинам активных избирательных прав. Мы не думаем, однако, что женщины получат такое же влияние в думе и явятся в думу в таком же числе, как и мужчины: жизненные предрассудки не позволят дойти в сколько-нибудь близком времени до полного равенства. Мы говорим лишь о значительно более скромном шаге. Мы имеем в виду, во-первых, устранить ограничения, устанавливаемые для женщины нашими гражданскими законами, среди которых на первое место следует поставить ограничения в праве наследования. К сожалению, есть препятствия для распространения гражданских прав женщин на все слои населения. Часть нашего крестьянства подчиняется обычному праву. Пока люди считают его справедливым, я не считал бы возможным проводить насильственный переворот… Вторая часть нашего положения касается публичных прав. Прежде всего укажу на полное допущение женщин к приобретению образования и к занятию государственных должностей. Государственная польза требует и того и другого.

— Я приступаю к последнему пункту, — заканчивает оратор, — который всего рискованнее. Я знаю, что защищать равноправие женщин и женское избирательное право — значит подвергать опасности репутацию серьёзного политика. Но я считаю, что интересы государства, общества и культуры требуют сделать этот крупнейший шаг — признать за женщинами избирательное право.

На традиционное возражение, что втягивать женщину в политику значит отвлекать женщину от семьи, проф. Петражицкий отвечает:

— Я нахожу, что желательно, чтобы женщины занимались политикой, и чем больше они ею будут заниматься, тем лучше для государства, общества и прогресса.

И он так поясняет свою мысль:

— Мы должны двинуть вперёд культуру путём общественного воспитания, воспитания в духе общественности. Под культурой я разумею не облачение званиями. Есть люди, много знающие, умеющие говорить на разных языках и вместе с тем некультурные люди, варвары, подчас много хуже людей, не умеющих даже читать. Под культурой я разумею выработку такого народного характера, чтобы люди не были злыми и эгоистами, думающими только о себе, а напротив, были способными и склонными делать добро, заботиться об общем благе, об общих интересах, интересоваться ими и даже воодушевляться, подчинять своё «я» делу общественному.

Предоставление женщинам политических прав, возложение на них политических обязанностей и ответственности — это могучее средство насаждения общественности, средство заставить людей оставить эгоистическую узость интересов и поднять их на более высокую степень общественной точки зрения — радения об общем благе. Поэтому нас вовсе не должно смущать то, что матери будут интересоваться политикой; напротив, именно важно, чтобы матери сами интересовались общественными делами и могли внушить такие же интересы детям. Дети таких матерей, которые с воодушевлением и энтузиазмом будут относиться к общественным идеям и задачам, впитают в себя общественную культуру, будут выдающимися работниками на почве общего блага. *(Шумные аплодисменты).*

С яркой и сильной речью выступает против гр. Гейдена и его немногочисленных единомышленников *И. Петрункевич* (к.-д., Тверь).

— Вчера, — напоминает думе тверской депутат, — когда предложено было рассмотреть вопрос о равноправии, то я, должен сказать, очень обрадовался странному совпадению… В этот день как раз появился в газетах адрес представителей русского дворянства, благосклонно принятый Государем. В этом адресе умирающее, отживающее сословие костенеющими руками своими хватается за трон и грозит, что оно опять расцветёт и даст снова те цветы, которые теперь сорваны бурей. Если бы этот противник был уже побеждён, был бы уже бессилен, то, конечно, дума могла бы пройти мимо такого адреса, но противник ещё не сражён, он ещё обладает достаточной силой, и я был рад, что именно в этот день дума могла реагировать на этот факт.

И. И. Петрункевич едко иронизирует над возражениями гр. Гейдена, в особенности над его утверждением, что русский крестьянин не только подчинён ограничениям, но также и пользуется привилегиями. Если верить «Московским Ведомостям», — говорит он, — можно подумать, что крестьяне — самое привилегированное сословие в мире, а кн. Мещерский причислил к привилегиям крестьян то, что их одних секут… Нам незачем провозглашать здесь декларацию, но мы можем сказать, что должно быть уничтожено всё, что составляет право одного и не соответствует другому. Мы должны сказать: в России нет ни дворян, ни крестьян, а есть граждане.

На упрёки в том, что записка составлена в слишком общих выражениях, оратор отвечает:

— Я укажу на манифест 17-го октября, заключавший в себе лишь три пункта; изложены они очень коротко и в очень общих выражениях. Так, первый пункт говорил только следующее: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы, начала действительной неприкосновенности личности, свободу совести, свободу слова и печати». Это самый главный пункт, дающий нам права. Но разве мы возражаем против него? Что бы ни говорить, все же манифест 17 октября есть исходный пункт для дальнейшей нашей гражданственности, и мы признаем, что именно с этого момента дарование тем или иным путем конституции совершенно неизбежно. Мне могут возразить, что указание на манифест 17 октября может быть направлено против меня, что именно слишком общая формулировка манифеста вызвала все последующие смуты и волнения и что было бы лучше, если бы вместо манифеста были изданы соответствующие законы. Конечно, было бы лучше, но ведь 17 октября был издан манифест потому, что дальше откладывать этого было нельзя, и если манифест не дал желательных результатов и принес нам не свободу, а рабство, расстрелы, аресты и высылки, но ведь это не последствие манифеста и произошло потому, что осуществление манифеста было поручено тем именно лицам, против которых происходило все движение. Им, совершившим все преступления, пришлось писать новые законы и, понятно, конечно, что при этих условиях других законов, кроме тех, которые мы получили, других ожидать было нельзя… Но ведь мы находимся в других условиях, дума, присланная сюда, проникнута искренним желанием перестроить Россию и дать ей возможность жить.

Деп. Румянцев (прогр., Новг. губ.) высказывает пожелание, чтобы дума указала хоть порядок рассмотрения вопросов в комиссии.

Деп. Кругликов (крест. Воронеж. губ.) находит, что составители записки совсем не знают крестьянского быта. Крестьянин рассуждает так: если всем права дать, то православной вере погибнуть.

— Мы так рассчитываем по-крестьянски, — заканчивает он свою своеобразную речь, — крестьяне женскому полу права давать не согласны, а чтобы мужчины были старше. Что же тогда будет, если мы им права дадим. Да мы еще себе прав не достали, а уже всем начнем права предоставлять. Надо сначала себе права предоставить, а тогда уже их раздавать.

Не трудно себе представить, какое впечатление производят эти слова на слушателей.

Ф. И. Родичев напоминает, что ровно год тому назад покойный князь С. Н. Трубецкой выразил перед лицом Верховной власти надежды, чаяния и желания русского народа.

— В моих ушах до сих пор звучит еще этот голос: Вы, Государь, говорил он, Вы — Царь не крестьянства, не дворянства, не купечества, Вы — Царь всея Руси. И точно так же представительство должно быть всенародным, права русских граждан должны быть равны. Да, память этого человека не должна быть забыта, и я приглашаю воздвигнуть лучший памятник, который вы можете сделать: принять основные положения, сегодня предложенные, и начать работу осуществления закона. Сегодня да будет положено начало новой России, где все права всех людей будут равны между собой.

Депутат *Львов* (мир. обн., Сарат. г.) считает, что авторы записки пошли совершенно ошибочным путем. Нужна не одна комиссия, а целый ряд их.

Депутат *Массониус* (Минск. губ.) предлагает, по крайней мере, выбрать комиссию по такому же принципу, как выбиралась аграрная, и предоставить ей право входить в думу с представлениями об образовании новых комиссий по мере надобности.

Розенбаум (к.-д., Минск. губ.) в ярких красках рисует бесправие евреев.

23-е заседание

8-го июня

Деп. *Крылов* (к.-д., Самара) горячо защищает идею политического равноправия женщин. Отметив, что в прошлом заседании речь депутата Кругликова, говорившего от имени крестьян против равноправия женщин, вызвала рукоплескания не только со стороны правой, оратор подробно возражает против ссылки на воинскую повинность. Действительно, нигде женщины военной службы не несут. Но недостаточно указать на этот факт, нужно его понять. Для женщин делают это изъятие не из снисхождения к их слабости, а из соображений общественной выгоды, в видах разделения труда. Чем тяжела воинская повинность? Тем, что она требует самой большой жертвы — жертвы жизнью. Но разве женщины не жертвуют жизнью при исполнении другой, не менее святой, обязанности, давая жизнь борцам за родину и за свободу? Женщины тоже платят жизнью, и если сосчитать число смертей от родов, то будет не меньше, чем от войны. Мужчины эту дань жизнью платят в форме, так сказать, прямого обложения, а женщины — в форме косвенного, но разве количество приносимых жертв от этого меньше?

Заболотный (тр. гр., Подольск. г.) не вносит каких-нибудь новых мыслей и ограничивается несколькими общими соображениями о равноправии вообще, и о равноправии женщин и евреев в частности.

Аладьин (Сиб. губ.). Раньше, чем переходить к указанию слабых мест в проекте, представленном 151, я укажу на несомненно сильное место этого проекта. Оно выражается в словах: «все граждане обоего пола». Многое можно сказать за и против участия женщин в общественной жизни. Я не стану детально разбирать этого вопроса, я расскажу лишь об одном случае из жизни той губернии, которой я являюсь представителем. У нас есть маленькое село Нагатково. Там с некоторого времени завелась крамола. Результатом её было то, что один член крестьянского союза был выбран уполномоченным от общества. Тотчас же для отыскания этого уполномоченного была направлена экспедиция казаков. Крестьяне, достаточно политически развитые, устроили так, что казаки искали, искали оного уполномоченного, члена крестьянского союза, и не нашли. Не найдя ничего, казаки решили остановиться и зажить, и зажили так, как живут казаки: гарцуют на конях, награждают ударами шашек женщин и ребят. Есаул их, чтобы произвести ещё большее впечатление на крестьян, рисовал художественные картины о том, как бы покрасивее зажечь деревню с четырёх концов. Крестьяне прислали нам телеграмму с просьбой вступиться. Мы сделали, что могли. Когда у нас произошёл конфликт с министерством, село Нагатково было первым, которое, несмотря на присутствие казаков, по собственному почину решилось на сходе заявить, что оно ни перед чем не остановится, чтобы поддержать государственную думу в её борьбе за счастье народа. Казаки, между тем, продолжали гарцевать. Мы не смогли оказать селу реальной поддержки. Вчера я получил новую телеграмму следующего содержания:

«В великий момент борьбы права и силы мы, крестьяне села Нагатково, приветствуем избранников народа, выражаем недоверие правительству требованием отставки министров. Мы надеемся, что представители народа добудут нам землю и волю, отворят двери тюрем борцам за свободу и счастье народа и добьются гражданских и политических прав как для себя, так и для нас, бесправных, обездоленных даже в своей семье, русских женщин. Помните, что женщина-раба не может быть матерью свободного гражданина. Уполномоченная от 75 нагатковских женщин». Так вот, если мы не дадим русской женщине прав, то я боюсь, что подобно тому, как в Нагатково казаками и гайдаками не удалось удержать женщин от того, чтобы они выразили своё мнение, так нам, не прибегающим к казакам и гайдакам, никогда не удастся затушить в сердце русской женщины её стремления к гражданскому равноправию и свободе. Лучше же будет, если мы дадим ей права добровольно. Если так просто обстоит дело с вопросом о женском равноправии среди русского населения, то не так просто разрешить вопрос о женщинах-мусульманках. В последние дни ко мне явилась депутация от мусульманок и просила меня указать думы, что коран и шариат разрешают некоторые вопросы гражданского права не в пользу женского равноправия. К таким вопросам относятся вопросы о наследовании, о многоженстве, о праве женщины быть свидетельницей (свидетельство двух женщин равно свидетельству мужчины). Мне казалось бы, что раз здесь затрагивается религиозное чувство 25-миллионного населения, то следует сделать всё для того, чтобы население могло полно и, по возможности, без препятствий выразить свои пожелания и выяснить все свои нужды. Мусульманское население должно быть представлено в комиссии наиболее полным образом. Оно плохо представлено в думе вследствие недостатков избирательного закона. Как бы ни была желательна перспектива быстрого прогресса, но нужно остерегаться, чтобы стремление к прогрессу не привело к столкновению с настроением населения. Перехожу теперь к недостаткам записки. Чтобы реально представить вам первый недостаток, который я в ней усматриваю, я вспомню один случай. Некий генерал-лейтенант в прошлое воскресенье изволил посетить государственную думу. Их превосходительство благоговейно, обращаясь к сторожу, сказать: «Не будете ли так любезны указать, где сидит этот…» и прибавляет эпитет на жаргоне нашей аристократии — называет меня, а затем называет мою фамилию. Сторож указывает ему моё место. Затем, глядя на нашу люстру, которая, действительно, очень красива, ген.-лейт. возымел великолепную идею: «что, если бы вместо ламп к ней было бы приведено несколько членов трудовой группы»…

Председатель останавливает оратора и что-то ему говорит.

Аладьин. Это было сказано вслух, громко, при свидетелях, при осмотре генерал-лейтенантом помещений думы. Если бы это был обычный человеческий слог, то за оскорбление меня, члена государственной думы, избранника народа, тем словом, которым он назвал меня, и за мысль о необыкновенных недостатках наших люстр, я бы мог притянуть его в обыкновенный суд, куда привлекают обыкновенных людей. По эполеты ген.-лейт. при современном положении защищают его и заставляют меня, оскорблённого, просить у г. министра разрешения привлечь его к суду. Вернусь к проекту. В записке, представленной нам, вся категория привилегий, вытекающих из общественного положения и службы, сохраняется, и гражданин по-прежнему не может привлечь чиновника к суду без разрешения верховной власти. Но если все эти привилегии не устраняются, то громкая формула «все граждане равны перед законом» останется словом — не больше. Второй крупный недостаток предложенной записки, ещё более крупный, чем только что указанный мною, это оставление существования сословий. Гг. народные представители, если вы серьёзно вдумаетесь

в современное положение, то вы увидите, что существуют два сословия, наиболее почтенные, вызывающие наибольшее уважение: это потомственное почётное крестьянство и городские рабочие. *(Аплодисменты слева).* Теперь мы, представители этих двух наиболее уважаемых сословий, готовы прийти в этот зал и сказать всенародно: «Мы отказываемся от своих привилегий, мы отказываемся быть наиболее уважаемым сословием, но зато приглашаем и вас вспомнить, если уж не французскую революцию и славное французское дворянство, сумевшее отказаться от сословных привилегий, то просто вспомнить, что терять вам нечего, что вы не в таких выгодных условиях, как мы. Мы говорим вам: придите и присоединитесь к нам, и да не будет у нас ни крестьян, ни рабочих, ни купцов, ни дворян, а будет лишь русский гражданин». *(Аплодисменты).* И так как терять вам при отмене сословий нечего, а выиграть можно, то не упустите последнего случая, который история даёт вам в руки. Вы подниметесь в наших глазах, вас будут уважать и любить куда больше, чем теперь, и даже, возможно, что если не простят, то забудут всё то, что вы делали в последнее время. Кроме того, вы окажете нам, да и всей России, немалую услугу: нам не нужно будет писать: разряд 1, 2 и 3 граждан, составлять законы о правах одного сословия, другого и третьего. Мы создадим один закон в виде декларации: все сословия уничтожаются, остаются только граждане земли русской, равные перед законом». *(Аплодисменты).* При этих условиях наша законодательная работа будет проста, понятна и доступна всякому гражданину земли русской». *(Аплодисменты).*

Гр. Гейден. Когда я слушаю речи с этой кафедры, мне часто представляется, что я не в думе, а на митинге. Говорят общие места, произносят блестящие речи, но к существу дела не подходят. Иногда дают справки о законах, не соответствующие действительности. Вот, напр., только что сошедший с кафедры член государственной думы упрекал закон в том, что по закону ему нельзя было привлечь к ответственности генерал-лейтенанта, сказавшего глупость. Оратор ошибся. В действительности, по нашим законам он имел полное право и возможность привлечь обидчика к мировому суду: генерал-лейтенант не может быть привлечён к суду лишь по преступлению по должности, а по личным оскорблениям он отвечает на общих основаниях. — После такого вступления гр. Гейден переходит к упрёкам, раздававшимся всё время при обсуждении вопроса о равноправии по адресу дворянства. — При этом забывают, говорит гр. Гейден, что привилегии дворянства с 1861 г. всё сокращались и сокращались, и теперь от них остались совершенные пустяки. Эти ничтожные преимущества дворян гипнотизируют другие сословия, в сущности, только по памяти о прошлом. Требуют, чтобы дворянство отказалось от своих привилегий. Но простое чувство стыдливости мешает отказываться от таких пустяков. Мне было бы совестно приносить на алтарь отечества такие права, как право не учить своих детей или право быть земским начальником. Мы, дворяне, сочувствующие освободительному движению, цены всем этим правам никакой не придаём и только тяготимся ими…

Далее гр. Гейден делает несколько замечаний личного характера. Он утверждает, что никто не может заподозрить его в несочувствии принципу равноправия. Его упрекали за то, что он принадлежит к правой и сидит направо. Но, замечает гр. Гейден, я всегда думал, что не место красит человека, а человек место, и что хвалить и порицать меня нужно за то, что я говорю, а не за то, где я сижу… Мои противники сравнивали меня, бог знает с кем. Так, член думы Винавер сравнил меня со старцами Госсовета, которые были против судебной реформы. Г. Винавер был прав лишь в одной половине: я могу причислить себя к старцам *(смех)*, но в остальном он ошибся. А член думы Петрункевич косвенно сравнил меня с редакторами «Гражданина» и «Московских Ведомостей». Но

что у меня общего с ними? Предоставляю судить вам, я же полагаю, что в этом сравнении правды нет и на половину. *(Аплодисменты справа и слева, смех).*

Переходя к существу вопроса, гр. Гейден говорит, что он возражает вовсе не против принципов записки 151, а исключительно против скороспелости в выработке законопроектов.

Вопрос о равноправии не есть такой вопрос, который можно было бы разработать в 2–3 заседания. Между тем я читаю дополнительное предложение о том, что комиссии о гражданском равноправии должно быть вменено в обязанность первый законопроект представить 22 июня, а остальные — в течение июля месяца; комиссии о судопроизводстве и судоустройстве — 1 июля; о свободе совести — 5; о свободе собраний — 10; о свободе союзов — 20 и т. д. с таким расчётом, чтобы по затронутым нами вопросам все законопроекты были бы выработаны в течение 4 месяцев. Но ведь этак у нас будет не законодательная комиссия, а какой-то законодательный пулемёт, который каждые 5 минут выбрасывает по одному закону. Я думаю, что работы, которую мы себе назначили, хватит не на 1, а на 5 лет.

Я вполне присоединяюсь принципиально к предложению 151 члена Государственной думы, но я предлагаю к нему следующую поправку: 1) поручить комиссии, образованной по предложению 151 члена, разработать основные положения тех изменений, которые схематически изложены в записке, внесённой в Государственную думу; 2) основные положения отдельных реформ, имеющих целью водворить гражданское равноправие в России, — вносить по мере их изготовления на рассмотрение и утверждение Государственной думы и 3) разработку законопроектов возлагать на новые комиссии.

Деп. Левин (к.-д., Вильна) говорит, что если в прениях по вопросу о равноправии евреев некоторые депутаты проявили нервозность, волнение, недостаток хладнокровия, то они имели на это право: речь идёт о 6 миллионах угнетённого народа. Он уверен, что гр. Гейден возражает против записки 151-го члена думы только с формальной стороны, а не по существу. Он верит, что и весь русский народ поймёт значение исторического момента. «Я принадлежу, — сказал оратор, — к народу гонимому, но никогда я не завидовал сильным мира сего, народам сильным. Есть, однако, моменты, когда сильные народы мне импонируют: это тогда, когда они освобождают своих подвластных, своих рабов. Когда освобождают раба, не думайте, что это раб освобождается, — раб, может быть, уже раньше освободился, — освобождается хозяин раба, он сбрасывает с себя оковы, оковы предрассудков».

Деп. Рыжков (бесп., Екатеринославская губ.) в проповедническом тоне возражает тем, кто указал на какие-то сословные привилегии крестьян. Немногие на своём опыте знают, что такое особая крестьянская юрисдикция. Стоит только напомнить про земских начальников. Оратор вспоминает про одного земского начальника, который отменял решения уездных съездов.

Оратор находит, что в записке 151-го члена думы, которой он горячо сочувствует, намечается не один, а несколько законопроектов, а потому и комиссий нужно выбрать несколько.

Деп. Сыртланов (Уфимской губ.) указывает на стеснения, претерпеваемые мусульманами: незаконное и непонятное вмешательство православных епископов в дело постройки мечетей; запрещение преподавать в мусульманских школах тем, кто получил образование за границей; запрещение изучать религию по книгам, изданным за границей; обязательное изучение религии на

русском языке в гражданских учебных заведениях; недостаток мусульманского духовенства в войсках для солдат-мусульман; общность стола у солдат-мусульман (которым запрещено, напр., потреблять свинину) с солдатами-христианами; отсутствие льгот по военной службе для мусульманских учителей и мусульманского духовенства; ограничения в школьном деле, по общественной службе. Казенная продажа вина и узаконенная проституция, по словам оратора, стоят в вопиющем противоречии с учением и взглядами мусульман. Что касается ограничений женских прав по мусульманскому закону, то шариат тут не при чем. Ограничения были введены после смерти пророка государственной властью, а не по требованию религии, и к тому же ограничения эти не так велики.

Список ораторов исчерпан, но, с согласия большинства думы, председатель дает слово двум ораторам, не значившимся в списке: деп. *Щепкину* (к.-д., Одесса) и деп. *Ахтямову* (Уфимской губ.). Деп. Ахтямов попросил слова, чтобы предостеречь думу против тенденций мусульманской депутации, о которой помянул деп. Аладьин. В действительности, масса ограничений на женщин-мусульманок, по словам оратора, наложена вовсе не религиозным законом, а несправедливыми и устаревшими обычаями. Было бы опасно оставлять ограничения для женщин-мусульманок…

Деп. *Щепкин* просил дать ему слово на том основании, что он отсутствовал раньше во время прений, и отсутствовал по поручению государственной думы. Он желает сказать несколько слов против «злоупотребления благоразумием», тем благоразумием, к которому призывали некоторые члены думы. Он согласен, что, может быть, благоразумие требует выслушать и «адвоката дьявола» по еврейскому вопросу. Но есть ли для этого время сейчас, когда дело идет о жизни 6 миллионов народа?

— Говорят, что еврейская молодежь, — продолжает деп. Щепкин, — сплошь склонна к анархизму. Но что такое анархизм? Анархизм есть отрицание государственности. А что дает государство теперь евреям? Оно стесняет их в промышленности и торговле, заграждает молодым евреям путь к образованию, ссылает их в черту оседлости. Далее, начинаются погромы, каждый из нас, русских граждан, по закону может защищаться и стрелять в громил, которые… Когда же начинает защищать свою жизнь еврей, про него говорят — это революционер, и тот дом, который защищается от грабителей, подвергается обстрелу, как дом, наполненный революционерами. Если бы мы были в положении бесправных граждан, разве могли бы ручаться, что точно так же не отвергли бы принцип государственности? Но не только еврейский народ под влиянием отсутствия равноправия увлекается на неправильные, с нашей точки зрения, пути. Сами русские власти развращаются, приобретая варварские привычки при управлении окраинами, населёнными инородцами и иноверцами. Я напомню, что наши губернаторы прежде научились делать еврейские погромы и потом, научившись этому делу на евреях, стали устраивать погромы интеллигенции…

Может быть, в вопросе о равноправии есть такие стороны, которые требуют подробного обсуждения по отдельным статьям законов, но, чтобы сделать всех иноверцев и инородцев, — например, еврейский народ, — равноправными со всеми другими гражданами, для этого достаточно и одного вечера занятий комиссии.

Если бы министерство действительно захотело загладить свою вину перед еврейским народом, хотело бы оправдаться по поводу белостокского погрома, оно могло бы временным указом завтра же осуществить то равноправие, которого ждёт шестимиллионное население. Я призываю вас в

этом вопросе быть поспешными, быть безумно смелыми, потому что с одним благоразумием в данную минуту нельзя спасти *(аплодисменты)*.

Слово предоставляется докладчику, депутату *Кокошкину*, который делает резюме и отвечает от имени авторов обсуждаемой записки на главные возражения и упрёки, высказанные во время прений. Докладчик отмечает, что по основному принципу в думе царит полное единодушие. Отдельные замечания и разногласия будут приняты во внимание комиссией при её работах. Затем докладчик переходит к возражениям формального характера. Докладчик решительно протестует против обвинения в неясности, туманности, неопределённости. Нет, положения записки 151 можно обвинять в чём-нибудь другом, например, в излишней краткости, но они, во всяком случае, отличаются полной ясностью. Второй упрёк — в важности поставленной задачи. С технической стороны, действительно, предстоит сложная работа. Но эта работа будет возложена на комиссии с участием юристов. А с принципиальной стороны задача стоит простая и очевидная для всех…

Главные возражения докладчика были направлены против графа Гейдена, против его настойчивых требований о том, чтобы вопрос был расчленён. Докладчик горячо доказывал, что задача уничтожения неравенства представляет нечто единое, органически цельное. Опасно было бы ставить судьбу отдельных законопроектов о равенстве в зависимость от того, когда ими заинтересуется та или иная группа граждан. Опасно было бы предоставить крестьянам заботиться об уравнении в правах крестьян, пренебрегая равноправием национальностей. Идея гражданского равенства должна быть провозглашена как общий, незыблемый и окончательный принцип, и из него должны быть выведены все последствия. Те, кто настаивает на расчленении, всё ещё смотрят на реформу с точки зрения старых законов и их технической переработки. Мы же, — восклицает докладчик, — должны смотреть вперёд, в будущее, навстречу правовому государству, одним из главных оснований которого является гражданское равенство.

С поправками, внесёнными во время обсуждения законопроекта, дума покончивает очень скоро, отвергается и поправка Петражицкого об увеличении числа членов комиссии до 55, и поправка деп. Массониуса об избрании 66 членов по способу пропорциональных выборов. Поправка же гр. Гейдена вызывает довольно продолжительные разговоры. Её смысл сводится к тому, что комиссия обязывается, прежде чем она приступит к разработке какого-нибудь законопроекта в области вопроса о равенстве, сначала представить Государственной думе для обсуждения и утверждения общие основания законопроекта. У председателя возникают сомнения — можно ли, по смыслу наказа, налагать на комиссии такого рода ограничения. После обмена мыслей с деп. Острогорским, как докладчиком комиссии о наказе, председатель находит возможным поставить поправку гр. Гейдена на баллотировку. Разумеется, поправка отвергается, и затем громадным большинством голосов дума постановляет предложение 151 члена передать в комиссию.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Законопроект об отмене смертной казни.

11-е заседание,

18-го мая.

18-го мая был внесён законопроект об отмене смертной казни следующего содержания:

§ 1. «Смертная казнь отменяется».

§ 2. «Впредь до пересмотра уголовного законодательства, во всех случаях, в которых действующими законами установлена смертная казнь, она заменяется непосредственно следующим по тяжести наказанием».

Объяснительная записка.

Ещё в восьмидесятых годах прошлого столетия редакционная комиссия по составлению проекта уголовного уложения, состоявшая из первейших авторитетов науки уголовного права, высказала единогласное мнение, что «Россия могла бы сделать новый дальнейший шаг по историческому пути, начертанному ещё с царствования императрицы Елизаветы, и не только по возможности ограничить число случаев применения смертной казни, но и вычеркнуть её вовсе из списка уголовных наказаний, налагаемых по общим законам». К такому выводу комиссия пришла путём разбора всех доводов, приводимых в пользу сохранения смертной казни, и обнаружения их полной несостоятельности. События переживаемого нами времени красноречиво свидетельствуют о том, какую огромную опасность представляет сохранение в руках государства смертной казни, хотя бы в качестве исключительной меры. По идее своей являясь самой крайней формой наказания, применяемой в редких случаях, с соблюдением всех гарантий судебного производства, она фактически весьма легко вырождается в массовое убийство, не имеющее никаких оправданий ни с нравственной, ни с общественной точки зрения, поражающее огромное количество жертв, виновность которых часто не установлена с надлежащей точностью, возмущающее всё общество и плодящее новые преступления. Вера в устрашающее значение смертной казни окончательно утрачена. Она осталась в законодательствах лишь как пережиток старого варварства. Вступив на путь обновления, Россия должна без замедления и навсегда покончить с этим наследием жестоких и кровавых времён. Она должна вступить в число тех государств, которые признали, что наказание смертью несовместимо с известным уровнем нравственного развития народа. Государственная дума уже высказалась единогласно за отмену смертной казни, — ныне ей надлежит дать формальное осуществление этому пожеланию.

Набоков (к.-д., Петербург). Я полагаю, что для Государственной думы совершенно ясно, почему вносится этот законопроект сейчас и почему обсуждение его признаётся спешным. Я имею честь предложить внести этот законопроект на рассмотрение той комиссии о неприкосновенности личности, которая у нас уже образована. В адресе, с которым дума обратилась к Государю Императору, было выражено, что дума сочтёт себя счастливой в тот день, когда выработает закон об отмене смертной казни, и впредь до выработки этого закона — дума выразила надежду — будут приостановлены те смертные приговоры, которые последовали и которые ещё последуют. Этой надежде думы не суждено было до сих пор осуществиться, и только что, в ответ на запрос думы относительно смертного приговора над 8-ю лицами в Прибалтийском крае, мы узнали о том, что этот приговор приведён в исполнение. Очевидно, что путём запросов нам не удастся поставить преграды и препоны дальнейшим приговорам такого же рода. Мы можем поставить решительные

препятствия только тогда, когда мы скажем и постановим, что сама эта мера должна быть навсегда вычеркнута из списка тех кар, которые налагаются государством. И чем скорее мы это сделаем, тем вернее и лучше мы отвратим возможность дальнейшего исполнения смертных приговоров; поэтому я имею честь просить Государственную думу предварительно обсудить эти предположения, теперь же направить их в комиссию 15-ти «о неприкосновенности личности» для дальнейших действий *(Аплодисменты)*.

Новодворский (народовец, Варшава). Смертная казнь осуждена общественным мнением всего цивилизованного мира. Она осуждена уже и здесь, в этом собрании, — чувством совести и сознанием представителей русского народа. Направление этому законопроекту должно быть дано такое, чтобы наше «слово» поскорее стало нашим «делом». Если где-либо существуют остатки споров о том, отменять ли смертную казнь или нет, то такие споры не должны происходить в таком государстве, как Россия, где смертная казнь сохранена специально лишь для политических преступлений, как месть правительства за борьбу с ним населения за свободу. Поскорее следует смыть со страниц русского законодательства то право, которое является оплотом бесправия и сенью для произвола. Да, для произвола! Ведь смертная казнь применяется ныне во всё более упрощённом порядке. Обыкновенный суд назначать её не может — передаются дела военному суду; военный суд связан формальностями процедуры — применяется смертная казнь в виде расстрелов без суда, по постановлению начальника края; слишком обременительны и такие постановления — применяются расстрелы по распоряжению командующего отдельной частью; подчас и это слишком сложно — применяет расстрелы какой-нибудь начальник взвода. Святая заповедь гласит: «не убий!» А в жизни, наоборот, ставится государством приказ: «убей», «убей» рукою наёмного палача, которого, как известно из газет, иногда нужно принаряживать для того, чтобы черты его лица не были известны тем, кто видел его при исполнении смертной казни. Пора отменить смертную казнь. Это тем более необходимо, чем чаще она ныне применяется. Жестокий закон не раз превращается в беззаконие. Ещё на днях мы читали, что Правительствующий сенат должен был рассмотреть сборную жалобу или, точнее, заявление нас — 200 присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных города Варшавы, которые жаловались, что совершаются беззакония под личиной закона, ибо по распоряжениям люблинского и варшавского генерал-губернаторов без суда расстреляны 17 человек. И когда адвокаты, во имя закона, заявили об этом тому, кто обязан блюсти закон, то в Правительствующем сенате было высказано предложение привлечь к уголовной ответственности тех, кто заявил об этом. Значит, подобные беззакония могут случаться и впредь. Я думаю, граждане России, что если правительство нуждается в таком средстве для борьбы со свободою, то ему придётся совершать массовые смертные казни, потому что отдельных приговоров не хватит на то, чтобы потушить пламя освободительных стремлений. Мы должны произнести смертный приговор над смертною казнью. Ей нельзя быть в законе. Ей нельзя быть во имя человеческого чувства. Ей нельзя быть во имя уважения к правопорядку. Ей нельзя быть во имя чувства справедливости. *(Аплодисменты).*

Ледницкий (к.-д., Минская губ.). Нам скажут: пусть смертная казнь в системе уголовных наказаний не может найти места; пусть смертная казнь осуждена уголовной наукой; пусть она возмущает человеческую совесть и душу; но она является целесообразным средством борьбы с преступлением, она является необходимым условием современной действительности, она, во имя и вследствие государственных интересов, должна быть оставлена до тех пор, пока не наступит умиротворение. Значит, единственная возможность допустить смертную казнь состоит в том, что,

благодаря смертной казни, политические убийства прекратятся, действительно наступит умиротворение и успокоение страны. Но разве мы не видим, что на каждую смертную казнь общество отвечает осуждением смертного приговора, осуждением жестоким, беспощадным, а революционное движение платит такими же политическими убийствами? Разве мы не знаем, что смертная казнь не устрашает, а ожесточает, и что эта мера недействительна? Нужно искать других условий, других путей, которые могут привести к успокоению и умиротворению страны. Какие же это пути? Я думаю, единственная возможность — это опираться на нравственное сознание общества, на волю народа. Нецелесообразность смертной казни очевидна. Мы видим, что покушения на генерал-губернаторов продолжаются, политические убийства не уменьшаются. Не смертные казни остановят убийства, а нужно успокоить возмущённую совесть страны. Я думаю, что правительство не может не сознавать всей безрассудности этих смертных казней с точки зрения государственного порядка. Если, тем не менее, оно совершает эти политические убийства, то чем же объяснить такого рода действия правительства? Что это, бесспорно, политические убийства, — в этом нет ни малейшего сомнения. Я и каждый из нас, юристов, понимаем, что под смертной казнью нужно понимать наказание по одному общему, равному для всех закону. Но в нашем уголовном кодексе смертная казнь не существует. Смертная казнь вводится исключительно на основании статьи 18 положения об усиленной охране. Эта статья указывает на невероятную постановку вопроса. Мы знаем, что преступления лишения жизни разделяются на категории. Бывают ранения, побои, убийства в запальчивости, неосторожные убийства и убийства предумышленные; тем не менее за каждое из этих столь различных деяний может быть применена военным судом только смертная казнь. В то время, когда за отцеубийство, за самое тяжёлое преступление с точки зрения морали, смертная казнь не применяется, за побои городовому назначается смертная казнь. Возможно ли видеть в подобной мере осуществление начал правосудия? Не есть ли это самозащита, или, проще, не самозащита, а определённое проявление политической власти, которая перестаёт быть властью, стоящей выше определённой партии, а делается исключительно военным станом? Не есть ли это недостойная государства, именем которого правительство действует, месть покорённому врагу? Это толкает прямо в анархию. У каждого начинает укрепляться сознание в том, что государство — какой-то огненный Молох, в пасть которого бросаются иные, по преимуществу молодые жизни наших граждан. Пусть они виноваты, но не оправдываемое никакими соображениями убийство виновного не может быть допускаемо. Во имя чего их убивают? Чтобы создать — что? Порядок? Нет, — для того чтобы удовлетворить чувство мщения определённой группы людей, которая в настоящее время держит власть в своих руках. *(Взрыв аплодисментов).*

Я понимаю, что в определённую минуту государство может совершать жестокие вещи, но они должны быть целесообразны. Иначе оно подрывает авторитет своей власти; тогда начинается анархия, начинается полный раскол, падение устоев. Тогда приходишь к убеждению, что мы стоим лицом к лицу со страшным разложением государственного порядка. Если правительство сознаёт это, то Государственная дума может понять его действия единственно как вызов, сделанный Государственной думе. Эти восемь трупов в Риге — ответ на наш запрос, это вызов не только Государственной думе, это вызов народу. Я не знаю, насколько, с точки зрения государственных интересов, подобные вызывающие действия представляются хоть сколько-нибудь целесообразными. Я не знаю, какой государственный ум может рассчитывать на успокоение страны, на приведение её в нормальное состояние, если он будет толкать её сам, своими собственными руками к той бездне отчаяния, в которую может ринуться всё общество. Ещё

Талейран сказал, а Бисмарк повторил, что штыками можно завоевать всё, что угодно, но штыками нельзя управлять, на штыках сидеть невозможно.

Мы должны сказать правительству, которое, опираясь на эти штыки, от лица государства нарушает наилучшие чувства человеческого сознания, наилучшие стремления народной души, что оно играет опасную игру. Государственная дума, не увлекаясь моментом, должна властно заявить, что правительство ведёт государство к разложению, а мы желаем сохранить это государство и скрепить его единой сильной властью, не знающей лицеприятия, а знающей лишь один закон.

Я думаю, что настоящая минута так серьёзна, что народные представители, в сознании её, скажут определённое слово — что мы шаг за шагом будем проявлять неуклонное стремление к власти, насаждающей в стране закон и порядок, и что все наши силы будут направлены к ослаблению энергии настоящего правительства, задавшегося, по-видимому, целью бросить страну в бездну кровавых столкновений, влекущих не только море крови и слёз, но и банкротство страны, падение государства. *(Продолжительные аплодисменты. Крики «браво!»).*

Локоть (тр. гр., Черниговская губ.). Не в первый и, думаю, далеко ещё не в последний раз государственная дума оказывается в таком страшно-трудном моральном положении, в каком она оказалась в настоящую минуту. Наши чувства, наши убеждения, наша совесть подсказывают, что факт казни 8-ми рабочих в Риге есть, несомненно, с точки зрения народа и государственной думы, преступление, подлежащее самому суровому наказанию. Но государственная дума не может сказать именно этого; она не может выразить своего истинного чувства в той форме, в какой обязана была бы выражать — в форме законодательной. Формальный закон всякое убийство при военном положении оправдывает; боюсь, что даже смерть тринадцатилетнего мальчика и двенадцатилетней девочки, о которых писалось в газетах и которая произошла тоже по приговору военного суда, — и это ужасное преступление тоже не является преступлением с точки зрения формального закона, — и потому наше положение действительно безвыходно в формальном отношении. Что мы можем сделать по данному поводу? Нам предлагают, и мы, несомненно, это примем, внести законопроект об отмене смертной казни. Но, господа, неужели для нас не ясно, какая судьба ожидает наш законопроект?

На все наши запросы и законопроекты правительство отвечает тем спокойным молчанием, тем спокойным игнорированием вашего голоса, с которым мы считались не менее трёх недель. Какой же выход? Выход один: мы должны себе твёрдо и ясно поставить вопрос: а что же дальше? И если мы поставим этот вопрос, то, несомненно, очень и очень близка та минута, когда мы скажем, что народному представительству осталось только одно средство: сформулировать все народные… не ожидания, а требования и предъявить эти требования в сильной, категорической форме существующему режиму и сказать: или мы, т. е. народное представительство, или этот разоривший страну старый режим! (*Аплодисменты*).

Аладьин (Симбирская губ.). Сколько ни накопилось горя, страданий, обид, всё это мы сумели задушить в себе на минуту, подавить во имя того лучшего, светлого будущего, в которое мы верили. И когда в первый раз здесь, с этой трибуны, прозвучало слово «амнистия», вызывающее в наших головах те ужасы, перед которыми останавливаются слова, потому что их описать нельзя, — мы не внесли ни единым словом, ни единым жестом страсти, желания мстить, ненависти. Без слов, одними аплодисментами мы выразили, что нас одушевляет только одна надежда, что мы думаем, что к нам пойдут навстречу; что стоит нам, представителям России, выразить свои желания, и их

удовлетворят. Но кто-то где-то встал между нами, и эхо наших аплодисментов не дошло туда, куда мы его направляли.

Через два дня, в первый раз мы начали говорить о том, с чем связана амнистия в наших головах и сердцах. Мы не церемонились, но пока всё-таки не вносили чувства ненависти и страсти. Один за другим выступали ораторы на трибуну — хладнокровно, страстно, с мольбой, с просьбой, с требованием обращались к тому, кто может; думали, что эхо наших речей донесётся туда, куда ему нужно донестись; но опять кто-то встал между нами и тем местом, куда мы хотели, чтобы слова донеслись, — и ответа не последовало. Мы перешли в третью стадию: если аплодисменты, если слова не доносятся из этого зала туда, куда мы хотим, — может быть, наше требование, написанное чёрным по белому, дойдёт туда, куда следует, — опять ответа не последовало… долго… А когда он последовал, то мы с удивлением увидели, что вместо Верховной власти, к которой мы обращались, неизвестно по какому праву, никем непрошенные и нежеланные, явились сюда пигмеи исполнительной власти и за верховную власть ответили нам, что они решают вопрос об амнистии. *(Аплодисменты).* Праздно теперь говорить о прерогативах Верховной власти, никто из нас ни словом, ни делом её не касался и касаться не будет. Но если вместо Верховной власти перед нами власть исполнительная, у которой никаких прерогатив нет и которая взяла чужую прерогативу в свои руки — я не скажу: слишком чистые руки, — то у нас есть оружие, которым мы должны бороться и будем, надеюсь, бороться. Это оружие — обыкновенный законопроект; мы должны были начать с акта не об отмене смертной казни, а о проведении амнистии путём законодательного изменения тех статей, на основании которых наши товарищи сидят по тюрьмам, разосланы в ссылки и томятся в каторге. Вместо этого пути, необходимого и прямого, мы выбрали другой путь — изводить наше министерство, представляя к нему запросы; и наше министерство, увидев, как мы относимся к нему, тогда, когда оно без всякого права становится между нами и Верховной властью, достойным образом ответило нам. Мы хотели спасти восемь человек, которые были присуждены к смертной казни. Министерство ответило нам, что наш запрос передан военному министру, а в это время губернатор расстрелял или повесил (в точности мне неизвестно) этих восемь человек. Теперь нам предстоит выбрать из двух дорог одну: или продолжать игру в запросы и получать то, что мы получили, или взять дело в свои собственные руки. Как мы это можем сделать? Мне представляется следующим образом.

Мы можем сказать теперь министрам: если вы желаете познакомиться с законопроектом, будьте любезны пожаловать сюда, на эти пустые кресла, и вы познакомитесь с ним так же великолепно, как мы с ним знакомимся. С другой стороны, мы не обязаны считаться, и не будем, с особыми условиями и со сроками проведения законопроектов. Когда мы выходили из Таврического дворца, в первый раз встреченные аплодисментами публики, я почувствовал, что создалась или создаётся связь между нами и тем широким миром, который послал нас сюда с известными полномочиями. После этих аплодисментов эта связь выразилась в ряде телеграмм и писем, каждое из которых дышит надеждой, верой в нас. Каждое из них говорит нам, что мы — всемогущие законодатели, которым стоит только захотеть, и будет и свет, и свобода, и жить народу будет легче. Народ принял нас за то, что мы собою не представляем. Народ думает, что мы — высшее законодательное учреждение, перед которым должны склоняться все, и если не склоняются, то это значит, что мы не работаем. Господа народные представители, не ли говорить вам о том, что наше положение далеко не то? Наши товарищи, менее мечтавшие о революции, о бойкоте думы и о всех прочих страшных словах, теперь, после трёх недель нашей работы, заявляют

вполне определённо, что у нас власти нет, нет силы, и что если мы что-нибудь можем, то это только пописывать, а кто-нибудь когда-нибудь будет нас почитывать и, может быть, даже не будет, а скажет, что слишком неинтересно мы писали. Между пониманием народом нашей силы, нашей миссии, наших полномочий и нашим действительным положением — целая пропасть, и горе будет нам самим, если мы не сумеем понимание собственного бессилия довести, наконец, до понимания русского народа и сказать ему, убедить его в том, что мы не виноваты, что ничего не делаем, а виноваты те, которые имеют пушки и пулемёты и в руках которых достаточно силы, чтобы свести нас к положению ничтожества. (*Аплодисменты*).

Грамматчиков (беспарт., Пермск. губ.). Я высказываюсь только по вопросу о направлении законопроекта об уничтожении смертной казни. Мне кажется, он настолько краток и настолько ясен, что мы можем обойтись без рассмотрения его в комиссии. В среде нашей есть масса юристов и опытных законоведов, которые необходимые редакционные поправки могут указать нам сейчас же. Если мы без передачи законопроекта в комиссию сейчас же его примем, то, мне кажется, этим самым дума ещё более подчеркнёт всю неотложность окончательного решения этого вопроса — об уничтожении смертной казни. Поэтому я вношу предложение — по обсуждении редакции здесь же, в заседании думы, сегодня же принять решение в окончательной форме, не откладывая рассмотрение этого вопроса ни на одну минуту. (*Аплодисменты*).

Ломшаков (к.-д., Петербургская губ.). Мне остаётся в данный момент лишь поддержать только что сделанное предложение г. Грамматчикова. Я полагал бы возможным сегодня же принять законопроект, а буде это невозможно по каким-либо соображениям, принять то предложение, которое было сделано членом думы Набоковым — передать в комиссию 15-ти, но, передавая его, поставить непременным условием представить законопроект в окончательном и готовом виде к ближайшему нашему собранию, каковое будет завтра. Если бы комиссия здесь заявила, что по каким-либо вполне уважительным мотивам она этого выполнить не может к завтрашнему дню, то безусловным и конечным сроком назначить следующее заседание 23 мая.

Свящ. *Поярков* (Воронежская губ.). Всякий законопроект по вопросу об отмене смертной казни, а тем более передача его в какие-то комиссии для разработки не только излишни, неуместны, а прямо преступны. Довольно с государственной души и всего русского народа того, что дума заявила правительству об этом единогласно и сделала своё постановление, а правительство недавно казнило восемь человек и показало этим самым, что оно не только игнорирует все наши заявления, но издевается, смеётся над нами. Оно привыкло отвечать пренебрежением на наши заявления. Когда я жил дома, в глуши, я сомневался и, правду сказать, не всему доверял, что пишут в газетах; но жизнь в Петербурге за три недели открыла мне глаза на поступки правительства, и я говорю, что мы не должны просить, — на наши просьбы всегда следуют отказы, — мы должны потребовать немедленной отмены смертной казни. Если у нас военное положение и даже самые казни вводятся без всякого закона, то тем более можно отменить смертную казнь без всяких законопроектов. Для этого министр должен написать бумагу, на которой Государь подпишет: «быть по сему». Мы должны потребовать немедленной отмены смертной казни, и если наше требование не будет удовлетворено, то смею предложить государственной думе уехать по домам. (*Аплодисменты*).

Государственная дума заявила себя, что она на стороне народных интересов, это знают все; в своих заявлениях она сказала, что она против гнёта, против настоящего режима и произвола и

потому, не в обиду вам будь сказано, я сочту бесчестным с вашей стороны сидеть и получать деньги, если смертная казнь не будет отменена. (*Продолжительные аплодисменты*).

Набоков (С.-Петербург). Поскольку мы желаем действовать как законодательное учреждение, а не как собрание, принимающее то или другое, ни для кого не обязательное решение, которое оно само провести практически не может, мы должны держаться пока того пути, который установлен. Мы можем сегодня постановить или решить всё, что угодно, но если мы это сделаем, то наше постановление не будет законом, выработанным государственной думой, оно будет резолюцией государственной думы, которая исполнению ни с чьей стороны не подлежит. Поэтому я решительно не вижу возможности, опираясь на краткость и ясность этого закона, принимать какое-либо решение сегодня же. Я настаиваю на том, что ничего другого сейчас мы не можем сделать, как направить эти предположения в ту комиссию, которая существует, — в комиссию «о неприкосновенности». И только тогда, когда мы будем иметь дело с законопроектом, прошедшим определённые стадии, мы можем настаивать на принятии этого законопроекта. Поэтому я считаю, что все эти предложения о принятии каких-то решений сегодня же, свидетельствующие о совершенно естественном, вполне объяснимом нетерпении и страстном желании поскорее покончить с этим вопросом, практически ни к чему не могут привести, а только ослабят значение того решения, которое мы должны принять (*Аплодисменты*).

Заболотный (тр. гр., Подольская губ.). Господа народные представители, два различных мнения, которые успели столкнуться на этой кафедре, указывают на то безвыходное положение, на тот тупик, в котором находится по данному вопросу государственная дума. Мы проводим законопроект… Но в двух документах, в двух документах уже об этом законопроекте есть умолчание! Мы знаем, что значит это молчание. Мы знаем, что умолчание о смертной казни в декларации министерства — дышит могилой. Это было умолчание будущих казней! Мы ещё имеем и второе такое умолчание. Мы имеем умолчание в ответе на тронную речь государственного совета. Господа, нам не нужно обманываться. Мы знаем, что мы постановим отмену смертной казни, а те, кто угнетал народ, постановят, что она должна существовать, — и вот в этом весь наш тупик. В единении с министерством, объявившим себя высочайшей властью, которой у него по закону не существует, государственный совет бросит нам этот самый вызов.

Нам говорят: вот два борющихся, вот слабый, поверженный во прах, на которого напал сильный и его душит; нам говорят: пусть слабый перестанет защищаться, пусть он даст убить себя, и тогда мы отменим право и для поработителя — сильного, право убивать этого слабого. Вот то предложение, которое мы слышали от бывшего премьера Витте в государственном совете! Вот та государственная мудрость, которая вкладывается в голову правительства! Ясно, господа, что с этой точки зрения мы конца никогда не увидим, потому что есть физическое право, психическое право всякого, которого убивают, — защищаться; и если мы не отнимаем права убийства у насильников, то каким образом можно это право отнимать у насилуемого? Что же нам остаётся сделать? Мы видим, где нарушители, мы видим, что эти нарушители стоят между нами и Верховной властью. И исключительность положения вообще не только в вопросе о смертной казни, а именно в общем нарушении законов министерством, в захвате непринадлежащей ему власти, — всё это нас, как представителей народа, призванных сюда для установления мира в стране, обязывает только к одному: постановив в возможно близком времени наш законопроект об отмене смертной казни, мы должны его, как непременное условие мира в стране, направить прямо к Верховной власти на утверждение. (*Аплодисменты*).

Сидельников (тр. гр., Оренбургская губ.). Со времени открытия Государственной думы это общее правило как будто не знает никаких исключений, как будто кто-то сказал: пусть 140-миллионный народ жаждет свободы, пусть он видит в Государственной думе свою освободительницу, пусть многомиллионное голодающее крестьянство только от Государственной думы ждёт своего спасения, пусть сотни тысяч заключённых с нетерпением, с минуты на минуту ждут, когда двери тюрем будет отворять Государственная дума, пусть тысячи предварительно заключённых беспомощно простирают руки, пусть это так, — но мы хотим, чтоб ни одна из этих надежд не оправдалась; мы хотим, чтоб Государственная дума была и беспомощной, и бессильной. Раз это так, наше положение становится трагическим, ужасным, невыносимым. Мы больше не можем спокойно работать, когда эти тени убитых рукой правительства, а ещё больше те тени, которые ждут смертной казни, которые, может быть, в настоящую минуту готовятся к последнему переходу в тот лучший мир, стоят между нами и вашею работою.

Что такое наша работа, когда мы, обсуждая наши законопроекты, убеждены, что из этого ничего не выйдет? Мы поправляем запятые в то время, как грубая сила правительства вычёркивает тысячи жизней. Мы, представители глубоко несчастного народа, должны сейчас же, немедленно, покончить с вопросом: где мы и что мы, и что нам дальше делать? Из того, что мы пережили здесь за эти 3 недели, мы можем сказать, что мы находимся накануне страшных событий. Государственная дума, как здесь было сказано уже отцом Поярковым, должна умереть; будет ли это самоубийство, будет ли это насильственная смерть, — всё равно, дни её сочтены. И поэтому, не рассчитывая на слишком продолжительный срок нашей работы, мы должны позаботиться о нашем завещании; мы должны спешно и неотложно разработать и провести ряд законопроектов, необходимых для народа в его дальнейшей борьбе за свободу: прежде всего закон о свободах, о гражданском равноправии, о всеобщем избирательном праве, а потом — сейчас же принять без дальнейших обсуждений закон об отмене смертной казни.

С бумажной точки зрения, это будут только законопроекты, которые подлежат дальнейшему движению в канцелярском порядке. Член Государственной думы Набоков нечто вроде этого высказал: необходимо соблюсти формы, те бумажные формы, в которые мы насильственно вдвинуты. Я должен заявить, что это неправда: то, что мы выработаем, это не будут бумажки, это будут законы, написанные кровью народной, кровью борцов за его свободу; это — законы, написанные в сердцах всех людей страны. Мы не должны бояться за судьбу наших законопроектов: они будут приняты, они будут утверждены его величеством — русским народом, и он не только утвердит их, но и приведёт в исполнение. Меня могут спросить, почему я не упоминаю о земле? Государственная дума, — во всяком случае, я думаю, большинство из вас прекрасно понимает, что если нам не обеспечить возможности продолжать наше дело так, как это необходимо, то взять землю народ поспешит сам.

Ершов (тр. гр., Казанская губ.). Мы посланы сюда нашими избирателями для того, чтобы испробовать все мирные пути для завоевания свобод и завоевания всего, что необходимо для народа. Но мы на каждом шагу получаем пощёчины, мы на каждом шагу встречаем те препятствия, которые хочет поставить нам бюрократия и которые она нам ставит.

Председательствующий. Выражение: «пощёчина народному представительству» неудобно.

Ершов. Что остаётся нам делать? Остаётся, чтобы народ, который стоит за нашей спиной, знал, что мы ничего не можем сделать в тех рамках, в которые мы поставлены. Основными законами и

другими путами нас поставили в такое положение, что, что бы мы ни пожелали, всё будет сведено к нулю.

Нам остаётся надеяться, что народ, который послал своих представителей, не будет безучастен к той будущей борьбе, которая предстоит за наше общее народное благо, и что все те, которые виновны в этом и которые на каждом шагу ставят препятствия освободительному движению, понесут на страницах истории должное осуждение со стороны народа. Я предложил бы Государственной думе почтить память всех казнённых вставанием и, кроме того, вынести такую резолюцию, которая осуждала бы поступок военного генерал-губернатора как беззаконный поступок. (*Аплодисменты*).

Кузьмин-Караваев (парт. дем. реф., Тверская губ.). Государственная дума решительно высказалась против смертной казни, и, казалось, что лишение жизни если не отошло уже в прошлое, то наступил какой-то перерыв в применении этой высшей уголовной кары. С 27 апреля ни один приговор к смерти не получал утверждения. Теперь, в первый раз после 27 апреля, приговор над 8 лицами приведён в исполнение. Где причина этого явления? Мы не знаем подробностей дела, но едва ли может быть сомнение, что то убийство, за которое они судились и осуждены, мало чем отличается от других однородных, совершавшихся у нас в России. Скорее можно думать, что настоящая смертная казнь явилась ответом на участившиеся за последние дни политические убийства, что она была намеренным ответом на политические убийства, совершившиеся за последнее время в Варшаве, Тифлисе, Кутаисе, Севастополе и ещё во многих, многих городах. Глубокое заблуждение! Глубокое заблуждение думать, что смертная казнь может прекратить политические убийства. Это такое же глубокое заблуждение, как и то, если утверждать, что Государственная дума, вынося свои решения о том, что включать и чего не включать в ответный адрес, что Государственная дума тем самым не содрогалась перед кровью, проливаемой на улицах всех наших городов. Можно ли без содрогания читать телеграмму из Севастополя: было покушение на коменданта, брошена бомба, несколько человек убито, несколько ранено; убиты и ранены люди, случайно находившиеся на месте! Можно ли без содрогания читать телеграмму с Кавказа: было покушение на генерала Алиханова; один сопровождавший его казак убит, два казака ранены. Можно ли без содрогания читать известия об убийствах городовых, низших агентов полицейской власти? Ведь эти городовые — чем они повинны? Ведь они повинны только тем, что у них тоже есть семья, что они тоже голодны, что они тоже хотят есть. Политические убийства, как мы их видим в настоящее время, — это не то явление, которым был длинный их ряд, начавшийся с 60-х годов. В 60-х гг. и до начала 80-х годов мы видели перед собою ряд отдельных политических убийств. Это были отдельные, спорадические случаи. Но те убийства, которые сейчас совершаются, представляют собой явления иного порядка. Когда убивают городовых, когда убивают солдата, стоящего на посту, когда стреляют и бросают бомбы дети, гимназисты, — тогда нельзя не признать, что мы стоим перед явлением эпидемическим, перед формой массового психоза. И если нецелесообразно бороться смертной казнью против холодных, рассчитанных, обдуманных убийств, то бороться смертной казнью против той крови, которая проливается в силу эпидемии, охватившей страну, вдвойне нецелесообразно. Между тем вот на эту-то кровь ответом и служит убийство от руки палача, ответом и служат сплошные смертные казни. Человека убивают и наказывают смертью не за то, что он совершил, а для того, чтобы другие впоследствии не совершали преступлений? Где здесь намёк на правду, на справедливость? Да и можно ли устрашить того, кто идёт на политическое убийство? Напротив, его устрашить казнью нельзя; в его сознании

создаётся представление о мученичестве, он делается героем в своих глазах. Бороться с ужасным явлением, свидетелями которого бываем мы каждый день, бороться с ним нужно иным способом: устранением того, что обусловливает собой и вызывает политические убийства. Таких причин, конечно, много, но одна из них и не последняя, а едва ли не первая, — существование смертной казни. Вспомните, господа, дело Спиридоновой! Что заставило её убить Луженовского? Те зверства и те казни, которые совершал Луженовский.

Не в этих стенах, но за стенами Государственной думы поднялись и поднимаются голоса протеста против отмены смертной казни. Нам приходится читать требования о её сохранении. Я не буду входить в разбор телеграмм, печатаемых в «Правительственном вестнике». Да, есть люди известного образа мыслей, известного настроения, и было бы странно, если бы у нас в России не было людей именно такого настроения. Но что же из этого? Можно ли говорить, что требование страны — сохранение смертной казни и отказ от амнистии? Вся страна, которая посылала нас, нашими устами единогласно сказала: долой смертную казнь! Конец страданиям! Конец мукам! Конец заключениям и ссылкам! Смертная казнь должна быть немедленно отменена. Но возможно ли это сделать сегодня или завтра, как это здесь предполагалось? Господа народные представители! Мы ведь не в общественном собрании, мы в Государственной думе. Государственная дума может принимать только обоснованный законопроект и отнюдь не краткую, сжатую резолюцию. Законопроект должен быть разработан и должен быть твёрдо обоснован. А что дальше? Мы передадим в комиссию. Удастся ли нашему законопроекту пробить брешь, — гадать не приходится. Но заранее не признавать за нашим решением громадного нравственного авторитета — невозможно. Мы пользуемся этим авторитетом, мы им пользуемся в стране, и его не признают только внешним образом, может быть, министры, но они не могут с ним не считаться. Но дальше? Государственный совет не убедится нашими доводами, или он убедится, но в конце концов закон не получит осуществления, — что тогда? Член Государственной думы Поярков говорил: «А дальше, надо ехать домой». «Дальше, — выразился он, — нам нечестно получать деньги и здесь оставаться». Не для того, чтобы получать деньги, собрались мы сюда.

Можем ли мы уйти домой? Нет, мы уйти домой не можем. Мы не можем нарушить того обещания, которое дали нашим избирателям. Нас посылали для работы, и кто из нас в день избрания мечтал, что работа будет лёгкая, что не придётся постоянно видеть перед собой стену, которую сразу вдруг пробить нельзя? Нам надо работать и, опираясь на свой нравственный авторитет, направлять нашу деятельность на то, чтобы из этой стены выбивались камень за камнем. И нас должна охватывать вера, что эта стена в конце концов рухнет. Но правда торжествует не скоро, и правда торжествует не без труда. Если мы уйдём отсюда, если мы решимся на самоубийственный акт, то мы совершим глубочайшую, грубейшую историческую ошибку. Мы совершим то, за что придётся расплачиваться ужасами всей нашей стране, всей родине. (*Продолжительные аплодисменты*).

М. Ковалевский (Харьковская губ.). История отмены смертной казни всюду ставит нас лицом к лицу с одним явлением: прежде всего смертную казнь отменяют по отношению к политическим преступникам. История же наша представляет нечто обратное. Смертная казнь отменена у нас императрицей Елизаветой Петровной для обыкновенных преступлений и продолжает применяться всё чаще и чаще для преступлений политических. Почему наше сознание так протестует против такого порядка её отмены, почему мы выступаем особенно резко против применения смертной казни к политическим преступникам? Позвольте ответить на это не своими словами, а взять

художественно нарисованный образ одного из наших русских мудрецов и художников-поэтов, И. С. Тургенева. В одном из своих «Стихотворений в прозе» он представляет нам русскую девушку, переходящую предел, отделяющий вечность от мирской жизни; в тот момент, когда секира уже занесена, над нею раздаются какие-то два голоса; один из них кричит: «безумная», другой отвечает — «святая». И так как мы не убеждены, где кончается безумие и где начинается святость, т. е. самопожертвование, то мы не решаемся поднимать секиру над головами политических преступников. Это нужно помнить и поставить первым требованием нашего законопроекта, чтобы преступники политические были освобождены от смертной казни. (*Аплодисменты*). Господа, когда мы единогласно поднимемся здесь и отменим смертную казнь, мы совершим величайший акт в новой русской истории, мы выразим сознание не только русского народа, но и всего цивилизованного мира. Ещё недавно, желая убедить читателей моей газеты — «Страна» — в том, что общественное мнение всего мира высказывается против смертной казни, я попросил наиболее выдающихся иностранцев, учёных, литераторов, юристов сообщить мне своё мнение по этому вопросу. Все в одно слово подали голос за отмену смертной казни. Рядом с восьмидесятилетним стариком Фредериком Пасси, тем самым, который в числе прочих приветствовал императора Николая II как миролюбца во время его пребывания в Париже, другой старик, известный историк Лавис, писал мне, что в настоящее время нет разномыслия между руководящими кругами по вопросу о том, что смертная казнь противоречит нравственному сознанию цивилизованного мира. Вот почему я, в противовес другим ораторам, здесь выступавшим, не высказываю ни малейшего сомнения в том, что в тот момент, когда мы единогласно выскажемся против смертной казни, будет положено начало её отмены в России. Я не могу допустить, чтобы члены Государственного совета заградили своим «вето» закон об отмене смертной казни, потому что их нравственное сознание не будет ниже уровня нравственного сознания бельгийцев, у которых смертная казнь хотя не отменена, но, как мне пишет Вандервельд, в течение десяти лет нельзя было найти палача для приведения в исполнение смертных приговоров. Если общественное сознание доросло до того, что нельзя найти палача, то я уверен, что в числе тех людей, которые призваны подвергать критике наши законопроекты, не найдется большинства, которое высказалось бы за удержание этой чудовищной, противоречащей нашему нравственному сознанию казни (*Аплодисменты*). Еще недавно один из лучших иностранных знатоков России Анатоль Леруа-Болье говорил мне: «Я России обязан одним из самых глубоких и радостных ощущений в моей жизни; это было в 1861 году, когда я узнал об отмене крепостного права; это заставило меня сосредоточить все мое внимание на изучении вашего отечества». Это говорил известный автор «Империи царей и русского народа». «Я слишком тридцать лет посвятил изучению России», — говорил он недавно на хорах этого же зала, — «и я уверен, что она готовит мне еще большую радость». Леруа-Болье присутствовал при составлении нами адреса в ответ на тронную речь, адреса, в котором на первый план был поставлен вопрос об амнистии и отмене смертной казни. «Я уверен, что в скором времени получу от вас», — прибавлял мой приятель, — «телеграмму о том, что первый русский парламент высказался за отмену смертной казни. Этим он совершит великий акт милосердия и ускорит на многие десятки лет прогрессивное развитие человечества». (*Аплодисменты*).

Запись ораторов прекращается.

Родичев (Тверская губ.). Господа, вопрос решен. Здесь не раздадутся голоса за смертную казнь, а если какой-нибудь голос и раздастся, то он только подчеркнет значение единогласного постановления думы. Но мы не можем оставить без возражения тех выражений маловерия,

которые здесь были высказаны, тех предложений, которые в основании своем имеют предположение о бессилии думы. Господа, знамение нашей силы не доказывается вам в форме физической. Но сила думы прежде всего в ее собственном сознании, сознании долга перед страной, власти народа. Голосу народа, выраженному думой, физическая сила должна в конце концов подчиниться. Мы знаем, что когда мы сказали физической силе: «удались», она может еще пролить кровь, но удержаться она не может. Маловѣрие, господа, неуместно здесь; не нам задавать себе вопрос, какая судьба постигнет наши постановления. Наши постановления сделаются законами. (*Аплодисменты*). Другого ожидания и другого убеждения здесь быть не может. Мы — законодатели, и противящиеся законодательной власти должны будут ей подчиниться. Ни на один день и ни на один час мы не должны забыть, что проявить эту силу и проявить это значение — не только наше право, но это обязанность наша; мы должны помнить, что мы обязаны быть властными; мы должны помнить, что воля народа, выраженная здесь, становится законом; а кроме того мы знаем, что правда не может не восторжествовать. Нам говорят: вы напишите закон об отмене смертной казни, его не утвердят. Его не могут не утвердить, потому что, если нам не удалось удержать руку палача, то неужели вы сомневаетесь, господа, в том, что смертная казнь лишь корчится в предсмертных судорогах? (*Аплодисменты*). Быть может, безумная злоба еще ответит на наше постановление пролитием крови, но дни смертной казни сочтены. Мы у преступлений этого рода отнимем формальную прикрышку закона, и тех людей, которые говорили нам, что они сами стонут под бременем дурных законов, мы их поставим лицом к лицу и зададим вопрос: мы отменим эти дурные законы, и тогда обнаружится, что вы говорили перед лицом народных представителей. Когда жаловались на дурные законы, — лицемерная ли это ложь, или в ваших словах было хоть сколько-нибудь правды? Они обнаружатся перед страной, и завеса лицемерия, висящая на насилии, нашим постановлением будет отдёрнута. Мы представим народу: вот где правда и вот где насилие, прикрывающееся законом. Закону, уничтожающему справедливость, мы положим конец! И прежде всего, господа, мы здесь в думе единогласно протестуем против той роли ходатаев, против той роли просителей и капризных протестантов, которую нам предлагают. Мы не просим, мы законодательствуем, и правду сказал один из предшествующих ораторов: мы, расходясь, совершим преступление, которое русский народ простить не может. Мы здесь должны сидеть с другим сознанием: мы никогда не разойдёмся сами, пока не сделаем того, зачем нас сюда прислали. С этою мыслью, господа, начата борьба за правду. Это нелёгкая борьба, и не в один день свобода и право восторжествуют, не в один день мы добудем то, что требуется народу; но мы знаем, что в этой борьбе ни отступления, ни малодушия отнюдь не будет. (*Аплодисменты*).

Левин (к.-д., Вильна). Парламенты всего мира должны говорить не языком резолюций, а языком законопроектов. Многие жалуются: вот три недели мы здесь сидим, и к каким же результатам привело это сидение? Есть правильное и единственное средство — подготовить законы и принять их. Это единственный язык, посредством которого парламент полемизирует с министрами, единственный язык, посредством которого парламент должен обратиться к народным массам. Народным представителям представлять запросы и полемизировать с настоящим министерством совершенно излишне; наши министры слабо реагируют на подобного рода запросы; они почувствовали себя, как видно, обиженными, и для того, чтобы смыть обиду, они через ночь придумали новое средство — устроить прачечную в Юрьеве; это не есть серьёзный ответ на серьёзный запрос. Все наши запросы министрами обращаются в шутку, а на такую шутку мы опять-таки должны ответить законопроектом, и чем скорее, тем лучше. Самое страшное для страны заключается в наступлении такого момента, когда страшное перестаёт быть страшным. На наших

глазах совершаются убийства, а мы всё-таки в состоянии толковать о них. У нас не хватает силы возмущаться, как следует. Благодаря тому, что мы до сих пор не приняли законопроекта, не одна казнь совершится ещё. Такие казни предстоят завтра и послезавтра — до тех пор, пока законопроект об отмене их не воспримет силы закона. Мы должны скорее принять законопроект и не должны иметь в виду роспуск думы. Пусть об этом думают другие. Человек, который думает о моменте смерти, при жизни уже перестаёт жить. Если такой момент нас застигнет, то это случится не по нашей вине. Пусть он застигнет нас врасплох, у нас хватит силы, чтобы реагировать на него достойным образом. Если кто из нас вернётся домой и скажет, что нам невозможно было работать, так как министры не дали, то как посмотрят на это наши избиратели? Они скажут: министры, значит, сильнее вас, вы себя почувствовали гостями, поссорившимися с хозяином, и ушли. Я скажу: те, кто занимают эти жёсткие места, диктуют законы, и только из приличия и гостеприимства мы гостям даём более удобные кресла в министерской ложе. Не нам уходить; мы должны вырабатывать один за другим законопроекты; в этом заключается наш долг, а также и верный ответ, который мы можем дать тем, кому невыгодно, чтобы Россия была обновлена.

Гредескул (к.-д., Харьков). Мы хотели помочь осуждённым и пустили в ход то средство, которое у нас было в руках, а в результате получили насмешку, издевательство над этим нашим желанием. Таким образом, перед нами поставлен опять тот же механизм, который работает уже 5 месяцев. Это опять ссылка на то, что власть по инстанциям передана на места и что она может там делать, что ей угодно. Мы снова видим, что закон заперт у нас на ключ, и ключ этот брошен в море. Когда мы спрашиваем председателя совета министров об этом ключе власти, он нам отвечает, что его у него в руках нет. Наше положение перед фактом казни критическое, ужасное, гнетущее. Мы, как люди, испытываем полное отчаяние перед таким результатом. Но ведь мы не просто те или другие лица, мы первые члены первой русской государственной думы, мы несём на себе огромную ответственность. Несомненно, мы теперь играем какую-то огромную роль, которую надо исполнить надлежащим образом. Что же это именно за роль? В настоящее время, кроме революционного движения в стране, имеется колоссальное народное движение. В настоящее время на историческую сцену выступил и начал действовать буквально весь русский народ. Историю делают теперь не одни лица организованные, подчиняющиеся определённым лозунгам, а решительно все: крестьяне, рабочие, чиновники, солдаты, профессора, матросы, все, кто угодно. Вся масса русского народа вдвинулась в историческое движение, и мы должны считать это за самый важный для нас факт. На этом именно факте мы и должны строить роль первой русской думы.

Дума есть представительница стомиллионного народа, она должна с ним сообразовать свой образ действий. Мы должны сделать две вещи: во-первых, мы должны правильно осветить перед народом факт казни 8 лиц, последовавшей при описанных уже обстоятельствах. Мне кажется, что мы должны подчеркнуть народу следующее: в течение почти 5 месяцев у нас практиковалась система политического террора; она проделывалась с убеждением в её действительности, даже с увлечением, народ хотели и надеялись устрашить. В настоящее же время период устрашения прошёл, прошёл и по существу дела, и даже по тем заявлениям, которые мы слышали с министерских скамей, откуда нам сказали, что не хотят устрашения, а, наоборот, желают прекращения «попраний закона», как выразился министр юстиции, желают вести Россию к обновлению. Значит, какой же смысл в том, что продолжаются казни, подобные только что совершённым? Для этого остаётся только одно объяснение, которое, может быть, недостаточно было высказано в заявлении министров, но которое достаточно широко распространено; оно

гласит, что казни со стороны правительства представляют собою ответ на политические убийства. Чтобы ясно и наглядно определить, что это такое, я позволю себе обратить ваше внимание на то, что я прочёл в газетах здесь, в палате. В Одессе произошёл следующий факт: к смертной казни была приговорена г-жа Деркач, и когда этот смертный приговор был произнесён, то в ответ на него она подала судьям бумагу, содержащую в себе смертный приговор этим самым судьям. Вот вам истинная сущность того, что происходит. Очевидно, потерян всякий рассудок, потеряна всякая целесообразность в действиях, остаётся одна голая месть, одно голое безумие! — В самом деле, кто же может сомневаться в том, что если казни справа будут продолжаться, то слева будут объявляться приговоры тем же самым путём, как в Одессе. Спрашивается: что же делать с этим ужасным положением? Некоторые говорили, что мы должны осудить убийства слева. Господа, неужели вы думаете, что из этого что-нибудь выйдет на самом деле? Ведь правительство считает зачинщиками террора революционеров и, вероятно, оно, в ответ на наши упреки по поводу казней в Риге, готово сослаться на то, что эти восемь казней были ответом на убийство в Севастополе. Но где начало и где конец таких грозных ответов смертью на смерть? Нам нужно подняться над всем происходящим, и если мы это сделаем, то мы должны будем указать народу и правительству, что события вступили в ту полосу, где отвечают смертью на смерть, и что, по нашему крайнему разумению, ответственность за такое положение падает прежде всего на правительство; мы считаем, что правительство должно первое прекратить это ужасное положение.

Во-вторых, я вполне присоединяюсь к тем, которые говорили, что надо немедленно двинуть в ход наш законодательный механизм, потому что все наши желания, которые выражены в ответе на тронную речь, отстраняются, и если мы и на этом фундаменте ничего не построим, если правительство и тогда нам не уступит, то весьма возможно, что тогда нам придется, и, может быть, это будет нашей обязанностью — уйти, если раньше не произойдет других событий. Но уходить в настоящее время, как это предлагают некоторые, мне кажется, это значило бы оставить наш чрезвычайно важный пост, и страна не одобрила бы этого.

Пустошкин (к.-д., Симбирская губ.). Отменяя смертную казнь по отношению к людям, которые совершают преступления в своих личных, своекорыстных интересах, правительство сохраняет смертную казнь для людей, которые большею частью идут на преступление не ради наживы, не ради выгод, а во имя высшей любви к человечеству, восстают против того строя, который ставит произвол на место права и беззаконие возводит в закон; другие же являются преступниками как больные, зараженные во время общей эпидемии. Устранить эту заразу, эту общественную эпидемию является задачей нашей. Вместо этого стараются в крови потопить политические преступления. Вспомните, что Христос тоже признан был преступником и предан позорной смертной казни на кресте. Отношение к политическим преступникам является подобным же актом насилия власти по отношению к людям, не выносящим строя, который, не имея нравственного авторитета в народном сознании, стремится укрепиться на фундаменте целого моря крови и горы трупов своих противников. Нам предлагают передать дело в комиссию, оттуда оно пойдет в Государственный совет и т. д. Пройдут целые месяцы, а правительство, ослепленное бессмысленной кровавой оргией, будет отвечать на наш законопроект продолжением казней. В настоящее время нам бросили 8 трупов политических преступников, но явится и 80, и 800 до тех пор, пока не истощится народное терпение. Пока дело касалось нашего самолюбия, мы терпеливо переносили все оскорбления; теперь, когда попраны лучшие движения нашей души, дальнейшее терпение не имеет оправдания. Я предлагаю забыть парламентские формы, забыть порядок

запросов к безответственному министерству и пойти к цели последним прямым, мирным путем. Государственная дума имеет право представления, она может обращаться лично к монарху, и она обязана этим правом воспользоваться. Я предлагаю не ходатайствовать, а раскрыть глаза монарха на будущее. Решив так поступить, мы испытаем этот последний мирный путь, а там будь, что будет, так как будущее не во власти парламента.

П. Попов (Тамбовская губ.). Мы все единогласно постановили, чтобы не было и в помине смертной казни. Я прошу это дело передать в комиссию для выработки по этому делу закона и начать дела об общей нашей кормилице — земле, а то мы о ней забыли. Крестьяне ожидают с нетерпением окончания земельного вопроса. Мы много начинаем дел и ни одного не кончаем, а нужно начинать дела и кончать, они и будут тогда сделаны.

Набоков. В результате тех прений, которые сегодня имели место, я несколько видоизменю то предложение, которое я имел честь внести, и сформулирую это предложение таким образом: 1) передать предложение об отмене смертной казни в комиссию 15-ти, поручив ей в пятидневный срок выработать проект закона; 2) признавая слушание этого законопроекта неотложным, предоставить г. председателю думы назначить день слушания по возможности не позже будущей недели.

Предложение, чтобы сегодня же был принят законопроект, мы поддерживать не можем. Я даже сомневаюсь в том, чтобы председательствующий в собрании мог поставить его на голосование, потому что, пока проект, который мы вносим, не сообщён правительству, дума принять его не может. Стало быть, теперь должен формулироваться вопрос о неотложности этого предложения. Это имеет то значение, что по закону после того, как проект внесён, правительство может настаивать на месячном сроке; но раз дума единогласно признаёт данный проект неотложным, и председатель сообщит об этом правительству, то уже день слушания дела может быть назначен в ближайшем будущем. Когда мы сделаем то, что мы можем и что должны сделать, тогда только мы можем считать нашим правом говорить о тех противодействиях, которые нам оказываются. (*Аплодисменты*).

Председательствующий. Здесь высказывалось несколько предложений: в смысле обращения к народу, затем обращение к Монарху. Я не нахожу возможным ставить это предложение, так как оно не соответствует принятому нами парламентскому обычаю. Далее, есть предложение докладчика передать этот вопрос в комиссию 15-ти, назначив известную срочность для его рассмотрения. Затем было сделано предложение, подписанное 30 лицами, которые просили, — это совпадает с предложением Аладьина и Грамматчикова, — чтобы совсем не передавать этот законопроект в комиссию, а немедленно перейти к его рассмотрению и решить, что с ним делать, принять его или нет. Я должен сказать ещё, что здесь некоторыми ораторами неоднократно говорилось и указывалось на пустоту министерских кресел. 56-я статья нашего положения гласит, что мы должны предупредить правительство, чтобы министерство или отдельный министр мог представить свои соображения. Если мы не будем этого делать, то мы впадём в некоторое противоречие, и с этой стороны, казалось бы, следовало придерживаться действующего закона, относительно необходимости предупреждения министерства. Если думе угодно будет постановить относительно спешности этого вопроса, тогда комиссия и президиум со своей стороны сделают всё возможное к тому, чтобы не прибегать к этому месячному сроку. Таким образом, вопрос

распадается на два предложения: первое, чтобы рассмотреть законопроект немедленно здесь в думе, а другое, чтобы передать его в комиссию.

Я обращаюсь к тем ораторам, которые предлагали немедленно здесь же рассмотреть этот закон. Может быть, они найдут возможным облегчить задачу думе и мне, как председателю, взяв назад своё предложение.

Грамматчиков и Аладьин соглашаются.

Предложение Набокова о передаче законопроекта в комиссию для разработки в пятидневный срок принимается.

15-е заседание

26-е мая

О решении думы приступить 26-го мая к рассмотрению законопроекта о смертной казни было сообщено министрам юстиции, военному и морскому, но все они ответили в тождественных выражениях, что, ввиду сложности вопроса, затрагивающего не только общие уголовные законы, но также и военные, военно-морские и законы чрезвычайные, министры считают необходимым воспользоваться месячным сроком, предоставляемым им положением о государственной думе, для дачи своего заключения.

Такой ответ не мог не вызвать целого ряда комментариев со стороны депутатов.

Набоков (к.-д., Петербург) выражает удивление тому, что по такому вопросу, который уже давно разработан и в науке и в русской литературе, определённое решение которого подсказывается единодушными требованиями всей страны, министры ещё неподготовлены. Ответ министров — это бюрократическая отписка, возможность которой является результатом тех пут, в какие поставлена деятельность думы действующим законом. Но дума, по глубокому убеждению Набокова, разделяемому всей партией народной свободы, должна, тем не менее, оставаться на закономерном пути, а потому он предлагает резолюцию, в которой следует апеллировать к совести тех, от кого зависит прекратить казни, являющиеся ввиду выраженной народной воли даже не казнями, а убийствами.

Мнения ораторов разделились. *Розенбаум* (националист, Минск. губ.), *Якубсон* (сионист, Гродн. г.), *Аникин* (тр. гр. Сар. г.), *Аладьин*, проф. *Локоть* (тр. гр., Черн. г.), *Недоносков* (тр. гр., Урал. обл.), *Михайличенко* (с.-д., Екатериносл. г.) и *Седельников* (тр. гр., Уральск. обл.) считают подобные резолюции бесцельными и предлагают, не считаясь со статьями 55-й и 57-й, немедленно приступить к обсуждению законопроекта. Их резкие речи вызывают целый ряд замечаний и призывов к порядку со стороны председателя. Другие же, как проф. *Петражицкий* (к.-д., Петербург), *Родичев* (к.-д., Тверь), *Ледницкий* (к.-д., Минск. г.), *Теннисон* (Лифляндск. г.), *Луби* (Эстляндск. губ.), *Федоровский* (тр. гр., Рязан. г.), гр. *Гейден* (окт., Псков. губ.) и *Масленников* (Тверск. г.) находили, что не следует сходить с пути законности.

Депутаты *Сипягин* (тр. гр., Таврич. г.) и *Огородников* (к.-д., Костр. г.), ссылаясь на полученные ими телеграммы из Севастополя и проч. о готовящихся смертных казнях, так же как и представители трудовой группы, говорят о том, что нельзя ограничиваться одними резолюциями, но выдвигают уже совсем другое предложение. Необходимо ради спасения тех, кому грозит смертная казнь,

немедленно через председателя государственной думы обратиться с ходатайством к Государю Императору о приостановке казней до окончательного утверждения нового законопроекта об отмене смертной казни.

По прекращении записи ораторов последним говорил профессор *М. Ковалевский*.

Он желает вывести думу из того тупика, в каком она очутилась. С одной стороны, невозможно безучастно ожидать решения парламентским путём возбуждённого вопроса, когда казнь грозит многим каждый день, а с другой — обращение к монарху несовместимо с парламентаризмом. Оратор предлагает выйти из тупика таким образом: составить соответствующее обращение к монарху от имени желающих примкнуть к этому членов думы, а также и от других, кто пожелает подписать обращение. Председатель замечает, что предложение носит частный характер и решению думы не подлежит.

Предложения Огородникова (об обращении к монарху) и Локотя (о немедленном рассмотрении проекта) отвергаются.

Принимается резолюция в редакции г. Набокова такого содержания:

«Государственная дума, выслушав заявление господ министров и признавая, что необходимость отмены смертной казни давно признана, решение вопроса давно подготовлено, и что продолжение казней является теперь уже не актом правосудия, а убийством, переходит к очередным делам».

29-е заседание

19-го июня

В думу законопроект о смертной казни вернулся 19 июня и снова вызвал бурное заседание — на этот раз, главным образом, благодаря появлению министра юстиции Щегловитова, главного военно-морского прокурора Матвеенко, главного военного прокурора Павлова и товарища министра внутренних дел Макарова.

Докладчик комиссии, Кузьмин-Караваев (Тверь) выступил с обширным докладом об истории и современном положении вопроса о смертной казни в науке и в жизни.

У нас в России смертная казнь, — говорит он, — по действующему законодательству поставлена так широко, как нигде, как ни в одном цивилизованном государстве. Разве только Китай может конкурировать с Россией в отношении широты применения по закону смертной казни. Но у нас это широкая постановка смертной казни прикрыта. Если вы будете читать законы, вы не найдёте нигде, кроме четырёх статей уголовного уложения, чтобы стояли слова: «назначается смертная казнь». Но вы найдёте другое, вы найдёте: «подвергается наказанию, положенному в 279-й статье XXII книги свода военных постановлений». Наш законодатель вообще не любит часто упоминать о смертной казни и вместо откровенного признания — «виновный подвергается смертной казни» — употребляет ссылочную санкцию. Эта ссылочная санкция стоит в положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, эта же ссылочная санкция стоит в законе 1903 года, специально изданном, впредь до искоренения разбойничества на Кавказе; эта же ссылочная санкция стоит в целом ряде ещё других специальных постановлений. У нас в России смертная казнь существует и за общие правонарушения путём предания виновных военному суду

для суждения по законам военного времени, т. е. по статье 279 воинского устава о наказаниях, которая предусматривает разбой, грабёж, умышленное убийство, зажигательство, поджог, изнасилование. Далее, смертная казнь охватывает бесконечное множество разнообразных по форме и по содержанию преступных деяний, за которые она назначается по положению об усиленной, чрезвычайной охране, или, наконец, на основании правил военного положения. Можно смело сказать, что под смертную казнь у нас могут быть подводимы политические преступления в самом широком смысле понятия — вплоть до причинения увечья или нанесения ран городовому, околоточному, стражнику, воинскому нижнему чину и т. п., и т. д. Мотив тут не играет никакой роли. Скажем, простой вор, который был застигнут городовым на месте преступления, если он этому городовому, желая уклониться от задержания, причинит раны, увечье или смерть, то, на основании положения об усиленной охране, он может быть предан военному суду и по статье 18-й будет тогда подвергнут смертной казни, ибо 18-я статья политических мотивов не выставляет. Вносимый в Государственную думу и сегодня обсуждаемый думой законопроектом всё это предлагается отменить.

Мы предлагаем этими двумя статьями отменить смертную казнь в уголовном уложении, отменить в тех статьях уложения о наказаниях, которые формально не заменены ещё уголовным уложением; мы предлагаем отменить её в специальных узаконениях — в положении об усиленной и чрезвычайной охране и в постановлениях о военном положении, когда это положение вводится в мирное время. Мы предлагаем отменить также возможность назначения в мирное время смертной казни военнослужащим за некоторые нарушения воинской дисциплины. В воинском уставе о наказаниях есть статья 91, которая даёт право главным начальникам военных округов в чрезвычайных случаях, когда преступление совершено хотя и в мирное время, но по особенной важности обстоятельств, которыми оно сопровождалось, представляется необходимым, для охранения воинской дисциплины, судить виновных по всей строгости военно-уголовных законов, предавать виновных суду для применения наказаний, определённых уставом для военного времени. Мы знаем, как широко это правило применяется.

По разбираемому мною теперь вопросу необходимо прежде всего устранить возможность отвода. В основных законах имеется статья 55, которая гласит следующее: «Постановления по военно-судебной и по военно-морской судебной частям издаются в порядке, установленном сводами военных и военно-морских постановлений». Этот порядок совершенно исключительный. Он определяет, что законодательные вопросы рассматриваются главным военным судом или главным военно-морским судом по принадлежности, а когда тот или иной вопрос имеет отношение к военно-сухопутному и военно-морскому ведомствам, то в соединённом собрании этих судов. Порядок определяет, что главные суды выносят заключение, и это заключение военный и морской министр, по принадлежности, представляют на высочайшее утверждение с их заключением.

Таким образом, вы видите здесь какие-то более чем упрощённые формы, которые заменяют собой для весьма обширной области законодательства, для тех правовых норм, которыми живёт цвет населения, когда оно проходит через ряды армии, общий законодательный порядок. Эти формы — рассмотрение законодательных вопросов судебной инстанцией, притом только для предварительного заключения, которое потом военный или морской министры снабжают заключением окончательным. Получается даже не законосовещательный орган, в смысле прежнего государственного совета, а просто совещательная комиссия при министре и больше ничего. Я не сомневаюсь, что даже среди составителей основных законов не всем было ясно, какой

это порядок. Не сомневаюсь потому, что как бы они ни были радикальны, у них не могло, наверное, возникнуть и мысли о том, чтобы в отношении правил отправления общего уголовного правосудия наряду с государственной думой и государственным советом поставить уголовный кассационный департамент сената. Не могла прийти мысль о таком смешении судебной власти с законодательной. В отношении же специальных постановлений, касающихся тоже уголовного правосудия, только военного, именно эта система и принята. Мы обязаны, однако, толкуя всякий закон, как бы он ни был неудовлетворителен, искать в нём внутренний разум, искать смысл. Поэтому, толкуя ст. 55 основных законов, мы должны помнить, что это всё-таки есть изъятие из общего порядка рассмотрения законодательных вопросов, а раз это изъятие, то оно может быть понимаемо только ограничительно. Здесь говорится о постановлениях по военно-судебной и военно-морской судебной частям. Правда, статья 1075 и последующие военно-судебного устава — совершенно аналогичные правила, повторены в военно-морском судебном уставе, — говорят о законодательных вопросах вообще, т. е. о вопросах, как материального военно-уголовного права — о преступлении и наказании, — так и права процессуального. Но что такое, спрашиваю вас, «постановления по судебной части» вообще? Неужели найдётся юрист, который скажет, что уложение о наказаниях или устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, или новое уголовное уложение, что это всё суть постановления по судебной части. Такого юриста, конечно, не найдётся. Всякий отлично понимает, что постановлениями по судебной части можно называть только постановления, относящиеся к законодательству процессуальному, а отнюдь не к материальному. Воинский устав о наказаниях — тот кодекс, который содержит правила о назначении смертной казни, — есть кодекс материальных военно-уголовных законов. Это не есть собрание постановлений по военно-судебной части, хотя бы потому, что этот кодекс есть в такой же точно мере собрание постановлений по судебной части общей, ибо не только военный суд, но и суд общий обязан его применять при смешанной, например, подсудности и в целом ряде других случаев.

Итак, я утверждаю, что под постановлениями по военной и военно-морской судебной частям можно понимать только правила процессуальные, а поэтому нет никакого формального препятствия для того, чтобы государственная дума рассмотрела и разрешила вопрос о смертной казни по военно-уголовным законам. В военно-уголовных законах, ныне действующих, смертная казнь полагается только в военное время, но понятие военного времени путём применения исключительных правил распространяется и на такое время, когда никакой войны с иностранными государствами не имеется. Мы предлагаем уничтожить применение смертной казни в мирное время, для кого бы то ни было на территории Российского государства, в том числе и для военнослужащих, а для этого отменить статью 91 воинского устава о наказаниях. Но как поступать во время фактической войны? Комиссия внимательно и детально обсудила этот вопрос и пришла к тому заключению, что если бы государственная дума сейчас постановила о полной отмене смертной казни в военное время, т. е. во время настоящей войны с иностранным государством, то, может быть, она услышала бы указания на некоторую поспешность и на некоторую малую продуманность. Нельзя забывать и скрывать от себя, что смертная казнь в военное время существует решительно во всех военно-уголовных кодексах европейских государств. Следовательно, если мы встанем на новый путь, то мы явимся новаторами, а раз мы являемся новаторами в каком-нибудь вопросе, то он должен быть особо тщательно изучен. Комиссия предлагает Государственной думе вопрос этот разработать самостоятельно и отдельно, а сейчас никакого решения не принимать. И надобности практической нет в немедленном принятии

решения: войны с иностранным государством сейчас нет, а когда она будет, то выработать законопроект не представит исключительно больших усилий. Но я должен сказать, что сам лично держусь того мнения, что и в военное время смертная казнь не только не необходима, но совершенно не нужна (*продолжительные аплодисменты слева*).

В заключение докладчик переходит от юридических мотивов к политическим. Надо ответить, своевременно ли сейчас отменять в России смертную казнь? В этом вопросе слышится старый бюрократический принцип, тот принцип, который привёл Россию к нынешнему положению — «сперва успокоение, а потом реформы». Ведь даже граф Толстой, когда он был министром внутренних дел, не отрицал необходимости реформ; он говорил, что реформы необходимы, но только они несвоевременны. Он говорил: «сперва должно наступить успокоение, а потом можно дать реформы». Ведь здесь полное отсутствие логики! Ведь когда движение ведётся во имя реформ, то как же можно сказать, что вы успокойтесь, не ждите реформ, не желайте их, и тогда вам их дадут!

То же самое и по отношению к смертной казни. Сейчас движение в пользу отмены смертной казни охватило всё население вплоть до глухой деревни. И можно ли в это время сказать: «пусть не будет политических убийств, тогда мы отменим смертную казнь»? Я спрошу: когда же наступит тот момент, что будет своевременнее, чем сейчас, отменить смертную казнь? Мы живём в эпоху революции. Смена настроений, смена течений, смена личного торжества — она может наступить каждую минуту. Кто будет вынесен на верх власти, кто будет низвергнут, мы не знаем. Неужели история не даёт нам достаточно примеров того, что именно в этот-то момент нужно сделать так, чтобы впредь не было убийств по закону, закономерных убийств?

Болезненно нужно, чтобы отныне при всей той неизвестности, которая русской жизни предстоит, не было уже закономерных убийств, чтобы каждое убийство, кем бы то ни было совершено, было бы только преступным деянием. 1 декабря 1789 г. французское учредительное собрание, по предложению доктора Гильотена, постановило, что отныне смертная казнь состоит в простом лишении жизни. Это постановление тогда вызвало возражения. Говорили, что, отменяя квалифицированную смертную казнь, подрывают основы правосудия, что правосудие неизбежно должно погибнуть, расшататься и что наступит анархия. Этого не наступило, но французская революция омрачила себя множеством приведённых в исполнение смертных приговоров.

Пусть наша русская Государственная дума начнёт свою деятельность с полной отмены смертной казни. Это не расшатает устоев правосудия, но это гарантирует то, что отныне смертная казнь у нас, т. е. лишение жизни властным безвластного, что такого лишения жизни больше не будет (*гром аплодисментов*).

Министр юстиции Щегловитов, подобно Кузьмину-Караваеву, начинает свою речь историческими справками, из которых вытекает, что Россия чуть ли не первая вступила на путь отмены смертной казни, но затем, оставив их в стороне, старается доказать, что в настоящее время отмена смертной казни невозможна.

Смертная казнь, ограниченная нашими общими уголовными законами тягчайших преступлений государственных, при обсуждении вопроса об её отмене, требует ближайшего выяснения характера современных политических преступлений. Противники рассматриваемого наказания указывают на то, что оно непригодно для обеспечения общества от таких преступников, которые

совершают посягательства, стремясь пересоздать государственный или общественный строй. Дело, однако, в том, что в последнее время характер, так называемых, политических преступлений видоизменился. Развитие социалистических учений до их крайних пределов привело к появлению анархизма, которым положительные идеалы заменены одним отрицательным идеалом полного разрушения основных устоев государственности и общественности. Анархизм, подтачивающий всякую государственность и общественность, есть печальное и в высшей степени опасное явление наших дней, представляющее из себя вершину современной революционной волны. Угроза, которую несёт на своём хребте анархическая волна, есть угроза всему человечеству. Не подлежит никакому сомнению, что с отмеченным явлением государства должны бороться, хотя бы при помощи самых крайних средств. Лучшим подтверждением сказанному служит то, что в странах, наиболее чутко относящихся к ограждению прав и интересов личности, за последние годы уже нынешнего столетия замечается поворот к смертной казни, как способу борьбы против анархизма. Так, в 1902 году в 4-х штатах Северной Америки, в том числе в Нью-Йоркском, изданы законы, устанавливающие смертную казнь за посягательства, направленные против высших представителей государственной власти. В 1903 году эта же мера распространена ещё на 4 штата. Характерно, что нью-йоркским законом проявлением анархизма признаётся распространение учений, направленных к ниспровержению путём насилия государственной власти. Трудно было бы отрицать, что анархизм не имеет корней и в современном русском революционном движении. Достойно внимания при этом, что отделение анархистов от воинствующих революционных деятелей представляет чрезвычайные трудности. По выражению одного из исследователей анархизма, революционные социалисты составляют гусеницу, а анархисты — бабочку, из неё образовавшуюся. Отмеченная особенность современных политических преступлений, без всякого сомнения, должна быть подвергнута строгому учёту при обсуждении вопроса об отмене смертной казни. Необходимо далее считаться и с переживаемым нами тяжёлым временем широко распространившихся смуты и волнений. Ежедневно, на громадном пространстве России совершаются возмутительные политические посягательства, уносящие в могилу добросовестных исполнителей своего служебного долга, охраняющих общественную безопасность. Отмена смертной казни для политических преступлений при таких условиях была бы равносильна отказу государства всемерно защищать своих верных слуг (*шум, голоса: довольно!*).

Председатель. Такого способа прекращения прений в наказе не указано (*аплодисменты центра*).

Министр юстиции… Но, быть может, предлагаемая отмена смертной казни поведёт к уменьшению политических убийств? Наглядным опровержением таким ожиданиям служит опыт, сделанный во всемилостивейшем указе 21 октября 1905 г., о замене каторгой смертной казни всем присуждённым до 17 октября того же года. Как известно, после 21 октября посягательства, влекущие смертную казнь, не только не уменьшились, но даже значительно возросли. Вообще отмена смертной казни за политические преступления требует прежде всего вполне окрепшего государственного порядка и установившегося успокоения в стране, при отсутствии же этих условий подобная мера едва ли может быть признана своевременной. Ознакомившись с работой комиссии, составлявшей проект нашего уголовного уложения 1903 г., берлинский профессор фон-Лист указал на то, что в вопросе об отмене смертной казни необходимо обсудить, может ли Россия обойтись без того, что до сих пор ни одно большое государство не считало излишним, и существует ли аналогия между условиями малых стран с однородным населением и условиями обширного и

потому отличающегося разнообразием населения восточного государства. Отмена смертной казни, заявил тот же учёный, была бы встречена восторженными рукоплесканиями со стороны многочисленных аболиционистов, т. е. противников смертной казни; сохранение же её будет одобрено всеми теми, для кого политические соображения имеют большую ценность, чем болезненные, хотя и навеянные идеальными стремлениями гуманитарные идеи. Кроме политических преступлений, смертную казнь по нашим общим уголовным законам влекут ещё и наиболее тяжкие карантинные преступления. По отношению к последним представляется, по моему мнению, желательным теперь же отказаться от подобного наказания. От него уже отказалось для этих преступных деяний новое уголовное уложение, и единственно только за невведением его в действие в полном объёме смертная казнь продолжает оставаться наказанием, определённым в действующем законе по отношению к указанным преступным посягательствам.

Голоса. Отставка, отставка (*шум*).

Главный военно-морской прокурор Матвеенко. По поручению морского министра считаю долгом заявить Государственной думе, что отмена смертной казни по воинскому и морскому уставу о наказаниях должна составить предмет особого вопроса, подлежащего рассмотрению в законодательном порядке, определённом военно-морским судебным уставом. Такое направление этого вопроса, по мнению морского министра, определяется 55-й статьёй основных законов, с толкованием которых, изложенным здесь г. членом-докладчиком, морской министр согласиться не может.

Председатель. По поручению военного министра… (*шум*) главный военный прокурор… (*шум*). Со всех сторон слышатся возгласы: «Палач!», «Кровопийцы!», «Бессовестные!», «Убийцы!», «Долой палачей!» и т. д. Тщетно председатель пытается успокоить страсти. Шум растёт всё больше и больше, и ген. Павлов, стоя на кафедре, не имеет возможности сказать ни одного слова. Председатель заявляет, что заседание прерывается, но слов его не слышно. Тогда он поднимает руку в знак перерыва заседания и гневно оставляет председательское кресло. Министры выходят вслед за ним. Только ген. Павлов почему-то остаётся на некоторое время, и потому шум не прекращается. А когда он, наконец, выходит, снова поднимается буря негодования. Ген. Павлов, видимо, взволнован. Из ложи журналистов видно, как он пытается искривить губы в улыбку, но это ему плохо удаётся…

Перерыв длится долго. Трудовая группа и кадеты удаляются для совещания о том, как отнестись, если Павлов вернётся на кафедру. Постановляют: трудовики — продолжать обструкцию, кадеты — демонстративно уйти.

Заседание возобновляется в 6 ч. 22 м. вечера.

Товарищ министра внутренних дел *Макаров*. Вопрос о смертной казни не имеет, по моему мнению, прямого отношения к ведомству министерства внутренних дел, от которого я, по уполномочию министра, являюсь представителем. Так, по-видимому, полагала и сама Государственная дума, потому что проект этот министру внутренних дел сообщён не был. Однако в настоящем заседании г. член-докладчик, между прочим, указывал на то обстоятельство, что если принять проект, то подлежать изменению соответствующие статьи положения об усиленной и чрезвычайной охране. Эти исключительные законы имеют несомненно отношение к министерству внутренних дел. Смертная казнь всецело относится к области материального уголовного права,

нормы которого устанавливаются уголовными кодексами, т. е. уголовным уложением 1903 г., уложением о наказаниях и воинскими уставами о наказаниях. Если вы измените соответствующие статьи этих кодексов, исключив из них смертную казнь как наказание, она отпадёт сама собой, без всякого изменения исключительных законов, ибо исключительные законы никакой новой кары не вводят, а, как справедливо заметил докладчик, определяют лишь особую подсудность, требуют применения в известных случаях закона, предназначенного для военного времени, и тем самым допускают смертную казнь при таких преступлениях, за которые в общем порядке она не полагается. Ввиду этого я нахожу, что вопрос об отмене смертной казни и вопрос об изменении подлежащих статей исключительных законов, в сущности, два вопроса совершенно различных. Нисколько не защищая незыблемости существующих исключительных законов и совершенно допуская необходимость их изменения, я полагаю, что при этом представится надобность пересмотреть их всецело, в том числе и те исключения, которые делаются по отношению к подсудности преступлений, совершаемых в местностях, объявленных на положении чрезвычайной и усиленной охраны. Проект этот внесён уже в Думу, и по смыслу его предполагается положение об охране совершенно отменить. Как же будем мы пересматривать теперь то, что другим проектом предположено к полной отмене? Да не подумают, что это с моей стороны желание оттянуть пересмотр закона. Я прекрасно знаю, что проект о неприкосновенности личности уже внесён в Государственную думу 10 мая. Он подлежит на днях рассмотрению, и в интересах всецелого обсуждения этого проекта я считаю нужным, в качестве представителя министра внутренних дел, заявить, что рассматриваемый вопрос надлежит обсудить тогда, когда будет рассматриваться проект о неприкосновенности личности.

Голоса. В отставку!..

Аникин (тр. гр., Саратовская губ.). Я полагаю, что Государственная дума сочтёт для себя возможным рассматривать закон и без всяких заключений со стороны кого бы то ни было из тех господ, которых мы отсюда сейчас только что изгнали (*аплодисменты*). Несомненно, то, что сегодня здесь произошло, волнует не только нас, но это волнует и всю страну. То чувство негодования, которое охватило всех нас при виде людей, стоящих сейчас у кормила, сначала как будто бы сковало нас. Мы слышали вопиющее невежество, мы слышали, что социализм сравнивали с анархизмом, мы видели даже, как выводили анархизм из социализма. Делали ли это нарочно или по невежеству, я не знаю, но, несомненно, это подготовило к тому, чтобы взрыв негодования вылился при появлении на этом священном месте человека, которого вся жизнь есть кровь и убийство (*аплодисменты*). Пусть же знает, что Государственная дума имеет своею целью здесь решать мирно, и всякий вид крови, и всякий вид кровавого, ужасного, что появляется здесь, возмущает нас, и мы при этом не можем работать. Пусть страна знает, что мы не терпим крови, и это мы сегодня показали. Вот что, мне кажется, означает тот порыв негодования, который здесь был (шумные *аплодисменты*).

Гр. Гейден (окт., Псковская губ.). Хотя член Государственной думы Аникин и говорил от имени всей думы, но я позволю себе заявить, что я и мои сотоварищи с такой постановкой вопроса несогласны. Мы думаем, что мы собрались сюда во имя свободы, и всякое насилие над свободой, с точки зрения моей и моих товарищей, недопустимо и нежелательно. Если здесь выступило представителем правительственной власти лицо, которого мы лично порицаем, я вполне допускаю возможность вынести мотивированный переход к очередным делам с указанием личного ему

недоверия. Я, может быть, первый присоединился бы к этому, но нарушать свободу слова, свободу прений — я к этому никак не могу присоединиться (*аплодисменты*).

Винавер (к.-д., Петербург). Господа, и мы храним тоже завет уважения к свободе слова, но есть пределы, в которых нужно считаться с человеческим терпением. Военный министр имеет право являться на эту трибуну и давать свои заключения, но присылать на эту трибуну человека, который явно вызывает возмущение всей Государственной думы, мы можем понимать как вызов со стороны военного министра, которому это право предоставлено (*аплодисменты*). Государственная дума, храня достоинство свое как учреждение, вправе требовать, чтобы относились более внимательно к ней и к явно выраженным ею пожеланиям. Поэтому я понимаю и всецело разделяю возмущение всех тех, которые ответили громким протестом против появления того человека, который является пред нами в глазах Государственной думы выразителем направления, против которого направлен наш законопроект (*продолжительные аплодисменты*).

Петражицкий (к.-д., С.-Петербург). Я имел в виду сказать то, что сказал товарищ Винавер. Поэтому отказываюсь от слова (аплодисменты).

Аладьин (труд., Симбирская губ.). Единственный случай, когда спокойная работа Государственной думы прерывается бурным порывом страсти, бывает тогда, когда сюда, на трибуну, выходят представители министерств; других случаев не было. Когда приходят люди просить крови, пусть, по крайней мере, они приходят сами; но вместо того, чтобы явиться с этой покорной просьбой дать еще им немного крови, потому что им ее было еще недостаточно, они прислали сюда господина, с именем которого все, кто что-либо знает в России, соединяют только единственное слово «палач». Понятно, что при этих условиях Государственная дума не будет заниматься вопросом о том, кому давать слово; дают слово тем, у кого есть минимум порядочности, минимум честности, минимум положения, которое дает возможность смотреть честному человеку прямо в глаза; все, кто не удовлетворяет этому минимуму, никогда — ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра — не будут иметь какой-либо возможности говорить с этой трибуны. От имени трудовой группы я заявляю, что мы охотно готовы выслушать какого угодно представителя военного министерства, но что г. Павлов с этой трибуны ни одного слова более не произнесёт! (*аплодисменты*).

Рамишвили (с.-д., Кутаисская губ.). Из всех концов России летят сюда, в Думу, в письмах и телеграммах, известия о славных деяниях нашего славного правительства, известия — одно ужаснее другого. Там, в жизни, поднимается охота, там расстреливают народ, а здесь авторы этого поднимаются на эту кафедру с окровавленными руками и думают очиститься перед нами, перед Думой, и этим они хотят очиститься перед всей Россией. От лица своих товарищей социал-демократической фракции я заявляю перед Думой и перед Россией, чтобы они не смели подниматься на эту народную кафедру, чтобы они не пачкали это высокое место той кровью, которую они приносят сюда, чтобы они не смели оправдываться 55-й статьёй, чтобы они не смели оправдываться в тех насилиях и зверствах, которые носятся с одного конца России до другого, чтобы они не вводили вас в заблуждение, чтобы народ знал наше категорическое заявление: долой этих людоедов, долой этих палачей! (*продолжительные аплодисменты*).

Кн. Волконский (окт., Рязанская губ.). Нынче вы сгоните одного, а завтра другого, и работа станет невозможной, и вместо порядка, для которого мы созваны, вы зальёте страну такой кровью, какой она ещё не видала (*шум*). Я глубоко протестую против этого (*шум*).

Алексинский (к.-д., Владимирская губ.). Пусть господа министры тоже узнают, что трибуна Государственной думы не есть эшафот и что здесь не место палачам. Эта мысль, несомненно, взволновала всех членов Государственной думы, когда они с единодушным негодованием ответили на появление здесь известной нам личности.

Маслов (Терск. обл.). Не обращая внимания на то, что в данный момент военного прокурора здесь нет, я со своей стороны считаю, что продолжать заседание, рассматривать закон об отмене смертной казни следует (*аплодисменты*).

Кн. Баратов (к.-д., Тифлисская губ.). Мы должны возразить против того, что будто бы мы кого-то здесь лишили слова; это ошибка, мы слова никого не лишали: мы лишили только места, а лишить места и слова — это не одно и то же (*аплодисменты*). Я нахожу, что эта кафедра, несомненно, священна, что она — народная трибуна, что с этой кафедры, действительно, мы должны заботиться о благе народа, мы должны прислушиваться к требованиям народа. Но если сюда приносят кровь, если нам представляются лица в виде Нерона, то говорить, чтобы они оставались на этой кафедре, — великое заблуждение; такие лица, которые это утверждают, хотя и являются друзьями народа, несомненно, будут действовать тут против народа. Я нахожу, что тем лицам, которые пролили кровь, которые ещё не успели умыть рук, место не здесь, а где-нибудь на Сахалине (*аплодисменты*), а потому мы и должны вернуться к настоящему вопросу.

Вносится и принимается предложение продолжать обсуждение законопроекта об отмене смертной казни до тех пор, пока он не будет принят.

Набоков (С.-Петербург). Я очень жалею, что г. министр юстиции покинул зал заседания во время перерыва. Я имел в виду поблагодарить его за тот подарок, который он нам сделал, соглашаясь на отмену смертной казни за карантинные преступления, и спросить его, когда был последний случай применения смертной казни за карантинное преступление и сколько вообще, хотя бы за последние 50 лет, было приведено в исполнение смертных приговоров по делам карантинным. Здесь я вижу г. товарища министра юстиции, который, может быть, этими сведениями обладает (*обращается к министерской ложе и, по-видимому, получает отрицательный ответ*). Нет? (*аплодисменты; председатель останавливает оратора*). В таком случае я очень извиняюсь, что я, по-видимому, нарушил наш наказ, принятое у нас правило, как мне говорит председатель, обратившись с таким вопросом. Но я преследовал совершенно ясную цель: я хотел подтвердить то, что эти случаи, если они и были, во всяком случае насчитываются единицами. Аргументация министра по существу произвела на меня угнетающее впечатление. Весь вопрос заключается в том, можно ли оставить смертную казнь как меру наказания совершенно независимо от тяжести преступления. Ведь мы доказываем, что смертная казнь по существу во всех без исключения случаях недопустима, не достигает никаких целей, глубоко безнравственна как лишение жизни, глубоко позорна для тех, которые приводят её в исполнение, указываем на то, что всякий человек с непритуплённым нравственным чувством, присутствуя при исполнении смертного приговора, испытывает это чувство стыда и позора. Лучшие русские писатели — Тургенев, Достоевский, Толстой — отмечали эту черту. Раз она есть, то она свидетельствует, что для нравственного чувства смертная казнь — нечто недопустимое. Мы говорим, что смертная казнь не удерживает от совершения преступлений. Нам возражают, что есть преступления, с которыми следует бороться крайними средствами, и вот почему надо сохранить смертную казнь. Да ведь мы говорим, что смертная казнь не есть крайнее средство, а что она есть дурное, бесполезное и безнравственное средство. Наши аргументы по

существу они не рассматривают, а отделываются общими местами, давно забытыми и избитыми фразами. Тут была сделана ссылка на Западную Европу и на профессора Листа. Я этой ссылке обрадовался: я думал, что это было бы хорошей выучкой для нашего правительства, если бы оно выучилось читать и цитировать профессора Листа; оно тогда прочло бы речь, которую произнёс профессор Лист, как председатель митинга, созванного в Берлине для выражения протеста против белостокских ужасов, произнеся по адресу правительства и по адресу Государственной думы (*аплодисменты*). Я был бы рад, если бы г. министр юстиции использовал свои досуги, остающиеся по рассмотрении наших законопроектов, для чтения этих речей и резолюций. Но, действительно, факт, который приведён здесь, верен. Действительно, 25 лет тому назад профессор Лист говорил, что в России, в этом восточном государстве, где ещё царствует деспотизм, где ещё есть полное порабощение и бесправие личности, смертная казнь есть такое явление, которое не особенно бы резало глаза на общем фоне бесправия, на общем фоне деспотизма. Нам указывали, что в Западной Европе смертная казнь тоже не отменена. В этом была ошибка; было упущено то, что на западе Европы смертная казнь не везде отменена за тягчайшие общие преступления, тогда как у нас за самые тягчайшие общие преступления она отменена полтораста лет тому назад; она осталась у нас исключительно как мера борьбы с политическими преступлениями (*голоса*: Верно). По поводу западно-европейских взглядов на смертную казнь, которые подтверждаются цитатами, ссылками на Северную Америку, я должен сказать, что в этом отношении, действительно, западно-европейские криминалисты в общем проявляют некоторую, так сказать, притуплённость нравственного чувства. Мне случилось говорить с одним из выдающихся немецких профессоров по вопросу о смертной казни и спросить его, присутствовал ли он при исполнении смертных приговоров, которые в Германии приводятся в исполнение одним из самых отвратительных способов, а именно топором. Он сказал, что присутствовал. Я спросил: «Какое впечатление произвело это на вас?» — «Такое же впечатление, — сказал он в ответ, — как если бы я присутствовал при умерщвлении быка, телёнка, коровы: впечатление гадливости, но не более». Точно так же другой западно-европейский криминалист, англичанин, юрист Стифен, в своих трудах доказывал, что смертную казнь следует сохранить. Когда приводили ему примеры, что бывают судебные ошибки, что казнят сумасшедших, а это в Англии может очень легко случиться, так как доказательство сумасшествия на суде обставляется большими формальностями, он сказал, что, в сущности говоря, большинство сумасшедших сами виноваты в том, что сошли с ума, так как сумасшествие является результатом развратной жизни и проч.; если таких людей умерщвлять, то это так и нужно. Затем итальянская антропологическая школа выставила довод в пользу сохранения смертной казни для того, чтобы улучшить человеческую породу и удалять тех лиц, которые являются извергами. Ту же самую мысль преследовали те северо-американские штаты, о которых говорил здесь министр юстиции.

В одном из северо-американских штатов находится в настоящее время проект о том, чтобы лишать дегенератов, закоренелых пьяниц, людей, страдающих известными болезнями, способности деторождения. Это есть такой проект, который для Северной Америки, по-видимому, мыслим, но если бы у нас внесли такой проект, то мы сказали бы, что в наш монастырь с такими уставами ходить не следует. Я понимаю, что с известной точки зрения, с абстрактно-научной или уже чрезмерно практической, итальянские антропологи говорят, что людей, привычных к порокам, убийц-дегенератов, пропойц, людей, не приспособляющихся ни к какой общественной среде, государство не может содержать на свой счёт, и вот предлагают способы расстаться с ними. Но когда это говорят по отношению к политическим преступлениям, когда на этом основании вас

приглашают отнимать жизнь у людей, которые при изменившихся обстоятельствах могли бы быть вождями народными и часто являются народными героями, то я полагаю, что эта ссылка есть недоразумение или что-нибудь ещё хуже (*аплодисменты*). Г. министр юстиции указывал на анархизм и говорил, что надо с ним бороться; это, конечно, покушение с негодными средствами. У нас в России есть величайший анархист — гр. Лев Николаевич Толстой, с которым едва ли стал бы г. министр юстиции бороться смертной казнью. Но затем, если вы рассмотрите те статьи наших уголовных уложений, которые предусматривают смертную казнь, то вы должны будете согласиться, что об анархизме нечего и говорить. Я смею думать, что поскольку вопрос идёт об общем нашем уголовном уложении, вопрос о сохранении смертной казни должен считаться вопросом академическим. Если г. министр юстиции становится на точку зрения борьбы с известными политическими преступлениями, то он должен иметь в виду то, с чем борется. Ст. 99 говорит, что смертной казнью наказывается посягательство на жизнь, здоровье, свободу и вообще на неприкосновенность священной особы царствующего Императора, Императрицы или Наследника престола или на низвержение царствующего Императора с престола и на лишение его верховной власти или на ограничение его прав. Прежде всего я должен указать, что эта статья написана и утверждена в 1903 году, и если бы её применяли в 1904 и 1905 гг., то её пришлось бы применить прежде всего к тому лицу, которое преподнесло Государю Императору манифест 17 октября (*аплодисменты*), ибо это лицо совершило, несомненно, посягательство на ограничение прав Верховной власти.

Вы скажете, что это он сделал с согласия Верховной власти, но если мы допустим хоть на одну минуту (чего я не думаю), что манифест был дан по инициативе этого лица, то мы должны признать, что это лицо совершило преступление против 99-й статьи. Таким образом, эта часть статьи, конечно, меняет совершенно особенное своё значение. Что же касается первой части статьи, то в ней я вижу академичность всего этого спора. В то время, когда вопрос об особе царствующего монарха является вопросом о государственном строе, в то время, когда существует самодержавие, когда в лице монарха воплощается идея государственного строя, тогда такое ограничение, такое указание может иметь значение; когда же идёт речь о конституции, о конституционном монархе, то академичность этого положения, по моему мнению, явствует сама собою.

Те люди, которых г. министр юстиции называет анархистами, по всей вероятности, в своей борьбе с существующим строем не должны будут и не могут обращать свои удары на тех, которые в данный момент не являются представителями данного государственного строя. Конечно, я знаю, есть исключения, и мне могут указать на коронованных особ в государствах конституционных. Господа, я думаю, что такого рода покушения должны влечь за собой строгое и заслуженное наказание, но если бы меня спросили, является ли то обстоятельство, что виновный действовал под влиянием анархических теорий или что он действовал под влиянием анархических побуждений, смягчающим его вину, я ответил бы в утвердительном смысле.

Статьи уголовного уложения, которые охраняют жизнь каждого человека, должны охранять и жизнь коронованных особ. Я оставлю в стороне, насколько можно, рассматривая вопрос с точки зрения нашего уголовного уложения, признавать здесь квалифицирующее обстоятельство. Укажу ещё на случаи, упомянутые в уголовном уложении, где сохранена смертная казнь за убийство членов императорского дома. Спрашивается, почему это — политическое преступление? Разве родство с царствующим Императором создаёт из убийства политическое преступление? Это убийство может вытекать из самых разнообразных обстоятельств. Члены императорского дома

сталкиваются с людьми в самых разнообразных отношениях, в самых разнообразных условиях. Они не являются носителями политической идеи, символом политических взглядов. Я считаю, что тут нет оснований говорить о политическом преступлении. Что касается до наказания смертной казнью шпионажа и государственной измены, то по той постановке, которую они получили в уголовном уложении, эти случаи могут встречаться только в военное время. Я лично держусь взгляда, что если Государственная дума примет законоположения, которые изложены в представленном проекте, то этим отменяется смертная казнь без всяких исключений. Комиссия в объяснительной записке указала, что по существу она вопроса не рассматривала, а предоставляет окончательное решение вопроса будущему закону. На заявление, которое было сделано представителем морского министерства, я должен ответить, что мы совершенно не касаемся вопроса о порядке и форме изменения постановлений военно-морского устава и воинского устава о наказаниях и т. д. Мы говорим, что раз вообще закон отменяет по принципиальным соображениям известную карательную меру, эта мера из наших законодательств исчезает, и никакие судебные учреждения не могут эту меру применять. Вопрос о том, в каком порядке следует изменять статьи воинского устава о наказаниях или военно-морского устава, в которых предусмотрена смертная казнь, для меня вопрос не существенный. Тот судья после принятия закона, первая статья которого гласит: «смертная казнь отменяется», — тот судья, который после этого постановит смертный приговор, и исполнители, которые приведут его в исполнение, совершают уголовное преступление.

По поводу указаний представителя министерства внутренних дел должен сказать, что это вопрос в конце концов академический. Никто, конечно, в Думе не сомневается, что в проекте о неприкосновенности личности, который будет внесён в Государственную думу на рассмотрение, никаких ограничений и исключений в пользу смертной казни ни сделано, ни допущено не будет. И если бы представитель министерства внутренних дел хотел сегодня высказаться, мы бы его выслушали; я скажу, так же равнодушно, как будем слушать тогда, когда он будет говорить по вопросу о неприкосновенности личности. Мы считаем, господа, — повторяю, по-видимому, представители правительства этого не понимают, — что здесь вопрос принципиальный; мы считаем, что в России смертная казнь должна быть вычеркнута из всей карательной системы.

Министр олицетворяет борьбу за свободу с борьбой против теперешнего правительства. Конечно, борьба за свободу есть борьба с правительством, и при этом условии борьба может привести к желанному исходу только в том случае, если правительство уйдёт. Но сегодня здесь оно ещё раз доказало своё бессилие в понимании государственных задач и своё непонимание того, что называется этическими народными требованиями: оно доказало, что может существовать только путём этого старого, осуждённого всеми лучшими людьми строя, с помощью этого орудия борьбы. Господа, до сих пор у нас со времени старого юриста Баршева, — который в 50-х и 40-х годах доказывал пользу кнута и только после шестидесятых годов, когда ему на экзамене студент отвечал и привёл доводы в пользу кнута, он сказал ему с грустью: «Теперь так не думают»; он был вместе с Лохвицким единственною юридическою окаменелостью, доказывавшею необходимость смертной казни, — с тех пор все голоса, принадлежащие русскому обществу, и все русские юристы высказывались против смертной казни; за неё стояли только органы типа «Московских ведомостей» и лица типа Грингмута. Теперь же эти лица и эти органы приобретают себе (*обращаясь к министерским скамьям*) достойных сотоварищей (*продолжительные бурные аплодисменты*).

Ледницкий (к.-д., Минская губ.). С величайшим изумлением, скажу больше, с ужасом я выслушал здесь первого представителя исполнительной власти. Не упуская случая похвастаться

перед Европой, что Россия — передовая страна, что она первая ввела отмену смертной казни по приказу императрицы Елизаветы Петровны, министр юстиции в то же самое время взял на себя неблагодарную роль доказывать перед народными представителями, что смертная казнь теперь, сто лет спустя, должна оставаться в системе наказаний для политических убийств. Передо мной во всём ужасе предстала наша несчастная истерзанная страна. Я увидел, в каком, действительно, водовороте мы находимся в настоящую минуту, когда у кормила правления стоят люди, в эту роковую минуту ссылающиеся на то, что смертная казнь может умиротворить страну, — других средств для этого в их распоряжении не имеется. Министр юстиции «расшаркался» перед народными представителями, выражаясь словами Набокова, «поднёс им подарок» — он согласен, карантинные преступления изъять из-под действия смертной казни. Щедрость необыкновенная!

Для чего ему нужен палач? Нужен для того, чтобы казнить идею, чтобы расстрелять идею, чтобы штыком проколоть её. Но министр забыл, что, расстреливая тех, кто шёл во имя идеи на верную смерть, ибо знал о смертной казни, он расстреливал русское правосудие, расстреливал остатки доверия к власти, к тому авторитету, именем которого государственная власть действует. Министр юстиции пришёл сюда доказывать, что смертная казнь нужна, потому что анархисты, выражаясь словами г. Щегловитова, расшатывают устои государственной власти, государственного организма, что с этими анархистами нет возможности бороться иначе, как при помощи палача.

Я понимал бы ещё известную допустимость этой меры, если бы представитель власти доказал, что он действительно настоящий страж государственного строя, что именем исполнительной власти здесь говорят люди, проникнутые государственной мудростью, что только этот голос мудрости заставляет их подавлять в себе человеческое чувство, чувство гуманизма, что подчинение лишь холодному уму и заставляет совершать величайшее из величайших преступлений — убийство по закону.

Но мы, живущие последние два года в революционном водовороте, разве мы имеем доказательство необходимой для государственного деятеля последовательности, разве мы не видим, как поступают с теми чиновными анархистами, которые своими руками гораздо больше расшатывают устои государственной власти и государственного организма, чем анархисты, выводимые министром юстиции из социализма; как поступают с теми, которые, оставаясь на постах государственных деятелей, устраивали погромы; как поступали с теми, которые в корне подрывали существование государственного порядка, которые приводили в ужас каждого, кто хоть только на одну минуту задумался над тем, в чьей власти в настоящую минуту страна находится! Разве мы видим, что к этим правительственным анархистам применяется та смертная казнь, которую применяют к другим революционерам? Применяется, действительно, чрезвычайно строгое наказание — соответствующее внушение, выражаясь словами министра внутренних дел.

Разве мы не имеем права спросить министра юстиции: «Вы сюда явились, чтобы сослаться на то, что смертная казнь останавливает политические убийства, или, перефразируя, обратное, что уничтожение смертной казни не прекращает убийств? Где же ваши доказательства?» Нам сослались на манифест 17-го октября и хотели убедить, что, несмотря на этот манифест, отменявший положенную за совершённые до него преступления смертную казнь, Россия опять в потоках крови, убийства не прекратились. Я жалею, что на этих скамьях нет представителей исполнительной власти. Я бы спросил их: а что, после 17 октября правительственные органы разве не совершали бесконечного количества погромов интеллигенции, погромов нашей молодёжи, что,

те погромщики, которые упивались кровью в Москве, Шуе, Одессе и Минске, наказаны? А что, представители государственной власти действительно принимали меры к тому, чтобы ввести в жизнь изложенные в манифесте 17 октября начала? — Нет.

Ещё из учебников уголовного права мы знаем, что в Голландии, где за простое карманное воровство полагалась смертная казнь, наибольшее количество карманных краж совершалось именно во время казней карманных воров. Мы знаем вместе с тем, что почти все представители науки в настоящую минуту отвергают смертную казнь как наказание, что новые уголовные законодательные кодексы исключают смертную казнь из системы наказаний. Министр юстиции сослался на весьма для него убедительный новый кодекс четырёх штатов Северо-Американской республики. Я спросил бы министра юстиции: а известен ли ему новый норвежский кодекс, составленный по проекту проф. Штосса, новый швейцарский уголовный кодекс, исключающий смертную казнь из системы наказаний? На каждом шагу имеются непреложные доказательства полной невозможности оставления смертной казни как с точки зрения государственной мудрости, так и с точки зрения юридической науки. Но в этот момент, когда все доказательства уже были приведены, нужно лишь на минуту остановиться на обсуждении этого вопроса с точки зрения общественно-политической, с точки зрения морали, с точки зрения народной совести.

Я думаю, каждый помнит ходячее выражение Сергея Соловьёва, отца Владимира, что «смертная казнь есть мерзость, измена христианству». Я не знаю, присутствовал ли кто-нибудь из вас при смертной казни; я сам, к счастью, никогда не присутствовал, но я видел картину Верещагина, воспрещённую в России, на которой написано именно совершение смертной казни, на которой изображён весь тот ужас, стыд, который проникает в душу каждого, присутствующего при казни человека. Вы подумайте, когда мы возражаем против убийства вообще, когда мы говорим, что убийство не должно иметь места, мы забываем, хорош или дурен был убитый, а исключительно останавливаемся на факте убийства.

Но то бывает убийство под влиянием страсти, аффекта, идеи, убийство, когда убивающий рискует сам своею жизнью, а теперь на одну минуту остановитесь на смертной казни, когда человека совершенно безвольного, связанного, не могущего защищаться, знающего, что его ничто не может спасти, ведут на эшафот, убивают спокойно, холодно. Этим объясняется то страшное чувство позора, которым заклеймено звание палача.

Если вы посмотрите на смертную казнь с точки зрения именно борьбы с идеей, если вы бегло окинете взглядом назад наше прошлое, тогда вы увидите, какие страшные жертвы не только русский народ, но все народы, живущие в России, принесли на алтарь этому богу крови. Если вы вспомните, что скоро сто лет исполнится, когда первые, поднявшие знамя борьбы за свободу декабристы, легли во имя освобождения родного народа на плаху; если вы от этого момента проследите последовательно историю этой борьбы, то увидите, какой безмерный ужас сковывает душу человека, когда он прочтёт исторический синодик имён убитых; прежде чем к нему перейти, я на одну минуту должен остановиться ещё на одной особенной черте смертной казни — на её бесповоротности.

Вы знаете, что к смертной казни был приговорён Достоевский, что если бы не было помилования, то, может быть, русская литература, русский народ лишился бы одной из лучших своих гордостей. Кто знает, что ныне для русской жизни скрывается на пустынном острове Березани или в других могилах, унесших столько юных жизней? В эту минуту надлежит вспомнить о всех

легендарных героях, которые были убиты во имя идеи, о легендарных героях, которых знает каждый народ, представители которого находятся в этой высокой палате, знает и тот народ, к которому я принадлежу; польский народ принёс, быть может, наибольшее количество жертв именно этому богу крови (*аплодисменты*).

Я вспоминаю в эту минуту, как последовательно, шаг за шагом, когда умирали декабристы, поднималось высоко знамя поляков с надписью: «За вашу и нашу свободу», и как тогда сложил свою голову легендарный польский герой Шимон-Конарский (*аплодисменты*). На смену ему, на смену убитому в 1844 году другому польскому герою Сегенному, явившемуся предвестником европейской революции 1848 и 1849 гг., явились русские петрашевцы, и чуть было не погиб от руки палача Достоевский. Если вы проследите далее этот бесконечный мартиролог, если вы подойдёте к нашим дням, то вы увидите, какое количество жертв мы понесли. Начиная с 1866 г. по 1892 г. было произнесено в России 134 смертных приговора, а за последние 18 месяцев смертных приговоров было около 300.

Необходимо ещё указать на то страшное положение, в котором находится каждый гражданин при существовании смертной казни, при бесповоротности наказания смертной казнью, при тех возможных роковых ошибках, которые имеют место в человеческом правосудии. Я имею в виду в настоящую минуту два смертных приговора, которые были вынесены Зелинскому и Маньковскому, которые впоследствии, после кассации приговора, при новом разбирательстве, были оправданы. А если бы этой отмены не последовало? Если бы формальные доказательства кассационного порядка, на защите которого стоит такой главный военный прокурор, как г. Павлов, были недостаточны, то тогда были бы убиты явно невинные.

А кто мне поручится, что таких невинно убитых нет, кто мне поручится в этом, когда я сам почти был свидетелем этого отправления правосудия во время московского восстания, когда убили — нельзя сказать, применили смертную казнь, ибо убили без суда, без следствия, по одному произволу, — Александра Сапожкова вместо Николая Сапожкова. Я спрашиваю генерал-прокурора, какие меры он принял к тому, чтобы такие роковые ошибки были действительно устранены, какие меры принял к тому, чтобы действительно виновные в убийстве Криворотова, Тарарыкова и многих других были отданы в руки правосудия; что сделал он, чтобы устранить произвол, чтобы обеспечить правосудие, чтобы поднять пошатнувшееся доверие к суду?

Нельзя приходить к народным представителям во имя смертной казни в таких условиях, когда запросы народной совести неудовлетворены. Те соображения, которые были приведены здесь в подтверждение необходимости оставить смертную казнь, меня глубоко смущают. Я смущён потому, что составился какой-то логический круг, из которого нет выхода.

В самом деле, являются люди, которые должны были бы более других помнить, что смертная казнь не должна быть уже в настоящий момент в русском законодательстве, которые более других должны были бы стремиться к уничтожению этого пережитка варварства. Они не понимают всего ужаса положения страны, не понимают своего собственного положения, являются сторонниками оставления смертной казни.

Я бы желал, чтобы эта смертная казнь навсегда была отменена, чтобы она отошла в область предания. Я совершенно согласен с тем, что нельзя оставить смертную казнь ни для какого рода преступного деяния, она не должна иметь места ни в армии, ни во флоте, не должна иметь места

во время войны. Но я не могу не остановиться на одну минуту на той мысли, которая вытекает из самого факта защиты смертной казни представителями исполнительной власти. Я вижу, что всё остаётся по-прежнему, и что Государственной думе нужно напрячь все усилия, чтобы побороть это цепляние бюрократических рук за старую власть. Мы имеем перед собой не представителей объективной власти, а просто людей, борющихся за своё собственное положение, за свои собственные прерогативы. Поэтому в этой борьбе, конечно, Государственной думе уступать не придётся. Я могу привести вам одно чрезвычайно характерное явление: может показаться, что только в последний момент революционной борьбы во главе русской власти оказались такие лица, что только теперь на скамье министров сидят люди, которым Государственная дума бросила от лица народа величайшее оскорбление, полное выражение недоверия. Но, к сожалению, всё наше тяжёлое прошлое устраивалось такими же руками; я вам приведу несколько слов из письма Кавелина Лорис-Меликову (читает): «Честные и понимающие люди не верят в мудрость, добросовестность, бескорыстную преданность благу России нашего высшего руководителя состава администрации, законодательства и суда. Печать глубокого незнания, бездарности и неискренности лежит на всём, что исходит из наших высших правительственных сфер; слишком они заняты своими личными интересами и придворными интригами, чтобы думать о чём-нибудь другом. Этой недостойной правительственной среде Россия выдана головой и лежит беззащитная и поруганная у её ног, не смея просить пощады, ни даже жаловаться на свои страдания». Эти слова Кавелина, писанные, когда возникала надежда на то, что в России установится конституционный строй, разве не следует применить к нашим дням? Разве не этой недостойной правительственной среде выдана Россия головой? Будущее неизвестно, мы изнемогаем в борьбе, но я вижу, как из кладбищ и ям, в которых зарыты люди, борцы за свободу, которые оставили нам воспоминание о них, тянутся к нам кровавые призраки; видим мы, точно как бы из костей их появляется фосфорическое сияние, озаряющее наше будущее и призывающее нас верить, что оно наше, что оно лучшее, что Россия выйдет с триумфом из страшных потрясений, когда исполнительная власть перейдёт из рук, которые теперь её держат, в законные руки самого народа (*аплодисменты*).

Родичев (Тверская губ.). Я не могу не признать по совести, что жалкими доводами защищает себя смертная казнь. Мы, господа, точно забыть должны, что министр юстиции по-русски значит «служитель правосудия». Из уст тех лиц, которым вверена судьба русского правосудия, мы слова «справедливость» не слыхали. Надо было иметь мужество сказать откровенно: это вопрос политики, это вопрос пользы; они считают смертную казнь полезной. Пойдём мы с ними на эту почву и зададим вопрос: кому и для чего она полезна? Она несправедлива — они это знают, и мы вправе обратить к ним вопрос: значит, вы, служители справедливости, считаете для государственной власти полезным защищать несправедливость? После этого мы не можем с вами не согласиться, что анархические учения господствуют в России; только источник этого анархизма не есть социалистическое учение, а есть простая утрата точки зрения совести. Тот период жизни, который мы теперь в России переживаем, по справедливости, может быть назван царством ужаса, царством террора, и те лица, которые несколько часов тому назад спокойным голосом защищали отсюда смертную казнь, в XX столетии шаг за шагом повторяют политику французских террористов конца XVIII столетия. Так же, как те, они жестоки, так же, как те, они безумны (*аплодисменты*), разница между ними только та, что те клали прежде всего в жертву свою жизнь и были бескорыстны, а этот режим, — он жертвует только чужой жизнью и своею корыстью не поступается (*аплодисменты*). Чего достиг французский террор? Не победы, потому что победы достигнуты помимо его. Он достиг того, что чистые идеи были обагрены невинной кровью. Эти не менее чистые

идеи они обагряют и невинной святой кровью русского народа, пробуют оживить гнилой труп прошлого режима, но им не спасти его. Казни, повторяющиеся одна за другой, кого они устрашили? Разве не наоборот, разве зрелище смерти и зрелище мученичества не зажигает сердец тех, которые после этого смело идут жертвовать своей жизнью? Разве смертная казнь, которую они расточают, не снимает с тех, в ком зреет преступление, разве не снимает с них укоров совести? Нет, она им прямо сулит мученический венец. Они изобрели единственный способ оправдания убийств: они своей практикой убийств оправдывают перед собственной совестью тех людей, которые потом становятся убийцами. Они поняли это, они это знают, они защищаются уловкой и отводом. Жизнь человеческая жертвуется приказному крючкотворству.

Надо отдать справедливость русскому террору: до тех пор, пока он действовал тайно, когда человек пропадал неведомо куда для других, когда перед ним стоял не ужас смерти, смотрящий в глаза, а ужас неизвестного, ужас холодной гильотины — Сибири, той длительной смертной казни, которую в настоящее время расточает министр внутренних дел, — когда стоял этот ужас, он пугал людей; в окружающих распространялась паника. Но с той минуты, когда люди знают, что значит введение военного положения, когда знают, что значит предание военному суду, с той минуты они смело смотрят смерти в глаза — «на миру и смерть красна». Они устраивают праздник смерти, быть может, и для успокоения патриотических сердец. Они нам говорят: «Достоинство Монарха должно быть ограждено», а я думаю, что приводить такой аргумент перед лицом народа значит оскорблять Монарха (голоса: верно).

Они думают, что смертная казнь политических убийств не остановит, но оставлением её мы кого-то почтим. Кого можно почтить перспективой пролития человеческой крови? Быть может, короля людоедов? Но, хотя всё сделано для того, чтобы превратить Россию в царство Сетивайо, короля зулусов, но до этого всё ещё далеко и это не удастся. Зачем приносятся эти жертвы? Я часто с ужасом читал описание последних дней жизни Фридриха Вильгельма IV, который царствовал некоторое время, будучи безумным. Безумие его выражалось в том, что он тщательно выискивал смертные приговоры и с наслаждением их утверждал. Этот отживающий режим, который также утратил разум, в настоящее время трясётся над этими последними смертными приговорами и хочет в остатке дней своих упиться ими (*аплодисменты*). Он с нежностью лелеет их.

Это ли, господа, умиротворение народа, это ли обновление совести? Это — отравление народной совести, и министр юстиции, который с этой кафедры, перед лицом всех своих подчинённых, на всю Россию произнёс эти слова, сосчитал ли он, какой разврат в души судей внёс он этими словами (*аплодисменты*)? Это никогда не простится, это — грех перед совестью народа и перед русским правосудием. Господа, вам малым количеством совести, каким малым количеством ума управляется Россия *(аплодисменты)*… Я скажу с чувством глубокого национального унижения: мне, моему патриотическому чувству, нанесено оскорбление *(продолжительные аплодисменты)*.

Огнев (Вятская губ.). Смертная казнь должна быть отменена именно потому, что она по природе своей не может быть названа собственно наказанием. Наказание преступника предполагает, с одной стороны, стремление общества обезопасить себя от преступного лица, с другой стороны — наложить на это лицо справедливое возмездие; и третья сторона — этическая — предполагает некоторое воспитательное воздействие на преступника. Таким образом, понятие наказания по природе своей именно предполагает продление человеческой жизни. Это тем более важно, что ведь человеческое правосудие может допускать

ошибки. Смертная казнь именно тем и ужасна, что она не даёт продления человеческой жизни, она пресекает человеческую жизнь; не даёт возможности человеку исправиться, стать на иной путь. В этом роковая бесповоротность смертной казни и даёт повод к заключению, что она не есть наказание, она не есть акт правосудия, а вызывается «кровожадной мстительностью». Можно говорить, что по отношению к преступлениям другого рода смертная казнь действительно не есть акт правосудия, но могут быть люди с такой преступно-злой волей, с такими убеждениями, для которых всякое наказание недействительно; это так называемые политические преступники.

Но, господа, мне припоминается другой оратор, который, сказав, что очень трудно людей, руководимых той или другой идеей, приравнять к преступникам, привёл в пример рассказ Тургенева, где описывается, как одна девушка, русская девушка, стояла перед роковой гранью, отделявшей эту жизнь от жизни загробной, и когда она переступила эту роковую грань, раздались два возгласа, два суда. Один возглас говорит: «безумная», другой говорит: «святая». Я ещё обращу внимание, что перед тем, как эта девушка переступила роковую грань, испытывающий голос заставил её пережить мучительный искус. После того, как он побудил её отказаться от всех благ земных, пожертвовать добрым именем, честью, памятью людской, ставится последний вопрос: «Готова ли ты на преступление?» И наш великий писатель говорит, что девушка поникла головой. Какая тяжкая борьба в ней совершалась!.. И вот последовал ответ: «Готова». «Иди», — говорит голос, и девушка переступает роковой порог и исчезает за таинственной дверью.

Мне, господа, в этой девушке представляются знакомые черты некоторых политических русских женщин. В лице этой девушки я узнаю черты и Засулич, и Волькенштейн, и Измайлович, и Спиридоновой, и других. И эти лица соглашаются сознательно идти на преступления! Если мы обратим внимание на их личные качества, как рисуют их нам биографы или товарищи по заключению, то окажется, что эти политические преступницы вовсе не злодеи по природе. По природе своей это люди особенной нравственной чуткости. Если мы, ординарные, обыкновенные люди, проходим мимо известных преступлений, совершающихся в обществе, если, может быть, возмущаемся в интимном кругу поступками насилия, то эти люди не могут ограничиваться интимным кругом, они ропщут громко, они не могут слова и чувства отделять от действий. Неправда, царящая в обществе, этих людей волнует больше, чем нас; безнаказанность разных административных насильников их возмущает, перспектива дальнейших ужасов от какого-нибудь Луженовского и других устрашает их, и, не имея других средств мирного воздействия на этих извергов, они решаются на преступления. Неужели, господа, вы думаете, что эти люди, если бы имели в своих руках какие-нибудь средства мирного воздействия, пошли бы на преступление, на политические убийства? Думаю, что никогда они не пошли бы на политические убийства *(аплодисменты)*.

К сожалению, господа, часть нашего общества, и главное, именно наше министерство, насколько я знаю, не убеждаются подобными соображениями, не убеждаются тем, что смертная казнь в настоящее время противна общественному сознанию, представляется вопиющим злом и не может быть названа ни в коем случае актом правосудия.

Какой же это высший синтез понимания жизни у них примиряет эту кровожадную мстительность с правосудием? Для меня, как убеждённого христианина, высший синтез понимания жизни заключается в Евангелии Христа. И вот, я должен с грустью сказать, что, действительно, на это понимание жизни указывают совершенно превратно: указывают на то, что сам Бог будто бы

велит наказывать грешников смертной казнью. К прискорбию, такой взгляд приводится в учебниках по закону Божию, катехизисах, выражается лицами, принадлежащими к церкви, но являющимися выразителями не мнения церкви, а ведомства православного исповедания *(аплодисменты)*. Я со своей стороны имею доказательства, что лицами, честно служащими церкви Христовой, это мнение не разделяется. Я от многих священников, от целых групп священников моей губернии, от которой я являюсь представителем, получаю телеграммы, где меня просят мои собратья, служители религии, ходатайствовать перед государственной думой об отмене смертной казни навсегда *(аплодисменты)*. Теперь, господа народные представители, я в кратких словах изложу вам тот основной взгляд на смертную казнь, который я нахожу в священных христианских книгах, представляющих для меня, как убеждённого христианина, откровение.

Ещё на первых страницах Библии мы слышим вопрос: «Каин, где брат твой?» Братоубийца слышит этот вопрос, и душа его трепещет. Так реагирует сознание первобытного человека на такое страшное преступление, как убийство Господа, мне думается, что в первые времена человечества, когда человечество сознало себя, для него не было более страшной печати, как печать братоубийцы — Каина. Немного далее мы встречаем другого ветхозаветного человека, в словах которого мы слышим крик нравственной боли, как будто за ним по пятам гонится нечто страшное, ужасное. Он совершил убийство, он убил двух человек.

Конечно, развитие человечества шло медленно, но уже несколько тысяч лет тому назад, как отдалённый раскат грома с дымящихся высот Синая, разнеслось властное для сердца человеческого приказание «не убивай». Чем дальше мы вглядываемся в страницы Библии, тем властнее и шире растёт это повеление. Уже ветхозаветный человек, несколько приобщившийся к культуре, трепещет при одной мысли, что ему, может быть, придётся пролить кровь человека. Читавший 50-й псалом знает стих: «Избави меня от крови, Боже спасения моего».

Является Иисус, раздалась проповедь Евангелия, и мир услышал дивные слова: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, делайте добро тем, кто ненавидит вас». Обратите внимание на эти слова, на это учение: в нём, в этих словах, отрицается самый жизненный нерв смертной казни. Это отрицается, как видно далее, и фактами. Например, факт прощения самарян, которые в глазах учеников Христа оскорбили Его своим невниманием, отказались принять усталого путника в своё селение. Раздаётся голос, увещевающий, что «Сын человеческий пришёл не губить людей». Смертная казнь рисуется уже как пагуба, гибель людей. И вот этот протест против лишения жизни человека, усиливающийся всё более и более, разрешается, наконец, как заключительным аккордом, крестной смертью Иисуса. Стоящие у креста друзья Его думали в горести, что всё для них потеряно: пострадал невинный, поругания обрушились на голову учителя истины и любви, лишён жизни благороднейший из сынов человеческих… Девятнадцать веков прошли с того времени. И мы, господа, знаем, на чьей, собственно, стороне нравственная победа. Крестной смертью Иисуса скомпрометировало себя не одно только римское правительство, гордившееся своею государственною мудростью; распятый Иисус отныне будет вечным символом укоризны для всякого правительства, действующего путём насилия, мучащего людей, приговаривающего к смертным казням. И моё убеждение, господа, что раз существует человеческий суд, возможно осуждение невинного, — это моё убеждение, при воспоминании о крестных страданиях моего Спасителя, поражает меня ужасом, что если в России будет существовать смертная казнь, всегда возможно, что будет казнён человек с богатыми возможностями к жизни, человек, который составил бы честь, славу и украшение всего человечества. И вот этот носитель чести и славы, о

которых не узнают люди, может получить преждевременную смерть, и у человечества может быть отнято дорогое существо. Из всего сказанного ясен приговор религии Христа: что никакое правительство, никакая власть на земле не имеет права отнимать жизни у человека *(аплодисменты)*.

Федоровский (Рязанская губ.). После горячих и страстных речей, которые здесь в продолжение многих дней слышались против смертной казни, я вправе был ожидать от министра юстиции строгой и последовательной логики в критике относительно того законопроекта, который обсуждался. Что же я услышал от него? «Ознакомление с известными отвлечёнными соображениями — вот что легло в основу тех заключений, с которыми выступила государственная дума, а не ближайшее рассмотрение свойств преступного посягательства». Таким образом, умышленно или нарочно, но метод исследования избран неверный. Нельзя исследовать вопрос с одной только стороны; говоря о преступном деянии, нельзя упускать исследования вопроса о наказании. Этот вопрос, вопрос об исследовании свойства наказания, здесь упущен. Если мы станем на эту точку зрения, т. е. откажемся от исследования свойств наказания, то мы придём к тем средневековым наказаниям, когда, например, Равальяку рвали щипцами живое тело и вливали в эти раны расплавленный свинец… Нельзя говорить о законопроекте, предусматривающем преступное деяние и кару за него, не останавливаясь самым подробным и всесторонним способом на основах, определяющих наказания. Этого сделано в ответе министра юстиции не было. Теперь позвольте приступить к исследованию доводов министра в части о преступном деянии. Переходя к свойствам этого деяния, он говорит, что только те деяния влекут за собой смертную казнь, «которые являются посягательствами, направленными против основ всенародной жизни», «против незыблемости внутренних основ его устройства»… В результате анализа этих деяний является, таким образом, что деяния эти в большинстве случаев предполагают наличность известного мировоззрения, во имя которого и совершаются они. Здесь предшествующим оратором было приведено сказанное недавно проф. М. М. Ковалевским напоминание о стихотворении в прозе Тургенева, когда отзыв о девушке, переступающей грань жизни во имя идеи, выражается в формуле «безумная она или святая?». Я думаю, что следует идти дальше. В наше время едва ли кто назовёт эту девушку «безумной». Большинство скажет: «она ошибалась, но она была святая». Третье доказательство, на которое указывал министр юстиции, доказательство, гласящее, что обстоятельства вызывают смертную казнь, — это доказательство совершенно, для меня лично, не выдерживает критики. В то время, когда усиленно повторяющиеся казни делают привычным или невозможным страх смерти, когда «перестаёт быть страшно», тогда смертная казнь теряет всякий свой смысл, даже призрачный. Но вот именно мне представляется, что эти обстоятельства и заставляют категорически вотировать за отмену смертной казни. Ведь уже много раз повторялось, что смертная казнь отрицает право на жизнь; если существует мысль, что государство вольно отнимать у меня жизнь, то вполне естественно возникает и у меня представление о том, что в силу каких-либо целей и я могу посягнуть на чужую жизнь. Вот именно об уничтожении идеи о возможности посягания на чужую жизнь необходимо повторно и громко говорить здесь! И вот именно во имя этих обстоятельств и требуется отмена смертной казни! *(Аплодисменты)*.

Аладьин (Симбирская губ.). Господа народные представители. Убеждать вас в необходимости отмены смертной казни не нужно. Народ, который послал нас, тоже не жаждет крови. Единственно, кто стоит за смертную казнь, — это господа министры. Центральный их довод тот, что они не будут в состоянии управлять, если смертной казни не будет. Великолепно. Мы обращались к чести,

совести, и ничего не могли поделать. Теперь у нас прекрасное средство. Раз только они не могут управлять страной без смертной казни, а мы хотим её несомненно уничтожить, так сократим наши речи к простому предложению: я голосую за отмену смертной казни! *(Аплодисменты)*.

Левин (Вильна). Массониус (Минская губ.). Новодворский (Варшава) и Онипко (Ставропольская губ.) отказываются от слова ввиду того, что вопрос исчерпан.

Кузьмин-Караваев. Ни одного принципиального возражения против внесённого законопроекта мы здесь не слыхали, ибо нельзя же считать серьёзными возражениями то, что мы выслушали от министра юстиции, от представителя морского министра и от товарища министра внутренних дел. Представитель морского министра пришёл… Что же он сказал нам? Министр полагает, что о смертной казни по военно-морскому уголовному закону можно рассуждать только у себя, в главном морском суде. Он так полагает, — это его дело. Но зачем же г. прокурор пришёл сюда об этом говорить? Никаких доводов против моего мнения я не слышал; мы слышали только то, что морской министр думает, — ну, Бог с ним, пускай думает иначе *(аплодисменты)*. Заявление, выслушанное нами от представителя министра внутренних дел, было основано на явном недоразумении: разве я говорил, что данным законопроектом мы отменяем статью 18 положения о мерах к охранению государственного порядка? Я этого не говорил, а говорил, что тем самым отменяется смертная казнь, положенная в этой статье, положенная не самостоятельно, а путём ссылки на 279-ю статью воинского устава о наказаниях. Что касается заявления, сделанного министром юстиции, то оно уже достаточно было отмечено и без моего дальнейшего разъяснения; я полагаю, что всем нам вполне ясно, какую небольшую цену имеет это возражение. Прежде чем кончить, я не могу не снять упрёка лично с меня, упрёка, сделанного мне членом Государственной думы Масловым. Господин Маслов не упрекал меня, — он выразил чувство удовлетворения, что я, испытавший, что значит приговаривать к смерти и т. д., и т. д., — должен сказать Государственной думе, что руки мои от крови чисты *(смех)*; никогда в жизни к смерти ни одного лица я не приговаривал; я никогда не был прокурором, не был ни председателем суда, ни членом суда, я занимал скромную должность профессора двух военных академий и по этой должности не мог никого приговаривать к смерти.

Председатель приступает к баллотировке. Первая статья законопроекта принимается единогласно.

К статье второй вносит поправку деп. Шольп (к.-д., Киевская губ.). Он желал бы, чтобы смертная казнь была уничтожена и для военного времени.

Набоков (г. Санкт-Петербург). Я думаю, что внесение указания на специальные военные и военно-морские узаконения могло бы с формальной стороны несколько затруднить наш законопроект, потому что тогда именно могли бы поднять вопрос о 55-й статье Основных законов. Я думаю, напротив, что Дума могла бы, приняв этот законопроект, — возможно ли это сделать с точки зрения формальной, не знаю, — в мотивированном постановлении выяснить, что смертная казнь отменяется во всех без исключения случаях. Я думаю, что соответствующий этому последний абзац объяснительной записки должен быть совершенно уничтожен, потому что он не вполне точно выражает мысль проекта, оставляя открытым вопрос о сохранении или несохранении смертной казни в военное время.

Председатель. Редакция мотивированного постановления не предлагается; а затем, как представляется, в парламентах баллотировка закона не может обнимать мотивы. Мотивы — это стенографические отчёты, там имеются все высказанные соображения.

Набоков. Позвольте от имени комиссии заявить, что мы отказываемся от конца этой объяснительной записки, т. е. что мы этот вопрос в настоящую минуту нисколько не считаем открытым и признаём, что статья закона касается и тех случаев, о которых идёт речь. Стало быть, мы только просим от имени комиссии обсудить этот конец мотивов, который и будет официальным мотивом к закону, помимо стенографического отчёта.

Председатель. Простите, в порядке парламентского производства палата не посылает другой своих мотивов.

Набоков. Я ведь хочу сказать, конечно, не то, что мы должны кому-то пересылать эти мотивы, причём будущие толкователи закона могли бы ссылаться на мотивы комиссии. Я только хочу установить точку зрения и предлагаю от имени комиссии заявить, что конец мотивов отредактирован неправильно, что комиссия не оставляет вопроса открытым, а считает, что случаи применения смертной казни и в военное время отменяются.

Председатель. Вы заявляете от имени комиссии?

Набоков. Я заявляю от имени некоторых лиц, но так как никто не возражает, то, следовательно, все члены комиссии соглашаются с нами.

Председатель. Раз это заявление от имени комиссии, оно в таком виде и будет занесено в стенографический отчёт.

Галецкий (Архангельская губ.). Раз поставлена поправка г. Шольпа, то она не может быть не принята. Закон будет написан прежде всего для судебных учреждений во всяком случае — для органов власти исполнительной. Какой сумбур внесёт в голову этих исполнителей всё, что здесь говорилось! Мы говорили, что вопрос о применении смертной казни в военное время остался открытым, а с другой стороны, говорим, что решаем его отрицательно.

Кузьмин-Караваев (докладчик комиссии). Я позволяю себе заявить от имени комиссии, что поправка, внесённая членом Государственной думы Шольцем, принимается комиссией. Таким образом, мы просим прямо поставить наше предложение с поправкой Шольца *(аплодисменты)*.

Председатель. Комиссия принимает сделанную поправку. Предложена следующая редакция *(читает)*: «Во всех случаях, в которых действующими законами (уголовное уложение, уложение о наказаниях уголовных и исправительных, воинский и военно-морской уставы о наказаниях) установлена смертная казнь, она заменяется непосредственно следующим по тяжести наказанием». В этой редакции статья ставится на баллотировку.

При голосовании статья вторая, а затем и весь законопроект под дружные аплодисменты депутатов принимаются единогласно.

Набоков. Согласно ст. 57 учр. госуд. думы, если Государственная дума разделяет изложенные в заявлении соображения о желательности отмены или изменения действующего или издания нового закона, то соответствующий законопроект вырабатывается и вносится в Думу подлежащим

министром или главноуправляющим отдельной частью. В случае отказа министра или главноуправляющего от составления законопроекта Думою может быть образована для его выработки комиссия из своей среды. Из того, что гг. министры удалились, и из тех заявлений, которые они сделали, явствует, что они не намерены составлять законопроект на основании положений, принятых Думой. Я думаю, что Дума должна передать этот законопроект в комиссию 15-ти, чтобы во время того перерыва, который угодно будет Думе назначить, законопроект был бы окончательно отредактирован и внесён на окончательное, второе рассмотрение Государственной думы. Поэтому я предлагаю сделать такое заявление: «Государственная дума, усматривая, что со стороны министерства не предполагается законопроекта о смертной казни, — согласно ст. 57 учреждения, поручает комиссии внести сегодня же законопроект, составленный на основании принятых Думой основных положений». Я должен подчеркнуть, что мы рассматривали только основные положения и законопроекта ещё не имеем. В данном случае законопроект будет повторять эти основные положения, но для того, чтобы мы могли перейти к законопроекту, я предлагаю этот способ.

Председатель. Я просил бы, так как вопрос возбуждается о направлении дела, выслушать председателя Думы. Не найдёт ли член Государственной думы Набоков возможным изменить несколько свою редакцию? Я предложил бы такую редакцию:

«Принимая во внимание, что Государственная дума, по содержанию статьи 57 учреждения Государственной думы, не стеснена каким-либо определённым сроком для образования комиссий, в той статье закона означенных;

усматривая в сделанных в настоящем заседании Государственной думы сообщениях министров их отказ от составления законопроекта об отмене смертной казни соответственно принятым Государственною думою в настоящем заседании основным положениям, — Государственная дума постановляет:

поручить комиссии 15-ти немедленно приступить к выработке законопроекта об отмене смертной казни, соответствующего основным положениям, принятым Государственною думою в настоящем заседании 19 июня 1906 г., и к обсуждению законопроекта приступить тотчас по внесении его комиссией».

Набоков. Г. председатель, вы выразили мою мысль вполне, в совершенной форме.

Председатель. Итак, разрешите поручить комиссии 15-ти приступить к составлению законопроекта немедленно и представить таковой Государственной думе по истечении перерыва сегодняшнего заседания.

Предложение принимается единогласно. И затем назначается перерыв для того, чтобы дать комиссии возможность выполнить возложенное на неё поручение. Заседание возобновляется с 9 ч. 45 м. вечера.

Кузьмин-Караваев (докладчик комиссии) читает: «В исполнение постановления Государственной думы, состоявшегося 19 июня 1906 года, комиссия 15-ти того же 19 июня в 9 часов вечера образовала заседание по законопроекту об отмене смертной казни. В комиссии участвовал товарищ председателя Кузьмин-Караваев, секретарь Надворский, и члены комиссии: Брамсон, Винавер, М. Ковалевский, Котляревский, Острогорский, Петражицкий, Гредескул, Ледницкий.

После обмена взглядов между членами комиссии председательствующий поставил на голосование вопрос о том, в какой форме и с какими изменениями от текста основных положений, принятых Государственной думой, следует изготовить проект об отмене смертной казни. По разрешении этого вопроса комиссия единогласно постановила внести в Государственную думу законопроект об отмене смертной казни на точном, без всяких изменений, воспроизведении в нём текста основных положений, принятых Государственной думой в заседании сего числа. Ввиду этого комиссия имеет честь предложить Государственной думе нижеследующий законопроект об отмене смертной казни».

Проект закона об отмене смертной казни.

«Статья 1-я. Смертная казнь отменяется.

«Статья 2-я. Во всех случаях, в которых действующими законами (уголовное уложение, уложение о наказаниях уголовных и исправительных, воинский и военно-морской уставы о наказаниях) установлена смертная казнь, она заменяется непосредственно следующим по тяжести наказанием».

Этот текст рассмотрен также редакционной комиссией, которая предлагает со своей стороны принять его без всяких изменений. Комиссия 15-ти настаивает на спешности рассмотрения настоящего законопроекта».

Спешность признаётся.

Законопроект принимается затем сначала по статьям, а потом и в целом единогласно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Изменение статей 57–59 учреждения Государственной думы.

23 мая от имени 33 членов конституционно-демократической партии был внесён нижеследующий законопроект об изменении ст. 55–57 учреждения Государственной думы в целях ускорения и упрощения движения законопроектов, вносимых по инициативе депутатов.

13-е заседание

23-го мая.

§ 55.

«Об отмене или изменении действующего или издании нового закона члены Государственной думы подают письменное заявление её председателю. Если заявление это подписано не менее чем 30 членами, то председатель доводит о нём до сведения думы и сообщает копию его, с относящимися к нему приложениями, министрам и главноуправляющим отдельными частями, к предметам ведомства которых заявление относится».

§ 56.

«Государственная дума решает вопрос о передаче внесённого заявления на рассмотрение комиссии».

§ 57.

День слушания в государственной думе доклада комиссии по существу заявления об отмене или изменении действующего или издании нового закона назначается не ранее как через неделю по сообщении подлежащим министрам и главноуправляющим отдельными частями (ст. 55) копии заявления и относящихся к нему приложений.

Винавер (С.-Петербург). Мы внесли предложение об изменении нескольких статей учреждения государственной думы и просим признать его спешным. Я бы сказал, что оно является из спешных спешным, потому что оно направлено к тому, чтобы все остальные законопроекты действительно могли бы проходить через государственную думу спешно. Первоначально, когда составлялось учреждение государственной думы, имелось в виду, что законопроекты будут вноситься министрами; это будет правилом, а исключение будет составлять, что члены государственной думы сами будут предлагать проекты законов. Внесение законов было обставлено разными стеснительными условиями: прежде всего, требуется, чтобы 30 человек подписали заявление; далее такое заявление направляется к министру; министр в течение месяца может держать такое заявление; только через месяц может идти в думе рассуждение, причём не о самом законе, а о том, желательно ли иметь такой закон; когда дума признает желательным, тогда министру даётся опять время для размышления о том, будет ли им внесён закон или же дума будет его сама вносить. Вы можете себе легко представить, господа, что бы было, если бы этот закон исполнялся так, как предполагалось, т. е. если бы члены думы сами по себе не приняли на себя законодательной инициативы, а ждали бы законопроектов от министров. Дума существует с 27 апреля. За это время от имени нашей группы в думу поступили законопроекты, касающиеся принципа неприкосновенности личности, гражданского равенства, аграрного вопроса, вопроса о свободе совести; сегодня был прочитан законопроект о судебной реформе, готовятся и другие законопроекты. А со скамьи министров за это самое время поступил, во-первых, законопроект, касающийся оранжерей при Юрьевском университете и, во-вторых, законопроект о прачечной при том же университете (*аплодисменты*). При таких условиях дума, вероятно, была бы обречена на каникулы с первых же дней, если бы не были приняты меры к тому, чтобы дума могла заниматься законопроектами в так называемой предварительной стадии по поводу избрания комиссии. В этом обсуждении принимают участие министры. Министры приняли участие в прениях по вопросу о свободе личности, в аграрном вопросе. Что из этого следует? Следует, что сама жизнь обрекла на гибель закон об учреждении думы, ибо он был создан при иных условиях. Этот закон писался для думы 6 августа, для совещательного учреждения. Естественно, если предполагалось, что министры будут вносить проекты и выслушивать мнения думы.

Право инициативы думе было преподнесено в миниатюрных дозах. Но затем дума получила законодательные функции, и, однако, закон о законодательной инициативе думы остался неизменным. Его, очевидно, необходимо изменить. Прежде всего необходимо устранить первый месячный срок для размышления — размышления не думы, а министров — по поводу желательности внесения законопроекта. Надо, далее, устранить отделение суждения о желательности от суждения о самом законопроекте. Эта система деления суждений на 2 стадии, с перерывами для размышления министров, не имеет ничего сходного с системами других

парламентов. В других парламентах вы вносите проект, вы его обсуждаете в первом чтении и передаёте в комиссию, или же законопроект передаётся сразу в комиссию и затем идёт полное обсуждение с трибуны. Необходимо, чтобы и наша дума могла по внесении законопроекта избрать комиссию и затем обсудить без замедления проект, выработанный комиссией. Министрам достаточно будет недельного срока, для того чтобы рассмотреть заявление и дать о нём своё заключение. А тем временем комиссия внесёт свой проект, и дума сумеет без всяких задержек заниматься законодательной деятельностью. Дума могла бы не терять времени и избрать комиссию: комиссия поработает и через неделю внесёт проект. Тогда его можно обсуждать здесь при общем чтении и по статьям.

Я думаю, что этим путём мы пойдём навстречу той потребности, которая сказалась теперь в думе. Разница будет в том, что теперь мы рассуждаем по поводу избрания комиссии, а когда вопрос вернётся из комиссии, мы опять будем обсуждать. Я уверен, что это предложение встретит сочувствие всей думы, сочувствие, направленное к тому, чтобы дума могла работать, не теряя время попусту. Закон, изложенный в учреждении думы, был приспособлен к представлению о думе как о беспомощном, бессловесном младенце. Месячный опыт показал, что мы можем вносить законопроекты и обсуждать их. Дума оказывается зрелым детищем, а не младенцем. Она показала, что умеет членораздельно говорить, она показала даже зубы *(аплодисменты)*. Я предлагаю передать это предложение в комиссию 19-ти.

Кн. Волконский (октябрист, Рязанская губ.). Я просил бы не отступать от принятых у нас правил: когда вносится новое предложение, предварительно отпечатать и дать вчитаться в его текст.

Ввиду этого желания прения по вопросу о направлении переносятся на следующее заседание.

14-е заседание

24 мая.

Винавер предлагает не тратить времени на выборы специальной комиссии передать это заявление в комиссию 19-ти, предложив ей представить своё заключение в течение трёхдневного срока.

Корсаков (к.-д., Новгор. губ.). Я бы предложил государственной думе расширить компетенцию этой комиссии и поручить ей рассмотреть не только статьи 55, 56 и 57 учреждения о государственной думе, но и последующие, именно 58, 59, 60 и 61. В этих статьях говорится о праве запросов министрам. Известно, что право запроса поставлено в учреждении о государственной думе очень неудовлетворительно: 1) не указано различия между вопросом и запросом; 2) через месячный срок министр отвечает на запрос, но он может отказаться от ответа, объяснив те причины, которые препятствуют ему ответить, — такое извещение только тогда признаётся удовлетворительным, когда оно будет принято большинством государственной думы. Я думаю, что такая постановка вопроса очень неправильна. Далее, если государственная дума признала ответ министра неудовлетворительным, то это постановление государственной думы докладывается Государю Императору не председателем государственной думы, а председателем государственного совета. Это представляется совершенно ненормальным и ничем необоснованным. Затем, уже в ответном адресе на тронную речь мы указали на необходимость дополнить постановление учреждения о государственной думе дополнением о праве обращаться

к государственной думе с петициями, письменными и словесными заявлениями. Я думаю, что эти статьи требуют пересмотра, и той комиссии, которой надлежит пересмотреть статьи 55, 56 и 57, надлежит пересмотреть и указанные мною статьи.

Председатель. Ваша речь сводится к предложению пересмотреть некоторые статьи учреждения о государственной думе. Это есть предложение об изменении действующих законов. Если вы соберёте 29 товарищей и представите проект такого изменения, то весьма вероятно, что государственная дума этот проект передаст в комиссию 19-ти или в какую-нибудь другую; а в такой форме это заявление неприемлемо.

Корсаков. Я полагал, что те основания, которые побуждали пересмотреть статьи 55–57, те же самые основания относятся к статьям 58–61.

Председатель. То предложение совершенно определённо. Оно ограничивается пересмотром 3 статей положения о государственной думе.

Винавер. При всей желательности изменения не только этих, но и многих других статей — этот пересмотр может вызвать только живейшее сочувствие, — тем не менее мы, ввиду практического хода дела, должны высказаться против этого, так как это может затормозить дело. Нам необходимо теперь придумать способ, которым мы дадим скорейший ход нашим законопроектам, и для этого мы взяли для изменения несколько статей, которые являются совершенно необходимыми. С этой точки зрения, ничего не имея против пересмотра положения о госуд. думе, я высказываюсь за то, что, если впредь будут внесены новые предложения, то пусть они рассматриваются отдельно.

Аникин (тр. гр., Сарат. губ.). Мне кажется, если мы внесём только эти 3 параграфа, то ведь постановление госуд. думы пойдёт тем же порядком, который для этого установлен, и мы рискуем, что наше постановление застрянет в архивах государственного совета или министерств. У нас нет никакой уверенности в том, что эти маленькие изменения будут немедленно приняты. А раз у нас нет этой уверенности, то мы впадаем в какое-то странное противоречие с самими собою. После того, как здесь было выражено недоверие министерству и выставлено требование, чтобы оно вышло в отставку, мне кажется странным входить с ним в переговоры о каких-нибудь ничтожных изменениях. Они могут их не удовлетворить. Госуд. дума уже достаточно убедилась, что все её желания и стремления не выполняются. Так что, если уже и начинать ломку, то ломку крупную и коренную! Не годится весь устав… Зачем же мы будем говорить о каких-то 3 параграфах? Нам нужно, вообще, уяснить себе положение, в котором мы сейчас находимся. Как только мы приступаем к работе, нас отрывают заявления и телеграммы, идущие к нам из глубины нашей родины; с другой стороны, эти господа министры, которые продолжают сидеть здесь, и будут сидеть сколько им угодно. Уже и теперь говорят, что госуд. дума выразила недоверие впустую, так себе, для красного словца… В это время под шумок они опять будут заключать миллионные займы и будут опять разорять русский народ. Я думаю, что не мелочами нам следует заниматься, а нужно крупное дело делать. *(Левая аплодирует).*

Новосильцев (к.-д., Калужск. губ.). Предыдущий оратор сказал, что мы занимаемся мелочами. Мы вносим самые насущные законы о неприкосновенности личности, свободе совести, слова, печати, собраний и союзов, внесены основные положения аграрного законопроекта, которого ждёт страстно вся Россия. Где же мелочи? Внесённые изменения положения о госуд. думе имеют конечной целью составить закон, который облегчит нам ту работу, которой ждёт от нас страна,

именно, решение аграрного вопроса. Поэтому я со своей стороны поддерживаю сделанное предложение о передаче заявления в комиссию 19-ти для скорейшего рассмотрения и внесения на обсуждение госуд. думы.

Винавер. Сегодня получено госуд. думой заявление от трудовой группы, в котором предлагается передать разработку аграрного вопроса на места комитетам, избранным из местного населения. Председатель заявил, что это есть не что иное как законопроект. Вчера внесено от имени трудовой группы предложение, подписанное 104 членами госуд. думы, касающееся основных положений аграрной реформы. Что же? Разве это не законопроект? И не занимается ли трудовая группа именно тем самым делом, которое мы желаем облегчить? К какому же другому делу в стенах этой думы вы нас приглашаете, отвергая наше дело? Вы сами в законодательной нашей работе участвуете, а когда мы хотим её облегчить, вы возражаете.

Федоровский (парт. дем. реф., Ряз. губ.). Здесь затрагивается кардинальный вопрос, который, быть может, является наиболее важным из всех других, которые мы затрагивали ранее. Чем шире положение государственной думы, тем скорее пойдёт вперёд её работа. Этот проект и клонится именно к этому. Это вопрос громадной важности, который необходимо возможно скорее так или иначе разрешить.

Котляровский (к.-д., Саратовск. губ.). Мы в настоящее время хотим сделать нашу законодательную работу, но это в сильной степени затрудняется настоящим положением о государственной думе. Со временем это положение будет изменено; но и в настоящее время мы стремимся создать условия для непосредственной работы. Я думаю, надо совершенно ясно определить нашу точку зрения. Мы представляем здесь законодательную власть, вручённую нам народом. Нам говорят, что всё равно, что бы мы ни постановили, крупное или мелкое, — всё безнадёжно, всё это осуждено на противодействие со стороны правительства, на полную неудачу. Какой же вывод из этого? Неужели мы снова возвращаемся к этому вопросу? Мы приступаем к законодательной работе, нам говорят, что наша работа непроизводительна. Неужели такая резолюция должна нас удивить или испугать? Нет, только выражение общего настроения и требований страны в форме законодательной, только сохранение за собой той незыблемой почвы, на которой мы выступили, может дать нам силы. Надо всеми нашими частными интересами стоит только один высший интерес: в России создалась вера в народное представительство, как единственное упование на разрешение всех великих задач страны и единственный способ правильного и мирного обеспечения народных интересов. И единственный путь, при котором эта вера не будет подорвана, это именно остаться на законодательной почве. На ней только мы можем иметь сочувствие и нравственную поддержку страны, которая опрокинет все препятствия, поставленные ей на пути.

Сыртланов (к.-д., Уфимск. губ.). Правительство, которому мы предложили…

Председатель. Мы тоже часть правительства. Правительство представляет собою совокупность всех законодательных и исполнительных учреждений, так что государственная дума, как учреждение государственное, является тоже частью правительства.

Сыртланов (продолжает). Министерство, которому мы предложили выйти в отставку, так как оно не соответствует своему назначению, нас не послушало. Мы располагаем сведениями о том, что всё происходящее здесь не доходит до сведения Государя Императора. Я слышал об этом от

многих. Затем, когда народ, тот народ, который избрал меня членом думы, обращался в разные места и учреждения с различными просьбами и даже к самому Государю Императору, то всегда получался ответ: «По Высочайшему повелению и т. д.», а между тем все эти просьбы до Государя и не доходили. Мне кажется, что и действительно всё происходящее здесь, быть может, и не доходит до Государя. После моего приезда в Петербург, когда я говорил с жителями окраин, членами думы, то и от них я слышал, что когда нужно, чтобы до Государя Императора дошла какая-нибудь просьба, обращённая к Нему, то приходилось искать иные пути. И этот путь обращения к Государю был найден: а именно — через датского короля. (Председатель прерывает оратора). Я думаю, не принять ли и нам этот путь к сведению. Быть может, если дума согласится окольными путями доводить до сведения Государя Императора то, что нужно, то это принесёт и нам пользу (сдержанный смех).

Аникин. Если мы будем думать, что у нас есть конституция, то мы будем глубоко ошибаться. Если мы будем думать так, то тогда, несомненно, нужно менять каждый параграф. Если же мы будем думать, что в стране революция, то мы должны констатировать это положение вещей и не вводить страну в обман. Я полагаю, что когда дума обработает законопроект, то не для того, чтобы хранить его в портфеле этого министерства. Мы думаем, что не сегодня-завтра будет новое министерство, пользующееся доверием гос. думы, и мы готовим наши законопроекты именно для этого нового, а не старого министерства. Затем, я должен сказать, что есть законопроекты и законопроекты. Например, предложение об устройстве на местах землеустроительных комиссий, которое будет внесено сегодня; если оно и будет похоронено, то во всяком случае народ будет знать, что похоронено великое дело, а если будет похоронен § 56, то позвольте вас спросить, пойдёте ли вы из-за § 56 на конфликт? Нет, вы не пойдёте на конфликт, но § 56 погибнет и погибнет бесславно. Я думаю, что мы должны вырабатывать законопроекты, но законопроекты существенные, и вырабатывать их мы должны не для министров, но для страны. Решать судьбы этих законопроектов будут не министры, но вся страна, которая прочтёт эти наши законопроекты, которая примет их и которая скажет своё мощное, властное слово. Нам говорят, что копии наших законопроектов будут сообщены министрам и главноуправляющим. Хорошо, копии будут сообщены, а министры и главноуправляющие усмотрят в этом, что дума, значит, примирилась с ними и спокойно обращается к ним с копиями. «Дума спокойно обращается к нам с копиями, дума спокойно приступает к делу, — скажут министры, — будем же и мы спокойно входить в эту думу! Будем спокойно отягощать её разговорами, печатать наши речи в миллионах экземпляров, будем распространять их в стране и будем дискредитировать таким образом думу и снова заключать миллионные займы!» Если же дума заготовляет свои законопроекты не для теперешнего, а для нового министерства, то весь народ, если только что-нибудь станет на нашем пути, сметет и сокрушит все препятствия и пойдет дальше.

Запись ораторов прекращается.

Аладьин (трудов. гр., Симбирская губ.). Судя по речам некоторых ораторов, можно подумать, что мы, представители трудовой группы, вдруг неизвестно с чего всю ту работу, которую мы сделали и которую продолжаем делать, решили прекратить каким-то актом сумасшествия. Я думаю, что это значит стрелять из очень крупных пушек, но по цели, по которой можно было бы стрелять и из ружей. Что хотели сказать представители трудовой группы относительно значения той меры, которая предлагается здесь? Я думаю, что как бы ни старались господа народные представители расширить перед собой значение этого параграфа, все равно, ввиду реальности положения, эти

параграфы никогда не будут иметь серьезного значения. Как будто вопрос идет о том, чтобы найти средства проводить наши законы так, как мы хотим! Ни о чем подобном вопрос не идет в этом параграфе. Вопрос, как проводить законы, решается только одним реальным соотношением тех общественных сил, которые сталкиваются за думой, а не в думе. Я вижу, что некоторые качают головами, не доверяют мне. Небольшое объяснение для качающих. Несколько дней тому назад мы совершенно определенно, без экивоков, попросили господ министров быть любезными отказаться от своего положения. Господа министры, полагаясь на реальное соотношение сил, на то, что в их руках находятся и пулеметы, и пушки, и армия, ответили нам вполне определенно: «Мы понимаем ваше предложение в виде любезного приглашения давать наши собственные объяснения, иногда с полномочиями, а иногда и без оных, по поводу аграрного вопроса. И мы, так любезно приглашенные вами, будем являться к вам, говорить тогда, когда нам захочется и сколько захочется, и вы будете нас слушать». Случится ли последнее, мы еще посмотрим; пока остановимся только на самом положении. Заставить господ министров уйти из этого зала…

Председатель. Резкие мысли всегда допускаются, но приличный образ выражения есть необходимое условие достоинства законодательного собрания.

Аладьин. Я всегда уважал и уважаю права г. председателя, и я только просил бы указать мне те выражения в моей речи, которые он находит неуместными.

Голоса. Просим продолжать.

Аладьин. Я обращался к господину председателю только за тем, чтобы он указал мне, какое из моих выражений он находит неуместным. Уважая председателя, я вполне охотно беру назад слово «убраться» и заменяю его вполне литературным и допустимым словом — «уйти из этого зала» (*аплодисменты*). Так вот, когда вопрос пойдет здесь о той реальной силе или о создании той реальной силы, которая позволит нам разговаривать с министрами не так, как мы разговариваем теперь, которая позволит нам диктовать им ультиматумы, когда пойдет вопрос о таких законах, которые создают эту реальную, живую силу, мы, представители трудовой группы, охотно признаем, что это будет вопрос серьезный и важный. Но пока о таком изменении нашей конституции речи нет. Есть речь о том, что можно бы один месяц, который мы теперь обязаны тратить на предупреждение министров, заменить одной неделей. Подумайте, можете ли вы признать действительно серьезными эти предложения. Пройдут они или не пройдут, — ни характер нашей работы, ни тот способ, каким мы работаем, не изменятся. Мы ничего не хотим сделать нового, мы продолжаем смотреть на нашу работу так, как смотрели на неё до сих пор. Мы думаем, что дума не является учреждением в достаточной степени уполномоченным, которое в состоянии продиктовать правительству и тем силам, которые стоят против русского народа, своё собственное слово. Мы думаем, что дума является фокусом, который сумеет собрать народ воедино, сумеет сгруппировать за собой достаточные силы, чтобы эти силы в тот момент, когда столкновение сделается неизбежным, как удар парового молота, разнесли всё, что перед ними находится, что мешает народу достигнуть счастья и благополучия, как он его понимает. Поэтому мы думаем, что нужно издавать законы, но не для министерства того или другого, нет, нужно в законе сформулировать ясно и определённо, чего мы хотим, и в этом виде представить тем, которые послали нас сюда, дать им усвоить, что мы за них боремся, и если понимание того, что у нас есть реальная сила, не дойдёт до голов тех, до которых должно дойти, тогда, конечно, наша роль кончится и наступит момент, когда народ выйдет из своего спокойствия, и тогда уже он заговорит с министрами не тем языком,

каким мы говорили до сих пор. До сих пор мы были слишком дисциплинированы в одном отношении, в том, что мы великолепно следовали всем указаниям этикета в политической борьбе. Мы будем и в другом отношении тоже вполне дисциплинированными. Каждая наша речь, каждое выступление здесь будут кончаться одним и тем же: «Когда министерство уйдёт в отставку?» Я первый предлагаю вопросы нашему министерству сегодня: сочли ли господа министры долгом своей совести признать, что русский народ лишил их доверия? Второй вопрос: если они сочли долгом совести признать, что русский народ лишил их доверия, отправились ли они к Верховной власти и доложили ли о том на усмотрение Верховной власти? Третий вопрос: если они доложили Верховной власти, то как Верховная власть к этому отнеслась, и почему они остаются на своих местах? Под моими вопросами нет 30 подписей, но министры должны будут ответить на них, иначе русскому народу останется сделать действительно великолепный вывод, — тот, что законы совести не обязательны для господ министров *(бурные аплодисменты)*.

Левин (к.-д., г. Вильна). По моему, мы не должны смотреть на те различные взгляды, которые высказываются здесь представителями различных групп, как на внутренние противоречия, которые будто бы уже имеются в нашей думе. Этого внутреннего противоречия нет. В особенности это выяснил последний оратор, член думы г. Аладьин. «Трудовая группа», как и «группа народной свободы», также желает приступить к составлению законопроектов, но явное нежелание министерства уйти сильно мешает ходу положительной работы. На самом же деле, мы вовсе не очутились в худшем положении, чем то, на которое имели основание рассчитывать, если бы мы действительно считались с самого начала с реальными силами, о которых так ясно говорил член думы, депутат Аладьин. Ведь было бы в высшей степени легковерно и наивно предполагать, что стоит нам только заговорить с этой трибуны, как гг. министры скажут нам: нам время увядать, а вам цвести, и мы сообразно этому уступим вам свои места. Таких примеров в истории никогда не было. Если когда-либо министры и уходили экспромтом, то случалось это при другой обстановке, непохожей на ту, при которой была основана наша дума. Поэтому я ещё раз повторяю, что дума может заниматься, главным образом, составлением законопроектов, и вовсе не для того, чтобы пропускать их через то или другое горнило страдания, через то или иное министерство, через старое или через новое. Страна должна познакомиться, наконец, с действительным настроением думы. Если бы вы у меня спросили, как дума относится к различным вопросам, например, аграрному вопросу или о гражданском равенстве, я затруднился бы и не нашел бы сейчас ответа. Скажут, что этот ответ достаточно ясно формулирован в ответе на тронную речь, но, господа, повсюду делается различие между тем, что называется frommer Wunsch (благочестивое желание), и определенным законом. До сих пор мы занимались именно выражением наших «fromme Wunsche». Но этого мало: резолютивная форма недостаточна для законодательного учреждения.

Я вполне примыкаю к взгляду Аладьина, что мы должны подготовлять законопроекты, чтобы страна имела понятие о готовящемся. Министерство не вечно, оно может уйти. Если у нас имеются готовые законопроекты, мы можем вводить их в жизнь, как только созреет момент. Тут говорили о конфликте. Это касалось изменения §§ 55–57. Нам говорили: вы не пойдете на конфликт на этих пунктах, следовательно, для чего же вносить подобные мелочные изменения. Депутат Аладьин напоминал нам о реальных силах. Но для того, чтобы починить грандиозную машину, требуется иногда привести в порядок какой-нибудь маленький винтик. Этим винтиком и являются статьи 55–57. Мы должны ускорить процесс законодательства, и нас совершенно не должно смущать то

обстоятельство, что наши представители должны будут отсылать известные бумаги в ту или другую канцелярию; это только этапный пункт.

Министров я могу сравнить с начальниками станций. Я могу быть в ссоре с тем или иным начальником станции, но не могу миновать станцию, раз стремлюсь к более далекому пункту. Я настроен более оптимистически, чем депутат Аладьин. Я думаю, что министерство никогда не осмелится создать конфликт на таком маловажном пункте, но изменение это нам необходимо. Этим мы отнимем у министров возможность целых четырех недель молчания. Желают ли они говорить или нет, нам не важно. Мы не заискиваем, не просим ответа на наши запросы потому, что все наши запросы и проекты имеют другое значение. Мы посредством их обращаемся ко всему народу.

Вопрос о нашей тактике должен быть решен раз навсегда, хотя и не на продолжительное время, так как могут возникнуть новые обстоятельства, которые потребуют внесения новых поправок в нашу тактику. Мы недолго, относительно, сидим в думе, тем не менее мы имеем уже некоторый опыт за собою, и имеем полное право высчитывать наши шаги хотя бы на одну неделю вперед, иначе нам по каждому частному случаю придется возбуждать принципиальные вопросы тактики, что может неблагоприятно отразиться на нашей положительной работе, о которой говорил и депутат Аладьин.

Смешно было бы ждать от нас, что мы силой сумеем пересоздать Россию. В этом отношении прав депутат Аладьин: думу надо рассматривать, как фокус, который концентрирует все лучи. Если народ действительно поддержит думу, он найдет способ выразить поддержку, и дума тогда окажется на высоте своего положения; но народ ждет, чтобы дума заговорила своим языком. Когда рассматривается вопрос о тактике, то для нашего внутреннего распорядка самый широкий, ясный и лучший язык для думы — язык законопроектов. Быть может, не мы воспользуемся этими законопроектами, быть может, они будут лежать, быть может, и мы сами сумеем использовать их. Во всяком случае, чем скорее мы приступим к составлению этих законопроектов, тем лучше.

Гр. Гейден (Псковская губ.). Когда член Государственной думы Аладьин заметил, что ему качают головой, я ему не качал головой, но когда он кончил свою речь, я хотел ему сильно качать головой, потому что я с ним совершенно не согласен. Я думаю, что здесь слишком злоупотребляют именем русского народа и неверно утверждают, что каждый, говорящий здесь, говорит за весь русский народ. Я думаю, что русский народ так же распадается на разные группы и партии, как и мы распадаемся здесь. Здесь говорят о том, что всякая работа при теперешнем министерстве невозможна. Я думаю, что при известной настойчивости работа возможна и достижение цели вполне возможно. Здесь депутат Аникин заявил, что министерство будет хоронить наши проекты. Он, должно быть, не прочитал положения о Думе, в котором ясно указано, что наши проекты в министерство не попадают и никакое министерство ваших проектов хоронить не может: они восходят в Государственный совет, а из Государственного совета через председателя его — на утверждение Государя Императора; следовательно, он напрасно боится, что министерство что-либо из того, что мы здесь делаем, похоронит; может быть, наша работа похоронит министров, но они нас не похоронят *(аплодисменты)*.

Затем было заявлено предположение, что тем временем правительство будет делать какие-то миллионные займы. Но это опять указывает на незнакомство с положением о Думе: никакие миллионные займы со дня начала работы Думы делать не могут, так как это законопроект, и делать

займы без утверждения Думы нельзя. В старых законах есть одна очень хорошая статья, которая предлагает чиновникам в свободное от занятий время читать законы. Я посоветовал бы это делать многим из нас, чтобы ближе ознакомиться с нашими правами и обязанностями, тогда мы многое здесь не будем говорить и слушать то, что мы здесь слышим.

В заключение остановлюсь на речи депутата Аладьина. Он нас призывает на революционный путь и говорит, что мы должны что-то продиктовать, что-то предписать и приказать. Я думаю, что я и многие из моих товарищей пришли сюда с целью не революционизировать страну, а с целью её успокоить, и я думаю, это достижимо только при спокойной, планомерной работе. Я должен заметить депутату Аладьину, что на революционный путь я за ним не пойду *(аплодисменты)*.

Остафьев (октябр., Нижегородская губ.). Если министерство не заслужило доверия со стороны Государственной думы, если оно не исполнило своей обязанности и не пошло навстречу Государственной думе в её законодательной работе, этим оно доказало, что оно желает придерживаться старого порядка, чтобы Государственная дума была, так сказать, органом исполнительным, а не созидательным. Зато мы, присланные сюда, во всяком случае, должны заслужить доверие страны. Страна послала нас сюда не для того, чтобы мы здесь вели борьбу с кем-то, а для того, чтобы мы занялись созидательной работой, чтобы мы внесли в страну спокойствие и мир, водворили свободу и законность, правду и справедливость.

Родичев (к.-д., Тверская губ.). Если мы по поводу каждого мелочного вопроса будем начинать спор об общем положении Думы и об отношениях её к министерству, которое отсутствует, то мы никогда не кончим. Мы должны, господа, относиться без нервности к тому положению, которое в настоящее время создано в стране, и рассчитывать нашу работу, зная, что голосу народного представительства исполнительная власть вынуждена будет подчиниться. Это министерство, которое заявило, что оно не солидарно с думой и солидарности с ней не ищет, министерство, которое не солидарно с законодательной властью, показало нам в Риге, что оно солидарно с палачами. Это министерство существовать не может, потому что его отношение к народному представительству и его отношение к человеческой жизни лишило его всякого морального авторитета, и мы, господа, покажем этим людям, которые считают, что всё дело в реальной силе, а реальной силой считаются пулемёты, мы покажем им, что есть другая реальная сила, которой пулемёты и владыки пулемётов подчиняются. Они уйдут, господа, через некоторое время, а вы, — что же, в каком положении в ту минуту окажетесь вы? У вас ничего не сделано, у вас была забастовка по тому случаю, что министерство остаётся у власти. Но, господа, если мы будем бастовать, то эти герои рижских казней будут рады. Мы, господа, должны игнорировать эту палку, которая попала в наши колёса. При правильном движении она сама вылетит, вот наше отношение к этому министерству в сопровождении палачей. Я не хочу назвать этих лиц палачами, но другой реальной силы кроме силы палачей они за собой не имеют. Я думаю, господа, не будем тратить времени на этот привходящий спор и прекратим прения, постановив о передаче в комиссию вносимого законопроекта. Это не пустяк, господа, а это первый камень в созидании русской конституции. Его отвергают зиждущие, а он может сделаться главою угла (*аплодисменты*).

Винавер (С.-Петербург). Смущение, внесённое в очень деловой вопрос речью депутата Аникина, на мой взгляд, было уже устранено после того, как товарищ его, депутат Аладьин, нам разъяснил смысл этого смущения. Оказывается, что — это только принятая трудовой группой, обычная при всяком случае декларация о том, каково соотношение сил в стране, и что министерству

надо уходить. Против этого я решительно ничего не имею. Пусть каждый день с этой кафедры сия декларация раздаётся, но я весьма сожалею, что мишенью оказался на сей раз весьма скромный и полезный законодательный акт. Цель этого проекта заключается ведь именно в том самом, к чему стремится трудовая группа. В чём состоит эта цель? Она направлена к тому, чтобы, наконец, дума, как целое, могла вотировать закон, чтобы здесь не было речи о том, что одна группа настаивает на одном решении вопроса, другая — на другом, а чтобы дума, как одно целое, сказала: я, как учреждение, признаю закон полезным для всей страны. На пути осуществления этой цели стоит нечто, что мешает нам, представителям народа. И вот, мы вносим проект, осуществление которого должно устранить это препятствие. Причём тут наше отношение к министерству, совершенно непонятно. Нас может интересовать вопрос, будет ли наш проект принят Государственным советом и утверждён Государем или нет, но министерству в наши законодательные предположения вмешиваться не следует. И так уж много чести было, что мы отвечали на декларацию. Задерживать наши шаги из-за того, что министерство не согласно с нашим законопроектом, мы считаем ниже своего достоинства. И мы должны создать такие пути, при помощи которых то, что пока произносится, как отдельные речи, было бы пропущено через фильтр законодательного учреждения и приобретало ту силу, на которую мы вправе рассчитывать. Этою силой мы скорее нанесём удар правительству, чем декларациями, сопровождающими каждый законодательный акт (*аплодисменты*).

Предложение об изменении статей 55–57 ставится на голосование. Дума постановляет передать его на предварительное рассмотрение комиссии 19-ти.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Проект наказа.

15-е заседание.

26-го мая.

Комиссия 19-ти, которой было поручено разработать наказ Государственной думы, внесла проект двух первых глав на рассмотрение думы 26-го мая.

Докладчик комиссии 19-ти г. Острогорский не видит надобности обсуждать эти главы по существу ввиду того, что постановления этих глав повторяются с весьма незначительными редакционными изменениями в постановлении, принятом думой в виде временных правил, и были своевременно подвергнуты обсуждению.

Государственная дума приступает к постатейному обсуждению наказа.

Читается § 1.

Докладчик комиссии 19-ти указывает на некоторое уклонение от порядка, который был применён в первом собрании Государственной думы, открытом лицом, особо для того назначенным высочайшим указом.

После некоторых разъяснений, даваемых отдельным членам думы докладчиком от комиссии 19-ти, § 1 ставится на баллотировку и принимается в следующей редакции:

«Первое собрание новоизбранной думы открывается под председательством старейшего по возрасту члена оной. По занятии председательского места он приглашает для исполнения секретарских обязанностей 4 членов думы».

§ 2 принимается без поправок.

Он гласит: «За сим наличный состав думы разделяется жребием на отделы, на основаниях, указанных ниже в § 26».

§ 3 принимается в следующей редакции:

«Отделы немедленно приступают к проверке правильности избрания членов думы, для чего препровождённое в Государственную думу выборное производство (п. 1 ст. 11 указа, 11 декабря 1905 г.) распределяется председательствующим между отделами по алфавитному порядку избирательных округов, по возможности, в равном количестве».

§ 4 принять в редакции, предложенной комиссией.

В редакцию § 5 внесена поправка, против которой комиссия не возражает. § 5 принимается в следующей редакции: «Отделы и комиссии созываются и затем избирают председателя, секретаря и докладчика и принимают заключения в порядке, указанном в §§ 27, 36, 41, 42, 47 и 48».

Последующие параграфы принимаются в нижеследующей редакции.

«§ 6. Если в целях выяснения обстоятельств, представляющих значение при проверке правильности выборов, рассматривающие производство комиссии и отделы признают за необходимое выслушать различные объяснения должностных лиц и обозреть какие-либо документы или должностную переписку, то сообщают о сем председателю думы».

Председатель думы, по содержанию такового сообщения, извещает подлежащего министра на предмет зависящих с его стороны распоряжений».

«§ 7. Частные лица, показания которых представляются комиссии полезными, приглашаются в комиссию её председателем в порядке, указанном в § 45».

«§ 8. О заседании комиссии извещается член Государственной думы, права коего оспариваются или возбуждают сомнения. Он может представлять по возбуждённым вопросам свои объяснения; но голосование постановлений и заключений комиссии происходит не иначе, как в его отсутствии».

«§ 9. О результатах поверки комиссия составляет письменные заключения, для изготовления коих, а равно для представления по коим объяснений как в отделах, так и в общем собрании думы, избирается докладчик в порядке, указанном ниже, в § 36».

«§ 10. Заключения комиссий, предварительно внесения в общее собрание думы, обсуждаются в отделах. Отделам предоставляется исправлять и изменять заключения комиссий. По неутверждённым заключениям комиссий докладчики избираются отделами».

«§ 11. Все постановления отделов и комиссий принимаются посредством закрытой баллотировки записками, на основаниях, указанных ниже в §§ 47 и 48».

«§ 12. Доклады о выборах, признанных отделами правильными, предлагаются на немедленное рассмотрение думы.

«В рассмотрение же заключений об отмене выборов по неправильности их Государственная дума входит не прежде, как по истечении трёх суток со времени доставления членам думы печатных оттисков заключения».

«§ 13. В случае усмотрения комиссией или отделом неправильностей, хотя и не влекущих, по их мнению, отмены выборов, отделы могут представлять на усмотрение думы о доведении, через председателя оной, об означенных неправильностях до сведения подлежащего министра, для зависящих распоряжений».

«§ 14. В случае обнаружения, при рассмотрении выборного производства, особо важных нарушений закона или злоупотреблений, комиссии и отделы могут, приостановив окончательное своё решение по такому производству, войти в думу с представлением об учреждении ею особой комиссии для исследования означенных нарушений или злоупотреблений».

«§ 15. Выбытие лица, права коего проверяются, из состава думы (ст. 17–19 учр. гос. думы) не служит основанием к прекращению производства о правильности выборов».

«§ 16. До постановления Государственной думой об отмене выборов по неправильности их избранные на тех выборах лица сохраняют право участия в заседаниях думы со всеми присвоенными члену думы правами; но в случае, означенном в § 14, лицо, права коего проверяются, устраняется от участия в заседаниях, в ст. 55 учреждения Государственной думы указанных».

«§ 17. Никто из членов думы не включается в комиссию, рассматривающую выборное производство, относящееся до избирательного округа, от коего он избран, и не участвует в голосовании отдела и общего собрания думы по вопросу о правильности выборов, на которых покоится его избрание».

Глава вторая. Избрание должностных лиц думы.

«§ 18. По утверждении думою избрания членов, в количестве, превышающем половину числа избранных членов, она приступает к выбору председателя, двух товарищей председателя, секретаря и пяти товарищей секретаря».

«§ 19. Выборы председателя Государственной думы, его товарищей и секретаря Государственной думы производятся на каждую должность особо, посредством подачи членами думы записок».

«§ 20. Если по первой подаче записок никто не получит более половины голосов, участвовавших в голосовании, то подача записок повторяется и избранным почитается лицо, получившее наибольшее против остальных лиц (относительное) число голосов».

Может быть, следует для ясности вставить слова: «По вторичной баллотировке» между словами «получившее» и «наибольшее». Поэтому § 20 баллотируется в следующей редакции:

«§ 20. Если по вторичной подаче записок несколько лиц получат одинаковое число голосов, то избрание решается жребием, который вынимается председательствующим».

«§ 21. Если по вторичной подаче записок несколько лиц получат одинаковое число голосов, то избрание решается жребием, который вынимается председательствующим».

«§ 22. Выборы товарищей секретаря Государственной думы, в числе пяти, производятся одновременно, посредством подачи членами думы записок, причём в каждой записке означается по пяти имён и избранными почитаются пять лиц, получивших наибольшее против остальных лиц (относительное) число голосов».

«§ 23. Если по одной из означенных должностей, до истечения положенного срока службы, откроется вакансия, то выборы производятся в первом, по открытии вакансии, заседании общего собрания Государственной думы».

«§ 24. В случае отсутствия председателя Государственной думы, товарищи замещают его по взаимному между ними и председателем соглашению». Очевидно, что председатель прежде, чем отсутствовать, должен сдать свои обязанности, и поэтому соглашение должно состояться раньше отсутствия председателя.

Третья глава поступает на рассмотрение думы 29-го мая.

Параграфы 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 и 32 принимаются единогласно без прений. Они гласят:

17-е заседание,

18-го мая.

«§ 25. Подготовительные работы Государственной думы производятся в отделах и в комиссиях». Замечаний нет? Ставится на баллотировку. Кто отвергает эту редакцию, тот встаёт. § 25-й принят.

«§ 26. Для образования отделов члены бюро Государственной думы опускают в урну записки с именами всех членов данного состава думы как присутствующих, так и отсутствующих, и, вынимая одну за другою записки из урны при участии особо приглашённых председателем членов думы, оглашают означенные в них имена, которые тотчас же вносятся в особый список в порядке оглашения. Лица, внесённые в список первыми, в числе, образующем одиннадцатую часть данного состава думы, зачисляются в первый отдел, следующие за ним в таком же числе — во второй отдел и т. д. Лица, после того вступающие в состав думы, включаются в тот или другой отдел по жребию, вынимаемому в том же порядке дополнительно. Личный состав отделов возобновляется в начале каждой сессии».

«§ 27. Отделы созываются по распоряжению председателя думы секретарём думы и открываются старейшим из наличных членов.

«В первом собрании своём они избирают председателя и секретаря посредством записок, на каждую должность особо. В случае, если при первой подаче записок никто не получит абсолютного большинства, производится вторичное голосование, и получившие в нём наибольшее количество голосов считаются избранными».

«§ 28. На отделы возлагается, сверх поверки правильности избрания членов думы, рассмотрение других дел, по постановлению думы».

«§ 29. Комиссии образуются: а) либо путём избрания их в отделах на основаниях, указанных ниже в ст. 30, б) либо посредством избрания в общем собрании думы закрытой баллотировкой записками».

«Дума решает в каждом отдельном случае, каким из указанных способов должна быть образована комиссия».

«§ 30. Для образования комиссий по избранию отделов каждый отдел, подвергнув краткому обсуждению внесённое предложение, выбирает одного, двух или более членов. Выбор отдела может пасть и на членов, не входящих в его состав».

«В случае избрания члена думы от двух или более отделов он считается избранным от того отдела, в состав коего он входит; если же он не принадлежит ни к одному из отделов, его избравших, то он считается избранным от первого, в числовом порядке, отдела».

«§ 31. Дополнительные избрания, для пополнения недостающего числа членов, производятся в том же порядке (ст. 29, п. б. и 30)».

«§ 32. Сверх комиссий, избираемых на указанном основании специально для рассмотрения определённого законопроекта или дела, избираются постоянные комиссии».

§ 33 рассматривается по частям и вызывает продолжительные дебаты.

Деп. Корсаков (к.-д. Новг. губ.) возбуждает вопрос, что означает выражение «дела, относящиеся до членов думы». Докладчик комиссии по рассмотрению наказа деп. Острогорский объясняет, что тут речь идёт прежде всего об отпусках членов думы из Петербурга и о выбытии их из состава депутатов. Граф Гейден спрашивает, почему наказ определяет состав постоянных комиссий в 33, 22 и 11 членов? Острогорский разъясняет, что цифры эти не случайны, а обусловливаются характером деятельности комиссий. В некоторых случаях состав комиссий ограничен семью членами. Таковы комиссии библиотечная и редакционная. В них многочисленный состав мог бы невыгодно отразиться на работах и сильно тормозить их. Комиссии же хозяйственная и административная должны состоять из большего числа членов, отчасти из прозаического соображения, что члены комиссий не всегда будут посещать заседания в полном составе. Бюджетная комиссия должна получить более многочисленный состав ввиду важности своей работы. По каждому ведомству в бюджетной комиссии будет особый докладчик. На Западе бюджет одного ведомства распределяется даже между двумя-тремя докладчиками. Ввиду этих соображений в отделе решено определённой цифры членов бюджетной комиссии не устанавливать.

Дальнейший вопрос графа *Гейдена*, почему по проекту наказа одни комиссии избираются в общем собрании, а другие отделами, — вызывает интересную полемику принципиального характера. Гр. Гейден жалуется на то, что при выборах членов комиссии в общих заседаниях совершенно устранялось большое число депутатов, не принадлежащих к двум преобладающим партиям. Так было, по его словам, при избрании комиссии 33-х для расследования незаконных действий должностных лиц. Если так будет продолжаться и впредь, меньшинство окажется отданным на съедение большинству. Поэтому граф Гейден желал бы, чтобы выборы производились

отделами, так как в отделах, каждый из которых состоит из 44 членов, депутаты легче могут сблизиться и познакомиться друг с другом.

Депутат *Езерский* (к.-д., Пенза) вносит в проект наказа поправку, предлагающую писать в записках при выборе членов комиссий по два имени, с тем чтобы, если голоса разобьются, избирались лица, записанные вторыми и получившие относительное большинство.

Возбуждённые во время этих прений вопросы и обнаружившиеся разногласия побудили деп. *Острогорского* выступить с подробным докладом о мотивах, руководивших комиссией.

— Мы остановились на компромиссе, — говорит он. — Большинство высказывалось за избрание комиссий думой, а не отделами, но против этого способа были высказаны многочисленные возражения, и, чтобы примирить эти противоположные мнения, комиссия остановилась на параллельном способе выборов, т. е. отчасти посредством отделов, отчасти в общих заседаниях.

Подобно Винаверу, Котляревскому и гр. Гейдену, Острогорский высказывается за то, чтобы в комиссии привлекались люди сведущие, независимо от их принадлежности к той или другой фракции. Не может быть разбора между мнениями. Члены, придерживающиеся особых мнений, имеют такое же право быть выслушанными, как и представители большинства. Парламентаризм основан на абсолютной свободе мнений, а не на порабощении личности. В разработке законодательных вопросов должны участвовать по возможности все члены думы. Поэтому Острогорский высказывается решительно против выборов в общем собрании: тут всё сводится к списыванию членами думы переданной им записки. Это уничтожает их самодеятельность. В конце концов депутаты очутятся в положении того немецкого монарха, который говорил: «Das Regieren wäre nicht so schwer, aber das verfluchte Unterschreiben!». «Править государством было бы не так трудно, если бы не приходилось подписывать этих проклятых бумаг». Между тем — доказывает Острогорский, — мы должны воспитывать и формировать политических деятелей. У нас, конечно, в каждой группе есть ряд выдающихся людей, которыми мы гордимся, но нам этих людей мало. Мы не можем допустить того, чтобы у нас в парламенте были с одной стороны тенора, с другой — статисты. В этом отношении деп. Острогорский придаёт огромное значение работе в отделах, так как она даёт возможность высказаться и таким членам думы, которые в общих заседаниях говорят редко или даже совсем не говорят.

— Без всякого оскорбления для парламента можно сказать, — поясняет он, — что парламентская работа, как справедливо замечает один английский государственный деятель, носит на себе некоторый отпечаток неестественности и фальши. В небольшом же кругу лиц можно высказываться с большей свободой, чем в многолюдном собрании, где каждое слово записывается стенографом. Поэтому надо обеспечить свободный обмен мнений. Нам нужно дать всем членам возможность принять деятельное и сознательное участие в работах. Обсудив все выгоды и невыгоды обоих способов избрания комиссий, большинство комиссии по разработке наказа решило, по словам докладчика, испробовать и тот, и другой. Избрание в общих заседаниях проектируется применить по отношению к тем комиссиям, где нужны специалисты. В заключение Острогорский пытался отстоять необходимость учреждения комиссии законодательных предположений, имеющей назначением предварительное рассмотрение вносимых в думу предложений, против целого ряда возражений, которые были высказаны против неё во время прений кн. Шаховским, Винавером, Шольпом и Парчевским. Он заявил, что считает образование

такой комиссии делом величайшей важности. В этом отношении ему, однако, не удалось переубедить палату. При голосовании предложение комиссии, равно как вышеизложенная поправка деп. Езерского и предложения деп. Новодворского избирать членов комиссий по запискам, содержащим лишь одну фамилию, и графа Гейдена — избирать в комиссию 33-х по три члена от каждого отдела, — отвергается думой.

Значительным большинством Гос. дума принимает поправку об увеличении числа членов комиссии до 33, и с этой поправкой принимает весь пункт о финансовой комиссии.

Читается п. г. § 33 о бюджетной комиссии. По проекту бюджетная комиссия избирается в составе 33 лиц, по 3 от каждого отдела.

Деп. *Массониус* (Минская губ.) находит, что нет оснований для бюджетной комиссии устанавливать иной порядок, чем, напр., для финансовой. В бюджетной комиссии, как и во всех других, необходимо обеспечить, насколько это возможно, представительство меньшинства. Безусловно следует предпочесть избрание в общем собрании думы.

Ту же мысль защищает от лица трудовой группы деп. *Жилкин*. — Ни я, ни трудовая группа вообще, — говорит саратовский депутат, — не возражали против избрания по отделам членов распорядительной комиссии. Там, в хозяйственных внутренних делах, беспартийность является вполне уместной. Но в комиссии, разрабатывающей вопросы большого политического значения, дело обстоит иначе. Когда нам нужно было избрать членов комиссии по расследованию злоупотреблений администрации, мы уже слышали от того же докладчика подробные доводы в пользу избрания по отделам. Но большинство думы, хотя и очень незначительное большинство думы, не согласилось с докладчиком и приняло противоположное решение. Я думаю, что также должен быть решён вопрос и о бюджетной комиссии. Комиссия эта будет пересматривать всю финансовую систему в России. Нам предстоит коренное изменение всей финансовой политики. Очевидно, что бюджетная комиссия будет иметь громадное значение. Я не знаю, нужно ли повторять доказательства в пользу того, что выборы по отделам не отвечают громадному значению этих задач. Отделы составляются по жребию; следовательно, мы предоставляем решение случаю… Тем не менее деп. Жилкин находит, что при выборах по отделам избрание таких представителей меньшинства, как гр. Гейден и М. Стакович, менее обеспечено, чем при выборах в общем собрании.

Большинством голосов была принята поправка в смысле избрания членов бюджетной комиссии в общем собрании.

Кроме того, согласно предложению деп. Корсакова и деп. ф.-Рутцена, Гос. дума прибавила к пункту о бюджетной комиссии 2-е примечание, гласящее, что в первую сессию Гос. думы бюджетная комиссия избирается в одном из ближайших заседаний. Цель примечания сводится к тому, чтобы по возможности уже сейчас, как можно скорее, начать работы по изучению государственной росписи.

Следующий пункт — о комиссии по исполнению государственной росписи — принимается в редакции проекта, с тем изменением, однако, что число членов принято в 33 вместо 11.

Учреждение постоянной редакционной комиссии, предложенное в проекте, явилось новшеством в парламентской практике. В защиту этого предложения с большой горячностью выступали юристы: деп. *Кузьмин-Караваев*, М. *Ковалевский*, *Острогорский*. Они указывали на то,

что кодификационная работа требует специальных знаний, специального умения. Вопрос идёт не о том, чтобы выяснить истинные намерения думы, а только о том, чтобы найти точные юридические выражения, которые бы не могли вызвать неправильных толкований, которые бы исключали возможность противоречия между отдельными законодательными актами гос. думы. М. Ковалевский указал, что немногочисленные сторонники старого полицейского режима не без основания упрекают парламентское законодательство в неумелом редактировании законов. Деп. Острогорский высказал мнение, что и на Западе неудовлетворительное редактирование законов даёт себя чувствовать, так что учреждение редакционной комиссии при нашем парламенте будет хорошим новшеством в парламентской практике.

Громадным большинством пункт о редакционной комиссии «в составе 7 лиц, избираемых ежегодно общим собранием думы, по предложению бюро» принимается думой в редакции проекта.

Чтение и баллотировка остальных параграфов третьей главы наказа идёт почти без прений. Вся третья глава принимается думой, но исключается § 34, где говорится о соединённой комиссии из членов гос. совета и гос. думы согласно ст. 51 учр. гос. думы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Законопроект о свободе собраний.

30 мая от имени 33 членов думы был внесён нижеследующий законопроект о собраниях.

1. Российские граждане вольны собираться мирно и без оружия, не испрашивая на то предварительного разрешения.

2. Воспрещаются собрания под открытым небом в расстоянии одной версты от места действительного пребывания Государя Императора и от места заседаний государственной думы, во время её сессии.

3. Воспрещаются всякие собрания на полотне железных дорог.

4. Собрания на площадях, улицах и в других проездах и проходах, открытых для общественного пользования, допускаются постольку, поскольку они не препятствуют свободному уличному движению.

5. Собрание признаётся публичным, если доступ в оное не обусловлен личным приглашением. Собрания членов обществ или союзов зарегистрированных не признаются публичными.

6. О публичных собраниях, созываемых для совместного обсуждения государственных и общественных вопросов, в городских поселениях или на расстоянии пяти вёрст от оных, устроители обязаны известить начальника местной полиции (градоначальника, обер-полицеймейстера, исправника) не позднее, чем за 24 часа до созыва собрания.

О собраниях, созываемых по воспоследовании указа, назначающего время выбора в государственную думу, заявление должно быть делаемо не позднее, как за четыре часа до времени открытия собрания.

За несоблюдение этого правила устроители подвергаются денежному штрафу не свыше ста рублей.

7. Для собраний, устраиваемых за пределами городских поселений и пятиверстного от оных расстояния, предварительное заявление не требуется.

8. По требованию устроителей собрания полицией выдается удостоверение в сделанном заявлении, с указанием дня и часа.

9. Начальник местной полиции может назначить для присутствия на собрании уполномоченное лицо, обязанное быть в форменной одежде.

10. Начальнику местной полиции или уполномоченному от него лицу полицейской службы предоставляется закрыть публичное собрание: а) если оно состоится в нарушение правил статей 2–4 настоящего закона и б) если оно примет характер, непосредственно угрожающий общественной безопасности.

11. Если по объявлении собрания закрытым присутствующие на нем не разойдутся, то начальнику полиции или уполномоченному от него лицу предоставляется, по двукратном предупреждении, удалить неповинующихся мерами принуждения.

12. Статьи 6–10 настоящего закона не распространяются на публичные собрания, устраиваемые по распоряжению правительственных мест и лиц, для органов местного самоуправления.

На рассмотрение думы, по вопросу об его направлении, законопроект этот поступил 16 июня.

28-е заседание,

16-го июня

Проф. *Шершеневич* (к.-д., Казань) ознакомил думу с началами, положенными в основу законопроекта.

Из двух существующих способов открытия собраний — концессионного и явочного — законопроект принимает последний, как единственно совместимый с принципами правового государства. Из западно-европейских законов о собраниях к нему всего больше подходит французский, принимающий явочную систему как для собраний в закрытых помещениях, так и для собраний, происходящих на открытом воздухе, тогда как прусское и австрийское законодательство стоят ближе к воззрениям полицейского государства и принимают явочный порядок только для собраний первого рода.

Законопроект признает в обоих случаях лишь одну формальность — заявление, да и то только для собраний публичных, т. е. таких, при которых не делается личных приглашений, и лишь при условии, если на них обсуждаются вопросы государственного или общественного характера и,

вдобавок, только тогда, если собрание происходит в городе или пятиверстном от него расстоянии. Для собраний, происходящих в пятиверстном расстоянии от города, проект заявления не требует.

Составители сделали это различие потому, что собрание, происходящее под открытым небом в городе, может стеснить уличное движение или создать неудобства для населения; за пределами же города таких стеснений не может быть.

Что касается других условий открытия собраний, то требования сокращены до возможного минимума. Проект постановляет, что собрания не должны происходить в местах, где они могут препятствовать общественному движению, напр., на улицах и площадях, но только в том случае, когда собрание действительно является препятствием. Безусловно запрещаются собрания на полотне железной дороги. Запрещаются, наконец, собрания на расстоянии версты в окружности от места заседаний Государственной думы или действительного пребывания Государя. В этом случае законопроект считается с возможностью давления близко находящегося собрания на самоопределение думы. В отношении времени законопроект не устанавливает никаких стеснений. Он исходит из того соображения, что такое ограничение отразилось бы особенно неблагоприятно на рабочих, которые освобождаются только в поздние часы. (В этом законопроект отступает от французского закона, не допускающего собраний после 11 часов вечера). Насчет возраста участников тоже нет никаких ограничений.

Что касается надзора администрации за собраниями, то есть две системы: явный надзор и надзор тайный. Проект принимает первую систему. Администрации предоставляется право посылать в собрание уполномоченное лицо и, притом, обязательно в установленной форме (для того, чтобы присутствующие могли сразу узнать его), но обязательства непременно делать это — законопроект на полицию не налагает.

— Я понимаю, — заканчивает докладчик, — что со стороны членов думы может возникнуть вопрос: чем гарантируются вырабатываемые нами правила? Мы предоставляем администрации право надзора, а какой надзор будет за самой администрацией? Всякая попытка установить такой надзор представляется совершенно невозможной. Была мысль приложить к этому закону о свободе собраний сложную судебную гарантию, но составители проекта были принуждены отказаться.

Центр тяжести в том месте, около которого мы все здесь, в думе, постоянно вертимся, а именно — в высшей администрации. Какой бы закон мы ни изобрели, какой бы лучший образец мы ни переняли, он должен неизбежно зачахнуть в атмосфере административного произвола, который будет господствовать до тех пор, пока не будет сдвинут главный камень, лежащий на пути. До тех пор, пока на эти кресла (показывает на места министров) не воссядут лица, облечённые доверием думы, мы не можем быть уверены, что этот закон будет в точности исполняться. Это, однако, не препятствует выработке закона. Можно надеяться, что к тому времени, когда закон вступит в силу, произойдёт эта перемена. В настоящее же время нашу задачу можно свести к тому, чтобы показать всей России различие, которое существует между представлениями народа о законном правопорядке и действительностью, установившейся благодаря коллизии между думой и министерством. (*Аплодисменты*).

Джапаридзе (с.-д., Кутаисская г.) прочитывает от имени думской фракции Российской социал-демократической партии следующую декларацию.

В деле освобождения России от политического рабства, от бесконечного произвола чиновников, угнетающих и разоряющих страну, равно заинтересованы все классы населения. Ненависть к нынешнему государственному порядку объединила всё население без различия классов, религии и национальности, и в этой общенародной борьбе против сановных угнетателей впереди всех классов идёт пролетариат, раньше всех поднявший знамя борьбы за свободу и право и более всех других классов принёсший жертв для освобождения родины. Сознавая свою солидарность со всеми другими классами в деле достижения политической свободы, рабочий класс не может, однако, слиться в одну нераздельную армию вместе с другими классами, потому что как городские, так и сельские рабочие массами страдают не только от политического рабства, но и от экономического, не только от произвола нынешней власти, но и от господства и эксплуатации капиталистов и землевладельцев. Благодаря противоположности интересов рабочего класса и буржуазии, несомненно, что последняя при происходящих демократических реформах в России будет стремиться к тому, чтобы урезать по возможности политические права неимущих классов и тем самым свести борьбу на почву политических интересов. Между тем рабочий класс нуждается в самой широкой свободе, необходимой для борьбы не только за свои насущные, повседневные интересы, но и за окончательное освобождение.

Вот почему объединение рабочего класса с классом эксплуатирующим не только ослабило бы нашу борьбу за политическую свободу, но и сделало бы её невозможной. Таковы соображения, которые побуждают нас организоваться в самостоятельную политическую партию и так же самостоятельно выступать в Государственной думе, где будем отстаивать всякие требования, заключающиеся в нашей программе. Будем бороться за неограниченную свободу слова, печати, союзов, собраний, за политическое равенство граждан, за неприкосновенность личности, за выборное право для рабочего класса; будем требовать 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы; для крестьян будем требовать отчуждения монастырских, церковных и помещичьих земель без всякого выкупа для передачи их органам местного самоуправления, а также настоящего народного представительства, каким не может считаться нынешняя Государственная дума, подверженная всевозможным ограничениям. Таким органом может явиться только Учредительное собрание, созванное при всеобщем, равном, тайном и прямом голосовании, без различия классов, пола, религии и национальности. Лишь такое собрание, которое будет иметь в своей среде многочисленное представительство от городского и сельского пролетариата, будет иметь силу для проведения в жизнь своих великих задач — обновления России.

В то же самое время мы признаём, что Государственная дума может явиться некоторым центром общенародного движения и помощницей в деле борьбы за Учредительное собрание и переход власти в руки народа, может достигнуть победы над безответственными палачами, изнуряющими страну. Но чтобы достигнуть этого, Дума в своих столкновениях с правительством должна искать опоры в широких массах народа и в свою очередь оказывать содействие этим массам в их организации на борьбу. Мы, представители пролетариата в Думе, будем требовать, чтобы она пользовалась своим положением законодательного учреждения и содействовала бы народу в его экономической и политической борьбе за землю и волю; мы будем требовать поддержки с её стороны для всех требований нижних чинов армии, флота и казачества, замены постоянного войска милицией и, на первом месте, немедленного сокращения срока службы. Все партии, которые будут идти таким путём, встретят нашу поддержку; другие же партии,

отстаивающие старый порядок, не найдут у нас сочувствия. Таким образом, наши стремления направляются к тому, чтобы сделать государственную думу органом общенародного движения. С другой стороны, наша деятельность ставит своей задачей содействовать политической организации самых широких масс населения.

Мы будем поддерживать всякие законопроекты, имеющие целью восстановить давно попранные права народа, не потому, что мы надеемся и верим в их скорое превращение в закон, а потому, что все законопроекты должны разбиться о те преграды, которые ставятся Государственной думе в лице Государственного совета и вообще правительства, и чем скорее те классы населения, которые верят в возможность мирного осуществления всех реформ, убедятся в невозможности этого, тем это будет лучше. Для этих классов будет очень хорошо убедиться окончательно в том, что преобразование России путём мирных реформ является пустыми иллюзиями. Из сказанного следует, что мы подробное обсуждение законопроектов признаём излишним, а признаём полезным лишь разработку основных начал, с той целью, чтобы народные представители показали народу, чего они требуют и как во всём этом правительство им отказывает. Поэтому в нашу задачу не входит детальная критика законопроектов. Относительно законопроекта о свободе собраний я не могу не заметить, что этот законопроект представляет собою нечто такое, что напоминает известный афоризм: «С одной стороны нельзя не признаться, с другой стороны нельзя не сознаться». Принципы, изложенные в 1-й ст. его, совершенно уничтожаются последующими статьями, в особенности — поскольку дело касается рабочего класса. В законопроекте говорится, что собрания допускаются на площадях, улицах и других местах лишь при том условии, чтобы они не препятствовали свободному движению. Но ведь этим запрещается рабочим свобода собраний. В самом деле, у рабочих нет богатых хором, а на заводах собираться нельзя; остаются для них площади и улицы. Кто же является судьёй того, что свобода движения не нарушается или что собрание может помешать какому-нибудь богачу проехаться в своей карете? Судьёй является полицейский чин, соображения которого направлены к тому, чтобы отвечать видам администрации, начальства, которое сейчас и долго ещё будет держать власть в своих руках. Вот почему я нахожу, что в этом законопроекте должны заключаться только 2 положения: во-первых, российские граждане, без различия пола, веры и национальности, имеют право собираться всегда и везде, не требуя никакого разрешения, и во-вторых, всякое препятствие со стороны чинов администрации должно быть наказуемо.

Деп. *Брамсон* (тр. гр., Ковенск. губ.) подвергает законопроект суровой критике. По его мнению, в законопроекте этом чувствуется некоторая двойственность. Для него непонятно, почему авторы законопроекта взяли за образец французское законодательство. В С. Штатах предъявляется к собраниям только одно требование: чтобы они происходили мирно. Во избежание посягательств на свободу в будущем, американский закон запрещает и впредь вводить какие-либо ограничения. Запрещение устраивать собрания на расстоянии версты от думы и резиденции верховной власти — не более как устаревшая формальность. Напрасно также авторы законопроекта требуют, чтобы заявление о собрании делалось за 4 часа: Франция удовлетворяется двумя часами. И, наконец, законопроект даёт слишком широкие полномочия властям в отношении закрытия собраний. Французский закон гораздо осторожнее: он даёт полиции право закрывать собрания лишь по требованию бюро или же в том случае, если на собрании совершаются явные насилия. Деп. Брамсон опасается, что те широкие полномочия, которые предоставляет властям внесённый в думу законопроект, могут послужить поводом к множеству злоупотреблений. Даже с точки зрения

целесообразности, подобные ограничения, по его мнению, не выдерживают критики. Он ссылается на пример министерства Гизо, пытавшегося прекратить национальные банкеты на основании закона, устанавливавшего свободу собраний лишь в той мере, поскольку она соответствует полицейским правилам. Эта кампания против банкетов вызвала целую бурю, которая смела и само министерство Гизо. Брамсону кажется, что проект проникнут недоверием к общественным силам и не доверяет им совершенно напрасно. Свобода собраний есть важное общественное достояние, за которое страдали тысячи людей.

— Эти жертвы должны напомнить вам, — заканчивает он, — что нельзя идти таким путём. Побольше доверия к народным силам и поменьше робости в охранении народных прав. (Левая аплодирует).

Граф Гейден произносит большую полемическую речь, с многочисленными выпадами против ораторов левой, имеющую назначением не столько какие-либо практические цели, сколько педагогическое воздействие на представителей мало нравящихся графу радикальных мнений. Дума выслушивает эту речь благодушно, смеётся над удачными остротами графа и награждает его даже аплодисментами, но дальнейшего влияния на ход прений она не имеет.

Проф. Гредескул высказывается от имени к.-д. партии о декларации, прочитанной депутатом Джапаридзе.

— Я приветствую появление социал-демократической партии в нашем парламенте и считаю его отрадным явлением.

Переходя к критике возражений против законопроекта, высказанных социал-демократами, проф. Гредескул находит, что они больше соответствуют анархической точке зрения. Странными ему кажутся возражения против передачи в комиссию: он никогда не слышал, чтобы в какой-либо стране социал-демократы возражали против этой необходимой стадии парламентской работы. Далее: при составлении законов нельзя ссылаться на то, что мы переживаем революционное время; для революции законы вообще не пишутся. В настоящее время мы переживаем революционную эпоху, которая ещё не кончилась, и ещё большой вопрос, кому будет принадлежать решение спора, идущего теперь в России: законодательным ли попыткам или революции.

— Мы рассчитываем на то, — заявляет он, — что мы всё уладим, что мы устраним настоящее министерство и учредим другую организацию власти. Какие бы мы хорошие законы ни выработали при нынешней власти, они всё равно будут плохи.

Проф. Гредескул не думает, чтобы мнение деп. Ершова о значении выражения «железнодорожное полотно» было правильно. По-видимому, оратор смешивает его с полосой отчуждения, но составители проекта понимают это выражение в самом узком смысле. Собрание — есть физическое скопление людей, — и железнодорожное полотно нельзя загромождать этим скоплением. Сверх того, наверное, никто не решится утверждать, что забота о безопасности собравшихся совершенно излишня. Ограничения в целях безопасности неизбежны. Но если законопроект неудачно отредактирован, то желательна, конечно, лучшая редакция. Поэтому проф. Гредескул предлагает передать законопроект в комиссию.

Упрёки в недоверии составителей законопроекта к народу, по мнению проф. Гредескула, лишены всякого основания. Они заботились лишь о безопасности.

— Мы вполне признаём свободу и желаем её оградить, но мы желаем, чтобы среди этой свободы был полный порядок, а для того, чтобы он существовал, необходима неизбежно власть; мы не предоставляем ей мгновенно организоваться, как это предлагают наши оппоненты, а предполагаем, что эта власть заранее существует. Когда возникает вопрос, есть ли это народная власть или нет, то я позволю себе просто указать на программу партии народной свободы, которая желает министерства, ответственного перед парламентом; следовательно, власть эта народная. Она постоянно будет ограждать безопасность и порядок. Никакого посягательства на свободу собраний в законопроекте не содержится (*Аплодисменты на скамьях к.-д. партии*).

Деп. *Новодворский* (Варшава) поддерживает законопроект от имени польской группы и просит лишь пополнить его установлением обязательства для полицейских чинов являться с письменным предписанием начальства и уголовной ответственности представителей полиции за неправильное закрытие собраний.

В заключительном слове проф. *Шершеневич* признаёт, что некоторые из высказанных в думе возражений и замечаний безусловно придётся принять во внимание. К числу их проф. Петражицкий относит замечания, сделанные деп. Новодворским. Напротив того, выражение «железнодорожное полотно» не может вызывать никаких сомнений. «Железнодорожн. устав» тоже разумеет под этим словом только рельсовый путь. Дальнейшие возражения его не убеждают.

29-е заседание

19-го июня.

Деп. *Шершеневич* (Казань) вносит дополнение к первоначальному предложению 33-х членов, подписавших законопроект, — а именно, предлагается избрать в общем собрании г. думы комиссию из 11 членов, которой и поручить рассмотрение законопроекта.

Проф. М. М. Ковалевский. Европа и Америка выработали пока 2 главных типа отношений к свободе собраний. Первый тип выработан Англией и Америкой. Я был удивлён, услышав из уст моего приятеля, проф. Котляревского, заявление о том, что предложение, сделанное здесь членами нашей крайней левой, представляет собою какую-то новинку, какое-то чисто русское творчество, — когда в Англии и Америке в течение 200 лет вопрос о праве собрания решается положительно в том самом смысле, в каком предлагают члены недавно образовавшейся в нашем парламенте социал-демократической партии. Если вы заглянете в общедоступную и русской публике книгу проф. оксфордского университета Дайси «Об английской конституции», то вы найдёте там известное всем, кто занимается государственным правом, начало английского права, по которому не существует особого права собраний, а считается, что это право присуще каждому гражданину, так как оно составляется из 2 прав: свободы перемещения и свободы речи. Соедините эти 2 права и получите право собрания. Поэтому англичане смотрят на право собрания как на принадлежащее каждому английскому гражданину право собираться как на открытом воздухе, так и в закрытом помещении. Дайси говорит: «Англичане имеют право идти, куда угодно, и говорить, что считают разумным; это право признаётся за каждым английским гражданином, и когда сойдутся в одно место граждане A, B, C и т. д. и станут говорить об интересующих всех их общественных вопросах,

то составится митинг, который полиция обязана охранять от нарушителей порядка. Другое дело, когда сами мы перейдём к нарушению порядка; тогда мы будем привлечены к суду, и он нас покарает, как нарушителей мира, но не потому, что мы устроили митинг, не спрашивая ни у кого согласия, и собрались, не уведомив полицию за 24 часа. Вы знаете, что английское право собраний сыграло выдающуюся роль в деле развития конституции в Англии. Большинство демократических изменений в аристократической английской конституции сделано было благодаря широкому пользованию этим правом английского гражданина — идти куда угодно, встречаться с кем угодно и говорить о чём угодно, и в особенности о том, что он считает полезным поставить на вид согражданам.

В Америку была перенесена английская точка зрения на право собраний.

Там также каждый имеет широкое право отправляться в место, куда прибудут по соглашению и другие граждане, и подвергать обсуждению интересующие всех вопросы, и право это принадлежит им до тех пор, пока не приступят к актам насилия. Если же они приступят к актам насилия, тогда их привлекают к ответственности за эти акты насилия, а не за право пользоваться свободой речи и свободой передвижения. Этому англо-американскому типу, которому я всецело сочувствую, противополагается другой тип — континентальный. Когда англо-американские идеи стали влиять на континентальную Европу, в ней господствовала система государственной опеки, господствовала практика — за всем следить, все предупреждать, т. е. существовали порядки, известные под названием полицейского государства. Порядки эти заимствованы нами со времён Петра Великого и с тех пор действовали и продолжают действовать и в настоящее время в нашей среде. После того, как английские идеи были перенесены на континент Европы, попытка применить их в эпоху учредительного собрания повела к тому, что за полной свободой собраний последовали злоупотребления: вторжение депутаций в зал конвента, предъявление конвенту требований, чтобы постановления собраний исполнялись немедленно. Благодаря этому возникли законодательные постановления полицейского характера, ограничивающие и число участников, и право собираться не иначе, как с разрешения полиции и т. д., и т. д. Эти постановления продолжали господствовать и в эпоху первой империи, и в эпоху реставрации. Закон 1877 г. возник во Франции вскоре после возвращения из ссылки коммунаров, когда оставались в силе прежние опасения нового нарушения мира со стороны их приверженцев и когда поэтому полицейская точка зрения взяла верх над англо-американским принципом свободы собраний. Этот закон признаётся во Франции одним из наименее удачных. Тем не менее составители обсуждаемого нами законопроекта о свободе собраний следовали французскому образцу в той же степени, как составители закона о праве собраний, до сего времени действовавшего, следовали австрийскому образцу. Австрийский закон требует уведомления полиции за три дня, французский закон 78 года — за 1 день; но и тот и другой закон одинаково проникнуты точкой зрения опеки, точкой зрения полицейского государства. Но, даже следуя образцу законов полицейского государства, составители этого законопроекта отклонились от иностранного образца в худшую сторону, и, на мой взгляд, весьма неудачно решили вопрос, каким образом полиция прекращает собрание, когда оно кажется ей угрожающим общественному миру, порядку и спокойствию. Они совершенно упустили из виду, что на собраниях во Франции имеется бюро, которое и ведает всем внутренним распорядком собрания, и что обращение полиции делается не к самому митингу, а к бюро. Они ни словом не обмолвились об обращении полиции к бюро собрания. Что же из этого возникает? Один полицейский агент находится среди тысячной толпы и желает, ввиду нарушения общественного порядка, положить

конец митингу или вывести тех ораторов, которые, по его мнению, своими речами и своим поведением нарушают мир и спокойствие. Лучшее, что может ему предстоять, если он попробует исполнить своё намерение, — это «вывезение на тачке». Если не последует такого вывезения, то он может, по всей вероятности, подвергнуться ругательствам и даже получить физическое оскорбление. Между тем, если ввести между собранием и полицейской властью бюро с теми широкими правами внутреннего распорядка, какими оно пользуется на собраниях во Франции, то ничего подобного ожидать нельзя. Я не понимаю, каким образом составители этого законопроекта совершенно упустили из виду введение в практику подобных бюро.

Я очень рад, что едва образовавшаяся в нашей среде социал-демократическая фракция связала свои начальные действия с защитой одинаково дорогого им и нам права собраний. Я со вниманием прислушивался к заявлениям, высказанным здесь представителем от московских рабочих Савельевым, который весьма верно указал, что когда возникает повод к рабочим стачкам, то выжидают всегда того момента, когда им отводится помещение для переговоров, последствием которых часто бывает, что самая стачка не возникает. Но ждать в течение 24 часов дозволения собраться, тех 24 часов, в течение которых может обостриться конфликт, могут быть начаты насильственные действия, значит устранять возможность достижения соглашения и приостановки стачки. Поэтому в отношении России совершенно неприемлемо такого рода требование, как выжидать 24 часа разрешения со стороны полиции, чтобы собраться и потолковать о нуждах, сделать определённое предложение предпринимателю, выслушать от него определённый ответ и достигнуть, может быть, путём переговоров соглашения, не обращаясь к стачке.

Я полагаю, что из всех законопроектов, которые сюда вносились, наименее удачным надо признать законопроект, который мы рассматриваем в настоящее время. Я даже думаю, что нет оснований передавать этот законопроект в комиссию, но следует вернуть его авторам для полной переработки. Многолетняя практика Англии и Америки убедительно доказала, что право собраний представляет необходимый корректив ко всякого рода несовершенным конституциям, в особенности тем, при которых избирательное право ограничено. Я укажу, что последовательные реформы 32-го, 67-го, 84-го и 85-го годов были сделаны под влиянием резолюций и постановлений собраний, часто происходивших под открытым небом. Кстати укажу, что долгое время королева Виктория не хотела пускать в Гайд-Парк, потому что считала его своей собственностью. Теперь Гайд-Парк есть то место, в котором чаще всего происходят митинги без предварительного испрашивания разрешения полиции. Каждому из нас, кто бывал в Англии, приходилось видеть на площади перед Трафальгар-Сквером многолюдные собрания, охраняемые полицией, которые обсуждали различные вопросы, например, об установлении всеобщего права голосования. Наконец, во время англо-бурской войны та же полиция охраняла митинг, собравшийся для того, чтобы протестовать против самой войны и высказать свои симпатии бурам. Если в Англии мир не был нарушен и при таких условиях, то ясно, что практикой Англии и Америки необходимо воспользоваться. Что же касается указаний на климат, то таких разговоров здесь быть не может, ибо климат Англии и Северной Америки не является благоприятным в этом отношении, а между тем там собираются под открытым небом. Если мы будем продолжать настаивать на том, чтобы на открытом воздухе не могло происходить собраний, а в закрытых помещениях собрания могли бы состояться только при условии уведомления полиции за 24 часа, то этим нарушаются права, главным образом, рабочих, которые не в состоянии будут пользоваться своевременно правом собраний при тех столкновениях, которые бывают между капиталом и трудом. Разрывы между

капиталом и трудом вредно отражаются на предпринимателях, иногда на промышленности, но всегда и главным образом они вредно отражаются на рабочих, которые часто не в состоянии сделать необходимых сбережений на случай стачки и не имеют средств довести стачку до благополучного для них конца. Я решительно высказываюсь против основного взгляда этого законопроекта и подаю свой голос против передачи его в комиссию. (*Шумные аплодисменты слева*).

30-е заседание.

20-го июня.

Деп. *Рамишвили* в обширной речи защищает социал-демократическую точку зрения на законопроект о собраниях и социал-демократическую фракцию от сделанных во время прений упрёков. Он заявляет, что социал-демократическим ораторам было приписано, чего они не думали и не говорили.

— Никто из нас, — возражает он, — не говорил, что не нужно заниматься выработкой законопроекта, не нужно иметь суждений об этом законопроекте в комиссии и Думе, ввиду того, что происходит революция; революция сама всё исправит, как говорил один оратор, сама всё сделает. Правда, господа, мы, революционеры, верим в революцию и её могущество. Я уверен, великая русская революция очистит нашу действительность, высушит болото, в котором погрязло русское общество в настоящее время. Великая российская революция даст свободно вздохнуть не только крестьянам, — мужику русскому и рабочему, но и буржуазии. Мы верим, что революция эта исправит гг. Павловых, которых вчера мы выпроводили отсюда с честью, исправит кровопийцу Дурново и компанию; революция даст нам прочные основы демократизма, она доведёт нас до демократической республики. Но нельзя сделать того заключения, какое вынесли возражавшие нам на нашу критику законопроекта, как будто мы не признаём никаких законопроектов. Неужели законопроектом считается только тот, у которого много параграфов и все параграфы стесняют свободу собраний?

Рамишвили заявляет, что слова проф. Шершеневича о бесполезности присутствия социал-демократической фракции в Думе заставили его усомниться в искренности аплодисментов, которыми дума приветствовала появление социал-демократов, и вступает в полемику с кадетскими ораторами, проф. Гредескулом и Петражицким, а затем и с гр. Гейденом. Кадетов он упрекает в недостатке демократизма и в отсутствии понимания психологии собраний.

Рамишвили находит, что при обсуждении вопроса о собраниях столкнулись классовые интересы. Петражицкого Рамишвили упрекает в том, что он отнесся к делу не по-профессорски, а по-обывательски. Если Петражицкий обвиняет партию в фальши и явной тенденциозности, то это не защита, а нападение для нападения… Напрасно также Петражицкий дает социал-демократам советы, как защищать рабочий класс: они знают это и сами.

В ответ на упреки в том, что социал-демократия не желает считаться с опытом Запада, Рамишвили заявляет, что в настоящий момент русский народ требует больше демократичности, чем Франция и даже Англия. Затем он приступает к чтению телеграмм и заявлений от разных групп рабочего населения к представителям с.-д. фракции, требующих учредительного собрания.

Председатель останавливает его.

Рамишвили продолжает. Справа слышатся возгласы: «Довольно».

Председатель предлагает оратору изложить содержание дальнейших заявлений, не читая каждого в отдельности.

Рамишвили прерывает чтение и обрушивается на графа Гейдена.

Он заканчивает при аплодисментах левой.

Слово предоставляется кавкасскому социал-демократу Жордания, который заявляет, что, вопреки мнению кадетов, русский народ фактически уже привык собираться без полиции и доказал свою политическую зрелость своей борьбой за свободу. Он не понимает, на чем основана уверенность кадетов в том, что следующее министерство будет либеральное. Центр хочет иметь сильную власть, но это в интересах соц.-демократии.

От имени социал-демократической фракции *Жордания* вносит следующий законопроект:

п. 1. Все российские граждане вольны собираться всегда и везде, без всяких стеснений и ограничений, не испрашивая на то никакого разрешения, и вести обсуждения на каком угодно языке,

п. 2. Должностные лица, виновные в посягательстве на свободу собраний, подлежат уголовной ответственности,

п. 3. Отменяются все законы, стесняющие свободу собраний, и все ограничения, основанные на исключительных законах.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ассигновка 15-ти миллионов в помощь голодающим.

29-е заседание

19-го июня

Министры внутр. дел и финансов внесли 19-го июня представление по вопросу об ассигновании средств на оказание помощи населению, пострадавшему от неурожая, причем они указывали на спешность этого предложения. Министры предлагали: 1) ассигновать кредит по росписи 1906 г. в 50 млн руб. на выдачу пособий населению пострадавших от неурожая губерний, 2) предоставить министру финансов подкреплять ассигновку, заимообразно, по мере надобности, за счет кредита продовольственным капиталом и 3) просить мин. фин. изыскать источник для покрытия этого кредита.

Председатель. По наказу это представление подлежало бы передаче в финансовую комиссию, но особым постановлением гос. думы учреждена особая комиссия из 11 лиц для обсуждения всех вопросов, касающихся продовольственной помощи голодающему населению. Полагаю, что это представление подлежит прежде всего передать в продовольственную комиссию, а затем, так как речь идет об ассигновании, то оно должно перейти и в бюджетную комиссию.

Решено, чтобы немедленно передать дело продовольственной комиссии, которая завтра представит его бюджетной комиссии, а затем обеим комиссиям представить совместное суждение по этому вопросу и результат внести в госуд. думу.

32-е заседание

23-го июня.

Докладчиком продовольственной комиссии выступает кн. Львов (к.-д.), который выясняет фактическую сторону дела.

— Голодовки у нас, — говорит докладчик, — представляются уже явлением не периодическим, а постоянным, — из голодовок мы не выходим. В сущности, по обширности нашей необъятной родины, ввиду ее многообразных климатических и почвенных условий, можно сказать, что в России всеобщего неурожая никогда не бывает. При правильных условиях, при толковой доставке хлеба на места и благоразумном устройстве — такого вопроса о хлебе не было бы и недостатка в нем не могло бы быть нигде. Но нет никакого порядка. Правительство всегда оказывается неподготовленным к этим бедствиям. Никогда ни в одной стране такого положения не наблюдалось. И в нынешнем году правительство оказалось совершенно неподготовленным, как и раньше. По сведениям, собранным нами до 10 июня, голодом поражены 28 губерний, тогда как по министерским сведениям 27 губ. В это число входят 127 уездов, из которых 117 поражены недородом, и в числе их 88 уездов страдают повторным неурожаем. Министерство высчитывает по этим предварительным сведениям и общим соображениям, что на продовольственное дело потребуется исчислить 100 млн рублей, но по точному выяснению продовольственной нужды эта цифра может значительно возрасти. Подтверждением этого могут служить следующие обстоятельства: во-первых, 88 уездов пострадали повторно, следовательно, бедствие там ещё тяжелее; во-вторых, на местах полная неурядица в смысле экономической жизни. Для голодающего населения сугубым бедствием является то обстоятельство, что во главе управления стоит министерство, которое не имеет доверия страны. Не надо забывать, что временными правилами 12 июля всё продовольственное дело целиком изъято из ведения земских учреждений и отдано в распоряжение центральных и местных административных властей. В заявлении, поданном министрами внутренних дел и финансов, говорится, что они не признают существующих временных правил вполне удовлетворительными и сочли правильным передать это дело в местные земские учреждения. Однако совместная работа правительства с представителями населения совершенно невозможна. Несомненно, работа будет происходить при самых неблагоприятных условиях. Конечно, много помогла бы делу отставка нынешнего министерства, но даже если произойдёт смена министерства, потребуются громадные усилия для борьбы с надвигающимся бедствием. Дезорганизация на местах полная. Сообразив эти общие положения, комиссия признала прежде всего нужным обратиться за сведениями на места голодовок. Мы послали телеграммы председателям губернских и уездных управ, чтобы узнать, в каком положении дело и в какой мере участие земских организаций в предстоящей кампании может оказаться полезным. От многих земских управ получаются ответы, и на 26 июня назначен в Москве общеземский съезд. По подсчёту министерства внутренних дел, на всю продовольственную кампанию ассигнуется 100 млн рублей; эту цифру продовольственная комиссия признаёт недостаточной. При этом надежды на общественную помощь крайне слабы; к этому необходимо прибавить, что площадь неурожая следует определять не в 20 проц., как предполагает министерство внутренних дел, а в 95 проц., как

указывают сведения, полученные от земских управ. Разумеется, должно быть сделано всё, чтобы подробности отчёта были опубликованы не позднее месяца после окончания продовольственной кампании. Что же касается общей организации, то необходимо, чтобы министерство находилось под постоянным контролем Государственной думы и представило по обсуждении вопроса весь материал в общее собрание представителей земских организаций.

Докладчик бюджетной комиссии депутат *Герценштейн* (к.-д., Москва) освещает финансовую сторону вопроса.

— Не подлежит ни малейшему сомнению, — заявляет он, — что мы без всякой урезки и сокращений, без всякого торга должны ассигновать всё то, что необходимо на нужды продовольствия. От имени обеих комиссий я заявляю, что мы безусловно признаём необходимым в данном случае идти навстречу обоим министрам, что мы не желаем сокращать назначенную сумму и признаём необходимым, может быть, даже и увеличить её, так как продовольственная комиссия высказывает взгляд, что эти суммы могут оказаться недостаточными. Но ведь нужно изыскать средства, каким образом покрыть необходимый расход. Министр финансов был столь любезен, что помог нам в этом. Он нам сказал: «Зачем вам беспокоиться, я выпущу ренту на нужную сумму, и весь вопрос решён». Правда, у вас нет полной свободы печати, но печатный станок в экспедиции по заготовлению государственных бумаг всегда в его распоряжении. Мы выпустим, — говорит он, — пока 2 серии, нужно будет выпустить 7, и всё будет кончено. Тут-то мы с ним и не согласны. Министр вам сказал: «Мы жили слишком широко и не по средствам». Положение наше гораздо хуже, чем вы думаете. Вы полагаете, что наше положение верно обрисовано во всеподданнейшем отчёте? Нет, туда попала только известная сумма; есть такие суммы, которых там нет и которые были опубликованы только тогда, когда была речь о новом займе. Для чего собственно понадобился этот заём? Тут только мы узнали, что у нас есть старые большие грехи. При таких условиях становится поневоле страшно. Попробуем, нельзя ли действовать иначе. Г. министр опять любезно помог нам и сказал: единственный правильный путь — жить по средствам, а для этого нужно пересмотреть нашу расходную смету. Одна только оговорка — начните это не теперь, не стоит. Осталось каких-нибудь полгода, не стоит возиться. И что вы сэкономите? Пустяки. Начните лучше с будущего года. У г. министра при этом проскользнул намёк, что, может быть, это будет при новом министерстве, что это хлопотливое дело будет делать кто-нибудь другой… И вот мы воспользовались любезными указаниями министра финансов. Мы пришли к заключению, что должны испробовать все средства, какие только имеются в нашем распоряжении, и только тогда высказаться по поводу вопроса о том, единственный ли путь указывает нам г. министр финансов, т. е. займы. К тому же не нужно забывать, что денег вам нигде не дадут. И что г. министр финансов сделает с рентой? Не знаю. Может быть, она будет лежать в гос. банке и сберегательных кассах. Нельзя забывать, что размещение новых серий на 70 млн руб. вызовет понижение ренты ещё на несколько процентов. Но ведь это нельзя считать действительной реализацией займа. Да и вообще я сомневаюсь, можем ли мы реализовать сейчас такую сумму.

Итак, перехожу к заключению. Я считаю, что прежде всего мы должны пересмотреть нашу расходную смету, т. е. сделать сегодня то, что нам предлагают сделать завтра. Конечно, пересмотр — это мелочная кропотливая работа. Прежде, бывало, министр финансов по одному мановению выбрасывал на рынок сотни миллионов ренты. С этой системой нужно покончить раз навсегда. Начать мы должны именно с расходного бюджета. Когда разразилась война, он с

необычайной ловкостью, с необычайной быстротой, с полным знанием дела в самое короткое время в марте месяце из нашего бюджета извлёк 138 млн руб.

Нам нужно гораздо меньше, всего только 50 миллионов. Это с его стороны, вероятно, будет большая жертва, но я думаю, он согласится на эту жертву. Когда у нас голод, неужели же мы будем по-прежнему расточительны? Будем по-прежнему занимать деньги за границей и так продолжать вести хозяйство? Я считаю, что с того дня, когда явилась дума, когда явились народные представители, каждая копейка должна быть под отчётом. (*Аплодисменты*).

Правда, несомненно будет сделана попытка указать, что уже смета утверждена и что теперь ничего не остаётся делать, независимо от того, хороша она или дурна. В данном случае я сошлюсь на того же министра финансов. Весьма недавно, когда нужно было увеличить довольствие нижних чинов пограничной стражи, он внёс предложение, опубликованное, по странному совпадению, в тот самый день, когда он говорил, что ничего не может сделать. На чей же счёт производится этот расход? Необходимые 1 116 000 рублей были ассигнованы из остатков по смете министерства финансов. Мы должны следовать по этому пути. Остатки должны быть, и, чтобы они были, нужно немедленно подвергнуть бюджетный расход пересмотру по отдельным статьям и ведомствам. Мне случайно попалась на глаза смета министерства земледелия; на переселение в нынешнем году ассигновано по этой смете 5 млн. Я спрашиваю, неужели в этом году переселение возможно и нужно 5 млн внести в смету. Я думаю, что главноуправляющий земледелием, хотя он и большой сторонник переселения, в этом году переселять не будет. (*Аплодисменты*). Попутно мне встретилась в этой смете прекрасная цифра в 1 770 000 на аренду. Земель уже нет. Дают денежную аренду. Я думаю, что это можно сократить.

Ввиду этого докладчик вносит от имени комиссии следующие изменения министерского проекта. В изменение п. 1. Ассигновать чрезвычайным сверхсметным кредитом по росписи 1906 года 15 млн руб. на предмет удовлетворения сменной и продовольственной нужды на июль месяц, предоставив министру финансов подкреплять заимообразно по мере надобности за счет означенного кредита общий по Империи продовольственный капитал.

Взамен п. 2. Потребную сумму отнести за счет ожидаемых сбережений в пределах ассигнований по главным подразделениям росписи 1906 года.

В дополнение проекта. Предоставить министру финансов: а) пересмотреть расходную смету 1906 г. в видах её сокращения и б) с дальнейшим представлением об ассигновании на продовольственные нужды входить по мере надобности в госуд. думу, — и наконец,

подробный отчёт о порядке израсходования вышеозначенной суммы 15 млн руб. и о результатах сменной операции министерство внутр. дел публикует не позже месяца со дня окончания операции.

Оратор сходит с трибуны под шумные аплодисменты центра.

Для ускорения рассмотрения предложение бюджетной комиссии признаётся спешным.

Слово предоставляется министру финансов. Г. Коковцов начинает глухим, невнятным голосом, но постепенно воодушевляется и вторую половину своей речи говорит уже так громко и отчётливо, что не пропадает ни одного слова.

— Неблагодарна задача говорить после оратора, который под гром аплодисментов закончил свою речь заявлением, что министерство должно уйти в отставку. (*Слева возгласы: Да! Конечно!*). Я вполне согласен с г. фон-Рутценом, что недоверие, не раз уже выраженное министерству, должно распространяться и на хозяйственную часть управления…

Тем не менее он не теряет надежды оправдать себя перед думой и вступает в полемику с предыдущими ораторами. Деп. Герценштейну министр отвечает, что ссылка его на то, что якобы из остатков была сделана ассигновка на пограничную стражу, неправильна, так как ассигновка эта, хотя и была сделана, но за отсутствием средств остаётся невыполненной. Несомненно, можно найти не только 15 или даже 50 миллионов, но даже и больше, — весь вопрос только в том, как это устроить. Министр финансов со своей стороны связан законом и не может от него отступить. Он рад был бы сделать сокращения в расходах, но нуждается в законодательном уполномочии на это. Вот если те учреждения, о которых говорили предыдущие ораторы, хотя бы управление торгового мореплавания или та или иная должность будут упразднены, тогда другое дело. Но для осуществления этого требуется, во всяком случае, очень много времени, а продовольственная нужда неотложна.

Если государственная дума, — продолжает министр, — вынесет постановление предоставить 15 млн руб., то министерство финансов отпустит их на заготовление хлеба и семян для продовольствия, но отпустит не в счёт сбережений, а в счёт других обеспеченных расходов. Если я считал своим долгом говорить в бюджетной комиссии в течение 3 часов, изложить всё дело продовольствия, то я считал своим долгом посвятить бюджетную комиссию в суть вопроса. Считаю своим долгом перед государственной думой, хотя и принадлежу к министерству, доверием не пользующемуся, заявить, что совершенно напрасно докладчик говорил, что бюджет сам по себе, и что существуют какие-то другие. Такого объяснения я не давал. Объяснил я и теперь повторяю, что бюджет есть непреложная норма. Бюджет не в состоянии покрыть потребности данного 1906 г., но я объяснил, что от 1905 года, года войны, в течение которого на основании закона производились расходы, вызванные войной, остались неоплаченными. Я говорил, что бюджет 1906 г. не полон именно потому, что он не только не покрыл расходов нынешнего года, но и оставшиеся от прежнего 1905 г. Следовательно, когда мы подходим к новым нуждам, к новым недородам и ассигнуем 50 млн, а государственная дума требует большего — очевидно, мы не можем найти средств, нет ресурсов для непредвиденных новых расходов.

Дело заключается в том, что мы все здесь, невзирая на существующую разницу между нами и на недоверие к нам, мы все находимся перед нуждою. Теперь не время говорить о доверии или недоверии (протест на левой). Господа, я не выхожу из предоставленных мне прав и потому буду спокойно продолжать свою речь. Мы явились сюда, оба министра — внутренних дел и финансов, для того, чтобы сказать, что нужда неотложна, что для нужды с голодом нужны средства. Едва успевает кончить министр, как слева раздаются возгласы: «В отставку! Ложь!».

Министру отвечает деп. *Иоллос* (к.-д., Полтава). Он указывает на такие ассигновки, как, напр., 23 млн на усиление полиции и стражников, и на остатки, образующиеся в военном ведомстве при расформировании частей. Патетический тон, в котором министр говорил о народной нужде, мало его трогает: министр понял в последнюю минуту, что стыдно торговаться из-за 15 миллионов. Указанием на то, что 15 миллионов недостаточно, г. Коковцов, очевидно, желал подорвать в населении доверие к думе. Между тем сама же дума желает расширения организации помощи.

Если бы министерство действительно хотело помочь думе выйти из затруднения, то оно могло бы это сделать в 24 часа (*Аплодисменты на кадетских скамьях*).

Министр финансов снова поднимается на кафедру, чтобы возразить на эти упрёки. Он заявляет, что в военном ведомстве остатков от расформирования войск никаких нет и что он был далёк от желания вселить недоверие к думе, а говорил о недостаточности ассигнования 15 миллионов лишь потому, что действительно убеждён в необходимости большей суммы.

Герценштейн отвечает г. Коковцову, что дума желает от него только, чтобы он действовал по закону, но, и действуя по закону, министр мог бы сделать очень много сокращений в расходах.

— Ремонтируйте скромнее квартиры товарищей, — советует оратор, — и хороните их по более дешёвому тарифу.

Депутаты, особенно в центре, отвечают взрывом аплодисментов.

Министр направляется к выходу. Левая провожает его криками: «В отставку! В отставку!».

На кафедру поднимается деп. *Родичев* (Тверь).

Он доказывает в сжатых словах, что министр финансов очень легко мог бы найти способы сократить расходы, если бы решился порвать с той системой, которая при повышении поступлений против сметы заканчивает дефицитами.

— Есть великолепное средство, — обращается оратор к вернувшемуся в промежуток времени министру, — улучшить положение наших финансов. Чем объясняется повышение ренты? Слухом об уходе министров. Думаю, что нынешнее министерство скоро придёт к убеждению, что самое лучшее для него — это уйти как можно скорее.

Деп. *Рамишвили* (Кавказ) вносит от имени социал-демократической фракции заявление о том, что фракция не разделяет взглядов комиссии. Признавая, что значительной части крестьянства грозит голод и что население нуждается в немедленной помощи, фракция считает, что одной из главных причин нужды является выколачивание налогов и отрывание людей для войска; фракция тем не менее признаёт недопустимым сосредоточение в руках безответственного правительства организации помощи голодающим и продовольственных капиталов и предлагает командировать на места членов думы и поручить оказание помощи городским, земским и свободным общественным организациям. Для сокращения расходов с.-д. фракция рекомендует уничтожение секретных фондов, жандармерии, сыска, сокращение жалованья высших чиновников и предлагает поручить бюджетной комиссии заняться такого рода сокращением расходов.

Докладчик деп. *Герценштейн* от имени комиссии высказывает следующие соображения.

— Мы желаем, чтобы министерство ушло. Но голодающее население ждать не может. Я безусловно присоединился бы к мерам, предложенным здесь, но ждать до тех пор, пока их можно будет осуществить, население не может. Если внести какой-либо законопроект, дело затянется надолго. Мы просим вотировать кредит так, как это возможно по действующим законам.

Приступают к постатейному обсуждению.

Поправки Галецкого и соответствующая сделанному деп. Рамишвили заявлению социал-демократическая поправка Гамартели отвергается.

Кн. Шаховской предлагает сократить предложенный фон-Рутценом срок, вместо 1 сентября — поставить 23 июля.

Пункт б принимается в редакции: предоставляется министру финансов, по соглашению с министром внутренних дел, входить с дальнейшим представлением в госуд. думу.

В пункте 4 слова «не позже месяца» заменяются словом «ежемесячно», после чего проект принимается против голосов левой и Кузьмина-Каразаева.

Кн. Шаховской вносит предложения: отложить обсуждение представления министров внутр. дел и финансов в остальной его части до заседания гос. думы 3 июля и поручить комиссии бюджетной и продовольственной представить 23 июня и 3 июля свои соображения.

Оба предложения принимаются.

33-е заседание.

26-го июня.

Редакционная комиссия придала законопроекту нижеследующую форму:

«1. Ассигновать чрезвычайным сверхсметным кредитом по росписи 1906 года 15 000 000 р. на расходы в течение июня месяца сего года по удовлетворению семенной и продовольственной нужды населения пострадавших от неурожая губерний, предоставив министру подкреплять заимообразно, по мере надобности, за счёт означенного кредита, общий по Империи продовольственный капитал.

«II. Потребную сумму отнести на счёт сбережений по росписи 1906 г.

«III. Возложить на обязанность министра финансов, по соглашению с подлежащими министрами и главноуправляющими отдельными частями, пересмотреть расходную смету 1906 г. в видах её сокращения, с тем, чтобы относящиеся к сему законопроекты были внесены в Государственную думу не позднее 23 июля сего 1906 года.

«IV. Предоставить министрам внутренних дел и финансов вносить в Государственную думу представления о дальнейших ассигнованиях на продовольственные нужды по мере надобности.

«V. Подробные отчёты о расходовании сумм на удовлетворение семенной и продовольственной нужды населения пострадавших от неурожая губерний министр внутренних дел публикует ежемесячно во всеобщее сведение».

В этой форме законопроект и был окончательно принят думой, а затем и Государственным советом. 4 июля государственный секретарь уведомил председателя об утверждении закона Государем. Это был единственный принятый думой законопроект, получивший силу закона.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Запросы

С первых же дней своего существования дума должна была почувствовать, что у неё и у тех форм жизни, которые она собиралась создавать, имеются весьма серьёзные враги и с этими врагами ей пришлось очень скоро вступить в ожесточённую борьбу. Борьба эта в значительной части выразилась в длинном ряде запросов, предъявленных думою правительству.

В ночь с четвёртого на пятое мая был заявлен первый запрос следующего содержания:

«В печати оглашены официальные документы, указывающие на непосредственное участие департамента государственной полиции в возбуждении одной части населения против другой, последствием чего были массовые убийства мирных граждан. В частности, как видно из рапорта ст. сов. Макарова от 15 февраля с. г., напечатанного в № 63 газеты «Речь», установлено, что департаментом полиции была оборудована специальная типография, в которой печатались составленные в том же департаменте и им распространяемые возмутительные воззвания, призывающие к избиению инородцев и интеллигенции, каковая типография находилась в непосредственном заведовании офицера отдельного корпуса жандармов, Комиссарова. Несмотря на произведённое официальное исследование, не только не приняты были меры к предупреждению подобного неслыханного злоупотребления властью в будущем, но главные его виновники даже были награждены. Поэтому, и ввиду повторившихся за последние дни подобных же кровавых событий (в Вологде, Калязине и Царицыне), заставляющих думать, что они совершались при том же преступном отношении властей, мы просим думу запросить г. министра внутренних дел:

Известны ли г. министру приведённые факты, какие меры приняты им для наказания виновных и что министр намерен сделать для предотвращения таких преступлений в будущем?

Независимо от сего, мы просим государственную думу сделать г. министру запрос о том:

Известно ли министру, что администрация переполнила тюрьмы заключёнными, в числе коих есть заведомо невинные и что в нарушение всех, даже исключительных, законов об усиленной и чрезвычайной охране, власти содержат заключённых свыше установленного срока без предъявления какого бы то ни было обвинения, доводя их таким путём до отчаяния, выражающегося в добровольной голодовке».

Это заявление было подписано более чем 30 членами государственной думы и явилось первым запросом, за которым последовал целый ряд других. Этот первый запрос послужил как бы образцом для последующих. Со всех концов России посылались в думу просьбы о заступничестве, жалобы на те притеснения, которым подвергались русские граждане со стороны властей.

Наибольшее количество запросов являлось ответом именно на такие притеснения. Высылка в административном порядке, содержание в тюрьме или арест без предъявления обвинения являются предметом наибольшего числа запросов. Таких запросов было сделано около ста, т. е. приблизительно половина всех запросов, сделанных думой.

Не могли содействовать спокойной работе думы и целый ряд запросов о так называемых на спокойном языке юристов «незаконных действиях должностных лиц».

Одним из наиболее ярких проявлений незаконности в действиях должностных лиц было сожжение крестьянских жилищ по приказанию начальника черниговского жандармского управления, генерала Рудова. Член государственной думы от Черниговской губернии Муханов, разъясняя этот случай, заявил между прочим следующее:

Некоторые из тех лиц, которые подписали это заявление государственной думе, усомнились в верности представленных нами сведений по этому поводу. Я доказал им их неопровержимость тем, что всё, что написано в этом заявлении, взято из пожарных актов, доставленных сюда черниговской земской управой. Все выражения взяты оттуда. Пожарные акты составляются, как большинству членов государственной думы известно, волостными старшинами и проверяются на месте земскими страховыми агентами. Мы настаиваем на срочности запроса, потому что в настоящее время во многих местах возникают волнения и беспорядки, подобные тем, которые вызвали такие преступные действия полиции, как это было указано в этом запросе. Каждый день возможно повторение такого же рода преступлений, если государственной думой теперь же не будет обращено на это внимания.

Кроме незаконных действий должностных лиц внимание членов государственной думы привлекали запросы и по поводу так называемых законных действий. К таким запросам могут быть отнесены 8 запросов о военных судах, в которых обвиняемыми очень часто являлись несовершеннолетние, и 14 запросов по поводу смертных приговоров, как состоявшихся, так и исполненных.

Негодуя при виде полного равнодушия правительства к участи людей, обречённых на смертную казнь, члены думы не могли не волноваться за участь живых, неподлежащих казни, но томящихся в тюрьмах и отданных на бесконтрольный произвол своих тюремщиков. А из тюрем очень часто приходили вести не только о грубом обращении, о плохом содержании, но и о голодовках, объявленных заключёнными, о голодовках, как о последнем слове протеста, которым угнетённые борются с притеснителями.

Но если известия о голодовках, объявлявшихся арестованными в тюрьмах, могли тревожить членов думы, то ещё большее волнение должно было охватить народных представителей, когда стали поступать грозные известия, что уже не добровольные голодовки в отдельных тюрьмах, но настоящий беспощадный голод стучится в избы русского крестьянства.

Государственной думой был принят обращённый к министру внутренних дел запрос следующего содержания: «1) Какие меры намерено принять правительство для борьбы с голодом и его последствиями до получения населением нового урожая? 2) Как велики по своим размерам государственные средства, уже израсходованные правительством в этом году на борьбу с голодом и ещё остающиеся в его распоряжении на этот предмет? Имеется ли у правительства возможность увеличить размеры расходов на это дело? 3) Отменено ли распоряжение об отказе в пособии семьям крестьян, участвовавших в аграрных волнениях? 4) Намерен ли министр внутренних дел допускать и впредь применение администрацией исключительных законов и полномочий по отношению к тем частным лицам и учреждениям, которые приходят на помощь голодающему населению, и ставить им препятствия по своему усмотрению, невзирая на нужды населения?»

23-е заседание

8-го июня

Ответ на первый из приведённых нами запросов был дан министром внутр. дел только восьмого июня. Он вызвал бурные сцены в думе.

Министр внутренних дел. На заявленный мне запрос от 12 мая я не мог раньше ответить государственной думе, так как считал необходимым отправить в некоторые города, где были беспорядки, особых уполномоченных мною лиц для проверки происшедшего. Оговариваюсь вперёд, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю. Суть рапорта чиновника особых поручений Макарова заключается в следующем: в середине декабря 1905 года жандармский офицер Комиссаров напечатал на отобранной при обыске бостонке воззвание к солдатам с описанием известного избиения в городе Туккуме полуэскадрона драгун, с призывом свято исполнять свой долг при столкновении с мятежниками. Это воззвание было послано в Вильну в количестве 203–300 экземпляров. Кроме того, был сделан набор другого воззвания к избирателям государственной думы. В это время его начальству стало известно об этих его деяниях, и оно указало ему на всю несовместимость его политической агитации с его служебным положением и потребовало прекращения этой деятельности. Вследствие этого был немедленно уничтожен набор воззвания к избирателям и была послана телеграмма в Вильну об уничтожении тех экземпляров воззвания к солдатам, которые не были ещё розданы. Затем, что касается деятельности ротмистра Будаговского, то надо выяснить, что на почве участия в борьбе во время декабрьских событий у Будаговского в Александровске установились личные отношения к организациям, которые именовались «Александровский союз 17 октября» и «Александровская боевая дружина», причём ротмистр Будаговский употреблял своё влияние на распространение этих воззваний среди населения уезда. Однако после 14 декабря новых воззваний против революционеров и «евреев» уже не распространялось.

Что касается нареканий на департамент полиции, то я должен сказать, что хотя по рапорту Будаговского распоряжения своевременно не было сделано, но такое замедление должно объясняться тем, что этот рапорт поступил в разгар московского восстания, между 3–1 декабря, когда заведующий департаментом полиции Рачковский находился в Москве; когда же он вернулся в Петербург, то был освобождён от заведования политической частью департамента. Для полноты картины я должен сказать, что, когда в департамент доходили слухи о возможных беспорядках, немедленно посылались нужные телеграммы о их прекращении. Некоторые уяснения неправильных действий жандармских офицеров следует почерпнуть из воспоминаний о тех ужасных событиях, которые переживала Россия минувшей осенью и зимой, событиях, которые поселили во многих совершенно превратное понятие о долге перед родиной. Участие должностных лиц на собраниях крайних партий сменялось страстной агитацией против начал, проповедуемых этими партиями. В частности, относительно ротмистра Будаговского надо принять во внимание обстановку, в которой ему приходилось действовать. Не имея в распоряжении своём достаточно войск и видя захват железнодорожной станции и земского начальника мятежной толпою, он решил, опираясь на сочувствующие ему общественные группы, подавить беспорядки, за что и получил высочайшую награду, а никак не за агитацию. Из всего вышеизложенного видно, что департамент полиции не оборудовал преступной типографии и что последствиями его действий не могла быть масса убитых людей. Однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов

позволяли себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено.

Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествий в городах Вологде, Царицыне и Калязине. В Вологде толпа сожгла народный дом, повредила 4 частных дома, разгромила типографию и пыталась разгромить дом городского головы. При этом на месте осталось 2 убитых и 28 раненых. Дознание выяснило, что беспорядки начались вследствие насильственного закрытия лавок группой манифестантов, когда в город съехалась масса народу для закупок припасов ввиду двух праздников — Николина и Троицына дней. Первый выстрел был произведён со стороны манифестантов. Губернатор, прокурор и полицеймейстер прикрывали собою избиваемых; последний затаптывал костры, сложенные из книг, выброшенных из народного дома. Трудно даже себе представить, чтобы тут была обвинена администрация в устройстве и сочувствии в учинении погрома. Причина была ясна — насильственное закрытие лавок, объектом же злобы народа явился народный дом, который был обычным местом сборища политических ссыльных, причём в октябре там на митингах раздавались речи о вооружённом восстании, а сцена была украшена надписью «Да здравствует республика». Такие же беспорядки повторились по этому же поводу в декабре. Погром не был своевременно прекращён вследствие малочисленности полицейских сил, войска же приехали слишком поздно. Нарекания со стороны некоторых лиц, вызванные действиями ротмистра Пышкина, который командовал стражниками и который будто бы действовал недостаточно решительно против толпы, объясняются тем, что стражники были только что сформированы и сам он получил от губернатора приказание не стрелять. Однако, если бы судебное следствие, которое ведётся по этому делу, показало обратное, то министерство не преминет соответственно распорядиться.

К сожалению, обстоятельства происшествия, бывшего в Царицыне 1 мая, дают основательный повод к нареканию на действия полиции, причём дело следствия — выяснить меру ответственности каждого должностного лица.

Что касается, наконец, столкновения толпы с полицией в Калязине, то в этом случае Столыпин не признаёт полицейскую власть виновной и рисует ряд подробностей, из которых вытекает, что толпа демонстративно требовала освобождения политического заключённого Демьянова и вела себя агрессивно.

Я не скрывал неправильных действий должностных лиц; но мне кажется, что отсюда нельзя и не следует делать выводов о том, что большинство моих подчинённых не следуют велениям долга. Это, в большинстве, люди, свято исполняющие свой долг, любящие свою родину и умирающие на посту. С октября месяца до 20-го апреля их было убито 288, а ранено 383, кроме того было 156 неудачных покушений. Правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления. Тут, в государственной думе, с этой самой трибуны раздавались обвинения правительству в желании насаждать везде военное положение, управлять всей страной путём исключительных законов; такого желания у правительства нет, а есть желание и обязанность сохранять порядок. (*Шум*.) Порядок нарушается всеми средствами; нельзя же, во имя даже склонения в свою сторону симпатий, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизации. (*Шум*.)

Голоса. Довольно.

Министр внутренних дел. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства. Бездействие власти ведёт к анархии. Правительство — аппарат власти, опирающейся на законы. Я предвижу возражения, что существующие законы настолько несовершенны, что всякое их применение может вызвать только ропот. Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремнёвое ружьё; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружьё. На это честный часовой ответит: «Покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым». (*Шум, смех.*) Обязанность правительства — святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ. (*Шум.*)

Кн. Урусов (к.-д., Калужская губ.). Известие о скрывавшейся в тайниках департамента полиции «бостонке», мы рассматриваем не столько как факт прошлого, с точки зрения ответственности виновных лиц, сколько как тревожный вопрос относительно возможности дальнейшего участия правительственных чиновников в подготовке тех кровавых драм, которыми мы за последнее время печально прославились и которые, к стыду нашему, продолжают разыгрываться. При этом позвольте мне оговориться: я совершенно искренне уверен в том, что г. министр внутренних дел сообщил нам всё, что мог, уверен в искренности его сообщения, и я не сомневаюсь в том, что при министре внутренних дел Столыпине никто не решится воспользоваться зданием министерства и министерскими суммами, чтобы организовать погром и устраивать подпольные типографии. Но смысл, значение и важность настоящего запроса в том именно и заключается, что погромы и междоусобная война могут происходить и продолжаться вне зависимости от отношения к ним того или другого министра внутренних дел.

Внимательное исследование так называемых погромов приводит наблюдателя их к фактам, всегда одинаковым, и ставит его лицом к лицу с явлениями, совершенно однородными. Во-первых: погрому всегда предшествуют толки о нём, сопровождаемые широким распространением воззваний, возмущающих население и появлением своего рода, я сказал бы, «буревестников» в лице представителей мало кому известных подонков населения; затем официальное указание о возникновении погрома, поводы его всегда, без исключения, впоследствии оказывается ложным. Далее, в действиях погромщиков усматривается своего рода планомерность; они действуют в сознании какой-то безнаказанности и действуют лишь до тех пор, пока это сознание не будет в них поколеблено, после чего погром прекращается необыкновенно быстро и легко. В действиях же полиции, напротив, всегда усматривается отсутствие плана, и в то время, когда в некоторых полицейских участках при наличности значительных полицейских сил погромы принимают характер сплошного бедствия, в других участках отдельные полицейские чины, действуя твёрдо, в сознании долга, и смело, останавливали бедствия в самом начале. О роли войск я ничего не скажу, потому что пришлось бы говорить до завтрашнего дня. Затем погром прекращается; тогда производятся аресты, арестованные заключаются в тюрьмы, и посещающее тюрьму начальство не может отделаться от впечатления, что перед ним не столько преступники, сколько кем-то обманутые люди; одним словом, чувствуется всегда организация, и широко задуманная. Ошибаются те, которые, назвав эту организацию правительственной, думают, что дело стало вполне ясно, но ошибаются не совсем; обстоятельства нынешней зимы помогут отчасти

разобраться в том тумане, который окутывает эти тёмные дела. В январе 1906 года к одному лицу, занимающему в министерстве внутренних дел второстепенное положение, но известному в качестве противника погромной политики (я говорю не о себе), стали поступать воззвания хорошей, чистой работы из главных центров нашего юга и запада, а также тревожные жалобы с указанием на подготовку погрома в Белостоке, Киеве, Вильне, Николаеве, Александровске и некоторых других городах. Гомельский январский погром доказал, что это имеет под собой полное основание. При этом открылась следующая любопытная картина деятельности погромных дел мастеров. Группа лиц, составляющая как бы боевую дружину одного из наших самых патриотических собраний, в связи и в единении с лицами, близко стоящими к редакции одной не петербургской газеты, задумала борьбу с революцией. И вот, в широковещательных воззваниях население приглашалось к самосуду, к борьбе с врагами отечества своими средствами, причём к солдатам было обращено особое воззвание, чрезвычайно интересное по содержанию. Воззвания эти развозились на места в количестве не сотен экземпляров, а сотен тысяч экземпляров, и на местах вручались лицам, заслуживающим доверия, союзникам, единомышленникам, причём в числе этих лиц было очень много чиновников; те, в свою очередь, раздавали прокламации или воззвания в широких кругах населения с большим толком и по известному плану. И вот получалась оригинальная, в смысле единства власти, картина. Помощник полицеймейстера, так я говорю для примера, знал об этих воззваниях, но не докладывал своему начальнику — полицеймейстеру. Приставу первого стана или первого, положим, участка доверие было оказано, но пристав второго участка этого доверия был лишён. У кого-нибудь из служащих жандармского, и чаще охранного, отделения вдруг появлялись какие-то особые суммы, к нему начинали ходить неизвестные люди, из числа тех, о которых я упоминал ранее. В городе начинали ходить тревожные слухи, жители начинали разъезжаться, губернатор их успокаивал, но сам был не всегда уверен в том, что спокойствие будет сохранено. Из министерства всегда получались телеграммы тревожные, с указанием на то, что готовятся беспорядки, и с приказанием употреблять самые энергичные меры. Меры принимались и распоряжения делались, но не все этим распоряжениям верили. Бывало даже так, я сам являюсь свидетелем этих событий, что чины полиции не верили губернаторским приказам, полагая, что это так делается для виду, для приличия. Они прислушивались к какому-то голосу издалека, которому, очевидно, более верили. Словом, получалась полная суматоха, полный беспорядок, полная дезорганизация и деморализация власти. А в это время в Петербурге, в одном из отдалённых углов департамента полиции, уже работал печатный станок. К нему был приставлен, а не сам стал, офицер жандармского корпуса Комиссаров, с помощниками, в статском платье. И вот они-то именно и печатали те воззвания, о которых я вам ранее говорил. Действия этой организации и работа Комиссарова были обставлены столь таинственно, что, конечно, не только в министерстве, но и в департаменте полиции почти никто не знал о существовании этой типографии. Но этой таинственностью не изменялся успех дела; когда лицо, открывшее эту типографию, обратилось с вопросом к Комиссарову об успехе дела, он ответил: «Погром устроить можно, какой угодно; хотите на 10 человек, а хотите и на 10 тысяч». Это фраза историческая. К сведению господ представителей киевлян я могу сообщить, что 3 февраля был организован погром именно на 10 тысяч, но его удалось предупредить. Председатель совета министров, как говорят, испытал сильнейший припадок нервной астмы, когда узнал о работе этой типографии, и это обстоятельство, вероятно, помешало ему немедленно выяснить эту организацию на месте; так или иначе, но он ограничился тем, что вызвал Комиссарова. Тот ему доложил о своих действиях и, вероятно, о полномочиях, но результат был тот, что через три часа не было ни станка, ни воззваний, ни Комиссарова, ни его

помощников, — осталась одна только пустая комната, и вот почему ни министр внутренних дел, ни кто-либо из нас никогда не узнает тех лиц, которые объединяли действия этой широкой организации, обеспечивали участникам их безнаказанность, магически действовали на умы полицейских и других чинов и, наконец, имели такую власть, что находили возможным исхлопатывать для наиболее отличившихся награды и повышения. Мы не имеем никаких гарантий относительно прекращения деятельности этих преступных полуправительственных организаций и относительно того, что в них не будут принимать участия лица, состоящие на государственной службе и впредь. Главные вдохновители находятся, очевидно, вне сферы воздействия министра внутренних дел, и вот почему я, не направляя свои слова ни против министерства, ни против отдельных министров, могу все-таки утверждать, что категорическое заявление, сделанное или сегодня, вряд ли имеет под собой твердую почву. Я могу утверждать даже больше, а именно, что никакое министерство, будь оно даже взято из состава Государственной думы, не сможет обеспечить порядок и спокойствие, пока какие-то неизвестные нам люди или темные силы, стоящие за недосягаемой оградой, будут иметь возможность грубыми руками хвататься за отдельные части государственного механизма и изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производя какие-то политические вивисекции. (Голоса: Браво, браво). Господа народные представители, мы принесли сюда, со всех концов России, не только жалобы, негодование, но и горячую жажду деятельности, самоотвержение, истинный, чистый патриотизм. Здесь много лиц, живущих доходами от имений, а много ли вы слышали возражений против принудительного отчуждения земли? Здесь много лиц, принадлежащих к привилегированному сословию, занимающих привилегированное положение в обществе, а много ли мы слышали здесь слов, которые раздались бы против идеи всеобщего гражданского равенства и против широких реформ в демократическом народном духе, и не эта ли Государственная дума, которую так легко и охотно называют революционной, с самого начала своей деятельности и до последнего дня бережно старается поднять царскую корону, поставить ее выше наших ежедневных политических дрязг, выше наших ошибок и оградить ее от ответственности за эти ошибки? Какую еще, казалось бы, думу нужно в то время, когда наступила пора неотложных реформ, как не такую, в которой личные интересы и классовая борьба уступили место идее единого народного и государственного блага (взрыв аплодисментов, голоса: браво, браво). И все же мы все чувствуем, как на нас ополчаются всюду те же неведомые темные силы, как они ограждают от нас доверие Верховной власти и лишают возможности Государственную думу работать в том единении с этой властью, которая, по основному закону, утвердившему наш новый строй, является необходимым залогом успеха нашей работы и мирного развития нашей государственной жизни. Здесь, господа, скрывается большая опасность, все ее чувствуют; эта опасность, смею сказать, не исчезнет, пока на дела управления, а следовательно на судьбы страны будут оказывать влияние люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики (*несмолкаемый гром аплодисментов*).

Голоса. Погромщики! (*Председатель звонит*).

Голоса слева: Погромщики…

Набоков (С.-Петербург). Вологодский погром является, на мой взгляд, блестящей иллюстрацией тех общих соображений, которые с такой убедительностью и глубиной были высказаны предшествующими ораторами. Г. министр внутренних дел сказал нам, что войска были вызваны, к сожалению, слишком поздно, а стражники бездействовали, потому что губернатор запретил им стрелять. На самом деле, стражники стреляли; это подтверждается показаниями многочисленных

лиц, из которых один дал показание перед смертью, потому что он был убит пулей стражника. Это же самое говорят показания официальные, показания полицеймейстера г. Вологды. Стражники стреляли в народный дом, стреляли в противоположный дом Бартеньева, которые оба подверглись разгрому. Стражники не стреляли тогда, когда шла речь о защите дома городского головы Клушина, и тут на место стражников выступил отряд милиционеров, по-видимому, очень малочисленный, и стрелял в воздух, не причинив никому никакого вреда, но наведя немедленно панический ужас на громил. Они тут же разбежались, и это показывает, как легко было остановить погром в самом его начале. Из очень подробных показаний того же полицеймейстера явствует, что погром никакой связи с закрытием лавок не имел. Не было даже попыток насильственного закрытия лавок. Погром начался тогда, когда процессия, устроенная 1 мая, пошла от народного дома к тем местам за городом, которые называются в Вологде «лагерем». И в то время эту процессию, в которой было, по показанию одних, не больше 150, а по показанию других — 500, встретила огромная толпа, в 600–800 человек, состоявшая из крестьян и, главным образом, из железнодорожных крючников, вооружённых дубинами и камнями. Из толпы крючников и крестьян полетели камни, — и значит, совершилось прямое нападение, — тогда из толпы манифестантов было сделано несколько выстрелов, одним из которых был ранен один из крестьян, а затем манифестанты разбежались. С этого момента и начинается погром, который уже направлен не на эту манифестацию, разошедшуюся, а на народный дом и окружающие его дома. И вот с этого момента, в сущности говоря, и начинается роль того лица, которое в Вологде имеет символическое значение, какое имеют по отношению ко всей России тёмные силы, на которые намекал представитель Калужской губернии, — это ротмистр Пышкин. По поводу его деятельности есть показания пяти лиц, которые слышали, как в официальном месте, в помещении, где живёт этот ротмистр Пышкин, он по телефону в 6 часов вечера, в то время, когда речь шла о защите дома Клушина, говорил с кем-то на «ты». По показаниям этих пяти лиц, сделанным в одних и тех же терминах, он говорил: «Чёрной сотни не тронь, в революционеров стреляй, патронов не жалей» — это выражение, очевидно, позаимствованное (*аплодисменты, смех*). «Если выйдут, ещё дадим». Когда ротмистр Пышкин, во главе 30 конных стражников с шашками наголо, приближался к тому месту, откуда пошёл разгром народного дома, причём с ним находился полицеймейстер, и когда из толпы крестьян и крючников обратились к ротмистру Пышкину с просьбой: «Позвольте их бить», то ротмистр Пышкин, обращаясь к полицеймейстеру, говорил: «Просите его, это в его власти». Полицеймейстер ничего на это не ответил. Наконец, во время разгрома народного дома Пышкин, как установлено, оставался на площади, ограничивая свою деятельность тем, что велел стражникам стрелять в народный дом и затем в дом Бартеньева. Тушить пожар никто не дозволял, и когда приехала пожарная команда, то была перерезана кишка. Затем предполагалось, что в народном доме в это время был митинг; когда же полицеймейстер, желая удостовериться в этом факте, вошёл в народный дом с тем, чтобы убедить митинг разойтись, то оказалось, что в народном доме были библиотекарша и 6 девочек, пришедших брать книги. И с первого момента, когда начался погром и когда он продолжался, в народном доме никакого митинга не было. Спрашивается теперь, чем объясняется такое неожиданное нападение на народный дом? Оказывается, что накануне предполагалось, что митинг будет в народном доме, а потом утром решили не делать митинга в народном доме и выйти за город. Кто-то начал об этом распространять ещё накануне, а может быть и за несколько дней; в деле есть указания на то, что стражники привозили крестьян из окружных деревень, что крестьяне были напоены водкой; в деле есть ещё несколько подробностей относительно жены местного земского начальника, которая, по показаниям одного из участвующих лиц, в самом начале, утром,

была замечена на мосту, вблизи народного дома, окружённая толпой крючников, которых она приглашала принять участие в погроме, и затем эти крючники впоследствии присоединились к другой толпе крючников и, таким образом, образовали погромную толпу.

Когда приходилось защищать дом Клушиных, то полицеймейстер обратился к толпе и говорил, что если нападение не будет остановлено, то он будет стрелять. На это последовал ответ со стороны стражников: «Мы будем стрелять, если прикажет ротмистр». Совершенно ясно, что губернатор, полицеймейстер, прокурор желали прекратить погром; совершенно верно, что они сами при этом пострадали, что они уговаривали толпу, что они даже вступали чуть ли не в драку. А между тем погром всё-таки произошёл, произошёл тогда, когда, по-видимому, достаточно было одного залпа, данного на воздух, чтобы погром в Вологде прекратился. Является естественный вопрос: как это могло произойти? И ответ на этот вопрос получается, если сопоставить роль ротмистра Пышкина, который является тайным правительством в г. Вологде, наряду с ролью явного правительства — губернатора, полицеймейстера и прокурора. Это иллюстрация всего нашего положения в России. У нас тоже есть тайное правительство — своего рода ротмистр Пышкин, и есть открытое правительство, которое в иных случаях, в лице представителей своих, одушевлено, может быть, горячим желанием положить конец всему этому безобразию. Но вологодский губернатор хорошо понял, что когда рядом с ним существует и продолжает до сих пор свою благонамеренную деятельность ротмистр Пышкин, то ему, вологодскому губернатору, при ротмистре Пышкине делать нечего, и ушёл в отставку. Я думаю, что это пример с точки зрения личного достоинства, государственного достоинства — пример, достойный подражания (*аплодисменты*). Мы должны, конечно, требовать, чтобы ушли те, которые сочли возможным существование с «ротмистром Пышкиным», но вместе с тем мы считаем, что когда они уйдут, то другие могут прийти на их место с одним только категорическим условием, чтобы были навсегда из русской жизни вырваны господа ротмистры Пышкины! (*Бурные аплодисменты*).

Министр внутренних дел. Стреляли в народный дом стражники пешие, а не те, которые были в распоряжении ротмистра Пышкина. Дело о погроме передано следствию, и если судебным следствием будет выяснена вина ротмистра Пышкина, то он, конечно, будет в ответственности. Что же касается вологодского губернатора, тоже как реальной величины, то я должен сказать, что он подал в отставку ранее вологодского погрома. Затем, когда я его спрашивал по телеграфу о нареканиях, которые распространяются на администрацию и полицию, он ответил, что это сплошная ложь — извините за это выражение, но эти слова были в телеграмме. Перейду к Пышкину, как к эмблеме. Кн. Урусов говорит, что если даже министр внутренних дел одушевлён самыми лучшими намерениями, он лишён возможности сделать добро, ему мешают какие-то призраки ротмистра Пышкина в виде эмблемы. Я должен сказать, что по приказанию Государя я, вступив в управление министерством внутренних дел, получил всю полноту власти, и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю. Мне говорят, что у меня нет должного правосознания, что я должен изменить систему, — я должен ответить на это, что это дело не моё. Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твёрдо охранять порядок в России (шум, свистки). Этот шум мне мешает, но меня не смущает и смутить меня не может. Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законов я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы (шум, крики: отставка!).

Набоков. Те сведения, которые я сообщил с этой кафедры, добыты из актов предварительного следствия, и сказать это меня лично уполномочил судебный следователь, и эти показания во всех между собою согласуются (*бурные аплодисменты*).

Рамишвили (с.-д., Кутаисская губ.). Здесь г. министр, который уходит, сейчас сказал: «То, что было тёмного в России, не будет больше» — и этим признал, что это дело рук министерства. Сказал или так проговорился министр, всё равно, он выложил всю душу: простите за прошлое, в будущем не будет ничего подобного (свистки, крики).

Волнение собрания во время этой речи достигло таких размеров, что председатель был вынужден прервать заседание.

Потрясающее впечатление на Думу произвело известие о погроме в Белостоке. Погром ещё продолжался, а Дума уже отправила трёх членов — Араканцева, Щепкина и Якубсона — для расследования дела на месте. Результаты расследования были ужасны. Когда все материалы были собраны и исследованы, то рассматривавшая их комиссия 83 признала, что:

Во-первых, — никакой племенной, религиозной или экономической вражды между христианским и еврейским населением города Белостока не существовало;

Во-вторых, — нескрываемая вражда к евреям существовала только у полиции и внушалась также и войскам на почве обвинения евреев в участии в освободительном движении;

В-третьих, — погром был подготовлен заранее, и об этом задолго было известно как администрации, так и самому населению;

В-четвёртых, — ближайший повод к погрому был также заранее приуготовлен, предсказан властями, и посему он не может быть рассматриваем как вспышка религиозного или национального фанатизма;

В-пятых, — действие войск и гражданских властей во время погрома представляется явным нарушением установленных на сей предмет законов, а равно и правил 7 февраля 1906 года. Это было систематическое расстреливание мирного еврейского населения, не исключая женщин и детей, под видом усмирения революционеров, ибо никаких революционных действий как толпы, так и отдельных лиц, которые дали бы основание для принятия мер к усмирению, — не установлено;

В-шестых, — гражданские и военные власти не только бездействовали, не только содействовали погрому, но во многих случаях, в лице низших агентов, производили его сами в виде убийств, истязаний и грабежей;

В 7-х, — официальные донесения в изложении причин, поводов и хода событий (о стрельбе в войска и христианское население, о революционных нападениях и т. п.) не соответствуют действительности.

В заседании 22 июня Араканцевым был сделан доклад о событиях в Белостоке. Заканчивая этот доклад, он обратился к народным представителям со следующими словами:

В тех материалах, которые я привёз, вы встретите прокламации, взятые мною как образец того, что раздавали войскам. Правительство натравливало войска, вооружало их, заставляло идти отца на сына, сына на отца, брата на брата; оно опозорило наши войска, заставляя истерзывать и истреблять свой народ, искусственно возбуждало, будоражило тёмные инстинкты и прибегло к обману, убеждая армию в том, что все, кто хочет сбросить ненавистное иго правительства, есть враги армии, враги родины. Всё, что можно было сделать для того, чтобы опозорить наше войско, сделано. Доблестных воинов, защитников своей родины, оно заставило служить интересам имущих классов, оно превратило войско в сторожей, полицейских служителей, оно заставило его стоять у ворот фабриканта, беречь его крепкий сон, туго набитые карманы и тысячные его хоромы.

А когда те, кто, голодая и выбиваясь из сил, создавая для других богатство, ютятся по тёмным и сырым углам, протягивают руку за куском хлеба, — это же войско заставляют убивать их.

Господа, ведь это страшная картина: вооружённый солдат и голодный человек, протягивающий руку за хлебом! Этого голодного убивает солдат. Вот какую картину создало это правительство. Оно превращает армию в убийц своих братьев, оно посылает солдат в Прибалтику, в Сибирский край и на Кавказ, и там они расстреливают людей. Что же сделало оно из нашего последнего достояния, дорогого нам войска? Неужели оно не понимает, что армия, оторванная от народа, жить не может, что армия погибнет без этого народа, ибо она есть часть этого самого народа. Куда же оно его ведёт, где же будет этому конец? Я вижу признаки этого конца: армия просыпается. А когда она проснётся и увидит весь тот ужас, который её заставляли делать, когда она узнает, что её обманывали, что её делали слепой, что её вели с завязанными глазами, тогда горе будет этим насильникам и этим развратителям русского народа! (*Аплодисменты*).

Господа, я должен ещё закончить маленьким предложением. Население г. Белостока смотрит на Государственную думу как на якорь своего спасения. Трупы, которые лежали там и которые мы видели, говорили, что за них дума разберётся и виновников найдёт. Почтим же мы вставанием этих невинноубитых людей. (Все члены Государственной думы встают).

Св. Афанасьев (обл. войска Донского). Господа народные представители. Когда, после доклада о белостокской кровавой бойне, я всхожу на эту трибуну, то мне стоит больших сил удержаться от вполне понятного чувства отвращения перед ужасными зверствами. Трудно говорить спокойно о таком событии, одна весть о котором леденит кровь в жилах и разжигает ненависть всего цивилизованного мира к его противникам. Трудно удержаться от порыва гнева тогда, когда все светлые чаяния, все светлые грёзы русского народа о слиянии воедино со всеми национальностями России для общей борьбы за свободу оскорблены, осквернены прикосновением грязных пальцев к этому святому делу. Ведь тот погром, который 1, 2 и 3 июня пережил Белосток, пережила вся наша Россия. Достаточно бросить один беглый взгляд на всё, происходившее за последнее время в России, чтобы вполне убедиться в этом.

Вся Россия была поделена на два лагеря: на лиц, угодных правительству, и лиц неугодных, на правомыслящих и неправомыслящих. И в то время, когда на лиц, угодных правительству, сыпались ордена за варварскую расправу с мирным населением, вся Россия была объявлена на военном положении. Получалось такого рода впечатление, что небольшая группа завоевателей в лице министров явилась в страну, дотоле неведомую, и брала крепость за крепостью: Москву, Тверь, Томск и другие. И когда, господа, подумаешь, сколько в эти дни было совершено воинских доблестных деяний над мирными гражданами, то диву даёшься, как наши адмиралы и генералы

проиграли русско-японскую войну, несмотря на то, что мы терпели, терпели без конца. В неправомыслящих, т. е. во всей России, они видели ту идею, которая шаг за шагом вырывает у них власть из рук, и поэтому всеми силами ополчились против неё. Они расстреливали правых и виноватых, заполняли ими тюрьмы и остроги, с дикой злобой зажигали селения и жилища мирных граждан и, когда, наконец, под давлением этой же идеи, они увидели своё бессилие в борьбе с нею, они с доблестными генералами и адмиралами отступили на следующую позицию. По воле монарха исстрадавшемуся русскому народу дали Государственную думу. И в эти дни, когда, как будто бы загоралась заря новой жизни над Россией, в эти дни, говорю я, хотелось верить во всё святое и светлое, хотелось видеть его и думать о нём. Но, увы.

Как только в лице Государственной думы гг. министры встретили всё ту же ненавистную им идею, как только заметили, что она не умерла в тисках насилия и произвола, а близка к намеченной ею цели, то они тотчас же прибегли опять к известным средствам; чьими-то таинственными и искусными руками были приготовлены прокламации и брошены в войска и в тёмные массы народа. В этих прокламациях говорилось, что Дума — жидовская, что революционеры идут против царя, что нужно избивать крамольников и т. д. И благородный призыв этой тёмной клики людей не остался без ответа. Полиция и войска разгромили и расстреляли Белосток.

В результате белостокского погрома — 82 убитых, 70 раненых, в том числе 12 христиан.

Тяжёлое чувство и грустные думы встают при воспоминании о белостокских жертвах. В те дни, когда работает народное представительство, по моему убеждению, быть бы рассвету братского единения, а в эти дни, как перед грозным извержением вулкана, встают столбы чёрной и смрадной злобы наших представителей власти. И чувствуется, более чем когда-либо, в такие дни, что в душе этих правителей умер Бог, что в душе их мёртв Христос с его всеобъемлющей любовью. И от страшной боли хочется крикнуть им: «Да, слышите ли вы, безумцы, те крики злобы, которые скопляются над вашими головами? Слышите ли вы стоны терзаемых вами? Ведь это дело ваших рук. Или, потеряв стыд и совесть, вы хотите уподобиться Ироду, который купался в еврейской крови? Смотрите! Чаша человеческого терпения переполнилась. Пролитая кровь чёрным столбом поднялась к небу и вопиет о своём отмщении. Страшный судный день ждёт уже вас!» (*Аплодисменты*).

Винавер (г. С.-Петербург). Жестокое и трусливое правительство, не смея преследовать еврейских революционеров, бросается с яростью испуганного зверя на еврейских детей. Скажите, зарегистрирован ли хоть один из числа убитых 78 в Белостоке, как революционер? Имеете ли вы смелость сказать, что вот было столько-то случаев, когда мы боролись с революционерами и столько-то мы их убили, а в других мы ошибались. Ведь вы не указали ни одного случая убийства вами революционера, — вы сами зарегистрировали только 78 невинных смертей.

Когда выдвигается как мишень для всяких нападок одна цель, явно отличаемая по признакам, по костюму, по акценту, по выговору, это гораздо легче, чем сказать: «бейте революционеров», ибо кто их найдёт и как их найти? А вот делать кровопускания среди тех, которых легче всего поставить под нож, и потом сказать: «видите, как революционеры раздражают обывателей», а на ухо прибавить евреям: «выдайте нам ваших революционеров, и мы вас оставим», — это так просто, так благородно и так достойно власти! Когда я сидел в гомельском процессе, ко мне обращались старики-евреи и рассказывали, что, когда они обращались к власти за помощью, им говорили: «Мы сейчас же прекратим погромы, если вы выдадите нам ваших демократов». И теперь вы, власти,

делаете то же самое: путём этой литературы, путём организации штатов полицейских палачей и провокаторов, направляемых на невинное еврейское население, вы думаете добиться того, что евреи выдадут вам анархистов? Напрасно. И не только потому, что они бессильны, что они и сами их не знают. Вы сделали всё для того, чтобы они и сами их не знали. Вы сделали всё для того, чтобы несчастное наше еврейское население находилось в таком положении, при котором нас так легко убивать, — вы нас держали в темноте, в нищете и бесправии, вы сделали нас доступными всяким диким оргиям толпы, которую вы же подстрекаете. И сделав это, вы теперь обращаетесь к нам с предложением: среди вас есть люди, взбунтовавшиеся против нашего притеснения, — выдайте нам их с головою, — мы тогда перестанем вас убивать. Разве вы не понимаете, что, когда людей так терзают, как нас, то можно лишь поражаться тому, что так мало из нас увидело единственное средство в революции? Мы, евреи, являемся народом исключительного долготерпения, мы слишком долго терпели. Мы с ужасом и слезами видим, как цвет нашей молодёжи под влиянием этих ужасов, ринувшись в бой, гибнет от ударов врага. Но поймите же вы, наконец, что есть предел всякому терпению и никто не вправе требовать, чтобы эта молодёжь, которая с колыбели испытывает всю горечь бесправия, которая знает, сколько испытали наши отцы и деды, чтобы эта молодёжь смиренно смотрела на это и подставляла дальше свою спину.

Гоняясь за революцией, вы, наконец, применили ещё новое, самое опасное средство. Тут говорилось раньше, что войска были пущены в ход, но не посмели идти на революционеров; нет, войско смело идти, но ваши трусливые полицейские агенты не смели его туда вести. Когда полиция превращается в преступное орудие правительственной мести и развращается вконец, — это страшно, но мы здесь имеем всё же дело с элементом, который окончательно оторван от общества, и едва ли к нему вернётся. Но войско — это та сила, которая должна вернуться в страну; вы взяли её от общества для того, чтобы превратить в дисциплинарную массу, — в сплочённое целое, направленное ко благу страны, а вы натравливаете его на другие части населения, вносите разложение в него и с этой заразой, которая горше всякой физической заразы, войско возвратится в сёла и деревни. Мы, евреи, глубоко убеждены, что не русский народ нам враждебен, а эта клика (указывает на скамьи министров), которая для своей цели желает восстановить против нас народ. Преступно-слепые, они не замечают, что подтачивают не только нас, но подтачивают здоровое тело огромной массы русского населения, подтачивают весь государственный организм. Вы этим достигнете только того, что превратите всю армию в нечто, с чем не мирится ни одно правительство и общество. И вы решаетесь пустить в государственное тело эту ужасную отраву. Вы решаетесь развращать власть, развращать войско, лишь бы прикрыть ваши истинные замыслы и ваше глубокое бессилие. Для нас это так ясно. Вы подкашиваете себя, направляя стрелы в нас. И я заявляю с этой кафедры, как заявлял не раз: мы не видим для себя иного спасения, как только спасение всей России от той кучки, которая ею владеет. Если та власть, которая считает возможным невидимыми, тайными, скрытыми ходами душить всякую жизнь, если эта власть с особенной злобой и усердием старается направлять свои стрелы против нас, мы от этого своего пути не изменим. Нас очень мало, но у нас есть одна огромная сила — сила отчаяния, и у нас есть один союзник — это исполненный истинной человечности весь русский народ (*бурные аплодисменты, оратору устраивают овацию*).

Макушин (Томская губ.). Рассказывает о погроме в Томске, и из его рассказа с удивительной ясностью вырисовывается, что все погромы устраиваются по одному и тому же плану и что, если погрому мешает организованная самооборона, то против неё выдвигают войска.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Обращение к народу.

33-е заседание

26-го июня

26 июня было внесено за 116 подписями заявление по поводу опубликованного 20 июня «Правительственного сообщения по аграрному вопросу». Оно гласило:

20 июня в «Правительственном Вестнике» опубликовано правительственное сообщение по аграрному вопросу. Ввиду того, что министерству принадлежит лишь исполнительная власть, почему оно может обращаться к населению лишь по поводу и на основании уже обнародованных законов, что, тем более, ему не предоставляется права обращения к населению с критикой предположений законодательной власти и что министерство отнюдь не может претендовать на исключительное единение с Верховной властью после учреждения Государственной думы и отождествлять себя с правительством, — означенное сообщение является актом незаконным. Но этим не исчерпывается вредное влияние означенного документа. Обращаясь к его существу, мы видим, что широкому оглашению преданы основы аграрной реформы, находящиеся в полном и явном противоречии с заявленными Государственной думой предположениями, и что, не ограничившись этим, министерство в заключительной части своего сообщения подвергло провозглашённые думой начала искажению и критике, в официальном документе вообще недопустимым. Так, например, указывается, наряду с передачей крестьянам казённых, на покупку добровольно предлагаемых частновладельческих земель, что может породить сомнение в твердости установленного думою основания принудительности отчуждения таких земель в пользу крестьян; одновременно с трудноисполнимым обещанием передать купленные по дорогой цене земли за дешевую, с принятием за счет государства убытков от такой операции, — ибо общегосударственные средства доставляются, главнейше, все тем же крестьянством, министерство от имени правительства объявляет о сохранении обособленности крестьянского сословия, что явствует из недопущения продажи крестьянами земель своих лицам других сословий, и о повсеместном разрушении общинного строя, что неизбежно внесет путаницу в уже установившиеся понятия народа о необходимости уничтожения сословий и свободы решения о сохранении общинного начала сообразно с волей отдельных селений. Наконец, предположения министерства о том, что прибавление земли крестьянам может их разорить, что уничтожение помещичьих имений грозит крестьянам голодом и вечной нищетой, а равно предостережения его о якобы грядущем отнятии у крестьян их земель и отчуждения всей земли в пользу государства, являясь, с одной стороны, совершенно произвольными, с другой — имеют нескрываемую цель опорочить в глазах населения работу государственной думы по земельному вопросу, работу, основанную на непременной передаче крестьянам казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительно отчуждаемых частновладельческих земель. При таких условиях сообщение министерства, помимо своей незакономерности с формальной стороны, может при современном положении государства повести лишь к обострению земельных отношений.

«Принимая вышеизложенное во внимание и сознавая, что такое действие министерства задерживает и затрудняет работу думы по земельному вопросу, что, в свою очередь, не может не отразиться тяжко на населении империи, мы просим государственную думу запросить председателя совета министров:

1. На каком основании сделано означенное сообщение от имени правительства;

2. Приняты ли меры к тому, чтобы означенное сообщение, как не исходящее от правительства, было немедленно изъято из обращения и опровергнуто в органах печати, его опубликовавших;

3. Сделано ли им распоряжение о том, чтобы подобные акты более не повторялись?»

Кузьмин-Караваев (парт. дем. р., Твер. губ.) находит, что, издав свое сообщение, министерство нарушило свои обязанности не только по отношению к государственной думе, но и по отношению к верховной власти. «Когда я, человек уравновешенный и уже не очень молодой, — заканчивает он свою речь, — прочел это сообщение, то, не скрою, я впал в состояние бешенства, — иначе я не могу назвать того душевного состояния, которое меня в тот момент охватило. В конституционном государстве министерство противополагает Монарха народному представительству, волю Монарха и его заботы противополагает воле и заботам народа в лице его представителей! Ведь это такое дикое непонимание, которое может быть свойственно только людям абсолютно невежественным. Но тут я увидел не одно только непонимание. Тот, кто писал правительственное сообщение, тот очень хорошо понимал, в какую сторону „они“ направляют удары. Они умело и ловко — ведь это правительственное сообщение придет на места, — они перед населением полемизируют с государственной думой и полемизируют от имени Монарха. Это абсолютно недопустимо. Они пишут: пусть Государственная дума говорит, что ей угодно, а решение земельной нужды придёт к вам, но только не от Государственной думы. Это прямой призыв к восстанию. Я иначе этого не могу понять — это возбуждение населения к ниспровержению существующего порядка, потому что после прочтения сообщения невольно возникает среди крестьян вопрос: зачем же Государственная дума существует? Отсюда, естественно, логически будет требоваться ниспровержение её, и это даёт состав ст. 129 угол. улож., так часто применяемой правительством. Я бы предложил передать запрос в комиссию с тем, чтобы Аграрная комиссия выработала проект мотивированного постановления Государственной думы — постановления, формального ли перехода к очередным делам, это всё равно, но чтобы Аграрная комиссия представила Государственной думе проект контрсообщения, которое может быть опубликовано от лица Государственной думы (*аплодисменты*).

Дума единогласно постановляет: запрос для редакции передать в комиссию 33 и поручить Аграрной комиссии представить проект сообщения от Государственной думы.

38-е заседание

4 июля.

Доклад Аграрной комиссии, внесённый в Думу 4 июля, вызывает бурные прения.

Петражицкий просит рассмотрение доклада отложить на два дня, для того чтобы дать депутатам возможность всё обдумать и взвесить.

— У меня, — говорит он, — возникает сомнение по существу: можем ли мы обращаться к народу с сообщением по земельному вопросу? (*Со скамей левой слышатся возгласы: «Можем! Можем!»*). Во всяком случае его следует чрезвычайно осторожно формулировать. Прочитав проект обращения, я вынес впечатление, что положение дела в нём представлено неправильно.

Ему возражает проф. *Кузьмин-Караваев*.

— Проект обращения роздан, завтра будет напечатан в газетах и сделается известным населению. Лучше, чтобы население получило принятую Думой формулу, чем ту, которая только ещё проектируется (*аплодисменты*).

Деп. *Обнинский* прочитывает затем составленный Аграрной комиссией проект обращения к народу. Он гласит:

«Устранение земельной нужды населения было первою заботою Государственной думы. 5 мая в ответ на речь Государя Императора Дума следующими словами указала на тягостное положение крестьянства:

«Наиболее многочисленная часть страны — трудовое крестьянство — с нетерпением ждёт удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путём обращения на этот предмет земель казённых, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и отчуждения земель частновладельческих.

«Но уже 13 мая министры ответили на это выражение воли народных представителей отказом признать необходимость принудительного отчуждения частновладельческих земель. Государственная дума выразила министрам своё недоверие и немедленно приступила сама к выработке нового земельного закона. Особая комиссия, состоящая из ста членов Думы, составляет теперь этот закон. В основу его полагаются следующие начала».

«Для расширения площади землепользования трудового земледельческого населения обращаются пригодные для сельскохозяйственного промысла:

«1) земли казённые, удельные, кабинетские, церковные и монастырские и

«2) в порядке принудительного отчуждения земли учреждений и частновладельческие, за исключением тех, о которых в законе будет оговорено особо».

«Обсуждая затем вопрос о том, какие земли отчуждаться не должны, комиссия предположила, что принудительному отчуждению не подлежат «надельные земли всех наименований», а затем также и мелкие владения.

«В той же комиссии вырабатывается закон об особых местных земельных учреждениях, в которых население через своих выборных примет участие в правильном и справедливом устройстве земельных дел.

«Несмотря, однако, на твёрдо выраженную волю думы, министры опубликовали 20-го июня сообщение, в коем от лица правительства объявляют все те же, прежние предположения свои о земельном законе.

«Ввиду этого государственная дума напоминает, что по манифесту 17 октября 1905 г. никакое предположение правительства не может восприять силу закона без одобрения государственной думы.

«Что же касается до принудительного отчуждения частновладельческих земель, то государственная дума от сего основания нового земельного закона не отступит, отклоняя все предположения, с этим началом не согласованные. Указывая, наконец, что только тщательно обдуманный и правильно составленный закон может дать народу земельное обеспечение, государственная дума надеется, что население будет покойно и мирно ожидать окончания её работы по изданию такого закона».

Председатель С. А. Муромцев считает необходимым обратить внимание на то, что по назначению проектируемый акт можно сопоставить с ответным адресом на тронную речь. Необходимо будет установить точную редакцию, причём каждое слово, каждая запятая будут иметь значение. Поэтому он предлагает разделить прения на три части, т. е. обсуждение, затем постатейное и, наконец, окончательное рассмотрение проекта в целом, и просит ораторов (которых записалось уже около 60) при первом чтении проекта воздержаться от внесения отдельных поправок и частных замечаний.

Деп. Кузьмин-Караваев (п. д. р. Тверск. г.).

— Шаг, который предполагает сделать сейчас гос. дума, несомненно исключительной важности, но представляется ли он столь же крайне рискованным, как говорил депутат Петражицкий? Мне это кажется сомнительным. Мы живём не в мирное время, не при нормальном течении государственной жизни, а в такие минуты нередко приходится делать рискованные шаги, рискованные потому, что исчислить и определить с математической точностью последствия их совершенно невозможно. Шаг, который имеет в виду сделать гос. дума, быть может, и не находит полного оправдания в конституционном государстве, но не в этом дело. Шаг этот, по моему мнению, безусловно необходим. Что бы ни говорили, как бы ни старались перенести ответственность на министерство, на революционные организации, но ответственность за совершающееся сейчас в России, несомненно, лежит на всей думе и на каждом из нас в отдельности.

Я 27 июня получил телеграмму от одного из администраторов, стоящего во главе управления одной из губерний, охваченных ныне аграрным движением. В этой телеграмме автор умоляет государственную думу издать воззвание к населению. Он говорит, что необходимо во что бы то ни стало поддержать веру в плодотворность работы государственной думы. Потом я получил сведения, что относительно автора этой телеграммы выражались сомнения о его полном душевном равновесии, поэтому именно я вам полного текста и не привожу. По моему убеждению, нынешние аграрные волнения являются результатом целого ряда факторов, среди которых не последнее место занимает и правительственное сообщение от 20 июля. Те, которые это отрицают, забывают, что, когда население не верит уже правительству, такое сообщение производит впечатление не прямое, а обратное.

Успокоение должна внести дума своим авторитетным словом. Не забывайте, господа, что на нас лежит ответственность за все совершающееся и что этой ответственности мы ни на кого переложить не можем. (*Аплодисменты*).

Один за другим высказываются затем — в первый раз за все время деятельности думы — целый ряд консервативных ораторов.

Проф. Петражицкий (к.-д., Петербург). Я представляю себе такое обращение как акт великой важности, как обращение с новым и великим словом для достижения великого эффекта, великой цели. И вот, с этой точки зрения меня прежде всего поражает крайнее несоответствие между характером задуманного акта — обращение думы к народу, ко всем народам, населяющим империю, — и тем, что в этом сообщении говорится.

В этом сообщении не имеется ничего существенно нового по сравнению с тем, что дума в торжественной форме выразила в ответ на тронную речь. Сообщение будет представлять нечто весьма скромное и неновое. Работы аграрной комиссии еще так мало подвинулись, что хвалиться особенно нечем.

Здесь говорилось об авторитете думы. Именно то, главным образом, меня и волнует, что мы подвергаем умалению авторитет думы и ее актов путем шумного по форме и мелкого по содержанию обращения к народу. В существе дела проект возник как реакция на бестактное, неправомерное и неумное министерское сообщение. Но спешить следовать этому совсем недостойному подражания примеру не стоит. Министерский акт не заслуживает совсем той великой чести, которую мы бы оказали ему ответом в такой форме, в форме апелляции к народу. Ставя думу рядом с министерством и заставляя ее состязаться с ним путем таких крупных и чрезвычайных актов, мы умаляем достоинство думы. Во имя авторитета и достоинства думы я усердно прошу отказаться от обращения к народу и предпочесть средства сообщения, не роняющие авторитета думы. (*Аплодисменты*).

Котляревский (к.-д., Сарат. губ.). Прежде всего я хотел бы ввести наше теперешнее обсуждение в рамки того вопроса, который нас занимает. Я думаю, что, предпринимая этот шаг, мы ни на какой новый путь не вступаем. Ничего революционного в нашем акте нет уже потому, что всякий революционный призыв есть призыв к действиям, а здесь этого нет. Если бы мы когда-нибудь вступили на новый путь, то, конечно, не министерское сообщение могло бы побудить нас к этому шагу. Но уничтожить теперь всю тактику, которую мы проводили через столько трудностей, единственно оттого, что вышло такое правительственное сообщение, было бы по меньшей мере политическим легкомыслием. Мы должны не обращаться к населению в смысле призыва к действиям, чего в данном акте я не вижу, а просто рассеять тот туман, который стал между нами и населением. Это сообщение имеет лишь целью известить население о том, что происходит широкое осведомление народа. Раз это так, то, в сущности говоря, форма не играет особенной роли. (*Аплодисменты в центре*).

Дума принимает переход к обсуждению проекта по частям.

39-е заседание

6 июля

Слово предоставляется деп. *И. Петрункевичу*, и он даёт своей речью совершенно новое направление вопросу.

— Сегодня, — говорит он, — мы переходим к обсуждению вопроса, поставленного на очередь, по отдельным статьям, так что, по-видимому, в суждении общего характера значение этого постановления устраняется. Тем не менее я полагаю, господа, что самый текст обращения во всяком случае должен быть согласован с той задачей, которая поставлена думе. Во вчерашнем заседании вопрос, который подлежит нашему обсуждению, был рассмотрен с разных точек зрения и получил волей-неволей, сознательно или бессознательно, не то направление, которое, по-видимому, первоначально ему придавалось, когда г. Кузьмин-Караваев внёс своё предложение. Оно имело в тот момент характер исключительно возражения думы на то правительственное сообщение, которое было сделано 20 июня. Но вчера эта задача получила совершенно новое освещение и новое направление. Теперь мы имеем дело уже с обращением думы к населению по поводу аграрного вопроса, в котором население призывается стать судьёй между думой и правительством. Такая постановка вопроса делает, конечно, задачу эту гораздо более трудной, гораздо более щекотливой, гораздо более ответственной. Уже сегодня во всех газетах правого крыла, во всех официозах появился целый ряд заявлений, в которых дума обвиняется в том, что она вступила на революционный путь. Само собою разумеется, что такого рода постановка вопроса чрезвычайно выгодна как для министерства, так и для тех органов, которые органически ведут борьбу с думой и защищают старый режим. Мне кажется, было бы в высшей степени важно, если бы дума своим постановлением ясно и определённо показала, что в её задачу вовсе не входит в настоящий момент ни захват исполнительной власти, ни вообще революционизирование страны. Дума всегда до сих пор стремилась, напротив, к разрешению той смуты, которая создана в стране, к разрешению исключительно мирными путями. В этом была её задача и её заслуга. Тем более важно, что она встретила на своём пути противодействие правительства, которое шло в этом случае наперерез думе, и вместо того, чтобы принимать меры, которые могли бы успокоить страну, принимало целый ряд мер, вносивших волнения и смуту. По вопросу аграрному прежде, чем правительство выступило со своим сообщением, начали полемику с думой местные администраторы. Они утверждали категорически, что дума не только ведёт население к разорению, но и возбуждает одну часть населения против другой. Совершенно то же самое сделало правительство в своём сообщении 20 июня. Вместо того, чтобы предоставить думе правильно и спокойно разрабатывать этот вопрос, вместо того, чтобы в своё время явиться посредствующим органом в разрешении всякого законодательного вопроса, правительство само обратилось к населению с воззванием, само пригласило это население стать посредником между думой и ним. Если правительственный орган, если исполнительная власть считает недопустимым такой шаг, то я не вижу, почему этот же самый шаг недопустим в думе. Я отрицаю за правительством, за министерством, право на такого рода шаги, отрицаю его и за думой, но, раз правительство вступило на этот путь, думе ничего не остаётся, как разъяснить населению, что правительство вводит население в заблуждение. Вот задача, которая перед нами стоит в настоящее время. Говорят: если мы вступим на этот путь и начнём обращаться к населению, мы внесём смуту в него. Указывают на то, что до сих пор правительство всеми мерами защищало страну от грабежей и всякого рода пожаров. На самом деле всякому известно, что это только воображение правительства, в действительности же каждый день приносит все новые и новые ужасы. Если прежде пожары и погромы были явлением спорадическим, то теперь это явление эпидемическое во всей стране. И в такой тревожный момент, когда только в думе народ видит возможность найти защиту в экономическом положении, в это самое время правительство находит удобным заявить населению, что дума принимает такие решения, которые заранее оно, правительство, не принимает и не допускает. Заявление это со

стороны правительства в высшей степени революционно. Правительство не имеет права заранее заявлять, что оно не согласно с законодательным учреждением, которое призвано для законодательной работы. Если правительство выступает на путь революционный, думе остаётся защищаться против такого положения. Если дума заранее обречена на бездействие, то, само собою разумеется, она — учреждение пустое. Между тем население ждёт от неё разрешения аграрного вопроса. Мне казалось бы, что вся задача заключается в том, чтобы сказать этому населению, что, когда дума рассмотрит и разрешит этот вопрос, тогда наступит удовлетворение всех заветных желаний крестьян, которые в настоящий момент являются источником смут. Правительство не может знать ещё, какого рода решение примет дума, но основы этого решения дума объявила торжественно и подтвердила их, установив принцип принудительного отчуждения. Если правительство не согласно, то ещё будет время, когда оно сможет сказать это, но заранее дискредитировать думу — значит разжигать страсти и революционизировать массы. Поэтому мне кажется, что в настоящий момент наши задачи заключаются в том, чтобы обратиться с такого рода заявлением, которое показало бы, что правительство не имело права выступать на этот путь и что Государственная дума твёрдо стоит на тех принципах, которые она уже провозгласила в своём ответном адресе. Мы предполагаем, что тот текст, который представлен Аграрной комиссией как проект нашего ответа на правительственное сообщение, не вполне соответствует целям думы. Этот текст касается не столько решения думы, сколько решения комиссии: он указывает на положение дела в комиссии, но не в думе. Вот это обстоятельство заставляет нас предложить несколько другой текст. Господин председатель предложил представлять его по частям, но так как наших изменений слишком много, то мы вносим его целиком. Единство изложения от этого только выиграет.

Петрункевич прочитывает свой проект. Он гласит:

«20 июня министерство опубликовало правительственное сообщение, в котором объявляет свои предположения о земельном законе.

Это сообщение подрывает в населении веру в правильное разрешение земельного вопроса законодательным путём.

Государственная дума стремилась и стремится к мирному установлению нового порядка в стране и надеется, что разъяснение искреннего положения вопроса о земельном законе даст возможность населению спокойно и мирно ждать окончания работы по изданию земельного закона».

Поэтому гос. дума считает необходимым прежде всего напомнить, что по манифесту 17 октября 1905 года никакое предположение правительства не может восприять силу закона без одобрения гос. думой.

Еще 5 мая в ответе на речь Государя Императора дума следующими словами высказалась о земельном вопросе:

«Наиболее многочисленная часть страны — трудовое крестьянство с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская госуд. дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих.»

Но уже 13 мая министры ответили на это выражение воли народных представителей отказом признать необходимость принудительного отчуждения частновладельческих земель. Госуд. дума выразила министрам свое недоверие и немедленно приступила сама к выработке нового земельного закона. Особая комиссия, состоящая из ста членов думы, составляет теперь этот закон.

«В основу его положены основания, указанные гос. думою в ответе Государю Императору, причем под принудительным отчуждением разумеется наделение трудящегося крестьянства, на основании закона, землей, отчуждаемой государством по справедливой оценке.

«Обсуждая вопрос о том, какие земли отчуждаться не должны, комиссия предположила, что принудительному отчуждению не подлежат „надельные земли всех наименований“, а затем также и мелкие владения.

«В той же комиссии вырабатывается закон об особых местных земельных учреждениях, в которых население через своих выборных примет участие в правильном и справедливом устройстве земельных дел.

«От сих оснований нового земельного закона гос. дума не отступит, и все предположения, с ними не согласованные, ею будут отклоняться.»

— Вот проект того сообщения от государственной думы, — заканчивает деп. Петрункевич, — который я имею честь внести от партии народной свободы. Затем я полагаю, что такое сообщение должно быть направлено к министру внутренних дел с требованием напечатать его в „Правительственном Вестнике“. Вот то предложение, которое я имею честь внести в отмену того доклада, который был сделан от имени аграрной комиссии. (*Бурные аплодисменты в центре*).

Председатель констатирует, что аграрная комиссия от своего проекта не отказывается и другого проекта не предлагает. Поэтому внесенный ею проект должен быть положен в основу обсуждения. Каждый из членов думы имеет право вносить поправки, которые будут голосоваться раньше основного текста. Поэтому он просит сообщить сейчас же, будут ли внесены поправки к основному тексту комиссии.

Многочисленные голоса слева и в центре отвечают: «Да, да!»

Председатель отвечает, что в таком случае прежде всего будет голосоваться поправка деп. Петрункевича, так как она изменяет весь текст доклада и является, следовательно, наиболее радикальной.

Петрункевич отвечает на это, что текст своего проекта он прочел целиком исключительно по соображениям практического удобства, но может разбить его также на три поправки. (*Аплодисменты в центре*).

Председатель ставит на баллотировку вопрос о заглавии. Принимается заголовок из трёх слов: *От государственной думы*. Затем он прочитывает пункт первый в первоначальной редакции и в редакции Петрункевича.

Слово предоставляется деп. *Жилкину*.

— Эта поправка, — говорит он, — в сущности ломает всю конструкцию проекта обращения земельной комиссии. Эта поправка — только часть общего предложения депутата Петрункевича. В

ней сведены в одно общее предложение и первая часть, и последняя часть обращения, а затем переставлено это вперёд. Таким образом, я прежде всего останавливаюсь перед вопросом, правильно ли нам приступить к обсуждению этой поправки в то время, когда она относится больше к концу проекта. Но если всё же желательно включить эту поправку в начало нашего проекта обращения, то я предложу поправку, которая нами, трудовой группой, предполагалась для конца. Эту самую поправку я прочитаю и попробую защитить предложение внести её в конец, а не в начало. Поправка, предложенная депутатом Петрункевичем, заключает в себе те самые положения, которые уже вызвали очень большие и серьёзные возражения от всех депутатов, сидящих слева.

Я спрошу: имеем ли мы какое-нибудь право обращаться к населению и уверять, что всё в России так обстоит благополучно и что наша работа, как законодательного учреждения, находится в таких благоприятных условиях, что мы сможем на тех основаниях, которые были указаны в ответном адресе на тронную речь, разработать земельный закон и потом его издать? И на этом основании мы призываем население спокойно ожидать. Такого обращения государственная дума делать ни в коем случае не может (крики слева: да, верно) по очень многим глубоким и серьёзным причинам. Первая причина — это та, что по своему составу государственная дума, к крайнему сожалению, не представляет собою народных избранников в полном смысле этого слова. Мы знаем, что благодаря уродливым избирательным законам население не могло представить тех кандидатов, которых оно желало, в особенности же крестьяне и рабочие. Часть населения бойкотировала выборы, потому что не видела возможности провести своих представителей. Та же часть, которая принимала участие в выборах, не могла проводить своих намеченных кандидатов.

Во-вторых, чрезвычайно важно, что сама государственная дума с самых первых дней её заседаний заявила, что никакой правильной, нормальной работы не может быть, пока существует безответственное министерство и государственный совет, на половину составленный из представителей бюрократии и на половину из выборных. Все мы мирные люди, гос. дума — мирное законодательное учреждение. Мы пришли сюда для мирной работы. Но не наша вина, если создались такие условия в русской жизни. Доказательством невозможности мирной работы является и этот проект обращения к народу. Все самые мирные депутаты из партии народной свободы говорят, что если бы у нас была действительная конституция, если бы правительство не нарушало наших прав, нам не было бы нужды обращаться к народу, и что это обращение с конституционной точки зрения неправильно. Совершенно верно. И всё же мы выступаем на этот решительный путь, на который нас вынуждают идти. Здесь указывалось, что само правительство выступило на путь революционный, издав своё сообщение. Но я скажу, что это правительственное сообщение только маленький шаг на революционном пути. Правительство уже давно выступило на путь революционный, — десятки лет тому назад, когда оно твердо устанавливало систему подавления народа, когда твердо насаждало самовластие, подавляя всякое освободительное движение, не допуская свободы слова, собраний, покровительствуя эксплуататорам и подавляя эксплуатируемых, подавляя все русское население, крестьянство, рабочих, интеллигенцию. Теперь, если мы видим, что правительство хочет твердо отстаивать свои позиции самовластия и если в то же время нам ясно и несомненно, что народ прозрел и не может более жить в рамках старой жизни, — раз мы все это видим, то нам нечего призывать народ к миру и спокойствию. Раз этих иллюзий нет, то нам ничего не остается, как обратиться к народу и сказать: «Мы не забыли, что мы народные представители, и обращаемся прежде всего к народу: смотри,

народ, дело всенародного освобождения в опасности; смотри — мы уже теряем последнюю веру, последние силы, и не можем мы младенчески искать благородства там, где его не было, где строят планы о военной диктатуре, от тех, кто всяческими жестокостями старается отстоять свою власть. Надо призывать народ к организованной борьбе, не к той борьбе, на какую вызывает его преступное правительство, а к борьбе сознательной, широко организованной. Люди, выходящие из центра Государственной думы, говорят, что революцию разжигают все мероприятия правительства. Совершенно верно. Но я добавляю: не только мероприятия правительства, но и все необычайно жестокие условия русской жизни разжигают революционное движение. Это движение есть и будет, и нам не остановить стихийного размаха революции. Нам необходимо лишь указать, чтобы народ не выступал на путь пугачевщины, чтобы он не поддавался провокации агентов правительственной власти.

Мы же должны сказать: раз революция неизбежна, раз борьба неизбежна, раз старая власть не уступает своих позиций, раз мы высланы передовым отрядом и народ выдвинул нас на первый план, — то мы должны указать народу на организованную борьбу. Зачем так пугаться слова «борьба»? Многие продолжают считать, что революция — это есть вооруженное восстание, бунтовщическое движение. Позвольте еще раз сказать, что вооруженное восстание есть крайняя мера, к которой всякая революция прибегает. Революция у нас была и есть.

Пусть не разрастается народное восстание, пусть на этот путь народ вступит тогда, когда увидит сам, что других средств нет. Но организоваться народу для борьбы в широком всенародном смысле для достижения успокоения в стране — необходимо. Поэтому вместо двусмысленного и опасного призыва к спокойствию и миру я предлагаю от имени трудовой группы поправку в таком смысле: «Государственная дума выражает уверенность, что население с прежним доверием будет относиться к её работам и обеспечит ей своей мощной, организованной поддержкой полную возможность провести начинания Государственной думы в жизнь».

Котляревский (к.-д., Сарат. г.). Мне кажется, что главная цель нашего обращения заключается не столько в полемике с министерством, не столько в том, чтобы дать ему урок конституционного права, сколько, прежде всего, в том, чтобы предотвратить те роковые и грозные последствия, которые могут возникнуть из-за распространения правительственного сообщения. Наша ближайшая и непосредственная цель — это умиротворение. В настоящее время есть два пути для России: путь через то несовершенное народное представительство, которое мы имеем теперь, и затем целый ряд других путей. Эти другие пути мы отвергали, когда приближались к Государственной думе. Сейчас мы должны твердо оставаться на том, что мы теперь имеем. То настроение, которое мы принесли из страны, не выражается какой-либо определенной программой. Об этих программах можно много спорить. Настроение это выражается в одном глубоком и сильном чувстве, которым я и объясняю наш успех на выборах. Несмотря на все препятствия, которые создавались бюрократией при выборах, это настроение оставалось; оно и вера в нарождающееся народное представительство, уверенность, что в рамках закономерных действий свободных учреждений можно найти удовлетворение самым жгучим, самым накипевшим национальным требованиям. И я думаю, что не путем борьбы, а лишь этим путем народ выйдет на свой истинный путь. Потеря веры в идею самого народного представительства и торжество захватного права — будет несчастьем не только в смысле материальном и культурном для страны, но и страшной нравственной катастрофой. И вот, поддержать эту веру в народное представительство, веру в мощь того пути, на который мы стали, — мы должны во что бы то ни

стало. И во имя этого мы имеем право призывать народ к действительному спокойствию. (*Аплодисменты* центра).

Председатель приступает после прений к баллотировке. Поправка Жилкина отвергается. Поправка Петрункевича, первые ее 4 абзаца — принимается 197 голосами. Против нее встают трудовая, с.-д. и из к.-д. Сафонов.

Принимается 2-я часть поправки Петрункевича, излагающая слова по аграрному вопросу из адреса думы в ответ на тронную речь.

По поводу 3-й части поправки длинную речь произносит Стахович (окт., Орел). Он убеждает думу исключить слова, направленные против министров. По его мнению, «министерство и дума одинаково служат стране» и «для хозяев и страны» гораздо важнее дело, которое задано слугам, чем их взаимные счеты. Произнося эти странные слова, оратор, однако, оговаривается, что почин неправильных действий принадлежит министерству, которое произвольно назвало свое сообщение правительственным. Если бы приписать министерству большую политическую ловкость и коварство, чем оно имеет, то в его сообщении можно видеть западню для думы. Но не надо в нее идти. Министерство заслуженно получает укоризны за свой антиконституционный акт. Во всяком случае с такими приемами оно неспособно к управлению страной. Обращение его — революционный акт. Не надо делать того же. Стахович не знает, какая-такая хорошая революция. Она всегда насилие и разрушение. И никогда еще население путем революции не приобретало и одной десятины. Воззвание думы может сыграть роль бомбы, и, решаясь на него, дума теряет право упрекать министерство. Рисуя картины совершающегося в стране, оратор пугает в заключение возможным разгоном думы после ее обращения.

Председатель поправляет: «не разгон, а роспуск».

Во время речи Стаховича вся левая покидает зал. Ему горячо возражает *Петрункевич*. При словах об иностранном вмешательстве в зале чувствуется подъем. Оратор говорит:

— Прежде всего я полагаю, что было бы в высшей степени ошибочно со стороны Государственной думы справляться о том, распустят нас или не распустят, и в зависимости от этого сообщения решать вопрос о нашем сообщении. Если мы станем не эту шаткую почву, то мы никогда не придем к сколько-нибудь верному и правильному решению. Полагают, что мы не должны входить в препирательства с министерством, а позвольте вас спросить (обращаясь к Стаховичу), разве весь этот документ, которым мы заняты в настоящую минуту, не есть плод деятельности думы, не есть плод нападения, которое было сделано на думу министерством? Мы вынуждены с самим министерством говорить о нем, иначе весь смысл документа утрачивает свое значение. Мы особенно должны отметить этот факт. В настоящее время, когда нам приходится слышать о таком позоре, о котором мы слышно слышать только в Турции; когда у нас сговариваются за спиной, чтобы занять Россию немецкими войсками… (*Аплодисменты*, заглушающие конец фразы). Такой позор представляет для нас величайшую опасность. (*Голоса*: верно, — *аплодисменты*). И если министерство может сносить такой позор, то дума должна выразить самый решительный свой протест. И мы снова должны указать, какая громадная опасность для страны в том, что такое министерство остается у власти. Оно может, действительно, привести к тому, что иностранные войска займут нашу страну. И в такую минуту нельзя оставаться корректным. (*Бурные и продолжительные аплодисменты всей залы*).

Стахович взволнованно отвечает, что он не основывался на возможности разгона, когда говорил свою речь, но не следует создавать конфликта. Нельзя вводить элемент, по существу чуждый законодательному учреждению. Нельзя обращаться к референдуму.

Муханов отрицает за обращением значение референдума и поддерживает целиком внесенную поправку.

Кузьмин-Караваев вносит частичную поправку о вставке — вместо слова «отчуждение» — «закон об отчуждении». С такою заменой ставится на баллотировку и принимается третья часть (7-й абзац) поправки Петрункевича.

В 4-й части (8-й абзац) *Петрункевич* предлагает исключить последние слова «*по справедливой оценке*» ввиду того, что все сообщение должно основываться лишь на том, что уже принято. «Поэтому, и только поэтому» он возбуждает вопрос об исключении упомянутых слов.

Возвратившаяся в зал фракция с.-д. объявляет свою резолюцию, доложенную думе *Ишерским*. Она гласит:

«Мы, члены фракции Р. С. Д. Рабочей партии, заявляем: ввиду того, что большинство думы приняло такой текст обращения аграрной комиссии, который сводится к укору народа и призыву его к спокойствию, а не к обличению тех правительственных насильников, которые сделали думу бессильной и не оставляют народу другого пути, как путь насильственной борьбы за свободу и землю, мы видим себя вынужденными отказаться от дальнейшего участия в обсуждении проекта обращения и при окончательном голосовании будем голосовать против него, оставляя за собой право самостоятельного обращения, чтобы выяснить народу истинное положение дела».

Подсчитывается число воздержавшихся от голосования проекта по частям: оказывается 66 чел.

Поправка Петрункевича об исключении слов «по справедливой оценке» принимается 115 голосами против 72, в том числе против встают: Набоков, фон-Рутцен, Сыртланов, еще человек 10 к.-д., Н. Львов, Кузьмин-Караваев и др.

С таким изменением баллотируется вся 4-я часть поправки и принимается 115 голосами против 74.

5-я часть принимается огромным большинством со включением слов «прежде всего не подлежат».

Затем по 6-й части (предпоследний абзац) возникают длинные прения между представителями польского кола и центром.

Гралевский (народовец, Варш. губ.), поддержанный бароном *Роопом*, вносит поправку в том смысле, чтобы на местах было предоставлено устраивать земельные отношения согласно местным особенностям и воле народа. Они мотивируют эту поправку требованиями польского края. Гралевский, между прочим, отмечает, что ни правительственное сообщение, ни обращение думы для Царства Польского того значения, как в других местах России, не имеют. Возражают *Петрункевич, Муханов, Обнинский, Кузьмин-Караваев и Кокошкин*. Они не находят возможным принять предложенную поправку ввиду её неопределённости и общего значения, которое

распространяется на все места России. Создавать же право каждой местности, уезду, волости принимать свой закон — невозможно.

Предложенная польским колом поправка отвергается 142 голосами из 212.

К заключительным словам поправки Петрункевича предлагается две частичные поправки, которые отвергаются без прений. Затем последние строки поправки принимаются огромным большинством.

Справа предлагается поправка в виде добавления, выражающая осуждение всякого насилия. Прений по ней не возникает, и она отвергается всеми голосующими против 45 вставших за неё.

Проект обращения к народу принимается во втором чтении и вслед за тем сдаётся в редакционную комиссию, и в 12 час. 13 мин. объявляется перерыв заседания для того, чтобы комиссия могла немедленно рассмотреть проект.

Заседание возобновляется в 1 ч. 30 м. Несмотря на поздний час, все ложи полны.

Товарищ секретаря проф. *Шершеневич* прочитывает текст обращения к народу. Оно гласит в окончательной форме:

От Государственной думы.

«20 июня министерство опубликовало правительственное сообщение, в котором оно объявляет свои предположения о земельном законе.

Это сообщение подрывает в населении веру в правильное разрешение земельного вопроса законодательным путём.

Государственная дума стремилась и стремится к мирному установлению нового порядка в стране. Дума надеется, что и разъяснение истинного положения, в котором находится вопрос о земельном законе, даст возможность населению спокойно и мирно ждать окончания работы по изданию земельного закона.

Прежде всего Государственная дума считает необходимым указать, что, согласно манифесту 17 октября 1905 года, никакое предположение правительства не может воспринять силу закона без одобрения Государственной думы.

Ещё 5 мая в ответ на тронную речь Государя Императора дума следующими словами высказалась о земельном вопросе:

“Наиболее многочисленная часть населения страны — трудовое крестьянство — с нетерпением ждёт удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путём обращения на этот предмет земель казённых, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих.”

На это выражение воли представителей народа совет министров 13 мая ответил заявлением, что принудительное отчуждение частновладельческих земель безусловно недопустимо. Тогда Государственная дума выразила министерству свое недоверие и немедленно приступила сама к

составлению нового земельного закона. Особая комиссия, образованная думой из представителей всех местностей России, разрабатывает теперь этот закон.

В основание нового земельного устройства полагаются начала, указанные Государственной думой в ответном адресе Государю Императору. Принудительное отчуждение, которое должно совершиться на основании особого о том закона, имеет целью наделение отчужденною землею трудящегося крестьянства.

По вопросу о том, какие земли не подлежат принудительному отчуждению, комиссия предположила, что, во всяком случае, не должны быть отчуждаемы „надельные земли всех наименований“, а также и мелкие владения.

В той же комиссии вырабатывается закон об особых местных земельных учреждениях, в которых население через своих выборных примет участие в правильном и справедливом устройстве земельных дел.

От предположенных Государственною думою оснований нового земельного закона Государственная дума не отступит, и никакие предположения, с ними несогласованные, не могут быть ею одобрены».

Деп. *Бондарев* (Сарат. г.) от имени трудовой группы заявляет:

— Принимая во внимание основные воззрения трудовой группы, что защита прав и интересов народа в настоящий тяжелый исторический момент борьбы за землю и волю возможна лишь при условии сохранения самой живой связи между народом и нами — избранниками его, что Государственная дума сильна лишь могучей поддержкой трудового народа, что призыв населения к спокойному и мирному ожиданию окончания работ думы по земельному вопросу не может быть взят думой на себя при все еще продолжающемся безнаказанном произволе и насилии со стороны властей, что, напротив того, дума должна в настоящий момент решительного враждебного выступления правительства против думы сосредоточить вокруг себя сочувствие населения и с особенной настойчивостью именно теперь подчеркнуть свою надежду на местную поддержку организованных сил, — парламентская трудовая группа воздерживается от голосования по настоящему обращению к населению от Государственной думы, в основу которого положено начало, нами не разделяемое.

Ксендз Гралевский заявляет, что польское коло, после того как единственная внесенная им поправка отвергнута, тоже намерено воздержаться от подачи голоса.

Председатель ставит вопрос на баллотировку. Результаты оказываются следующие.

На лицо 278 депутатов, из них участвуют в голосовании 177, тогда как 101 воздерживаются.

За обращение подают голос 124 человека против 53. Оно принято.

Против обращения голосуют с.-демократы и крайняя правая.

Затем деп. Петрункевич вносит предложение:

1. распубликовать обращение, 2) препроводить его министру внутренних дел для опубликования в «Правительственном Вестнике».

Баллотировка обнаруживает, что вследствие воздержаний число принявших в ней участие депутатов недостаточно для принятия решения.

Деп. *Обнинский* предлагает опубликовать обращение также в переводе на другие языки, на которых говорят в России.

Результат баллотировки такой же.

Деп. *Петрункевич* указывает на то, что получается явление совершенно недопустимое. Законное число депутатов имеется, а никакого решения принять нельзя.

Деп. *Галецкий и Френкель* присоединяются к этому мнению.

Председатель отмечает, что тут затрагивается важный принципиальный вопрос, и указывает на то, что во французском парламенте воздерживающиеся причисляются к подавшим голос за данный законопроект. Вопрос будет поставлен на обсуждение.

В 2 ч. 10 м. ночи заседание закрывается.